

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: КЛЮЧ К ДИАЛОГУ

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 1

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: КЛЮЧ К ДИАЛОГУ

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 1

**КАЗАНЬ
2024**

УДК 81
ББК 81
С56

Под общей редакцией
И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой

С56 **Современная лингвистика: ключ к диалогу:** труды и материалы IV Казанского международного лингвистического саммита (Казань, 13–15 декабря 2023 г.): в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – Т. 1. – 496 с.

ISBN 978-5-00130-831-7 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-830-0

В первый том трудов и материалов IV Казанского международного лингвистического саммита «Современная лингвистика: ключ к диалогу» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на сессиях «Традиционная лингвистика и ее цифровая трансформация», «Клиническая и нейролингвистика, психолингвистика», «Палеорусистика и цифровая гуманитаристика», «Когнитивная лингвистика».

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00130-831-7 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-830-0

© Издательство Казанского университета, 2024

ТРАДИЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Бибик Елена Александровна
Коноплева Наталья Вячеславовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81.33

Возможности перевода паремий, содержащих прилагательные с национально-культурным компонентом русского и английского языков

*паремия, эквивалент, национально-культурные особенности,
фразеологические единицы, прилагательные*

Формообразующий фон любого языка – это особая область, в которой происходит изучение исторически складывающегося характера представителей той или иной нации. Несмотря на то, что паремия является неотъемлемой частью каждой культуры, до сих пор нет научного консенсуса относительно определения данного языкового явления. Паремиологический фонд языка, состоящий из фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых выражений, загадок, афоризмов, несомненно, обладает большим лингвистическим и культурным потенциалом. В современном языкознании паремию в широком понимании значения этого слова можно назвать одним из основных способов передачи лингвистических образов мира. Этим объясняется непрекращающийся интерес к языковым проблемам отечественных и зарубежных исследователей (В.Н. Телия, А.В. Кунин, Е.М. Верещагин, В.А. Маслова, В.Г. Костомаров, И.А. Стернин, З.Д. Попова, W. Mieder, A. Taylor, A. Valdman, A. Wierzbicka, Iona Opie и Peter Opie).

Согласно В.А. Масловой, вся многогранность, сложность эволюционного развития культуры народа находит свое выражение во фразеологической семантике паремиологической единицы, которая «фиксирует и передает от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2001: 32].

Виноградов указывает на сохранение образно-структурной мотивировки фразеологизмов, отражающих как материальные, так и духовные объекты, обладающие национальной спецификой, а также раскрывает понятия национального духа и национальной личности как универсалии, состоящие из психологических оценок, пристрастий, моральных и нравственных характеристик [Иванова 2006: 89].

В зарубежной литературе, как правило, используется термин *proverb* 'пословица' и *saying* 'поговорка', тогда как в российской научной среде термин *паремия* представлен разнообразными видами устных народных выражений, такими как пословицы, поговорки, памятные формулы, афоризмы и т. д., при исследовании которых оперируют научным аппаратом фразеологии [Постовалова 1999: 36].

Перевод паремий – сложная задача, требующая от специалиста не только владения языком страны-источника и страны-приемника, их культурой специфики, но и навыка «ухватить» и точно выразить эмоциональный колорит и национальные особенности данной единицы. Паремии, содержащие прилагательные, особенно ярко передают культурные коннотации, ценности и представления о мире той или иной нации. Таким образом, важно учитывать культурный контекст при переводе паремиологических единиц. Спецификой перевода паремий часто является отсутствие в другом языке эквивалента, что требует творческого подхода к переводу. Например, русская поговорка «Толковый сын – правый глаз отца» не может быть переведена на английский язык дословно. Прилагательное ‘толковый’ можно заменить на: ‘правильный’, ‘хороший’. Также недостаточно перевести только прилагательное ‘правый’ из второй части выражения. Переводчику необходимо проанализировать словосочетание ‘правый глаз’, опять же, в контексте всей паремии, и прийти к умозаключению, что оно значит ‘помощник’ [Английские]. Часто возникают трудности при передаче культурных оттенков паремий. Каждая национальная культура имеет свои особенности и нюансы, которые могут быть сложно передаваемы на другой язык. Русскую паремию ‘белый человек’ нельзя перевести на английский язык как ‘white man’ ни ввиду неверного контекста, ни уж тем более в связи с тяжелой обстановкой в мире, приведшей к глобальным изменениям, в частности к особому вниманию в отношении толерантности.

Таким образом, понимание и сохранение смысла паремии и использование эквивалентных выражений в целевом языке являются важным условием при переводе ее на другой язык. Из-за различий в культуре и менталитете двух языков данный метод сложен, но обязателен. В таких случаях переводчику может потребоваться использование более свободного, творческого подхода к переводу с целью передать национально-культурный компонент паремии. Исследование эквивалентов паремий изучаемых языков позволяет лучше понять и сравнить международные культурные особенности разных народов и, главное, найти точки их соприкосновения.

Литература

Английские пословицы и поговорки с переводом // Native English, 2003–2024. – URL: <https://www.native-english.ru/proverbs> (дата обращения: 01.09.2023).

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах / Е.В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 2006. – 280 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия». – 2001. – 208 с.

Постовалова С.М. Механизмы создания фразеологической образности / С.М. Постовалова. – М.: АртЪ. – 1999. – 218 с.

Англоязычные заимствования в сфере экономики

*англоязычные заимствования, англицизмы, культура,
экономическая лексика, речь, русский язык*

В последнее время все чаще можно услышать о различных митингах, брифингах, оффшорах, дефолтах, саммитах и тому подобном. Русский язык всегда был открыт к проникновению новых слов. Заимствования коснулись практически всех сфер человеческой деятельности. Филологи и лингвисты выделяют несколько этапов заимствований на протяжении многих столетий: начиная с эпохи христианства и влияния греческого языка до пика английских заимствований в XXI в. Основными предпосылками к данным явлениям послужили торговые и экономические контакты между Россией и другими странами.

В настоящее время большое количество англоязычных заимствований – англицизмов – адаптировалось к системе русского языка и прижилось в языке-рецепторе. Это обусловлено как ориентацией на западную культуру, появлением Интернета, признанием английского языка международным языком общения, так и необходимостью в обозначении новых появившихся предметов, понятий, профессий. Например, промоутер (от англ. promoter – ‘лицо, занимающееся продвижением товара или услуги, целенаправленно рекламируя их’). Добавим, что заимствованные слова нередко разграничивают близкие по содержанию, но, по сути, различные понятия, а также заменяют длинные описательные обороты короткими словами. Например, аутсорсинг (от англ. outsourcing – ‘привлечение ресурсов из внешних источников’). Кроме того, следует отметить социально-психологические факторы заимствования, когда целый коллектив воспринимает иноязычное слово более экспрессивным, красиво звучащим и модным (например, паблисити (от англ. publicity) – ‘реклама’).

Справедливо заметить, что большая доля англицизмов в русском языке приходится на экономическую сферу: аутсайдер, аутплейсмент, консалтинг, фьючерс, прайс-лист, ритейл и многие другие.

Заимствования слов в основном происходят с помощью транскрипции, транслитерации или калькирования. При фонетическом способе (транскрипции) повторяется звуковая форма слова, например, ‘сейл’ (sale), ‘прайс-лист’ (price-list). При транслитерации заменяются буквы заимствованного слова буквами родного языка, например, ‘аудитор’ (auditor). При калькировании происходит прямой перевод термина или терминологического словосочетания, например, ‘кредитный риск’ (credit risk) [Алексеева 2019: 204].

Так, для стороннего наблюдателя фраза офисного работника «Бэк офису нужно придерживаться установленных дедлайнов, чтобы получить положительный фидбек от клиентов» может показаться непонятной, с одной стороны, и раздражающей избытком англицизмов, с другой. Однако у офисных англицизмов есть свои функции: работник ощущает себя частью профессионального сообщества; у каждого понятия есть свое название, что позволяет команде работать слаженно на любом уровне иерархии.

Со временем адаптируясь в русском языке, приспособливаясь к нормам языка-реципиента, экономические англицизмы уверенно остаются в нашей речи, тогда как некоторые остаются чужеродными и воспринимаются как засоряющими русский язык. Отсюда возникает различное отношение к англоязычным заимствованиям в русском языке: одни поддерживают модернизацию языка, а другие считают, что такое явление вредит языку.

В связи с этим было проведено анкетирование у будущих специалистов в сфере экономики с целью выявить их отношение к использованию англоязычных заимствований в русском языке. В опросе приняли участие 54 студента 1 курса экономического института МГУ им. Н.П. Огарева по направлениям подготовки «Экономика», «Менеджмент», «Бизнес-аналитика в цифровой экономике». В результате обработки анкет были получены следующие результаты.

Было выявлено, что 100 % опрошенных знают, что такое англицизмы. 60,87 % из них иногда употребляют англоязычные заимствования в своей повседневной речи, 30,43 % – постоянно и по 4,35 % – почти никогда и никогда, соответственно. При этом большинство студентов (73,1 %) всегда знают значения употребляемых ими заимствованных слов, а 26,09 % – не всегда. Употребляя англицизмы в своей речи, треть опрошенных (39,1 %) признали, что не все окружающие понимают, о чем они говорят. В то время как, 60,87 % заявили о полном понимании их речи окружающими.

Каковы же причины употребления англоязычных заимствований в русской речи? 69,9 % студентов считают, что таким образом «легче понять друг друга», по 34,78 % – «отсутствие аналога для слова» и «это современная тенденция», соответственно, 30,43 % – «чтобы уточнить значение русского слова» и по 8,70 % – «это подчеркивает уровень образованности» и «англицизмы имеют более экспрессивную окраску».

Собственные предположения студентов были ответами на вопрос открытого типа: «С чем, по Вашему мнению, связано наличие большого количества экономических англоязычных заимствований в русском языке?» Ниже перечислены наиболее часто встречающиеся в ответах причины:

- недостаточность коротких слов в русском языке либо их сложность;
- необходимость наименования новых явлений в связи с развитием науки и техники;

- глобализация и расширение торгово-экономических отношений между странами;
- для понимания и общения специалистов из разных стран;
- распространение английского языка по всему миру.

У большинства опрошенных студентов (62,5 %) отношение к появлению экономических англицизмов нейтральное, у 34,7 % – положительное. Никто не выразил отрицательного отношения.

В конце опроса респондентам было предложено назвать наиболее часто употребляемые ими экономические термины. Среди наиболее часто встречающихся были отмечены: менеджер, маркетинг, дедлайн, вендинг, фидбек, девелопер, аутсорсинг, бренд, оффшор, дисконт.

Бесспорно, лексический запас русского языка обогащается за счет постоянных иноязычных заимствований, однако неоправданное использование англицизмов в речи, дублирование понятий может затруднять коммуникацию.

Литература

Алексеева Т.Е. Английские заимствования в современной экономической терминологии / Т.Е. Алексеева // Известия ВГПУ. – 2019. – Т. 285. – № 4. – С. 203–207.

Алиева В.Н. Заимствованные экономические термины в лексической системе современного русского языка / В.Н. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Том 23 (62). – № 3. – С. 191–195

Аширова М.Б. Способы образования англицизмов / М.Б. Аширова // Новые информационные технологии в науке. – 2016. – С. 97–99.

Журавлева О.М. Некоторые особенности использования англицизмов в русском языке / О.М. Журавлева // Актуальные проблемы языкознания. – 2014. – Т. 1. – С. 10–11.

Каверина Д.А. Англицизмы и американизмы в современном русском языке / Д.А. Каверина // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 773–775.

Коновалова А.В. Англицизмы в юридической терминологии / А.В. Коновалова // Молодой ученый. – 2022. – № 46 (441). – С. 72–73.

Пак С.М. Англицизмы как средство коммуникации в профессиональной среде / С.М. Пак // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2023. – № 2 (112). – С. 159–165.

Лексико-семантическая группа кровного родства в английском языке (на материале произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах»)

лексико-семантическая группа, лексема, семья

Термин «лексико-семантическая группа» впервые был использован и исследован такими отечественными лингвистами, как Ф.П. Филин, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева, В.И. Кодухов, и Э.В. Кузнецова. Ф.П. Филин определяет лексико-семантическую группу как объединение слов, которые относятся к одной части речи, а также характеризуются однородными и сопоставимыми друг с другом значениями.

Одним из наиболее важных социальных институтов является семья. Семья неразрывно связана с культурой народа, занимает значительное место в его картине мира, в связи с тем для лингвистов представляет большой интерес ее изучение с точки зрения культурологии. Исследованию лексико-семантического поля «family» посвящены работы таких ученых, как Д.Д. Павлова, Г.Г. Багаутдинова, З.Х. Нуриязянова и др.

В произведении Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» для вербализации отношений в семье используются единицы лексико-семантического поля «family». Внутри данного лексико-семантического поля мы выделяем лексико-грамматическую группу кровного родства и лексико-семантическую группу свойственного родства.

Объектом данного исследования является лексико-семантическая группа кровного родства в произведении «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси. В составе данной лексико-семантической группы нами были выделены лексемы «father» (488 случаев употребления в произведении), «mother» (384), «aunt» (256), «family» (221), «son» (188), «uncle» (145), «daughter» (102), «cousin» (92), «grandfather» (76), «brother» (73), «dad» (67), «sister» (65), «grandchild» (23), «nephew» (22), «parent» (14), «grandmother» (13), «granddaughter» (10), «grandson» (9), «niece» (8), «great-uncle» (6), «daddy» (6), «great-great-grandfather» (2), «granddad» (2), «great-aunt» (1), «great-granddaughter» (1), «papa» (1).

В результате проведенного анализа нами было установлено, что к наиболее частотным лексическим единицам лексико-семантической группы кровного родства в английском языке относятся «father», «mother», «aunt», «family», «son», «uncle». Частотность вышеупомянутых лексем может свидетельствовать о том, что в английской семье родители занимают самое важное место. Лексические единицы «father» и «mother» составляют ядро лексико-семантической группы кровных отношений. Данные лексемы традиционно являются ключевыми элементами культуры

народа. В романе «Сага о Форсайтах» большую частотность имеют и лексемы «aunt», «family», «uncle», что позволяет нам сделать вывод о том, что для английской культуры характерна клановость, близкие отношения между родственниками, не входящими в нуклеарную семью, что обеспечивает сохранение капитала внутри семьи. Частотность лексической единицы «son» в исследуемом произведении обусловливается тем, что в английском обществе связь между поколениями носит авторитарный характер, при этом зрелость членов семьи мужского пола признается после накопления ими определенного капитала.

Литература

Багаутдинова Г.Г. Братья/brothers и сестры/sisters как компоненты лексико-семантического поля «Семья» (на материале английского и русского языков) / Г.Г. Багаутдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. – №. 6–1. – С. 18–20.

Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – Т. 5. – С. 105–113.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Э.В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.

Нуризянова З.Х. Сопоставительный анализ фразеологических единиц фразеотематического поля «семья» в английском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Кузнецова. – Казань, 1999. – 173 с.

Павлова Д.Д. Лексико-семантическое поле концептов «природа», «семья» и языковые способы их реализации в романе Р. А. Анайи «Благослови, Ультима!» / Д.Д. Павлова // Молодой ученый. – 2013. – № 6. – С. 507–509.

Уфимцева А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / А.А. Уфимцева. – 1961. – С. 30–63.

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов / Ф.П. Филин. – 1957. – С. 524–525.

Варламова Елена Валерьевна
Тарасова Фануза Харисовна
Тарасов Александр Михайлович

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет
УДК 81-139

Отражение национальной идентичности в лингвистическом ландшафте улицы Баумана (город Казань)

*полилингвальный город, национальная идентичность,
лингвистический ландшафт, эргоним*

Язык является одной из основополагающих составляющих национальной идентичности. Последнюю принято определять как чувство «нации как связного целого, представленного уникальными традициями, культурой и языком» [Искусство 2007].

Споры о значении исторического языка в становлении нации не утихают до сих пор. Так, примордиалисты утверждают, что утрата народом его исторического языка влечет за собой и «утрату сложившихся представлений о нравственности, значимости прошлого, настоящего и будущего» [Кузнецова 2011]. Конструктивисты, напротив, предрекают время «мегаценностей, мегакультур и мегаязыков» [Фишман 2007], считая утрату исторических языков неизбежностью.

Явление мультилингвизма (полилингвизма, многоязычия) как на национальном, так и индивидуальном уровне как нельзя лучше свидетельствует о том, что как для нации в целом, так и для отдельного индивида существует потребность в сохранении родного, исторического языка, даже если он владеет вторым, третьим языком. Понятие «мультилингвизм» толкуется следующим образом: «использование нескольких языков в пределах определенной социальной общности» [Жеребило 2010].

Феномен мультилингвизма давно стал привычной реальностью городского пространства Российской Федерации. Особенно ярко мультилингвизм проявляет себя в городах, где сосуществуют два государственных языка. Ярким примером такого города является Казань, столица субъекта РФ Республики Татарстан, где русский и татарский языки являются равноправными, что закреплено законодательно. Татарский язык наравне с русским звучит на улицах Казани. Учитывая результаты Всероссийской переписи 2010 г., татары и русские являются двумя крупнейшими национальностями Казани [Национальный].

Интересно проследить, как национальные идентичности русских и татар проявляют себя в лингвистическом ландшафте города. Принято считать, что лингвистический ландшафт открывает новые возможности для исследования взаимовлияния языков в условиях глобализации. Появление

этого нового способа исследования языка объясняется тем фактом, что в мире в целом все более возрастает количество дву- и мультилингвальных регионов [Кирилина 2013: 159]. Лингвистический ландшафт как новый подход к исследованию языков состоит в исследовании письменных знаков в общественном пространстве городской среды [Backhaus 2007]. Исследование лингвистического ландшафта дает ключ к пониманию закономерностей, с помощью которых люди, организации, институты, государственные учреждения общаются с помощью символов внутри сложной языковой реальности [Linguistic 2006].

Лингвистический ландшафт состоит из единиц различных типов. Они несут в себе информацию, отличающуюся по содержанию. В соответствии с ней информационные единицы ландшафта можно делить на указатели, часы работы, юридические адреса, информационные объявления и т. п.

«Под информационной единицей мы понимаем такой отрезок лингвистического ландшафта, который функционально/территориально отграничен от остальных информационных единиц» [Варламова 2021].

Информационные единицы мы предлагаем разделять на мультилингвальные и монолингвальные. «Информационные единицы, в составе которых содержатся лексические единицы (морфемы слова), принадлежащие к разным языкам, мы называем мультилингвальными» [Варламова 2021]. Например, «Новогодний sale», «Fishka», «Казанский күчтәнәч from Kazan».

Фиксация информационных единиц улицы Баумана (центральной улицы Казани), являющихся материалом данного исследования, проводилась осенью – зимой 2019 г. В этот период лингвистический ландшафт этой улицы составил 1367 информационных единиц (1019 были монолингвальными, 348 – мультилингвальными). Из монолингвальных единиц 650 относились к русскому языку, 140 – к татарскому, 224 – к английскому. Единицы на русском языке преобладали, так как в большинстве случаев они не дублировались на татарском и английском языках, выступая как самостоятельные единицы.

Татарский язык использовался в основном для дублирования информации на русском языке, как и английский. Самостоятельные, недублируемые наименования на татарском языке (например, «Токмач», «Түбәтэй») встречались нечасто и были связаны в большинстве случаев с татарскими национальными традициями. Мультилингвальные единицы были представлены в количестве 288 единиц (например, «Instaskazka»), русско-татарские – 54 единицы (например, «Токмач Столовая»), татаро-английские – 6 единиц (например, «Royal Style Киёмнәр бутигы»).

Таким образом, в 2019 г. в лингвистическом ландшафте улицы Баумана русский язык преобладал. Следовательно, данный ландшафт идентифицирует население как русскоговорящее в большей степени. Связано это с тем, что улица туристическая, а татарское население Казани наравне с родным языком владеет и русским. Более того, татарский язык

использует ту же графическую систему, что и русский язык – кириллицу, что не препятствует восприятию русскоязычного ландшафта татарским населением.

Однако национальная идентичность татарского народа проявляет себя ярче национальной идентичности народа русского, что объяснимо стремлением показать национальные особенности региона в лингвистическом ландшафте: «Сирота казанская» (название магазина сувениров), «Кот казанский» (название сувенирной мастерской), «Нагай» (название ресторана).

Литература

Варламова Е.В. Лингвистический ландшафт города Казани: особенности языковой интеграции / Е.В. Варламова // *Global Scientific Potential*. – 2021. – № 2(119). – С. 148–152.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Искусство и цивилизационная идентичность / [отв. ред. Н.А. Хренов]; Науч. совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. – 603 с.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации / А.В. Кирилина // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. – 2013. – № 24. – Выпуск 5. – С. 159–167.

Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность / Е.В. Кузнецова // *Омский научный вестник. Филологические науки*. – № 3. – 2011. – С. 102–104.

Национальный состав населения республики Татарстан // *Официальный Татарстан: Официальный портал Республики Татарстан*. – URL: <https://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения: 01.10.2023).

Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью / Дж. Фишман. – М.: Наука, 2007. – 250 с.

Backhaus P. *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo* / P. Backhaus. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 158 p.

Linguistic Landscape as symbolic construction of the public space: the case of Israel / E. Ben-Rafael, E. Shohamy, M.H. Amara, N. Trumper-Hecht // *International Journal of Multilingualism*. – 2006. – Vol. 3 (1). – P. 7–30.

Профессиональный дискурс юриста

*юридический дискурс, коммуникативное взаимодействие,
индивидуальные характеристики*

Исследования в области юридического дискурса выявляют ряд проблем: отсутствие унифицированного определения, сложность типологической и жанровой классификации, а также выбор методологии. Профессиональный дискурс юриста, часто обозначаемый терминами как «юридический дискурс», «правовой дискурс» и «судебный дискурс», не имеет универсального и однозначного определения в современной лингвистике, что указывает на его сложность и многогранность. Актуальность этой темы обусловлена глобализацией и необходимостью понимания юридического дискурса в контексте различных типов правового знания. Н.Г. Храмцова подчеркивает множество разновидностей дискурса, предлагая термин «метадискурс» для обозначения его интегративной природы. Существует также призыв к разработке непротиворечивой типологии юридического дискурса для лучшего понимания и исследования его различных аспектов.

Юридический дискурс представляет собой сложное междисциплинарное явление, которое включает в себя социальный контекст, процессы производства и восприятия сообщения, а также совокупность вербальных и невербальных знаков. Основными компонентами юридического дискурса являются законодательные акты, судебные решения, юридические договоры и контракты, данный вид дискурса характеризуется специфической лексикой и отсутствием экспрессии, эмотивности. Важной характеристикой юридического дискурса является его стремление к точности, юридической нейтральности и минимизации двусмысленности. Также в юридическом дискурсе важно речевое воздействие, особенно в состязательных системах, таких как судебная система России. Проблемы возникают из-за психологических, социальных и лингвистических барьеров, делающих общение в юридическом контексте непривычным и некомфортным для большинства граждан, так как юридическая коммуникация ограничена специализированной терминологией [Гафиятова 2019, 11: 1]. Данный вид коммуникации охватывает разные аспекты жизни, включая правоприменительную практику, юридическое образование, общественное мнение, интернациональное общение. Аспекты, которые подчеркивают важность данной темы, представлены ниже.

Правоприменительная практика: юристы, судьи и другие участники правосудия должны быть в состоянии эффективно взаимодействовать и

анализировать юридические тексты, исключая неоднозначность и двусмысленность. Понимание юридического дискурса способствует точным правовым решениям.

Образование: обучение юридическому дискурсу является неотъемлемой частью юридического образования и позволяет будущим юристам развивать необходимые навыки юридического анализа, общения.

Общественное мнение: юридический дискурс оказывает влияние на общественное мнение о правовых вопросах и процессах. Изучение его особенностей позволяет лучше понимать, как формируются представления и стереотипы в сфере права.

Интернациональное общение: русский язык используется в различных международных контекстах и правовых системах. Знание русского юридического дискурса имеет важное значение для эффективного международного взаимодействия.

Исходя из описанного выше, в данной работе под юридическим дискурсом следует понимать сложный вид коммуникативного взаимодействия, охватывающий различные области и включающий в себя социальный контекст. Этот контекст оказывает влияние как на участников коммуникации, так и на процессы создания и восприятия сообщений. Семиотическое пространство этого дискурса можно охарактеризовать как совокупность вербальных и невербальных знаков, которые формируют структуру общения в данном контексте.

В юридическом языке рекомендуется избегать выражения эмоций и эмоционального окраса. Однако в юридическом дискурсе, как и в любой другой форме общения, участники оказывают влияние друг на друга. Речевое воздействие является неотъемлемой частью диалогического юридического дискурса. Если рассматривать судебную систему Российской Федерации, она является состязательной, что определяет характер диалогического юридического дискурса [Бородин 2017: 424]. Большинство граждан не имеют повседневного опыта обращения за юридической помощью, за исключением работников и специалистов в данной области. Из-за статусных различий между участниками дискурса речевые высказывания оппонента часто воспринимаются с настороженностью и враждебностью. Неосведомленность в юридических вопросах может восприниматься как собственное незнание. Передача фактов и выражение мыслей в стрессовых ситуациях требует использования специфического юридического языка. Этот язык иногда приобретает своеобразный статус и может затруднять достижение коммуникативных целей.

Хотелось особенно отметить, что в рамках юридического дискурса, часто отсутствует эмоциональная составляющая, и они намеренно структурированы с умыслом создать интеллектуальный контекст. Речевые акты в этом дискурсе можно классифицировать на репрезентативные, директивные, комиссивные, экспрессивные и декларативные в зависимости от их функциональной нагрузки.

Реализация речевого воздействия в рамках юридического дискурса требует учета когнитивных характеристик адресата и нацелена на воздействие на его знания, отношения и намерения. Имплиcitная теория общения играет важную роль, помогая субъектам воспринимать и домысливать скрытые значения сообщений на семантическом уровне и способствуя более глубокому взаимопониманию в контексте речевого взаимодействия.

Языковые навыки, логика, структура и эмоциональная выразительность играют значительную роль в создании высказывания. Важным аспектом коммуникативного взаимодействия является учет аудитории, что представляет собой один из ключевых компонентов в коммуникативном акте. Аудитория как участник дискурса характеризуется рядом параметров: имплицитной теорией, способностью к речевому восприятию, психологическим состоянием, возрастом, социальным статусом, полом, знанием языка, когнитивными особенностями, опытом и целями общения. Все эти индивидуальные и личностные характеристики оказывают влияние на речевое поведение как говорящего, так и слушающего и, следовательно, на успех коммуникативного акта [Гафиятова и др. 2018: 15.]. Оказавшееся на поверхности влияние юридического дискурса на общественное мнение и правоприменительную практику подчеркнуло его важность в формировании правил и стандартов в обществе. Юридические тексты в качестве носителей правовых норм имеют влияние на мнение общества и формирование стереотипов относительно права, юстиции.

В рамках изучения данной темы нам довелось проанализировать юридические тексты и документацию, что позволило нам выявить особенности этого дискурса, такие как специфическая лексика и четкая структура юридических документов.

Оказавшееся на поверхности влияние юридического дискурса на общественное мнение и правоприменительную практику подчеркнуло его важность в формировании правил и стандартов в обществе. Юридические тексты в качестве носителей правовых норм имеют влияние на мнение общества и формирование стереотипов относительно права, юстиции. Исследование международного общения, где русский язык используется в юридических контекстах, выявило его важное значение для эффективного международного взаимодействия и обмена правовой информацией.

Таким образом, исследование юридического дискурса имеет теоретическую значимость в понимании структуры и компонентов этого дискурса. Оно также обладает практической ценностью, предоставляя возможность использовать его результаты для более эффективного взаимодействия в правовой сфере, улучшения правоприменительной практики и образования.

Важно отметить, что успешная коммуникация в юридическом дискурсе требует от участников способности анализировать ситуации общения, определять свои роли и цели и учитывать индивидуальные характеристики аудитории. Понимание индивидуальных особенностей адресата

и учет их влияния на коммуникативный акт являются ключевыми факторами успешного воздействия в юридической сфере.

Литература

Бородин М.Ю. Юридическая лингвистика как область языкознания / М.Ю. Бородин // Collegium linguisticum – 2017: материалы ежегодной конференции студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 16–20 апреля 2017 года. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. – С. 424–429.

Бородина А.В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода / А.В. Бородина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 2. – С. 37–47.

Гафиятова Э.В. К определению понятий «профессиональная коммуникация», «словарь» и «языковая личность» / Э.В. Гафиятова // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 1–2. – С. 55–74.

Гафиятова Э.В. Культурные традиции в стереотипах поведения профессиональной языковой личности / Э.В. Гафиятова, М.Б. Казачкова, Т.Е. Калинин // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 15. – С. 5–13.

Груздев М.А. Когнитивная лингвистика в российском языкознании: когнитивный подход к лексической семантике / М.А. Груздев // Университетские чтения – 2020: Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 09–10 января 2020 года. Том Часть VI. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 64–68.

Перевод фразеологических единиц с авторской трансформацией в произведениях Д. Роулинг

*фразеологическая единица, авторская трансформация,
классификация, перевод*

В последнее время многие ученые свидетельствуют о снижении интереса молодого поколения к чтению литературы, в частности классической литературы. При этом обучение художественному переводу, а также изучение фразеологии английского языка невозможно без использования художественной литературы, поэтому особенно актуальным становится вопрос об использовании более популярной литературы.

Для решения указанной проблемы как нельзя лучше подходят произведения Д. Роулинг. Язык Д. Роулинг современен и изобилует разговорными выражениями, характеризуется активным использованием фразеологических единиц (ФЕ), включая ФЕ с авторской трансформацией. Кроме этого, переводы книг данной писательницы на русский язык интересно рассмотреть для сопоставительного изучения.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть перевод одних из наиболее сложных для перевода языковых единиц, а именно ФЕ с авторской трансформацией.

Фразеологизмы с авторской трансформацией были проанализированы в соответствии с системой Е.Ф. Арсентьевой, в рамках которой выделяются девять видов фразеологизмов с авторской трансформацией, среди них: фразеологический каламбур; добавление лексического компонента; вклинивание и разорванное использование фразеологизмов; замена компонента; усечение; фразеологический повтор; контаминация; расширенная фразеологическая метафора; фразеологическое насыщение контекста [Арсентьева 2016: 76–95].

Что касается перевода ФЕ как с авторской трансформацией, так и без нее, ученые-фразеологи Я.Н. Рецкер, С. Флорин, С. Влахов считают, что переводчики должны сохранять образность фразеологизмов [Рецкер 1982: 37]. С. Флорин и С. Влахов утверждают, что «фразеологизм должен переводиться фразеологизмом» [Влахов, Флорин 1980: 183]. Цель данной статьи – определить, получилось ли переводчикам сохранить образность рассматриваемых ФЕ с авторской трансформацией.

В настоящей статье мы бы хотели проанализировать речь одного персонажа и показать на примере речи лишь одного героя мастерское использование и оригинальную трансформацию ФЕ автором.

Рассматриваемый персонаж живет в мире, населенном как простыми людьми, так и магическими созданиями. Миссис Фиг – второстепенный персонаж, с ее участием происходят лишь два события, но ее эмоциональная речь насыщена большим количеством ФЕ с авторской трансформацией. В ее речи чаще всего используются такие авторские трансформации, как фразеологическое насыщение контекста и замена компонента. Рассмотрим некоторые примеры использования указанных трансформаций.

Фразеологическое насыщение контекста

Яркий пример такой трансформации содержится в следующем высказывании персонажа:

“Never mind the Statute of Secrecy now, there’s going to be hell to pay anyway, we might as well be hanged for a dragon as an egg [Rowling 2003: 25].

В данной отрывке автор использует такие ФЕ, как “never mind” – ‘ничего, не обращайте внимания, не беспокойтесь; ну так что ж!, нужды нет!, не беда!’, “there will be hell to pay” – ‘хлопот, неприятностей не оберешься’, “as well be hanged for a sheep as a lamb” – ‘семь бед – один ответ’.

Рассмотрим, удалось ли переводчикам сохранить фразеологическое насыщение контекста.

Перевод издательства «Росмэн»:

‘Забудь про Статут о секретности, так и так придется расплачиваться, семь бед – один ответ’ [Роулинг 2004: 22].

Перевод М.В. Спивак:

‘Забудь пока про Закон о секретности, голову все одно снимут, но, как говорится, платить, так уж по гринготтскому счету’ [Роулинг 2015: 28].

В обоих переводах рассматриваемые ФЕ переведены на русский язык, однако перевести фразеологическим способом все ФЕ не удалось ни одному из переводчиков. В результате указанная трансформация не была сохранена.

Замена лексического компонента

В речи указанного персонажа встречаются чрезвычайно яркие примеры замены компонента в составе фразеологизма: например, в предложении, рассмотренном выше, автор меняет в составе ФЕ “as well be hanged for a sheep as a lamb” лексические единицы “sheep” и “lamb” на существительные «волшебного» мира – “dragon” и “egg” соответственно. Переводчице М.Д. Литвиновой не удалось сохранить трансформацию, и она воспользовалась фразеологическим эквивалентом исходной ФЕ – «семь бед – один ответ». М.Д. Спивак, несомненно, узнала трансформацию, постаралась отразить ее в своем переводе и предложила свой творческий перевод с использованием понятий из волшебного мира «Вселенной Гарри Поттера», однако, на наш взгляд, ее вариант не совсем понятен, так как читатель ассоциирует гринготтский счет (счет в волшебном банке Гринготтс) скорее с большими процентами и дороговизной, но не с готовностью отвечать за все сразу.

В следующем предложении, также являющемся прекрасным примером фразеологического насыщения контекста, также использованы ФЕ с заменой лексической единицы:

“Just **in case** there are more of them around... oh my word, what a catastrophe... and you had to fight them off yourself... and Dumbledore said we were to keep you from doing magic **at all costs**... well, it's **no good crying over spilt potion**, I suppose... but **the cat's among the pixies now**” [Rowling 2003: 27].

Автор снова заменяет некоторые нейтральные лексические единицы на «волшебные». Так, читатель без труда угадывает известную поговорку “no good crying over spilt milk” – ‘слезами горю не поможешь, потерянного не воротишь’ в ФЕ “no good crying over spilt potion”, где произошла замена лексической единицы “milk” ‘молоко’ на “potion” ‘зелье’. Также в этой реплике персонажа угадывается ФЕ “the cat among the pigeons” – ‘источник переполоха, лиса в курятнике’, которая была трансформирована автором в “the cat's among the pixies”, где “pigeons” ‘голуби’ заменено на слово “pixies” ‘пикси’ (волшебные создания из «Вселенной Гарри Поттера» маленького размера, отличающиеся зловредным характером и умеющие летать).

Рассмотрим варианты перевода данных фразеологизмов с заменой компонента. Перевод издательства «Росмэн»:

‘На случай, если их было не два, а больше... Батюшки мои, вот ведь беда какая... И тебе пришлось самому от них отбиваться... А Дамблдор сказал: мы **ни в коем случае** не должны допускать, чтобы тебе пришлось творить волшебство... **Ладно, пролитое зелье не соберёшь... Пустили кентавра в огород...**’ [Роулинг 2004: 24].

Переводчица передала первую из рассматриваемых ФЕ с заменой лексической единицы при помощи калькирования, что, на наш взгляд, является не совсем удачным решением, так как читатель, не владеющий английским языком, не сможет узнать в дословном русском переводе известную английскую пословицу. Что касается перевода второго примера, то, на наш взгляд, он отражает трансформацию и частично передает исходный смысл. В выражении ‘пустили кентавра в огород’ считается русская ФЕ ‘пустили козла в огород’, смысл которой примерно совпадает со значением исходной ФЕ на английском языке, а именно ‘позволять кому-либо действовать там, где он может быть особенно вреден’ [Словарь 1999, 2: 68]. В результате авторская трансформация в обоих случаях была сохранена.

Перевод М.В. Спивак:

‘На всякий случай... вдруг там еще... ох, батюшки, это просто катастрофа... и тебе пришлось бороться с ними самому... а Думбльдор велел, чтоб мы **любой ценой** не давали тебе колдовать... м-да... **что толку плакать над пролитым зельем... Кота в мешке не утаишь...**’ [Роулинг 2015: 30].

Переводчица М.В. Спивак также явно узнала авторскую трансформацию и тоже предложила вариант с калькированием пословицы на русский язык, что мы считаем не совсем удачным решением в силу причин,

описанных выше. Второй пример замены лексической единицы в составе ФЕ был переведен ошибочно, переводчица не смогла угадать исходный ФЕ на исходном языке и перевела его при помощи другого ФЕ, где также встречается лексическая единица «кот», однако смысл ФЕ 'спрятать кота в мешке' совершенно не соответствует значению исходной ФЕ, а именно 'источник шума, переполоха'. Можно сделать вывод, что авторская трансформация была сохранена частично.

Итак, в результате анализа небольшого отрывка художественного текста можно сделать вывод об особом мастерстве писательницы Д. Роулинг в плане использования и трансформации ФЕ. Что касается перевода указанных ФЕ, то сделать однозначный вывод представляется затруднительным, так как во всех случаях переводчицы смогли представить свои варианты перевода и не стали использовать опущение и нулевой перевод. В плане сохранения авторской трансформации, на наш взгляд, в рассмотренных примерах сохранить авторскую трансформацию получилось примерно в половине примеров, это свидетельствует о том, что перевод ФЕ вообще и перевод ФЕ с авторской трансформацией в частности требует особого внимания и мастерства переводчиков.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172 с.

Влахов С. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин; под ред. Вл. Россельса. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 352 с.

Рецкер Я.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский язык / Я.Н. Рецкер. – М.: Просвещение, 1982. – 159 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / пер. с англ. В. Бабкова, В. Голышева, Л. Мотылева. – М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004. – 827 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / пер. с англ. М. Спивак. – М.: Махаон, 2015. – 896 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 2. К ~ О. – 1986. – 736 с.

Rowling J.K. Harry Potter and the Order of Phoenix / J.K. Rowling. – L.: Bloomsbury, 2003. – 800 p.

Лексические особенности терминов нефтехимической промышленности в английском и русском языке

*корпусная лингвистика, языковая интерференция,
стилевая адаптация, терминологизация*

В данной научной статье мы рассмотрим практический опыт исследования лексических особенностей терминов нефтехимической промышленности в английском и русском языке. Для проведения лингвистического анализа был выбран метод корпусной лингвистики.

Необходимо было выявить принцип формирования **языковой интерференции** в англоязычных и русскоязычных статьях. Термин был взят из работы ученого А.Л. Пумпянского «Чтение и перевод английской научной и технической литературы». На основе языковой интерференции и формируются **стилеобразующие характеристики** научно-технической статьи. В теоретической части нашего исследования мы воспользовались методикой А.Д. Швейцера, в которой он сравнивает функциональные стили по контрастивным параметрам: анализирует **стилевые черты** и их **языковую реализацию**.

Сравнение стилеобразующих черт русскоязычных и англоязычных текстов позволяет определить характер трансформации смысловой нагрузки с одного языка на другой. Во время анализа лингвистических корпусов необходимо учитывать следующие выверенные характерные различия стилеобразующих черт русскоязычных и англоязычных научных текстов:

1) **характер связи предложений в тексте** – в англоязычных научных текстах редко встречаются связующие вводные слова, связность достигается за счет контекста, в то время как в русскоязычных статьях для этой цели используются вводные конструкции;

2) **употребление абстрактной лексики** – в русском научном языке наблюдается большее тяготение к номинативности, чем в английском.

Далее было необходимо провести анализ **стилевой адаптации (стилистической модификации)**. Он позволяет понять, каким именно образом было переведено то или иное слово или синтаксическая конструкция. Основными методами поиска эквивалентов являются закавычивание и калькирование (передача лексики без искажения при переводе), специализация и терминологизация (выбор подходящего эквивалента).

Таким образом, используя все вышеуказанные критерии анализа научно-технических текстов, становится возможным определить частоту

употребления тех или иных лексических, синтаксических и стилеобразующих эквивалентов. Помимо этого, на основе такого текстового массива можно выявить наиболее распространенные виды переводческих методик непосредственно в сфере нефтехимической промышленности.

В итоге необходимо отметить, какую именно пользу могут принести для научных исследований готовые проанализированные текстовые корпуса. Безусловно, это богатый статистический источник наиболее употребительных устойчивых лексических и синтаксических словосочетаний в том или ином контексте, также проанализированные корпуса являются хорошим научным источником для лексикографии. Благодаря полученным данным, можно установить, какие именно семантические признаки характерны для определенной лингвистической единицы. Помимо этого, на основе корпусных данных о терминах нефтехимической промышленности можно проводить дальнейшие исследования об особенностях лексики и синтаксиса технических текстов. Такого рода материал будет полезен для составления учебных пособий по переводу научно-технической литературы.

С точки зрения переводческой деятельности, многие филологи, специализирующиеся в нефтехимической отрасли, смогут использовать результаты данной научной работы в своей практической деятельности. Они смогут ориентироваться при подборе нужных речевых эквивалентов, учитывать особенности грамматики научно-технических терминов в английском и русском языке, правильно доносить авторскую идею. Переводчики-синхронисты могут использовать данный материал для быстрого поиска правильного термина как на русском, так и на английском языке.

Литература

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 144 с.

Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира / Е.В. Бабаева. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 2004. – 40 с.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур. – М.: Труды МИФЛИ, 1939. – 119 с.

Кодухов В.И. Общее языкознание / В.И. Кодухов. – М.: Высш. школа, 1974. – 303 с.

Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: лексика, грамматика, фонетика / А.Л. Пумпянский. – М.: Наука, 1964. – 447 с.

Адаптация письма и письменного текста к электронной среде

письмо, письменный текст, электронная среда

Значительная часть новых явлений, возникших в письме в результате «электронной революции», уже стала предметом многочисленных исследований. В частности, стоит упомянуть исследования устно-письменной речи, гипертекста, интерактивности медиатекстов, мультимодальности (креолизации, поликодовости). Однако до сих пор, по всей видимости, не была поставлена особая проблема адаптации письма и письменного текста к электронной коммуникации и ее инструментам. В то же время такая постановка вопроса позволяет сформировать особую перспективу в рассмотрении развития письменного языка.

Говоря о письменной речи, мы, как правило, не различаем ее разновидности, хотя рукописный, традиционный печатный и электронный тексты во многих отношениях противопоставлены. В частности, электронный текст **пластичен**, он не имеет строго фиксированного положения на плоскости, которое характерно для рукописного и печатного текстов. В электронной среде традиционные носители письменных сообщений (прежде всего бумажные страницы) в лучшем случае симулируются, но даже такая симуляция не является повсеместной. В силу этого визуальный облик текста может трансформироваться через изменение масштаба, замену шрифта, его размера, начертания, цвета, через изменение расстояния между строками или ширины колонки и т. д. Это ведет к разрушению традиционной структуры рукописного и печатного текста и, в частности, такого явления, как жесткая пагинация. Не стоит забывать о том, что электронный текст принципиально иначе копируется и тиражируется, а при его создании используются инструменты, отличные от рукописных и печатных инструментов. В какой степени существенны материал и орудия письма? Каким образом они влияют на практику письма? Вопросы эти до сих пор остаются без ответа.

При адаптации письма к электронной среде письмо определенным образом трансформируется, а также вырабатывает новые формы и инструменты. Отметим некоторые важные проявления этого процесса.

1. В контексте видео и анимации письменный текст приобретает качество **динамичности**. В науке эти явления осмысляются как кинетическая типографика [Brownie 2014], темпоральная типографика [Brownie 2013], кинемографема [Баранов 2018: 9]. Количество работ по этой проблеме до сих пор незначительно. Впрочем, гораздо важнее то, что соответствующие явления рассматриваются в основном с точки зрения ди-

зайна, искусствознания и эстетики, а не с точки зрения лингвистики, которая предполагает внимание к сегментации текста, его организации и корреляции презентации текста с грамматическими структурами и коммуникативными интенциями.

Динамический текст по-прежнему членится на «страницы» (то есть монтажные кадры), однако кадр, как правило, содержит сообщения относительно небольшого объема. С этой точки зрения важно проследить, на основании каких принципов осуществляется сегментация текста. Особый интерес представляет проекция традиционных лингвистических категорий на новый материал, предоставляемый электронной средой. В качестве примера можно привести **кинетическую парцелляцию** – эффект, связанный с расчленением цельного высказывания, части которого затем предъявляются последовательно. Кинетическая парцелляция лишь отчасти напоминает парцелляцию в устной и письменной речи. Она не обязательно оформляется интонационно или пунктуационно. В отличие от рукописных или печатных сообщений, динамически представляемое сообщение практически произвольно расчленяется на любое количество сегментов, начиная от букв и слогов и заканчивая предложениями. Ведущими оказываются, по всей видимости, смысловой и прагматический принципы членения, которые не всегда могут быть адекватно переданы интонацией и пунктуацией. При этом способ введения нового текста (резкое/плавное введение) такой же значимой **лингвистической** роли, скорее всего, не играет, хотя и участвует в формировании общей коннотативной семантики сообщения.

В контексте темпоральной парцелляции части грамматически цельного сообщения либо сменяют друг друга (что типично для парцелляции в традиционной письменной речи), либо в том же кадре дополняют части, которые являются общими для разных кадров. Это создает дополнительное измерение, которое в традиционной парцелляции отсутствует. Компонент, будучи выделенным, может также объединять смежные кадры. В качестве примера приведем рекламу напитка «Milo» компании Nestlé. В этом ролике в двух смежных кадрах общий компонент *WINNING COMBINATION OF* остается графически неизменным, но при этом меняются грамматически распространяющие его компоненты: *MILK* в первом кадре и *CHAMPION ENERGY NUTRIENTS* во втором. Темпоральная парцелляция в этом случае дополняется анафорой. Точно воспроизвести подобную динамическую структуру в традиционной письменной речи невозможно. Ее ближайший аналог – это структура перечня (списка), однако в перечне все зависимые компоненты высказывания должны соприсутствовать в рамках одной страницы («кадра»). Описание подобных явлений представляет собой определенный вызов для лингвистики, поскольку требует обновления существующего понятийно-терминологического аппарата.

2. Вербально-письменная речь в электронной среде связана с новыми возможностями **управления вниманием читателя/зрителя**. Традиционный письменный текст предъявляется читателю целиком и может

быть воспринят в порядке и темпе, не предусмотренном авторским замыслом или общими принципами направления письма. В динамическом тексте авторы определяют длительность восприятия кадра. И динамический текст в этом отношении гораздо больше похож на устную речь, в которой говорящий располагает такими инструментами, как темп речи и паузы, и может относительно свободно манипулировать ими.

Другая возможность управления вниманием, а точнее, его привлечения, связана с сосуществованием двух или более информационных рядов. Например, в телепрограммах текст в «бегущей строке» обычно не согласуется с содержанием речи диктора или транслируемым документальным материалом, и такое соседство двух или даже более разных сообщений увеличивает шанс того, что адресат «зацепится» за одно из симультанных сообщений. Также следует упомянуть взаимодействие между визуальными (пикториальными и вербальными) и аудиальными сообщениями. Элементарный пример – видеологотип компании Фольксваген, являющийся элементом ее многих рекламных роликов, на котором сначала появляется собственно логотип бренда, а затем слоган *Das Auto*, и эта последовательность точно дублируется структурой закадрового устного вербального ряда (*Volkswagen. Das Auto*). Аудиальный ряд дублирует визуальный ряд, причем последний представлен как вербальными, так и невербальными средствами.

3. Другая группа явлений, связанных с адаптацией письма к электронной среде, связана с их приспособлением к частным условиям. Для многих частных каналов электронной коммуникации и коммуникационных платформ характерны ограничения, например, в наборе доступных графем, а также возможностях презентации текста. Хорошо известны и были в свое время подробно описаны многочисленные замены символов в СМС-общении, обусловленные соображениями экономии и повышения выразительности сообщения, придания ему неформального тона. Но и сама компьютерная клавиатура делает доступным довольно ограниченный набор символов, и, хотя пользователь имеет доступ к огромному их набору, их ввод представляет собой более сложную задачу. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом такие ограничения в разных контекстах преодолеваются и компенсируются.

С другой стороны, ограничения в структуре канала приводят к формированию новых явлений. Электронное письмо вырабатывает сложные средства компенсации отсутствия непосредственного контакта [Crystal 2019: 463]. К таким средствам относятся варьирование шрифтов, прописных и строчных букв, графемные эмодзи и т. д., которые восполняют нехватку паравербальных (интонация, темп, громкость) и невербальных (мимика, жестикация) инструментов. Подобные явления для рукописного и печатного текста не характерны либо характерны в меньшей степени. Упомянем формат бегущей строки (в новостных программах, наружной рекламе), который предполагает невозможное для рукописного и печатного текста отсутствие разбиения на строки, а потому требует создания

новых знаков препинания, которые, оставаясь вписанными в линейный ряд графем, осуществляют делимитацию сообщений. Привычной точки для этого недостаточно, поскольку новостное или рекламное сообщение нередко членится на самостоятельные пунктуационные предложения. Поэтому вводятся особые знаки: крупная точка посередине строки, косая или вертикальная черта либо их последовательность, звездочка и т. п.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на всю привлекательность изучения мультимодальных (поликодовых, креолизованных) текстов, лингвистика должна уделять достаточное внимание собственно вербальным аспектам коммуникации, четко отделяя собственно вербальное от его взаимодействия с невербальным.

Литература

Баранов А.Н. О метаязыке описания визуализаций текста / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин П.Б. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 6–15.

Brownie B. Transforming type: New directions in kinetic typography / B. Brownie. – Bloomsbury Publishing, 2014.

Brownie B. A New History of Temporal Typography: Towards Fluid Letterforms / B. Brownie // Journal of Design History. – Vol. 27. – № 2. – P. 167–181.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 582 p.

**Лексические особенности функционирования
публичного дискурса на материале блогов Youtube**

*публичный дискурс, медиaprостранство, медиалингвистика,
лексикология*

В современном мире роль публичного дискурса в повседневной жизни возрастает, во многом благодаря слиянию медиадискурса и публичного дискурса. Традиционно принято различать эти понятия, основываясь на различиях в адресанте и адресате, а также лексических и стилистических особенностях данных жанров. С развитием технологий данные понятия во многом начали пересекаться, так как целью медиадискурса и публичного дискурса является передача информации максимальному количеству зрителей и слушателей.

В публичном дискурсе в качестве адресанта мы, вслед за Т.А. Воронцовой, понимаем индивидуального речедеятеля, который должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности [Воронцова]. Однако стоит отметить, что в связи с растущей популярностью блогеров, в частности на таких платформах, как Youtube, VK Video, RUTube, и это понятие размывается. Сегодня блогером, оказывающим влияние на широкую аудиторию и множественного адресата, может стать любой средне-статистический пользователь Интернета, не обязательно обладающий высокими коммуникативными навыками.

Таким образом, изучение и без того сложного и широкого феномена публичного дискурса осложняется и все расширяющимися рамками его участников и, как следствие, их речевых особенностей.

Наше исследование фокусируется на изучении публичного дискурса с точки зрения лексических особенностей его участников, в частности блогеров платформы YouTube. В данной статье мы описываем одну из стадий экспериментального изучения платформы как феномена современного публичного дискурса – изучение лексико-количественного состава речи блогеров в развлекательной и научно-развлекательных жанрах: Sports, TV shows and series, History, Popular Science, Entertainment and Humor. Нами были отобраны каналы блогеров данных жанров: Sports Уткин Live, TV shows and series – ДКино и Кинопоиск / WatchMojo, History – Минаев LIVE / History Hit, Popular Science – RTVI / Natural World Facts, Entertainment and Humor-Entertainment and Humor – SNL / BadComedian

В рамках данного исследования мы рассмотрели лексические особенности речепроизводства в плане выразительных средств.

Нами были отобраны наиболее встречаемые в речи блогеров русского и английского языков средства выразительности, относящиеся к лексическому слою языка. В таблице 1 приведены среднестатистические показатели встреченных нами средств в усредненном значении.

Таблица 1

Количественное распределение лексических средств выразительности в речи блогеров

	Sports		TV shows and series		History		Science		Entertainment	
	Eng	Rus	Eng	Rus	Eng	Rus	Eng	Rus	Eng	Rus
metaphor	5	8	5	5	4	5	1	4	11	3
epithet	7	4	7	3	3	1	6	4	6	8
simile	0	2	0	2	0	1	0	1	3	2
idiom	2	4	2	0	1	2	1	2	2	5
metonymy	2	0	1	3	0	2	1	2	1	1
pun	5	4	2	1	1	0	1	0	2	1
irony	3	5	1	1	1	1	2	3	4	2
slang	0	2	4	3	3	7	1	6	5	4
antithesis	0	1	2	4	2	2	1	3	1	1
allusion	0	2	2	1	0	1	1	2	1	1

На данных диаграммах можно увидеть соотношение лексического состава речи блогеров в русском и английском языках на основании полученных нами среднестатистических данных (рис. 1, 2).

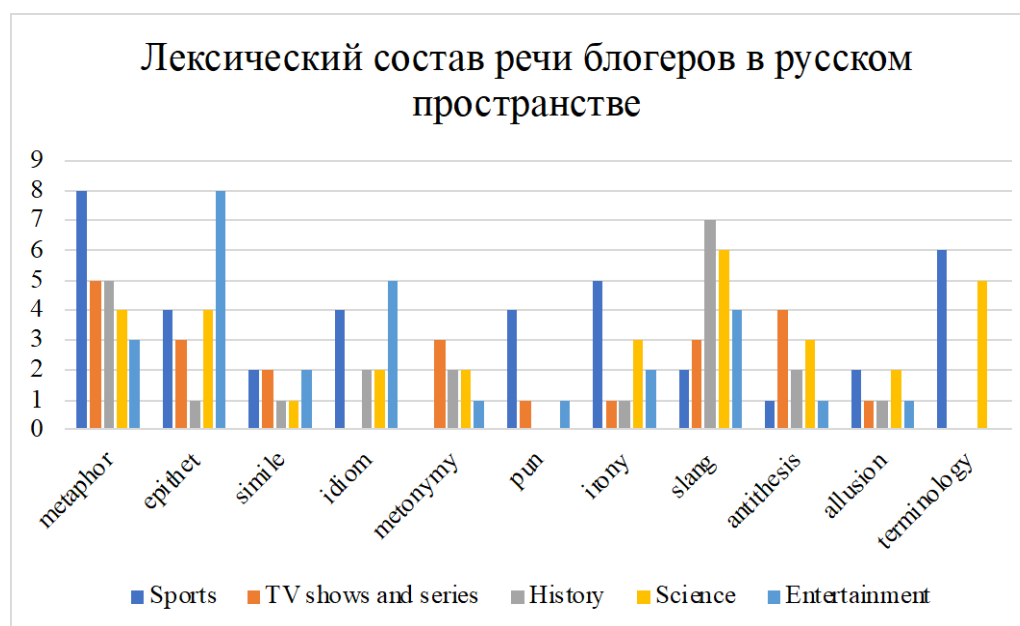

Рис. 1. Лексический состав речи блогеров в русском медиапространстве

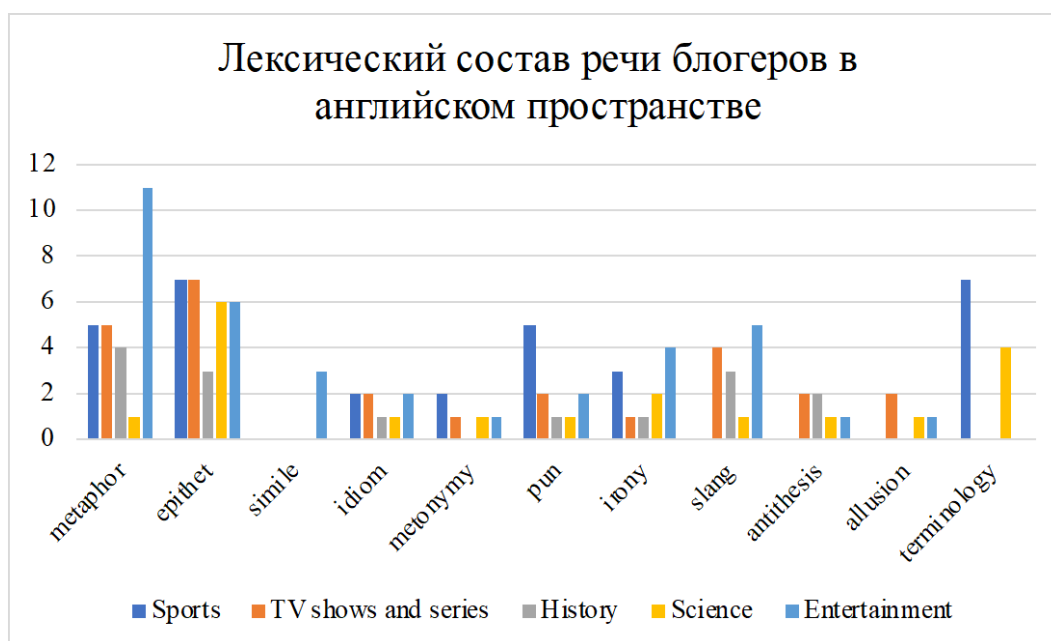

Рис. 2. Лексический состав речи блогеров в английском
медиапространстве

Нами было отмечено, что вариативность использования лексических средств выразительности преобладает в русскоязычном медиапространстве. Так, значительное количество примеров с гиперболами, аналогиями и морфологическими изменениями слов свидетельствует о том, что речь блогера изначально строится для создания яркого и запоминающегося образа, который может быть транслирован широкой аудитории.

В то же время в английской среде используется значительное количество метафор и эпитетов. Количество эпитетов значительно превышает такие же показатели в русскоязычном пространстве. Данные особенности мы связываем с типологическими особенностями языков. Русский язык обладает более широким диапазоном морфологических изменений для придания выразительности описываемому феномену, тогда как в английском языке для этого приходится использовать лексические и синтаксические приемы придания выразительности.

Относительно стилевой принадлежности текстов развлекательного жанра нами были отмечены следующие особенности: в лексике русскоязычных блогеров преобладали сленговые выражения, терминология и игра слов. Англоязычные блогеры чаще использовали иронию и в меньшей степени сленговые выражения и термины.

Литература

Ван Дейк Т.А. К определению дискурса / Т.А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1998. – 312 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; [Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной]. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.

Воронцова Т.А. О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2008. – Вып. 3. – С. 17–22.

Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград. – Перемена, 2000. – С. 5–20.

Хафизова А.А. Медиатекст как объект лексико-стилистического исследования (на материале аналитических статей журнала «Foreign Affairs» / А.А. Хафизова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – Вып. 3. – С. 83–91.

О соотношении категорий текста и дискурса

текст, дискурс, категория, жанр, стиль

Текст и дискурс являются важными понятиями в современной лингвистике и филологии, и их понимание играет ключевую роль в анализе и интерпретации языковых явлений. Прежде всего ученые уделяют большое внимание вопросу разграничения понятий «текст» и «дискурс». Понятию «текст» уже давно предложено множество трактовок, разных по своему содержанию и смыслу и имеющих вполне четко выраженную систему. Например, обратимся к определению И.Р. Гальперина, который пишет, что «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 27]. Исходя из этого определения, мы видим, что Гальперин дает достаточно четкое определение, основанное на структурных и категориальных особенностях текста. Несколько иная точка зрения в вопросе определения текста представлена М.М. Бахтиным. Он определяет понятие «текст» следующим образом: «Текст (письменный и устный) является практически уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне “мыслящей субстанцией”» [Бахтин 1975: 122–151]. Бахтин, определяя текст таким образом, представляет текст с точки зрения адресата. В данном случае осуществляется особый диалог читателя с текстом, в котором важную роль приобретает направленность этого текста на адресата.

Необходимо отметить наличие двух разных подходов к пониманию текста как лингвистического явления. В первом случае мы видим, что в определении текста основное внимание уделяется грамматической и структурно-сематической организации [Бастун 2020: 227]. Во втором же подходе мы видим немного иной вектор в понимании сущности текста. Так называемый функциональный подход выделяет взаимодействие коммуникативной и структурной составляющих текста.

Постепенно лингвистическое понимание текста отходит на второй план, а также происходит смена научной парадигмы. Системно-структурная парадигма уступает место парадигме антропоцентрической, в основе которой человеку отводится ведущая роль. Все эти и ряд других причин способствовали появлению нового направления в лингвистике текста – «теории дискурса». Говоря о понятии «дискурс», необходимо выделить ряд важных определений,

используемых в науке. Ряд ученых, отождествляя дискурс с текстом, выдвинули определения понятия «дискурс» через текст. Так, например, Н.Д. Арутюнова пишет, что «дискурс – это текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1989: 136]. Важным также является определение, выдвинутое Тёном ван Дейком. Он понимает дискурс как коммуникативное событие, которое происходит в процессе коммуникации между слушающим и говорящим в определенный момент времени, в определенном пространстве и в определенном контексте. Подобное коммуникативное событие может быть и письменным (чтение книги), и устным (разговор друзей). Здесь же ван Дейк дает разграничение между двумя понятиями «дискурс» и «текст». По его мнению, «дискурс – это актуально произнесенный текст, а “текст” – это абстрактная грамматическая структура произнесенного» [Т.А. van Dijk 1998: 4].

Как можно заметить, ряд исследователей разделяют понятия «текст» и «дискурс», а ряд других отождествляют, находя объединяющие элементы. Например, А.А. Кибрик дает следующее определение дискурсу. Он пишет, что «дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста» [Кибрик 2003: 4]. Кибрик подчеркивает статичность текста и динамичность дискурса. Помимо «текста», понятие «дискурс» вступает во взаимодействие с такими понятиями, как речь, диалог, монолог, коммуникативная ситуация, являясь для всех этих понятий общим объединяющим родовым понятием, используемым для определения всех видов использования языка. Категории текста, по мнению Н.С. Болотновой, представляют собой «текстовые качества, важнейшие признаки текста, имеющие типизированный и обобщающий характер» [Болотнова 2009: 161]. Ученые выделяют множество категорий текста. И.Р. Гальперин выделяет десять основных категорий текста. Он считает текстовыми категориями следующие: связность (когезия), членимость, модальность, завершенность, информативность, континуум, интеграция, а также автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция текста [Гальперин 1981: 48]. Наиболее важными, по мнению многих исследователей, являются такие категории текста, как членимость, связность, цельность, модальность [Сушкова 2023: 51].

Говоря о категориях дискурса, стоит отметить, что здесь присутствует определенная корреляция с категориями текста. В.И. Карасик в своей работе «О категориях дискурса» выделяет четыре группы категорий дискурса [Карасик 1998: 187]. К первой группе он относит конститутивные категории, которые являются, по сути, базовыми и позволяют понять, можно ли считать текст текстом. Здесь можно выделить такие категории, как завершенность, структурное единство, относительная оформленность текста. Вторую группу составляют жанрово-стилистические категории дискурса. Это категории, которые определяют текст с точки зрения его функциональных и стилистических особенностей. К этой группе относят категории стилевой принадлежности, клишированности и др. Третья группа – это содержательные категории. Они определяют смысл текста.

Сюда относят модальность, информативность, адресативность. К четвертой группе категорий дискурса отнесены формально-структурные категории. Это категории, характеризующие организацию и структуру текста. К этой группе отнесены, например, членимость, связность. В данном случае мы видим, что категории дискурса охватывают текст несколько шире, чем категории текста. Дискурс представляет более широкое явление, которое имеет ситуативный характер, так как представляет собой текст в определенной коммуникативной ситуации. Текст же предстает как результат языкового явления речи, представляя более статичным объектом.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время в лингвистике нет четкого определения категорий текста и дискурса и единой точки зрения в данном вопросе. Это связано прежде всего с многочисленными подходами в изучении данного вопроса. Исследование текстообразующих категорий должно быть разносторонне направленным и учитывать множество мнений и подходов. В вопросе соотношения категорий текста и дискурса следует отметить, что дискурс, являясь более обширным, родовым термином, чем текст, имеет более широкий спектр категорий, включая и текстовые в том числе, но рассматриваемые более целостно и комплексно.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1989. – С. 136–137.

Бастун Е.В. К вопросу о разграничении понятий «текст» и «дискурс» / Е.В. Бастун, Т.А. Островская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 4 (33). – С. 226–229.

Бахтин М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122–151.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – М., 2009. – 520 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, 1998. – С. 185–197.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде научного доклада. докт. филол. наук / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

Сушкова А.Р. К вопросу о рассмотрении дихотомичекой пары текст vs дискурс через их категории / А.Р. Сушкова // Lingua-Universum. – 2023. – № 4. – С. 50–52.

Teun A. van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London: Sage, 1998. – P. 4.

Англицизмы в диалоге современности

*англицизмы, лексическая единица, английский язык, русский язык,
культура, речь*

Занимая доминирующую позицию в мире, английский язык проник и прочно пустил корни в нашем родном языке очень давно. С течением времени число заимствований росло с геометрической прогрессией. Экономическая и культурная глобализация способствовала унификации культуры и языка. На данном этапе развития современного мира иногда сложно осознать, что то или иное слово является заимствованным.

Современный русский язык содержит более 1000 заимствований из английского. Большое количество англицизмов обнаруживается в сферах, связанных с международной деятельностью человека, таких как экономика, политика, торговля, бытовая сфера, шоу-бизнес, мода, техника, информационные технологии.

В наше время, когда «Интернету все возрасты покорны», именно он является отличным ресурсом для пополнения родного языка словами из английского лексикона. Фильмы, передачи, социальные сети, ток-шоу, музыка из всемирной паутины стали причиной интенсивного проникновения заимствованных слов в наш обиход. *Чатиться, мэссенджер, флешка, диск, трек* – этот список слов с англоязычным происхождением можно продолжать бесконечно.

Отметим, что зачастую заимствования прослеживаются в речи молодых людей, поскольку молодежь в большей степени подвержена влияниям извне, копируя и внедряя в свою культуру все заграничное. Молодежный сленг стал изобиловать английскими словами в русской транслитерации, открывая новые значения для них (**краш** от англ. *crush* ‘увлечение’ на сленге обозначает человека, который нравится втайне; **кринж** от англ. *to cringe* ‘испытывать отвращение’ обозначает ‘стыд за других’; **пруф** от англ. *proof* ‘доказательство’ обозначает подтверждение; **хайп** от англ. *hype* ‘шумиха’ обозначает привлечение внимания; **пранк** от англ. *prank* ‘розыгрыш’ обозначает прикол). Зачастую эти английские слова видоизменяют с помощью русских приставок, суффиксов или окончаний – **вкрашиться, кринжевать, пранкерить** и др.

Известные лингвисты прошлых лет называют несколько причин появления англицизмов в русском языке:

- потребность в названии нового (*диск, сайт*);
- отсутствие названия в русском языке (*спонсор, спрей*);
- конкретизация значения (*бургер: гамбургер, чикенбургер*).

- короткое слово вместо русского словосочетания (*снайпер, чипсы*);
- дань моде, престиж (*шоппинг, шоу, пати*).

В настоящий момент, ввиду частого использования англицизмов в неформальном общении для придания большей выразительности, можно добавить еще одну причину использования:

- *экспрессивность* (молодежный сленг: *ливнуть, рофлить*).

Исходя из вышеизложенного, среди англоязычных заимствований можно выделить несколько типов:

- слова, которые появились в русском, чтобы обозначить предметы имеющие интернациональный характер (*аквапарк, боулинг*);
- слова, у которых имеются синонимы в русском (*имидж, спикер*);
- слова-маркеры неформального общения, «одомашненные» русскими приставками, суффиксами и окончаниями (*чилить, донатить, криповый*).

Итак, поскольку контакт английского и русского языков усиливается, многочисленные англицизмы в письменной и устной речи – явление закономерное. Зачастую английское слово становится более авторитетным и может подчеркнуть определенный уровень информативности человека, а для подростков является более доступным средством самовыражения. Однако некоторые лингвисты высказывают опасения относительно культурной основы нашего родного языка и призывают «почистить» язык. Тенденция к неоправданному использованию англоязычных заимствований является явной проблемой культуры речи на сегодня, по их мнению. Но если рассматривать язык как отдельный механизм, который постоянно развивается, то можно предположить, что он имеет свойства самоочищаться и избавляться от ненужного самостоятельно.

В целом англоязычные заимствования и их адаптация в русском языке представляют собой интереснейший лингвистический материал для дальнейшего исследования.

Литература

- Анохина С.В. Активные процессы современного словопроизводства / С.В. Анохина. – Белгород, 2000. – С. 7–10.
- Белов Н.В. Словарь молодежного и интернет-сленга / Н.В. Белов. – Минск, 2007. – 255 с.
- Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы / М.А. Брейтер. – Владивосток, 2004. – 156с.
- Бондарец О.Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / О.Э. Бондарец; под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та., 2008. – 144 с.
- Дьяков А.И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А.И. Дьяков. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43.

Калинина Е.А. Англицизмы в современном русском языке / Е.А. Калинина // Юный ученый. – 2016. – № 5 (8). – С. 19–21.

Морозова И.О. Англицизмы в современном русском студенческом сленге: сопоставительное исследование на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / И.О. Морозова; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2006. – 18 с.

**Употребление постпозитивных частиц в севернорусском говоре
(на материале корпуса русских говоров Удмуртии)**

*русские говоры Удмуртии, ЛГИС «Диалект», лингвистический корпус,
постпозитивные частицы, севернорусские говоры*

Ресурсы корпусной лингвистики активно используются во многих областях изучения языков, в том числе в диалектологии. В XXI в. в России и за рубежом создан целый ряд электронных корпусов, содержащих записи народных говоров, открытых для широкой аудитории или предназначенных для «внутреннего использования» коллективом создателей. Такие ресурсы, содержащие машиночитаемые письменные тексты или аудиозаписи речи информантов, способствуют изучению фонетики, грамматики, лексики и некоторых речевых характеристик отдельных говоров или их групп на определенной территории.

Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии (адрес: <http://dialect.manuscripts.ru/>) предназначен прежде всего для изучения лексического состава диалектного языка соответствующей территории [Баранов 2020], однако может стать и средством анализа его фонетических и грамматических особенностей. Этому способствует доступность материалов данного электронного ресурса. Тексты корпуса русских говоров Удмуртии в виде скан-копий страниц тетрадей, которые вели студенты и преподаватели Удмуртского государственного университета во время экспедиций в 1970–80-х гг., а также аудиозаписи разговоров с информантами, сделанные в 1990–2000-е гг., находятся в открытом доступе, сопровождаются указанием на место и время записи, поэтому могут быть использованы в качестве материала для разносторонних исследований русских говоров Удмуртии.

При помощи корпуса было проанализировано употребление частицы *-то* и аналогичных элементов в селе Карсовой Балезинского района Удмуртии. Функции и вариативность постпозитивных частиц в русских народных говорах, несмотря на давнюю историю обсуждения [Касаткина 2008], продолжают оставаться предметом исследования в современной, в том числе корпусной, лингвистике [Виняр 2015].

Диалектологический атлас русского языка дает достаточно пеструю картину употребления постпозитивных частиц [Диалектологический 2004, 3: карта 9], наибольшее их разнообразие наблюдается в севернорусских говорах, поэтому использование данных грамматических элементов в русских говорах Удмуртии, относящихся к севернорусскому наречию, представляет научный интерес.

В корпусе русских говоров Удмуртии содержатся записи транскрибированной речи двух диалектоносителей из села Карсовой, сделанные во время диалектологической экспедиции в 1981 г., а также аудиозаписи бесед с двумя информантами, сделанные в 2006 г. в том же населенном пункте. Сравнение записей разных лет позволяет выявить как общие особенности употребления постпозитивных частиц в говоре села Карсовой, так и динамику происходящих изменений.

В записях, сделанных в 1981 г., отмечены частицы: *-то*, *-от*, *-ту*. Частица *-от* встречается в речи одной из информанток после форм существительных, числительных и местоимений мужского рода в именительном падеже: *сын-от*, *братан-от*, *хвост-от*, *один-от*, *другой-от*, хотя можно отметить отклонения от этой закономерности: *он-то*, *старший-то*. Отмечен случай несогласованного употребления этой частицы: *Мух-от нет*. Частица *-то* используется с именами существительными и прилагательными: *мясо-то*, *избу-то*, *баню-то*, *в девках-то*, *вредная-то*. Примеров с частицей *-ту* в речи этой женщины не отмечено.

Вторая диалектоносительница употребляет в основном частицу *-то* (*-тл*, *-тъ*) в независимости от грамматического характера предшествующего слова: *чай-то*, *ребёнка-тъ*, *ягод-то*, *крупу-то*, *раньше-то*, *не будет-то*, *прясть-то* и др. Единственным примером с употреблением другой частицы в речи этого информанта является фраза: *Нетель-ту нарушили*. По-видимому, в данном примере эта постпозитивная частица служит показателем формы винительного падежа, которая омонимична форме именительного падежа данного слова. Как показывают примеры, второй информант использует постпозитивную частицу не только с именными частями речи, но и с глаголами и наречиями.

Одна из информанток, опрошенных в 2006 г., также употребляет частицу *-то* с различными частями речи: *девочка-то*, *место-то*, *на конец-то*, *в педагогическом-то училище*, *не очень-то*, *по одной-то*, *искать-то*, *ездить-то* и др. Частица *-ту* встречается с формами винительного падежа существительных женского рода на *-а*: *роженицу-ту*, *зыбку-ту*.

В речи другой диалектоносительницы, беседа с которой записана в 2006 г., примеров употребления постпозитивной частицы с формами винительного падежа не отмечено. В других случаях с различными частями речи используется частица *-то*: *возраст-то*, *детей-то*, *из круга-то*, *выражение-то*, *каша-то*, *в шубе-то*, *в нашем-то*, *дарить-то*, *убило-то*, *когда он есть-то*, *больше-то*, *ладом-то*, *много-то*, *больно-то*, *так-то* и др. В почти полуторачасовой записи отмечен единственный факт употребления частицы *-от* после существительного мужского рода в именительном падеже: *Вот ты будешь его поминать, тебя лешак-от унесет в лес*. При этом в той же записи отмечена фраза: *Вот этот лешак-то, это очень нехорошее слово*. Можно сделать вывод о непоследовательности использования частицы *-от* в речи данного информанта.

Таким образом, записи, представленные в корпусе русских говоров Удмуртии, позволяют прийти к заключению, что в селе Карсовой Балезинского района Удмуртии постпозитивная частица *-то* может употребляться с различными частями речи. Грамматическое согласование с именами происходит эпизодически: могут быть маркированы слова мужского рода (*-от*) и формы винительного падежа имен существительных женского рода (*-ту*). Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что для исследуемого говора верно утверждение составителей Диалектологического атласа русского языка о том, что «в большей части говоров, где имеется грамматическое согласование частиц, оно редко выдерживается последовательно. Каждая из частиц в той или иной мере обнаруживает тенденцию к утрате согласования и тем самым к более универсальному употреблению» [Диалектологический 1996, 3: 27]. Многочисленные случаи использования частицы *-то* с неименными частями речи говорят о преобладании усилительно-выделительной функции данной частицы, об утрате ею именной соотнесенности. При помощи корпуса исследование употребления данной частицы в русских говорах Удмуртии будет продолжено.

Литература

Баранов В.А. Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии: разработка и возможности использования / В.А. Баранов, Р.А. Верняева, Е.А. Жданова // Cuadernos de Rusística Española. – 2020. – Vol 16. – С. 39–54.

Виняр А.И. Исследование правил дистрибуции вариантов постпозитивной частицы *-то* в севернорусском говоре с использованием корпусных методов / А.И. Виняр, Е.А. Герасименко // актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 34–37.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. – М.: Наука, 1996. – 375 с.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. III (часть 2). Синтаксис. Лексика / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004.

Касаткина Р.Ф. Псевдо-артиклъ и местоимение-артиклъ в слободских говорах / Р.Ф. Касаткина // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М., 2008. – С. 111–131.

Термины, употребляемые при изготовлении тувинской традиционной одежды

*тувинцы, традиционная верхняя одежда,
тувинский язык, диалект, говор*

Традиционная одежда является неотъемлемой частью культуры любого народа. Вопросы историко-этнографических сведений по традиционной одежде тувинцев нами рассмотрены в работах В.П. Дьяконовой, Л.П. Потапова, С.И. Вайнштейна, Л.Ш. Сат-Бриль, М.О. Сиянбиль, Р.Б. Ховалыг. Тувинская национальная одежда имеет свою историю, создавалась она в зависимости от природно-климатических условий, хозяйственной деятельности и быта народа. К верхней одежде тувинцы относят халатообразную одежду – *тон*. *Тон* классифицируют в зависимости от сезона носки и материала изготовления. К зимней одежде относятся: *алгы тон* – негей, аскыр негей, додарлыг хой кежи, додарлыг хураган кежи тон. К демисезонной одежде относят: ой, сескиирге хураган кежи, ховеңниг тон. К летней относится *шыва тон (дерлик тон)*, *эдектиг тон*.

В данной статье мы рассматриваем *шыва тон (дерлик)*, который является испокон времен по настоящее время самым распространенным видом одежды у тувинцев. В зависимости от назначения использовались различные материалы для изготовления. Для повседневной носки шили из далембы, для особых и праздничных мероприятий применялся национальный шелк. На сегодняшний день ассортимент используемых материалов значительно расширился.

Шыва тон (дерлик) – ‘летний халат’ [Тенишев 1968: 585]. Известно, что диалекты тувинского языка классифицируются по территориальному принципу: например, в говоре жителей западной части нашей республики встречается – *шыва тон*, а *дерлик* – в юго-восточном диалекте. Значение названия «шыва тон» происходит от слов *шывар*, *шып* ‘покрывать; накрывать, накидывать’, *шыва алыр* [Тенишев 1968: 585]. В этимологическом словаре тувинского языка термин *дерлик* дается в сравнении тюркских языков: *дерлик* – *терлик*, на монгольском языке *тэрлэг* ‘терлик, летний халат’, бурятском *тэрлиг* ‘терлик, летний халат (на подкладке)’, калмыцком *терле* ‘женское платье (без рукавов)’, тувинском *дерлик* (а также *терлик*) как название летнего халата, скорее всего, является вторичным монгольским заимствованием [Татаринцев 2002, 2: 142]. *Шыва тон (дерлик)* – летний тон с подкладкой, который надевали в жару, когда люди сильно потели; возможно, отсюда и появилось название *дерлиг тон*, его надевали как мужчины, так и женщины, молодые девушки, дети и пожилые люди. Все виды *тон* имеют одинаковую конструкцию: цельнокроеный покрой с рукавом,

наружная (левая) пола *улу хой*, нижняя (правая) пола *ишти хой*, воротник-стойка.

Традиционная технология изготовления *шыва тон* (дерлик) (М.Ш. Лоовай, 1998 г.) выражается терминами: *быжары* ‘раскрой материала верха и подклада’, *тоннуң кезектерин даараарынга белеткээри* (*чеңнерни, ишти хойну кожары*) ‘подготовка изделия к пошиву (приметывание деталей рукавов, внутренней полы)’, *хаваар, хаваашкын* ‘соединение материала верха с подкладом’, *хаштаары (минчиури)* ‘окантовка срезов рукавов и ступенчатого выреза *улу хой бажы*’, *хурээ-хаваг* ‘обработка низа изделия’, *тоннуң кыдыккы болгаш чеңиниң тиин даараары* ‘обработка боковых срезов и срезов цельнокроеных рукавов’, *моюндурукту быжары болгаш тонга чыпшыр даараары* ‘обработка воротника и соединение с изделием’, *тоннуң каастап аарыглаары, өөктерни дижилеп даараары* ‘окончательная отделка и пришивание пуговиц’.

Технология изготовления *шыва тон* начинается с раскроя. Процесс раскроя *тон* имел однотипность, поскольку была у тувинцев выработана система без предварительного обмера. В основу данной технологии входят народные меры: *сөөм, карыш, мугур сөөм, илиг, кулаш* [Зайцева 2023: 52].

После раскроя выполняют подготовку изделия к пошиву (приметывание деталей рукава, *ишти хой*). Следующим этапом является соединение материала верха с подкладом – самый трудоемкий процесс в технологии изготовления *шыва тон* (дерлик). Это процесс выстегивания называют «хаваар, хаваашкын». Выполняют выстегивание шелковыми нитками в определенной последовательности петлеобразными стежками.

Немаловажным моментом является окантовка срезов *хаш (минчик)*. Минчик – отделка краев [Тенишев 1968: 296]. Процесс окантовки в западном диалекте тувинского языка обозначается словом – *хаштаары*, а в юго-восточном – *минчиури*. Срезы рукавов *чең аксы*, ступенчатого выреза *улу хой бажы* обрабатываются открытым окантовочным швом, где ширина шва – 0,5-1,0 см. В прошлом ширину окантовки выполняли значительно шире в отличие от монгольской одежды. В настоящее время сравнительный анализ объекта нашего исследования позволяет отметить, что ширина окантовки значительно уменьшилась (0,3-0,5 см). Также следует отметить, что цвет окантовки носил семиотический смысл.

Как отмечала М.Ш. Лоовай, особое сакральное значение имело место в обработке низа изделия *тон – хурээ-хаваг* ‘обработка подола’. Данное сложное слово отсутствует в словарях тувинского языка, является диалектным, поскольку оно употребляется в речи народных мастеров – представителей эрзинского говора юго-восточного диалекта тувинского языка, скорее всего, заимствовано из монгольского языка.

В обработке низа изделия *тон* дополнительно раскраивались бейки по форме низа изделия *тон эдээ*. Бейки приметывались и притачивались к подолу *улу хой, ишти хой, тон арты эдээ*. Сакральность *хурээ-хаваг* определялась выполнением защитной функции «аас-кежикти тоннуң эдэ-

энге доктаадыры». В настоящее время технологический процесс обработки *хурээ-хаваг* мастерами практически выполняется очень редко, тем самым утрачивается сакральный смысл. На наш взгляд, обработку *хурээ-хаваг* необходимо включить как обязательный элемент в технологии изготовления *шыва тон*.

Следующим этапом в технологии изготовления является обработка боковых срезов с переходом на срезы цельнокроеных рукавов *шыва тон*. Использовали ручные и машинные швы. В отсутствие швейных машин ручные петлеобразные стежки обозначаются словосочетаниями *дедир чанчыл даараан тиг* 'шов назад иголку', в качестве обметывания срезов использовали *чамай даараан тиг* 'подшивочная потайная строчка'. В технологии изготовления *шыва тон* предпоследним этапом обрабатывают воротник и соединяют с изделием. В традиционной технологии обработки воротника для соединения деталей верхнего и нижнего воротника использовали дублирующее средство – селезенку животных *чавана*, которая обладала достаточно высокой влагостойкостью. Отмечено также использование в качестве дублирования деталей воротника мучного клейстера. В настоящее время взамен этих средств используют дублирующие материалы. После дублирования деталей воротника выполняют процесс выстегивания, окантовки.

В заключение необходимо отметить, что при изготовлении традиционной одежды *шыва тон* в тувинском языке отмечены следующие диалектные слова: зап. хаштаары – юго-вост. минчиيري 'окантовка', дерлик ~ терлик – *шыва тон* 'тон' (тувинский халат), в эрзинском говоре *хурээ-хаваг* 'обработка подола' и т. п.

Литература

Зайцева С.В. Традиционный способ раскроя национальной одежды «Шыва тон» / С.В. Зайцева // Научные труды Тувинского гос. ун-та. Вып. XXI: материалы ежегодной научн.-практ. конф. преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского гос. ун-та, посв. Году культурного наследия народов России (29 октября 2022 г., г. Кызыл) / отв. ред. Е.Д. Монгуш. – Кызыл: Изд. ТувГУ. 2023. – С. 52–54.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука. Т. II: Д, Ё, И, Й / ответственный редактор Д.А. Монгуш. – 2002. – 388 с.

Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.

Информатор

Лоовой Мандалмаа Шыыраповна (1941–1999) – народный умелец, Эрзинский кожуун с. Бай-Даг.

**Паралингвистические средства в информационных ресурсах
Вооруженных сил Италии
(на материале журналов Сухопутных войск Италии)**

*паралингвистические средства, лингвопрагматика,
военные журналы, Сухопутные войска Италии, итальянский язык*

Сегодня периодические издания не только являются основным источником новостей, но и используются как средство социальной рекламы. Информационные ресурсы Вооруженных сил Италии ставят перед собой такие задачи, как привлечение новых кандидатов, повышение престижа военной службы среди граждан. Подтверждение того факта, что перцепция текста зависит от его оформления, мы находим у Е.В. Покровской: «Готовность извлечь из информации определенный смысл и вынести те или иные суждения зависит также от формы построения материала» [Покровская 2004: 17].

Каждый из четырех видов Вооруженных сил Италии (Сухопутные войска, Военно-морские силы, Военно-воздушные силы и Карабинерские войска) имеют свои печатные и электронные СМИ. В нашем исследовании мы рассмотрим журналы Сухопутных войск Италии, которые играют ключевую роль как в государственных, так и в международных операциях и выполняют широкий спектр задач, включая обеспечение безопасности, защиту границ, поддержку в случае стихийных бедствий, борьбу с терроризмом и миротворческие операции. Для привлечения внимания аудитории/ читателей авторы используют не только лингвистические, но и паралингвистические средства.

В связи с ограничениями по времени и объему доклада предлагаем рассмотреть прагматический потенциал паралингвистических средств на примере журнала "Rivista Militare".

В пятидесятых годах двадцатого века началось исследование паралингвистики как научной области, которая изучает взаимосвязь наблюдаемых паралингвистических явлений и языка. Термин «паралингвистика» был введен американским лингвистом А. Хиллом в конце 1940-х гг.

Паралингвистика – 1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в языковое сообщение и передающие вместе с вербальными средствами смысловую информацию; 2) совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [Николаева 1998: 367].

Паралингвистические средства классифицируют по-разному у Е.М. Верещагина, И. Н. Горелова, А. И. Смирницкого, П. Экмана и У. Фризена и т. д. Вслед за наиболее полной и популярной классификацией

Г.В. Колшанского рассмотрим такие виды паралингвистических средств: фонационные – тембр речи, ее темп, громкость; кинетические – жесты, мимику; графические – шрифт, расстановку букв, их заменители (символы), сегментацию текста, его расположение на бумаге, иконические знаки, необычное написание [Колшанский 1974: 32]. Именно графические паралингвистические компоненты газетных текстов являются объектом нашего внимания в рамках данной статьи.

В нашем исследовании мы рассмотрим такие графические паралингвистические средства, как **изображение, цвет и шрифт**.

На рис. 1 журнала СВ Италии мы видим, как авторы одновременно используют паралингвистические средства для оказания комплексного действия на реципиента. Изображение облаченного в доспехи воина с катаной на фоне красного солнца в белых облаках, воспроизводящих флаг Японии, образно отражает вербальную информацию и подтверждают ее, вносит национальный колорит страны, о которой рассказывается в тексте.

Увеличенный красный круг, олицетворяющий солнце, обращает на себя внимание читателя, активизирует фигуру воина и композиционно организует текстовое пространство.

Заголовок выполнен в черном цвете, что контрастно выделяет его на белом фоне, а подзаголовок с этой же целью реализован в двух цветах. Гарнитура и кегль шрифта, начертание прописными буквами не только выделяют заголовок и подзаголовок, акцентируя на них внимание реципиента, но и способствуют созданию экспрессии.

Рис. 1

На рис. 2 журнала СВ Италии кегль и цвет шрифта выполняют не только аттрактивную, но и смысловыделительную функцию. Белый и красный цвет привлекают внимание адресата, при этом заголовок красного цвета выделяет ту часть текста, где следует перевод на английский язык, помогая читателю ориентироваться в структуре текста.

Фоновое изображение очень яркое, пять цветов флага Центрально-африканской Республики визуализируют переданную вербально информацию и привлекают внимание читателя, а фотография коронации Жана-Беделя Бокассы создает исторический и национальный колорит, передает атмосферу, царившую в ЦАР в 1960–70-е гг.

Рис. 2

Итак, анализ практического материала показал, что включение в текстуальное пространство графических паралингвистических элементов активизирует визуальный канал восприятия и оптимизирует речевое воздействие на читателя, а паралингвистические средства выступают как «прагматические катализаторы».

Военные журналы СВ Италии, являясь информационным периодическим изданием, играют роль социальной рекламы и служат средством повышения имиджа СВ Италии. Рассмотренные в ходе исследования паралингвистические компоненты журналов СВ Италии делают их прагматически ориентированными на адресата и обеспечивают реализацию не только информационной и воздействующей функции публицистического текста.

Литература

Колшанский Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 494 с.

Николаева Т.М. Паралингвистика / Т.М. Николаева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 367 с.

Покровская Е.В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Покровская. – М., 2004. – 277 с.

Rivista militare 2 (2014). – URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/editoria/Rivista-Militare/Tutti-i-numeri/2014/Documents/Rivista-Militare-on-line-2-2014.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).

Rivista militare 5 (2015). – URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/editoria/Rivista-Militare/Tutti-i-numeri/2015/Documents/RM-online-5-15.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).

**Интервью как жанр спортивного дискурса
(на материале интервью с американскими спортсменами)**

интервью, спортивный дискурс, портретное интервью,

Интервью является одним из старейших жанров журналистики. С момента появления жанра в США в XIX в. [Broersma 2008: 144] интервью охватило все виды СМИ: от печатных (газета, журнал) до цифровых (интернет-издания, блоги, видеохостинги).

Телевидение и Интернет способствовали развитию жанра и росту его популярности. Более чем вековая история развития жанра обеспечила устойчивый исследовательский интерес. Серьезный вклад в развитие теории журналистских жанров в целом и интервью в частности внесли А.А. Тертычный, М.М. Лукина, Н.В. Кодола, Л.Е. Кройчик, С.М. Гуревич, А.В. Колесниченко, М.И. Шостак и др. В широком смысле интервью – это диалог между журналистом и респондентом. По определению С.Н. Ильченко, интервью – «это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес» [Ильченко 2019: 13].

Научный интерес к интервью обеспечил разнообразие подходов к их систематизации и классификации. В современной журналистике насчитывается большое количество видов интервью: протокольное, экспертное, аналитическое, политическое, портретное интервью, интервью-анкета. При отборе материала мы исходили из количества участников и рассматривали интервью как индивидуальное или групповое. Под индивидуальным интервью мы понимаем общение журналиста с респондентом один на один, тогда как в групповом интервью респондентов может быть несколько. В данной статье исследуются индивидуальные интервью с американскими спортсменами.

Интервью со спортсменами в силу профессиональной принадлежности героев затрагивает тему спорта, поэтому такие интервью следует относить к спортивному дискурсу, который привлекает внимание ученых несколько десятилетий [Зиянгиров 2017; Новикова 2019], но его определение варьируется в зависимости от выбираемого исследователями аспекта изучения. По нашему мнению, спортивный дискурс – совокупность устных и письменных текстов разной жанрово-стилевой принадлежности, характеризующихся спортивной тематической общностью и нацеленных на реализа-

цию коммуникативных функций, значимых для адресанта и адресата, рассматривается как гибридный дискурс из-за своей адресант-адресатной специфики и функционального потенциала, как тип «институционального сложного многофункционального образования, которое включает в себя другие виды дискурса» [Долженко 2021, 2: 59]: педагогический, юридический, политический, медицинский, массово-информационный и рекламный.

Нами были проанализированы 50 индивидуальных видеоподобных интервью с американскими спортсменами общей продолжительностью около 16 часов. Спорт играет важную роль в жизни американского общества. Выдающиеся спортсмены и их тренеры – настоящие звезды наравне с политиками и представителями шоу-бизнеса. Как правило, участниками интервью являются журналист, спортсмен или тренер. Развитие жанра интервью на современном этапе не позволяет однозначно отнести исследуемый материал к какому-то определенному «чистому» виду. Исследователи отмечают свойство современных интервью перетекать из одного вида в другой [Баранова 2022: 13]. Таким образом, исследуемые интервью представляют собой сложный материал, относящийся к гибричному типу дискурса и обладающий несколькими жанровыми характеристиками.

Большая часть интервью относится к жанру портретного интервью медийной личности, однако сочетает в себе элементы аналитического, исповедального, экспертного, развлекательного интервью. Портретное интервью – специфический вид телевизионной программы, основанный на диалогической форме общения. В центре внимания портретного интервью находится человек (как правило, имеющий определенную известность в медиапространстве). Его целью является обсуждение значимых событий жизни и деятельности этого человека, открытие читателям или зрителям его внутреннего мира, ценностей и личностных качеств.

Приведем несколько примеров.

1. The Perfect Method by Carl Lewis:

<https://www.youtube.com/watch?v=jWaG01Ocjs>.

Интервью американской журналистки Бармел Лайонз с Карлтоном Льюисом – американским легкоатлетом, девятикратным олимпийским чемпионом в спринтерском беге и прыжках в длину и восьмикратным чемпионом мира. Это биографическое интервью с элементами воспоминания и рекламы: Карл Льюис рассказывает о своем детстве и становлении в качестве спортсмена и олимпийского чемпиона, затем говорит о карьере тренера в настоящее время и планах на будущее, приглашает посетить свой новый веб-сайт для занятий фитнесом.

2. Hope Solo Interview:

https://www.youtube.com/watch?v=uu_PFW7_IRw.

Интервью с Хоуп Соло — американской футболисткой, в прошлом вратарем женской сборной США. Данное интервью также можно отнести к биографическому, включающему элементы проблемного (аналитического) и исповедального интервью. Журналист старается как можно объективней представить личность гостя за счет биографических вставок, вставок из

матчей и интервью после матчей (по ходу интервью видно, что Соло не видит вставок, они «вклеены» при монтаже). Хоуп Соло рассуждает об успехе, о роли вратаря в исходе игры и причинах отстранения из сборной.

3. Figure Skater Starr Andrews Teaches JHud Her Easiest Move: <https://www.youtube.com/watch?v=99-mGDuW8rs>.

Это интервью в большей степени хвалебное, и фигуристка приглашена на шоу после победы на этапе Гран-при. Спортсменка рассказывает о победе и своих эмоциях, а также объясняет ведущей разницу между фигурными коньками и роликовыми, выступая в роли эксперта. В финале интервью Старр Эндрюс обучает Дженифер Хадсон одному из элементов выступления на коньках – правильному поклону публике, что, несомненно, вносит развлекательный элемент в оптимистичную беседу с ведущей шоу.

Из приведенных примеров видно, что интервью имеют смешанные характеристики, затрагивают различные аспекты личности спортсменов и их спортивной карьеры. Смешение жанров, с одной стороны, затрудняет возможности классифицирования, а с другой стороны, делает интервью более информативным и привлекательным для аудитории.

Таким образом, спортивное интервью как жанр спортивного дискурса является многоаспектным научным объектом, проявляет гибридные свойства, предоставляя исследователям широкое поле для деятельности.

Литература

Баранова Е.А. Теория и практика современного интервью: Учебник / Е.А. Баранова. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 158 с.

Долженко Н.Г. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) / Н.Г. Долженко, А.А. Сулхаева // Русский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 2. – С. 59–63.

Зиянгиров Э.К. Семантические и функционально-стилистические параметры спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Э.К. Зиянгиров – Уфа, 2017. – 199 с.

Ильченко С.Н. Интервью в журналистике / С.Н. Ильченко. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 282 с.

Новикова Е.А. Лингво-когнитивный анализ жанров спортивного дискурса (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Новикова. – Ростов н/Д, 2019. – 229 с.

Marcel Broersma. 'The discursive strategy of a subversive genre. The introduction of the interview in US and European journalism' / in H.W. Hoen and M.G. Kemperink, eds., Vision in Text and Image. The Cultural Turn in the Study of Arts. – Leuven, Paris and Dudley, Ma. 2008. P. 143–158.

Анализ лексических единиц ювелирного искусства

*термины, специальный язык, лексика, терминология,
ювелирное искусство, специальные понятия*

Статья посвящена исследованию лексических единиц одного из самых распространенных видов декоративно-прикладного искусства – ювелирного дела.

В статье представлено описание специфики лексики специального языка. Автор выделяет тематические группы терминов и проводит типологический анализ терминологии ювелирного искусства.

Актуальность и научная новизна исследования обусловлены тем, что в настоящее время лексические единицы данного подъязыка недостаточно изучены.

На сегодняшний день во всех сферах и областях деятельности человека происходят стремительные изменения. В связи с этим не всегда есть возможность проследить за этими изменениями, так как с каждым годом, каждым месяцем и каждым днем растет количество проектов, новейших или обновленных технологий и систем, появляются новые виды искусства, спорта и других видов деятельности. Соответственно, наряду с ними происходят изменения в языке, к которым можно отнести возникновение новых лексических единиц и активное пополнение терминологических систем, существующих в языке по сегодняшний день.

Ювелирное искусство не является исключением. Оно всегда пополняется новыми лексическими единицами.

Но как много мы знаем о лексике украшений?

Бесспорно, все знакомы с такими наименованиями, как *кольцо, цепочка, драгоценные камни, кольцо, серьги, браслет, золото, серебро, кулон, подвеска*. Но эти слова являются лишь малым процентом всех терминов ювелирного дела.

«Лексика украшений – это и отражение мира блистательных камней, предмета изучения серьезной науки – геммологии, это и многочисленные наименования ювелирного искусства, это и выразительные средства языка, положенные в основу экспрессивных названий современных ювелирных коллекций, это и наполненные информацией этимологические разыскания, связанные с историей возникновения и развития ювелирного дела» [Елисеева 2019 4: 66].

Лексика ювелирного искусства разнообразна. Согласно проведенному анализу, необходимо выделить следующие тематические группы терминов ювелирного искусства (см. табл. 1).

Таблица 1

Тематические группы терминов ювелирного искусства

1.	Разновидности ювелирных изделий	ожерелье, чокер, серьги, браслет, кольцо, каффы, брошь и т.д.
2.	Составные части украшений	вставка, каст, плечо, рант, штифт и т.д.
3.	Наименования камней	янтарь, аквамарин, лунный камень, аметист, агат, кварц и т.д.
4.	Типы огранки камней	багет, цветок, капля, ступенчатая, сердце, кабошон, клиньями и т.д.
5.	Разновидности камней по цвету или особенностям состава/происхождения	королевский коралл, речной жемчуг, культивированный жемчуг, горный хрусталь, розовый кварц, дымчатый сукцинит, коньячный бриллиант и т.д.
6.	Материалы и их сплавы	керамика, финик, бутылка, кирпич, рыжуха и т.д.
7.	Виды техник для изготовления ювелирных украшений	басма, финифть, клуазоне, филигрань, опилование, выколотка и т.д.
8.	Наименования приспособлений для крепления камней или изделий	булавка, аграф, фибула, кранц, биндра и т.д.
9.	Виды плетений	снейк, роза, фантазийное, улитка, Нонна, якорное и т.д.
10.	Инструменты и приспособления ювелира	вальцы, дятел, концевики, калибровочное сито, надфиль, ювелирная струна, анка и т.д.

При проведении типологического анализа терминов ювелирного искусства выявлено, что из данной лексики можно извлечь несомненную пользу для исследования. Это связано с тем, что для выявления универсалий лексических единиц необходимо создание определенных параметров, благодаря которым общие и специфические черты специальной подсистемы можно определить, избежав некоторых сложностей. Помимо этого, появляется возможность выделения общих принципов упорядочения терминологии. Специфика терминологии ювелирного искусства заключается в проведении анализа не только терминов, но и других специальных единиц. Эти единицы требуют детального исследования в двух аспектах: семантическом и формальном. В данной статье рассматриваются несколько специальных единиц, а именно:

- 1) прототермины;
- 2) предтермины;
- 3) квазитермины;

4) терминологические элементы.

Безусловно, для того чтобы выделить какой-либо вид специальной лексики, важно акцентировать внимание на характере понятия, который является одним из ключевых критериев выделения при работе с терминами ювелирного искусства. Следует сделать вывод, что название общего официально признанного и зафиксированного понятия – это отличительный признак терминов (геммология, эмалирование, кошачий глаз, вальцы, штихель, штифт, чернение, монисто и др.) [Миллер 2008: 104].

Камни являются неотъемлемой частью ювелирного искусства. На сегодняшний день существует большое количество наименований камней. В основном в этих наименованиях встречаются «прототермины, лексемы, появившиеся в донаучный период существования специальных знаний» [Корнилов 1986: 34]. Их особенностью является то, что они называют не названия. В результате изучения был получен материал, анализ которого позволил заключить, что они называют специальные представления о них. Эта разница представлена в табл. 2.

Таблица 2

Современное название	Устаревшее название
Бирюза	Фирюза, туркиз
Лазурит	Лазоревка
Изумруд	Смарагд
Авантюрин	Златоискр
Коралл	Корлек
Рубин	Червленый яхонт
Сапфир	Яхонт
Оникс	Нагат
Небесно-голубой топаз	Тумпаз

Сегодня одной из самых сложных задач для исследователя является работа с предтерминами и квазитерминами. Их выделение в терминологии ювелирного искусства кажется условным и, вероятно, спорным, так как существующие на данный момент в терминоведении определения данных лексических единиц не представляют надежности, но вызывают интерес в процессе их изучения. Согласно собственным наблюдениям и специальным исследованиям, выявлено несколько наименований ювелирного искусства, которые нужно отнести к предтерминам и квазитерминам:

- *гравирование под чернение;*
- *литье по выплавляемым моделям;*
- *машина 3D-прототипирования;*
- *прессовочные и станочносборные изделия и др.*

Особое значение в ювелирном подъязыке приобретают терминологические элементы. Несмотря на то, что в терминоведении их статус до сих пор остается необозначенным, они встречаются достаточно часто. Их особенностью является то, что, не выступая самостоятельной лексемой, их роль в терминообразовании велика, хотя, на первый взгляд, это всего лишь небольшие структурные единицы терминов, обладающие фиксированным значением. Здесь уместно обратить внимание на представленные ниже примеры.

К прилагательному «ювелирный» можно добавить пару лексических единиц, чтобы в итоге получить словосочетания, относящиеся к украшениям, при изготовлении которых используются металлические предметы и различные камни, а также их продажа: *ювелирная струна, ювелирная галантерея, ювелирная коллекция* и т. д.

Рассмотрим следующий пример с прилагательным «филигранный»: *филигранные серьги, филигранное кольцо, филигранное изделие*. Согласно перечисленным примерам, можно наблюдать, что речь идет о ювелирном языке, если более конкретно, то об изделиях, при производстве которых используется тонкая проволока, благодаря чему на украшениях образуются сложные кружевные орнаменты и узоры [Марченков 1992: 115].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в терминосистеме ювелирного искусства выделяются несколько тематических групп и проводится типологический анализ лексических единиц. В итоге рассмотрения данного вопроса следует отметить, что во внутренних взаимосвязях происходят некоторые сложности, но при этом можно наблюдать богатство языкового материала в данной отрасли. Таким образом, можно констатировать единство взглядов всех исследователей на анализе терминов ювелирного дела, который позволяет выделить перспективы для дальнейшего исследования темы, так как ювелирный язык имеет яркие лингвистические и экстралингвистические характеристики.

Литература

Елисеева Е.П. О специальном языке ювелирного дела / Е.П. Елисеева // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (25). – С. 66–68.

Корнилов Н.И. Ювелирные камни / Н.И. Корнилов, Ю.П. Солодова. – М.: Аедра, 1986. – 282 с.

Марченков В.И. Ювелирное дело: практическое пособие / В.И. Марченков. – М.: Высш. шк., 1992. – 282 с.

Миллер Дж. Ювелирные украшения: справ. Коллекционера / Дж. Миллер. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 256 с.

Использование English Vocabulary Profile для определения тематической направленности учебного текста

*текстовая аналитика, учебный текст,
тематическое моделирование*

В последнее время в лингвистических исследованиях используются аналитические инструменты с целью выявления трендов и закономерностей для наиболее полного понимания текстовых коллекций. В данном исследовании рассматривается такой инструмент, как English Vocabulary Profile (EVP), для анализа тематической направленности учебных текстов. EVP развивается при поддержке Кембриджского университета, а его базу данных составляют тексты Кембриджского учебного корпуса. Он представляет собой справочный ресурс, содержащий информацию об употреблении лексем на каждом из уровней CEFR, при этом учитывается полисемантическая природа английского языка, где одно и то же слово может иметь абсолютно разные значения как в зависимости от контекста, так и в зависимости от уровня владения языком. Однако наиболее важной функцией, отвечающей исследовательским интересам данной статьи, является возможность определять тематическую принадлежность проверяемой лексики с помощью данного сервиса.

Для проведения эксперимента были использованы данные учебника English in Mind 3 издательства Cambridge University Press. Выбор учебника был обусловлен не только его популярностью среди учителей английского языка в РФ, но и тем, что текстовый материал в нем представлен данными Кембриджского корпуса английского языка. Основной целью эксперимента являлось установление соответствия между разделами учебника и тематической направленностью текстов внутри них. Следует отметить, что анализу подверглись все цельные законченные тексты, в том числе скрипты к заданиям на аудирование. Методика работы с текстом заключалась в единичной выборке лексем с наибольшей смысловой нагрузкой и в проверке их тематической принадлежности с помощью сервиса EVP. В данном случае к лексемам с наибольшей смысловой нагрузкой были отнесены существительные, прилагательные, глаголы и отглагольные формы, при этом учитывая важность для семантического анализа глаголов собственно действия (to cook, to dance, to talk) в отличие от глаголов движения (to go), перемещения в пространстве (to carry), динамического состояния (to shake) и пространственного расположения (to fall) [Смородинова 2008: 9–12]. Наряду с этим мы также подвергли сомнению ценность для анализа предлогов, союзов, частиц, используемых, как правило, для целей достижения

когерентности в тексте; числительных, местоимений и наречий частотности. В итоге исключением стал список из 224 уникальных слов.

Начало исследования было посвящено анализу тематических блоков в EVP. Сервис предлагает 22 темы, которые можно условно поделить на конкретные (например, «arts and media», «travel») и общие (например, «describing things», «people: actions»). Наибольшую важность для анализа составили конкретные темы, позволяющие наиболее однозначно определить тематическую принадлежность раздела учебника. В отличие от них, элементы общих тем (например, прилагательные, в основном относящиеся к разделу describing things, и глаголы, относящиеся к разделу people – actions) присутствуют в разной степени в каждом тексте как общеупотребительные слова. Немало вопросов также вызвала тема «communication», в словарный состав которой вошли не только слова, непосредственно связанные с процессом коммуникации (conversation, dialogue), но и союзы и наречия (whereas, and), традиционно использующиеся для целей связности текста. Подобные слова придавали текстам черты темы «communication», таким образом, исключение их из списка подвергаемых анализу слов в начале исследования было оправдано. Кроме того, сервис EVP предлагает тематические теги не для всех слов: в частности, это касается числительных, наречий, предлогов. Мы связываем это с абстрактностью самих слов и невозможностью однозначно определить их семантическую нагрузку, о чем уже было сказано выше. Также необходимо отметить, что сервис EVP в большинстве работает лишь с лексемами в виде отдельных слов, а количество устойчивых словосочетаний и идиом в его корпусе не очень велико.

Далее нами было установлено соответствие между названием раздела учебника и тематическим блоком по EVP. Данный этап был необходим по причине того, что по названию раздела учебника не всегда однозначно понятно, о чем он. В ходе анализа названия разделов было установлено, что из них лишь 6 из 14 коррелируют с темами, предлагаемыми EVP. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица 1

Тематическая направленность разделов учебника

EVP topic	arts and media	communication	crime	relationships	work
Units	Reality TV	Communication	Be honest	A true friend Love	A working life

В число названий, тематическая идентификация которых оказалась затрудненной, вошли «Hopes and fears», «Happiness», «The truth is out there!» и другие. К сожалению, не представляется возможным точно определить, что является причиной неудовлетворительного результата при определении темы: формулировка названия или ресурсы сервиса. Тем не менее провести исследование текстов таких разделов не представилось возможным ввиду отсутствия «эталона» в виде темы, с которым было необходимо сравнить лексическое содержание данных текстов.

Следующим шагом эксперимента стал анализ текстов из 6 разделов учебника, тематическую принадлежность которых удалось установить. Проверке подвергся 21 текст, при этом примечательно, что у 3 из них не было абсолютно никакой корреляции к теме раздела. Обнаруженная закономерность может свидетельствовать как о не совсем релевантном лексическом наполнении текстового материала с точки зрения тематики раздела, но также и о возможных пробелах работы сервиса на первом этапе исследования при определении темы самого раздела. Немаловажным будет отметить зависимость количества слов, подвергаемых проверке, от объема самых текстов. Из проверяемых текстов самый большой включал в себя 518 слов, а самый маленький – 60. Стандартное отклонение в таком случае составляет 44 % при среднем арифметическом 264 слова на текст. Исходя из того, что при коэффициенте вариации > 20 % выборка считается сильно вариабельной, мы можем говорить, что объем текстов также мог повлиять на полученные результаты. В целом элементы соответствующей тематики обнаружились в 86 % текстов. Лидеры по количеству слов, релевантных тематике раздела, – текст № 3 из раздела Love (38 %), а также текст № 2 из раздела Reality TV (29 %). Однако ввиду того, что понятие репрезентативности довольно субъективно и достоверно не установлено, какое количество слов является «достаточным» для раскрытия темы, делать акцент на данном моменте не представляется нужным. Кроме того, данные тексты являются одними из самых коротких в выборке (13 и 42 слова для анализа соответственно), поэтому это также могло повлиять на результаты.

Таблица 2

Результаты исследования

Раздел учебника	Тема (EVP)	Номер текста	Кол-во слов, подвергаемых проверке	Кол-во слов по теме (%)
Communication	communication	1	83	10 (12 %)
		2	85	14 (16 %)
		3	43	3 (6 %)
A true friend	relationships	1	91	2 (2 %)
		2	68	3 (4 %)
		3	28	0 (0 %)
A working life	work	1	66	7 (10 %)
		2	108	9 (8 %)
		3	69	6 (9 %)
Reality TV	arts and media	1	109	4 (3 %)
		2	42	10 (29 %)
		3	110	10 (9 %)
		4	57	2 (3 %)

Раздел учебника	Тема (EVP)	Номер текста	Кол-во слов, подвергаемых проверке	Кол-во слов по теме (%)
Be honest	crime	1	47	0 (0 %)
		2	46	4 (8 %)
		3	34	0 (0 %)
		4	41	1 (2 %)
Love	relation ships	1	103	3 (2 %)
		2	72	2 (2 %)
		3	13	5 (38 %)
		4	52	3 (5 %)

В заключение хотелось бы сказать, что EVP является полезным сервисом для реализации различных целей (оценка уровня языка, анализ контекста употребления лексемы, генерация списков слов по заданным параметрам и т.д.). Результаты же использования данного ресурса для целей тематического моделирования получились неоднозначными. Влияние могли оказать выбранный метод работы с текстом (единичная выборка) и недостаточная предобработка текстовых данных. Несмотря на это, на данном этапе развития сервиса мы исключаем его абсолютную пользу для целей определения тематического содержания контента ввиду отсутствия тематических тегов для всех компонентов его тезауруса, а также неоднозначности определения темы самих этих тегов.

Литература

Смородинова Ю.И. Семантическая эволюция глаголов пространственного перемещения современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Смородинова. – Белгород, 2008. – 22 с.

English Vocabulary Profile. – URL: <https://www.englishprofile.org/word-lists/evp> (accessed: 24.11.2023).

Метафора в поли- и мономодальных текстах политических карикатур

политическая карикатура, метафора, полимодальный дискурс

Проблеме метафоры были посвящены труды философов, лингвистов, психологов, семиотиков, литературоведов и других исследователей социогуманитарного знания разных исторических эпох с учетом имеющихся научных данных и целей исследования – метафору изучали Аристотель, Ж.-Ж. Руссо, Гегель, Э. Кассирер, Р. Якобсон, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, А.П. Чудинова, А.Н. Баранов и многие другие. В XX в. интерес к метафоре был связан с развитием когнитивных наук, появляющихся теорий сознания и растущей уверенности в том, что метафоризация является врожденным механизмом мышления, участвует в создании знания, отражает структуры сознания: «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа». Метафору перестали воспринимать как исключительно средство художественной выразительности, инструментом эстетики, а все чаще стали рассматривать ее с когнитивных позиций как способа мировосприятия и миропонимания. Метафора, исследуемая в когнитивном контексте, обнаруживает связь с эмоциями, памятью и другими когнитивными характеристиками. Метафора фундирована образным уровнем познания, способствует сначала созданию образа, его запоминанию, а потом и его узнаванию (припоминанию). Кроме этого, метафора способна воссоздать в сознании образ даже в том случае, если он не был усвоен опытом, акт метафорического творчества лежит во многих семантических процессах, создании «невидимых миров». Метафора, создавая образ и пробуждая воображение, порождает смысл, который воспринимается разумом, а естественный язык извлекает уже значение из образа.

Исходя из тезиса о метафорической природе самого мышления и слове как лишь одной из модальности репрезентации метафоры, можно продвинуться дальше в размышлениях о способах явления метафоры и заключить, что метафора может быть обнаружена в различных модальностях коммуникации, включая невербальную коммуникацию, звук, музыку, кинематограф и другие визуальные средства. На сегодняшний день, пожалуй, не существует общепризнанного определения метафоры, а некоторые исследователи и вовсе отрицают ее существование, аргументируя свою позицию тем, что метафоричность является характеристикой

интерпретирующего сознания, а сам образ лишь запускает процесс метафорического интерпретирования увиденного. По мнению других, визуальные метафоры являются визуальным тропом, высокоорганизованными образами, которые позволяют читателю распознать один концепт средствами другого. Визуальную метафору чаще всего можно встретить в рекламных продуктах, а создатели рекламы предпочитают слову образ, облегчая во многом задачу зрителю – предлагая готовый образ, создатели рекламы избавляют зрителя от необходимости трудиться над созданием собственных ментальных репрезентаций.

Существуют три типа визуальных метафор с точки зрения их генезиса.

1. Сравнение. Метафора-сравнение представлена двумя визуальными образами, расположенными рядом друг с другом, ассоциация между метафорой-источником и метафорой-целью образована по принципу схожести.

2. Гибридизация. Объединяет продукт-мишень и продукт-источник для формирования единицы образа.

3. Замещение. Данный тип метафоры является самым сложным для понимания, так как предмет-мишень или предмет-источник отсутствуют в изображении. Данный тип метафоры еще называют контекстуальным, поскольку он апеллирует к более широкому контексту, в которое погружается интерпретирующее сознание.

В рамках исследования нами были отобраны политические карикатуры, посвященные политическим лидерам США и Великобритании, с целью описания метафорической концептуализации и выявления на этом основании метафорической модели национального лидера в двух лингвокультурах – британской и американской. С целью определения функций, значения, взаимодействия вербального и визуального кодов – образа и слова – в политической карикатуре был отобран материал, где политические лидеры представлены только графически, а также карикатуры, на которых графическое изображение лидера сопровождается вербальным текстом. Следующим принципиальным основанием для выбора политической карикатуры послужило концептуальное основание графического образа, которое должно было соответствовать формуле $X = Y$, позволяя, таким образом, определить сферу-источник и сферу-мишень. Впоследствии был проанализирован способ реализации данных доменов. Например, в случае некоторых карикатур один из доменов был визуализирован (принцип замещения), в других оба домена были представлены графически (сравнение), а в других случаях оба домена были не только представлены, но трансформированы в один образ (гибридизация). На третьем этапе исследования нами был проанализирован вербальный код карикатур для уточнения характера взаимодействия вербального и визуального кодов.

На рис. 1 изображена сцена въезда нового питомца Б. Джонсона, собаки породы Джек-рассел-терьер, в резиденцию премьер-министра на Даунинг Стрит, 10. В сентябре 2019 г. Б. Джонсон забрал из приюта собаку, которой дал кличку Дилин, а за несколько дней до переезда Дилина премьер-министр объявил о приостановке работы Парламента, который не поддерживал инициативу Б. Джонсона по выходу из состава ЕС.

Обращение Б. Джонсона перед резиденцией на Даунинг Стрит о выходе из состава Евросоюза потонуло в требованиях протестующих остановить надвигающийся государственный переворот. Следуя формуле $X = Y$, данная карикатура представлена двумя доменами: сферой-источником животным (домашней собакой) и сферой-мишенью Б. Джонсоном.

**Борис Джонсон = животное
(природоморфная метафора)
Прием – гибридизация**

Рис. 1
Автор: Питер Брукс
Место издания: газета TheTimes
Год: 2019

Прием, который использовал карикатурист, называется *гибридизация*. Так, образ собаки совмещен с образом Б. Джонсона.

В переноске мы видим Дилина-Бориса: тело собаки с человеческим лицом и фирменной прической премьер-министра – он плачет, потому как понимает, что в этом доме не найдет любви новых хозяев, пес выступает инструментом манипуляции массовым сознанием для создания более благожелательного имиджа в глазах общественности в связи с разразившейся критикой в адрес премьер-министра по причине Брексита.

Главным персонажем карикатуры (рис. 2) является Дональд Трамп,

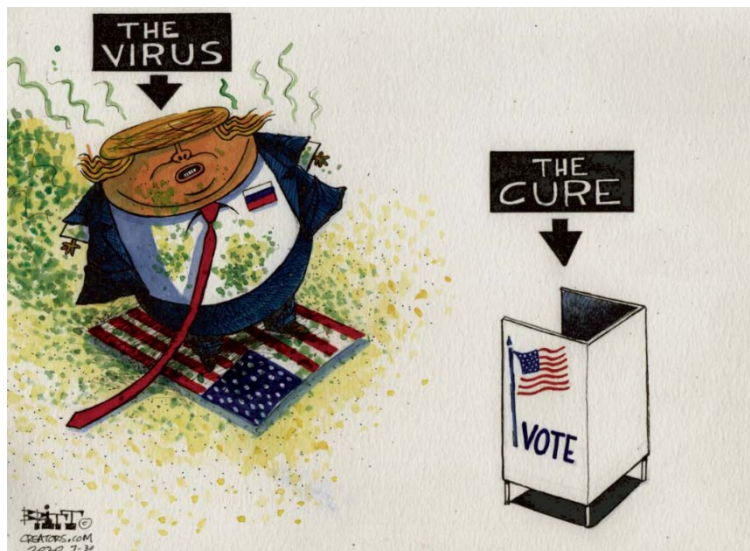

Рис. 2

Автор: Крис Брунн

Место издания: сайт CreatorsSyndicate

Год: 2020

«Вирус», «Лекарство», «Голосование»

который изображен вытирающим ноги о половик в виде американского флага с неизменным длинным галстуком, который символизирует длинный язык политика, его безответственные публичные заявления, а на рубашке заметен значок – флаг Российской Федерации. Как мы помним, Д. Трампа СМИ упорно обвиняли в тайных связях с администрацией Кремля. На карикатуре Д. Трамп оскверняет символ государственности – флаг США, но карикатурист идет дальше и к клейму «осквернитель» с

моральной точки зрения дополняет имидж Трампа биологической характеристикой, называя Трампа вирусом, о чем свидетельствует графическое оформление – зеленые пятна на президенте и вокруг него, а также подпись-указатель над ним «Вирус». Напротив Трампа расположена урна для голосования, которая, соответственно, подписана «Голосование», а над ней указатель «Лекарство». Вербальный код в данной карикатуре вводит дихотомию «болезнь» и «лекарство», выводя нас на рациональный уровень восприятия карикатуры. Мышление противоположностями, согласно А. Бергсону, является естественным результатом эволюции человека и жизненного порыва в нем, интеллект способен познавать что-либо четко и отчетливо лишь через отрицание, то есть познание противоположностей (свет-тьма, начало-конец, быстро-медленно и проч.). Номинации «вирус» и «лекарство», таким образом, необходимы для апелляции к рациональному уровню осмысления карикатуры. Номинативная функция языка необходима для вычленения из действительности объектов реальности и актуализации знаний о нем у познающего субъекта. В процессе номинации происходит кодирование информации, результатом номинации является рождение символа, а будучи репрезентирован познающему сознанию, символ возбуждает ряд концептуальных полей, с ним тесно связанных. Таким образом, при виде слов «вирус» и «лекарство» у воспринимающего субъекта активизируются поля «помощь», «спасение», «жизнь» и другие, которые подготавливают его к действию, которое тут же и предлагает карикатурист, вводя третью лексическую единицу – «Голосование». Следовательно, чтобы спастись от смертельного вируса, необходимо принять антидот – проголосовать против Д. Трампа.

Исходя из проведенного анализа можно выделить две ключевые характеристики вербального кода: рационализация познания и оказание речевой манипуляции через подталкивание к совершению нужного действия.

Дональд Трамп = заразная болезнь (антропоморфная метафора)

Прием – сравнение

Функция вербального кода – закрепление

Литература

Арутюнова Н.Д. Сборник / Н.Д. Арутюнова; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 52.

Барт Р. Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 367 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 390 с.

Зайцева Н.В. Когнитивно-феноменологическая интерпретация риторического примера / Н.В. Зайцева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Т. 45. – С. 14–24.

Ирисханова О.К. Полимодальные измерения дискурса / О.К. Ирисханова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2022. – 448 с.

Цифровой образовательный дискурс Германии в парадигме современных лингвистических исследований

дискурс, цифровые технологии, система образования, цифровой образовательный дискурс, неологизмы, лингвистика, цифровизация

1. Теоретические положения

Термин «дискурс» охватывает разнообразные значения и используется в различных научных контекстах. Он остается актуальным для лингвистических исследований как в зарубежной, так и в отечественной науке. В лингвистике дискурс рассматривается как транстекстуальная единица, и Мишель Фуко занимает важное место в его изучении. Клаудия Фрааз и Михаэль Клемм [Fraas 2005] выделяют разные аспекты дискурса, включая объединение текстов по содержанию, диалогичность, знаковые связи, аргументацию, общественное взаимодействие и дискурс как виртуальные текстовые корпорации.

В работах Д. Буссе и В. Тойберт обсуждается статус дискурса в рамках языковой науки. Они подчеркивают, что дискурс нельзя исследовать, ориентируясь только на языковую структуру, так как он отражает социальные, политические и культурные аспекты. Дискурс определяется как социальная практика, связанная с использованием языка в определенном социокультурном контексте. Изучение дискурса помогает понять социальные отношения, властные структуры и культурные ценности [Busse 1994].

В лингвистике дискурс воспринимается как живой вербализованный обмен, отличающийся от письменной речи. Дискурс включает образно-эмоциональные и поведенческие аспекты, последние включают как внеязыковые, так и формально-лингвистические компоненты. Существуют разнообразные типы дискурсов, включая структурированные тексты, фрагментарные тексты, текстоиды, беседы и устные дискурсы.

Особое внимание уделяется образовательному дискурсу, который охватывает важные аспекты взаимодействия участников образовательного процесса, таких как учитель-ученик, ученик-ученик и учитель-родитель. Образовательный дискурс играет роль в формировании личности через социализацию и инкультурацию, а также создает условия для развития личности с учетом ее особенностей [Кожемякин 2010].

Однако в мире постоянно происходят те или иные изменения, новые явления и трансформации. Одно из таких явлений – это цифровизация, которая оказывает влияние в том числе на дискурс гуманитарных и социальных наук, привнося новые понятия в область обучения и коммуникации, такие как искусственный интеллект, дистанционное обучение и дру-

гие. Социально-гуманитарные науки анализируют риски и потенциал новых технологий для человечества, а также взаимосвязь между различными дисциплинами, включая технические и гуманитарные; таким образом, одним из путей решения данной проблемы может стать открытое и многогранное обсуждение в рамках экспертов из области социально-гуманитарных наук касаясь каждого нового явления или, можно сказать, «плода» технологического прогресса.

Исходя из всего вышесказанного, можно определить такой термин, как **цифровой образовательный дискурс** (сокращенно: «ЦОД») – это совокупность смысловой коммуникации, осуществляемой с применением современных информационно-коммуникационных средств, которые направлены на развитие, обучение и воспитание участников образовательного процесса с учетом социальных, культурных, личностных, психологических и физических факторов, а также специфики определенного социума, в котором находятся обучающиеся. Предложенный термин выступает как онтологическое продолжение классического термина «образовательный дискурс», тем самым дополняя его и обогащая новыми возможностями и инструментами.

1. Отражение ЦОД, который представлен на уровне текстов на базе сайта Федерального министерства образования и научных исследований Германии.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в систему образования Германии находится на стадии интенсивного развития, открывая перед ней перспективы, которые формируют будущее обучения. Одним из ключевых направлений этой эволюции является создание «Personal Learning Environment» (PLE), что сокращается как «персональная образовательная среда». PLE представляет собой инновационный подход, где каждый учащийся способен самостоятельно организовать и контролировать свой процесс обучения и взаимодействия с образовательными ресурсами.

Основой PLE служат искусственный интеллект и анализ больших объемов данных. Идея заключается в том, что учащиеся могут настраивать эту среду согласно своим собственным потребностям, стилю обучения и уровню знаний. Технически PLE включает в себя индивидуальное компонование программного обеспечения, веб-сервисов и мобильных технологий, способствующих неформальному обучению с использованием компьютеров.

Основным достоинством PLE, поддерживаемым ИИ, является индивидуализированное образование. Анализ данных позволяет учащимся получать персонализированные планы обучения, рекомендации по выбору материалов и обратную связь, основанную на анализе их активности в процессе обучения. Это приводит к более эффективному усвоению материала и активному развитию знаний.

В Германии уже существуют успешные проекты, реализуемые образовательными учреждениями, которые демонстрируют преимущества внедрения ИИ в образование:

- IMPACT: этот проект нацелен на улучшение качества высшего образования с использованием методов ИИ для анализа текстов. Студенты получают персонализированную обратную связь о своем обучении и достижениях, что снижает нагрузку на преподавателей и способствует развитию компетенций в области искусственного интеллекта;
- KI4TUK: этот проект ориентирован на индивидуализированное обучение студентов на начальных этапах обучения в области MINT-специальностей. Путем использования ИИ система оценивает уровень обученности и потребности студентов, предоставляя рекомендации по усовершенствованию их навыков в математике, анализе данных и статистике;
- Meditrain – medical tr.AI.ning: этот проект нацелен на совершенствование образования в области медицины с помощью платформы, основанной на искусственном интеллекте, которая обеспечивает симуляцию и обучение виртуальной реальности в медицинских целях. Это позволяет будущим медицинским специалистам приобретать необходимые навыки через реалистичный и ситуативный опыт.

2. Отражение ЦОД на уровне лексических единиц.

В современных условиях наблюдается формирование цифрового образовательного дискурса, который становится ключевым в языке. Новые слова и значения, называемые неологизмами, появляются в языке в результате социокультурных изменений. В период пандемии коронавируса в немецкоязычном образовательном дискурсе можно выделить несколько видов неологизмов:

- 1) термины, связанные с COVID-19, такие как «Lockdown» (карантин), «Maskenpflicht» (обязательность ношения масок) и другие;
- 2) новые термины, связанные с онлайн-обучением и технологиями, например «Webinar» (вебинар), «Online-Unterricht» (онлайн-урок), «Blended Learning» (смешанное обучение);
- 3) новые термины, отражающие психологические и социальные аспекты обучения, такие как «Lernlücken» (пробелы в знаниях), «Klassenbildung» (формирование групп), «E-Learning-Stress» (стресс от онлайн-обучения).

В статье приводятся примеры таких неологизмов немецкого языка и анализируются способы их образования. Например, образование новых слов на основе существительного путем добавления другого существительного (существительное + существительное) – «die Coronaferien» (период закрытия учебных заведений из-за пандемии), «der Coronaschichtunterricht» (модель обучения с ограниченными контактами), «das Coronanotabitur» (поступление в вуз без экзаменов из-за пандемии).

Кроме того, в некоторых случаях новые слова образуются путем компоновки английского и немецкого – «die Take-home-Klausur» (калька с английского «take-home exam», означающая домашний экзамен). Также наблюдается использование числительного в сочетании с существительным – «das Nullsemester» (семестр без учебы). Словообразование также может быть обусловлено дистанционным форматом – «die Distanzklausur»

(экзамен на расстоянии), «der Distanzunterricht» (дистанционное обучение) [Каменский 2023].

В заключение хотелось бы отметить, что формирование цифрового образовательного дискурса оказывает влияние на лексический состав немецкого языка и находит свое отражение в текстах в сфере образования. Анализ неологизмов, их способов образования и отражение новых лексических единиц в текстах, рассмотренных на примере сайта Федерального министерства образования и научных исследований Германии, позволяет понять, как изменения в образовании и социальной среде отражаются в языке и как язык адаптируется к новой реальности.

Литература

Каменский А.А. Влияние пандемии коронавируса на лексический состав немецкоязычного образовательного дискурса / А.А. Каменский // *Modern Humanities Success*. – 2023. – № 7. – С. 16–19.

Кожемякин Е.А. Образовательно-педагогический дискурс / Е.А. Кожемякин // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2010. – № 2. – Вып. 11. – С. 20–27.
Bundesministerium für Bildung und Forschung. – URL: <https://www.bmbf.de/bmbf/de/bildung/bildungsforschung/wissenschafts-und-hochschulforschung/ki-in-der-hochschulbildung/ki-werkzeuge.html> (дата обращения: 29.06.2023).

Busse D. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik / D. Busse, W. Teubert // *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik*. – Opladen, 1994 – S. 10–28.

Fraas C. Diskurse – Medien – Mediendiskurse. Begriffserklärungen und Ausgangsfragen / C. Fraas, M. Klemm // *Mediendiskurse. Bestandsaufnahme und Perspektiven* / Fraas C., Klemm M. (Hrsg.). Frankfurt / Berlin / Bern / NewYork / Paris / Wien. 2005. – URL: http://www.medkom.tuchemnitz.de/mk/fraas/Vorwort_Mediendiskurse2005.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie // OWID. – URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 14.04.2023).

**Языковые особенности романа Марио Варгаса Льюсы
«Город и псы»**

*испанский язык, латиноамериканская литература,
Марио Варгас Льюса*

В романе перуанского писателя, лауреата Нобелевской премии 2010 г. Марио Варгаса Льюсы «Город и псы» (1963) рассказана история о курсантах реально существующего военного училища имени Леонсио Прадо, расположенного в Лиме, где учился когда-то и сам автор романа. Живые описания быта курсантов, история их жизни, содержащая элементы автобиографии, необычная структура романа – все это помогло автору еще до публикации получить в Испании премию «Библиотека бреве» [Варгас Льюса 2000: 6]. Невозможно также не отметить, что, согласно мнению некоторых исследователей, роман Льюсы стал отправной точкой латиноамериканского феномена в мировой литературе, когда появилась и стала популярной целая плеяда авторов Южноамериканского континента [Shaw 1994: 360].

Роман настолько правдив, что руководство училища имени Леонсио Прадо не вынесло содержащейся в нем критики и устроило показательное сожжение нескольких экземпляров романа в присутствии всех курсантов училища [Rodríguez Monegal 1966: 62].

Начать разговор о романе следует, безусловно, с его названия, которое оказывается непонятным для тех, кто еще не прочитал роман. Дело в том, что псами в училище принято называть курсантов младшего курса, подвергающихся издевательствам со стороны тех, кто учится на старших курсах. Именно эти «псы» и стремятся вырваться на свободу – в город, куда их отпускают с территории училища только по выходным и только при условии безупречного поведения.

Структура романа больше всего напоминает разобранный на множество кусочков пазл. Мы видим происходящее глазами четырех разных героев. Голос одного из них введен в повествование однократно, скорее, чтобы запутать читателя, остальные постоянно «передают друг другу слово», причем фокус внимания перемещается с событий, составляющих главную сюжетную линию романа, на прошлое персонажей, и далеко не в хронологическом порядке. Кроме того, в некоторых случаях повествование ведется от третьего, а в некоторых – от первого лица.

Постепенно собирая «пазл», выстраивая каждую сюжетную линию из представленных отрывков, только в самом конце романа читатель получает наконец полную картину. Нарушая хронологию и меняя рассказчиков, автор

приглашает читателя принять участие в увлекательной игре, до самых последних страниц оставляя нераскрытой основную интригу сюжета.

Как мы уже отметили, повествование ведется с точки зрения трех персонажей (четвертого, введенного один раз, чтобы запутать читателя, мы не учитываем). И именно здесь, наряду с традиционными литературными приемами, позволяющими автору дать понять, кого именно следует считать главным героем произведения, Льюса активно пользуется языковыми средствами.

Из трех центральных персонажей, Рикардо Араны по прозвищу *Esclavo* 'Раб' (в русском переводе Холуй), Альберто по прозвищу *Poeta* 'Поэт' (в русском переводе Писатель) и героя, чьего имени мы так и не узнаем, выведенного под прозвищем *Jaguar* (Ягуар) [Vargas Llosa 1963], на первый взгляд, главным героем является Альберто. Рикардо погибает, и его история отходит на задний план, уступая место противостоянию Альберто и Ягуара – первый обвиняет последнего в убийстве товарища. Таким образом, сюжетно рассматривать Рикардо как главного героя мы не можем. Но смерть Рикардо очень заметно меняет Альберто. Кроме того, те эпизоды романа, которые рассказаны от первого лица, – это точка зрения либо Рикардо, либо Ягуара. Эпизоды, отражающие точку зрения Альберто, выделяются тем, что повествование ведется от третьего лица. Однако финал романа все ставит на свои места. Изменения к лучшему, произошедшие в душе Альберто, носили лишь временный характер. Сам Рикардо оказывается совершенно посредственным человеком, который забывает все случившееся в училище, как страшный сон, и возвращается к своей привычной жизни. Зато изменения, всколыхнувшие душу Ягуара, оказываются необратимыми. Именно этот персонаж проявляет невероятный моральный рост, а исключительным с языковой точки зрения его делает, во-первых, отсутствие (для читателя) имени, во-вторых, тот факт, что он единственный среди однокурсников носит прозвище, которым можно гордиться, причем не получает его от других, а сообщает однокурсникам сам.

Одной из важных характеристик романа «Город и псы» является яркое и детальное описание жестоких сцен, что многие читатели романа считают недопустимым в литературе. Однако эти сцены, среди которых самым жестоким, по мнению исследователей (например, К. Корконосенко [Варгас Льюса 2000: 13], Х. М. Дельгадо Дель [Delgado Del Aguila 2018: 135]), выступает описание «крещения», составляют неотъемлемую часть сюжета. Лишь благодаря включению этих эпизодов автор может до конца раскрыть мотивы поведения своих героев и дать читателю полное понимание обстановки.

Именно отношение к жестокости разводит по разные стороны главного героя, Ягуара, и его антагониста Рикардо. Ягуар на начальном этапе принимает путь насилия и становится на этом пути сильнейшим, в то время как Рикардо полностью отвергает возможность насилия даже для

самозащиты. *«Ягуар стоял и смотрел презрительно на коленопреклоненного мальчика, занеся кулак, словно снова собирался ударить прямо в бледное лицо. Остальные не двигались. "Смотреть противно, – сказал Ягуар. – Никакого достоинства. Холуй"»* [Варгас Льюса 2000: 61]. Внешне кажется, что Ягуар одержал верх.

Однако внутренне Рикардо оказывается далеко не таким слабым, каким его считают:

«Альберто смеется. И вдруг замолкает.

– Правда, – говорит он. – Смеюсь, как Ягуар. И чего это ему все подражают?

– Я не подражаю, – говорит Холуй» [Варгас Льюса 2000: 30–31].

И, погибая, Рикардо все-таки выходит победителем из этой невидимой борьбы, так как Ягуар полностью перерождается, буквально становится другим человеком, отказывающимся от насилия.

Разобравшись в этом, мы понимаем также, что Альберто в этом противостоянии уготована лишь роль свидетеля, что и подчеркивается повествованием от третьего лица.

Таким образом, языковые средства, использованные Марио Варгасом Льюсой в романе «Город и псы», наряду с необычной композицией помогают автору раскрыть главную идею повествования и дают читателю ключ к пониманию сюжета.

Литература

Варгас Льюса М. Город и псы: роман / М. Варгас Льюса / Пер. с исп. Д. Гарсия, Н. Трауберг; Предисл. и примеч. К. Корконосенко. – СПб.: Амфора, 2000. – 381 с.

Delgado Del Aguila J.M. Violencia protagónica en La ciudad y los perros (1963) de Mario Vargas Llosa: enfoques narratológico y semiótico / J.M. Delgado Del Aguila // Káñina, Rev. Artes y Letras, Univ. de Costa Rica XLII (2) (Julio-Setiembre) 2018. – P. 133–155.

Rodríguez Monegal E. Madurez de Vargas Llosa / E. Rodríguez Monegal // Mundo Nuevo. – N. 3, setiembre de 1966. – P. 62–72.

Shaw D.L. Which Was the First Novel of the Boom? / D.L. Shaw // The Modern Language Review. – Vol. 89. – No. 2, Apr., 1994. – P. 360–371.

Vargas Llosa M. La ciudad y los perros (1963) / M. Vargas Llosa. – URL: <http://aplicacionesbiblioteca.udea.edu.co/multi/material/pdf/VargasLlosa04.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

Метафора в устном переводе: проблемы передачи и способы их решения

*метафоры в последовательном переводе, метафорический образ,
окказиональные метафоры*

Не секрет, что проблемы передачи метафорических образов с одного языка на другой всегда были в фокусе внимания переводоведов. Связано это прежде всего со сложностью передачи их оттенков и эмоционального вектора. Особенно много проблем возникает при переводе развернутых метафорических образов. Таким образом, изучение метафор и подходов к их переводам не теряет своей актуальности.

Цель данной статьи – рассмотреть сложности, с которыми могут столкнуться начинающие устные переводчики при работе с речами, содержащими метафоры, а также выявить стратегии перевода, способствующие адекватной передаче метафоры на язык перевода.

В качестве материала исследования были взяты речи политических деятелей США. Выбор именно таких материалов объясняется тем, что в речи американских политиков достаточно много метафорических образов, многие образы связаны между собой, что может вызывать особый интерес для переводоведов. Объектом исследования стали метафоры в последовательном переводе, а предметом данного исследования – варианты переводов метафор.

Как отмечалось выше, перевод метафор является одной из сложнейших задач для переводчика. Связано это с тем, что ему (переводчику) необходимо понять, что обозначает та или иная метафора, стоит ли за внешней стороной какой-либо скрытый смысл, зачем и для чего говорящий обращается к метафорическим образам. Ведь именно от понимания того, что автор хотел сказать при помощи метафорического образа, зависит и выбор переводческой стратегии.

В рамках настоящего исследования было проанализировано 15 выступлений политических деятелей, в которых выявлены случаи использования метафорических образов. Чтобы понять, как именно переводчики справляются с передачей простых, развернутых и окказиональных метафор, какие переводческие стратегии они используют, какие проблемы им приходится решать в процессе перевода и какой из переводов является наиболее удачным, выбранные фрагменты были переданы двум начинающим переводчикам для устного последовательного перевода.

Следует отметить, что выбранные фрагменты выступлений содержат окказиональные метафоры, перевод которых требует анализа. Многие

метафоры, к которым прибегают политические деятели, имеют аналоги в языке перевода, соответственно их передача не вызывает проблем, поэтому они остались за рамками данного исследования. К таким устоявшимся метафорам можно отнести, например, метафоры в следующем примере: “devote my life to you” – ‘я посвящаю свою жизнь вам’, “victim of prejudice” – ‘жертва предубеждений’.

Как мы видим, даже неопытный переводчик сможет без особых проблем перевести данные образы. Гораздо сложнее перевести окказиональные метафоры. К передаче таких метафор на русский язык нужно подходить с особой тщательностью, ведь они зачастую служат решению важных задач, которые требуют выбора определенной стратегии, а также творческого подхода.

В результате анализа метафор, встречающихся в речах политических деятелей, был сделан вывод, что некоторые из этих метафор можно распределить по определенным тематическим группам. Анализ примеров показал, что наиболее популярными и распространенными являются метафоры, построенные вокруг образа войны и патриотизма.

Проиллюстрируем вышесказанное.

“And whether a child is born in the **urban sprawl of Detroit or the wind-swept plains of Nebraska**, they look up at the same night sky. They **fill their heart with the same dreams** and they **are infused with the breath of life...**” [Abc news].

Рассмотрим предложенные переводчиками варианты перевода данного фрагмента (табл. 1).

Таблица 1

Варианты перевода фрагмента

Вариант 1	Вариант 2
Неважно, появился ли ребенок на свет в новых городских районах Детройта или на просторах ветреной Небраски : они смотрят в одно и то же ночное небо, они наполняют сердца теми же мечтами, и они ловят дыхание жизни.	И независимо от того, рождается ли ребенок в разросшейся городской застройке Детройта или на продуваемых ветрами равнинах Небраски , они смотрят на одно и то же ночное небо. И сердца наполнены одними и теми же мечтами, одним и тем же дыханием жизни.

Стоит прежде всего отметить, что переводчики по-разному решили передать образные элементы. Тем не менее оба переводчика отказались от передачи «**sprawl**» (**муравейник**) и воспользовались приемом, основанным на экспликации смысла. Во втором варианте переводчик прибегает к грамматическим трансформациям (заменяет страдательный залог на действительный). Интересно, что такое преобразование дает более естественное звучание предложению.

Подводя итоги, следует отметить, что переводчики, работающие над передачей метафоры, должны обращать внимание на все ее аспекты (эмоционально-психологический, оценочный, зрительный, звуковой и т. д.). Только за счет комплексного подхода переводчику удастся найти гармоничный перевод. Кроме того, переводчик должен внимательно следить, чтобы образы развернутых метафор составляли единое целое. Только так ему удастся на высоком уровне выполнить поставленную переводческую задачу.

Литература

Abc news. FULL TEXT: President Donald Trump's Inauguration Speech. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/full-text-president-donald-trumps-inauguration-speech/story?id=44915821> (дата обращения: 29.10.2023).

Анализ потенциала аннотации как продвигающего текста

аннотация, издательский дискурс, продвигающий текст

Настоящая работа выполнена в русле динамично развивающегося направления дискурсивной лингвистики в предметной сфере «книгоиздательская деятельность» и посвящена описанию коммуникативного потенциала издательских аннотаций к итальянским художественным произведениям XX и XXI вв.

Актуальность настоящей работы определяется прежде всего наличием интереса к механизмам функционирования ряда элементов издательского дискурса как периферии литературного текста и к изучению особенностей стратегий, избираемых издателем для продвижения книги. В рамках исследований отечественных ученых рассматривались особенности продвижения литературного произведения на книжном рынке [Викулова 2016], аннотация как продвигающий текст [Ухова 2018], актуальность создания типологической модели аннотации для издательской продукции [Чупрына 2020], процесс трансформации этапов продвижения книги в медийном пространстве [Маркетинговая лингвистика 2019], переход к продвижению книги в Интернет-пространстве [Зоидзе 2023]. Наряду с этим, в фокусе внимания отечественных лингвистов находится процесс поиска оптимальных каналов и средств взаимодействия в коммуникативной цепочке «автор – издатель – читатель» [Чернигова 2006; Викулова 2012; Каверзина 2013], что требует выработки новых способов реализации коммуникативного потенциала книги на основе изучения структуры малоформатного текста аннотации как элемента метааппарата издания. Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью исчерпывающего описания роли, функций и специфики данного жанра в продвижении книги в италоязычной среде в русле исследований, посвященных издательскому дискурсу.

Методологическую основу работы определяют положения дискурсивной лингвистики, связанные с определением особенностей издательского дискурса как одного из видов институционального дискурса, который реализуется посредством особых жанров и характеризуется коммуникативно-прагматической целью издателя [Ярова 2010], а также с обоснованием выбора языковых средств, особых типов конструкций, стратегий и приемов, используемых в издательской аннотации для выявления ее коммуникативного потенциала в условиях массовой коммуникации [Морозова 2018].

Методика исследования определялась целью работы. Ведущими методами в рамках исследования выступают дискурсивный анализ текста

и контент-анализ издательской аннотации с опорой на их социальную и функциональную направленность.

На начальном этапе работы вручную создан корпус текстов аннотаций к итальянским художественным произведениям XX–XXI вв. Далее проводился контент-анализ, нацеленный на отбор языковых средств, которые определяют коммуникативный потенциал исследуемого материала: отбирались слова и словосочетания, посредством которых издатель реализует следующие стратегии: 1) стратегия коммуникативного сотрудничества с адресатом; 2) стратегии похвалы и убеждающей аргументации; 3) стратегия информирования; 4) стратегия оценочно-эмоционального воздействия на адресата [Чернигова 2006]. На следующем этапе отобранные примеры интерпретировались и классифицировались в соответствии с указанными категориями.

В результате исследования отобранные лексические единицы распределены по соответствующим категориям.

Стратегия коммуникативного сотрудничества с адресатом реализуется посредством использования:

- прямого и косвенного обращения к читателю: *“Care lettrici, cari lettori, provate a leggere questo libro”* [Ferrante 2011] – ‘дорогие читательницы, дорогие читатели, попробуйте прочесть эту книгу’; *“Il lettore, se vorrà, potrà rifare la mia strada”* [Baricco 2013] – ‘читатель, если пожелает, может пройти по моему пути’;

- вопросно-ответных конструкций: *“Sarà globalizzazione? Alessandro Baricco parte da qui”* [Baricco 2015] – ‘будет ли глобализация? Алессандро Барикко начинает отсюда’;

- риторических вопросов: *“Ma esiste ancora, la Natura? O forse no?”* [Calvino 1973] – ‘Существует ли до сих Природа? Или нет?’;

- конструкций с многоточиями: *“L'incontro con Annetta, la figlia del suo principale, sembra segnare una svolta...”* [Svevo 2019] – ‘встреча с Аннеттой, дочерью его директора, кажется, знаменует собой поворотный момент’.

Стратегия похвалы и убеждающей аргументации находит свое отражение в следующих приемах:

- указание значимых литературных премий: *“Nel 1952 vinse, con I Racconti, il Premio Strega”* [Moravia 2016] – ‘в 1952 стал лауреатом премии Стрега с [книгой] «Шестьдесят рассказов»’;

- переводы произведения: *“I suoi libri sono tradotti in quarantaquattro paesi”* [Ammaniti 2009] – ‘его книги переведены в сорока четырех странах’.

Стратегия информирования репрезентуется посредством:

- жанровой принадлежности в сочетании с дейксисом: *“Questo non è un romanzo. E neppure un racconto. Questa è una storia”* [Baricco 2013] – ‘это не роман. И не рассказ. Это история’;

- обозначения ведущей темы произведения: *“Tema del romanzo è il destino di Anna”* [Cassola 1970] – ‘тема романа – судьба Анны’;

– указания на главных героев произведения: *“Luca Sabatini, il protagonista di questo romanzo di Ignazio Silone”* [Silone 2003] – ‘Лука Сабатини, главный герой этого романа Иньяцио Силоне’;

– обозначения времени и места действия: *“Siamo in Sicilia, all'epoca del tramonto borbonico”* [Tomasì di Lampedusa 2018] – ‘мы на Сицилии, в эпоху заката Бурбонов’.

Стратегия оценочно-эмоционального воздействия на адресата представлена через использование:

– императивных конструкций: *“Cominciate a leggere e la scrittura vi catturerà”* [Ferrante 2011] – ‘начните читать и чтение вас захватит’;

– ссылки на литературные авторитеты: *“Prediletto da Joyce, da Montale e da Valery Larbaud, è forse il più lacerante e misterioso dei tre romanzi di Svevo”* [Svevo 2014] – ‘Любимый Джойсом, Монтале и Валери Ларбо, это, пожалуй, самый мощный и загадочный из трех романов Звево’;

– фразы-маркеры аттарктивности: *“<...> una storia che tiene il lettore senza fiato fino all'ultima pagina”* [Ammaniti 2009] – ‘история, которая заставить читателя затаить дыхание до последней станицы’.

Таким образом, использование издателями представленных языковых средств в рамках указанных стратегий позволяет определить коммуникативный потенциал издательской аннотации как одного из ключевых элементов периферии литературного текста, направленного на успешное установление коммуникации между издателем-адресатом и читателем-адресантом с целью продвижения изданного произведения. Аннотация как жанр издательского дискурса представляет собой инструмент для информирования читателя не только о произведении, но и о его авторе, его заслугах. Этот жанр важен для распространения книги в читательской среде с ориентацией на успех произведения данного издательства. Представленные стратегии и их вербальная реализация позволяют оценить высокую заинтересованность ведущих издательских домов Италии в публикации значимых для литературного фонда страны произведений в соответствии с определенным культурным фоном знаний читателей.

Литература

Викулова Л.Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель» / Л.Г. Викулова // Вестник ИГЛУ. Сер.: Филология. – 2012. – № 2s (18). – С. 63–69.

Викулова Л.Г. Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга / Л.Г. Викулова // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: материалы науч.-практ. конф. (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). – Самара: СамГУ, 2016. – С. 104–112.

Зоидзе Э.А. Буктрейлер как жанр издательского дискурса / Э.А. Зоидзе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое

образование. – 2023. – № 1 (49). – С. 120–132. – DOI 10.25688/2076-913X.2023.49.1.10. – EDN TRFRBW.

Каверзина А.В. Подход к исследованию дискурса, связанного с издательской деятельностью. Описание системы характеристик дискурсивных отношений / А.В. Каверзина, М.Ю. Чернышов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. – 2013. – № 1. – С. 198–205.

Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. – М.: ООО «Флинта», 2019. – 164 с. – ISBN 978-5-9765-3987-7. – EDN RKZDAE.

Морозова Е.В. О некоторых способах создания персуазивности в издательской рекламе / Е.В. Морозова // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Краснодар, 25 октября 2018 г. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2018. – С. 187–193.

Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции / Л.В. Ухова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 71–82.

Чернигова И.В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков: на материале авторских и издательских предисловий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Иркут. гос. лингв. ун-т / И.В. Чернигова. – Иркутск, 2006. – 20 с.

Чупрына О.Г. Обложечная аннотация как продвигающий текст / О.Г. Чупрына // Иностранные языки в высшей школе. – 2020. – № 3 (54). – С. 105–114. – DOI 10.37724/RSU.2020.54.3.010.

Ярова И.В. Формы рекламирования книги / И.В. Ярова // Вестник Волгоградского университета. – Сер. 2: Языкознание. – 2010 – № 1 (11). – С. 200–204.

Использованные источники

- Ammaniti N. Come Dio comanda. – Milano: Mondadori, 2009. – 495 p.
Baricco A. City. – Milano: Feltrinelli, 2013. – 272 p.
Baricco A. Next. – Milano: Feltrinelli, 2016. – 96 p.
Baricco A. Seta. – Milano: Rizzoli, 2013. – 114 p.
Calvino I. Marcovaldo. – Torino: Einaudi, 1973. – 143 p.
Cassola C. Paura e tristezza. – Torino: Einaudi, 1970. – 329 p.
Ferrante E. L'amica geniale. – Roma: Edizioni e/o, 2011. – 336 p.
Moravia A. Racconti romani. – Milano: Il Sole 24 ore, 2016. – 79 p.
Silone I. Il segreto di Luca. – Milano: Mondadori, 2003. – 150 p.
Svevo I. Senilità. Milano: Feltrinelli, 2014. – 272 p.
Svevo I. Una vita. – Milano: Mondadori, 2019. – 352 p.
Tomasi di Lampedusa G. Gattopardo. – Milano: Feltrinelli, 2018. – 304 p.

Репрезентация образов мужчины и женщины во фразеологии и паремиологии тувинского языка

*языковая картина мира, образ мужчины, образ женщины,
тувинский язык, фразеологические единицы, паремии*

Изучение и анализ языка в рамках гендерного исследования дает исследователям особую заинтересованность для объекта анализа в качестве концептов мужественности и женственности, что отражается для динамики и традиционных гендерных стереотипов для каждого социального и культурного общества. Как нам известно, культурное сообщество определяет поведение индивида в зависимости от пола, социального статуса, его социальную роль, образ жизни, эмоции и т. д.

Гендерные изменения и стереотипы являются частью традиционной культуры, наиболее ярко представлены в пословицах и поговорках и фразеологических единицах. Есть определенные роли и стереотипы в каждом народе, поэтому исследователи стараются показать оценку и динамику восприятия мужчины и женщины через изучение фразеологии и паремиологии. В обоих концептах мужчины и женщины в тувинской культуре воспринимаются как мастерицы и добытчик для семьи. И это можно подтвердить примерами паремиологии тувинского языка, что описывает данную поговорку в сборнике пословиц и поговорок.

Гендерные исследования на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок содержат традиционную картину мира тувинцев, через пословицы и поговорки можно также выявить особенности восприятия определенной роли мужчины и женщины. Изучение фразеологизмов и паремиологий дает нам, исследователям языка, определенный толчок, чтобы исследовать культуру, язык народа и языковую картину мира.

Целью предлагаемой работы является анализ и изучение динамики гендерных изменений в фразеологических единицах и паремиях тувинского языка. Материалом данного исследования послужили работы тувинских ученых, а также лексикографический материал в качестве фразеологического словаря тувинского языка, сборник пословиц и поговорок тувинского языка. В данной работе методом сплошной выборки проводился анализ и изучение 56 единиц из приведенных источников.

По результатам анализа фразеологических единиц и паремий в тувинском языке составлена классификация: во-первых, фразеологические единицы, пословицы и поговорки, представляющие образ мужчины, можно показать в следующих группах: пословицы, отражающие мужчину

как отца (11); на втором месте фразеологические единицы и поговорки, отражающие и представляющие физическую силу, выдержку представителей мужского пола (3). В третьей группе можно показать фразеологические единицы, пословицы и поговорки, представляющие мужчину как продолжителя рода в семье, что очень присуще тувинцам, ведь они уважительно относятся к своим предкам, старшему поколению, что влияет на восприятие и воспитание детей в современном обществе. Есть также определенные классификации групп, которые отражают черты характера мужчины, определяют его отношение в семье. Единичными фразеологическими единицами можно считать такие, как возрастные особенности, номинация пола, глава семьи.

Дальнейший анализ фразеологических единиц и поговорок показывает результаты исследования образа женщины в изучаемом языке. К основной группе классификаций можно отнести образ женщины как матери (8), а на втором месте превалирует образ жены в изучаемых фразеологизмах и поговорок, что подтверждают примеры, взятые из источников исследования:

старая дева (1): кадай кыс букв. 'старуха-девушка'; 1) нестарая женщина, 2) старая дева.

мастерство (6):

смелость (1): эр чүректиг смелый (обычно о женщине) букв. 'сердце ее мужское'.

В работе также имеются фразеологические единицы, пословицы и поговорки, которые представляют образы как мужчины, так и женщины, что является очень интересным для анализа и исследования. Эти данные могут подтвердиться в следующих примерах, таких как муж/жена (2): кады кыраан муж или жена букв. 'вместе состарившийся' (-аяся); ог ишти букв. 'внутренняя часть юрты'. 1) мой муж или моя жена (когда один из них говорит о другом, в его (ее) отсутствие), варианты: ег ээзи, аал ишти. синонимы: а м д ы ы к и ж и, демги кажи, бажыц э э з и; 2) семья, члены семьи;

сын/дочь (1): эр чангыс один, единственный (сын или дочь своих родителей), букв. 'мужчина один. мээц эр яац-гысуруум!' (в. кек-оол. с.) «моя единственная дочь!».

Таким образом, была сделана попытка выявить первичный пласт информации о маскулинности и фемининности, репрезентированных в устойчивых выражениях тувинского языка, как основы традиционной модели взаимоотношений мужчины и женщины, их поведения, образа жизни и внешнего вида. Образ мужчины тесно связан с ролью отца в семье, главы, кормильца, добытчика семьи, с физической силой, выносливостью, доминированием мужчины над женщиной. Образ женщины преимущественно отражает социальную роль матери, жены, невесты, хранительницы семейного очага, но также присутствуют негативные характеристики, чего не наблюдается в маскулинных характеристиках.

Изложенные данные показывают, что была проделана попытка изучить особенности маскулинности и фемининности, представленные во фразеологических единицах, пословицах и поговорках. По результатам проведенного исследования можно сказать, что образ мужчины в тувинских фразеологизмах и паремиях предстает смелым, сильным, сдержанным и молчаливым. А по поводу образа женщины можно сказать, что она предстает, во-первых, в роли матери, жены, но во фразеологических единицах, отражающих женские гендерные стереотипы, наблюдаются отрицательные характеристики, что не наблюдается в случаях, относящихся к образу мужчины.

Литература

Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии: монография / И.В. Зыкова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.

Пословицы и поговорки тувинского народа / Автор-составитель Б.К. Будуп. – Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю.Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы»», 2020. – 112 с.

Тувинские народные пословицы и поговорки. – 2 издание / Составители: И. Плоткина, А. Калзан. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. – 54 с.

Тувинские пословицы и поговорки. – 2 выпуск / Составители-переводчики: М. Хадаханэ, О. Саган-оол. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. – 172 с.

Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / Я.Ш. Хертек. – Кызыл, 1975.

Хертек Я.Ш. Русско-тувинский фразеологический словарь / Я.Ш. Хертек. – Кызыл, 1985.

Гуаранизмы в романе «Сын человеческий» Аугусто Роа Бастоса

гуаранизмы, роман А.Р. Бастоса, языки Парагвая, лексический анализ

В отличие от многих латиноамериканских государств, в Парагвае язык коренных народов гуарани широко употребим для межнационального общения.

Гуарани, наряду с испанским, является вторым государственным языком в стране. Ежегодно 25 августа отмечается день гуарани, который сами жители характеризуют как «язык доверия парагвайцев».¹

В условиях, когда сферы применения языков местных племенных народов постепенно сужаются, гуарани также становится все сложнее адаптироваться под современные реалии.²

Вместе с тем на нем по-прежнему говорят около 60 % населения, преимущественно в сельской местности, что является довольно высоким показателем.³

Кроме того, в стране сложилась уникальная для латиноамериканского региона ситуация смешения двух основных языков и возникновения так называемого «третьего языка Парагвая» – дёпара́ (йопара, джопара), который представляет собой испанизированный вариант гуарани. Именно этот язык используют в своем повседневном общении представители низшего и – реже – среднего класса не только в отдаленных районах страны, но и в столице [Protzenko 2019: 427].

В настоящей статье анализируется лексика гуарани, используемая в романе «Сын человеческий» (“Hijo del hombre”) парагвайским писателем Аугусто Роа Бастосом.

Этот роман не только принес автору широкую известность, но и явился одним из знаменательных образцов так называемого «нового»

¹ El guaraní, el idioma de confianza de los paraguayos. Gobierno de Paraguay. URL: <https://www.mre.gov.py/la/index.php/noticias/el-guarani-el-idioma-de-confianza-de-los-paraguayos> (дата обращения: 29.11.2023).

² Simon Romero. An Indigenous Language With Unique Staying Power. URL: http://www.nytimes.com/2012/03/12/world/americas/in-paraguay-indigenoulanguage-with-unique-staying-power.html?_r=1 (дата обращения: 29.11.2023).

³ Datos y Estadísticas de Paraguay. URL: <https://www.mites.gob.es/es/mundo/consejerias/uruguay/trabajar/Paraguay/DatosEstP.htm#:~:text=El%20espa%C3%B1ol%20y%20el%20guaran%C3%AD,de%20un%20pa%C3%ADs%20sudamericano%20moderno.> (дата обращения: 29.11.2023).

латиноамериканского романа [Кофман 2017: 413–431]. В нем гармонично сочетаются явь и вымысел, магия и реализм, история и современность.

В романе повествуется о жизни Мигеля Беры, покинувшем родные края в раннем возрасте. Его жизнь встраивается в более широкий, общенациональный контекст, события личные разворачиваются на фоне исторических – восстания 1912 г., Чакской войны между Парагваем и Боливией.

Роман интересен и многообразен и с точки зрения лексики. Значительное количество слов из данного произведения до сих пор не потеряли актуальности и употребляются жителями Парагвая в повседневной речи как в формате «чистого» гуарани, так и на дёпара. Некоторые фразы и выражения из языка гуарани были переведены самим автором, для того чтобы читатель смог понять их значение в силу ограниченности их употребления, другие же слова используются им без перевода. Обратимся к наиболее ярким примерам слов и выражений из языка гуарани в романе [Basa de Espínola 2006].

Весь пласт лексики гуарани, найденной в романе, можно условно поделить на несколько тем. Среди них – общеупотребимая лексика, лексика, отражающая местные реалии, в том числе названия растений и животных, слова, связанные с обработкой земли, названия традиционных блюд и различных продуктов, характерных для региона, а также употребление лексики, относящейся к духовному миру.

Хотелось бы отметить, что среди примеров общеупотребимой лексики часто встречаются существительные, выражающие представителей власти, обладающих авторитетом. Например, *tuvichá* ‘начальник’ (исп. *jefe, superior*), *lepiyú* ‘старик, старец’ (исп. *viejo, anciano*) или *arandú* ‘мудрец, ученый’. В романе это слово встречается неоднократно, например во фразе “*En guaraní, la palabra arandú quiere decir sabiduría*” (p. 279). – «В языке гуарани слово ‘arandú’ обозначает ‘мудрость’». Существительное *karaí*, обозначающее ‘хозяин, сеньор, повелитель’, в таком примере: “*Sultán que era el más querido del Karaí*” (p. 17). – «Султан, который был самым любимым у повелителя».

Также встречается довольно много прилагательных на языке гуарани, например *guasú* (исп. *grande*) ‘большой’, *saí* (исп. *pequeño*) ‘маленький’, *pará* ‘разноцветный’, *roguasú* (исп. *poderoso*) ‘властный, могущественный’, *vyro* (исп. *tonto*) ‘глупый’.

В силу того что гуарани является языком повседневного общения, в романе часто можно встретить различные междометия, разговорные слова. Например, междометие *tamoraé* (на испанском “*¡ojalá!*”) переводится как ‘хоть бы!’ и встречается в такой фразе: “*¡puede ser Monday! – ¡Tamoraé!*” (p. 80). – «Это может быть Мондай! – Хоть бы это был он!». Кроме того, испанское слово *sólo, solamente* ‘только’ автор повсеместно заменяет на *manté*: “*Adiós, manté che ama mí*” (p. 73). – «Прощай! Только люби меня». Также отметим слово “*¡guera!*” (исп. “*¡cuidado!*” ‘осторожно!’), “*¡caramba!*” ‘черт побери!’), встречающееся,

например, в такой фразе: “¡Guera pora! – mascullo – desertor... seguro” (p. 220). – «– Ах ты! – пробормотал он, – дезертир..., определенно», и широко употребляемое *voí* ‘конечно же, точно’, например, во фразе “*Tu coronel Ramírez es muy mi amigo voí*” (p. 152). – «Твой полковник, конечно же, мне хороший друг».

Периодически в тексте книги можно встретить слова, посвященные сельскому хозяйству и земледелию. Приведем в пример, в частности, существительное *socié*, которое обозначает землю для посадки или огород. У этого слова нет конкретного аналога в испанском языке. Оно встречается в предложении “*La primera comida decente después de comer raíces y sandías podridas arrancadas al pasar en los cocués*” (p. 83). – «Это первая достойная еда после корешков и гнилых арбузов, которые мы вырывали, проходя мимо огородов». Еще одним словом из языка гуарани, связанным с сельским хозяйством, является *ayaká* ‘плетеная корзина’: “*Al llegar al almacén, suelta el ayaká de mimbre sobre el suelo*” (p. 43). – «Придя в кладовую, он положил корзину из ивовых прутьев на пол».

Нельзя не упомянуть кулинарную лексику, которая представляет особый интерес для читателя, так как отражает национальные реалии. Так, *yopará* означает жаркое, состоящее из воды, жареного лука, тушеного мяса, овощей и молока. Это слово встречается в таком предложении: “*Ella se levantaba a calentarle el yopara frío cubierto por la pella de sebo o le asaba sobre las brasas unas tiras de charque*” (p. 87). – «Она вставала подогреть ему холодное жаркое, накрытое жирной лепешкой, или же жарила на углях вяленое мясо». Еще одним кулинарным термином является *chipá* – хлеб из крахмала, кукурузы, сыра, яиц, размоченных в молоке, приготовленный в печи: “*El hacendado repartió a sus compañeros las argollas de los chipás*” (p. 68). – «Землевладелец раздал своим товарищам хлебные кольца».

Религиозная лексика также периодически прослеживается в романе. Наравне с испанским словом *cura* ‘священник’ Бастос употребляет *paí*: “*Vas a hacer lo que dijo Goiború – prosiguió el cura. – ¿Cómo, Paí?*” (p. 34). – «Будешь делать то, что сказал Гойбору, – продолжал священник. – Как, священник?». Слово *дьявол, сатана* на языке гуарани звучит как *añá* (исп. *diablo*) в предложении: “*Una tentación que parecía fabricada por el mismo añá*” (p. 96). – «Казалось, это было искушением самого дьявола».

Особо многочисленный и примечательный пласт лексики посвящен наименованию характерных для региона растений и животных. Для удобства отразим наиболее оригинальные наименования флоры и фауны в сводной таблице (см. табл. 1).

Наименования флоры и фауны

yarará – ярапа, американская копьеголовая змея (очень ядовитая змея коричневого цвета)	“Lo único que falta es que venga ahora una yarará – se chanceó Gamarra” (p. 242). – «Не хватало только, чтобы сейчас приползла ярапа, – подтрунивал Гамарра».
ararãcã (исп. guacamaya) – толстоклювый ара	“El ararãcã le respondió con su zafaduría, escondiendo como siempre bajo las alas la cabeza” (p. 182). – «Толстоклювый ара ответил весьма бесстыдно, как всегда спрятав свою голову под крыльями».
kaguaré – тамандуа, или четырехпалый муравьед	“Taní López afiló nerviosamente contra la blusa la uña del meñique, larga como pezuña de kaguaré” (p. 255). – «Тани Лопес нервно проводила по блузке ногтем мизинца длиной с когтистый палец кагуаре» (с. 255).
kirikirie - химахима – вид хищных птиц семейства соколиных, обитающий преимущественно в северной и центральной части Южной Америки.	“Los chillidos de los ejes (de la carreta) cambiaban de tonalidad, quejándose en las arribadas con gritos de kirikiries” (p. 115). – «Скрип осей телеги меняли тональность, словно жалуясь на приехавших криками химахимы».
Большая питанга – певчая птица семейства тиранновые.	“Algún pedazo de mandioca, lo que podía caber en el buche de un pitogué” (p. 39). – «Кусочек маниоки, который мог бы поместиться в клювике большой питанги» (стр. 39).
уууá – дикий картофель	“En la espera del agua, los hombres mastican la carne fibrosa de las tunas, los bulbos del yuyá” (p. 198). – «В ожидании воды мужчины жевали волокнистую мякоть смоковницы, клубни дикого картофеля».
tacuara – разновидность бамбука, произрастающего в Латинской Америке от 6 до 12 метров в высоту.	“El trapo que pendía lacio de la tacuara podía ser una bandera de rendición” (p. 278). – «Тряпка, которая безвольно свисала с такуары, могла быть флагом капитуляции».
tataré – дерево семейства «бобовые»	“Desde donde están pueden ver la horqueta de un tataré” (p. 111). – «Оттуда можно увидеть раскинувшиеся ветви дерева татаре».

Проанализировав значительный объем слов из языка гуарани, которые встречаются в романе «Сын человеческий» Аугусто Роа Бастоса, автор приходит к выводу о том, что большинство лексем относятся к реалиям повседневной жизни жителей Парагвая. Наиболее обширной группой лексических единиц стоит считать слова, обозначающие животных и растения, характерные для Парагвая. Кроме того, стоит отметить названия местных блюд, слова, связанные с обработкой земли, лексику, относящуюся к духовной сфере, повседневные слова и выражения. Смысл большинства приведенных слов угадывается из контекста, так как они употребляются в рамках грамматики и синтаксиса испанских предложений. Однако значение некоторых слов остается неясным без перевода. Довольно широкое употребление слов и выражений из языка гуарани в литературе является еще одним косвенным доказательством того, что гуарани действительно активно используется и понимается практически всеми членами парагвайского общества.

Литература

Кофман А.Ф. «Я стремился в творчестве...» к столетию рождения Аугусто Роа Бастоса / А.Ф. Кофман // Литература двух Америк, 2017. – № 2. – С. 413–431.

Baca de Espínola I. Léxicos Guaraníes en hijo de hombre de Augusto Roa Bastos / I. Baca de Espínola, E. Espínola Benítez // Letras, 2006. – Т. 48. – №. 72. – С. 349–363.

Protsenko I.N. Paraguay Isms. Paraguayan spanish and guarani. Jopará" / I.N. Protsenko // Institute of Foreign Languages, 2019. – С. 427.

Стилистические приемы выразительности во фразеологизмах с гендерным компонентом в английском и татарском языках

*фразеологизм, компонент, образность, стилистический прием,
троп, переосмысление*

Цель данной статьи – исследовать стилистические приемы создания выразительности, использованные во фразеологических единицах с гендерным компонентом.

Фразеология является одной из наиболее красочных областей языка любого народа. В ней воплотились культура, обычаи, быт и привычки носителей языка. Несмотря на широкое освещение темы фразеологии, в лингвистике существует еще немало областей, не подвергшихся тщательному анализу. В данной работе исследуются стилистические приемы, использованные во фразеологизмах с гендерным компонентом в английском и татарском языках.

В данном исследовании мы опираемся на определение А.В. Кунина и рассматриваем фразеологизм как устойчивую языковую единицу с частично или полностью переосмысленным значением. Как в английском, так и в татарском языках, фразеологизмы содержат в себе компоненты, подвергшиеся разной степени переосмысления в зависимости от мотивированности фразеологической единицы (далее ФЕ). Фразеологизмы с гендерным компонентом являются переосмысленными единицами с преобладанием мотивированных ФЕ. Согласно А.В. Кунину, «мотивированность фразеологического значения – это синхронная связь с буквальными значениями компонентов» [Кунин 1996: 171]. Д.О. Добровольский подразделяет фразеологическую мотивированность на конституентную (с опорой на основной компонент) и глобальную (ситуативную) [Добровольский и др. 1990: 17]. Таким образом, компоненты ФЕ, в нашем случае гендерные компоненты, играют непосредственную роль в формировании фразеологического значения.

В основе механизмов переосмысления лежат те или иные стилистические приемы, которые помогают создать уникальную по своей природе и степени воздействия на собеседника языковую единицу.

Рассмотрим примеры ФЕ с гендерным компонентом и проанализируем стилистические приемы, лежащие в основе переосмысления.

1. ФЕ с гендерным компонентом чаще всего используют метафору или метонимию как эффективный троп для создания выразительности: *Don't teach a **cock** to crow – Не учи ученого.*

2. Персонификация, троп, основанный на переносе свойств живого человека на предмет или абстрактное явление, является довольно распространенным приемом: *Uncle (Mister) Whiskers* (амер. разг.) – федеральное правительство США; *Рамазан агай килде – Пришел месяц Рамадан*.

3. Антономазия, метафорическое употребление имени собственного, известного из истории, мифологии или фольклора, также часто используется. Например: англ. *Teddy boy* ‘стиляга’ (*Teddy* уменьшительное от *Edward*, по имени английского короля Эдуарда VII, отличавшегося своеобразной манерой одеваться, *Teddy boys/girls* – его подражатели в среде молодежи в 50-х гг. XX в., скандалисты и драчуны); тат. *Бирнә биргән бикә килен димәсләр әле – Хоть из кожи вон вылезу, спасибо не скажут (бикә ‘девушка, невестка’)*.

Сравнения – частое явление в исследуемых языках. Но в английском языке сравнения не так распространены, чем в татарском языке, и менее экспрессивны: *Jump at smth like a cock at a groser (или groset)* – Жадно наброситься, накинуться на что-либо; *Ат күк кыз – Здоровенная девка*.

Наиболее распространенным среди ФЕ с гендерным компонентом является метафорический перифраз, где ключевым компонентом является лицо. Подобные фразеологизмы используются для описания людей и житейских ситуаций. В английском языке: *Widow maker* – что-либо смертельно опасное. В татарском языке *сакаллы марқа* – сплетник, доносчик, дезертир.

Парадокс (алогизм) играет немаловажную роль в создании образа фразеологической единицы [Солодуб 1989: 7]. Алогизм – яркий стилистический прием, часто используемый в исследуемых языках для создания образа чего-либо невозможного в татарском языке: *аның үгезе дә сәт бирә* (букв. ‘у него и бык молоко дает’) – у него и петухи несутся.

Метонимия является вторым по частотности стилистическим приемом создания выразительности среди ФЕ с гендерным компонентом. Здесь образ создается за счет использования объекта, ассоциирующегося с другим по принципу смежности: *Cow college* (амер. жарг.) – колледж за городом. Пример на татарском языке: *Жиде бабасын тану* – проявлять интерес в изучении своей родословной, знать свои исторические корни.

Синекдоха, прием, в котором объект используется по признаку количественного отношения между ними (среди ФЕ с гендерным компонентом синекдоха встречается в основном больше в татарском языке, чем в английском. Например: *All the world and his wife* (разг. шутл.) – 1) все без исключения, большая компания, много народу; 2) все светское общество, весь «высший свет». *Ама каптырма* – основная половинка застежки (*ama* ассоциируется с тем, что занимает более высокое положение).

Метонимическая антономазия – прием, в котором нарицательные имена используются в качестве собственных для обозначения рода деятельности или занятия. В английском языке этот прием встречается чаще, например: *Mr Fixit* ‘мистер Наладь-почини’;

Итак, ФЕ с гендерным компонентом используют следующие наиболее распространенные приемы для создания образности и выразительности: метафоры, метонимии, перифразы, синекдохи, антономазии, персонификации, алогизмы, сравнения. Следует отметить, что преобладают метафорические перифразы (более 30 %). Отмечается в два раза больше примеров алогизмов в татарском языке по сравнению с английским языком. Татарский язык, согласно результатам исследования, является более образным и ярким, отмечается широкое использование алогизмов, фонетических и стилистических приемов.

Литература

Добровольский Д.О. Сопоставительная фразеология (на мат. герм. языков) / Д.О. Добровольский, В.Т. Малыгин, Л.Б. Коканина. – Владимир, 1990. – 80 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

Солодуб Ю.П. Образность фразеологизмов и фраз. номинация / Ю.П. Солодуб // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов. – Ростов н/Д.: РГПИ, 1989. – С. 4–11.

Тематическая полифония как одна из примет устной спонтанной речи

*разговорная речь, спонтанность, неофициальность, мена темы,
политематичность, полифония*

Одной из ярчайших примет устной разговорной речи является тематическая полифония. Явление политематичности «состоит в том, что диалог идет сразу по двум (реже – больше) тематическим линиям, так как разные собеседники ведут разные темы» (Земская 1988: 235). Спонтанность, непринужденность, неподготовленность и непосредственность общения – те факторы, которые в той или иной степени влияют на построение разговорного текста. Однако с явлением сдвига тематического развития в большей степени связана, на наш взгляд, именно спонтанность.

Избранная (или возникшая) тема естественного разговора не может быть единственной в течение продолжительного промежутка времени. Трудно представить себе беседу за обеденным столом при встрече с хорошим знакомым и в других подобных ситуациях на одну конкретную тему. Трудно представить и то, что смена темы может быть запланирована заранее (такие случаи единичны).

Смены тематических пластов разговора проявляют два вида политематичности, которые можно назвать, соответственно, оправданной и неоправданной тематической полифонией.

Оправданное изменение темы разговора, а значит, и определенная организация разговорного текста провоцируется визуально-чувственной ситуацией, то есть всем тем, «что партнеры коммуникации видят и ощущают» [Русская 1981: 193]. Зависимость выбора темы разговора от кон- ситуации очевидна.

Б. *Наташ / ты не звонила никому? А. Нет / никому // Я Галю ви-дела / Б. Чо (что) она? А. Вчера // Она вся... Б. Она еще работает? А. Она работает до восемнадцатого / причем у нее по три пары в день идет / там на установочном / она читает психологию // Б. Ой, кошмар какой // Я сейчас это даже не представляю / как можно вот так рабо-тать // А. Причем она еще такая вся / полуживая / ослабленная // Б. Не представляю, как они там работают // А. Все у нее болит // В. Слушай / а вот что там внизу чо (что) у тебя? Вон в том вон? Б. Я тебе пере-чень составляю / и вот тут вот большой плакат такой повешу / и ни-чего... А. Ну конечно со стенкой совсем другое дело // Б. Правда ведь другой вид? Правда? А. Конечно // Б. Вот как бы тот шкаф вроде тоже*

неплохой / да? Б. Но он не имеет какого-то вот... фо... вида // А. Внутренности //.

В данном фрагменте текста очевидно изменение темы вследствие обращения внимания собеседников на конкретный предмет визуальной обстановки. Реплика коммуниканта В. (*Слушай / а вот что там внизу что (что) у тебя? Вон в том вон?*) кардинально меняет тему разговора (об общей знакомой) и служит отправным моментом для развертывания новой темы (о только что купленной мебели). Реплики подобного тематического переключения, как правило, включают глаголы со значением побуждения к действию и/или обращение к собеседнику, призывающему к выполнению этого действия.

Интересно, что в случаях внедрения в речевую ткань коммуниканта констатирующей тематики обнаруживается особая роль фактора неофициальных отношений между коммуникантами, который может влиять или не влиять на вид реакции прерванного говорящего, так как активным вмешательством вряд ли вызовет отрицательную реакцию владеющего этикетными нормами человека.

Другой причиной, ведущей к очевидному изменению тематической линии разговорного текста, является закон ассоциативного хода мысли.

Известно, что ассоциативная реакция вызывается определенным стимулом, который может быть представлен как предмет, его изображение, чувственная ситуация и, конечно, слово. Можно выделить в связи с этим два вида ассоциирования, продуцирующих тему: вербальное и образное.

Вербальное ассоциирование наблюдается при наличии ответной реплики, включающей слово, обеспечивающее образование ассоциации:

*О. Не знаю / почему так // Я его ключ покрутила вот так вот / а там оказалось на пол-оборота / он наверное открыт был / потому что он у меня только по часовой стрелке поворачивался // П. По часовой это закрывать // О. Во-от... К. Не в ту сторону открывала // О. А-а... в другую он не поворачивался // П. Ну значит надо было просто... Может быть **открыто** было? О. У-у // П. Коль! / Ты мне по-моему... В Москве **открылась** какая-то ... какое-то издательство // Чувствуется кооператив при издательстве // К. И что делает П. В общем / туда... послать шесть пятьдесят // Они должны поставить на очередь // После можно на книгу... По крайней мере издадут / подписываются // Ну это я думаю... завтра пойти / послать 6, 50 //*

Данный фрагмент разговорного текста включает два совершенно не связанных между собой тематических фрагмента: тему открывания двери и тему заказа книги в новом издательстве, имеющих лишь одну «точку пересечения» – лексическую единицу, семантическое значение которой спровоцировало одного из коммуникантов на реализацию новой темы, в зачин которой и включается эта единица («открывать»).

Реплика-стимул может включать слово, сочетание слов, способных порождать ассоциацию на основании образного сходства различных явлений. Естественно, что начальная реплика нового тематического развертывания в таких случаях не включает слова, стимулирующие образную ассоциацию: (разговор о встрече Нового года) В. *У-у-у / у нас как было / при свечах // Б. А как свечи хорошо опплыли // В. Угу // Б. Светлана / знаешь / вот в Кастовых пещерах... // Рауска была на практике / и она рассказывает / вот эти наросты / сталактиты / это говорит / сказочное царство // Это не передать просто! Так вот наподобие что-то // В. Сталлактиты снизу или сверху / сталактиты снизу... // Получается что-то сказочное... // Каменная сказка //*

У говорящего, изменившего тематическую линию разговора в связи с возникшей у него ассоциацией, может возникнуть необходимость в объяснении такой смены другим коммуникантом. В таких случаях его речевая манифестация включает реплику, призванную объяснить тематический сдвиг (*Так вот наподобие что-то*).

Образное ассоциирование реализуется и в текстах, когда говорящим не понятен мотив тематического перескока: изменение темы разговора произошло, но даже коммуникант, произведший это изменение, не сразу осознает его причины. В подобных случаях характерно реплицирование типа: «Почему это я вдруг вспомнил?», «К чему это я?» и др. Анализ разговорных текстов подобного типа часто выявляет реплику, стимулирующую возникшую ассоциацию, говорящий способен восстановить ход ее порождения.

Наиболее частотны в живом общении диалоги (полилоги), в которых переход от одной темы/мысли к другой происходит для говорящих незаметно. Как правило, подобное ассоциативное нанизывание мыслей реализуется в диалогах бытового содержания при обязательном наличии фактора неофициальности отношений. Именно в таких коммуникатах в полной мере осуществляется спонтанная линейная «дезорганизованность» тематики речевого потока.

Необходимо отметить, что в живой речи встречаются и такие тематические перескоки, когда очень трудно восстановить ассоциативный ход мысли говорящего, то есть определить причину, стимулирующую эти перескоки. Так, в предыдущем примере тема Кастовых пещер сменяется следующей темой, логику перехода к которой установить невозможно:
В. *Ка-а-аменная сказка // Между прочим / в магазинах хоть шаром покати!*
А. *Сигарет нет* // В. *Ты в Новый год решила начать курить?*
А. *Не-ет* //

Именно такие случаи можно отнести к неоправданной или необоснованной политематичности, объясняемой лишь фактором неофициальности отношений между коммуникантами.

Наряду с крайними примерами оправданной и неоправданной политематичности существуют и такие, которые трудно отнести к тому или

другому виду. Причины, обуславливающие их, скрыты достаточно глубоко, семантическое поле оказывается очень широким, поэтому определить ассоциат представляется возможным только при помощи специального психологического эксперимента.

Семантическая связь тематических фрагментов разговорного текста в большинстве случаев оказывается эксплицитно не выраженной, поскольку в основе ее лежит сложный ассоциативный процесс, реализующийся при помощи определенного вербального поведения (изменение темы разговора). Имплиcitный характер языкового выражения смысловых связей в политематичных текстах разговорной речи – специфическая черта тематической полифонии обоих названных видов. Однако если для текстов с оправданной меной темы возможно и наличие, и отсутствие ее языковых показателей, то в текстах другого вида политематичности отсутствие лингвистических маркеров является их специфической чертой.

Литература

- Козловская Л.А. Политематичность как элемент тактики речевого поведения / Л.А. Козловская // Вестник БГУ, серия 4, 1992. – С. 45–49.
Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – С.19
Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

Развитие исследовательских лингвистических парадигм

*библиометрический анализ, исследовательские парадигмы,
теория языка*

В статье исследуются лингвистические парадигмы на предмет закономерностей и перспектив развития определенных областей науки лингвистики. Данные области обозначены шифром научной специальности, в ряд которых вошли теория языка, русский язык, германские языки и романские языки. Вместе с этим выявление господствующих парадигм происходило при помощи ключевых слов в названиях тем диссертационных исследований, в число которых вошли: дискурсивная, когнитивная, концепт.

Цель работы заключается в определении вектора развития науки лингвистики, а также выявлении перспективных направлений на основе результатов проведенного контент-анализа по диссертационным исследованиям, отобранным при помощи библиометрических методов из электронного каталога диссертаций РГБ. В статье рассмотрены исследования относящиеся к научным специальностям ВАК 10.02.* Языкознание, где * обозначает цифры, указывающие на лингвистическую специальность. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем был применен метод структурной библиометрии для разделения по критериям, систематизации и редактирования крупного каталога диссертаций по лингвистике, что впоследствии послужило основой для проведения анализа, выявления тенденций и перспектив развития лингвистики.

Методологическую базу исследования составили труды по библиометрическому анализу, научным парадигмам и теории научных революций [Кун 2003; Поппер 1970; Буринов 1987; Маршакова-Шайкевич 2013; Сулейманова 2015; Симонян 2016; Редькина 2003]. Основой отбора диссертационных исследований по ключевым словам в крупнейшем электронном каталоге диссертаций РГБ послужило использование методов структурной библиометрии. Данный подход предполагает решение следующих задач:

- 1) анализ публикационной активности за последние 20 лет, зафиксированной в электронном каталоге диссертаций РГБ;
- 2) отбор необходимых работ по критериям;
- 3) систематизация материала и проведение контент-анализа.

Помимо прочего, теоретическим обоснованием роста, застоя и падения публикационной активности является общепринятая теория Т. Куна о структуре научных революций. Согласно данной теории, времена роста публикационной активности и повышенный интерес среди ученых к какой-либо тематике свидетельствуют об активном освоении

научной парадигмы и изучении вопросов и проблем с разных сторон, а также об освоении новых теорий, на основе которых будет строиться методология парадигмы. Времена роста сменяются застоем, кризисом или аномалиями [Кун 2003]. Аномалии, как считает Т. Кун, это проблемы, которые невозможно решить устоявшимися теориями в рамках конкретной парадигмы. Проблемные вопросы решаются либо сменой парадигмы, то есть началом научной революции как реакцией на кризис, либо вовсе отбрасываются и требуют решения уже в рамках новой научной парадигмы.

Рассмотрим наиболее распространенные парадигмы в лингвистике. На графике ниже отображена публикационная активность дискурсивной парадигмы (рис. 1).

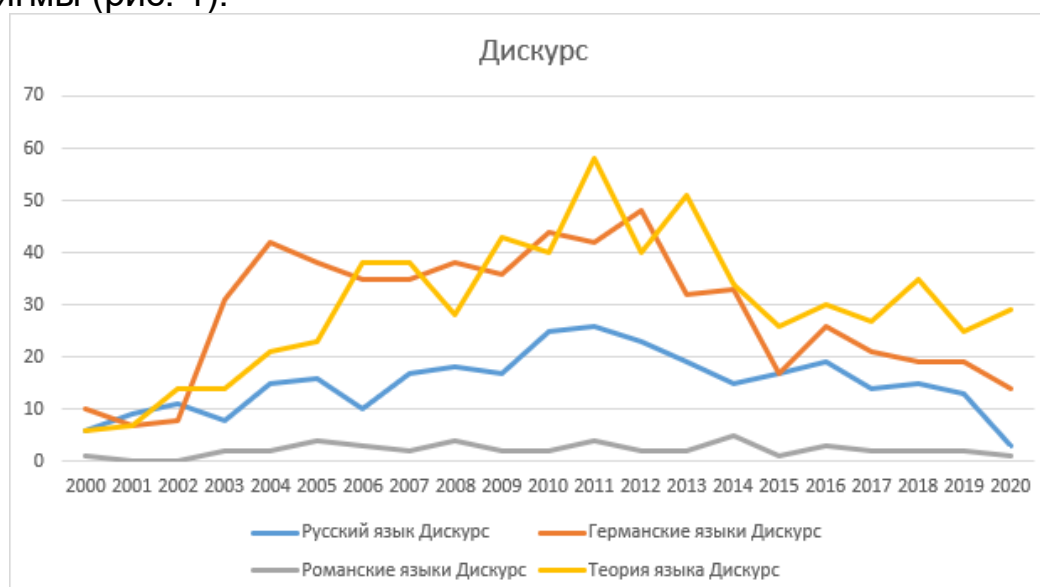

Рис. 1. Дискурс

Каждая из представленных научных специальностей выделена уникальным цветом. Обозначенная зависимость количества опубликованных работ от года свидетельствует о нелинейном развитии лингвистики в рамках парадигмы дискурс. Выделяется три условных периода – 2000–2005, 2005–2013, 2013–2020.

Первый этап характеризуется постепенно возрастающим интересом при исследовании темы дискурс, на втором этапе заметна волатильность, что в теории Т. Куна обозначало бы нормальную науку, и третий этап – спад активности. Противоположную оценку развития лингвистики можно дать при рассмотрении когнитивной парадигмы (см. рис. 2). Количество публикаций варьируется в зависимости от специальности и года. Самой малоизученной остается специальность «Романские языки». За все время было опубликовано всего 17 работ. Самой выраженной на фоне остальных остается теория языка с пиком активности в 2011 г. Тогда было опубликовано 34 исследования, в темах которых фигурировали слова с основой когнитив*. Общая тенденция указывает на постепенный спад после 2012 г.

Рис. 2. Когнитивный

При рассмотрении парадигмы концепт (рис. 3) прослеживается та же логика развития – резкий подъем в начале 2000-х гг. с моментами нормальной науки в середине 2000-х – начале 2010-х гг., а также резкий спад после 2011 г. Следует отметить, что, например, наивысшее количество опубликованных работ по концепту в рамках теории языка ознаменовалось 2009 г. Также необходимо отметить важный факт – количество исследований по тематике концепт ориентировочно равно в каждой специальности за исключением романских языков, что также позволяет сделать вывод о наименьшем проявленном интересе среди ученых к данной тематике.

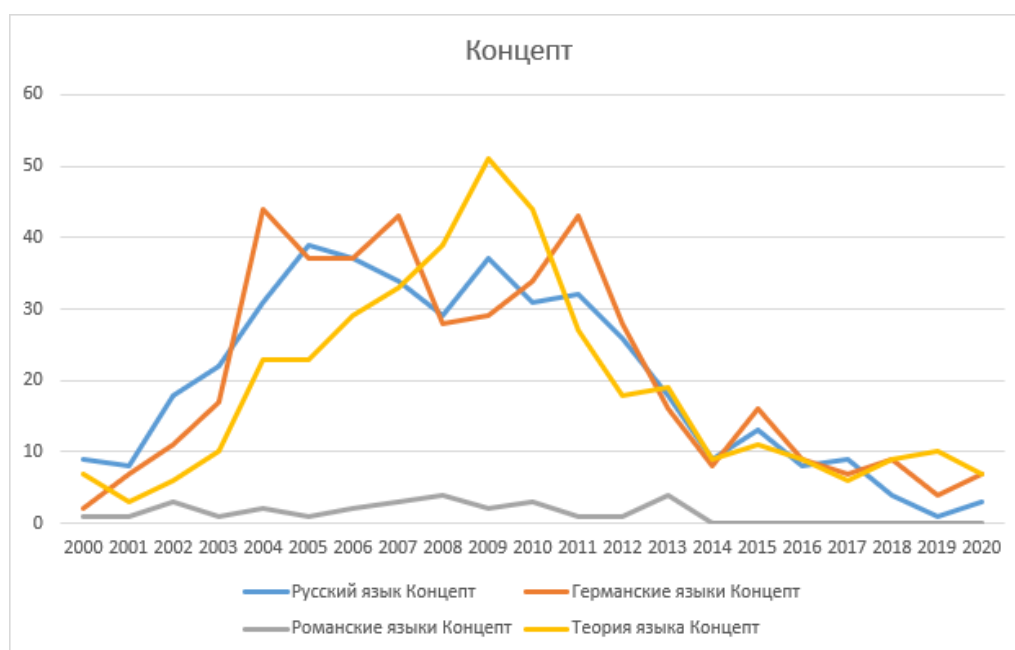

Рис. 3. Концепт

Таким образом, сложившиеся тенденции в лингвистических парадигмах свидетельствуют о происходящих структурных изменениях в

науке, что находит свое отражение в упавшей публикационной активности. Применение методов структурной библиометрии при анализе диссертаций по лингвистике позволило составить независимую оценку состояния лингвистики на данный момент. Она состоит в следующем: количество публикаций зависит от состояния науки в каждый момент времени. Анализ публикационной активности позволяет определить, в каком году развитие лингвистики находится в процессе нормальной науки или в кризисе. Согласно представленным выше графикам, период нормальной науки в среднем приходился на 2005–2013 гг., когда количество защищенных работ было на высшем уровне по сравнению с другими годами. Очевидным остается тот факт, что уровень публикационной активности неизменно идет вниз, что предопределяет дальнейшее развитие данной области науки. Этап нормальной науки сменяется кризисом, при котором старая парадигма замещается полностью или частично новой парадигмой, несовместимой со старой.

Литература

Буринов А.М. Научные революции и их роль в развитии науки: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Буринов Артур Михайлович. – Ростов н/Д., 1987. – 23 с.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.

Маршакова-Шайкевич И.В. Россия в мировой науке: библиометрический анализ / И.В. Маршакова-Шайкевич. – М.: ИФ РАН, 2008. – 226 с. – ISBN 978-5-9540-0100-6.

Маршакова-Шайкевич И.В. Роль библиометрии в оценке исследовательской активности науки / И.В. Маршакова-Шайкевич // УБС. – 2013. – № 44. – С. 210–247.

Поппер К.Р. Логика научного исследования / К.Р. Поппер. – М.: АСТ/Астрель, 2010. – 513 с.

Симонян Е.Э. Библиометрия в системе смежных научных дисциплин / Е.Э. Симонян, А.З. Гаджиева // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2016. – №1 (5). – С. 50–58.

Сулейманова О.А. Пути развития теории перевода / О.А. Сулейманова // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2015. – №1 (1). – С. 100–105.

**Приемы перевода терминологических архаизмов
(на материале электронного словаря
лингвистических терминов М.В. Ломоносова)**

электронный словарь М.В. Ломоносова, термин, перевод

В настоящее время продолжается работа по наполнению материалами электронного словаря лингвистической терминологии М.В. Ломоносова на базе коллекции текстов полного одиннадцатитомного собрания сочинений (lomonosov.pro). Аналоги терминов, а также выбор языков для перевода (английский, немецкий, французский языки) обусловлены внимательным отношением к опыту работы научных коллективов в лексикографировании терминов [Риторика 2017], к изучению текстов М.В. Ломоносова, в том числе эпистолярных [Ломоносов 2010].

Объектом исследования послужили термины и их аналоги, как сформировавшие изоглоссы внутри лингвистического подъязыка, так и не сформировавшие изоглосс (*заятие, навод, письма* и др). Полагаем, что терминологические архаизмы могут быть включены в общее терминологическое поле лингвистики, в том числе междисциплинарные ее области, так как наблюдение над формированием лингвистического термина (терминологической системы в целом) на основе национального языка является актуальной исследовательской задачей.

Приведем пассаж, в котором указаны основные ориентиры, определяющие дефинирование термина *титло* (греч., лат.): 1) объем понятия / изменение объема понятия, 2) словообразовательные связи термина и его нетерминологических лексико-семантических вариантов; 3) установление отношений между архаичным термином и современным его вариантом (если возможно); 4) синонимические, гиперонимические отношения и др. При переводе термина и формировании аналоговой части словарной статьи все параметры необходимо учитывать.

Семантика слов *титло / титла / надстрочный знак / диакритический знак / тильда; заголовок / заглавие / название / тема; титул / звание* связана с книжной сферой языка, что регистрирует стилевые пометы (лингв., полиграф.). В латинском языке слово *titulus* имеет несколько значений: 'надпись', 'эпитафия', 'титул', 'почетное звание', 'честь', 'право', 'правовое основание', 'благовидный предлог'. Выражение *sub titulo* означает 'под предлогом'. Достаточно легко определяется имманентное значение (общий, неотъемлемый и присущий всем значениям признак) – 'нечто важное, что

ставится во главу по имеющемуся на то праву', в русском языке развилось значение 'заглавие'.

От латинского *titulus* происходит немецкое *der Titel*, которое, в свою очередь, в древневерхненемецком имело форму среднего рода *titulo*. Форма среднего рода *titulo* соотносится с формой среднего рода в русском языке *титло*. В данном случае заимствование в русском языке сохранило родовую форму, если предположить, что процесс заимствования произошел в доломоновскую эпоху либо слово пришло в русский язык благодаря участию М.В. Ломоносова в приращении научного знания. Этимологическая справка может быть лаконичной – 'значок, который ставился наверху (во главе)'. Так, у слова *титло* наблюдаем сужение латинского значения. Немецкое (древневерхненемецкое) *titulo*, возможно, послужило основанием для развития в научном языке М.В. Ломоносова терминологического значения.

Термин *титло* при переводе на немецкий язык как '*akzentuiertes diakritisches Zeichen*' (надстрочный диакритический знак ударения) утрачивает характерную особенность старорусского языка, связанную с функциональной природой этого знака (титло ставилось над словами для сокращения, обозначения цифры, а не как знак ударения, что характеризует в большей степени европейские языки). Перевод слова *титло* на немецкий язык *der Titel* также был бы некорректным, поскольку для обозначения волнистой линии над словом в качестве диакритического знака в немецком языке развилось понятие *die Tilde*, которое в начале XX в. фиксируется в немецко-русском словаре со значением 'гусёк' ('знак кривой', тильда) [Макаров 1913: 879]. В словарной статье этого же словаря под заголовочным словом *Titel* приводятся значения 'титул', 'заглавие' [Макаров 1913: 880].

Трактовка понятия *der Titel* 'право', 'основание' приводится в немецком словаре Германа Пауля [Paul 1869: 618]. Французско-русский словарь дает восемь значений слова *titre*, где третьим по порядку словарным толкованием является 'титло, сократительный знак' [Макаров 1898: 1041].

Значение слова *tilda* французско-русский словарь определяет как 'знак над испанскою буквой', который фиксируется в испанском языке, где он служит среди прочего для обозначения двойного согласного. Также во французском языке *tilde* имеет значение 'надстрочный диакритический знак в виде волнистой линии'. Перевод слова *титло* на французский язык *tilde* представляется более соответствующим такому положению вещей.

Тильда (исп. *tilde*, являющаяся метатезой каталанск. *title*, итал. *tilda*, нем. *die Tilde* восходят к лат. *titulus*) – «диакритический знак в виде короткой волнистой черточки, используемый в различных значениях в лингвистической транскрипции, а также в словарях для обозначения слова или его части при повторении» [Ахманова 2005: 475].

Перевод терминов М.В. Ломоносова на английский язык необходим, так как такие научные работы дают возможность большому количеству исследователей, всем, кому интересна языковая личность ученого и просве-

тельная эпоха в России, знакомиться с материалами, включаться в научную дискуссию. При этом, однако, следует учитывать, что транслитерационный способ не будет отражать сущности переводимого понятия, он должен быть дополнен примечанием переводчика, либо следует использовать другую стратегию перевода, например объясняющий и уточняющий (описательный) перевод. Считаем необходимым в аналоговой зоне словарной статьи к заголовочному слову **титло** дать перевод и других диакритических знаков, встречающихся в текстах на старославянском языке (паерок, камора). При переводе необходимо найти оптимальный вариант, который в достаточной мере отражает функцию каждого из диакритических знаков в языках (например, подстрочных диакритических знаков буквенной цифири в старославянском).

Точность грамматических характеристик термина при переводе обусловлена стабильностью грамматической формы в языке-источнике: русскоязычные тексты М.В. Ломоносова характеризуются вариативностью грамматической формы слова (см: [Савчук 2008]), что обуславливает затруднение в выборе переводческого метода.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765). Переписка, 1737–1765 / Михаил Васильевич Ломоносов; сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова. – М.: Ломоносовъ, 2010. – 509 с. – ISBN 978-5-91678-030-7 (в пер.).

Полный французско-русский словарь / Сост. Н.П. Макаров. – СПб.: Издание наследников Н.П. Макарова, 1898. – 1150 с.

Полный немецко-русский словарь / Сост.: Н.П. Макаров, А.Н. Энгельгардт, В.В. Шеерер. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1913. – 1015 с.

Риторика М.В. Ломоносова / П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, А.А. Ветушко-Калевичи др. / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 632 с. – ISBN 978-5-4469-1237-7.

Савчук С.О. Национальный корпус русского языка как инструмент для изучения вариативности грамматических норм / С.О. Савчук, Е.А. Гришина // Корпусная лингвистика: Труды международной конференции, Санкт-Петербург, 06–10 октября 2008 г. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. – С. 161–169.

Paul Hermann. Bearb. von Alfred Schirmer / H. Paul. – 5. Aufl. – Halle (Saale): Niemeyer, 1897. – 784 с.

Контекстуальные трансформации фразеологизмов в немецком песенном дискурсе

фразеологизм, песенный дискурс, фразеологическая доминанта

Тексты популярных песен являются важной частью повседневной культуры в немецкоязычных странах. Рок-музыка воспринимается как социальный и культурный феномен и является мощным инструментом воздействия на широкие слои аудитории. В этой связи достаточно интересным и перспективным является изучение песенного дискурса с точки зрения когнитивных и прагматических особенностей, в частности с точки зрения использования фразеологизмов в составе современных песенных текстов. Одна из основных трудностей исследования песенного дискурса заключается в том, что песенные тексты представляют собой сложное единство вербального и невербального (музыкального) компонентов. Данный факт позволяет рассматривать песенный текст как особый вид креолизованного текста, сочетающий в себе лингвистические и экстралингвистические составляющие [Плотницкий 2005: 3]. Материалом настоящего исследования послужили песни трех последних альбомов немецкой рок-группы «Версенгольд», которая представляет собой немецкий неосредневековый фолк-коллектив. Оригинальность их музыкального стиля состоит в том, что они сочетают исторические тексты с элементами современного фолка. В общей сложности методом сплошной выборки было найдено 78 фразеологических единиц [Versengold].

Анализ текстов песен группы Версенгольд показал, что поэтическое творчество данной группы характеризуется достаточно высокой насыщенностью использования метафор и фразеологических выражений. Причем авторы используют фразеологические единицы не только как изобразительно-выразительное стилистическое средство, которое усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие на слушателя. Как правило, фразеологические выражения, используемые в песенных текстах, характеризуются богатым семантическим образно-ассоциативным планом, благодаря чему в песенных текстах создается метафорическая полифоничность. Зачастую устойчивые выражения используются в функции лейтмотива в заголовках, рефренах и в финальной части песен, при этом ФЕ становятся стимулом для реализации всего замысла произведения и формируют его концептуальную доминанту.

Достаточно много песен группы носят социальный характер и посвящены теме свободы и протеста против ограничений общества. Ярким примером использования фразеологизма в качестве концептуальной доминанты является песня **«Herz durch die Wand»**. Главная идея данной песни состоит в острой необходимости перемен в обществе, у лирического героя возникает острое желание освободиться от всего старого:

Der Anzug meines Lebens passt schon lang nich' mehr.

Die fetten Jahre sind vielleicht vorbei.

Und trotzdem sitzt er viel zu eng, verdammt, ich zwäng mich bald hinaus

Und mach' mich lieber frei.

В заголовке данной песни используется трансформированная фразеологическая единица, причем благодаря субституции первого компонента исходной ФЕ *Mit dem Kopf durch die Wand* (= идти напролом, букв. 'головой сквозь стену') происходит усиление эмоциональной составляющей устойчивого выражения. Доминантная трансформированная ФЕ повторяется в тексте песни несколько раз, и, таким образом, данное устойчивое выражение выполняет функцию лейтмотива и приобретает ключевое значение в декодировании и восприятии всего текста:

Ja, es ist Zeit.

Zeit, aufzusehen.

Zeit, mal wieder aufzusteh'n.

Zeit, ich nehm' mein Herz, ich nehm' mein Herz in meine Hand.

Herz durch die Wand!

В следующем рефрене автор повествует о том, что пришло время выбрать другой путь, и образная основа ФЕ несколько видоизменяется: лирический герой бросает сердце к горизонту, чтобы оно летело как можно выше, пока его несет попутный ветер, символизирующий полное освобождение:

Ja, es ist Zeit.

Zeit, aufzusteh'n.

Zeit, ein' ander'n Weg zu geh'n.

Zeit, ich nehm' mein Herz und werfe es zum Horizont

Flieg so weit du kannst, solange der Wind dich vorwärts trägt.

В финальной строчке песни вновь появляется трансформированный фразеологизм, использованный в заголовке, замыкая таким образом кольцевую композицию песни:

Denn es ist Zeit, dass sich mal wieder was bewegt!

Herz durch die Wand!

Призыв к свободе и протесту против правящих сил содержится также и в песне «Braune Pfeifen» (букв. 'коричневые дудочки'). Интересно то, что в данной песне все образы заимствованы из мира искусства, танца и музыки, включая заголовок-метафору. Ключевым понятием для олицетворения свободы от государства и власти является танец:

Tanz aus dir raus, tanz in dich rein

Von mir aus tanz deinen Namen

Tanz auch mal aus den Reihen

Und falle aus dem Rahmen

Для того, чтобы подчеркнуть главную интенцию о необходимости противостоять политике бездарных крикунов, автор текста целенаправленно использует в одной строфе два фразеологизма с максимально близким синонимичным значением: *Tanz auch mal aus den Reihen Und falle aus dem Rahmen* (= нужно отличаться от большинства, выходить за рамки принятого порядка). Помимо семантического дублирования, рассматриваемые единицы используются в нехарактерной для них грамматической форме повелительного наклонения, что видоизменяет коммуникативную интенцию и привносит дополнительную экспрессию общему контексту. Автор критикует бездарное и лицемерное правительство, которое не умеет управлять оркестром, олицетворяющим образ страны и народа, а лишь создает полную какофонию звуков, которая длится без конца и без края. В одной из строф, характеризующей правящие круги, автор использует антитезу *Die Köpfe leer* (пустые головы), *die Hosen voll* (полные штаны), выражая таким образом свое крайне отрицательное отношение к бесхребетной политике, главной чертой которой является беспорядок и ненависть. В последней строке песни используется ключевой призыв ***Wir tanzen nicht nach braunen Pfeifen*** (= мы не будем танцевать под их коричневые дудки). Таким образом, автор, скорее всего, намекает на ультралевые силы, которые в последние годы вновь набирают силы и голоса в немецкой политике, и призывает слушателей выйти из рядов послушных исполнителей и сделать свой выбор, определить свой собственный путь развития. Таким образом, доминантная метафора *braune Pfeife* появляется в заголовке песни, а трансформированная ФЕ ***nicht nach braunen Pfeifen tanzen*** выполняет функцию создания кольцевой структуры и функцию скрытой мотивации данной песни.

В целом анализ песенного творчества группы Версенгольд наглядно продемонстрировал, что в большинстве песен фразеологическая концептуальная доминанта фиксирует значимое общественное явление и используется в сильных текстовых позициях. Фразеологическая картина мира данного коллектива накладывается на общую ментальную картину западного мира, главными ценностями которого являются стремление к свободе и социальному равенству.

Литература

Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Е. Плотницкий. – Самара, 2005. – 21 с.

Versengold: [сайт]. – URL: <https://www.versengold.com> (дата обращения: 25.10.2021).

Лайфхак как поликодовый текст

лайфхак, речевой жанр, поликодовый текст, интернет-дискурс

Развитие языка сегодня напрямую связано с особенностями функционирования коммуникации в интернет-пространстве. Данный вид коммуникации характеризуется не только специфической организацией, но и языковыми особенностями. Трансформированные в сети и возникающие тексты имеют воздействие на разные сферы общения. Происходит влияние не только на устную коммуникацию между людьми, но и на жанровую организацию сетевого пространства. **Актуальность** исследования определяется обращением к одному из новых сетевых речевых жанров – лайфхак. **Предметом** исследования является функционирование элементов разных семиотических систем в текстах-лайфхаках.

Под термином «лайфхак» понимаем «речевой жанр инструктирующего типа поучающего дискурса, преимущественно представленный формой поликодового текста, цель которого – посредством конкретного алгоритма действий быстрее и технически проще решить конкретную задачу». Иными словами, лайфхак предстает как некоторый практический инструмент, способ [Сорокина, 2023: 156].

Жанр «лайфхак» формирует систему интернет-жанров (жанров компьютерно-опосредованной коммуникации / жанров сетевого дискурса / жанров экранного текста / жанров социальных медиа), так как место образования и основное функционирование лайфхаков – интернет-дискурс. Выявление поликодовых особенностей текстов-лайфхаков представляет **цель** исследования, которая обуславливает **задачи** определить, (1) какими кодами могут быть выражены тексты-лайфхаки, (2) какие вербальные и невербальные компоненты в них заключаются. В качестве эмпирического материала методом сплошной выборки было отобрано 200 поликодовых текстов речевого жанра «лайфхак», находящихся в свободном доступе в сети Интернет (преимущественно из раздела «Клипы» социальной сети «ВКонтакте»).

Интернет-коммуникация обладает собственной системой речевых жанров, изучение которых описано в работах В.И. Карасика, В.В. Дементьева, Е.И. Горошко, Л.Ю. Щипициной, И.Г. Сидоровой и других исследователей, развивающих лингвистическую теорию жанроведения. Как отмечает Т.Н. Колокольцева, «интернет-коммуникация представляет собой по-

лифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность» [Колокольцева 2016: 2].

Из определения мы видим, что одним из признаков интернет-коммуникации является мультимедийность, порождающая поликодовые тексты. Г.В. Ейгер и В.Л. Юхт изучали моно- и поликодовые тексты и выявили: «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Ейгер 1974: 107]. В.Е. Чернявская отграничивает собственно лингвистический текст от поликодового – «сложного многоуровневого знака, в котором интегрированы в единое коммуникативное целое текст (вербальная составляющая), визуальное изображение (шрифт, иллюстрации, общий дизайн и т. п.) и аудио- компонент (звуковое сопровождение в рекламе, например)» [Чернявская 2009: 89]. Исследователь обозначает поликодовый текст как когерентное целое, слагаемое из нескольких семиотических кодов [Там же: 90]. Неоднородность семиотической структуры поликодовых текстов, в основе которых лежат вербальные и невербальные компоненты, позволяет говорить о воздействии на адресата через прагматические особенности текста, несущего значимую для человека информацию.

Как речевой жанр «лайфхак» вызывает интерес своей формой, которая организуется за счет поликодовости текста. Процесс проблемной задачи (которая возникает у адресата) визуализируется, комментируется порядок действий для наилучшего ее решения (автором текста – адресантом). Рассматривая особенности лайфхаков, было определено, какими основными кодами могут выражаться тексты-лайфхаки:

- ☐ картинка + текст;
- ☐ видеоряд без музыки / звуков и текста;
- ☐ видеоряд + музыка / звуки;
- ☐ видеоряд + музыка / звуки + голос за кадром;
- ☐ видеоряд + музыка / звуки + текст на видео;
- ☐ видеоряд + музыка / звуки + голос за кадром + текст на видео;
- ☐ видеоряд без музыки / звуков + текст на видео;
- ☐ видеоряд без музыки / звуков + голос за кадром;
- ☐ видеоряд + видео поверх основного видеоряда в кадре с комментирующим человеком;
- ☐ видеоряд + видео поверх основного видеоряда в кадре с комментирующим человеком + текст на видео;

□ видеоряд + видео поверх основного видеоряда в кадре с комментирующим человеком + текст на видео + музыка / звуки.

Данные тексты сочетают коды разных семиотических систем – вербальной и невербальной. Вербальный компонент: языковые средства разных структурных уровней языка, устной и письменной формой речи; невербальный: внешний вид адресанта текста, примененные жесты, мимика, пантомимика, качество голоса (например, интонация), различные звуки для характеристики действий (которые показываются на видео); в том числе подтекст, который может быть заявлен и в вербальном и невербальном компоненте (когда в лайфхаке напрямую не представлен способ, а посредством видеоряда становится ясно, в чем суть метода) и другие. Сочетание возможностей языковых и неязыковых компонентов влияет на восприятие текста-лайфхака адресатом. Поэтому можно выделить три гетерогенные знаковые системы, составляющие лайфхак как поликодовый текст: (1) вербальная, (2) музыкальная, (3) иконическая (изображение, видеоряд).

Приведем примеры текстов-лайфхаков с разным сочетанием кодов. На рисунке 1 «Как легко очистить киви» представлен текст-лайфхак в виде изображения (визуальный компонент) и текста (вербальный компонент).

Рис. 1. «Как легко очистить киви»

В предложенном ниже описании примеров текстов-лайфхаков курсивом выделяем звучащую речь, в скобках – текст на видео.

Сочетание видеоряда и звуков. Лайфхакер показывает, как дольше сохранить петрушку свежей: нужно взять банку с винтовой крышкой, на нее поставить стакан с водой, в который поместить пучок зелени, сверху

надеть банку и закрутить. Звуки открывания / закрывания крышки, постукивания по столу.

Сочетание видеоряда, звуков, текста. На видео текст: «Как уменьшить слишком большую обложку?». «Ты будешь в шоке (сначала отрезай все лишнее) уменьшить обложку тебе (а теперь нужно убрать эти дырки) поможет обычный утюжок для волос (обложку оберни в белый лист). Отрежь все лишнее (пройди утюгом или утюжком) и запечатай обложку утюгом». Намеренная презентация звуков в тексте – поглаживание бумаги, шелест обложки, постукивание утюжком для волос. Следующий пример текста-лайфхака – наличие видеоряда, голоса за кадром, музыки и текста на видео. На видео текст: «Лайфхак для заморозки помидорок». Звучит приятная музыка, комментируются действия, изображаемые на видео: «Если вы вдруг еще никогда не замораживали помидоры на зиму, то скорее ловите этот лайфхак, потому что сейчас самый сезон это сделать. Такие помидоры легко можно использовать в пиццу, во вторые блюда, я их еще кладу и на отбивные, (здесь появляется текст на видео – «убираем в морозильник») получается очень вкусно. Лайфхак рабочий, так что пользуйтесь и обязательно сделайте так». Популярность данных видов обусловлена тем, что при просмотре лайфхака адресат (пользователь сети интернет), может резко выключить звук, и в том числе для удобства текст дублируется на видео.

Сочетание видеоряда и музыки/звуков, сочетание видеоряда, музыки/звуков, голоса за кадром и сочетание видеоряда, голоса за кадром, музыки/звуков и текста на видео – одни из самых частых комбинаций кодов, применяемых лайфхакером (адресантом текста-лайфхака). Тексты-лайфхаки, включающие видеоряд без музыки/звуков и текста, встречаются реже, чем остальные, так как может быть непонятен изображенный способ, адресату потребуется больше усилий для декодирования заложенной информации.

Развитие интернет-коммуникации способствовало становлению и развитию новой текстовой фактуры – электронной, совмещающей коды разных семиотических систем. Для понимания смысла таких текстов только вербальной информации недостаточно. Есть потребность в иллюстрировании, аудио- и визуализации текста, тем самым организуется его семантическое единство. Включение кодов разных семиотических систем в тексты-лайфхаки образует единое коммуникативное целое, что позволяет автору текста (адресанту) более ярким, доступным, информационно насыщенным образом представить адресату способ решения проблемной задачи. От количества и особенностей употребления кодов разных

семиотических систем будет зависеть структура текста-лайфхака, что составляет проблему дальнейшей работы над исследованием речевого жанра «лайфхак».

Литература

Ейгер Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–109.

Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т.Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2016. – № 2 (14). – С. 96–104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialogichnost-v-zhanrah-internet-kommunikatsii-chat-forum-blog> (дата обращения: 01.12.2023).

Сорокина Е.А. Лайфхак в системе родственных речевых жанров / Е.А. Сорокина // Modern Humanities Success. – 2023. – № 7. – С. 151 – 159.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

Текстообразующие функции фразеологических единиц

*фразеологические единицы, текстообразующие функции,
когерентность, когезия*

Современные подходы функционально-ориентированного языкознания в области исследования фразеологических единиц предполагают использование обновленной методологии. На сегодняшний день наиболее актуальными становятся интегрированные исследования фразеологизмов, которые рассматривают их функционал с точки зрения структуры, семантики, а также коммуникативных, культурных и прагматических особенностей.

Особый интерес в этом ключе приобретают работы, анализирующие данные языковые единицы в контексте конкретной языковой ситуации и ставящие вопрос о степени участия фразеологизмов в создании цельности и связности конкретного текста [Макаров 2010; Тарасова 2021; Левченко 2021 и др.].

Существуют сотни авторских определений текста и фразеологической единицы. Например, Т.В. Жеребило определяет текст как «осмысленную последовательность словесных знаков, обладающую свойствами связности и цельности, а также свойством невыводимости общего смысла из простой суммы значений составляющих», а фразеологизм – как «устойчивый оборот, значение которого основано на возникновении постоянного контекста, возникающего тогда, когда одно из слов выпадает из свободного употребления, превращаясь в компонент составной лексемы» [Жеребило 2016: 488, 541].

Из данных определений можно сделать вывод, что свойства связности (когезии) и цельности (когерентности) присущи тексту по умолчанию и что фразеологизм приобретает свои свойства только в определенном контексте. Вопрос о том, каким образом фразеологические единицы участвуют в текстообразовании, а именно в создании цельности и связности текста, остается дискуссионным.

В работах О.Г. Яблонской анализируется текстообразующий и эмоционально-экспрессивный потенциал фразеологизмов на основе их контекстной семантики. Автор изучает ассоциативные, парадигматические и синтагматические связи данных единиц с другими элементами текста и доказывает, что исследуемые единицы создают эмоциональный фон художественного произведения, оказывая влияние на значимость всего текста или его фрагментов [Яблонская 2019: 94–98].

А.Д. Шарифуллина отмечает значительный прагматический потенциал фразеологизмов и рассматривает их участие в текстообразовании через анализ стилистической нейтральности/маркированности единиц, а

также через оппозицию узуальности/окказиональности их текстообразующих признаков – делая вывод о том, что данные единицы являются связующими звеньями элементов текста наряду с грамматическими и лексическими средствами языка [Шарифуллина 2019: 273–275].

В.И. Макаров, анализируя особенности реализации текстообразующей функции воспроизводимых единиц, отмечает, что уникальность фразеологизмов заключается в объединении функций номинации, оценочности и экспрессивности в одной единице. Автор делает вывод, что удаление или замена данных единиц приводит к утрате части семантики и целостности текста [Макаров 2010: 60–62].

М.Н. Левченко, изучая когерентные характеристики фразеологизмов на материале немецкого языка, выделяет до восьми текстообразующих функций каждой единицы в художественном тексте, а также комментирует их участие в формировании смысловой целостности (анафорические и катафорические средства связности), коммуникативной целостности (построение тема-рематических цепочек) и структурной целостности (наличие общетекстовых категорий модальности, локальности, темпоральности, персональности и т.п.) [Левченко 2021: 94–105].

Подводя итог, можно отметить, что фразеологические единицы за счет своих уникальных функций неизбежно участвуют в текстообразовании (на коммуникативном, структурном и семантическом уровне), а их утрата может привести к полной потере выразительности, экспрессивности и целостности текста.

Литература

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. – 6-е издание исправленное и дополненное. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2016. – 610 с.

Левченко М.Н. Когерентные характеристики фразеологизмов (на материале немецкого языка) / М.Н. Левченко // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2021. – № 1. – С. 94–105.

Макаров В.И. Особенности реализации текстообразующей функции фразеологизмов и прецедентных феноменов / В.И. Макаров // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – № 57. – С. 60–62.

Тарасова О.Д. Психосемантика и экологичность лексических единиц, обозначающих многогранность эмоций в русском, английском, немецком и французском языках / О.Д. Тарасова, П.А. Щербо // Теория и практика языкового взаимодействия: Материалы коллоквиума в честь юбилея профессора Льва Александровича Телегина, Москва, 11 декабря 2020 года / Отв. ред. Е.И. Абрамова, редколлегия: Н.А. Скитина, О.Д. Тарасова. – М.: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 67–72.

Шарифуллина А.Д. Функциональные особенности фразеологических единиц / А.Д. Шарифуллина // Образование России и актуальные вопросы современной науки: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 27–28 мая 2019 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. – С. 273–275.

Яблонская О.Г. Специфика текстообразующих свойств фразеологизмов в художественном тексте / О.Г. Яблонская // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2019. – № 3 (101). – С. 94–98.

Представления о дружбе в китайских и русских паремиях с точки зрения биоморфного кода культуры

паремическая картина мира, метафоричность, культура

Феномен культурного кода давно привлекает внимание специалистов в области межкультурной коммуникации и сопоставительной лингвистики. Таксономия кодов культуры остается актуальной задачей лингвокультурологии и этнопсихолингвистики. К базовым кодам культуры, соотносящимся с архетипическими представлениями языкового коллектива о мире, принято относить телесный (соматический), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный коды [Красных 2002: 233]. В.В. Красных указывает, что биоморфный код культуры базируется на отраженных представлениях человека о мире животных, растений и бестиариев, которые могут переноситься на другие сферы познания действительности и использоваться для структуризации и метафорического описания окружающего мира [Красных 2002].

Биоморфный код культуры занимает особое место в паремических картинах мира китайского и русского народов. Паремия, которую относят к особому типу когнитивных образований [Константинова 2014: 309], связана с деятельностью человека по интерпретации явлений и событий действительности, а также со структурированием моделей знания и опыта, образующихся в результате такой интерпретации [Константинова 2014]. По мнению А.А. Константиновой, «паремии могут быть успешно применены виртуально к любой ситуации в силу своей метафоричности» [Константинова 2014: 309]. По мнению исследователей, такое свойство паремий, как образность, образуется в результате когнитивного процесса обобщения, что позволяет свободно переносить содержащиеся в паремиях образы на большое количество разнообразных обсуждаемых ситуаций [Константинова 2014]. В китайских пословицах образы природы используются для метафорического представления огромного массива межличностных отношений – любовных, семейных, дружеских, профессиональных, социально-иерархических. Например, для вербализации представлений о качествах друга в китайских яньюй (пословицах) и суюй (поговорках) используются образы деревьев, особенно сосны и кипариса. В китайской пословице 结交交君子·栽树栽松柏 («Завести друзей с человеком высших моральных качеств – сажать деревья, сосны и кипарисы»), положительная оценка качества друга обозначена способом переноса с образа деревьев на человека с высокими моральными качествами. В другой пословице 岁寒知松柏, 患难见交情 («В лютый мороз проявляется стойкость сосны и кипариса, и друзья познаются в беде») образ дерева используется

для квалификации личностных качеств (стойкость, преданность), которые присущи настоящему другу. В китайской культуре наименования сосны и кипариса часто используются в качестве основы для метафорического обозначения стойкого, благородного человека, не поддающегося дурным влияниям [Ли Шэнсянь 2002: 22].

В русских пословицах о дружбе проявления биоморфного кода культуры фиксируются реже по сравнению с другими кодами, в частности с пространственно-временным и вещно-предметным. Но в ряде случаев именно образы животного мира позволяют дать положительную оценку дружбе через описание действий дружащих людей, сплотившихся в коллектив, как, например, в пословице *Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют*. В пословице – *Человек без друзей как сокол без крыльев* – орнитоморфный образ используется как средство реализации особого вида отрицательного образного сравнения. Тот же принцип отрицательного сравнения используется в синонимичной пословице с заменой орнитоморфного образа на фитоморфный: *Человек без друзей – что дерево без корней*.

Таким образом, проявления биоморфного кода культуры в паремических картинах мира русского и китайского народов свидетельствуют об общечеловеческой когнитивной универсальности образно-метафорического восприятия окружающего мира с опорой на архетипические представления о животных и растениях. Национальная специфика отдельных фрагментов паремических картин мира у говорящих на русском и китайском языках обусловлена наличием уникального коллективного знания о природе в конкретных географических условиях и уникальных наборов устойчивых ассоциаций, относящихся к природному миру.

Литература

Константинова А.А. Паремии в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании / А.А. Константинова // Известия Тульского госуд. ун-та. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 307–314.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

李盛仙. 花木的象征意义[J]. 云南林业, 2002, 23(2): 22. (Ли Шэнсянь. Символическое значение цветов и деревьев [J]).

Предикатив в контексте актуальной языковой динамики XXI века

*предикатив, категория состояния, малый диахронический сдвиг,
анализм*

В нашей работе рассмотрим некоторые параметры языковой динамики (т. н. малого диахронического сдвига, термин Е.В. Падучевой [Падучева 2018]), наблюдаемые при анализе гибридного языкового класса предикативов русского языка. Современный предикатив выделяется как грамматическое явление, отражающее, в частности, общую тенденцию к анализируемому, особенно проявляющуюся при освоении заимствованной лексики. Предикатив не может быть выделен только как лексический класс: идея состояния не является для этих слов категориальной, масса даже канонических слов на -о выражают семантику оценки или синкретичные оценочно-статальные значения. Но идея лексико-грамматического класса не сводится к идее части речи как интуитивного, фундаментального и во многом коммуникативно не значимого языкового феномена; речь идет о грамматикализации как процессе, направленном (с точки зрения логики частей речи) «в бесконечность», ср. характерная ремарка Т.В. Булыгиной о «семантико-синтаксическом» своеобразии подобных форм [Булыгина 1997: 65].

Пополнение словарного состава в настоящее время в значительной степени происходит именно в рамках класса предикативов. Причин этому несколько:

1. Грамматическая специфика («негативная грамматика» предикатива) – исходной словоформе (будь то жаргонной или заимствованной) требуется минимальное грамматическое освоение (ср. слова на -о на основе заимствованных корней типа *кринжово, крипово, хайпово...*). Значительная часть современной иноязычной лексики, в особенности субстантивной, осваивается в качестве параллельных рядов синонимичных предикативов: *найс/найсово, кринж/кринжово...*, т. е. в языке сосуществуют неграмматикализованные (полностью аналитические) и грамматикализованные варианты. Во многих случаях предикативы грамматически не осваиваются или осваиваются в рамках парадигмы формоизменения существительного (как правило, ущербной).

Подобное освоение заимствованной лексики требует минимальной модификации на уровне синтаксической семантики: редуцируется актантно-ролевая структура исходных лексем с сохранением валентностей на субъект-экспериенсер или сентенциальный актант.

Ср.: Что бы ему был *фан* командовать, а мне был *фан* участвовать! [<http://forum.eve-ru.com/index.php?showtopic=36973&page=2>] (орфография источника сохранена. – П. Т.)

Как правило, новые предикативы развивают синкретичную семантику и редко остаются в кругу «чистых» психических состояний, что отражает общую историческую динамику языка XIX–XX вв.

2. Предикативы интерпретативны; оценочность новой лексики отражает потребность в сохранении семантико-стилистической маркированности оценок (т. е. субъект как экстралингвистическая данность должен оставаться в оценке как языковом факте). Следствием этого являются обширные синонимические ряды вокруг исчислимого ряда базовых лексем (*весело, страшно, грустно, хорошо...*). Обновление словарного репертуара состояний и оценок при этом не влияет на общелитературный словарный фонд: даже при наличии значительных расхождений в значении литературных и нелитературных вариантов (ср. *кринж, кринжово* невозможно заменить без утраты хотя бы части значения на *стыд, стыдно*) перспектива вхождения таких детализированных и социально маркированных элементов нелитературных подязыков даже в разговорную речь весьма туманна.

3. Оформление языкового описания для положения дел в качестве конструкции с предикативом снимает трудности, связанные с распределением обязательных и/или факультативных актантов, возникающих при освоении глагольной лексики. В этом значительное отличие современной языковой ситуации от ситуации, в рамках которой сосуществовали семантико-грамматические тенденции кодифицированного языка и народных говоров: для последних характерны усложненные модели актантно-ролевых ситуаций в конструкциях с именными предикатами. Таким образом, современная грамматическая система предикативов различной морфологической природы структурно гораздо более едина в сравнении с системой XIX – начала XX в.

Литература

Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (На материале рус. грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997. – 574 с.

Падучева Е.В. Из наблюдений над языком Л. Толстого (к вопросу о малых диахронических сдвигах) / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2018. – № 5. – С. 49–63.

Синтаксическая структура в оценке качества англоязычных и русскоязычных новостных заголовков

синтаксис, компьютерная лингвистика, оценка текста

Данное исследование выполнено в рамках лингвистической концепции, предложенной И.А. Мельчуком, согласно которой язык является многоуровневой моделью преобразований смысла в текст и обратно [Mel'suk 2015]. Отличительной особенностью этой теории является использование синтаксиса зависимостей. Синтаксическая концепция ТСТ (Текст-Смысл-Текст) выводится из структуры толкования, в которой задается модель управления лексемы и перечисляются ее сочетаемостные свойства.

Гипотезой исследования является предположение, что в новостных заголовках на русском и английском языках используются синтаксические структуры с устойчивыми связями и зависимостями лексем внутри них, характерные именно для заголовков.

Если данное предположение верно, то, анализируя синтаксическую структуру некоего случайного заголовка, мы можем соотнести ее с частотой и характером использования сходных синтаксических структур в ранее опубликованных заголовках и, таким образом, увидеть, использовались ли подобные структуры ранее и как часто.

На основе этих данных можно вынести оценку частоты использования, которая должна стать основой оценки качества текста. В случае, если синтаксическая структура заголовка ранее никогда не использовалась, его можно назвать некачественным, то есть неэффективным в плане воздействия на аудиторию.

Еще одним предметом рассмотрения в данном исследовании является сравнение синтаксических структур русскоязычных и англоязычных заголовков. Например, какой частью речи выражено сказуемое (в русском языке это обычно глагол, в английском более часто встречаются другие варианты).

Для анализа заголовков на английском языке использовался датасет Kaggle News Category Dataset [News Category Dataset], включающий 210 тысяч заголовков издания HuffPost, опубликованных в период с 2002 по 2022 г.

Для анализа общих показателей использовался весь массив данных, для анализа частотности синтаксических структур анализ выборок по наиболее распространенным группам (размер выборки 2 %).

В качестве инструмента анализа текстов на английском языке была использована библиотека *spacy*, модель *en_core_web_lg* (514k keys, 514k unique vectors) [SpaCy 101].

Для анализа заголовков на русском языке использовался датасет РИА Новости [RossiyaSegodnya/ria_news_dataset], в него входят 1,003 млн новостных заголовков с 2010 по 2014 гг. Инструмент для анализа: библиотеки проекта Natasha [Natasha]. Выборка также составила 2 % случайных заголовков.

Рассмотрим, какой частью речи чаще всего выражено значение *root* в предложении (слово, которое связано со всеми словами в предложении и не имеет подчинения).

Для выполнения данной задачи был проведен синтаксический разбор обоих наборов данных (см. табл. 1).

Таблица 1

Частеречная принадлежность *root* новостных заголовков

Английский язык				Русский язык		
	Tag	Количество	Процент	Tag	Количество	Процент
1	VERB	94 541	45,12 %	VERB	825 944	86,03 %
2	PROPN	52 693	25,15 %	NOUN	94 163	9,81 %
3	NOUN	36 670	17,50 %	ADJ	33 280	3,47 %
4	AUX	20 508	9,79 %	ADV	4 001	0,42 %
5	остальные	5 115	2,44 %		2 725	0,28 %

Как видно из Таблицы 1, наиболее часто встречаемое значение *root* – это глаголы. Причем в русскоязычных заголовках это более выраженная особенность. Также встречаем существительные и имена собственные. В англоязычных заголовках, вероятно, также можно отнести к глаголам вспомогательные глаголы.

Некоторые формальные особенности организации заголовков можно обозначить уже на данном этапе исследования. Например, если значение *root* в заголовке не существительное и не глагол, то, с большой долей вероятности, текст не является качественным.

Всего на 1 млн заголовков было получено 52 типа связей по признаку части речи корня дерева (ориентированного асимметричного графа), и количества связей корня. Причем большая часть синтаксических структур (часть речи – связь – часть речи) приходится на первые 10 вариаций (97 %) в русском языке и 76 % в английском (см. табл. 2).

Для компактности изложения представим таблицу по частям речи и количеству связей, которые составляют более 1 % от общего числа.

Таблица 2

Связи по признаку части речи корня дерева и количества связей корня

Русский язык					Английский язык			
	Root	связей	кол-во	процент	Root	связей	кол-во	процент
1	VERB	2	388 440	40,46 %	VERB	3	31 116	14,87 %
2	VERB	3	280 171	29,18 %	VERB	2	25 779	12,32 %
3	VERB	4	94 269	9,82 %	VERB	4	20 024	9,57 %
4	NOUN	1	50 455	5,26 %	PROPN	3	18 082	8,64 %
5	VERB	1	37 479	3,90 %	PROPN	2	14 481	6,92 %
6	NOUN	2	30 205	3,15 %	NOUN	2	14 150	6,76 %
7	VERB	5	21 201	2,21 %	PROPN	4	10 514	5,02 %
8	ADJ	2	16 550	1,72 %	NOUN	3	10 466	5,00 %
9	ADJ	3	9 087	0,95 %	VERB	5	8 684	4,15 %
10	NOUN	3	8 675	0,90 %	AUX	3	7 053	3,37 %

Всего в данной выборке установлено 1170 уникальных схем для русского языка и 694 для английского, первые распределены очень нелинейно, вторые более плавные. Самая распространенная схема в русском языке имеет вид глагола с двумя связями:

root	dep	pos
VERB	nsubj	NOUN
VERB	obj	NOUN

Заголовки типа

- **медведев утвердил перечень** товаров и услуг для гуманитарной помощи
- **дирекция ржд начала благоустройство** привокзальных площадей москвы
- **власти японии организуют церемонию** памяти жертв цунами

Аналогичную структуру (только более расширенную) имеют и случаи 2,3,5 из таблицы 2 (русский язык). Небольшое число вариаций синтаксических схем, а также частотность их применения однозначно говорит о том, что предлагаемый подход может быть заложен в основу анализа и оценки качества заголовка.

В англоязычных заголовках 694 уникальные схемы, однако распределены они без значимых перекосов, самые распространенные схемы не

набирают 3 %, частотность использования значительно более высокая, нежели в русскоязычных заголовках.

Самая распространенная схема (2,54 %) имеет вид глагола с двумя связями:

root	dep	pos
VERB	dobj	PROPN
VERB	nsubj	PROPN

Вторая по распространенности – такая же схема, но вместо имен собственных следуют существительные. В целом данная характеристика очень близка к синтаксической структуре на русском языке.

- Iraqi Forces Capture Islamic State's Last Stronghold In Northern Iraq
- North Korea Rejects 'Illegal And Unlawful' UN Sanctions
- Sarah Silverman Spots The Saddest Part Of Rudy Giuliani's Cameo Money Grab

Исследование не предложило готовых решений по оценке заголовков, однако данные показывают, что есть четкие структурные зависимости, дальнейшее исследование которых позволит сформулировать правила оценки качества текста по структурным синтаксическим признакам.

Литература

Mel'cuk I. Dependency in Language (2015). – URL: https://www.researchgate.net/publication/304194711_Dependency_in_Language (дата обращения: 30.11.2023).

Natasha. – URL: <https://github.com/natasha/natasha> (дата обращения: 30.11.2023).

News Category Dataset. – URL: <https://www.kaggle.com/datasets/rmisra/news-category-dataset> (дата обращения: 30.11.2023).

RossiyaSegodnya/ria_news_dataset: "Rossiya Segodnya" news dataset. – URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (дата обращения: 30.11.2023)

SpaCy 101: Everything you need to know. – URL: <https://spacy.io/usage/spacy-101> (дата обращения: 30.11.2023).

RossiyaSegodnya/ria_news_dataset: "Rossiya Segodnya" news dataset. – URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (дата обращения: 30.11.2023)

Universal Dependencies. Syntax: General Principles – URL: <https://universaldependencies.org/u/overview/syntax.html> (дата обращения: 30.11.2023).

Использование зооморфной метафоры в английском политическом дискурсе

*политический дискурс, зооморфная метафора,
политическая метафора*

Зооморфная метафора стала частью концептуальной системы многих языков и культур в силу того, что человек в процессе своей жизнедеятельности тесно связан с миром животных. Животные могут представлять опасность, но также могут, напротив, служить человеку, обеспечить ему пропитание, защиту, одежду. Поэтому закономерно, что, наблюдая за животными, приручая их, защищаясь от них, человек проводит параллели с миром людей – социумом: начинает видеть общие черты, отмечать поведенческие паттерны. Исследованием метафор подобного типа плотно занимались такие исследователи, как Т.С. Вершинина, А.Ю. Перескокова, А.П. Чудинов, который, в свою очередь, разработал определенную систему видов и типов зооморфной метафор, на которую мы будем опираться в нашем исследовании.

В английском политическом дискурсе можно выявить как позитивные, так и отрицательные образы, которые передают с помощью зооморфной метафоры. Выявление и сопоставление языковых метафор позволяет получить более полную картину о языковой картине мира носителей языка. В рамках этой статьи мы проведем анализ зооморфных метафор в английском языке. Нами были рассмотрены примеры использования зооморфной метафоры в рамках фрейма «Состав царства животных».

Названия животных встречаются в политическом дискурсе особенно часто, если сравнивать с другими способами передачи зооморфной метафоры. С помощью такого приема автор может подчеркнуть различные черты характера, характеристики и особенности поведения, стратегии и проводимой политики. Рассмотрим следующий пример использования зооморфной метафоры: *behemoths* 'бегемот, гиппопотам':

In recent months, regulators backed by the highest levels of the ruling Communist Party have gone after internet shopping and food-delivery *behemoths* for antitrust violations.

В данном примере автор подчеркивает масштаб и значимость ряда корпораций, сравнивая их с таким крупным животным, как бегемот.

Другим примером зооморфной метафоры может служить выражение *lame duck* 'хромая утка':

A wish-list of centrist proposals for the *lame-duck* Congress.

В названии статьи журнала The Economist намек на ослабленные позиции Конгресса при Президенте передан с помощью сравнения с хромой уткой. Выражение *lame duck* стало устойчивым в английском политическом дискурсе и закрепилось в значении президента США, который вскоре покинет свой пост в результате проигрыша в очередных выборах. Так, мы можем встретить выражение в нижеследующих примерах:

A lame-duck president takes part in his final turkey pardon.

В данном примере речь идет о Дональде Трампе, занимавшем пост президента с 2017 по 2021 г.

Данное выражение можно встретить в прессе в отношении Владимира Путина (*Angela Merkel says she lost influence over Putin as a lame duck leader*), Джо Байдена (*Biden risks being an immediate 'lame duck' president if he doesn't reassure Dems on 2024 bid: Perino*), Эммануэля Макрона (*France faces 'chaos and disorder' under Le Lame Duck: Stark warning from senior politician as grovelling Macron meets rivals today to try and salvage power*). В более ранних публикациях выражение *lame duck* встречается в отношении Джорджа Буша-мл., Барака Обамы, Дмитрия Медведева и других политических деятелей.

Другой яркий пример использования зооморфной метафоры в рамках данного фрейма можно обнаружить в статье, посвященной российскому государственному деятелю Рамзану Кадырову. В статье, опубликованной изданием The Sun, встречается выражение *war dog* 'боевой пес' в значении «закаленный, опытный, преданный воин»:

It comes as Putin's war dog Ramzan Kadyrov who – like Prigozhin – supplied troops to his war against Ukraine, miraculously seemed to recover from his serious illness.

Рассмотрим также еще один пример, в котором автор статьи использует зооморфную метафору – *cat among the pigeons* 'кошка среди голубей':

EU's Media Freedom Act 'to set the cat among the pigeons' – Roberta Metsola October 21, 2022.

В данном случае выражение имеет ярко выраженную негативную коннотацию: кошка – это образ человека, чье присутствие вызывает беспокойство в группе людей или в коллективе и может даже представлять собой опасность.

Нередки случаи использования зооморфной метафоры без конкретного названия животного, но эти выражения дают нам представление о человеке, которого имеет в виду автор, его поведении и мотивах. Так, рассмотрим на конкретном примере выражение *big beast* 'большой зверь':

Cabinet big beast Michael Gove stepped up the pressure to cut taxes.

Здесь автор подчеркивает, что в своей политике Майкл Гоув, министр жилищного хозяйства Великобритании, склонен принимать решительные меры, а также подчеркивает, что его слово является весомым в принятии решений.

Ярким примером использования зооморфной метафоры с отрицательной коннотацией будет выступать лексическая единица *predatory* 'захватнический, хищный':

Emmanuel Macron has accused Russia of feeding disinformation to further its "*predatory project*" in Africa, where France has had military setbacks.

Приведенный случай использования зооморфной метафоры демонстрирует отношение автора статьи к политике России, проводимой в Африке: он оценивает ее крайне негативно, намекая на не взаимовыгодные условия сотрудничества.

Еще один пример крайне негативной оценки можно заметить в употреблении лексической единицы *savage* 'дикарь, варвар, жестокий человек, животное'.

Hundreds of the savages responsible for the bloodbath have been identified by close analysis of CCTV and footage taken from the bodies of slain Hamas fighters.

Кровопролитные, жестокие действия описываются автором как «животные», дикие, противоречащие человеческой морали и гуманности.

Приведенные примеры позволяют судить о том, что использование зооморфной метафоры позволяет передать отношение автора к происходящему так, чтобы его точка зрения была понятна и доступна большой аудитории. Зооморфные метафоры легко трансформируются в яркие образы, а их изучение, являясь необходимой составляющей метафорического моделирования, позволяет исследователям выявить закономерности функционирования политической коммуникации.

Литература

Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

Перескокова А.Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Ю. Перескокова. – Челябинск, 2005. 248 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале / А.П. Чудинов // Русская речь. – 2001. – №№ 1, 3, 4; 2002. – №№ 1, 2, 3; 2003.

**Особенности функционирования антропонимов в интерактивном
цифровом художественном произведении
(на материале форумных ролевых игр)**

интерактивность, форумные ролевые игры, имена персонажей

Цифровые технологии активно проникают в различные сферы культуры. Интерактивность выступает новым средством художественной выразительности, благодаря ей пользователи сети Интернет обладают большими возможностями в самореализации. Форумные ролевые игры, которые являются материалом данного исследования, рассматриваются как интерактивное цифровое художественное пространство, так как они основаны на определенном сюжете – базовой схеме, содержащей последовательность событий; в них предусмотрены элементы интерактивности – участие пользователей в создании цельного сюжета, включающего как описания событий, так и действия персонажей, что также характерно для художественного произведения, а площадка реализации форумной ролевой игры – цифровое пространство, созданное с использованием информационных технологий.

В интерактивном цифровом художественном произведении пользователь становится не только читателем, реципиентом, но и непосредственным участником как игрового, так и творческого (писательского) процесса. При участии нескольких пользователей интерактивная игра превращается в некое незавершенное художественное произведение, сюжет которого может быть изменен и дополнен любым игроком, выступающим в роли соавтора фэнтези-произведения.

Форумные ролевые игры (ФРПГ, от англ. Forum Role-Playing Game) были созданы в конце 1990-х гг. в процессе соединения продуктов фэнтези-культуры (преимущественно литературных произведений, пользовавшихся большой популярностью в то время), игровой культуры, берущей свое начало в интерактивных видео и компьютерных играх по мотивам сюжетов фэнтези-произведений, и распространялись с помощью набиравшей популярность сети Интернет. Их главной чертой стала *интерактивность* процесса.

Ключевой особенностью интерактивности в цифровом художественном произведении является перенос акцента с результата деятельности на ее процесс. Исследованию эволюции художественной активности в связи с цифровизацией посвящены работы Е.С. Чичканова [Чичканов 2009], Я.Б. Иоскевича [Иоскевич 2006], Д.О. Шавлыгина и А.М. Обмороковой [Шавлыгин 2015]. Они рассматривают разные стороны цифровизации

искусства, но их общей мыслью является то, что виртуальный мир является полностью самостоятельным пространством, существующим по своим индивидуальным правилам.

Е.С. Чичканов дополняет мысль о том, что виртуальные миры самостоятельны и уникальны тем, что интерактивная художественная коммуникация является бесконечным процессом совместного создания новых реальностей [Чичканов 2009: 311]. Главенствующую роль в таком пространстве занимают многопользовательские компьютерные игры, в которых пользователи ассоциируют себя с игровым персонажем и вступают в коммуникацию с другими игроками и их персонажами, создавая уникальные игровые ситуации с целью решения каких-либо внутриигровых задач.

Форумные ролевые игры обладают схожими с компьютерными играми механиками, они требуют от пользователя ассоциации с игровым персонажем, составления подробного профиля, прописывания определенных характеристик. Однако, в отличие от компьютерных игр, форумные ролевые игры обладают большими художественными возможностями. Интерактивность в форумных ролевых играх также является полноценным художественным средством.

В форумных ролевых играх каждый игрок является участником коллективного творчества, так как игровой процесс происходит в текстовом формате. Игра разделена на локации и события, они происходят в отдельных «ветвях» форума.

Коммуникация между игроками происходит с помощью развернутых сообщений о конкретной ситуации или событии в определенной локации. Сообщение состоит из описания текущего состояния персонажа, его действий и непосредственно речи или обращения к другому игроку. В ходе игрового процесса создается полноценное художественное произведение, которое при этом является универсальным, с ним может ознакомиться любой пользователь, не участвующий в конкретной игровой ситуации или даже не участвующий в игре вовсе.

Форумные ролевые игры, как и художественные произведения, основаны на заранее прописанном сеттинге, определяющем закономерности созданного мира, процесс развития сюжета, различные условности. При следовании сеттингу и соблюдении правил игроки практически не ограничены в способах выражения своей фантазии. Объектом нашего исследования являются антропонимы – имена персонажей и названия локаций в форумных ролевых играх.

Имена персонажей форумных ролевых игр, в отличие от реального имени игрока, выполняют ряд уникальных функций. Они не только являются идентификатором пользователя, позволяющим опознать конкретного персонажа среди множества других и начать с ним коммуникацию, но и обладают дискурсивной функцией, представляя его характеристики, в том числе и определяющие его роль и модель поведения в игровом мире. Контакттоустанавливающая функция проявляется при восприятии

игрока другими игроками, выявляя стимул к началу коммуникации. Игровая функция предполагает отыгрыш некой роли в рамках интерактивного художественного повествования.

Имя персонажа в игре не просто является художественным дополнением к общему сюжету, но обусловлено характеристиками персонажа, что является уникальной особенностью данного цифрового пространства. При создании имени пользователь отражает в нем образ своего персонажа, предполагая, что его имя будет декодировано (воспринято) другими игроками сквозь призму созданного образа персонажа.

Таким образом, имя персонажа создается по особому алгоритму: формируется образ персонажа, затем, опираясь на него, игрок подыскивает языковую единицу, которая могла бы отобразить характеристики выбранного образа, и на ее основе создает непосредственный антропоним, который и становится идентификатором его персонажа, в то время как в реальном мире имя дается новорожденному, не обладающему никакими качествами в силу своего возраста, и только в дальнейшем оно может трактоваться с учетом качеств человека.

Опираясь на имена персонажей (игровые никнеймы) в форумной ролевой игре «Легенды Эмпии», можно определить, какой образ закодирован в антропониме игроком: *Тор'Ка Твердолобый* (персонаж является орком, имя характерно для орков в фэнтези-вселенных, фамилия указывает на твердолобость, т. е. упрямство, так же характерное для орков), *Истислав Шалый* (славянское имя, фамилия отражает неуравновешенность, сумасбродность персонажа), *Вулфин Ульфхеддин* (имя и фамилия указывают на родство персонажа с волками), *Арки Тупоног*, *Бунабендур Толстопят* (имя и фамилия персонажа построены на модели именования хоббитов в произведениях Дж. Р.Р. Толкиена, и персонаж является хоббитом), *Нуримар Длиннобород* (окончание имени характерно для антропонимов дворфов в фэнтези-вселенных, фамилия указывает на внешнюю характеристику), *Креол Краснолицый* (имя и фамилия персонажа указывают на его внешние характеристики), *Дэнс Легкий Нрав* (имя и прозвище персонажа раскрывают черты его характера). По этим именам можно составить первое впечатление о персонажах интерактивного произведения, предположить возможные игровые коммуникативные ситуации.

Таким образом, интерактивное цифровое художественное произведение, каким являются форумные ролевые игры, обладает уникальной особенностью: читатель может принять непосредственное участие в написании и развитии сюжета. Антропонимы, являясь важнейшей частью данного пространства, выявляют особенности функционирования в сочетании идентифицирующей, дискурсивной, контактоустанавливающей и игровой функций. Имя персонажа в интерактивном цифровом художественном пространстве выступает своеобразным «лейблом» и влияет на восприятие персонажа игроками, обуславливая коммуникацию и другие

виды взаимодействия с ним. Данное исследование может стать основанием для более подробного рассмотрения антропонимов в художественных произведениях, в том числе и в интерактивных.

Литература

Головина Л.С. Этнокультурная семантика антропонимов и ее презентация иноязычному адресату / Л.С. Головина // Известия ВГПУ. – 2012. – № 8. – С. 86–89.

Иоскевич Я. Интернет как новая среда художественной культуры / Я. Иоскевич. – СПб.: РИИИ, 2006. – 168 с.

Чичканов Е.С. Интерактивность как средство художественной выразительности / Е.С. Чичканов // Вестник КГУ. – 2009. – № 4 – С. 309–313.

Шавлыгин Д.О. Интеграция цифрового искусства в традиционную художественную среду / Д.О. Шавлыгин, А.М. Обморокова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 4 – С. 100–107.

Поликодовый семиозис коммуникации на цифровых социальных площадках

поликодовость, семиозис, цифровизация, гетерогенность

С появлением популярных интернет-площадок (социальные сети, мессенджеры и др.) семиотика столкнулась с воплощением знаков в новом, виртуальном измерении. Актуальность исследования определяется новыми условиями существования знаков, расширенными функциональными возможностями новых медиа. Настоящая работа рассматривает поликодовый семиозис коммуникации, объект данного исследования, в разрезе явления цифровизации знаков, которое выступает в качестве предмета исследования. В ходе исследования выявляется сущность цифрового знака, которая помимо адаптации вербальных и невербальных знаковых средств для коммуникации в виртуальной реальности подразумевает и порождение нового феномена, наиболее ярко проявляющегося именно в интернет-пространстве. Новизна обусловлена новыми условиями применения знаков в виртуальной реальности с потенциально безграничным количеством контекстов, метатекстуально взаимосвязанных между собой. Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: применение поликодовых знаковых средств в условиях их практически неограниченной метатекстуальности, сочетаемости и разнообразия контекстов может быть достигнуто только в условиях цифровизации пространства, что порождает новую сущность процесса коммуникации. Цель работы – определить роль цифровых знаков в коммуникации на базе интернет-площадок. Материал исследования – посты и комментарии из телеграм-каналов на русском и английском языках.

На сегодняшний день коммуникация в интернет-пространстве обладает рядом черт, выделяющих ее на фоне прочих видов коммуникации. К ним относятся общая демократизация и интеллектуализация языка за счет свободного доступа к широкой международной информационной сети баз данных, предоставляемых в интернете, а также к средствам коммуникации, не ограниченных расстоянием; все эти возможности эффективно предоставляются современными гаджетами. Подобные условия не только порождают новые контексты, но и привносят тенденции постмодернизма, переосмысления в уже существующие, способствуют большему числу взаимодействий между лингвокультурами. Вышеперечисленные изменения в языке неизбежно влияют и на основу средств человеческого мировосприятия, а именно семиозис как процесс, в котором нечто

функционирует в качестве знака [Семиотика 1983: 39]. Эволюция семиозиса на практике приводит к высокой степени поликодовости интернет-коммуникации, что, в частности, проявляется в появлении новых символов (эмодзи), использовании изображений, видео- и аудиофайлов как замены и/или дополнения полноценных высказываний и отдельных фраз с практически неограниченной и абсолютной метатекстуальностью, обеспечиваемой функциональным потенциалом интернет-пространства.

Описываемые изменения наблюдаются преимущественно в настоящее время, однако их предтечи уже выделялись исследователями. Терминология для обозначения новых реалий при этом еще не разработана окончательно, что порождает разнообразие близких друг к другу терминов: «креолизированный текст (Н.С. Валгина, Л.Г. Кайда), супертекст, бимедиаальный, полимедиаальный, мультимедиаальный текст, мультитекст (В.В. Прозоров), вербально-визуальный текст, поликодовый текст (В.Е. Чернявская), контаминированный текст, изовербальный комплекс, интерсемиотический текст, лингво-визуальный текст, изоверб, видео-вербальный текст, семиотически осложненный текст» [Новикова 2017]. Также отдельно отмечались гетерогенность и гибридность текстов в интернете, причем первая имеет ряд трактовок: как смешение дискурсов [Галло 2013: 96], как смешение жанровых типов [Казак 2014], как специфическая форма создания и распространения цифровых медиа с элементами интерактивности, гипертекстуальности [Вартанова 2016]. Выделяют и определенные «языковые новации» [Литневская 2005: 51], «исследователей интересует также креолизованность интернет-текстов (наличие смайликов, разного рода графических вкраплений), использование в них единиц компьютерного жаргона, специфических акронимов, самопрезентация коммуникантов посредством псевдонимов (ников), намеренное игровое отступление от орфографических норм, сознательное смешение различных стилистических средств, контаминированное использование лексики английского и русского языков» [Азимов 2012: 100]. Подобные новации описываются как «наиболее рельефные» [Галичкина 2001: 96].

Далее перейдем непосредственно к рассматриваемым материалам. Особенности современных медиаресурсов таковы, что владельцы новостных ресурсов сегодня имеют прямой доступ к пользователям посредством интернет-площадок – например, Телеграм.

Помимо графических средств редактирования самого текста (шрифт, цвет, стиль и т. д.), автор имеет возможность снабдить его ссылками на другие ресурсы (в случае новостных каналов ссылка обычно указывает на источники), привести прямые цитаты, прикрепить изображения, аудио- и видеозаписи. Рассмотрим первый пример (ил. 1). В посте применяются поликодовые средства: графические знаки (кавычки, жирный шрифт), внутритекстовые ссылки, а также прямое цитирование другого поста, в котором вербальные графические средства дополняются невербальным – изображением. Для сравнения на втором примере (ил. 2) при схожей комбинации графических средств (кавычки, курсив, жирный

шрифт) используется эмодзи в виде флага страны и т. н. «спойлер» – скрытый текст, для «открытия» которого нужно кликнуть мышкой. Многообразие знаковых средств репрезентации обуславливает поликодовость знаков в цифровом пространстве, обеспечивающих гетерогенность и гибридность текстов, что позволяет эффективнее доносить информацию до пользователей на интуитивно понятном уровне. Скорость публикации новых информационных блоков зависит от автора, она регулируется наличием у него доступа к необходимым материалам и качеством интернет-соединения.

С другой стороны, каждый новостной пост при разблокированной функции комментариев и оценок позволяет автору также получать прямую обратную связь от пользователей как в кратком (так называемые «реакции» – набор из нескольких десятков эмодзи-смайликов, доступных читателям для оценки поста или выражения собственных чувств, размещаемых непосредственно под постом с указанием количества пользователей, выбравших ту или иную реакцию), так и расширенном формате (комментарии с полноценными текстовыми сообщениями, каждый из которых, в свою очередь, может использовать весь набор знаковых инструментов, доступных автору поста, включая обратную связь от остальных пользователей, в т. ч. автора), что позволяет создателю канала получить данные о мнении читателей о том или ином посте, а также напрямую вступить с ними в диалог непосредственно в разделе комментариев. Применение реакций проиллюстрировано в первом примере (ил. 1). Под постом размещены реакции читателей в виде разнообразных эмодзи с указанием их количества. На другом примере (ил. 3) видно, что автор прокомментировал собственный пост при помощи поликодовых знаковых средств, а читатели отреагировали на него своими комментариями, которые также получили оценку у других пользователей.

Возможность быстро отреагировать на общественную реакцию также позволяет автору сделать соответствующие выводы о своей стратегии презентации информации, внести коррективы и/или попытаться повлиять на мнение читателей посредством нового поста со ссылкой на те из них, реакцию на которые создатель хотел бы скорректировать. Сервис также позволяет напрямую обратиться к аудитории (кроме стандартного текстового доступны аудио- и видеоформаты), используя в качестве оборудования устройства от обычного смартфона до профессиональных микрофонов и видеокамер.

Приложение Телеграм – эффективная площадка для передачи больших объемов информации и осуществления коммуникации, авторы и пользователи обладают всеми средствами для поддержания диалога, который обеспечивает многоуровневая система цифровых поликодовых и гибридных знаков различных видов (текстовые знаки, графические символы, эмодзи во внутритекстовом формате и в виде реакций, изображения в формате jpg, png, gif и др., аудио- и видеозаписи, ссылки). Примечательно, что автору и аудитории доступен схожий набор функциональных

инструментов, позволяющий немедленно отреагировать на информационный блок при помощи эмодзи, дать собственный комментарий в текстовом, аудио- или видеоформате (или же сочетанием вышеперечисленного), при необходимости используя ссылки на другие посты, материалы и источники. Подобная поликодовость – это уникальная особенность именно цифрового знака. В свою очередь, другим пользователям также доступна возможность оценить комментарии при помощи всех доступных в приложении средств и т. д., что способствует неограниченной гипер- и метатекстуальности. Таким образом, описанные особенности позволяют считать цифровой знак отдельной сущностью, проявляющейся в цифровой коммуникации.

Литература

Азимов Э.Г. Информационно-коммуникативные технологии в преподавании русского языка как иностранного: Метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Э.Г. Азимов. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 352 с.

Вартанова Е.Л. Эпоха гибридных медиа / Е.Л. Вартанова // Журналист. – 2016. – № 10. – URL: <https://jrnlist.ru/content/epoha-gibridnyh-media> (дата обращения: 21.10.2023).

Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 212 с.

Галло Я. Гетерогенность текста как лингвистическая проблема / Я. Галло // Язык и культура. – 2013. – № 15. – URL: www.ff.unipr.sk/jak/15_2013/gallo.pdf (дата обращения: 24.10.2023).

Казак М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М.Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1 (4). – URL: <https://medialing.ru/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikacii-delimitacii-tipologii/> (дата обращения: 10.11.2023).

Литневская Е.И. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконного сетевого жанра / Е.И. Литневская, А.П. Бакланова // Вестник МГУ. Сер. № 9. Филология. – 2005. – № 6. – С. 46–61.

Новикова Т.Б. Гибридный масс-медийный дискурс как переводческая проблема / Т.Б. Новикова, И.В. Аванесова // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии: Сб. ст. Волгоград, 2017. – С. 95–102.

Семиотика: сб. ст. под ред. Ю. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – 640 с.

Оценочная лексика в дискурсе цифровой дипломатии в соцсетях посольства России в Китае

*цифровая дипломатия, дискурс цифровой дипломатии,
оценочная лексика, медиадискурс*

В условиях усложняющейся ситуации в международных отношениях цифровые технологии могут значительно расширить возможности дипломатии, сделав принятие дипломатических решений и практику их реализации более быстрыми, качественными и точными. Министерство иностранных дел Российской Федерации формирует позитивный национальный имидж, взаимодействуя с иностранными пользователями в режиме онлайн через СМИ, распространяя в Интернете культурные ценности, исторические символы, научные достижения и политические идеи. Развитие цифровой дипломатии сталкивается не только с проблемами дипломатической культуры, образа мышления и организационной структуры, но и с отсутствием норм словесного выражения этих моментов, что также стало существенным ограничением для будущего развития цифровой дипломатии. Поэтому более глубокое изучение цифровой дипломатии в социальных сетях может эффективно помочь нам справиться с этими вызовами.

В соответствии с потребностями исследования в качестве носителя информации была использована социальная сеть VK, в которой были подробно проанализированы публикации, размещенные на официальном аккаунте Посольства России в Китае за полгода (05.2023 – 11.2023). Были оценены стиль публикаций, их тематика (политика, экономика и культура), проведен качественный и количественный анализ частей речи.

Как считают российские ученые, «в языкознании оценочно-экспрессивные коннотации рассматриваются эмотологией – лингвистикой эмоций. “Эмоции – форма оценки субъектом объекта мира... В процессе языкового опосредования эмоциональность как психическое явление трансформируется в эмотивность, которая есть уже языковое явление, а эмотивные знаки языкового пространства – субститутами эмоций запредельного для языка мира» [Шаховский 1995: 3].

Л.Л. Касаткин считает, что это «слова, отражающие эмоциональное отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения» [Самотик 2012]. Использование оценочной лексики имеет наиболее широкий спектр применения, выражая эмоции и передавая конкретные оценочные смыслы посредством использования прилагательных, существительных, глаголов и других лексем, содержащих оценочные зна-

чения, эта лексика является наиболее прямым и ясным языковым средством выражения оценочных смыслов.

Средства языковой экспрессии в социальной сети Посольства России в Китае используются на различных языковых уровнях, среди которых наиболее загруженным является лексический уровень, а наиболее частотными лексическими средствами для выражения оценочных значений являются (в порядке убывания) существительные, прилагательные и глаголы. Доля существительных может составлять около 50 % лексики текста; прилагательных – около 20 %; количество глаголов невелико и может составлять около 10 % слов текста. Изучая и анализируя существительные, выражающие оценочное значение в статьях, размещенных на официальном аккаунте Посольства России в Китае в социальной сети VK, мы пришли к выводу, что их можно разделить на следующие категории.

Первая категория существительных выражает оценочную коннотацию самим лексическим значением слова, например: *дружба, уважение, усилие, сотрудничество*.

Вторая категория существительных не выражает оценочного значения самим словом, а реализуется в контексте, например: *строить мост между нашими странами*, где «мост», как конкретное существительное, не имеет оценочного значения, но в сочетании с глаголом «строить» образует словосочетание, которое косвенно выражает идею содействия развитию отношений между двумя странами, поэтому лексема «мост» имеет в анализируемом тексте положительное оценочное значение.

С другой стороны, прилагательные, которые обычно используются для атрибуции существительных и выражают характер, состояние, характеристики и признаки людей, предметов, событий, в большей степени способны выражать оценочные смыслы и коммуникативные эмоции.

Глаголы являются особым оценочным средством в лексическом анализе, обладают при этом не всегда очевидной оценочной функцией.

Оценочное значение может непосредственно входить в смысловую часть глагола или присоединяться к ней. Например: *Сердечно приветствую организаторов и участников конференции, посвященной роли и месту народной дипломатии в российско-китайских отношениях*. Слово *приветствовать* означает 'здороваться, подавать знак доброго отношения к кому-либо', оно само уже может передать положительные эмоции.

Анализируя оценочное значение глаголов, мы обнаруживаем, что глаголы, выражающие речевые процессы, и глаголы, выражающие психические процессы, обычно встречаются в предложениях, которые могут усиливать точку зрения и подчеркивать отношение, например: *Уверен, что многоплановая, созидательная работа общества будет и впредь способствовать упрочению российско-китайских отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия*. Слово *уверен* в данном предложении непосредственно выражает уверенность субъекта в укреплении российско-китайского всеобъемлющего и стратегиче-

ского партнерства, выражает высокую степень утверждения и уверенности в российско-китайском сотрудничестве.

На синтаксическом уровне и в русском, и в китайском языках существует ряд типов предложений, которые выражают оценочную семантику. Оценочные высказывания делятся на две категории: оценочные высказывания с оценочными словами и без оценочных слов.

Синтаксическое выражение оценочного смысла в них представлено в основном структурами с оценочными словами.

Например: *Вице-премьер добавил, что успешно расширяется кооперация стран в областях научно-технического обмена, цифровизации, разработки и внедрения инноваций, трансфера технологий, идет работа над расширением расчетов в национальных валютах.*

Для оценочных высказываний, не содержащих оценочных слов, с целью выражения оценочного смысла с точки зрения синтаксических средств обычно используются восклицательные предложения, двойные отрицательные конструкции и т. д.

Восклицательные предложения служат для усиления тональности текста, делают язык более эмоциональным и передают сильные чувства. Например: *Очень рад прибыть в Китай в качестве российского Посла. С нетерпением жду встречи с китайскими друзьями после завершения карантина! Продолжаем работу на благо народов двух стран!* Из этих предложений видно, что Россия передает дружественное и позитивное отношение к Китаю, а также уверенность в себе.

Конструкция двойного отрицания, которая усиливает уверенность, в данном случае в большей степени, чем в обычных утвердительных предложениях, подчеркивает, что сказанное не может быть подвергнуто сомнению. Использование конструкции двойного отрицания для выражения абсолютной уверенности является также способом усиления экспрессивности речи. Например, *нельзя не понимать, что НАТО пытается придать своей деятельности глобальный охват, нацелившись на проникновение в Азиатско-Тихоокеанский регион.*

Вопросительное предложение. Вопросительное предложение усиливает интонацию и провоцирует мысль в тексте. Например: *В откровенных беседах китайские политологи говорят, что не понимают политики американцев. Зачем американцы ломают сложившуюся модель американо-китайских отношений? Для чего? Они не понимают, что даст американцам заталкивание Китая в стан противника.*

Рассмотрим тексты с позиции синтаксической риторики, которая в основном занимается различными экспрессивными эффектами структуры предложений и словосочетаний, а также средствами усиления экспрессивности языка. Основными риторическими приемами, используемыми для усиления экспрессивности, являются параллелизм, метафора, сравнение, риторический вопрос и т. д.

Метафоры позволяют визуализировать абстрактные вещи и истины, сделать их понятными, легкими для восприятия, а также сделать статью

более яркой и наглядной. Например: *Среди «волн и ветров» на планете мы тесно взаимодействуем в международных делах и, стоя плечом к плечу, «как скала посреди бурного потока», эффективно координируем внешнеполитические позиции, боремся с общими угрозами, реагируем на современные вызовы.* В этом отрывке оратор сравнивает прочные отношения сотрудничества между двумя странами со «скалой посреди турбулентности», ярко и наглядно показывая прочность отношений сотрудничества между двумя странами и передавая уверенность в сотрудничестве между двумя странами.

Что касается невербальных текстов, размещенных на официальной странице соцсети VK Посольства России в Китае, то они в основном представлены картинками и видео, причем доля картинок выше. Поскольку картинки более информативны, они интуитивно понятны и действенны в плане выражения эмоций, отношения к происходящему, выявления положения дел, описания вещей. В ходе исследования мы обнаружили, что в большом количестве фотоматериалов часто встречаются такие элементы, как рукопожатие и флаги двух стран, что, на наш взгляд, отражает важность визитов на высоком уровне между Китаем и Россией, а также свидетельствует о близости отношений между Китаем и Россией.

Опираясь на данные лингвистического анализа вербальных и невербальных публикаций соцсети VK посольства России в Китае, мы должны овладеть средствами выражения оценки в тексте дипломатического дискурса, научиться применять их для генерации, организации и построения собственного дискурса цифровой дипломатии, научиться развивать и стандартизировать собственные тексты для этого дискурса. Ведь цифровая дипломатия не только является неотъемлемой частью дипломатической работы, но и постепенно меняет саму дипломатию, ее форму и характеристики.

Исследование выполнено за счет гранта Dalian university of technology.

Литература

Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебн. пособие / Л.Г. Самотик. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012. – 510 с.

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций / В.И. Шаховский // Язык и эмоции: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3–15.

Роль оценки в реализации персуазивных стратегий в телевизионной рекламе

*оценка, персуазивные стратегии, стратегия убеждения,
стратегия уговаривания, тактики, приемы,
телевизионная реклама*

Рекламная коммуникация как сложный феномен вызывает интерес у лингвистов уже давно. Для достижения общей цели рекламы, которая заключается в побуждении потенциального потребителя к покупке рекламируемого товара или услуги, играет важную роль оценка.

Рассматривая работы, посвященные изучению феномена оценки, мы заметили, что на стратегический подход к изучению данного феномена в телевизионной рекламе относительно мало исследователей обращает внимание. Итак, цель нашего исследования – определить роль оценки в реализации персуазивных стратегий в телевизионной рекламе. Материалом данного исследования служат телевизионные рекламные ролики детского питания.

Речевая стратегия рассматривается как «сверхзадача, идущая от адресанта, направленная на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанная на определенный перлокутивный эффект», и тактика – как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [Попова 2002 24: 278].

В телевизионной рекламе выделяются персуазивные стратегии – стратегия убеждения и стратегия уговаривания [Ху 2023 14: 7]. Согласно мнению О.С. Иссерс, убеждение воздействует на разум и логику адресата, а уговаривание – на его эмоции и чувства [Иссерс 2008: 142]. При реализации стратегии убеждения можно использовать эмоциональные доводы как вспомогательные, и в рамках стратегии уговаривания используется небольшое количество рациональных доводов, содействующих реализации тактик уговаривания.

Н.Д. Арутюнова рассматривает оценку как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова 1988: 60]. Она предлагает разделить оценки на две основные группы – общая и частная. В последней группе можно выделить семь категорий оценочных значений: сенсорно-вкусовые/гедонические, психологические (интеллектуальные, эмоциональные), эстетические этические, утилитарные, нормативные, телеологические [Там же: 66].

В своей работе О.Д. Прокопчик обращает внимание на соотношение эмоциональной оценки и рациональной оценки. Согласно ее мнению, рациональная оценка, которая может выступать в двух видах: интеллектуальная и психологическая, ориентирована на отношение субъекта к объективной действительности. Эмоциональная оценка выражает чувство-отношение посредством создания речевого стимула и вызывает определенный перлокутивный эффект [Прокопчик 2010, 1: 153].

В рекламной коммуникации феномен оценки тесно связан с лингвопрагматикой. В рекламе главная цель употребления оценки заключается не в выражении положительного или отрицательного отношения к объекту оценки, а в изменении образа рекламируемого товара в сознании потребителя и побуждении его к приобретению товара.

Таким образом, в данном исследовании мы рассматриваем рациональную оценку как оценку, выраженную языковыми формами без речевого стимула, а эмоциональную как оценку, выражающую чувство-отношение посредством создания речевого стимула. Оба вида оценки могут разделяться на общую и частную.

В рамках стратегии убеждения оценка употребляется при актуализации тактики апелляции к удовлетворению базовых и практических потребностей и тактики апелляции к опыту.

В рекламе детского питания тактика апелляции к удовлетворению базовых и практических потребностей происходит за счет приема выделения объективных положительных признаков товара в пользу потенциального потребителя и приема создания проблемной ситуации и ее решения. В таком случае употребляется рациональная оценка товара, которая обычно выражается вместе с описанием состава, объективного свойства товара или результата от приобретения товара; иными словами, оценочные аргументы используются вместе с описательно-детализирующими. На лексическом уровне употребляются рационально-оценочные лексемы с положительной семантикой. Например: «Нежные однокомпонентные пюре Gerber идеальны для первого прикорма. Они приготовлены без добавления крахмала, сахара и соли» (Gerber); «Это уникальный состав с бифидобактериями и пробиотиками для комфортного пищеварения малыша» (Similac Premium). Стоит отметить, что в убеждении в контексте описательные прилагательные 'нежный', 'однокомпонентный', и конструкция 'с чем', 'без добавления чего' имплицитно несут положительную оценочную семантику.

Тактика апелляции к опыту реализуется за счет приема введения потребителя как источника информации из первых рук. В рекламе «настоящий» потребитель дает свою оценку рекламируемому товару. При этом оценка может быть рациональной или эмоциональной. Одни рекламные тексты содержат прямую оценку рекламируемого товара, выражаемую «настоящим» потребителям с помощью оценочной лексики, а в других рекламных текстах прямая оценка товара отсутствует. В последнем случае оценка выражается на синтаксико-семантическом уровне. Например:

«— Что для вас важно в выборе детских каш? — Еще совсем маленький. Мне важно, чтобы не было аллергии, поэтому мы едим низкоаллергенные каши Heinz» (Heinz). В данном примере употребляется причинное придаточное предложение, благодаря чему потребитель выражает положительное отношение к товару.

В рамках стратегии уговаривания оценка употребляется при актуализации тактики апелляции к удовлетворению базовых и практических потребностей, тактики апелляции к удовлетворению духовных потребностей и тактики апелляции к личности. В отличие от убеждения при актуализации тактики удовлетворения базовых и практических потребностей в рамках стратегии уговаривания используются оценочные аргументы к качеству товара без описательно-детализирующих.

На лексическом уровне в первую очередь употребляются такие рационально-оценочные лексемы, как 'хороший', 'вкусный' и 'полезный'. «Оценки, в которых слова 'хороший', 'плохой' выполняют только функцию выражения, не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не описывают и ничего не утверждают» [Ивин 1970: 45]. Мы полагаем, что в рекламе продуктов питания отдельные слова 'вкусный' и 'полезный' без других рациональных доводов рассматриваются как «чистая» самопохвала. Анализ материала нашего исследования показал, что в рекламе детского питания очень редко используется такой тип оценочного аргумента. При реализации такой тактики часто употребляется эмоциональная оценка. Например, в рекламе Nesquik употребляется оценочное слово 'вкуснотища'.

При актуализации тактики апелляции к удовлетворению духовных потребностей часто употребляются психологическая оценка рационального типа и эмоциональная оценка. Такие оценки выражаются для описания психологического состояния человека после приобретения товара. Например, в рекламе Kinder Сюрприз употребляется междометие 'ого' для выражения непосредственной реакции удивления при получении товара.

В рекламе детского питания тактика апелляции к личности реализуется за счет приема комплимента. В таком случае оценка ориентирована на характер потенциального потребителя, а не на сам товар. Например, в рекламе Киндер употребляется ряд рационально-частнооценочных прилагательных 'добрая', 'красивая', 'умная' для описания потребителя-мамы.

Таким образом, в телевизионной рекламе в рамках стратегии убеждения и стратегии уговаривания используются разные способы выражения оценки, которая как аргументы играет важную роль в рекламной коммуникации.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 229 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е.С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 276–288.

Прокопчик О.Д. О рациональной и эмоциональной оценке / О.Д. Прокопчик // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2010. – № 3. – Т. 1 – С. 149–153.

Ху Ц. Речевые стратегии в телевизионной коммерческой рекламе // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. –Т. 14. – № 2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK223.pdf>

**Суггестивный потенциал
вербальных и невербальных средств организации
университетского контента в интернет-среде**

*Телеграм, телеграм-канал, суггестия, университет, вербальные
средства, невербальные средства*

В современной лингвистике значительное внимание уделяется вопросу реализации суггестивного воздействия. Проявление суггестивности активно исследуется в политической, рекламной, медицинской, юридической, религиозной сферах. Также можно выделить научные исследования средств суггестивности в СМИ и просветительском дискурсе.

Под термином «суггестия» мы понимаем специально организованный в интернет-среде вид коммуникации, включающий вербальные (слова) и невербальные (графические эмодиконы, рисунки, фотографии, цифры, аудио- и видеоконтент и др.) средства организации. В рамках выделения типов суггестивного воздействия были взяты положения Е.В. Шелестюк [Шелестюк 2014], а также фактический материал, который представлен в официальных телеграм-каналах российских университетов (ВШЭ, ТОГУ, ДВФУ, МГУ, РУДН).

Итак, суггестивность в университетском контенте реализуется в следующих типах суггестивного воздействия: информирование, симулированный диалог, уговаривание, призыв, повеление, оценка, эмоциональное воздействие. Выделенные типы суггестивного воздействия, представленные в университетском контенте, реализуются при помощи вербальных и невербальных средств. Они обладают возможностью контролировать внимание читателя, а также вызывать необходимые эмоции или оценки [Степнов 2014].

На основе анализа материала мы выявили следующие разноуровневые лингвистические средства реализации суггестивности в университетских телеграм-каналах.

Лексические средства

Здесь представлены номинации, которые создают положительный образ учебного заведения, в отдельных случаях отличаются экспрессивностью и оценочностью.

Дадим актуальные и достоверные ответы на ваши вопросы об обучении в онлайн-кампусе НИУ ВШЭ (ВШЭ).

Отметим, что замена компонентов общеизвестных выражений также вызывает эмоциональный отклик у адресата, так как это можно сопоставить с приемом программирующей номинации, который состоит в предвосхищении событий. Так, например, в следующем тексте производится

замена компонента известного выражения «окей, Гугл», произношение которого активизирует механизм, позволяющий получить необходимую информацию в поисковой интернет-системе Google.

Новое видео нашего проекта «окей, Вышка»! В коротких емких видео вы найдете ответы на все свои вопросы о поступлении и обучении в Вышке Онлайн! (ВШЭ).

Морфологические средства

Среди морфологических средств, обладающих суггестивностью, следует выделить использование формы 1 лица множественного числа. Данная форма дает возможность выразить некое обобщенное лицо.

Нам так понравилось общаться с вами и видеть ваши живые лица! (ВШЭ).

Подобная личная манера изложения создает доверительные отношения, сокращая дистанцию между читателем и автором.

Императивы в университетских телеграм-каналах помогают активизировать читателей, выполняя функцию средства речевого воздействия на адресата, что обуславливает реализацию повеления – одного из типов речевого воздействия [Шестелюк 2014].

Не забудьте пройти регистрацию в качестве участника на платформе «Факультетус» (ТОГУ).

Среди глаголов, побуждающих к действию, присутствуют глаголы повелительного наклонения, обладающие значением совместного действия (1 лицо множественного числа).

Не пропускаем важные мероприятия и уже через 30 минут присоединяемся к онлайн-встрече с выпускниками программы «Экономический анализ (ВШЭ).

В связи с тем, что одной из целей ведения университетских телеграм-каналов является привлечение нового контингента среди потенциальных студентов, а также стремление активизировать уже обучающихся студентов для участия в университетских мероприятиях, авторами часто используется императив, чтобы побудить подписчиков к необходимым действиям.

В ряде университетских телеграм-каналов представлены местоимения 2 лица, которые позволяют обозначить обращение к читателям. Данный факт демонстрирует диалогичность телеграм-каналов.

Вы очень просили опубликовать поздравление ректора Юрия Марфина и выпускника ТОГУ Данила Залюбовского на вручении красных дипломов бакалаврам и специалистам (ТОГУ).

Синтаксические средства

Прямая и косвенная речь, цитирование, вводные слова со значением источника сообщения отличаются особым воздействующим эффектом. В телеграм-каналах университетов часто используются ссылки на представителей руководства университета, что придает авторитетность постам.

*Свое отношение к вузу **выразил ректор ТОГУ Юрий Марфин. Юрий Сергеевич считает**, что главное в университете – удобство, качество и открытость. (ТОГУ).*

Восклицательные предложения позволяют выразить воздействующую и побудительную интенции.

За эти дни мы тоже успели соскучиться, поэтому скорее рассказываем про новое мероприятие, которое состоится уже послезавтра! (ВШЭ)

Предложения с обращениями обладают возможностью привлекать внимание читателей, представляющих определенную целевую аудиторию, что способно благоприятно повлиять на их последующие действия (например, абитуриент решит принять участие в вебинаре приемной комиссии и подать документы на определенное направление).

Дорогие абитуриенты, обратите внимание на сроки подачи документов (ТОГУ).

Вопросительные предложения в университетских телеграм-каналах, как правило, не предполагают необходимости ответа со стороны читателя. Они помогают акцентировать внимание на конкретные проблемные аспекты, которые могут быть интересны потенциальной аудитории.

Как проходит обучение на онлайн-программах? Все ответы на актуальные вопросы вы узнаете сегодня! (ВШЭ).

Вопросно-ответные комплексы дают возможность реализовать симулированный диалог, являющийся одним из типов речевого воздействия [Шестелюк 2014]. В подобных комплексах, как правило, размещаются вопросы читателей и ответы представителей университетов с целью привлечь внимание читателей к конкретной проблеме.

Что это значит? Именно наш университет в числе лучших будет проводить тренинги предпринимательских компетенций не только на территории ДФО, но и за ее пределами (ТОГУ).

Наряду с вербальными средствами организации контента в университетских телеграм-каналах представлены **невербальные средства**, которые также имеют важное значение, воздействуя на зрительное восприятие аудитории.

Весьма популярным в Телеграме является использование графических эмодиконов. Кроме иллюстративной (использование эмодиконов в качестве маркеров в списках) и прагматической (замена отдельных слов эмодиконами) функций, эмодиконы могут также выполнять и оценочную функцию (эмодиконы в виде поднятого или опущенного большого пальца обозначают положительные и отрицательные пункты в списке; эмодиконы в виде молнии или огня, огневой вспышки подчеркивают важность информации).

В телеграм-каналах активно используются рисунки и фотографии, которые также обладают суггестивностью. В ряде случаев в университет-

ских телеграм-каналах представлены изображения, которые, функционируя в качестве «триггеров», способны вызывать у читателей предметно-логические ассоциации.

Комплексное исследование суггестивности университетского контента в интернет-среде имеет важное практическое значение, связанное с воздействием на формирование образовательной среды и академического взаимодействия, а также с восприятием контента приемной кампании университетов.

Литература

Степнов А.П. Методика оценки суггестивности информационных материалов / А.П. Степнов // Акмеология. – 2014. – № 4 (52). – С. 250–257.

Шестелюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е.В. Шестелюк. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 344 с.

Чернышев Алексей Борисович
Публичное акционерное общество «Автодизель», г. Ярославль
Чернышева Мария Евгеньевна
Детский развивающий центр «МаминГрад», г. Рыбинск
УДК 81'374.823

**Проект электронного идеографического многоязычного
сопоставительного словаря: теоретический и экспериментальный
подходы**

лексикография, электронный словарь, идеографический, части тела

В настоящее время цифровые методы исследования находят широкое применение в научной практике, в том числе и в гуманитарных отраслях знаний. Возможность компьютеризации и цифровизации в лингвистике осложняется ориентацией науки о языке на знак как традиционный объект исследования, включая его значение, зачастую выходящее за пределы конкретики. Достойным же внимания в этом процессе представляется хранение и репрезентация знаний о мире через язык, и в этом смысле компьютерная лингвистика становится закономерным этапом развития языкознания и своего рода продолжением лингвистики генеративной и когнитивной, где фреймы и схемы удачно замещаются отражением знаний уже в виде различных компьютерных программ. Подобный подход оказывается исключительно положительным опытом при его ориентации на традиционные языковые уровни, структуры и методы во всей их полноте. Целью данной работы является демонстрация особенностей компьютерной программы Excel в создании и практическом применении многоязычных словарей.

Очевидно, что впервые вопрос о компьютеризации словарного дела был поставлен В.В. Морковкиным [Морковкин 1990: 7], а чуть позднее Р. Хартманном и Г. Джеймсом был выдвинут тезис о том, что компьютерная технология производит новые и новые виды словарей [Hartmann 1998: 85], к числу которых, в частности, относятся словари «по числу языков для переводных словарей» – двуязычные и многоязычные [Гак 1998: 462] и идеографические, построенные по обратному принципу, то есть от понятия к слову [Мамадназаров 2016: 44]. Именно к таким классификационным типам относится представляемый в настоящей работе словарь.

Поскольку компьютерно-цифровая техника в деле составления словарей максимально дает возможности выйти за пределы одного языка, то это позволяет более наглядно осветить вопросы, касающиеся и типологического языкознания, и лексикографии, и переводоведения. Такой универсализм уже давно стал насущной потребностью в современной практике составления словарей, о чем свидетельствует монография А. Мамадназарова [Мамадназаров 2016: 10].

Репрезентация же языковых единиц в программе Excel в варианте электронных таблиц благодаря соответствующему и удобному интерфейсу позволяет охватить их максимальное количество с точки зрения как тематики, так и самих языков. Как следствие, существование таких словарей может рассматриваться и одной из целей сопоставительной лингвистики. Возможность же создания такого словаря непосредственно обусловлена компьютеризацией и цифровизацией научных методов и процессов. В этой связи к такому словарю вполне применимо название «электронный идеографический многоязычный сопоставительный словарь».

Принцип составления и применения подобного словаря является очень простым и наглядным одновременно. Возможности сортировки и фильтрации, предусмотренные программой Excel, способствуют закреплению крайних столбца и строки, которые представлены конкретными лексемами и конкретными языками соответственно. Кроме того, компьютерная программа позволяет использовать и электронные визуальные средства – картинки, изображения, фигуры – словом, все то, что помогает воспроизвести образ обозначаемого разными языками предмета. При этом принцип выбора лексических единиц и языков носит произвольный характер как в плане их количества, так и ареального распространения.

Как представляется, выбор зависит от определенных целей использования словаря. Например, если речь идет о деятельности совместных предприятий, являвшихся распространенной практикой сотрудничества на территории России в начале XXI в., то, как правило, имело место использование специализированных понятий (денотатов), актуализируемых, как минимум, тремя языками, а именно: русским языком, языком страны, осуществляющей совместную деятельность, и английским языком как языком международного общения. Если же целевая задача словаря, например, педагогическая, то и вовсе может меняться весь набор лексики и языков, в зависимости от того, какой условно ограниченный набор лексем и какие языки подлежат изучению.

Предлагаемая вниманию в настоящей работе в качестве примера часть проектного электронного многоязычного словаря представлена четырнадцатью лексемами семантического поля ‘части тела’ на материале двенадцати языков. Выбор данного семантического поля в качестве примера, предмета исследования и педагогического эксперимента обусловлен несколькими факторами. Во-первых, части тела являются базовыми понятиями, во многом ключевыми в бытовом общении и, в частности, даже при обращении к врачу. Изучение же лексики одного языка в параллельном сопоставлении с другими языками, в том числе разных языковых групп, ускоряет процесс овладения, пусть и в сугубо частном аспекте, но несколькими иностранными языками, что соответствует актуальным потребностям в личности, применяющей в практической деятельности навыки нескольких языков.

Во-вторых, лексемы семантического поля ‘части тела’ лежат в плоскости такой теоретически значимой для лингвистики проблематики, как

body-part relation, у истоков которой стоял Э. Сепир и которая положила начало целому ряду исследований в области антропологической лингвистики [Sapir 1989: 29]. И в этом отношении представляется вполне справедливым говорить о возможностях частичной компьютерно-цифровой трансформации и антропологической лингвистики – еще одного из направлений классической науки о языке.

Набор же из числа двенадцати языков крайне условен, но определяется как практическим применением популярных европейских языков – английского, французского, испанского, так и сохранением и популяризацией редких языков из разных географических регионов, соответствующих, в частности, и стратегическим интересам России в современной внешней политике, а именно языков стран Западной и Восточной Африки – волоф, суахили, кикуйу, и стран бывшего СССР – узбекского, грузинского, армянского, литовского. Остальные два языка – корейский как изолированный язык восточноазиатского государства, и татарский как язык агглютинативного типа одной из крупнонаселенных республик на территории Российской Федерации.

В качестве педагогического эксперимента, в котором приняли участие 10 детей (4 мальчика и 6 девочек) в возрасте 10 лет, изучающих английский язык как основной, с практическим применением «электронного идеографического многоязычного сопоставительного словаря» было предложено запоминание лексем, актуализирующих четырнадцать базовых понятий частей тела, а именно: 'тело', 'голова', 'глаз', 'рот', 'зуб', 'ухо', 'нос', 'губа', 'шея', 'нога', 'рука', 'спина', 'колени', 'локоть'. Само по себе запоминание от 12 до 15 слов в рамках занятий, как показывают исследования, направленные на выявление механизма функционирования памяти в контексте модели первичного восприятия информации, ее кодирования, дешифровки и воспроизведения [Ломакина 2012: 69], представляется вполне оптимальным. Кроме того, при проведении эксперимента сопоставительный материал был ограничен тремя языками – английским, французским и испанским.

На первом этапе эксперимента 14 выбранных денотатов были представлены в ряд на мониторе компьютера на английском, французском и испанском языках. Рядом с каждым словом в каждой строке находилась картинка, наглядно демонстрирующая изучаемый объект, что обеспечивало визуализацию представляемого предмета. В начале работы тьютором были прочитаны лексические единицы вслух каждая по отдельности на английском, французском и испанском языках с обязательным переводом на русский. Затем учащиеся повторяли слова за тьютором, фокусируя внимание на таблице.

Вторым этапом работы с новыми изучаемыми лексическими единицами была работа в парах, где необходимым условием являлось чтение новых лексических единиц вслух. После детальной проработки каждому учащемуся было предложено прочитать одно из изучаемых слов на английском, французском и испанском языках.

Заключительный этап исследования состоял из проверки усвоения количества запоминаемых слов. Используя карточки с наглядным изображением частей тела, учащимся предлагалось воспроизвести уже усвоенную лексическую единицу.

В результате эксперимента удалось установить, что практическое применение электронного сопоставительного словаря оказалось вполне оправданным. Учащиеся не только смогли усвоить новые слова на английском языке, но и продемонстрировали владение на других языках – французском и испанском. Все десять человек запомнили лексемы на английском языке, при этом четыре человека смогли запомнить приведенную лексику на английском и французском языках, а три человека – на английском и испанском языках. Еще трем учащимся удалось запомнить слова на всех трех языках.

Таким образом, перспектива создания электронного идеографического многоязычного сопоставительного словаря оказывается технически несложным, но значимым звеном в общем процессе компьютеризации и цифровизации лингвистики, касаясь как ее традиционных теоретических аспектов, так и чисто практического и успешного применения при ускоренном освоении лексики одного или нескольких иностранных языков.

Исследование выполнено при поддержке Городского общественного научно-экспериментального фонда «Языковая среда» (г. Рыбинск)

Литература

Гак В.Г. Словарь / В.Г. Гак // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 462–464.

Ломакина Г.Р. Проблемы организации иноязычного материала в процессе формирования иноязычной компетенции обучаемых / Г.Р. Ломакина // Общество: социология, психология, педагогика. Научный журнал. – 2012. – №4. – С. 67–70.

Мамадназаров А. Становление и развитие таджикской переводной лексикографии XX и начала XXI вв. / А. Мамадназаров. – Душанбе, 2016. – 416 с.

Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Морковкин. – М., 1990. – 72 с.

Hartmann R.R.K. Dictionary of Lexicography / R.R.K. Hartmann, G. James. – London, 1998. – 176 p.

Sapir E. The Problem of Noun Incorporation in American Languages / E. Sapir // The collected works of Edward Sapir. – 1989. – Berlin: New York: Mouton de Gruyter. 5. American Indian languages. – 1. – P. 27–60.

Анализ машинного перевода эллиптической причастной конструкции в сопоставлении с решениями переводчика

вторичная предикативность, эллиптическая причастная конструкция, машинный перевод, перевод с английского на русский

Настоящее исследование выполнено в рамках динамично развивающегося направления контрастивной лингвистики и посвящено анализу и сопоставлению ручного и машинного перевода эллиптической причастной конструкции с английского на русский язык. На сегодняшний день практически отсутствуют работы, в которых бы предлагались стратегии перевода рассматриваемой конструкции. Более того, на данный момент не представлено исследований, направленных на сопоставление перевода эллиптической причастной конструкции при помощи программ машинного перевода и ручного перевода.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе данного исследования расширено направление анализа вторично-предикативных структур, рассматривается возможность применения программ машинного перевода при передаче английской эллиптической причастной конструкции на русский язык.

Согласно общенаучным положениям, явление предикативности характерно не только для предложения, в котором денотативная ситуация описывается типичными средствами, но и для меньших по объему синтаксических структур, с помощью которых та же ситуация описывается с меньшей затратой языковых средств [Беклемешева 2011, 2022]. Возникновение и распространение абсолютных и эллиптических конструкций в английском языке можно обосновать тенденцией к экономии языковых средств [Чернышова 2019].

В английском языке среди причастных конструкций выделяют эллиптическую причастную конструкцию – *flu medications effectively reduce flu severity **if started** within a few days of illness onset*. Для условно-временных конструкций с причастием прошедшего времени [Сулейманова 2021] характерен эллипсис части сказуемого. Широкое распространение получили конструкции типа *If + Adjective, If + Participle II* [Голикова 2004].

Эллиптическая причастная конструкция не имеет аналога в русском языке, поэтому при переводе возникает необходимость значительных трансформаций. Ср.: *However, complications such as heart failure or arrhythmias, even **if mild** during childhood and adolescence, can grow worse during adulthood* [The Times] – *Такие осложнения, как сердечная недостаточность и аритмия, **даже если легко протекают** в детском или подростковом возрасте, могут усиливаться по мере взросления* (пер.

мой. – А.Ч.); *The combined tests are relatively reliable in diagnosing Lyme, if performed at the right time, according to the CDC* [The Times] – Согласно информации, поступившей из Центра по контролю и профилактике заболеваний, при диагностике болезни Лайма можно полагаться на (**вовремя/своевременно проведенное**) комбинированное тестирование / особенно, **если провести его вовремя/своевременно** (пер. мой. – А.Ч.). Таким образом, эллиптическая причастная конструкция представляет собой простую структуру, которая обладает высокой степенью информационной емкости. Данная структура сопоставима по степени синтаксической компрессии с абсолютной причастной конструкцией: ***With more than 250,000 cases registered as of May 15, Russia now has the second-highest number of confirmed COVID-19 cases in the world*** [The New York Times] – 15 мая в России зафиксировано более 250 000 случаев заражения коронавирусом. Сейчас страна занимает второе место в мире по числу подтвержденных заболеваний (пер. мой. – А.Ч.).

Методика исследования базируется на различных типах лингвистического анализа.

На первом этапе выполнен анализ пособий по грамматике зарубежных и отечественных авторов, а также ряда наиболее известных пособий переводу для выявления особенностей рассматриваемой конструкции в переводческой перспективе.

На втором этапе применялся корпусный анализ для формирования эмпирической базы исследования. Во-первых, материал отбирался методом сплошной выборки. Во-вторых, для оптимизации поискового формата производилась работа с корпусными данными в рамках двуязычного подкорпуса Национального корпуса русского языка и с целью переводческого анализа. В окно поиска вносились данные, указывающие на тип дискурса (массмедиаальный, художественный), была обозначена модель структуры эллиптической причастной конструкции.

На третьем этапе на основе метода проекции перевод отобранного материала был сопоставлен с машинным переводом в программах Yandex translator, Google translator, DeepL. Ср.: *In people with diabetes, there are both systemic and localized increases in inflammation that, if severe enough and prolonged enough, could increase the risk of arrhythmia* [The Times] – У людей с сахарным диабетом наблюдается как системное, так и локализованное усиление воспаления, которое, **если оно достаточно сильное и продолжительное**, может увеличить риск развития аритмии (Yandex translator); У людей с диабетом наблюдается как системное, так и локальное усиление воспаления, которое, **если оно достаточно тяжелое и продолжительное**, может увеличить риск аритмии (Google translator); У людей с диабетом наблюдается как системное, так и локальное усиление воспаления, которое, **если оно достаточно сильное и длительное**, может повысить риск развития аритмии (DeepL).

В результате исследования, во-первых, выявлены различия перевода, выполненного при помощи программ машинного перевода и человеком, состоящие в: сохранении формальной структуры, нарушении актуального членения (тема-рематической структуры) высказывания, ошибках структурно-грамматического плана. Во-вторых, разработана методика для анализа, сопоставления, оценки машинного перевода эллиптической причастной конструкции. В-третьих, сделана попытка разработки эффективной модели перевода эллиптической причастной конструкции, уточняющую и потенциально модифицирующую программы машинного перевода. Выявленные стратегии демонстрируют высокий потенциал и могут быть применены в практических целях.

Литература

Беклемешева Н. Н. Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода / Н.Н. Беклемешева // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 91–100. – DOI 10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100.

Беклемешева Н.Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук / Беклемешева Наталья Николаевна. – М., 2011. – 285 с.

Дубровская О.Г. Когнитивная вариативность в переводном дискурсе / О.Г. Дубровская // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 657–661. – EDN PCADLJ.

Коканова Е. С. Предредактирование текстов для машинного перевода как метод исследования английских конструкций с причастием в медицинском дискурсе / Е.С. Коканова, Н.С. Пак // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 676–680. – EDN DJJMUUF.

Крылова И.П. Грамматика современного английского языка / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. – М.: КДУ, 2011. – 448 с.

Литкевич Е.И. Использование систем машинного перевода при переводе английских амбивалентных инфинитивных конструкций / Е.И. Литкевич // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. – 2023. – № 1 (46). – EDN LWWZOW.

Никулина Т.В. Программы машинного перевода: анализ адекватности и эквивалентности перевода на примере текстов разных жанров: выпускная квалификационная работа (ВКР) бакалавра по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика / Т.В. Никулина. – Орел, 2020. – 164 с.

Сулейманова О.А. English-to-Russian Translation: Traduttore. Traduttore (The Day of the Triffids) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2 (2014.7). – P. 312–319.

Сулейманова О.А. Грамматические аспекты перевода: учебное пособие / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова-Бирюкова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 240 с.

Сулейманова О.А. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии / Гл. редактор С.А. Васильев. – М.: Книгодел, 2021. – С. 297–315.

The Times: [сайт]. – URL: www.thetimes.co.uk (дата обращения: 05.10.2023).

Концепт «дорога» в русской и китайской языковых картинах мира

концепт, языковая картина мира, дорога

С развитием лингвокультурологии все больше ученых уделяют внимание изучению концептов, которые являются базовым понятием лингвокультурологии и основой языковой картины мира. Согласно мнению Ю.С. Степанова, концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. У каждой страны своя культура и разное понимание мира. Следовательно, в языках разных народов формируются различные концепты, отражающие свой склад ума, менталитет и самобытность. В этом случае сравнительный анализ концептов двух языков помогает содействовать взаимному пониманию между двумя народами.

Концепт «дорога» тесно связан с человеческой жизнью. Дороги необходимы не только для людей, но и для развития страны. С древних времен государства выделяют бюджет на строительство дорог, чтобы развивать транспорт и экономику. Это подтверждает одна китайская пословица: *если хотите жить богато, то сначала постройте дороги*. Именно поэтому в данной статье используется концепт *дорога* в качестве предмета анализа, чтобы исследовать специфики русского и китайского народов, отражаемые в *дороге*.

Лексикографические источники концепта «дорога» в русском и китайском языках

Исследование базируется на конкретном фактическом материале – лексикографических источниках. В «большом академическом словаре русского языка» [Горбачевич 2006: 295–298] представлены следующие значения концепта «дорога»:

- 1) полоса земли, служащая для езды и ходьбы;
- 2) место, пространство для прохода, проезда;
- 3) передвижение, путешествие, поездка;
- 4) направление, путь следования;
- 5) *перен.* направление, область деятельности, путь развития;
- 6) *перен.* средство для достижения чего-л.

В «большом толковом словаре китайского языка» [汉语大词典 1992: 1080–1081] значения концепта «дорога» составляют 10 компонентов:

- 1) 地面上供人或车马通行的部分。(часть земли для прохода или проезда человека, транспортных средств и животных);

- 2) 指达到某种目标的途径。(средство для достижения чего-л);
- 3) 路途; 路程。(передвижение, поездка);
- 4) 路上的人, 指众人。(люди на дороге, то есть масса);
- 5) 奔走; 跋涉。(долгая и тяжелая ходьба);
- 6) 行业; 职业。(отрасль, профессия);
- 7) 去向, 线索。(местонахождение, подсказки);
- 8) 方法; 办法。(метод, способ);
- 9) 样子。(образ);
- 10) 犹货色; 油水。(выгода).

Согласно лексикографическим источникам концепта «дорога» в китайском и русском языках, можно увидеть, что значения этого концепта в русском и китайском языках имеют как сходства, так и различия: *дорога* в этих двух языках имеет общие значения, например: *место для езды и ходьбы; путь развития; средство для достижения чего-л; передвижения, путешествия, область деятельности и путь развития*.

Что касается разницы, то существуют частичная и полная разница в значениях концепта дорога двух языков. Например, в китайском языке пятый компонент значения этого концепта риторически отличается от третьего компонента значения в русском языке, которое отражает трудность и усталость на дороге. Некоторые значения концепта «дорога» в китайском языке совсем не существуют в русском языке. Например, четвертое значение, девятое значение и десятое значение. Но эти значения чаще использовались в древнекитайском языке, а соответствующих примеров почти невозможно найти в современном китайском языке.

Сопоставление концепта «дорога» в русской и китайской языковых картинах мира

Использование концепта «дорога» показывает уникальные географические особенности России. Российские дороги долгое время покрыты снегом зимой, в результате чего дороги часто связываются с метелью и морозом в русских произведениях. В то же время в Китае подобные сцены на дорогах встречаются реже.

В двух народах сохранилось много фразеологизмов и поговорок о дороге, среди которых некоторые совпадают в обоих языках: встретиться на узкой дорожке/狭路相逢. Однако есть фразеологизмы и поговорки, которые существуют только в одном языке. Например, фразеологизм *не валяется на дороге* не имеет эквивалента со словом *дорога* в китайском языке. Следует отметить, что в китайских языках больше стихотворений выражают необходимость упорного труда, надежду на будущее и стремление к знаниям:

路漫漫其修远兮·吾将上下而求索。(屈原,《离骚》) 0. – *Дорога предомной просторная и далекая, взлечу и вновь спущусь к своей судьбе* (Цюй Юань. «Лисао»).

山重水复疑无路, 柳暗花明又一村。(陆游,《游山西村》) 0. – *Перемежаются горы и реки, и, кажется, нет дороги. Вдруг увидишь темные извы, яркие цветы – еще одна деревня* (Лу Ю. «Посетил деревню к западу от гор»).

Концепт «дорога» в обоих языках также связан с моральными нормами. В Китае Лао-цзы имеет мнение *Дао*, являясь автором «Дао Дэ Цзин» («Книга пути и достоинства»). Так что *дорога (Дао)* имеет значение морали. Кроме того, моральные нормы китайского народа тесно сопряжены с учением Конфуция о «жэнь». По его убеждению, этические требования, такие как человеколюбие, справедливость, ритуал и искренность, играют важную роль в самосовершенствовании личности. Русские тоже связывают дорогу с моралью. В сознании россиян честность и доброта являются моральными нормами: *Идет прямой дорогой тот, кто действует честно* (Прохоров 2007: 176). В отличие от китайских, русские моральные нормы часто связаны с религией.

В настоящее время в России *железная дорога* представляет собой крайне важный вид транспорта. Она не только удовлетворяет потребности людей в передвижении, но и играет важную роль в экономическом развитии регионов и страны. Стихотворение Н.А. Некрасова «Железная дорога» восхваляет рабочих, которые своим трудом и даже жизнями вложились в строительство *железной дороги*:

*Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.*

А по бокам-то все косточки русские....

Поэтому *железная дорога* – это не только обычный физический путь, но и олицетворение духа народа: не бояться тяжелой работы и всегда стремиться к своей цели.

Кроме того, *железная дорога* также связана с любовью. Например, одним из главных элементов сюжета романа Льва Толстого «Анна Каренина» является *железная дорога*, где происходит встреча Анны и Вронского.

Когда речь идет о *железных дорогах* Китая, то в Китае есть специальная *железная дорога* – *Цинхай-Тибетская железная дорога*, которая называется «Тяньлу» (Небесная дорога). Суровый климат и рельеф Цинхай-Тибетского нагорья создали огромные трудности при строительстве *железной дороги Цинхай-Тибет*. Поэтому эта особая дорога, символизирующая дух настойчивости народа и великую любовь между китайскими национальностями, имеет огромное значение для тибетского народа и даже для китайского народа в целом. Кроме того, *железные дороги* Китая олицетворяют тоску людей по дому и желание собраться всей семьей, поскольку *железная дорога* тесно связана с Чун Юн – крупномасштабным

явлением высокого транспортного давления, которое происходит в Китае до и после праздника Весны, отражая наследие китайской новогодней культуры [左洪语 2014: 40].

Заключение

В данной статье проводится сравнение концепта «дорога» в русском и китайском языках с точки зрения лингвокультурологии. Из вышесказанного мы можем делать вывод о том, что концепт «дорога» в русской и китайской языковой картине мира имеет сходства и различия не только в лексикографических источниках, но и в отношении носителей русского языка и носителей китайского языка к этому концепту. Концепт является основой для формирования образа мышления народов, а также отражает их уникальные культурные характеристики и менталитет. Благодаря изучению концептов в русском и китайском языках, мы можем больше узнать о сходствах и различиях в способах восприятия и описания мира двух народов, а также в ценностях и нормах, которые сопровождают эти концепты. Подобные изучения полезны для культурных обменов.

Литература

Бердамбетова А.П. Концепт как основная единица лингвокультурологии / А.П. Бердамбетова // Мировая наука. – 2022. – №10 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-osnovnaya-edinita-lingvokulturologii> (дата обращения: 04.12.2023).

Горбачевич К.С. Большой академический словарь русского языка / К.С. Горбачевич. – М.; СПб., 2006. – С. 295–298.

Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е.С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание. Международный межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – Вып. 2. – С. 67–75.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42–67.

古诗文鉴赏辞典(上卷).上海辞书出版社, 2004.4.

汉语大词典(第十卷).汉语大词典出版社, D1992.12. – 1081.

杨秀杰.语言文化观念及其研究方法—语言文化学系列研究之一.外语学刊, 2007(05). – 97–101.DOI:10.16263/j.cnki.23-1071/h.2007.05.016.

左洪语.语言文化学视域下“дорога/道路”观念的俄汉对比.哈尔滨师范大学 2014.

Чорногор Юлия Федоровна
Смоленский государственный университет
Ховричев Михаил Аркадьевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
УДК 811.111

Опыт использования ИИ для бинарной классификации письменных английских текстов по родному языку авторов

*искусственный интеллект, бинарная классификация,
письменный текст, английский язык, носители языка*

Внедрение технологий искусственного интеллекта происходит повсеместно в разных сферах современной жизни. В лингвистике применение ИИ стало особенно актуальным после появления больших языковых моделей, таких как BERT, RoBERTa, GPT. В данной статье мы представляем результаты исследования, направленного на изучение особенностей английских текстов, написанных британцами и русскоязычными авторами, владеющими английским языком профессионально. Классификация текстов по родному языку авторов близка к задаче поиска ошибок, которая в компьютерной лингвистике решается посредством машинного и глубокого обучения [Bryant et al. 2023: 1]. Наше исследование не ограничивается поиском ошибок в тексте, поскольку не все особенности текстов русскоязычных авторов можно отнести к ошибкам.

Задача данного исследования – использовать модель ИИ для поиска различий между изучаемыми классами текстов, которые в дальнейшем можно было бы рассмотреть более подробно. Объектом данного исследования являются письменные тексты на английском языке, написанные участниками, разделенными на две группы: носители британского английского и русскоязычные авторы с высоким уровнем владения иностранным языком. Предметом исследования являются все возможные признаки, отличающие данные классы друг от друга.

Понятие «носитель языка» требует конкретизации, поскольку в научной среде считается «неточным и расплывчатым» и вызывает дискуссии [Cheng et al. 2021,12: 715843]. В данной работе под носителями английского языка мы имеем в виду лиц, на момент написания текста проживающих в Великобритании, получивших образование на английском языке и использующих его в качестве основного языка в повседневном общении и трудовой деятельности.

Носители русского языка во время проведения исследования проживали в России, получили образование на русском языке и использовали русский язык в повседневном общении. Все они владеют английским как иностранным на уровне, необходимом и достаточном для осуществ-

ления профессиональной деятельности в области преподавания или перевода. Никто из них не имел опыт длительного проживания в англоязычной стране.

Для решения задачи исследования мы выбрали метод глубокого обучения, при котором готовая модель ИИ дополнительно обучается решать конкретную задачу, в нашем случае – проводить бинарную классификацию английских текстов по родному языку авторов. Если нейросеть сможет различать данные классы текстов, предполагается, что это в той же степени доступно человеку, так как архитектура нейросетей имитирует структуру человеческого мозга. Результативность модели измеряется посредством метрик машинного обучения: Accuracy, Precision, Recall и F1 [Hossin 2015: 1].

Мы собрали базу данных из 160 английских текстов, написанных носителями русского языка, и 160 английских текстов, написанных носителями английского языка. Общая база включает 320 текстов, что достаточно для дообучения языковой модели, изначально обученной на миллионах текстов. Тексты русскоязычных авторов были написаны в процессе подготовки к международным экзаменам CAE и CPE, соответствуют полуофициальному газетному стилю и включают жанры журнальной статьи, эссе, критического обзора и письма. База англоязычных текстов носителей была собрана вручную с использованием открытых источников: современных британских газет и журналов (The Independent, The Guardian, Reader's Digest UK, The Vogue UK, The Evening Standard), а также писем из официальной рассылки и интернет-публикаций британских коучей и преподавателей английского языка. По стилю и жанрам тексты соответствуют первой части базы и включают журнальные статьи, эссе, критические обзоры и письма читателей.

Изначально мы рассматривали базу текстов Cambridge English Readability Dataset [Xia 2019], состоящую из материалов международного экзамена Cambridge Proficiency Exam. Однако ее использование показало низкую метрику качества (Accuracy = 0,57), вероятно обусловленную встречающимися в текстах устаревшими словами и техническими ошибками, а также возможной адаптацией текстов к формату экзамена. Эти факторы сделали базу не подходящей для обучения нейросети, что привело нас к составлению собственной базы данных.

Для решения задачи исследования нами была создана модель ИИ, основанная на XLM-Roberta [Conneau et al. 2019], которая была обучена классифицировать английские тексты по родному языку автора. Для тренировки нейросети тексты каждого класса были разделены на три выборки: обучающую, тестовую и валидационную (в соотношении 70:15:15). Размер текстов ограничен 512 токенами для совместимости с моделью. Заголовки не включались в базу для единообразия данных.

После обучения модель показала высокую точность: Accuracy = 0.9782; Precision = 1.0; Recall = 0.9583; F1 = 0.9787. При тестировании на новых текстах (10 британских и 10 русскоязычных), модель ошиблась

один раз, получив метрики: Accuracy = 0.95; Precision = 1; Recall = 0.9; F1 = 0.947. Результаты аналогичного тестирования 30 русскоязычных профессионалов также оценивались при помощи метрик: Accuracy = 0.6367; Precision = 0.6404; Recall = 0.6233; F1 = 0.6318. Согласно метрикам, точность человеческой бинарной классификации английских текстов значительно ниже точности ИИ. Предполагается, что нейросеть смогла выявить особые релевантные связи, определяющие класс текста.

Интерпретация моделей ИИ – достаточно новое направление. До недавнего времени нейросети считались ‘черным ящиком’, поскольку возможности изучить процесс принятия решения моделью не было. Сейчас нейросети стали называть не черным, а ‘серым ящиком’, поскольку появились способы визуализировать связи, формируемые нейросетью при решении задачи. Так, метод SHAP (SHAPley Additive ExPlanations) позволяет измерить важность признаков и их вклад в принятие решения моделью [Lundberg 2017: 30]. Хотя детальный анализ классификации выходит за рамки данной работы, метод SHAP позволил нам сделать несколько интересных наблюдений. Нейросеть наделяет положительным или отрицательным весом каждый токен на основе знаний, полученных во время своего обучения, а также анализирует их кластеры. Модель уделяет внимание знакам препинания. Иногда она присваивает отрицательный вес грамматически правильным выражениям, что может быть связано с частотой их использования русскоязычными авторами. Например, отрицательный вес присвоен фразам «More than that», «To start with», «Experts, however», «First of all», «Meanwhile», которые ИИ считает признаком неаутентичных текстов.

Для интерпретации решений людей мы провели открытое анкетирование участников тестирования, которое позволило выделить ключевые критерии, на которых они основывали свой выбор. Выделенные критерии представляют собой социокультурные, синтаксические, морфологические, лексические и стилистические признаки, а также использование пунктуации. Показательно, что многие респонденты затруднялись конкретизировать свой выбор, часто объясняя его нелингвистическими факторами, такими как «интуиция», «внутреннее чутье», «профессиональная чуйка» и «русский слог». Такое затруднение в обобщении языковых признаков текста привело нас к решению в будущем использовать метод закрытого анкетирования, фокусируя внимание участников на лингвистических характеристиках для более точной интерпретации результатов опроса.

Обучение модели искусственного интеллекта решать задачу бинарной классификации английских текстов по родному языку авторов оказалось успешным, показало высокую точность в предсказывании класса текста и позволило сделать вывод о существовании языковых различий между рассматриваемыми категориями текстов. Более глубокий анализ работы нейросети посредством метода SHAP позволит обнаружить

больше существенных взаимосвязей и, возможно, поможет составить рекомендации по написанию аутентичных текстов и улучшению навыков письма в целом.

Литература

Bryant C. et al. Grammatical error correction: A survey of the state of the art // Computational Linguistics. – 2023. – С. 1–59.

Cheng L.S.P. et al. The problematic concept of native speaker in psycholinguistics: Replacing vague and harmful terminology with inclusive and accurate measures // Frontiers in Psychology. – 2021. – Т. 12. – С. 715843.

Conneau A. et al. Unsupervised cross-lingual representation learning at scale // arXiv preprint arXiv:1911.02116. – 2019.

Hossin M. A review on evaluation metrics for data classification evaluations / M. Hossin, M.N. Sulaiman // International journal of data mining & knowledge management process. – 2015. – Т. 5. – №. 2. – С. 1.

Lundberg S.M. A unified approach to interpreting model predictions / S.M. Lundberg, S.I. Lee // Advances in neural information processing systems. – 2017. – Т. 30.

Xia M. Text readability assessment for second language learners / M. Xia, E. Kochmar, T. Briscoe // arXiv preprint arXiv:1906.07580. – 2019.

**К вопросу об эквивалентности терминологических словосочетаний
(на примере терминов области «Политика – власть – общество»)**

*терминология, перевод, семантический перенос,
терминологическое значение*

Терминологические словосочетания, являющиеся частью терминосистем, относящихся к социальной сфере и наиболее интегрированных в общелитературный язык, близки по своим характеристикам к фразеологизмам. Мы считаем возможным использование при рассмотрении вопроса их эквивалентности подходов, используемых при описании вопросов эквивалентности фразеологических единиц [Шкилёв 2010].

Экспрессивно-эмоциональная специфика переосмысленных словосочетаний осложняет процесс их перевода. В юридической, экономической, политологической терминологии английского языка присутствуют устойчивые терминологические словосочетания (ТСС), близкие к фразеологическим единицам. Считаем возможным классифицировать ТСС по способам передачи при переводе на эквиваленты, аналоги и безэквивалентные словосочетания. Данная классификация используется специалистами по фразеологии, и возникает вопрос о правомерности ее использования в терминологии.

В ходе нашего исследования нами были рассмотрены словосочетания, относящиеся к области «Политика – власть – общество» и содержащие образное переосмысление в структуре значения. Данную область лексикографы делят на лексико-семантические группы «Субъект общественно-политической деятельности», «Виды общественно-политической деятельности» и «Процесс деятельности». Рассмотрим терминологические словосочетания данных лексико-семантических групп, содержащие в структуре значения образное переосмысление.

Словосочетание *leash on the media* – жесткий контроль за средствами массовой информации (букв. 'поводок на средства массовой информации') образовано путем метонимического переноса (поводок выполняет функцию контроля за животным) [Покровская 2010: 104]. В данном примере мы наблюдаем персонификацию и использование описательного перевода при передаче на русский язык.

На наш взгляд, интересно словосочетание *to manufacture information* – давать ложную, искаженную информацию (букв. 'производить информацию') [Покровская 2010: 105]. Глагол *to manufacture* используется для обозначения производства товаров.

Таким образом, современные медиа сравниваются с фабриками, ориентированными на массового потребителя. Для передачи на русский язык лексикографы использовали описательный перевод.

Помимо описательного перевода для передачи семантики переосмысленных ТСС используются аналогии (аналогично аналогам по фразеологии). Словосочетание *torrents of information* – лавина информации (букв. ‘потoki информации’). В английском и русском языках присутствует семантический перенос, отличающийся образной основой. В данном случае правомерно говорить о специфике русского литературного языка (в разговорной речи возможен вариант «потoki информации», тем не менее составители словаря предпочли вариант «лалина информации»).

При образном переосмыслении в анализируемой нами сфере «Политика – власть – общество» могут применяться различные метонимические модели. Например, в ТСС *party backbencher* – рядовой член партии (букв. ‘партийный заднескамеечник’) находит применение модель «место – человек занимающий место» [Покровская 2010: 137]. Особенности номинации в данном случае тесно связаны с традициями британского парламентаризма, когда передние ряды занимали лидеры партии.

В целом для английского языка характерно использование лексики общелитературного языка при номинации специальных понятий юридической, экономической, общественно-политической сферы. Русский же язык тяготеет к использованию более формальной лексики. Например, словосочетание *shaky cooperation* – непрочное, ненадежное сотрудничество (букв. ‘шаткое, нетвердое сотрудничество’) как в русском, так и в английском языке ассоциируется с непрочной конструкцией. Однако английский компонент *shaky* (букв. ‘трясущийся’) воспринимается как более разговорный.

Английский язык в общественно-политической сфере часто прибегает к использованию ярких образов, буквальная передача которых на русский язык не всегда возможна. Например, используется глагол *to hammer* – ‘стучать молотком, вбивать чеканить’ и его фразовые варианты *hammer out* (‘выковыривать, чеканить’) фигурирует в словосочетании *to hammer out the point* – ‘уладить вопрос, разобраться в вопросе’. Словосочетание *to hammer away the point* используется в значении «упорно работать над вопросом» (букв. ‘выдалбливать вопрос’).

Как видно из вышеприведенных примеров, в анализируемой терминологической системе спектр используемых образных средств весьма широк. Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о ярко выраженной в английском языке тенденции к использованию слов, относящихся к разговорной лексике, во вторичном терминологическом значении. При передаче на русский язык чаще всего прибегают к описательному переводу.

Литература

Покровская Е.В. Англо-русский словарь. Политика-власть-общество / Е.В. Покровская. – М.: Астрель, 2010. – 732 с.

Шкилёв Р.Е. Образное переосмысление в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): монография / Р.Е. Шкилёв. – Лаб. оперативной полиграфии, 2010. – 100 с.

От глаголов к междометиям: о некоторых особенностях новых маркеров-ксенопоказателей

*разговорная речь, прагматические маркеры,
маркеры-ксенопоказатели, чужая речь*

Современная устная речь богата особыми функциональными единицами. Их называют *прагматическими маркерами* (ПМ) [Богданова-Бегларян 2021: 23]. Эти единицы употребляются говорящими по большей части неосознанно и являются результатом *прагматикализации* как активного процесса современной русской речи. Часто прагматикализации предшествует другой активный процесс – *грамматикализация*. В результате ПМ не только утрачивают исходный семантический компонент (подвергаются процессу *десемантизации*), но и стабилизируются в некоторой устойчивой грамматической форме (*это самое, как его, типа того что, скажем так, (я) не знаю* и под.).

Функциональная классификация ПМ включает 10 разрядов [Богданова-Бегларян 2021], одним из которых являются *маркеры-ксенопоказатели* (ПМК). Функцией этой группы ПМ является ввод в повествование чужой речи (ЧР). В широком понимании этого термина ЧР включает не только речь другого говорящего, но и свою собственную речь, сказанную ранее или только еще планируемую, собственные или чужие мысли, а также интерпретацию поведения или даже молчания другого человека [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022].

Важно отметить, что класс ПМК в русском языке представлен не только новыми единицами, специфичными для устного дискурса, но и вполне традиционными, зафиксированными в словарях и кодифицированными, частицами *де, дескать, мол* [МАС 1985: 374, 392; МАС 1986: 289; 1988: 333]. Эти единицы составляют своеобразное «ядро» класса ПМК. Их происхождение от глагольных форм (*деять, сказать, молвить*) [Арутюнова 2000] и кодифицированность в современных словарях и грамматиках в качестве частиц, показывают, что для них процесс грамматикализации завершен.

Анализ материала повседневной (в первую очередь разговорной) речи показывает, что класс ПМК является открытым: на это указывают данные языковых корпусов (см. также: [Левонтина 2020]). Так, на материале корпуса ОРД, устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка, а также корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) удалось сформировать словник ПМК, насчитывающий 20 единиц.

Группа этих единиц требует подробного и систематического описания. В настоящем исследовании предпринимается попытка представить некоторые особенности «рождения» (в результате последовательных процессов десемантизации, грамматикализации и прагматикализации) выделенных ПМК – в виде системы концентрических кругов (см. рис. 1).

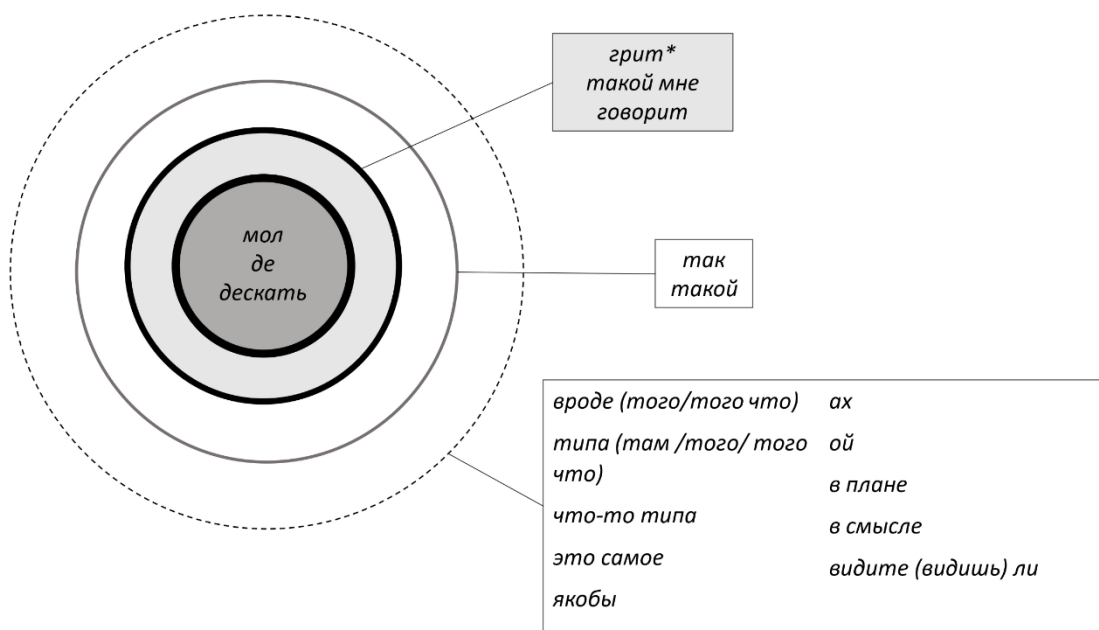

Рис. 1. Распределение функциональной «устойчивости» ПМК

«Ядро» группы ПМК составляют частицы *мол, де, дескать*. Ближе к ядру находятся ПМК, также восходящие к глаголам говорения, а именно *грю, grit, грим* и под. (редуцированные формы *говорю, говорит, говорим*) и составного ПМК *такой (мне) говорит*. Эти единицы сохраняют не только семантическую связь с глаголом *говорить*, но и вводят ЧР по модели конструкций с прямой речью, ср. (передаваемая ЧР во всех контекстах подчеркнута):

(1) *В слушай // Кирилл мне вчера заявил(:) **такой** / *П я / **говорит** / посмотрел / *П лучше / **говорит** / я тебе новый компьютер соберу / полностью // (ОРД)¹;

(2) этот тип такой говорит / *В рассказывает / (...) я имею сколько / всю жизнь привык там / рестораны / кафе / но вот нормальной домашней еды / вот в нормальной домашней атмосфере / я блин соскучился дальше некуда // (ОРД).

ПМК *так* и *такой* уже не имеют связи с глаголами речи, так как прототипическими частями речи для них являются местоименное наречие

¹ Об особенностях орфографического представления материалов ОРД см.: [Русский 2016: 242–243].

и местоимение. В контекстах эти маркеры явно передают «цитируемую» речь, и тоже по модели конструкций с прямой речью, ср.:

(3) ну он **такой** / *В я сказал / сцепление по-другому ! (ОРД);

(4) а-а *П э судья на Колю **так** / тш(!) ! *П вы не на базаре / *Н потом это самое ... *П Коля г... а Коля / это(!) судье и говорит / а вы посмотрите форму семь (ОРД).

При этом ПМК *так* и *такой* выполняют еще и изобразительную функцию, помогая говорящему не только включить чужую речь в свое повествование, но и интерпретировать ее определенным образом.

К «периферии» класса ПМК относится большинство единиц словника. Так, несмотря на способность единиц *в плане*, *в смысле*, *это самое* выполнять функцию введения чужой речи, такие примеры пока единичны, и можно предположить, что они переживают процесс прагматикализации буквально в настоящий момент, на наших глазах, ср.:

(5) Я ж и говорю, вам бы все читать, а если вам живого человека дают, так вы, **это самое**, зарезет меня живой человек (ОП НКРЯ)¹;

(6) И небезопасно не **в плане** «у-у, меня, может быть, оштрафуют», а в плане... «ну, я в прошлом видео рассказывал о том, что происходит» (из подкаста)².

Междометия *ах* и *ой* также встречаются в качестве маркеров, вводящих чужую речь, однако закрепление за ними функции ксенопоказателя весьма спорно. На эти особенности единиц *ах* и *ой* обращали внимание различные исследователи [Арутюнова 2000: 441; Левонтина 2010: 285]. Представляется, что не всегда можно однозначно определить, является ли междометие маркером ЧР или же ее частью, ср.:

(7) ну в этом / это как бы(!) не то чтобы мне они / ах как понравились / но просто это реально лучшее *Н # пока не хочешь внутрь заправить? (ОРД).

В «периферийной» группе оказались единицы, для которых возможна двойная функциональная интерпретация. Это вызвано одной из важных черт ПМ – их полифункциональностью. Так, в примере (8) ПМ *вот* выступает и в качестве ПМК, и в качестве стартового маркера внутри ЧР:

(8) Встречал его / да / в одном из салонов. **Вот** он там выступал с вступительным словом / в котором / я помню / он так там / что **вот** «Федор Тетерников / когда был учитель / учителяшка / ходил в замызганном сюртуке...» (УП).

Представляется, что класс ПМК будет и далее расширяться – по мере расширения корпусного материала, привлекаемого к анализу. При

¹ Этот единственный пример на реализацию прагматическим маркером *это самое* функции ксенопоказателя нашелся только в основном подкорпусе (ОП) НКРЯ, в имитации разговорной речи в устах персонажа литературного произведения (см.: [Сунь Сяоли 2022]).

² Данный пример – с просторов Интернета [Баженова 2022].

этом можно ожидать, что в ходе процессов грамматикализации и прагматикализации произойдут изменения и в структуре класса этих прагматических маркеров. Наблюдение за этими изменениями, их фиксация и анализ относятся к перспективам настоящего исследования.

Литература

Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437–452.

Баженова А.Г. Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования / А.Г. Баженова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2022, № 10. – С. 52–58.

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора / Н.В. Богданова-Бегларян // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 5–52.

Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке / И.Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 284–289.

Левонтина И.Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке / И.Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 2020. – № 3. – С. 52–77.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык. Том I. А – Й, 1985. 699 с.; Том II. К – О, 1986. 736 с.; Том IV. С – Я, 1988. 790 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Лайка, 2016. – 244 с.

Сунь Сяоли. *Это самое* как маркер-ксенопоказатель в современной русской устной коммуникации / Сунь Сяоли // Когнитивные исследования языка. Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50). Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. вып. Е.В. Федяева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – С. 387–390.

Bogdanova-Beglarian N.V. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL / N.V. Bogdanova-Beglarian, A.I. Ryko // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. Сб. статей / Под ред. С.Ю. Рубцовой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – С. 80–89.

Лексические особенности английского спортивного медиатекста

спортивный медиадискурс, медиатекст, лексические средства

Спорт является неотъемлемой частью нашей жизни. В связи с этим спортивный дискурс представляет для ряда ученых особый интерес по причине его динамичности и сочетаемости с другими видами дискурсов. Одной из главных его особенностей называют «сращивание» с массово-информационным дискурсом [Зильберт 2001: 48].

Существует множество жанров спортивного медиадискурса, выделение которых происходит в зависимости от функции и назначения того или иного текста [Шарафутдинова 2009: 142]. Однако важно отметить, что нет четко установленных границ между жанрами, они подвижны и весьма размыты. Из этого следует, что «строгие рамки» жанров можно назвать абстрактными.

На данный момент одним из самых популярных жанров является спортивный интернет-блог. Его преимуществом является «эксклюзивность материалов», «возможность узнать личное мнение спортсмена, особенности внутренней атмосферы спортивного клуба» [Паутов 2017: 80]. Авторы блогов используют специальную лексику и художественные средства выразительности с целью заинтересовать своих читателей, что является главной лингвопрагматической особенностью блогов на тему спорта [Никонов 2017: 182–183].

Наша исследовательская задача состоит в выявлении особенностей употребления лексических средств англоязычными авторами спортивных интернет-блогов. Материалом исследования послужили интернет-публикации американских хоккейных клубов **«Minnesota Wild»**, **«Philadelphia Flyers»**, **«Toronto Maple Leafs»**.

Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 40 публикаций, содержащих такие лексические средства, как метонимия, метафора, игра слов, блендинг, аллюзия. Далее приведены конкретные примеры приемов и тропов.

Метонимия. В интернет-публикации, посвященной анонсу игры, встречается следующая подпись: «Showtime in Cowtown» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 4.03.2023¹]. Реципиент, обладающий фоновыми знаниями об истории и географии Америки, сможет определить, что

¹ Запрещена на территории РФ. Здесь и далее примеры из данной социальной сети используются исключительно в научных целях и не затрагивают политический аспект.

данный метонимический перенос отсылает к команде «Calgary Flames», базирующейся в городе Калгари, прозванном в народе «городом коров», так как в эпоху Дикого Запада он являлся крупным центром животноводства в Северной Америке. Для понимания следующего примера также требуется учитывать экстралингвистические факторы. «To the 303» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 24.09.2023] – метонимический перенос основан на использовании телефонного кода, обслуживающего штат Колорадо, за который играет команда «Colorado Avalanche».

Метафора. Фраза «Turning up the turbulence in the Peg» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 8.03.2023] в анонсировании матча с хоккейным клубом «Winnipeg Jets», талисманом которого является самолет, метафорически передает серьезный боевой настрой на игру. Команда противника собирается 'устроить турбулентность в Виннипеге', то есть они настроены на тяжелый матч и хотят победить. Еще один яркий пример – подпись «King of Harts» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 12.07.2023] к фотографии хоккеиста Райана Хартмана. Путем вычленения из его фамилии морфемы 'hart', совпадающей по звучанию со словом 'heart' ('сердце'), создается метафора: 'король сердец'. Таким образом повышается выразительность текста и дается положительная оценка игроку. Болельщики любят его за высокую результативность. Другое метафорическое высказывание «Flowers bloom all year round in the State of Hockey» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 5.11.2023] возникло на основе ассоциации фамилии игрока Марка Андре Флери с цветком. Победу, за которую благодарят вратаря болельщики, образно называют 'цветением'. Данный прием вызвал большой интерес у множества пользователей блога, многие используют отсылку на предложенную метафору, трансформируя ее в своей манере: «Keep flower, we're blooming again» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 5.11.2023]. Эту фразу можно трактовать как 'продолжайте играть в том же духе, мы снова побеждаем'.

Игра слов. В интернет-публикации, анонсирующей игру с командой «Chicago Blackhawks», используется фраза «Playing mean against the bean team» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 25.03.2023]. Название «the bean team» ('фасолевая команда') дает отсылку на скульптуру Клауд Гейт, прозванную в народе «большой чикагский боб» из-за ее формы. Здесь игра слов основана на ассоциации, связанной с достопримечательностью города, в котором базируется хоккейный клуб. В другом примере «A CALifornia king» [philadelphiaflyers. <https://www.instagram.com>, 12.11.2023] обыгрывается созвучие морфем в имени хоккеиста Кэлвина Питерсона и в названии штата Калифорния (Calvin – California) путем графического выделения нужной части слова.

Блендинг. Бленд «AtkinSIXTH» («Atkinson» + «sixth») в контексте «Cam with his AtkinSIXTH goal of the season» [philadelphiaflyers. <https://www.instagram.com>, 2.11.2023] образован посредством соединения

фамилии игрока, забившего шестой гол в сезоне, и соответствующего порядкового числительного, выделенного графически для эмоциональной окраски слова. Происхождение другой фразы «Tipp, Tipp, Tippiadelphia» [philadelphiaflyers. <https://www.instagram.com>, 11.11.2023] связано с тем, что хоккеист Оуэн Типпетт забросил две шайбы за матч. Радостные эмоции от этого события выражены в бленде «Tippiadelphia» («Tippett» + «Philadelphia Flyers»), соединившем в себе фамилию игрока и название команды, за которую он играет.

Аллюзия. Пост с фотографией капитана хоккейной команды Миннесота Уайлд сопровождается подписью «O Captain! My Captain!» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 17.07.2023], что является аллюзией на стихотворение с таким же названием, написанное Уолтом Уитменом в 1865 г. на смерть Авраама Линкольна. Такая отсылка призвана укрепить авторитет капитана в глазах болельщиков. В тексте другой публикации «Knockin' on the Devil's door» [minnesotawild. <https://www.instagram.com>, 29.10.2023] используется аллюзия на известную песню Боба Дилана «Knocking on Heaven's Door». Команда Миннесота Уайлд готовится к игре с Нью-Джерси Девилз (New Jersey Devils) и с помощью данной отсылки, а также игры слов (замены оригинальной лексемы «Heaven's» на «Devil's», указывающей на команду противника), поднимается боевой дух болельщиков и подогревается их интерес к матчу.

Таким образом, проведенное исследование показало, что использование лексических средств повышает персуазивность медиатекста на тему спорта, делает его креативным и усиливает экспрессивность. Использование проанализированных средств выразительности обусловлено как тематикой самих публикаций (анонсирование матчей, развлечение болельщиков, поддержание командного духа, восхваление игрока), так и необходимостью в привлечении внимания читателя, в получении от него отклика. Так, одним из ведущих тропов можно назвать метонимию, которая используется в большинстве случаев для обозначения названия команд. Ассоциации строятся на том, чем известен штат, в котором базируется команда, а также на том, какую символику использует клуб и как себя представляет в лиге. Метафора, аллюзия и игра слов повышают выразительность текста, придают ему образность. С помощью блендинга, особенно пользующегося популярностью у болельщиков, передается отношение к тому или иному событию или игроку.

Литература

Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б.А. Зильберт, А.Б. Зильберт // Язык, Сознание, Коммуникация: сб статей. – 2001. – С. 45–55.

Никонов А.А. Спортивный блог как жанр интернет-дискурса / А.А.Никонов // Язык: Категории, Функции, Речевое действие. Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию Валерия Степановича Борисова, 2017. – Том Выпуск 10. Часть II. – С. 181–183 с.

Паутов А.Д. Особенности продвижения сферы спорта в сети интернет (на примере блогосферы) / А.Д. Паутов, Н.Р. Валитова // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, 2017. – С. 80–84 с.

Шарафутдинова С.В. Спортивная аналитическая статья как жанр дискурса СМИ / С.В. Шарафутдинова // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – С. 141–144 с.

Structuralist "Geometry": Narrative Constitution and Pragmatics of Diegetic Levels Subversions

narrative constitution, diegetic levels, metalepsis

The paper dwells on the functional applicability of structuralist "texture geometry" categories: "narrative constitution", "diegetic levels", "metalepsis", relating to the core of story composure.

Narrative constitution. The binary division "story" / "plot" (= "history" / "discourse" + narration), comparable to an opposition of "system" vs. "concrete manifestation" ("la langue/ la parole") or syntactic transfers of the deep onto the surface structure, explains the multiplicity of "nuclear story" narrative manifestations (thus, elimination of Brothers' Grimm version of harshness of a cannibalistically-featured stepmother, triggers speculation regarding a scandalous role of Snow White in a seven-male dwarf family) [Abbott 2011; Scheffel 2012].

Diegetic levels. "Contaminations of "narrative acts' space-time inner relations", "subversions", "endlessly expanding stocks", "strange loops" of a canonical story, serve as a potential tool for [Coste & Pier 2012]:

- establishing thematic (by means of binding sets of disparate stories) relationships;
- reinforcing (via introduction of "time", "place", "spoken discourse elements) "narrative illusionism" [Kanzog [1966] 1977: 322; Nünning 2004: 17; Williams 1998: 110, 113; Wolf 2006];
- ensuring authenticity (through impartial reporting) and verification of the main narrator (not directly responsible for the story credibility, as with an "unreliable" narrator);
- confirming the legitimacy (by relations of repetition and reflection as a characteristic of *mise-en-scène*: the second-level narrative being "entertained" quantitatively by the larger one within which is contained) of the "framed story" [Bal 1978];
- implicitly performing "speech act" (but not in pragmatics' official terms) explanatory and predictive (metadiegetic analepsis/analysis) functions. [Shryock 1993: 6–8; McHale 1987].

Metalepsis. Deviant referential operation of "deliberate threshold crossing", "intrusion (by extra-diegetic narrator / characters) into the metadiegetic universe", involving alongside with localized stylistic devices, a "short circuit between the fictional and ontological level" [McHale 1987: 119, 213] with a sheer tendency towards the comic and ironic (vs. tragic, lyrical) [Pier 2012], while synchronically producing a "destructive effect on the narrative fabric" [Malina, 2002], a "sudden collapse of the narrative system" [Wolf 1993: 356–

358]", indicates existing sender's strategies: "provocation", "agitation", "revelation" etc. [Zhilicheva 2018].

Although excessively criticised for "surveillance over structure", commitment to "composition purity", "extended focus on "narrative packaging, anomalies, irrational features", the very potential of ontological "conceptualizability" of poststructuralist "transgressive intersections" exists due to predecessors' presupposition of "levels" and constant "stability" of the "worlds".

References

Abbott, H. Porter ([2002] 2008). *The Cambridge Introduction to Narrative*. Cambridge: Cambridge UP.

Bal, M. (1978). Mise en abyme et iconicité. *Littérature* 29, 116–28.

Chatman, Seymour (1978). *Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film*. Ithaca: Cornell UP.

Coste, D. & Pier, J. Narrative Levels. (2012). Hühn, Peter et al. (eds.): *The Living Handbook of Narratology*. Hamburg: Hamburg University Press, 264–275.

Kanzog, K. ([1966] 1977). Rahmenerzählung. W. Kohlschmidt & W. Moln (eds). *Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte*. Berlin: de Gruyter, vol. 3, 321–343.

Malina, D. (2002). *Breaking the Frame: Metalepsis and the Construction of the Subject*. Columbus: Ohio State UP.

McHale, B. (1987). *Postmodernist Fiction*. London: Routledge.

Nünning, A. (2004). On Metanarrative: Towards a Definition, a Typology and an Outline of the Functions of Metanarrative Commentary. J. Pier (ed). *The Dynamics of Narrative Form: Studies in Anglo-American Narratology*. Berlin: de Gruyter, 11–57.

Pier, J. (2012). Metalepsis. Hühn, Peter et al. (eds.): *The Living Handbook of Narratology*. Hamburg: Hamburg University Press, 165–176.

Scheffel, M. (2012). Narrative Constitution. Hühn, Peter et al. (eds.): *The Living Handbook of Narratology*. Hamburg: Hamburg University Press, 244–254.

Shryock, R. (1993). *Tales of Storytelling: Embedded Narration in Modern French Fiction*. New York: Lang.

Williams, J. (1998). *Theory and the Novel: Narrative Reflexivity in the British Tradition*. Cambridge: Cambridge UP.

Wolf, W. (2006). Framing Borders in Frame Stories. W. W. & W. Bernhart (eds). *Framing Borders in Literature and Media*. Amsterdam: Rodopi, 179–206.

Zhilicheva G. (2018). Roles of Metalepsis in Post-Symbolist Novels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. 194–205.

**A cognitive study of phraseological units' translation
(using Translog II)**

phraseological unit, translation, cognitive linguistics, translog, experiment

Considering the intricate structure of phraseological units, one can deduce that the transmission of information occurs through the activation of mental structures related to verbal information, housed in the human brain. Numerous scholars, including Lakoff, Johnson, Langaker, Stepanov, Kubryakova, and Kayumova, are deeply engaged in the realm of cognitive linguistics. Specifically, they focus on exploring the cognitive facets of phraseological units, as examined by researchers like Arutyunova, Davletbaeva, Dobrovolsky, and Telia.

These scholars aim to identify quantitative parameters that gauge the complexity of translating phraseological units and how their cognitive potential can be assessed. The researchers have undertaken the challenge of pinpointing measurable cognitive characteristics, with an indirect indicator being the time expended on translation. The discussion encompasses various cognitive features that can be quantified, with a chosen metric being the duration of the translation process.

Thanks to contemporary computer programs, it has become feasible to meticulously trace the entire translation process, including the speed of reaction, potential translation decisions, errors, misprints, and other elements comprising the translator's cognitive activity.

Within the realm of an individual's cognitive activity, we refer to L.V. Savitskaya's assertion that the processes occurring in the human brain, responsible for processing received information, lead to the formation of specific structures. According to Savitskaya, language functions as a system of signs engaged in coding and transmitting information. In this context, information about the world is initially conceptualized before being verbalized [Savitskaya 2013: 115]. In accordance with this definition, the translation process can be seen as the encoding and decoding of information into another linguistic system. Furthermore, phraseological units represent encrypted clusters carrying cultural and historical information. Deciphering and recoding these units may demand a considerable investment of time resources.

It is solely the translator's prerogative to determine the appropriate translation strategy, a decision influenced by the overarching goal. This goal involves a choice between preserving the core meaning of the phraseological unit while sacrificing expressiveness or transferring the expressive nuances of the phrase at the expense of semantic fidelity [Arsenteva 2009].

Another factor that adds complexity to the translation of phraseological units is the multitude of available options for translating them. According to the translation method, phraseological units can be categorized into two broad groups: equivalent (comprising full and partial equivalents, as well as analogs) and non-equivalent (encompassing descriptive and lexical translations) [Amanova 2015].

Drawing on these theoretical classifications, researchers formulated a hypothesis that necessitates experimental validation: phraseological units significantly complicate the translation of sentences into another language, leading to an overall increase in translation time. To investigate these processes, researchers utilized Translog II software, specifically designed for studying the translation of linguistic phenomena such as metaphors and idioms. This software serves the purpose of gathering objective data on translation processes.

For the research, two groups of second-year students, totaling 30 individuals, who had successfully completed an English language proficiency test at the Intermediate to Upper-intermediate level, were selected. The students were randomly assigned to either the control or experimental group. Both groups were tasked with translating five sentences each using the Translog II software.

The sentences for the control group:

1. Even though we have worked really hard and put all the efforts into it, the failure of business company wasn't a big surprise to us. We expected something like this because our competitors have demonstrated a really good job. 2. Ben was invited to his boss but he was nervous waiting before his boss would talk to him. The conversation was supposed to be a serious one. 3. Clarie had a serious argument with her friend. The moment they have met each other Clarie told her everything she wanted to. Nevertheless, they managed to deal with this disagreement. 4. Tom has everything you can dream about because he worked very hard to get it all. 5. The detectives agreed that this case was not as easy as it seemed from the first sight. Only after several conversations with witnesses they have got some ideas on what had happened. Very soon afterwards the suspect was caught.

The sentences for the experimental group:

1. Even though we have worked really hard and put all the efforts into it, the failure of business company did not come **as a bolt from the blue** to us. We expected something like this because our competitors have demonstrated a really good job. 2. Ben was invited to his boss but he was forced **cool his heels** before his boss would talk to him. The conversation was supposed to be a serious one. 3. Clarie had a serious argument with her friend. The moment they have met each other Clarie **gave her a piece of her mind**. Nevertheless, they managed to deal with this disagreement. 4. Tom has everything you can dream about, but he **wasn't born with a silver spoon in his mouth**. He worked very hard to get it all. 5. The detectives agreed that this case was not as easy as it seemed from the first sight. Only after several conversations with witnesses they have **thrown light on it**. Very soon afterwards the suspected was caught.

During the analysis of experimental data, it became evident that the inclusion of phraseological units in a sentence significantly prolongs the translation process. According to Translog II, the average time required for translating one sentence is 98 seconds, with approximately 32.6 seconds dedicated to the translation of a phraseological unit. This constitutes nearly a third of the total time expended on translating the entire sentence. In contrast, when translating control sentences containing free word combinations, students averaged 67.4 seconds. Both the time spent on corrections, which contribute to slowing down the translation process, and the corrections themselves were taken into consideration.

In addition to assessing the time spent on translating sentences with phraseological units, the study also delved into the translation strategies employed by students. A noteworthy observation was that a considerable number of students opted for analogs of phraseological units (10 instances), such as "to give a piece of mind" (dictionary translation: высказать недовольство) being rendered as "высказать все, что думается," equivalent translations (15 cases) such as "clear one's name" being translated as "очистить имя," and lexical translations. Furthermore, instances were identified where free combinations (27 cases) or phraseological units were utilized in the translation of phraseological units, deviating from the original meaning (8 cases). For instance, "to throw a light" (dictionary translation: пролить свет на что-то) was translated as "дойти до истины," and "to cool one's heels" (dictionary translation: томиться в ожидании) was rendered as "сердце ушло в пятки, перестать дурачиться." This discrepancy can be attributed to an insufficient grasp of linguocultural and lexical knowledge, posing challenges in recognizing and accurately translating phraseological units.

References

Amanova G.T. Cognitive cultural aspect of translation / G.T. Amanova // Young researcher. – 2015. – №10. – 1366–1367 p.

Arsenteva E.F. Contextual use of phraseological units / E.F. Arsenteva. – Kazan': Kazan State University, 2009. – 168 p.

Savitskaya L.V. Linguistics and intercultural communication / L.V. Savitskaya // Cognitive aspect of translation in intercultural communication. – 2013. – 114–120 p.

Davletbaeva D. Structural and pragmatic features of english, russian and tatar code-switching / D. Davletbaeva, K. Bashkirova, E. Larionova // Modern journal of language teaching methods. – 2017. – Vol. 7, Is.12. – 65–71 p.

Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 415 p.

Participatory News Article: Genre Clarification

participatory news article, media text, reader comment

The research investigates the phenomenon of the **participatory news article** (PNA) which is viewed as a hybrid web genre of an online news article followed by postings of reader comments [Bruce 2010: 333]. The authors provide arguments to support the idea that news articles presented in the Internet and readers' responses (reader comments) should be structurally and semantically considered as a single whole.

Reflecting on the problems of speech genres, scientists note the dialogic nature of language, the diversity of ways in which language might be used for interaction and the idea that a speech of any individual is built via interaction with other people's individual utterances [Bakhtin 1979]. In the developing era of globalization the dynamics of socio-political life and modern technology contribute to social communication which is becoming more open and accessible. Communication on the Internet could be characterized as a global polylogue, each participant having ample opportunities for self-expression.

Due to the World Wide Web, participatory media features have become the subject of scientific interest. Research in the area of participatory journalism, being focused on the news consumers' practices [Almgren 2015; Understanding 2010], states that "news consumption is a socially-engaging and socially-driven activity, especially online. The public is clearly part of the news process now. Participation comes more through sharing than through contributing news themselves" [Understanding 2010]. Moreover, with the Internet turning into "a new multi-platform media environment, people's relationship to news is becoming portable, personalized, and participatory" [Ibid.].

Studies of public opinion and its forms of expression have been carried out on different genres of the media, including blogs, news articles, internet comments, etc. [Gimaletdinova 2012; Goroshko & Polyakova 2015; Topchii 2020]. In this article, we claim that a focus on a dialogic nature of online collaboration between journalists and readers (i.e. news articles and reader comments) helps clarify the specific features of PNA as a genre. In particular, we analyse stylistic and linguistic features of PNA as a hybrid media genre, since it presents two different language practices: one of a journalist and another of a reader.

The data for the study was collected from the British newspaper *The Guardian* [<https://www.theguardian.com/international>]. We selected news articles (N=5) [Hosey 2021; Hyde 2021; Reicher 2021; Beckett 2021; The Guardian view 2021] and analysed all reader comments published online after the

articles (N=5,731). The methods of linguistic analysis and interpretation were used. The results are suggested below.

Firstly, a notable feature of the PNA is the presence of a ‘starting point’, i.e. a news article raising socially significant issues, while reader comments are viewed as spontaneous responses. Different linguistic means are used by journalists in order to capture the readers’ attention, such as epithets (*‘do nothing’ party*; *‘finger-pointing strategy’*), clichés and idioms (*‘risky path’*; *‘draconian measures’*; *‘to hear the real-world alarm bells’*; *‘we are not off the hook’*), emphatic vocabulary (*‘deadly incompetence’*; *‘cynical optimism’*; *‘horrendous stories’*), intensifiers (*‘frighteningly real’*; *‘increasingly alarming’*) [Hosey 2021; Hyde 2021; Reicher 2021; Beckett 2021; The Guardian view 2021].

Our observations align with other studies which claim that “when users participate online, it does not happen in a neutral space, insulated from external influence. Quite the opposite, participatory practices – such as online news commenting – generally take place in spaces that have been structured by various producers” [Almgren 2015: 2]. Electronic media are participatory forms of online communication and this suggests interactivity between readers who can, upon reading the news, share their views and ideas with other participants of communication. Comments sections stimulate online collaboration and increase the ratings of the newspaper [Kushneruk 2007: 141]. We assume that for journalists, carefully selected linguistic means are an effective tool of stating their subjective opinion, generating readers’ interest and initiating discussions.

Secondly, a specific feature of PNA is an author-reader online collaboration, i.e. a virtual dialogue of a reader and a journalist. The figure below shows some examples of reader comments that suggest a general assessment of the article: *disapproval* (comments (1)-(4)), *concern* or *emotional response* (comments (5)-(6)) and *approval* (comments (7)-(10)) (**see Fig. 1**). Readers frequently address the authors of the articles by names (e.g. ‘Marina’ comment (9)) or address the newspaper (e.g. ‘the Guardian’).

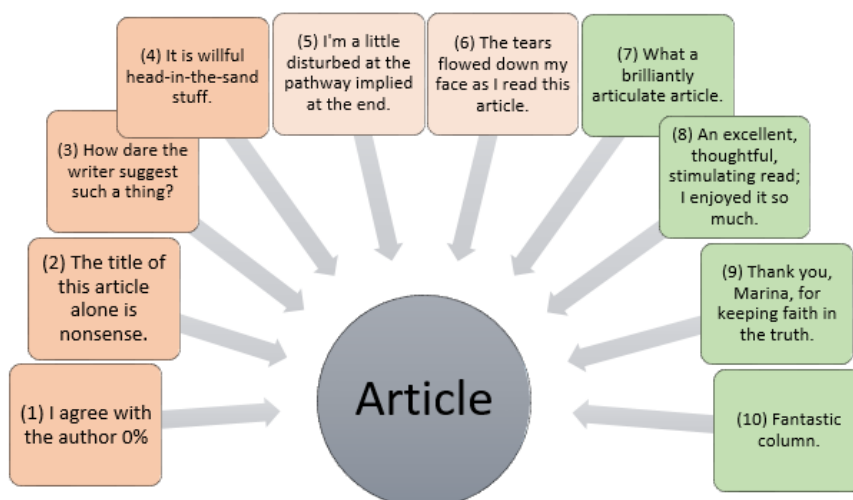

Figure 1. Author-reader online collaboration

Thirdly, there is a correlation between the informativity of the journalistic text and the amount of reader comments, the latter being marked by *participatory* character. The figure below shows how the idea about “personal responsibility’ mantra” suggested in the lead of a news article (1) initiates, first, individual responses (comments (2)-(5)) and then threads where readers participate in further discussion creating online dialogues (comments (2) and (6); (3) and (7); (5) and (11) and what is more, building a polylogue (comments (4), (8), (9) and (10) [Beckett 2021] (*see Fig. 2*).

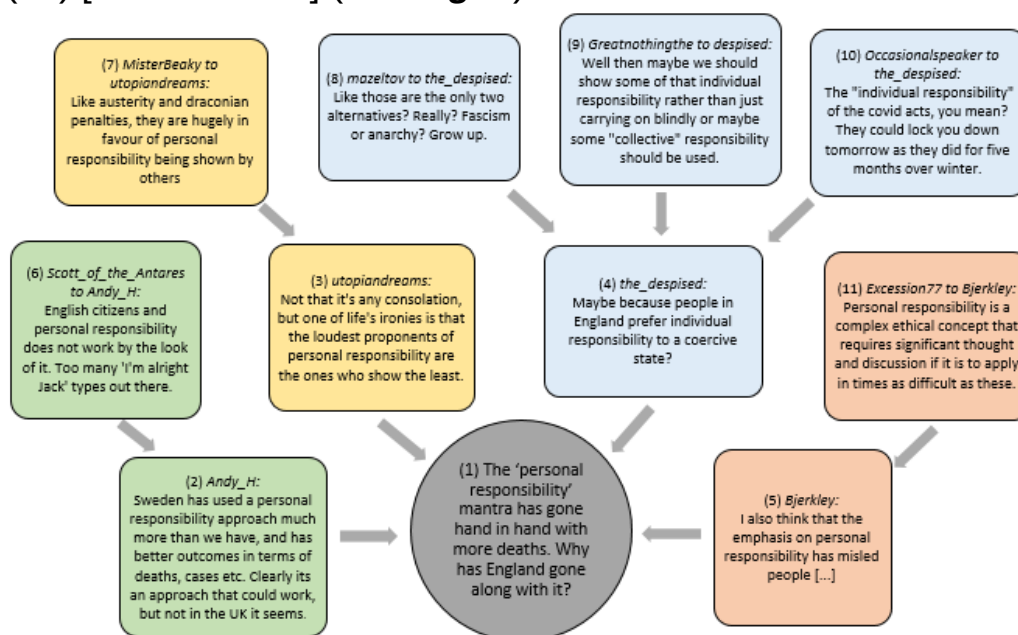

Figure 2. Readers' responses and threads of comments in PNA

To sum up, clarification of PNA revealed the main features of the web genre: interactivity, participatory nature and online collaboration between readers and journalists. In fact, within the PNA the roles of journalists and Internet users are not limited simply to reporting and receiving news. Modern authors of newspaper articles create a response-oriented text and express greater dialogism than in previous decades, while readers demonstrate social engagement co-creating and shaping media content.

References

- Almgren S.M. 'Let's Get Them Involved' ... to Some Extent: Analyzing Online News Participation / S.M. Almgren, T. Olsson // *Social Media + Society*. – 2015. – P. 1–11. – URL: <https://doi.org/10.1177/2056305115621934> (accessed: 01.09.2023).
- Bakhtin M.M. *Aesthetics of Verbal Creativity* / M.M. Bakhtin. – M.: Iskusstvo, 1979. – 424 p.
- Bruce I. *Evolving Genres in Online Domains: the Hybrid Genre of the Participatory News Article* / I. Bruce // *Genres on the Web. Computational Models and Empirical Studies* / ed. by A. Mehler, S. Sharoff, M. Santini. – Dordrecht: Springer, 2011. – P. 323–348.

Gimaletdinova G.K. Linguistic Fundamentals of Participatory News Article: The Presentation of the Problem / G.K. Gimaletdinova // Political Linguistics. – No. 3. – 2012. – P. 143–148. (In Russian)

Goroshko E.I. On the Development of the Genre Typology for Social Media / E.I. Goroshko, T.L. Polyakova // Zhanry Rechi. – 2015. – No. 2. – P. 119–127. (In Russian)

Kushneruk S.L. Expansion of the Communicative Space: the Specificity of Electronic Media Texts in Comparison with Printed Ones / S.L. Kushneruk // Political Linguistics. – 2007. No. 3 (23). – P. 140–143. (In Russian)

Topchii I.V. Creative Commenting in Social Media: A Review of Studies / I.V. Topchii // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 1. Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kul'tury. – 2020. – Vol. 26. – No. 2, – P. 22–28. (In Russian)

Understanding the Participatory News Consumer // Pew Research Center. Project for Excellence in Journalism, 2010. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2010/03/01/understanding-the-participatory-news-consumer/> (accessed: 01.09.2023).

Sources of the data

Beckett A. With Covid infections rising, the Tories are conducting a deadly social experiment. (Fri 22 Oct 2021), 2,033 comments. Url: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/oct/22/england-covid-ethics-personal-responsibility>

Hosey M. Post-illness symptoms like long Covid are probably more common than we think. (Sun 12 Sep 2021), 131 comments. Url: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/sep/12/long-covid-post-illness-symptoms-common>

Hyde M. The Covid report should damn this government: it's tragic that it won't. (Tue 12 Oct 2021), 1,453 comments. Url: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/oct/12/covid-report-government-boris-johnson-scientific-advisers-polls>

Reicher S. Covid measures give us choice. They are not restrictions on British life. (Thu 28 Oct 2021), 1,335 comments. Url: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/oct/28/covid-measures-choice-restrictions-science-freedom-infections-safe>

The Guardian view on Covid's second winter: act now or pay later. Editorial. (Thu 4 Nov 2021), 779 comments. Url: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/nov/04/the-guardian-view-on-covids-second-winter-act-now-or-pay-later>

Oprosti, ispričavam se, molim te: identifying verbal politeness markers on the basis of Croatian teacher-student email communication

politeness, politeness markers, pragmatics, email communication, Croatian

While most of us probably have an idea of politeness as a concept, very few of us think about what it constitutes. While early linguists tended to look at it from the prism of Grice's (1975) and later Leech's (1983) politeness maxims and principles, or Brown and Levinson's (1987) politeness strategies, nowadays, we tend to view politeness in a more complex manner, having in mind other factors, including politeness-inducing markers. These markers, while discreet, greatly influence how, in terms of politeness, we perceive a discourse unit. In spite of this, they seem to be overlooked in politeness research in many cultures – and the Croatian culture is not an exception. The aim of this article is to try and identify verbal politeness markers in the Croatian language. This will be done via a qualitative analysis of Croatian equivalents of common English verbal politeness markers, *please* and *sorry*. Furthermore, the usage of these Croatian equivalents will be exemplified with the help of results of a questionnaire, conducted by Kolar (2023). In the questionnaire, Croatian university students were asked to write a requestive email to their professor, meaning special focus will be put on the usage of politeness markers in the given speech act between interlocutors of different status. This analysis is conducted as a part of an on-going research, focused on politeness strategies in university contexts in Croatia, Russia and USA.

As Islentyeva, Pesendorfer and Tolochin suggest, politeness markers are words and expressions which are associated with politeness as a linguistic concept (2023). These markers are usually divided into structural (salutations, openings and closing) and verbal markers (expressions of gratitude, apology, etc.) (Aleksić and Maleknia 2023: 75). In this article, the focus will be on verbal markers, so structural markers will not be further discussed. While there are many verbal politeness markers, we will attempt to identify Croatian equivalents of *sorry* and *please*, because they are among the most characteristic politeness markers in modern English (Baker 2017: 230), which means they will make a great starting point/point of reference in the Croatian analysis. Having said that, as terms to be analysed here, we suggest *oprosti(te)* and *ispričavam se* as Croatian cultural equivalents of *sorry*, and *molim (Vas)* as the cultural equivalent of *please*.

When it comes to the methodology, we will first describe the meaning and the potential usage of the given terms, comparing them to their English cultural equivalents. The second step will then be giving examples of their usage from a Google Forms questionnaire, conducted in 2022 (Kolar). For the purpose of the questionnaire, Croatian university students were asked to create an email to a hypothetical

professor, requesting to retake an exam they failed. Therefore, the focus in this article will be on the usage of politeness markers in the context of a requesting speech act between a university teacher and students, with an emphasis on the application of such an act between interlocutors with greater social/power distance.

Starting from *sorry*, Islentyeva, Pesendorfer and Tolochin (2023) claim it is a term primarily used for the purpose of apologising, and secondarily for correcting or self-editing, double-checking, expressing irony and sarcasm, as well as in confrontation. In Croatian the most common term used for all these contexts, including apologising, is *oprosti* (second person singular) or *oprostite* (second person plural; respectful second person singular). Both terms can be used in formal and informal contexts, in speech acts of different levels of gravity, including within the frames of the requesting speech act in the questionnaire. Surprisingly, however, there were no examples of *oprosti(te)* in the questionnaire in any of the senses.

On the other hand, *ispričavam se* is a term that is used almost exclusively for apologising, primarily in formal situations, including in conversations between people who do not know each other well, or have a professional relationship, meaning there is a great social/power distance between them, which is the case in this questionnaire. An example of its usage is displayed below:

1. *Ispričavam se na smetnji i unaprijed zahvaljujem na odgovoru.*

Sorry for bothering you and thank you in advance for your reply.

While *ispričavam se* could also be used ironically, given its formal nature, it really usually pertains to more sincere contexts.

When it comes to *please* and its Croatian cultural equivalents, the most common expression in this sense is *molim (te/Vas)*. According to Islentyeva, Pesendorfer and Tolochin (2023), *please* is used as a “softener” before issuing an order and utterances in general. *Molim (te/Vas)* functions in the same way, with the main difference being the usage of the pronouns *te/Vas* in combination with *molim* and the usage of *molim* without them. The objectless form, *molim*, is used solely in professional spheres, usually in public places, such as in announcements at railway and bus stations, in hospitals, supermarkets etc. This form is very impersonal, as it is supposed to address the general public, and as such it is emphatic, but not empathetic. Therefore, using it when talking to a single person may sound quite stern and overbearing. Having said that, it did not appear in the questionnaire, which means the students must have known the inappropriateness of addressing someone with a greater power/social status in such a manner. However, using *molim* in combination with pronouns *te* (second person singular) and *Vas* (second person plural; respectful second person singular) has a much greater array of usage: it can be used in formal and informal situations, in professional and personal communication, between people of all ages and statuses. It is the most common device used for softening commands, as well as in requests, pleas etc., which is why it is not surprising it appeared in this questionnaire. An example of its usage can be seen below:

2. *Molim Vas da mi javite ako postoji drugi termin kada bih mogla doći napisati ispit.*

Please, notify me if there is another time I could come and write the exam.

Interestingly, in the questionnaire, the term *molim Vas* was actually more often used in the conditional form or in past simple, rather than in present simple, as is the case with following sentences:

3. Molila bih Vas za veliku uslugu te da mi izađete u susret.

I would ask you for a big favour and to meet me half way.

4. Ovim bih Vas putem htjela najljepše zamoliti da mi dozvolite da još jednom izađem na ispit.

This way, I would most kindly like to ask you to allow me to once again take the exam.

5. Htjela sam vas zamoliti da mi ipak omogućite izlazak na ispit.

I wanted to ask you to allow me to take the exam anyway.

Such usage displays that participants are aware of the power distance between them and their teacher, so they applied the negative *be indirect* politeness strategy, which amplifies their attempted politeness and distance.

In addition to the analysed terms, Croatians also tend to use the English words *sorry* and *please*, spelled with regards to Croatian phonetic rules as *sori* and *pliz*. They are used in the same way as *sorry* and *please*, but only in informal contexts, between friends and more commonly by young people. Thus, it is not surprising that they did not appear in the questionnaire.

On the basis of this analysis, we came to several conclusions. First of all, when it comes to *sorry*, its most common Croatian cultural equivalents are *oprosti(te)* and *ispričavam se*. While similar in meaning, we have learned that *oprosti(te)* has a greater array of usage and can be applied almost universally (in formal and informal contexts), whereas *ispričavam se* is used primarily in formal contexts. Secondly, the most frequent Croatian equivalent of *please* is *molim (te/Vas)*. Without the pronouns, *molim* is used in formal contexts, when an order is being issued to the general public, and as such can easily be perceived as impolite if used when addressing an individual. With pronouns *te/Vas*, *molim* is made more personal and can be used in formal and informal contexts of various social and power distances. However, to sound even more polite, one can opt for conditional or past simple form of *molim*, *zamolila bih Vas/htjela bih Vas zamoliti/htjela sam Vas zamoliti*. Overall, it can be said that, the longer a politeness marker is in Croatian, the more formal, amplified and personal it is. Also, in comparison to the Croatian expressions/ equivalents of *sorry* and *please*, which bear greater emphasis and emotion, the “Croatianised version” of these words, *sori* and *pliz*, can be seen as significantly less formal and fit only for close relationships, which the participants in the questionnaire seem to have noticed. However, to get a greater insight into politeness markers, more research is needed: they should be analysed quantitatively, so as to ascertain which ones are more common and expected, and additional politeness markers should also be identified and researched, ideally with the help of a questionnaire with a broader reach.

In conclusion, in this article, we have looked into verbal politeness markers, *sorry* and *please*, and identified their Croatian equivalents, *oprosti(te)/ispričavam*

se, and *molim (te/Vas)*. We have concluded the contexts in which they are used and what the difference between them is, establishing that lengthier expression usually bear greater emphasis and sincerity. Furthermore, it has been established that Croatians also tend to use *sori* and *pliz*, or *sorry* and *please* adapted to Croatian phonetic system, but only in informal and friendly situations. While this article serves as an insight into the topic of politeness markers in Croatia, more research should be conducted to get a better picture of the topic. We suggest research on a broader audience, with an emphasis on the quantitative usage of politeness markers. Such research would cast a brighter light on the topic of politeness in Croatia, as it is still underresearched in the country. This would be useful to Croatians in general, and even more so to foreigners coming to Croatia, unaware of the “Croatians’ ways”, especially in the academia, given the rising popularity of academic mobility in Croatian universities. Thus, we hope that this is only the beginning of such research, and that this article may inspire someone to take a step into the world of Croatian linguistic politeness.

References

Alemi M., Maleknia Z. Politeness markers in emails of non-native English speaking university students / M. Alemi, Z. Maleknia // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Vol. 27. – N. 1. – P. 67–87. DOI: 10.22363/2687-0088-33334 (accessed on: 8/21/2023).

Baker Paul. American and British English: Divided by a common language? / P. Baker. – London: Cambridge University Press, 2017.

Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. – New York: Academic Press, 1975. – Vol 3. – P. 41–58.

Islentyeva A. "'Can I have a cup of tea please?' Politeness markers in the Spoken BNC2014" / A. Islentyeva, L. Pesendorfer, I. Tolochin // Journal of Politeness Research, 2023 – Vol. 19, No. 2, p. 297–322. – URL: <https://doi.org/10.1515/pr-2022-0010> (accessed on: 8/23/2023).

Kolar K. Politeness Strategies in Croatian University Student-Teacher Email Communication / K. Kolar // Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects – 11th international conference, 2022. – Vol. 2. – P. 72–76. DOI: 10.47475/9785727118054_76 (accessed on: 4/5/2022).

Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London and New York: Longman, 1983. – 264 p.

Conceptual metaphors in the fiction literature
(based on the novels by Julian Barnes)

linguistics, conceptual metaphors, metaphorical model,
metaphorical patterns, literary discourse

Since the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the concept of a metaphorical model and the functioning of metaphorical models in different discourses has become a relevant subject of study in linguistics.

Metaphor and metaphorical models have acquired such significance and research coverage largely due to the fact that metaphor has special cognitive features and these features are changing in the course of time. Metaphor is a model of cognitive perception of the world, which is reflected within each individual type of discourse: literary, linguistic, political, communicative and others. Each specific type of discourse is marked by the presence of universal metaphorical models, and their frequency and dominance contribute to the distinctive qualities of that particular discourse.

Researches of such linguists as G. Lakoff, M. Johnson, W. Croft, D.A. Cruse, R. Gibbs, N.D. Arutyunova, Z.I. Rezanova, A.P. Chudinov and many others are devoted to the study of conceptual metaphor and the analysis of its specific features. The main goal of this article is to give a more detailed understanding of the functioning of a metaphor as a model in a literary discourse.

One of the most prominent works devoted to the analysis of a conceptual metaphor is the monograph by American linguists George Lakoff and Mark Johnson "Metaphors We Live By", first published in 1980. Metaphor, from the point of view of American scientists, is "the understanding and experience of one kind of thing from the point of view of another" [Lakoff 1980]. G. Lakoff and M. Johnson studied metaphors and their cognitive aspects related to the perception of social, historical, cultural experience.

Many linguists who have been studying various processes of language modeling hold the opinion that the interpretation of metaphor has been broadened in many ways. Scientists claim that metaphor now is a fundamental cognitive model that plays an important role in forming the representation of an object within the cognitive process. Thus, we can conclude that functioning of metaphors and metaphorical expressions in any language is a reflection of same metaphorical models appearing in a human's mind.

Since the fact that conceptual metaphor is a phenomenon distributed widely in every language, it is necessary to state that most of the cognitive

models are divided into certain themes and patterns. The system of these patterns plays a crucial role in shaping national linguistic worldview and reflects the national mentality. As we said earlier, historical, cultural and social background determines the system of grouping into patterns and different concepts implied.

A.P. Chudinov defines the term "metaphorical model" as "typical image present in the minds of native speakers, semantically positioned in the motivation of primary and secondary meanings, which serve as a model for the emergence of new secondary meanings" [Chudinov 2001].

Thus, linguists come to the conclusion that a conceptual metaphor forms the system of cognitive figurative relationships within a language, allowing us to understand one thing with the help of another one based on the similarity and analogy shared. People's knowledge about the real world within the framework of one concept is comprehended through another one with corresponding features within the same discourse. Moreover, one and the same object may be seen in different aspects – depending on the history and culture, the discourse itself, and a particular person's understanding of this object. Such analogy is usually introduced in terms of a particular formula: X – is Y. This could be seen in the following examples: ARGUMENT is WAR [Lakoff 1980] or TIME is MONEY [Lakoff 1980].

This article contributes to a broader analysis of conceptual metaphor models and their functioning in literary discourse based on the novel "A History of the World in 10½ Chapters" (1989) by the modern English writer Julian Barnes (1946).

This novel by Julian Barnes was chosen as the material of current research due to its metaphorical imagery and thematic originality – the novel is an allusion of the modern world in the context of biblical images. Hence the language of this work reflects the metaphorical nature of thematic concepts revealed by the author.

Among one of the most striking images and metaphorical concepts used in the novel by Julian Barnes is the following frame – NATURE IS A THING, within which the author compares a thing to nature and all its phenomena, as in the following sentence: "But God had created both Man and Nature, placing Man into that Nature as a hand is placed into a glove" [Barnes 2005]. The main purpose of using this metaphorical concept is to emphasize the inseparable unity of a man and nature, likening nature to a glove, and a man to a hand.

A similar conceptual pattern (NATURE IS A THING) is evident in the following example: "Is it the three days and three nights in the whale's belly, that image of enclosure, smothering, live burial?" [Barnes 2005]. Here, the whale's belly, as a component of nature, is metaphorically compared to a grave or burial chamber. The emotional essence of the metaphor conveys the inevitability of death and a feeling of hopelessness and despair.

Another instance of the metaphorical model being examined is A THING – IS ANOTHER THING, as illustrated in the sentence: "So some of them – not the cleverest ones, it has to be said - stayed around waiting for the Palace to

be built and the water to flow like wine" [Barnes 2005]. In this case, the author draws a comparison between scarce water and wine, historically symbolizing abundance. Julian Barnes outlines a reversal in the value system of humanity, where truth (symbolized by water, a source of life) is absent, while false values (symbolized by wine) thrive.

The same pattern (A THING – IS ANOTHER THING) where one object is compared to another one could be observed and felt throughout the whole novel – the mankind is compared to the ship, while the water is compared to the life (NATURE – IS A THING). Combining this metaphorical correlation and the image of a ship Julian Barnes implies that life is varied in all of its aspects: life may be taken away by the flood; life may be dangerous like rushing water; life may be still like a lake and quiet like a drop in the cave – and people are always floating and trying to find their way to the truth and peace. The image of a ship is the key metaphor representing people's struggle, and it occurs almost in every chapter: starting with the prominent biblical Noah's Ark and ending with the small ship and its sudden wreck.

The examples provided constitute just a small part of the vast field of conceptual metaphors seamlessly integrated by the author into the novel. The themes, characters, and imagery in "A History of the World in 10½ Chapters" are constructed upon conceptual metaphorical models of diverse thematic content.

References

- Arutyunova N.D. Linguistic metaphor (syntax and vocabulary) / N.D. Arutyunova // *Linguistics and poetics*. – M., 1979. – P. 147–173.
- Barnes J. *A History of the World in 10½ Chapters* / J. Barnes. – London, 2005. – 308 p.
- Chudinov A.P. *Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor* / A.P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2001. – 238 p.
- Chudinov A.P. *Political linguistics* / A.P. Chudinov. – Moscow: Flint: Nauka, 2007. – 256 p.
- Khokhonin D.E. Vocabulary of the semantic sphere "music" in metaphorical use / D.E. Khokhonin. – Voronezh, 2014. – 159 p.
- Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
- Popova T.G. Language Conceptualization // *The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association "The Communication Galaxy: Discoveries, Boundaries and Opportunities"* / T.G. Popova. – Ottawa, Canada, 2013. – P. 123–147.
- Rezanova Z.I. Metaphor in the processes of world modeling in language and text / Z.I. Rezanova // *Izvestia TPU*. – 2002. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-protsessah-miromodelirovaniya-v-yazyke-i-tekste> (date of access: 02.11.2023).

**The constructions with "andare" and "venire" in Italian:
periphrases, pseudo-coordination or serial verbs constructions?**

*typological linguistics, Italian language, verbal structures, verbal periphrases,
pseudo-coordination, serial verb constructions*

1. Introduction

In this article, we will focus on the typology of verbal structures that use the verbs "andare" (to go) and "venire" (to come) in the Italian language, and through a careful typological analysis, we will attempt to classify these structures by dividing them into different subgroups.

The relevance of our research reflects an increasing interest in serial verb constructions (SVC) in typological linguistics. Specifically, the interest is growing in a still relatively unknown area: SVC in European and Romance languages. As we know, SVC are well-known and analyzed in West African languages, Southeast Asian languages, Oceania, and New Guinea languages, as well as Creole languages.

According to Aikhenvald A. Yu.'s definition, a verbal serial construction, or verbal serialization, is a sequence of verbs that act together as a single predicate, without any explicit marker of coordination, subordination, or any other type of syntactic dependence [Aikhenvald & Dixon 2006:1]. The term "Serial Verb Constructions" has gradually been extended to include other similar phenomena – initially in geographically and historically related languages, such as Atlantic creoles. Whenever the term is extended to new languages under consideration, there is a risk that the original meaning of the term might change since the determining properties applicable to the source languages may have no value in the new language [Haspelmath 2016:292]. Therefore, in expanding the research field on SVC in new languages, it is necessary to find appropriate compromises for each newly studied language.

To obtain a more comprehensive understanding of SVC, it's necessary to introduce two additional concepts that are often associated with SVC in linguistics: "quasi-serial verbal constructions" and "pseudo-coordination." These two concepts, in a way, are similar with the definition of SVC, but slightly modify the criteria established by Aikhenvald's definition. "Quasi-serial verbal constructions," studied by American linguist Yates in agreement with linguist Pullum, consist of two mono-clausal verbs, where the first verb (V1) signifies "to come" or "to go" (and for some speakers, "to run" or "to hurry") [Pullum, 1990]. Both verbs, V1 and the semantically unlimited V2, should be in the imperative form or in a form identical to its root, meaning they are invariant (base) verbs used in the infinitive, subjunctive, and constructions with auxiliary or modal verbs, as well as all forms of the present except for the third-person singular.

Pseudo-coordination, in turn, is a predicate composed of two verbs, with a light verb and a main verb conjoined by a particle that derives or grammaticalizes from the coordinating conjunction "and" [Ross 2016: 228].

Moreover, it is necessary to include verbal periphrases among the verbal structures we are considering. We can speak of verbal periphrases when we find two verbs in a direct sequence (for example, in Italian "stare" + gerund: "*sto leggendo*" - "I am reading") or two verbs connected by a preposition (for example, in Italian "continuare" + "a" + infinitive: "*continuo a leggere*" - "I continue to read") [Renzi Salvi & Cardinaletti 2001].

The aim of our research, described in this article, is to present the results of our working hypothesis. We firmly believe that different verbal constructions containing the Italian verbs "andare" and "venire" can be divided into the aforementioned types of constructs in order to better understand the distribution and usage of these verbal structures in the Italian linguistic landscape.

2. *Materials and methods*

To effectively conduct our research, we primarily used the method of distributional analysis and the method of distributional-statistical analysis.

The following methods were used to analyze the different usage contexts of verbal constructions with the verb "andare" e "venire". Empirical data was collected from various corpora of the Italian language. The corpora from which the empirical data was extracted include: PAISA, CORIS, TLIO BIBLIOTECA ITALIANA.

The selected materials represent a weighted choice of structures that differ both diachronically (e.g., examples belonging to modern non-standard Italian, as well as examples belonging to Italian of different historical periods) and synchronically (the examples represent linguistic varieties such as spoken Italian, written Italian and transmitted Italian, i.e., media discourse in Italian as a combination of spoken and written language).

3.1 *Results. Andare.*

Our research has shown that in the Italian language there are mainly four verbal constructions in which the verb "andare" (to go) appears.

The first structure, the most common one, is as follows:

[verb_1] (andare) + coordinating conjunction (e) + [verb_2]

Analyzing the proposed examples, we can confidently assert that this construction is a specific case of coordination, as the verb "andare" and [verb_2] have the same subject and are conjugated in the same tense. However, in all constructions, the verb "andare" cannot be defined as a "light verb" because it retains its denotative meaning in all examples.

The second structure we found in the corpora is as follows:

[verb_1] (andare) + preposition (a) + infinitive [verb_2]

The construction "andare + a + [verb_2]" is part of what is called "perifrasi imminenti" in Italian, which express an action that has not yet happened but is predicted to occur soon. This construction is used to indicate a near future in the action described by [verb_2].

The third verbal structure that frequently appears is as follows:

[verb_1] (andare) + [verb_2] in the form of past participle

By observing the provided examples, it can be said that this construction serves the function of the passive form with the semantic addition of "necessity" and "duty" meanings. In the Italian language, this function can be performed by the passive form of the modal verb "dovere" (must), followed by the [verb_2] in the form of the past participle.

The fourth and final structure, discovered during our research, is as follows:

[verb_1] (andare) + [verb_2] in the gerund form.

From the examples provided, it can be seen that the function of this construction is to indicate the continuity or progress of the action. In this structure, the verb "andare" can be considered a "light verb," as, as we can see from the presented examples, it loses its original meaning of "movement" and acquires a new meaning.

In conclusion, it can be said that constructions with the verb "andare" in the Italian language, as they grammaticalize and serialize, have generated constructions that can only be identified as periphrases and specific cases of coordination.

3.2 Results. *Venire*

Our research has shown that in the Italian language there are mainly three verbal constructions in which the verb "venire" (to come) appears.

The first structure we identified in our analyzed corpus is as follows:

[verb_1] (venire) + preposition (a) + infinitive [verb_2]

Analyzing the provided examples, we must say that it is actually a construction that hides multiple functions behind a single form. We can divide it into two subcategories: the first represents an atypical form of paratactic construction, while the second represents a form of verbal periphrasis that expresses the concept of "result."

The second example, discovered during our research, has the following structure:

[verb_1] (venire) + preposition (da) + infinitive [verb_2].

Looking at the examples, we can assume that they are verbal periphrases: the verb "venire" in the mentioned examples loses its lexical meaning and gives the action expressed by the verb an annotation of "beginning of the action."

The last construction we discovered during our research is as follows:

[verb_1] (venire) + [verb_2] in the form of the past participle.

From our examples, it is understood that this is one of the periphrastic forms of the passive voice in Italian. However, it is important to note that this is not the only periphrastic construction used to form the passive voice in the Italian language. Similarly, there is a construction where the verb "venire" is replaced by the verb "essere" (to be).

Concluding we can assume that in the Italian language, three constructions have been identified in which the verb "venire" (to come) is used. The first one, [verb_1] (venire) + preposition (a) + infinitive [verb_2], can be further

divided into two subcategories: the first represents an atypical form of paratactic construction, while the second represents a form of verbal periphrasis that expresses the concept of "result." The second one, [verb_1] (venire) + preposition (da) + infinitive [verb_2], is a verbal periphrasis with the meaning of a spontaneous and sudden beginning of the action. The third one, [verb_1] (venire) + [verb_2] in the form of the past participle, is a verbal periphrasis used to form the passive voice in the Italian language. In conclusion, it can be said that constructions with the verb "venire" in the Italian language, during their process of grammaticalization and serialization, have generated constructions that we can identify as periphrases and specific cases of parataxis.

4. Conclusions

The findings of this scientific article highlight the following crucial points:

Firstly, we have carried out a classification of the structures with the verbs "andare" (to go) and "venire" (to come) in the language under study. This classification has allowed us to identify and categorize the various existing constructions, providing a clearer picture of how these verbs are used in multi-verbal contexts.

However, it is important to highlight that the work carried out represents only a small part of the overall picture. This implies that there are many other multi-verbal structures that require further analysis and investigation.

Therefore, a continuous commitment to research and study of such constructions is necessary to delineate the boundaries between different structures more precisely. This requires a deeper investigation, the use of more sophisticated methods, and the study of a wide corpus of data.

Only through a more comprehensive approach and in-depth analysis will it be possible to define more concrete boundaries between the various multi-verbal structures. This further research will contribute to a better understanding and more accurate description of these complex linguistic phenomena.

References

- Aikhenvald A.Y. Serial Verb Constructions. A Cross-Linguistic Typology / A.Y. Aikhenvald, R.M.V. Dixon. – New York: Oxford University Press, 2006.
- Haspelmath M. The Serial Verb Construction: Comparative Concept and Cross-linguistic Generalizations / M. Haspelmath // Language and Linguistics. – Vol. 17(3). – 2016. – P. 291–319.
- Pullum G. K. Constraints on Intransitive Quasi-Serial Verb Constructions in Modern Colloquial English, in *When Verbs Collide*, 1990. – P. 218–239.
- Renzi L. Grande grammatica italiana di consultazione // L. Renzi, C. Salvi, A. Cardinaletti. – Bologna: Il Mulino, 2001.

Linguistic means of expressing emotivity in English mass media

emotivity, lexical means, English, mass media

The problem of emotiveness has been one of the most central positions in linguistic research. A large number of studies have been devoted to it. Despite this interest in this problem still does not fade; research scientists are constantly looking for new approaches to consider the phenomenon of emotiveness.

According to V.I. Shakhovskij, "emotivity" is understood as an immanently inherent in the language semantic property of expressing with its own means, emotionality as a fact of state of mind; emotivity has two planes: the plane of expression and the plane of content through which emotional conditions or states are reflected in the language" [Shakhovskij 1987: 24].

Babenko L.G. includes a set of words with emotive semantics in emotive vocabulary; "words that speak about the emotional state of the speaker: wow, shit, hooray and words that convey the speaker's emotional attitude to the subject of the nomination or its features: pathetic, sweetie; words that do not express emotions directly, but call them: anger, love, admiration" [Babenko 1990: 4].

Emotives are divided into: 1) affectives, which are used to express the highest degree of emotionality of speakers. Most often these are interjection words or interjections, affectionate or abusive vocabulary; 2) connotatives, whose emotive share accompanies the main logical-objective meaning: they characterize a greater awareness of the expressed emotions. These are formative derivatives of different types: zoolexics, comparisons and metaphors with a zoonymic component, everyday colloquial emotionally colored vocabulary, emotionally adverbs, archaisms, colloquial vocabulary; 3) jargonisms, vulgarisms, slangisms, which are neutral in the language of their microcommunity, but in the codified literary language belong to the category of emotive means.

We chose "The Times" newspaper as the research material due to the rather emotional nature of the presentation of the information published in it.

Expression of emotions in newspaper texts can be explained by the fact that the media, in a direct or veiled form, have an impact on the entire society. Due to such properties of emotions as infectiousness, catalyzing the thought process, and the ability to change the behavior of the listener and to be stored for a long time in memory, the use of emotive units facilitates the solution of problems of influencing the reader.

As our research has shown, the most frequent language means representing emotivity in English-language media texts are lexical means of ex-

pressing emotiveness. These include synonyms, antonyms, metaphors, epithets, comparisons. Here are some examples of the lexical expression of emotiveness from the studied articles.

Metaphors are of great importance in conveying emotiveness. Metaphors in journalism can shape public opinion, create a vivid image that, through suggestion, influences the perception of information by the reader from the required angle of view.

“And it is also deeply intimate — and intimacy, a sense of being drawn into Lucier’s body and space, was always both the provocation and the enduring draw of “I am sitting in a room” [The New York Times]. In this example, the metaphor is used to convey a sense of admiration for a person's talent enhancing perception.

The next lexical means of expressing emotiveness is an epithet. To show the emotions of contentment, bliss, an epithet is used that allows readers to experience these feelings at a deep level:

“Mr. Guy recalled in a 2009 interview with The New York Times, and somehow he caught the electric feel of a live performance” [The New York Times].

The use of a synonym in the text of the newspaper allows one to see different expressive coloring of the same emotion of fear:

“Stuckness is struggling to explain why you’re still part of the network that’s making you frustrated, anxious, unhappy or bored “[The New York Times].

In the following sentence the emotion of doubt, despair is expressed:

“The bloodshed makes Mr. Lapid’s efforts at a coalition both easier and harder “[The New York Times].

The following comparison shows the singer's outburst of emotions, such as excitement and delight:

“...Turner succeeds because he sounds like he’s just stomped out of a stuffy meeting to go yell on a street corner, frantic with euphoria” [The New York Times].

As a result of the analysis based on the material of mass media, it can be argued that media text is the strongest source that can exert pressure on people's thinking and can serve as a source of revaluation of the public through the transmission of an emotional state.

References

Babenko L.G. Russkaya emotivnaya leksika kak funkcional'naya sistema: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / L.G. Babenko. – Sverdlovsk, 1990. – 32 s.

Shahovskij V.I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V.I. Shahovskij. – Voronezh: izd-vo voronezhskogo un-ta, 1987. – 192 s.

The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/> (accessed: 01.09.2023).

Борщевский Иван Сергеевич

Пятигорский государственный университет

УДК 81'42

Создание и восприятие текста тифлокомментария с точки зрения психологического синтаксиса

аудиодескрипция, психологический синтаксис, психологическое подлежащее, психологическое сказуемое, тифлокомментирование

Официальная история аудиодескрипции начинается в первой половине 1970-х гг., а ее российский аналог – концепция тифлокомментирования – была создана в начале 2000-х гг. [Борщевский 2018: 49]. С тех пор этот процесс изучался с различных точек зрения: лингвистические методики включали анализ дискурса и корпусные исследования; изучение восприятия аудиодескрипции целевой аудиторией проводилось с привлечением как социологических (фокус-группы, опросники и анкеты), так и психофизиологических (исследование кожно-гальванического рефлекса и частоты сердечных сокращений) методов; наряду с этим проводились различные эксперименты, анализирующие процесс работы аудиодескриптора, а также разрабатывались соответствующие обучающие программы и стандарты [Mazur 2000: 234–242]. Однако лингвистические аспекты аудиодескрипции до сих пор практически не изучались.

Концепция психологического синтаксиса, которую исследовали представители различных лингвистических школ, может стать фундаментальной теорией, описывающей как процесс создания, так и восприятия аудиодескрипции (тифлокомментария).

Младограмматик Герман Пауль одним из первых рассматривал речевое высказывание с точки зрения психологического синтаксиса. Он утверждал, что окружающая обстановка, которая присутствует в сознании как говорящего, так и слушающего, выступает в роли психологического подлежащего, а произнесенные слова – в роли сказуемого [Пауль 1960: 152]. Если применить это положение к тифлокомментированию, то аудиовизуальный ряд фильма, театральная постановка, спортивный матч, музейный экспонат и т.п. будут выступать в сознании тифлокомментатора психологическим подлежащим, а сам текст тифлокомментария – психологическим сказуемым.

Однако в сознании незрячего слушателя визуальная информация отсутствует. Таким образом, создавая словесное описание, тифлокомментатор должен вербально компенсировать отсутствие невербального психологического подлежащего.

Например, в первой серии сериала «Цикады» (реж. Евгений Стычкин, 2023 г.) один персонаж, Алекс, прячет взятые у бабушки деньги в карман. Комментарий «Кладет в карман» будет понятен зрителям без нарушений зрения, поскольку они воспринимают визуальную информацию одновременно с говорящим и понимают, кто выполняет действие (кладет), что именно он кладет и в чей именно карман. Однако незрячий, лишенный возможности познакомиться с видеорядом, нуждается в дополнительных пояснениях: тифлокомментарий должен представлять собой грамматически полное предложение: «Алекс кладет деньги в свой карман». Тогда текст тифлокомментария не будет вводить в заблуждение, но предоставит максимально полную информацию.

Таким образом, теория психологического синтаксиса может применяться к написанию тифлокомментария (аудиодескрипции), что позволит создавать более точные словесные описания, понятные целевой аудитории.

Публикация выполнена в рамках научного проекта «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции» по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № 1022100500014-8-6.2.1, науч. рук. – канд. филол. наук, проф. А.В. Раздужев).

Литература

Борщевский И.С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода / И.С. Борщевский // Филология и лингвистика. – 2018. – № 3 (9). – С. 48–52.

Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 339 с.

Mazur I. Audio Description: Concepts, Theories and Research Approaches // Bogucki Ł., Deckert M. (eds) The Palgrave Handbook of Audiovisual Translation and Media Accessibility. Palgrave Studies in Translating and Interpreting. – London: Palgrave Macmillan, Cham, 2020. – 739 p.

Фонетическая мотивированность как переменная характеристика слова

мотивированность, звуковой облик, значение слова

В рамках антропоцентрической парадигмы большую популярность получило направление психолингвистики. Одним из вопросов, рассматриваемых в рамках этой дисциплины, является связь между планом выражения и планом содержания в языке, иными словами, мотивированность слова.

Как известно, до настоящего времени не был сделан конкретный вывод о существовании зависимости звукового комплекса слова от его значения, чем и объясняется актуальность исследования. Данная статья раскрывает вопрос о фонетической мотивированности слова. Целью статьи является определение наиболее рационального подхода к данной проблеме и его аргументированное рассмотрение на основании результатов исследований.

Проблема мотивированности слова является достаточно древней, она упоминалась уже в произведениях античных времен. С изучением смысловой функции звука связаны имена Ю.М. Лотмана, Ф. де Соссюра, Б.А. Серебренникова, В.А Звегинцева, Е.С. Кубряковой и др. Примечательным фактом является разобщенность исследований по этому вопросу. В научной литературе присутствует разнообразие терминологии и теоретико–методологических подходов.

Перед началом рассмотрения точек зрения ученых необходимо дать формулировку термину мотивированности. Мотивированность представляет собой <объективное свойство производного наименования отражать своим составом и аранжировкой, своей морфологической структурой структуру содержательную> [Кубрякова 1977: 39–67].

К XX в. сформировались три основных подхода к степени фонетической мотивированности:

- широкий взгляд, согласно которому каждая единица языка обладает характеристикой мотивированности, представлен в работах В.А Звегинцева. Он следует из положения, что любое новообразование обуславливается отношениями с другими элементами системы [Жеребило 2010: 289];
- срединный взгляд, при котором мотивированность слова признается как нерегулярная характеристика слова. Как писал Ф. де Соссюр, в

языке встречаются как целиком произвольные элементы, то есть немотивированные, так и относительно мотивированные, и отношения этих элементов варьируются в зависимости от языка [Соссюр 2004: 165];

– узкий взгляд, согласно которому в языке нет ничего мотивированного. В работе «Роль человеческого фактора в языке» встречаем утверждение об отсутствии связи между звуковым комплексом и значением слова [Роль 1988: 206]. В подтверждение приводится пример со словом **агапа** в испанском языке. Первоначально обозначая приведенным словом паука, носители стали обозначать этим же звуковым комплексом люстру, поскольку по форме светильник напоминал этого животного [Там же: 206]. Таким образом, авторы утверждают, что звуковой облик не влияет на номинацию предметов.

Рациональным для авторов статьи представляется срединный подход. Далее будут рассмотрены наиболее яркие лингвистические явления для доказательства справедливости данной точки зрения.

Вернемся к примеру со словом **агапа** [Роль 1988: 206]. В данном случае речь идет о явлении метафоризации. Форма люстры похожа на форму паука, и на этом основании светильник получил то же самое обозначение. Мы имеем дело со вторичной номинацией, при которой могут возникать совершенно различные связи. Соответственно, в данном примере представлена ситуация немотивированности звуковой оболочки. Но необходимо помнить, что согласно срединному подходу не все единицы языка обладают мотивированностью [Соссюр 2004: 165].

Более того, о психической составляющей звуков в языке писал Бодуэн де Куртенэ. Он утверждал, что человек имеет фонетическое представление о фонеме на основании психического слияния впечатлений от произнесения звуков [Бодуэн 1963: 352].

Поскольку мотивированность звукового облика тесно связана с чувственным восприятием, справедливо обратиться к ненаучной литературе, прозе и поэзии. Зачастую в своих произведениях писатели прибегают к аллитерации для создания необходимой атмосферы. Замечено, что звук [р] ассоциируется у человека с чем-то негативным и тревожным, поэтому его повторение часто используется для описания грома: <Грохочет эхо по горам, // Как гром, гремящий по громам> [Державин 1957: 183]. Это можно объяснить способом артикуляции самого звука: при произношении язык попеременно касается и отрывается от альвеол, тем самым образуя вибрацию, что воспринимается человеком как нечто агрессивное (по этой же причине животные используют рычание как способ защиты). В данном случае можно говорить о явлении синестемии, передачи качеств объекта с помощью действий артикуляторного аппарата.

Шумные согласные [с], [ш], [щ], как ясно из названия, создают шум при артикуляции, поэтому повтор данных звуков помогает передать звуки природы – шуршание или шелест: <Свищет ветер, серебряный ветер // В шелковом шелесте снежного шума> [Есенин 1995: 289].

В доказательство зависимости звукового комплекса от значения слова приведем повесть А.Г. Битова «Уроки Армении». Описывая армянскую графику, автор указывает, что в начертаниях буквы заложена самобытная жизнь Армении: <прозрачность винограда и стройность и строгость бутылки, мягкий завиток овечьей шерсти, прочность пастушьего посоха> [Битов 1990]. И далее он указывает, что все перечисленное <в точности соответствует звуку, который она [буква] изображает> [Битов 1990]. Уверенность в выдвинутых тезисах писателю придает тот факт, что он не знаком с армянским языком: <Я по-прежнему не знаю армянского языка, но именно поэтому ручаюсь за правду своего ощущения: передо мной был только звук и его изображение, а смысл речи был за моими пределами> [Битов 1990].

Справедливо утверждать, что фонетическая мотивированность является объективной языковой характеристикой и доказывает универсальность чувственного восприятия вне зависимости от языка носителя. Таким образом, возможно установить корреляции между звуками и значениями, универсальные для различных языков.

Для ранее выдвинутого утверждения необходимо привести примеры из языков, относящихся к различным языковым семьям. Обратим внимание на слово **грубый** в русском языке. Оно примечательно тем, что в звуковой состав слова входит вибрант [r]. Как упоминалось ранее, этот звук подчеркивает отрицательное значение слова благодаря своей артикуляции. Звук [r] воспринимается как согласный, которому внутренне присуща коннотация **агрессивный**. Но намного полезнее будет обратиться к синонимичному ряду для обозначения этого качества в английском языке: rude, rough, coarse, brute, gruff, crass, raunchy. Примечательно, что в английском языке звук [r] произносится в большинстве случаев. Следовательно, находим подтверждение ранее приведенному высказыванию.

Таким образом, фонетическая мотивированность слова действительно является переменной характеристикой. Нельзя отрицать, что некоторые звуки приобретают функциональную значимость в результате образования произвольных психических ассоциаций при произношении этих звуков.

Необходимо помнить, что корреляция между звуковым обликом и значением наиболее часто встречается при первичной номинации и может отсутствовать при использовании слова для обозначения других объектов. На основании сравнения английского и русского языков можно утверждать, что приведенные ассоциации в большей степени универсальны, при условии, что звуки имеют схожее произношение.

На основании проведенного исследования правомерно сделать следующий вывод: степень фонетической мотивированности связана с тем фактом, что в языке есть как звуки с ярко выраженной артикуляцией, за которыми психологически закрепляются определенные ассоциации, так и звуки, нейтральные относительно психологического воздействия на восприятие человека.

Литература

Битов А.Г. Уроки Армении / А.Г. Битов // Альманах. В теплой тихой долине дома: Проза об Армении – М.: Молодая гвардия, 1990. – 382 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. / сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – Т. 1. – 352 с.

Державин Г.Р. Водопад // Г.Р. Державин. Стихотворения – Ленинград: Советский писатель, 1957. – 472 с.

Есенин С.А. «Свищет ветер, серебряный ветер...» // С.А. Есенин. Полное собрание сочинений: в 7 т. Стихотворения – М.: «Наука» – «Голос», 1995. – Т. 1. – 672 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация (виды наименования). – М.: Наука, 1977. – 88 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: УРРС, 2004. – 271 с.

Говорова Лилия Андреевна
Российский университет дружбы народов (РУДН)
Лебедев Леонид Владимирович
Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)
УДК 81'23

Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации мигрантов

социокультурная адаптация, идентичность, мигранты

В современном мире, где число легальных мигрантов приближается к 300 млн. [Interactive World Migration Report], на первый план выступают такие науки, как миграционная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика и др. Вместе с тем актуальными становятся вопросы, касающиеся претерпевающей изменения идентичности мигрантов, в частности психолингвистические особенности их адаптации, а также исследования того, каким образом эволюционирует собственная внутренняя психическая реальность человека под воздействием внешних раздражителей в условиях новой социокультурной реальности.

В работах, посвященных неизбежным процессам трансформации, которым подвергается идентичность мигрантов в ходе социокультурной адаптации, особое внимание обращено на компоненты и механизмы, в своей совокупности составляющие языковую, культурную, социальную и психологическую идентичности мигрантов. Это связано с тем, что миграция чаще всего разделяет жизнь мигрантов на «до» и «после», поскольку включает в себя «изменение социального окружения, а также переход из одного общества в другое, из одной культуры в другую» [Хрусталева 2018: 414]. Не секрет, что подобного рода переселение представляет собой комплексный энергозатратный процесс, результатом которого чаще всего является серьезная модификация личностных и поведенческих проявлений на разных уровнях, обусловленная нервным напряжением.

В абсолютном большинстве случаев необходимость оставления родины представляет собой сильнейший стресс и способствует возникновению неврозов, сопряженных с изменениями, происходящими в мозге и психике индивидов. Среди основных психологических проблем, с которыми приходится сталкиваться мигрантам помимо «ощущения психологической раздвоенности, нарушения принадлежности к группе, эмоциональной и экзистенциальной заброшенности», также выделяют синдромы, часто встречающиеся у мигрантов, такие как синдром «социальной смерти» и «комплекса иностранца» [Хрусталева 2018: 427]. Первый синдром связывают с потерей социальной идентичности и ее переосмыслением. Второй – с

нервно-психическим напряжением и чувством психологического дискомфорта, которые мигранты испытывают на постоянной основе.

Согласно данным всемирно известной испанской неправительственной организации *Ayuda en Acción*, помимо классического синдрома мигранта (*Duelo migratorio clásico*), в последние десятилетия все у большего количества мигрантов диагностируют синдром Улисса (*Síndrome de Ulises*), под которым понимается множественный и хронический стресс мигрантов, провоцирующий развитие и прогрессирование различных болезней [*Síndrome de Ulises, ¿qué es y cómo se afronta?*]. Эти данные являются негласным подтверждением того, что процесс социально-психологической адаптации в условиях чужой социокультурной среды, подразумевающий резкие перемены в смысложизненных ориентациях личности, необычайно сложен и чаще всего оставляет именно негативный отпечаток на психике индивидов. Стоит отметить, что интенсивность обнаруживающихся у мигрантов тревожных состояний, неврозов, сильной тоски по родине и других характерных признаков время от времени усиливается, но почти никогда не ослабевает. Кроме того, острый стресс рано или поздно превращается в хронический. В свою очередь, степень и частотность проявления вышеописанных синдромов зависят от психологической устойчивости мигрантов и имеют тенденцию резко сменяться по мере происходящей адаптации, что препятствует ее облегчению и ускорению.

Изменения, затрагивающие языковую и культурную идентичность мигрантов, также носят комплексный и амбивалентный характер. Известно, что язык оказывает значительное влияние на наше мировосприятие и во многом определяет его и, поскольку «сознание любого эмигранта сформировалось в условиях родного языка и родной культуры» [Хрусталева 2018: 451], своего рода «потеря» привычных знаков и родного языка может подразумевать и значительную модификацию отдельных ценностных и поведенческих доминант, что, в свою очередь, приводит к постепенному сдвигу языковой идентичности. Подтверждением этому может служить применение в психотерапии «принципа «изменения языка человека для изменения его психологических установок» [Шуляковская 2020: 201] или тот факт, что «немецкие психотерапевты направляют русскоязычных эмигрантов к русским психологам, так как у них прослеживаются свои особенности в менталитете и в восприятии картины мира» [Хрусталева 2018: 452]. Вместе с тем можно отметить, что на фоне воздействия многочисленных стрессовых факторов сдвиг языковой идентичности часто происходит незаметно для самих мигрантов.

Доктор психологических наук, профессор Н.С. Хрусталева выделяет 5 стадий психологической адаптации мигрантов в условиях новой социокультурной и языковой среды: 1) эйфорическая стадия, 2) туристическая стадия, 3) ориентационная стадия, 4) депрессивная стадия, 5) стабилизационная фаза [Хрусталева 2018: 418]. По мнению профессора, ориентационная стадия адаптации, сопряженная с перестройкой ожиданий и установок мигрантов, характеризуется повышением уровня стресса и

необходимостью его постоянного преодоления. В том, что касается четвертой стадии, Н.С. Хрусталева отмечает, что «эту фазу проходят все мигранты независимо от уровня успешности преодоления предыдущих трех фаз адаптации» [Там же]. На каждой из этих стадий мигранты сталкиваются с различными переживаниями, травмирующим опытом и проблемами, от решения которых будет зависеть успешность проявления их социальной индивидуальности во многих сферах жизненной активности, включая сферу коллективного взаимодействия. В качестве основных психологических и психических травм мигрантов Н.С. Хрусталева называет «утрату социального статуса и чувства собственной значимости, нарушения представлений о самом себе, потерю корней, путаницу в самоидентификации и чувство вины» [Хрусталева 2018: 423]. Так, в результате процесса социально-психологической и культурной адаптации мигранты проходят несколько стадий и фаз, на каждой из которых они вынуждены подстраиваться под условия новой реальности (в большинстве своем стрессогенной), которые могут либо травмировать их еще больше, либо способствовать более активной психологической включенности в новое общество. Социальная вовлеченность подразумевает выбор определенной модели и тактики поведения.

В статье «Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов» рассматриваются 3 основные модели языковой адаптации мигрантов и автохтонов:

- модель взаимного приспособления, растворения собственной идентичности в общей;
- модель взаимного дистанцирования и укрепления собственной идентичности;
- модель раскола каждой из взаимодействующих языковых общностей [Шуляковская 2020: 204].

Авторы статьи также обращают внимание на то, что представленные модели распространяются и на другие сферы адаптационных процессов мигрантов, включая психологическую, социальную и др. виды адаптации [Шуляковская 2020: 205]. Существующие модели и способы модификации идентичности мигрантов варьируются в зависимости от стадии психологической адаптации, компонентов психологической устойчивости, ресурсов личности и скорости течения психических процессов. При этом нельзя говорить о том, что какая-то из описанных моделей более эффективна, поскольку каждая из них эффективна по-своему. Кроме того, в своем исследовании, Шуляковская и Хаеи отмечают, что различные тесты-опросники не способствуют выявлению трансформации психологической идентичности мигрантов, так как «на их результаты сильно влияет стремление к демонстрации социально одобряемого поведения, принимающее особенно выраженные формы у мигрантов» [Шуляковская 2020: 206].

Таким образом, стрессогенные факторы и сложности, с которыми мигрантам приходится сталкиваться на ежедневной основе, во многом

превалируют над механизмами, позволяющими успешно преодолеть возникающие на пути мигрантов проблемы в процессе социально-психологической адаптации.

Литература

Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / [Н.С. Хрусталева, Д.В. Антонова, А.М. Беглер и др.]; под редакцией д-ра психол. наук, проф. Н.С. Хрустальной; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2018. – 747 с.

Шуляковская К. Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов / К. Шуляковская, Л. Хаеет // Эмиграция как текст культуры: историческое наследие и современность: сборник научных статей / Культурно-просветительский фонд «Dialogorum». – Будапешт: Selmeczi Bt., 2020. – С. 200–213. – URL: Процессы трансформации языковой и психологической идентичности иммигрантов (elibrary.ru) (дата обращения: 12.10.2023).

Síndrome de Ulises, ¿qué es y cómo se afronta? – URL: <https://ayudaenaccion.org/blog/ayuda-humanitaria/sindrome-ulises/> (accessed: 15.10.2023).

World migration report 2022. – URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/> (accessed: 20.11.2023).

**Лонгитюдное исследование речи детей с моторной алалией:
становление морфологических категорий**

моторная алалия, морфологическая категория, патологии речи

Количество детей с речевыми расстройствами в последние годы стремительно увеличивается, при этом происходят и качественные изменения в характеристиках речевых расстройств. В Казанском федеральном университете реализуются проекты, посвященные лонгитюдному исследованию формирования речи у детей с различными видами речевых расстройств, в частности один из проектов посвящен специфике речевого развития у детей с моторной алалией.

Критерии включения: дети с моторной алалией в возрасте от 3 лет (отдельную группу составляют дети с задержкой развития экспрессивной речи от 2 до 3 лет).

Критерии исключения: 1) задержка психического развития; 2) наличие расстройств аутистического спектра; 3) нарушения невербального интеллекта; 4) эпилепсия; 5) когнитивная эпилептиформная дезинтеграция.

С детьми проводятся коррекционные занятия, ведутся аудиозаписи, далее расшифровываются, формируется база данных образцов речи каждого ребенка в динамике.

Количество детей в исследовании – 152 в общей сложности, из них:

- 87 – русскоязычный монолингвизм;
- 44 – русско-татарский билингвизм в семье (обучение и воспитание в ДОО и/или в школе на русском);
- 15 – татарско-русский билингвизм (обучение и воспитание в ДОО и/или в школе на русском);
- 2 – русско-английский билингвизм в семье (обучение и воспитание в ДОО и/или в школе на русском);
- 1 – англо-русский билингвизм в семье (обучение и воспитание до пяти лет в англоязычной среде, далее погружен в русскоязычную среду);
- 1 – трилингвизм (русский, английский, татарский) (обучение и воспитание до четырех лет в разных языковых средах).

В докладе обсуждаются выявленные особенности в области освоения морфологических категорий, в частности:

1) необходимо учитывать индивидуальность развития каждого ребенка с моторной алалией;

2) невозможность установления «среднего возраста» освоения той или иной категории: у одного ребенка с алалией это может произойти к 6 годам, у другого – к 9, у третьего – к 12–13;

3) на большой выборке в рамках лонгитюдного исследования выявляются общие закономерности:

а) синкретичность глагольных единиц, которая сохраняется дольше, чем синкретичность имени;

б) «глагольная слабость» является частотной характеристикой и может сохраняться вплоть до 4 уровня речевого развития. Глаголы в течение долгого времени активно заменяются звукоподражаниями, которые сопровождаются в том числе и вспомогательными жестами; в связной речи при 3–4 уровне речевого развития поиск глагола осуществляется долго, много повторов одной и той же глагольной единицы;

в) освоение временных форм и форм повелительного и изъявительного наклонения протекает со следующими особенностями:

– глагольные формы в высказываниях изначально чаще всего заменяет инфинитив или его искаженный вариант;

– невзирая на то, что первыми в коррекционной работе отрабатываются формы повелительного наклонения ед.ч. (*дай, сядь, кати* и т.д.), дети крайне редко используют их вместо изъявительного наклонения; как правило, до усвоения верной формы идет образование формы от основы повелительного наклонения;

– последним по времени усваивается правильное согласование по роду в прошедшем времени (отдельные нетипичные согласования в дальнейшем могут встречаться еще долго);

г) формы числа усваиваются по времени ориентировочно параллельно с усвоением категории рода эловых форм;

д) в течение долгого времени среди неправильно употребляемых форм глагольного вида доминирует использование глаголов совершенного вида в будущем аналитическом;

е) освоение залога, возвратности и переходности происходит по времени позднее усвоения всех морфологических категорий; логико-грамматические конструкции могут страдать и в конце начальной школы, и даже в средней школе.

Расстройства импрессивной речи у детей в российских исследованиях XXI века

*импрессивная речь, нарушения речи, классификация речевых
расстройств, терминология*

Многочисленные исследования демонстрируют, что восприятие речи представляет собой многоступенчатый процесс, формирование которого протекает по определенным онтогенетическим закономерностям. Нарушения восприятия речи у детей изучены в значительно меньшей степени, чем нарушения экспрессивной речи. Ученые в целом солидарны в том, что процесс восприятия и декодирования речи остается уязвимым звеном как с точки зрения его детального изучения, так и с точки зрения выстраивания траекторий лечения заболеваний, сопровождающихся нарушениями импрессивной речи, и реабилитации пациентов.

В Международной классификации болезней 11 пересмотра (МКБ-11, англ. ICD-11, <https://mkb11.online/105310>), рекомендованной Всемирной организацией здравоохранения с 1 января 2022 г. и включающей в себя 28 классов болезней, шестой класс посвящен психическим, поведенческим расстройствам и расстройствам нейропсихического развития, в которых расстройства нейропсихического развития рассматриваются отдельно. В них входят, в частности, расстройства развития языка и речи, причем, что важно, нарушения языка и нарушения речи представляют собой отдельные подклассы; нарушения импрессивной речи выделены особо: 6A01.20 – Расстройство развития языка с нарушением рецептивного и экспрессивного (речевого) компонентов. В зарубежной неврологической практике согласно DSM–V расстройство способности различать звуки речи (препятствующее речевой коммуникации) входят в группу «расстройств, связанных с нарушением развития нервной системы» и имеющих патофизиологическую основу.

В России в соответствии с имеющимися классификациями расстройства импрессивной речи относят:

- с точки зрения возможной этиологии в медицинской классификации, предложенной Л.О. Бадаляном, – к речевым расстройствам, связанным с органическим поражением ЦНС;
- с точки зрения клинико-педагогической классификации (М.Е. Хватцев, О.В. Правдина) – к группе нарушений структурно-семантического оформления высказывания;
- с точки зрения психолого-педагогической классификации (Р.Е. Левина) – к группе общего недоразвития речи (ОНР I, II, III уровня);

– с точки зрения нейропсихологической классификации (Т.Г. Визель)
– к церебральным нарушениям речи (нарушение языкового фонологического уровня мозговой организации речи);

– с точки зрения клинико-психологической классификации (А.Н. Корнев) – к синдрому импрессивного фонологического недоразвития.

Т.Г. Визель предлагает для расстройств развития импрессивной речи термин «'импрессивное' безречие», классифицируя его виды с выделением центральных дефектов [Визель 2020].

Н.Ш. Александрова и О.А. Александрова используют термин «импрессивная (сенсорная) алалия» [Александрова 2016].

Наиболее часто все же в современной русскоязычной литературе применительно к расстройствам формирования речи у детей используются термины «сенсомоторная алалия» и «сенсорная алалия» (реже – в связи с тем, что случаи сенсорной алалии в чистом виде достаточно редки). Сенсорная алалия возникает при недоразвитии зон коры головного мозга, ответственных за восприятие речи, при этом процесс восприятия речи является многоступенчатым. Непонимание обращенной речи (в тяжелых случаях – непонимание даже того, что человеческая речь представляет собой информационный код, который может быть расшифрован) приводит и к системному недоразвитию, в свою очередь, и экспрессивной речи. Если у ребенка с моторной алалией пассивный словарный запас существенно выше активного, то в отношении детей с сенсорной/сенсомоторной алалией ситуация иная: как правило, ребенок произносит столько, сколько понимает (не считая эхоталических повторений за взрослым единиц, смысл которых он не может декодировать), поэтому прогнозы речевого развития в отношении такого ребенка, как правило, бывают менее благоприятными.

В российской литературе исследований, посвященных нарушениям экспрессивной речи у детей, значительно больше, чем исследований, в которых изучалась бы специфика обработки звучащей речи. В целом в имеющихся трудах на данную тему:

1) отмечаются трудности дифференциальной диагностики сенсомоторной алалии, РАС, нарушений слуха, задержки психического развития и интеллектуальной недостаточности [Специфика 2017];

2) анализируются междисциплинарные проблемы, связанные с сенсомоторной алалией, в том числе связанные с анализом данных функциональной диагностики – например, электроэнцефалографических изменений [Особенности 2014; Начарова и др. 2023];

3) предлагаются новые подходы и методы коррекционной работы с детьми, страдающими сенсомоторной алалией.

В последние годы резко возрос интерес к изучению расстройств импрессивной речи у детей с расстройствами аутистического спектра.

Так, исследованию подвергаются:

– междисциплинарный подход к данной проблеме;

- особенности отдельных уровней речевого развития, обработки существительных, глаголов, синтаксических конструкций;
- факторы, влияющие на формирование импрессивной речи у детей дошкольного и школьного возраста с РАС;
- особенности коммуникации у детей с РАС;
- профиль латерализации у детей с РАС во взаимосвязи с речевым развитием.

В литературе отсутствуют данные, позволяющие проследить специфику освоения детьми с сенсорной/сенсомоторной алалией фонетики, лексики, грамматики русского языка, основанные на анализе речевых образцов.

Литература

Александрова Н.Ш. Импрессивная (сенсорная) алалия / Н.Ш. Александрова, О.А. Александрова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2016. – Т. 116. – № 11. – С. 114–120. DOI: 10.17116/jnevro201611611114-120

Визель Т.Г. Об «импрессивном» безречии у детей (теоретический аспект с позиции нейропсихологии) / Т.Г. Визель // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2018–2019. Московский институт психоанализа. – М., 2020. – С. 207–221.

Особенности электроэнцефалографических изменений у детей с нарушениями речевого развития / Р.Г. Гамирова, М.В. Белоусова, М.А. Уткузова, Ф.М. Зайкова // Вестник современной клинической медицины. – 2014. – Т. 7. – № 3. – С. 15–20.

Специфика развития речи у детей с сенсомоторной алалией: междисциплинарный подход / В.И. Марулина, Р.Г. Гамирова, Е.А. Горобец, Т.А. Большакова, И.Н. Насонкина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах. Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартынова, Г.А. Николаева. – 2017. – С. 144–146.

Начарова М.А. Изменения спектра ЭЭГ, связанные с прослушиванием слов, у типично развивающихся детей и детей с сенсорной алалией / М.А. Начарова, Д.В. Начаров, В.Б. Павленко // Физиология человека. – 2023. – Т. 49. – № 3. – С. 5–12.

**Анализ характера использования адаптационных механизмов
коммуникантами с разным уровнем владения иностранным
языком: планирование и дизайн эксперимента**

*психолингвистика, теория аутопоэза, коммуникативное поведение,
адаптационные механизмы, эксперимент*

Коммуникация являет собой сложный исследовательский объект в силу того, что субъект коммуникации – это гибкое, адаптивное существо, способное приспосабливаться к различным социальным контекстам, решать разные коммуникативные задачи, применяя различные ресурсы вербальной и невербальной трансляции сообщения. Эти тезисы можно элементарно подтвердить примерами социальной адаптации людей с физическими и/или когнитивными ограничениями, вполне состоятельным коммуникативным взаимодействием лиц с низким уровнем языковой компетенции или с недостаточным уровнем когнитивного развития (например, в коммуникации «взрослый – ребенок») и пр. (см.: [Межкультурная 2018]).

Коммуникацию как взаимодействие субъекта коммуникации с той средой, которую выстраивает сам субъект и характер которой определяется его свойствами, изучают с опорой на теорию аутопоэза [Maturana 1978; 1987; Матурана 1995]. С этих позиций человек рассматривается как адаптивная биологическая система, ориентированная на сохранение собственной кругообразности и совершающая различные действия для поддержания равновесных отношений с выстроенной ею средой. Стабильность, однако, оказывается временной, и в момент ее нарушения снова производятся действия, направленные на восстановление этого равновесия.

Основу таких исследований составляют стереотипные социальные ситуации, в которых субъект коммуникации преимущественно ориентирован на совершение шаблонных речевых действий, соотносимых с заданным социальным контекстом [Карданова-Бирюкова 2021а; Карданова-Бирюкова 2021б]. Именно в таких социальных ситуациях коммуникант может в полной мере реализовать свой адаптационный потенциал даже при дефиците того или иного свойства.

Моделирование с опорой на эксперимент представляется единственно возможным инструментом анализа коммуникации, и здесь возникают различные сложности, связанные с выстраиванием экспериментальных гипотез, планированием эксперимента и выбором конкретных экспериментальных заданий [Методология 2018].

С учетом вышесказанного цель исследования состояла в выстраивании оптимального дизайна эксперимента, ориентированного на выявление алгоритма использования адаптационных механизмов субъектами коммуникации с дефицитом языковой способности. По нашему предположению, такие коммуниканты будут вынуждены в большей степени задействовать разнообразные адаптационные механизмы для восстановления равновесных отношений со средой.

В экспериментальную выборку вошли студенты, изучающие английский язык как иностранный, с разным уровнем языковой подготовки.

Следующая задача в процессе планирования эксперимента была связана с разработкой серии кейсов (или стереотипных ситуаций общения), участниками которых могли бы потенциально стать участники эксперимента. Поскольку эксперимент проводился в учебных условиях, мы отобрали те коммуникативные сценарии, которые бы соответствовали учебной программе в вузе на языковом факультете. Так, в группу кейсов вошли социальные коммуникативные ситуации типа «собеседование по приему на работу», «покупки в магазине», «навигация в городе», «общение в соцсетях». Далее эти и другие кейсы моделировались по единому коммуникативному сценарию, в который входило несколько реплик. Испытуемым было предложено продолжить линию коммуникации собственной репликой или отказом от нее и оценить по ряду критериев характер осуществляемого коммуникативного взаимодействия.

В число независимых переменных были включены «уровень языковой компетенции (применительно к АЯ)» и «степень стереотипности социальной ситуации». Перечень зависимых переменных определялся постановкой цели и включал «характер реализации адаптационного механизма» и «степень стереотипности коммуникативного поведения».

Экспериментальная анкета была размещена на платформе Survio. Ссылка или qr-код для доступа к анкете рассылалась испытуемым по почте и через мессенджеры.

В данный момент осуществляется сбор экспериментальных данных, однако уже на этом этапе выявляются некоторые очевидные тренды.

Во-первых, участники эксперимента с низким уровнем языковой способности вполне успешно осуществляют коммуникацию в стереотипных ситуациях общения. Они в достаточной мере способны идентифицировать ключевые для осуществления коммуникации параметры и осуществлять соотносимые с социальным контекстом ответные речевые / неречевые действия. Они обладают достаточной адаптивностью для прогнозирования логики развития коммуникативного взаимодействия на основе уже сложившегося опыта.

Во-вторых, испытуемые с недостаточным уровнем языковой способности ориентированы на компенсацию нехватки понимания вербальной «канвы» коммуникации интуитивным поиском приемлемого речевого или неречевого действия.

В-третьих, выявляются изменения в характере реализации адаптационных механизмов от младших курсов к старшим. Испытуемые с полностью сформированным уровнем языковой способности не испытывают дефицитов, препятствующих коммуникации в предлагаемых кейсах, и предлагают достаточно естественные прогнозируемые сценарии развития коммуникативной логики.

В процессе дальнейшего сбора данных неизбежна корректировка, но полученные экспериментальные данные уже достаточно показательны и могут быть использованы в практике преподавания иностранного языка в вузе для грамотного планирования учебных программ. Как представляется, подобные эксперименты могут также применяться в клинической практике для сравнения групп испытуемых с когнитивными расстройствами и нормотипичными информантами.

Литература

Карданова-Бирюкова К.С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект / К.С. Карданова-Бирюкова // Вестник Московского городского педагогического университета. Гуманитарные науки. – 2021а. – № 2 (844). – С. 24–34.

Карданова-Бирюкова К.С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. ... докт. филол. наук / К.С. Карданова-Бирюкова. – М., 2021б. – 359 с.

Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95–142.

Межкультурная коммуникация в современном мире / А.В. Жукоцкая, С.В. Черненькая, С.Б. Кожевников [и др.]. – М.: МГПУ, 2018. – 100 с.

Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 304 с.

Maturana H.R. The biological foundation of self-consciousness and the physical domain of existence. *Physics of cognitive Processes* // World Scientific. – Singapore, 1987. – P. 324–379.

Maturana H.R. *Biology of Language: the Epistemology of Reality* // *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg* / Miller G.A., Lenneberg E. (Eds.). – New York: Academic Press, 1978. – P. 27–63.

Речевые нарушения при повреждении недоминантного полушария у правшей

*недоминантное полушарие, головной мозг, речевые нарушения,
просодия, дискурс, перекрестная афазия*

Одним из самых распространенных речевых нарушений у пациентов с поражением правого полушария считается апросодия, которая характеризуется утратой способности правильного использования и интерпретации ритмико-интонационных средств речи [Немов 2007: 28]. Примечательно, что сложности с распознаванием эмоционально-экспрессивной окраски высказывания наблюдаются не только при устной коммуникации, но и письменной.

В своем исследовании Векслер предпринял попытку разработать простой тест для оценки нарушений памяти, наблюдаемых у пациентов с органическими заболеваниями головного мозга. В рамках этого исследования участникам зачитывалось 2 коротких рассказа: эмоционально заряженный, касающийся болезни, и нейтральный. Участники были разделены на 3 группы: пациенты с повреждением левого полушария, пациенты с повреждением правого полушария и контрольная группа. 84 % участников с повреждением головного мозга запомнили больше элементов нейтрального текста. В целом пациенты с дисфункцией левого полушария показали менее высокие количественные показатели воспроизведения деталей рассказов, чем пациенты с поражением правого полушария головного мозга. Однако у этой группы пациентов наблюдалось меньшее искажение эмоционально окрашенных фактов, в отличие от пациентов с повреждением правого полушария [Wechsler 1973, 23, 1: 130–135]. Помимо нарушений в сфере эмоциональной просодии, также наблюдаются семантические и прагматические нарушения, которые особенно заметны при попытке интерпретации фразеологизмов, юмора, иронии. В одном из исследований Биман выдвинул так называемую гипотезу о «тонком и грубом кодировании» относительно сущности нарушений интерпретации абстрактных значений среди пациентов с повреждением правого полушария [Beeman 1993, 44, 1: 80–120].

Согласно этой гипотезе, левое неповрежденное полушарие использует «тонкое кодирование», при котором семантическая активация включает относительно небольшой набор наиболее часто встречающихся значений, обычно связанных с конкретной коммуникативной ситуацией. Напротив, правое полушарие использует «грубое кодирование», при котором активируются широкие представления о значениях лексических

единиц. К этой группе Биман относил метафорические значения, отдаленно связанные значения или менее частые значения слов. Биман и его коллеги предположили, что широкая активация лексики сохраняется в пределах правого полушария до тех пор, пока левое полушарие не выберет правильную интерпретацию (извлеченную на основе семантического и синтаксического анализа) [Eviatar 2006, 44, 12: 2348–2359].

Нарушения в обработке эмоционально значимых деталей коммуникации встречаются не только в форме вербально выраженной речи. Так, в исследовании Блондера участникам предлагали: соотнести фотографии людей и предложения с демонстрируемыми эмоциями; сравнить два изображения людей и сказать, испытывают ли они одинаковые эмоции; прослушать аудиозапись и объяснить, какие эмоции испытывал говорящий и т.д. Блондером и его коллегами было обнаружено, что среди участников с повреждением правого полушария способность к определению эмоций на основе предложений, описывающих ситуации, была сохранна. Однако суждение об эмоциональном содержании предложений, описывающих невербальные особенности коммуникации (описание мимики, жестов, просодики), было нарушено, что свидетельствует о нарушении невербальных коммуникативных репрезентаций [Blonder et. al. 1991, 114, 3: 1115–1127].

При повреждении недоминантного полушария в речи пациентов также отмечаются нарушения организации дискурса высказывания. Например, в монологической речи пациентов имеется тенденция к добавлению irrelevantных комментариев, к сосредоточению на несущественных деталях. В целом такие пациенты не способны генерировать и/или модифицировать соответствующие ментальные модели во время монологической и/или диалогической речи. Было высказано предположение, что вышеперечисленные трудности могут быть связаны с общим нарушением интеграции текущей информации с логическими выводами, получаемыми из ситуационного контекста. При этом афатическая симптоматика и общее когнитивное снижение отсутствуют [Uryase et.al. 1991, 20: 125–138]. Примером подобного нарушения речи является исследование Марини, в котором участники с нарушениями речи составляли серию рассказов на основе стимульных материалов. Рассказы, подготовленные участниками с повреждениями правого полушария, характеризовались адекватным уровнем продуктивности и лексической и грамматической композиции высказывания. Кроме того, не было обнаружено никаких групповых различий между пациентами и контрольной группой в способности воспроизводить релевантные языковые единицы с точки зрения фонологии, семантики или морфологии. Однако более стратифицированные данные выявляются в результате анализа макролингвистических и информативных аспектов производства монологического высказывания. Здесь участники с речевыми нарушениями создавали высказывания с нормальным уровнем связности речи и локальной когерентности (т.е. адекватное установление межпредметных связей, напр. род, число и т.д.), но с большим количеством ошибок глобальной когерентности и более

низким уровнем информативности (пациенты не были склонны к персеверациям, но использовали значительно больше концептуально неконгруэнтных высказываний). Это подтверждает, что подобное нарушение вызвано не микролингвистическим дефицитом, а эпифеноменом макролингвистического нарушения [Marini 2012, 33, 1: 68–78]. При повреждении недоминантного полушария также наблюдаются нарушения произносительной стороны речи, а именно возникновение дизартрии. Различные типы дизартрии могут в разной степени нарушать артикуляцию, резонирование, фонацию и мелодичность речи. Предполагается, что инсульты в правом полушарии чаще всего приводят к легкой форме дизартрии, которая зачастую является переходящей [Urban et.al. 2006, 129, 3: 767–777].

Также у правшей с поражением правого полушария наблюдается особый тип афазии, а именно перекрестный. Это явление считается достаточно редким (распространенность, предположительно, составляет от 0,38 до 3 % от всех афатических синдромов) [Kim et.al. 2013, 28, 10: 1529–1533] и подтверждает гипотезы о том, что высшие психические функции головного мозга организованы как системы, а не отдельные центры. Специалистами выделяются два основных типа перекрестной афазии: с зеркальным очагом (при повреждении правого полушария в областях, которые соответствуют типичным повреждениям левого полушария у пациентов с аналогичными типами или элементами афазии); с аномальным очагом (при повреждении левого полушария с симптоматикой правого или с очагами в правом полушарии, которые наблюдаются в областях отличных от ожидаемых). Перекрестная афазия аномального типа встречается реже (около 30 % от общего числа диагностированной перекрестной афазии). Была выдвинута гипотеза о том, что данная аномалия связана не только с особенностями генеза правополушарных повреждений, но и с атипичной латерализацией всех высших психических функций у некоторых пациентов [Alexander 1996, 55, 2: 213–239].

В заключение, правое полушарие головного мозга принимает участие в осуществлении многих высших психических функций, включая речь. При повреждении недоминантного полушария наблюдаются нарушения речи и других когнитивных способностей, непосредственно влияющих на общение. Предполагается, что синтаксис, грамматика и фонологическая обработка обычно остаются полностью сохраненными. Однако повреждение правого полушария может влиять на семантическую обработку слов, обработку дискурса, просодию и прагматику. Наиболее редким речевым нарушением является перекрестная афазия, которая объясняется частичным или полным доминированием речи в правом полушарии, возникающим у некоторых людей по определенному ряду причин (скрытая леворукость, нетипичная латерализация речевых функций и т.д.).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что речевые нарушения, возникающие при цереброваскулярных поражениях недоминантного полушария среди левшей, в настоящее время остаются интересным феноме-

ном с точки зрения клинической нейролингвистики, нейропсихологии. Более глубокое понимание патофизиологических механизмов и нейролингвистических характеристик речевых нарушений имеет большое значение для неврологов и логопедов, ищущих результативные способы диагностики речевых нарушений и эффективные подходы к реабилитации этой группы пациентов. Все вышеупомянутые моменты порождают необходимость в дальнейших исследованиях в этой области с разработкой и внедрением новых, более объективных методов, применяемых к большим группам пациентов.

Литература

Немов Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Владос, 2007. – 560 с.

Alexander M.P. Crossed aphasia and related anomalies of cerebral organization: case reports and a genetic hypothesis / M.P. Alexander, M. Annett // *Brain and Language*. – 1996. – V. 55. – № 2. – P. 213–239.

Beeman M.J. Semantic processing in the right hemisphere may contribute to drawing inferences from discourse / M.J. Beeman // *Brain and Language*. – 1993. – V. 44. – № 1. – P. 80–120.

Blonder L.X. The role of the right hemisphere in emotional communication / L.X. Blonder, D. Bowers, K.M. Heilman // *Brain*. – 1991. – V. 114. – № 3. – P. 1115–1127.

Eviatar Z. Brain correlates of discourse processing: An fMRI investigation of irony and conventional metaphor comprehension. / Z. Eviatar, M.A. Just // *Neuropsychologia*. – 2006. – V. 44. – № 12. – P. 2348–2359.

Kim W.J. Neural Substrate Responsible for Crossed Aphasia / W.J. Kim, E.J. Yang, N-J. Paik // *Journal of Korean Medical Science*. – 2013. – V. 28. – № 10. – P. 1529–1533.

Marini A. Characteristics of Narrative Discourse Processing after Damage to the Right Hemisphere / A. Marini // *Seminars in Speech and Language*. – 2012. – V. 33. – № 1. – P. 68–78.

Urban P.P. Left-hemispheric dominance for articulation: a prospective study on acute ischaemic dysarthria at different localizations / P.P. Urban, R. Rolke, S. Wicht, et al. // *Brain*. – 2006. – V. 129. – № 3. – P. 767–777.

Uryase S.D. Analysis and description of narrative discourse in right-hemisphere-damaged adults: a comparison to neurologically normal and left-hemisphere-damaged aphasic adults / S.D. Uryase, R.J. Duffy, B.Z. Liles // *Clinical Aphasiology Paper*. – 1991. – V. 20. – P. 125–138.

Wechsler A.F. The effect of organic brain disease on recall of emotionally charged versus neutral narrative texts / A.F. Wechsler // *Neurology*. – 1973. – V. 23. – № 2. – P. 130–135.

Диагностика освоения детьми категории числа существительных

*грамматическая категория числа, детская речь,
задержка речевого развития*

Освоение ребенком грамматической категории числа существительных происходит гораздо быстрее, чем других грамматических категорий, поскольку число выражается конкретным, наглядным значением. Освоение категории числа начинается с появления в речи ребенка слов «еще один» и «другой», что в будущем перетекает в конструкции «один»-«мало». При этом в русском языке есть слова, которые вызывают недоумение у детей: существительные, имеющие форму только множественного числа – Pluralia tantum (ножницы, очки, каникулы). Форма множественного числа подобных слов указывает не на количество, а на внутреннюю структуру. Это определенного рода исключение из правила, которое должен освоить ребенок: форма единственного числа закрепляется за одним предметом, форма множественного числа – за множеством.

У детей с речевыми нарушениями, в частности – с общим недоразвитием речи (ОНР), встречаются ошибки в образовании форм множественного числа. Так, например, на 1 уровне ОНР ребенок не отличает единственное число и множественное число, на 4 уровне ОНР в оформлении речи детей встречаются грамматические ошибки в употреблении падежных форм множественного числа существительного. Дети с нарушениями речевого развития сталкиваются с проблемой освоения категории числа существительных как в именительном, так и в других падежах (например, в родительном). В образовании форм множественного числа в именительном падеже дети могут допускать следующие ошибки: вместо *глаза* – *гла́зы, гла́зы́*; *стулья* – *сту́лы, стулы́*; *деревья* – *деревá, деревы́*. При образовании форм родительного падежа дети допускают следующие ошибки: использование именительного падежа вместо родительного (вместо *деревьев* – *деревы́*), использование уменьшительно-ласкательных форм существительных (*травы* – *травочки*), путаница в падежных формах (*волков* – *волках*), а также неверное образование множественного числа существительных (*вишен* – *вишне́в, медведей* – *медведях*) и т.д.

Проблема формирования лексико-грамматических категорий занимает важное место в становлении речи ребенка. С учетом постоянного увеличения числа дошкольников с общим недоразвитием речи (ряд источников указывает, что распространенность нарушений речевого развития среди детей составляет 25 %) существует необходимость создания

валидного диагностического инструмента для качественного исследования и своевременной коррекции нарушений. В школьном возрасте проблемы с речью, не выявленные и не скорректированные своевременно, отражаются на успеваемости ученика и его социализации.

Диагностические материалы для проверки освоения детьми категории числа существительными многообразны. Большинство из них рассматривают проблему с помощью логопедического подхода (Р.И. Лалаева, Н.В. Серебрякова, Л.Н. Смирнова и др.) [Лалаева 1999, Смирнова 2005] и ограничиваются лишь логопедическими альбомами, которые, в свою очередь, в большинстве случаев не стандартизированы, небольшая часть использует нейропсихологический подход (Т.В. Ахутина, Т.А. Фотекова) [Фотекова 2002]. Это выявляет актуальность нашей работы – необходимость междисциплинарного анализа специфики формирования грамматических категорий у детей с расстройствами речевого развития. Нашей задачей является разработка своего диагностического материала для выявления степени освоения числа существительного.

Литература

Лалаева Р.И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников, формирование лексики и грамматического строя / Р.И. Лалаева, Н.В. Серебрякова. – СПб.: Союз, 1999. – 160 с.

Смирнова Л.Н. Логопедия в детском саду. Занятия с детьми 6-7 лет с общим недоразвитием речи: Пособие для логопедов, дефектологов и воспитателей / Л.Н. Смирнова. – М.: Мозаика-Синтез, 2005. – 96 с.

Фотекова Т.А. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов / Т.А. Фотекова, Т.В. Ахутина. – М.: АРКТИ, 2002. – 136 с.

Резанова Зоя Ивановна
Владимирова Валерия Евгеньевна
Коршунова Ирина Сергеевна
Диброва Вероника Сергеевна
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
УДК 81`23

**Сбор, обработка и анализ психолингвистических данных:
опыт создания цифровой платформы**

*психолингвистические эксперименты, конструктор создания
экспериментов, анкетирование, время реакции*

Современная экспериментальная психолингвистика все в большей мере начинает реализовывать исследования, выстраиваемые на привлечении больших объемов данных, позволяющих на новом уровне доказательности обосновывать формулируемые гипотезы. Перестройка исследовательской парадигмы основывается на трансформации технологических решений в разработке дизайнов экспериментов и их реализации, которые позволяют вовлекать в анализ значительно большее количество эмпирических данных, стимульного материала, привлекать к экспериментам более широкий круг респондентов. Большое влияние на эту задачу оказала ситуация пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19, закрывшей возможность приглашения респондентов в лаборатории, что стимулировало исследователей к поиску новых решений в проведении экспериментальных исследований.

В докладе представлен опыт создания Универсальной цифровой платформы, интегрирующей функции подготовки, обработки, хранения и визуализации данных для решения задач междисциплинарных направлений социо-, психо-, когнитивной лингвистики, созданные в сотрудничестве команд лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета и ООО IPST.

Стимулом к ее созданию послужили потребности в интенсификации ведущихся в лаборатории исследований в области экспериментальной когнитивной психолингвистики. Основные направления исследований – выявление психолингвистических, когнитивных особенности восприятия и обработки единиц родного и второго языка (лексика, грамматика), проведение многофакторных исследований в данных и смежных предметных областях.

Работа в данных направлениях вызвала необходимость создать универсальный конструктор для реализации экспериментов (с достаточным и необходимым набором стимулов и функционала); обеспечить сбор

данных онлайн без изменения кода и возможность распространения данных через платформу или ссылку для активных научных волонтеров с возможностью регистрации.

При разработке функционала платформы мы основывались на опыте использования существующих платформ: PsychoPy [Peirce et. al. 2023], OpenSesame [Mathôt et. al. 2022], E-prime [Richard et. al. 2009], JSpsych [de Leeuw et. al. 2023], продиагностировав их функционал в предметной области психолингвистических когнитивных исследований языковых единиц. Чаще всего данные платформы используются для сбора данных. Отметим ограничения, с которыми сталкивается пользователь: различие языков программирования дизайна эксперимента и интерфейса платформы, ограничения объема собираемых данных или функционала; ограничения, связанные с необходимостью оплаты.

Нашей целью было создание универсальной платформы, решающей задачи экспериментальной психолингвистики, направленной не только на создание дизайнов экспериментов в среде платформы, их сбор и хранение, но и первичную обработку данных.

На данном этапе платформа готова в mvp (minimal viable product) версии, она открыта для тестирования по адресу: <https://front.cognilab.stage.ipst-dev.com/>.

Платформа обеспечивает возможность создать дизайн и провести анкетирование и поведенческие эксперименты с измерением времени реакции. Дополнительные возможности анкетирования включают возможность создания двуступенчатого шкалирования: например, есть возможность создать шкалу Ликерта для проверки вклада какого-то компонента в семантику стимульного слова и, если этот вклад не нулевой, проверить степень его вклада. Подобным образом собирались данные для психолингвистической базы данных (ПБД) RuTurkPsychLing [Владимирова и др. 2023]: например, если вклад компонента эмоциональность в семантику слова был нулевым (например, окно), то вторая шкала, по которой можно было определить вклад конкретной эмоциональной оценки (положительной или отрицательной) в семантику слова *окно*, оказывалась недоступной и эти данные не собирались. Это помогало затратить меньше времени участникам при прохождении эксперимента и увеличить достоверность полученных данных. Однако без платформы такие функции приходилось прописывать самостоятельно, что увеличивало затраты исследователя на подготовку и проведения эксперимента.

Исследователь, пользователь платформы, имеет возможность загрузить стимулы, задать переменные, собрать любую метаинформацию об участнике. Есть также возможность задать условия, при которых участник не может пройти эксперимент. Экспериментатор может менять статус эксперимента: черновик (то есть редактируемый документ) и опубликованный. Также задается основная информация: название, описание эксперимента.

Как только эксперимент переходит в статус «опубликованный», он становится виден всем авторизованным и неавторизованным пользователям. Преимущество регистрации на платформе для участников экспериментов заключается в том, что вся информация, которая будет заполнена в личном кабинете, автоматически заполняется при прохождении эксперимента и выбирать ее самостоятельно не будет необходимости.

В данный момент ведется работа по улучшению выгрузки результатов эксперимента для большего удобства работы с платформой.

Недостаточность функционала, выявляемая в ходе тестирования, будет преодолеваться на последующих этапах развития платформы. Ближайшей перспективой совершенствования универсальной платформы является создание единой базы данных результатов проведенных экспериментов лаборатории лингвистической антропологии, введение функционала визуализации базового статистического анализа представленных данных. Также планируется расширение спектра возможных стимульных элементов (анимация, аудиостимулы и др.) и вариаций дизайнов экспериментов, которые могут быть реализованы на платформе.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Литература

Владимирова В. Е. База данных RuTurkPsychLing как специализированный лексикографический источник: нормы оценок психофизиологического и эмоционального опыта / Владимирова В. Е., Коршунова И.С., Резанова З.И // Вопросы лексикографии. – 2023. – № 29. – С. 87–105.

de Leeuw J.R. jsPsych: Enabling an open-source collaborative ecosystem of behavioral experiments / J.R. de Leeuw, R.A. Gilbert, B. Luchterhandt // Journal of Open Source Software. – 2023. – 8(85), 5351. URL: <https://joss.theoj.org/papers/10.21105/joss.05351>. (дата обращения: 01.09.2023).

Mathôt S. Conducting linguistic experiments online with OpenSesame and OSWeb / S. Mathôt, J. March // Language Learning. – 2022. – DOI:10.1111/lang.12509

Peirce J. W. Building Experiments in PsychoPy / J.W. Peirce, R.J. Hirst, M.R. MacAskill // 2nd Edn London: Sage. – 2023. – 312 p.

Richard L. An introduction to E-Prime / L. Richard, D. Charbonneau // Tutorials in Quantitative Methods for Psychology. – 2009. – 5(2), 68–76. DOI: 10.20982/tqmp.05.2.p068

Почему дети рассуждают о языке по-разному?

детская речь, онтолингвистика, языковая рефлексия, метаязыковая деятельность, социокультурный статус семьи

Уже долгое время различные аспекты языковой рефлексии детей находятся в фокусе внимания многих отечественных (например, [Гридина 2017; Митяева 2014]) и зарубежных (например, [Tellier 2013]) исследователей. Такой интерес к данной проблематике объясняется значимостью метаязыковых процессов (одним из «продуктов» которых является языковая рефлексия) для речевого онтогенеза ребенка, что отмечается, например, в [Goldsworthy 1996] и др.

Поскольку сегодня существуют различные понимания терминов «языковая рефлексия» и «метаязыковая деятельность», считаем важным уточнить значения данных понятий в нашей работе. Нами предлагается считать языковую рефлексияю одной из разновидностей метаязыковой деятельности; в качестве основного критерия разграничения данных явлений предлагается использовать критерий вербальной эксплицированности. Так, с учетом данного критерия языковая рефлексия представляет собой исключительно вербализованные размышления индивида о языке, а под метаязыковой деятельностью мы понимаем то же, что авторы сборника [Дети 2001: 3]. Таким образом, на основании критерия вербальной эксплицированности детских рассуждений о языке как основного для проведения границ между данными явлениями к метаязыковой деятельности можно отнести словообразовательную инновацию Бори Т. *напианиниться (3,11,17) ('много, вдоволь поиграть на пианино'), а к языковой рефлексии – комментирование значения своей инновации: «Это ведь прямо первобытный лед. Ну, самый первый» (5,11,10).

Одним из аспектов изучения вербализованных рассуждений детей о языке является исследование языковой рефлексии ребенка в контексте вариативности речевого онтогенеза (например, [Доброва 2018]) (исследование языковой рефлексии детей из семей с высоким (далее – ВСС) или из семей с низким социокультурным статусом (далее – НСС) и др.). Несмотря на важность подобных исследований, сегодня данная проблематика по-прежнему является изученной не в полной мере. В связи с этим нами было проведено исследование вербализованных рассуждений о языке детей из семей с ВСС и НСС. Основными методами, использованными в исследовании, являются анализ спонтанной речи таких детей (исследование дневниковых записей и расшифровок записей речи) и онтолингвистический эксперимент, подробно описанный нами в [Трифорова 2023].

Не имея возможности подробно описать все результаты данного исследования, в данной статье остановимся на наиболее значимых и важных, с нашей точки зрения, выводах, проиллюстрировав их примерами.

В первую очередь рассмотрим данные, полученные в результате анализа спонтанной речи детей из семей с ВСС (анализ дневниковых записей детей из семей с НСС не проводился в связи со сложностью поиска таких записей). С этой целью нами были отобраны и проанализированы записи речи следующих детей из семей с ВСС: Лизы Е. (2,0,17-5,0) из [Дети 2022], Миши Т. (2,6-5,6,12) из [Детская 1993], Льва Х. (2,1,24-5,6,11) и Жени Х. (1,6,2-5,6,0) из [Харченко 2012].

Анализ дневниковых записей детей из семей с ВСС показал, что наиболее типичными для таких детей являются такие проявления языковой рефлексии, как толкования слов, комментарии-пояснения собственных инноваций, попытки установления этимологии слов, рассуждения, причиной которых является освоение грамматики. Для данных, а также для других видов языковой рефлексии, которые были обнаружены в записях речи части таких детей, оказались характерны уже в раннем возрасте 2,3-2,6 высокая степень словесной эксплицированности и многообразие выбора детьми языкового объекта для рассуждений (того или иного факта языка). Приведем два примера различных проявлений языковой рефлексии таких детей; примером спонтанного толкования слова является высказывание Льва в 3,10,27 о слове сейф: *«сейф – это такой шкаф, где хранятся ненужные вещи»* [Харченко 2012: 131], а пояснения созданной ребенком инновации – высказывание Миши Т.: *«4,7,16... Это белочные орехи, их белки едят»* [Детская речь 1993: 53].

Кроме того, у детей из семей с ВСС, согласно данным спонтанной речи, языковая рефлексия с возрастом проходит эволюцию, развиваясь не только количественно (с точки зрения увеличения степени вербализованности высказываний о языке), но и качественно (с точки зрения «углубления» рассуждений, наличия в них аргументированности, а также с точки зрения увеличения спектра анализируемых фактов языка).

Для таких детей уже в 2,6 характерны стремление грамотно говорить, следовать речевым нормам, о чем свидетельствуют как вопросы детей о тех или иных видах нормы, так и рассуждения об этом, например, вопрос Льва Х.: *Лев «О Гноме-лошади: А копытами он скОчет. Правильно говорить «скачет»?»* (2,6,29) [Харченко 2012: 59].

Итак, анализ записей спонтанной речи детей из семей с ВСС показал, что у таких детей языковая рефлексия появляется не сразу – сначала наблюдаются другие проявления метаязыковой деятельности. Для вербализованных рассуждений таких детей о языке оказался характерен ряд особенностей, позволяющих говорить о некоторых тенденциях, характерных для языковой рефлексии детей из семей с ВСС.

С целью уточнить результаты исследования, полученные в рамках исследования языковой рефлексии по материалам спонтанной речи, на сле-

дующем этапе была разработана и проведена серия экспериментов по изучению языковой рефлексии детей из семей с ВСС и из семей с НСС (предварительно дети двух групп были отобраны с помощью анкеты Г.Р. Добровой из [Доброва 2018]). Остановимся только на основных выводах исследования, частично подтвердившихся статистически; подробно с данным этапом исследования можно ознакомиться в [Трифонова 2023].

Экспериментальное исследование языковой рефлексии детей из семей с ВСС и из семей с НСС позволяет сделать следующие выводы: по сравнению с детьми из семей с НСС для детей второй группы в большей степени характерны как предпосылки языковой рефлексии (их формирование протекает примерно до 4 лет), так и сама языковая рефлексия, проявления которой наблюдаются у таких детей раньше (примерно к 4 годам), чем у детей из семей с НСС. Обратимся к другим важным результатам исследования: 1) спонтанные вербализованные рассуждения о языке детей из семей с ВСС не только более разнообразны, но и более многочисленны, чем у детей из семей с НСС; 2) ВСС влияет на способность ребенка вербализовывать цель исправления ошибок в речи окружающих индивидов, а также на особенности формулирования толкований слов (подтвердилось методами математической статистики).

Данные экспериментального исследования подтверждают ряд выводов об особенностях языковой рефлексии детей из семей с ВСС, полученных в результате анализа спонтанной речи таких детей: проявления языковой рефлексии детей из семей с ВСС не только разнообразны с точки зрения языковых явлений, выбираемых ребенком для комментирования, но и многочисленны. Языковая рефлексия таких детей наблюдается очень рано, «дополняя» другие более ранние проявления метаязыковой деятельности. Вербализованные рассуждения таких детей о языке развиваются по двум направлениям: с возрастом они все больше «разворачиваются» словесно, а также «углубляются» качественно (с точки зрения появления в рассуждениях аргументации, увеличения ее развернутости, а также увеличения количества анализируемых языковых явлений). Кроме того, дети из семей с ВСС уже в раннем возрасте интересуются различными речевыми нормами, стремятся им следовать, обращая внимание на ошибки в речи окружающих.

Итак, по данным экспериментального исследования наиболее склонными к языковой рефлексии являются дети из семей с ВСС по сравнению с детьми из семей с НСС. Дети из семей с НСС, в свою очередь, являются уязвимой группой (с учетом незначительного количества у таких детей проявлений языковой рефлексии, а также с учетом времени появления как предпосылок вербализованных рассуждений о языке, так и времени появления непосредственно языковой рефлексии). На основании данного вывода, а также с учетом важности вербализованных рассуждений о языке для речевого развития любых детей педагогам и родителям

в первую очередь следует уделять внимание развитию языковой рефлексии именно у детей из семей с НСС.

Таким образом, результаты комплексного исследования, проведенного как с использованием материалов спонтанной речи детей, так и методом онтолингвистического эксперимента, подтверждают полученные Г.Р. Добровой [Доброва 2018] данные том, что проявления языковой рефлексии не одинаковы у всех детей и характерны для детей в разной степени, а также о том, что особенности детских вербализованных размышлений о языке связаны с групповой принадлежностью ребенка (ВСС или НСС).

Литература

Гридина Т.А. Детский вопрос как форма лингвокреативного мышления / Т.А. Гридина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1(69). – С. 148–153.

Дети о языке: метаязыковая деятельность и языковая рефлексия: учебное пособие / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина, Л.Н. Галлактионова, Т.А. Трифонова, М.П. Итальяни (Ташман). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. – 243 с.

Дети о языке: Приложение № 2 к трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина. – СПб.: Союз, 2001. – 144 с.

Детская речь. Тексты, дневники, наблюдения: учеб. материалы. Вып. 1 / Сост. М.Д. Воейкова, М.Б. Елисеева. – СПб.: Образование, 1993. – 142 с.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей / Г.Р. Доброва. – М.: Языки славянской культуры, 2018. – 264 с.

Митяева А.П. Экспериментальное исследование особенностей восприятия детьми-билингвами лексического значения слов с прозрачной внутренней формой / А.П. Митяева, Н.Г. Фурман // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 472.

Трифорова Т.А. Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам экспериментального исследования) / Т.А. Трифонова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2023. – Т. 165, кн. 3. – С. 105–118.

Goldsworthy C.L. Developmental reading disabilities: A language based treatment approach / C.L. Goldsworthy. – San Diego: Singular Publishing Group, 1996. – 301 p.

Tellier A. Metalinguistic awareness in children with differing language learning experience / A. Tellier, K. Roehr-Brackin // Eurosla Yearbook. – 2013. – № 13. – P. 81–108.

Влияние шизофрении на лексический уровень языка

*лексические особенности, шизофрения, речь,
машинное обучение*

Введение

Шизофрения – это хроническое психическое расстройство, которое выражается как комбинация психотических симптомов – таких как галлюцинации, бред и дезорганизация когнитивных функций [Kahn и др. 2015:1]. У многих пациентов с диагнозом шизофрении обнаруживаются нарушения речи. На лексическом уровне выделяют трудности с поиском слов, приближение слов, то есть использование сходных по значению с нужным, или же описывающих предполагаемое значение [McKenna 1994: 14], использование авторских неологизмов [Covington и др., 2005, 77:93], а также использование негативной лексики чаще, чем в группе нормы, в том числе при описании положительных ситуаций [Minor и др. 2015, 64: 77]. Однако стоит отметить, что большинство исследований шизофренической речи проводились на английском языке (поэтому есть необходимость установить, насколько эти выводы применимы к русскому языку) и, зачастую, без использования машинного обучения. Цель нашего исследования – написание модели, способной предсказать по речи, здоров человек или страдает от психического расстройства.

Методы и материалы

Для исследования были отобраны рассказы об истории из жизни из корпуса 3D [Khudyakova и др. 2023, 18: 32]. В качестве личных историй были собраны ответы на вопросы «Какой самый лучший или запоминающийся подарок вам подарили?» и «Расскажите о своем лучшем или самом запоминающемся путешествии». Были отобраны аудиозаписи 84 человек, не находящихся на психиатрическом лечении (67 женщин, средний возраст – 28,7, SD – 10,8) и 35 пациентов психиатрической клиники (31 женщина, средний возраст – 24 года, SD – 6,5) с расстройствами шизофренического спектра. Полученные аудиофайлы были автоматически расшифрованы при помощи модели "stt_ru_conformer_ctc_large" и позже обработаны. В результате были сформированы два корпуса: с речью экспериментальной группы (3417 токенов) и с речью группы нормы (15978 токенов). Также было подсчитано соотношение частей речи для каждого из корпусов при помощи сайта sketch engine. Для создания списка позитивных и негативных слов использовалась модель "word2vec-ruscorpora-

300”, предобученная на национальном корпусе русского языка. Для определения наличия или отсутствия шизофрении были использованы 4 модели (Logistic Regression, Random Forest Classifier, Linear Discriminant Analysis, Support vector machine), у которых были подсчитаны accuracy, точность и полнота. Для Random Forest Classifier подбор гиперпараметров осуществлялся при помощи GridSearchCV, который находит наилучшие параметры путем перебора. Далее выбрано 3 модели с лучшими гиперпараметрами.

Результаты

В среднем рассказ пациента составляет 97 слов, в то время как рассказ здорового человека – 190 слов, что означает, что рассказ пациента в среднем практически в два раза меньше. Кроме того, стоит также отметить, что в 11.4% случаев респондентам из группы пациентов требовался дополнительный стимул к продолжению истории (наводящий вопрос от тестировщика), когда для группы нормы этот показатель составляет всего 3.6%, что в три раза меньше.

Количество ошибок в группе нормы в среднем 1.25 ошибки на монолог, из них 60% фальстарты. Результаты для экспериментальной группы: в среднем 2.3 ошибки на монолог, человек допускает от 1 до 5 ошибок, причем в одном монологе встречаются ошибки разных типов. Из всех ошибок 78.6% фальстарты.

Соотношение различных частей речи в здоровом и шизофреническом дискурсах в целом совпадают, различия в их соотношении составляют от 0 до 2%. Так, местоимения встречаются в речи пациентов на 2% чаще, чем у здоровых людей. Это можно объяснить тем, что, испытывая трудности с поиском слов, пациент заменяет их местоимениями, например, *сенсорный этот* вместо *сенсорный плеер*.

Различные способы преодоления нарушения лексического поиска при шизофрении, такие как аппроксимация, неологизмы, а также использование описательных конструкций вместо одного слова, в нашем исследовании практически не наблюдались. Так, встретились всего два примера аппроксимации: *сильная коробка* в значении ‘крепкая’, *ландшафт зданий* в значении ‘архитектура/внешний вид зданий’. Также присутствуют два случая использования описательных конструкций: *место, где ходят корабли* в значении ‘порт’ и *точка, где мы прожили* в значении ‘отель’. Стоит также отметить довольно необычную *метафору появления фотоаппарата в моей жизни ну не знаю как солнце восстало*. Авторских неологизмов зафиксировано не было.

Для каждой группы было подсчитано общее количество и процент слов позитивной и негативной лексики.

Процент позитивной лексики равен среди групп, но процент негативной лексики выше в группе пациентов, что соответствует данным исследования K. S. Minor [Minor и др. 2015, 64: 77].

Все вышеперечисленные данные были использованы для построения моделей. В таблице 1 представлены модели с тремя метриками: ассигасу, точность и полнота.

Таблица 1

Модели для предсказания наличия или отсутствия шизофрении

Модель	Accuracy	Точность	Полнота
Logistic Regression	0.85	0.82	0.64
Random Forest (n_estimators = 200, max_depth = 12)	0.85	0.77	0.71
Random Forest (n_estimators = 200, max_depth=48)	0.85	0.77	0.71
Random Forest (n_estimators = 25, max_depth = 24)	0.85	0.73	0.79
Linear Discriminant Analysis	0.85	0.77	0.71
SVM	0.85	0.77	0.71

В данной работе наиболее важно получить высокую полноту, так как очень важно всем людям, страдающим шизофренией, предсказать, что у них действительно есть расстройство. Так, модель Random Forest с гиперпараметрами n_estimators=25 и max_depth=24 показала наибольшее полноту, поэтому данная модель является наиболее подходящая для нашего анализа.

Обсуждение

Выборка пациентов несбалансированная и недостаточно объемные, так как поиск большого количества респондентов для исследования психических расстройств сопряжен с определенными трудностями, поэтому необходимо в дальнейшем проверить результаты на гораздо большей выборке.

Заключение

Было выявлено, что речь экспериментальной группы в среднем в два раза короче, при этом вероятность появления речевых ошибок в два раза больше. Кроме того, люди с шизофренией чаще использует негативную лексику, что может быть объяснено тем, что порой для пациентов с шизофренией обработка контекста составляет трудности [McKenna 1994:14], существует вероятность, что при задаче рассказать о позитивном событии, человек начнет рассказывать о негативном опыте. Эти данные были использованы для построения моделей. Модель Random Forest (n_estimators=25, max_depth=24) показала самую высокую полноту, то есть она наиболее точно определяет людей, страдающих психическими расстройствами.

Таким образом, была показана потенциальная возможность автоматического определения наличия диагноза исходя из лексических особенностей речи.

Литература

Covington M.A. и др. Schizophrenia and the structure of language: the linguist's view // Schizophrenia research. – 2005. – Т. 77. – №. 1. – С. 85–98.

Kahn R.S и др. Schizophrenia //Nature Reviews Disease Primers. – 2015. – Т. 1.

Khudyakova M. и др. Discourse Diversity Database (3D) for Clinical Linguistics Research: Design, Development, and Analysis // Revista de Estudos do Discurso. – 2023. – Т. 18. – №. 1. – С. 30–53.

McKenna P.J. Schizophrenia and Related Syndromes / P.J. McKenna // Oxford University Press, Oxford. – 1994.

Minor K.S. и др. Lexical analysis in schizophrenia: how emotion and social word use informs our understanding of clinical presentation // Journal of psychiatric research. – 2015. – Т. 64. – С. 74–78.

Паремиологические единицы как субтест для определения уровня языковой компетенции у детей и подростков с типичным развитием и с речевыми нарушениями: пилотный эксперимент

*паремиологические единицы, пословицы, поговорки,
интерпретация, детская речь*

Цифровизация и доминирование визуальных стимулов над речевыми приводят не только к общему снижению функциональной грамотности у детей, но также и к недостаточной сформированности вербального мышления. Единицы с переносным планом представляют собой уникальный инструмент для оценки сформированности вербального мышления и уровня владения языком.

В Казанском федеральном университете реализуется проект, направленный на анализ специфики восприятия паремиологических единиц детьми и подростками, обучающимися в общеобразовательных школах, а также в учебных заведениях с углубленным изучением математических, естественнонаучных и гуманитарных дисциплин (в лицеях и гимназиях). Конечной целью проекта является формирование паремиологических минимумов, ранжированных по возрастам, а также создание на основе валидных единиц диагностического инструмента для детей с речевыми нарушениями.

Первый этап исследования – формирование базы данных паремий на основе существующих лингвистических источников и уже сформированных паремиологических минимумов (в литературе представлены такие базы данных для взрослых [Лайкова 2022, 2023], но актуальных баз для детей и подростков нет, есть данные только по набору идиом [Елисева 2017]).

Второй этап – лингвистическая валидация первичной базы, выявление стимульных единиц, наиболее ясных для учащихся с учетом их профиля обучения. Третий этап – апробация полученного стимульного материала в группах детей и подростков с общим недоразвитием речи / системным недоразвитием речи.

Проект является мультирегиональным, что дает возможность получить объективные данные во всероссийском масштабе и в дальнейшем использовать базу данных паремиологических единиц для детей и подростков как в образовательных целях, так и в диагностически-коррекционных. Источников, в которых содержатся пословицы и поговорки, специально отобранные для детей, достаточно много. Однако нет данных о том,

насколько удачно и верно дети определенных возрастов интерпретируют данные единицы, равно как нет данных и о частотности этих единиц.

Нами проведен пилотный эксперимент по исследованию уровня и специфики интерпретации единиц из учебника по родному русскому языку за 5 класс под редакцией О.М. Александровой [Русский 2019] учениками шестых классов. Были отобраны 3 единицы, часто встречающиеся в иных учебных пособиях, 3 единицы, содержащие редкую лексику, 4 единицы, которые можно отнести к редко употребляемым. Выборка эксперимента составила 300 детей, учеников 6 классов школ с русским языком обучения: 100 человек из школ без углубленного изучения отдельных предметов – группа 1; 100 человек из лицеев, математических и естественно-научных классов общеобразовательных школ – группа 2; 100 человек из гимназий – группа 3.

Таблица 1

Результаты пилотного эксперимента

Пословица	Группа 1, % верных интерпрета- ций	Группа 2, % верных интерпрета- ций	Группа 3, % верных интерпрета- ций
1. Пуганая ворона и куста боится.	73 %	79 %	81 %
2. Цыплят по осени считают.	66 %	72 %	69 %
3. Синица в руках лучше журавля в небе.	88 %	92 %	93 %
<i>4. Худой мир лучше доброй брани.</i>	56 %	61 %	63 %
<i>5. Слово не обух, а от него люди гибнут.</i>	61 %	58 %	62 %
<i>6. Где сосна выросла, там она и красна.</i>	44 %	52 %	48 %
<i>7. Авось да небось – родные братья, оба лежни.</i>	22 %	39 %	42 %
<i>8. Какова березка, такова и отростка.</i>	66 %	72 %	69 %
<i>9. Чужбина – калина, родина – малина.</i>	23 %	32 %	36 %
<i>10. Ржа в железе, а неправда в человеке не утаится.</i>	59 %	53 %	58 %

По процентам верных трактовок можно заметить, что из частотных единиц к валидным на предварительном этапе может быть отнесена только одна: *«Синица в руках лучше журавля в небе»*, и то с учетом достаточно невысокого процента верных интерпретаций в школах без углубленного изучения отдельных предметов.

Интерес представляют невысокие результаты по единице *«Цыплят по осени считают»* – вероятно, они обусловлены городской средой, в которой выросли дети, поскольку налицо непонимание не то что переносного, но даже прямого значения данной единицы.

Необходимо отметить, что количество рассуждений, в том числе с опорой на второстепенные признаки, на заданную тему доминирует у учеников-математиков и естественников: *«осенью-то уж, наверное, там не цыплята, курицы или петухи»*, *«точно ли осень – время счета цыплят, я не уверен»*. У гуманитариев наблюдается тенденция отвечать пословицей на пословицу, при этом в ряде случаев неверной: *«людей по одежке судят, а цыплят по осени считают»*, *«это то же, что дареному коню в зубы не смотрят»* (вероятно, это обусловлено влиянием обобщенно-личной конструкции, которой представлена данная поговорка).

Что касается группы единиц с редкой лексикой, то необходимо отметить, что затруднения вызывали именно данные единицы. *Брань* в большинстве случаев воспринималась детьми как ругань и тем самым порождала неверные трактовки (допустим, *«худой мир лучше, чем когда ругаются»*). *Обух* вызывал затруднения, часть респондентов в анкете прямо отвечала *«не знаю, что такое обух»*. *Взросла* в ряде случаев интерпретировалась не как глагол, а как краткое прилагательное (по аналогии с *красна*), при этом единица *красна* в случае неверных толкований редко воспринималась как *красива*, преимущественно как цвет, что порождало неадекватные трактовки (допустим, *«взрослая сосна красная»*).

Единица *«Какова березка, такова и отростка»* в целом интерпретирована достаточно неплохо, однако 16 учеников в целом отметили «ошибку» в слове *«отростка»* (исправление на *«отросток»* либо *«нет такого слова»*). *«Ржа в железе, а неправда в человеке не утаится»* является единственной единицей, которая была трактована верно большим количеством учеников общеобразовательных школ, причем, что интересно, преимущественно за счет игнорирования ими первого компонента (не поняв его, дети сразу начинали объяснять второй).

«Авось да небось – родные братья, оба лежни» – единица вызвала системные затруднения и неадекватные интерпретации. Самой сложной необходимо признать единицу *«Чужбина – калина, родина – малина»*, получившую наибольшее количество ложных, искаженных интерпретаций (например: *«на чужбине растет калина, на родине малина, еще где-то еще что-то, везде не пропадешь, что-то повешь»*).

Литература

Елисеева Н.Н. Восприятие идиом русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника / Н.Н. Елисеева // Филология и культура. Philology and Culture. – 2017. – № 4 (50). – С. 16–21.

Лайкова Ю.В. Принципы отбора синтаксических конструкций с переносным значением для формирования инструмента оценки когнитивных функций / Ю.В. Лайкова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164. – № 1–2. – С. 197–212.

Лайкова Ю.В. Создание базы данных паремиологических единиц для нейрокогнитивного тестирования / Ю.В. Лайкова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 2 (72). – С. 76–82.

Русский родной язык. 5 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [О.М. Александрова и др.]. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2019. – 176 с.

Метафора как механизм саморегуляции при стрессе у беременных (на примере дискурсивной метафоры *pregnancy is a journey*)

*дискурсивная метафора, метафора путешествия,
дискурс беременных, механизм саморегуляции, стресс*

Беременность – естественная часть жизненного цикла женщины, сложный, многоаспектный феномен, рассмотрение которого требует привлечения данных нескольких дисциплин для понимания всех физиологических, психологических, эмоциональных и социальных перемен, которые он приносит в жизнь женщины.

С одной стороны, эти перемены дают возможность для самопознания и внутреннего преобразования. С другой стороны, беременность может рассматриваться как потенциальное кризисное состояние, оказывающее негативное влияние на психическое здоровье будущей матери [Raphael-Leff 2009].

Современное восприятие беременности сформировалось благодаря достижениям и изменениям в различных областях жизни общества. Изменения, произошедшие в медицине, общественной мысли, культуре в XVIII и XIX вв. запустили ставшими сегодня нормой тенденции к более ответственному вынашиванию (*mindfulness approach*) и акцентуации эмоционального и психологического здоровья беременной женщины и нерожденного ребенка. Все эти изменения нашли свое отражение и в метафорическом языке англоязычного дискурса беременных.

Взросшая степень ответственности и высокие ожидания со стороны общества становятся тяжелой ношей для женщины, что может приводить к появлению депрессивных и тревожных расстройств в пренатальный период. Исследователи отмечают, что до 20 % беременных женщин могут страдать депрессией [Prevalence 2012: 90].

Один из наиболее эффективных немедикаментозных способов борьбы со стрессом и его профилактики являются межличностная терапия и психологические вмешательства с целью коррекции субъективных взглядов человека. Подобные меры позволяют снизить показатели депрессии до 68,7 % [A pilot 2013: 13].

В теории психотерапии отмечается, что важную роль в борьбе со стрессами занимает механизм саморегуляции, при котором сначала происходит оценка ситуации, а затем запускаются так называемые коупинг-стратегии. Они делятся на два типа: с фокусом на действии и с фокусом на эмоциях. Второй вариант подразумевает изменение реакции на событие и является основным способом борьбы со стрессом, т. к. эмоции как

адаптационный механизм обладают наибольшей гибкостью [Smith 1990: 289–291].

Метафорическое конструирование занимает центральное место в когнитивном подходе в психотерапии и используется для концептуализации ситуации и раскрытия ее альтернативных пониманий [Корр 1998; Нагорная 2021]. В психотерапии нарастает тенденция к рассмотрению субъекта в рамках воплощенного и энактивированного познания и экологической теории восприятия. Изучение субъекта не ограничивается только его телом; важным фактором является познание объективной реальности путем активной интеракции с ней и использования возможностей (аффордансов), предоставляемых для различного рода взаимодействий.

Путем расширения автогенной метафорической репрезентации ситуации у человека формируется аутопластическая картина (понимание совокупности субъективного интрацептивного состояния организма и / или психики). Картина складывается из оценки внешних обстоятельств, соматических и эмоциональных ощущений, культурного кода, мотивации, индивидуального опыта и других факторов [Тхостов 2002: 27–28].

Анализ индивидуальных метафорических репрезентаций дает понимание о представлениях индивида. В современном англоязычном дискурсе беременных особое место занимает дискурсивная метафора *pregnancy journey*. Когнитивная модель путешествия прекрасно подходит для описания периода гестации и дает возможность для расширения за счет комплексности представлений о перемещении из одной точки в другую.

Метафора *pregnancy journey* отличается концептуальной проработанностью и иногда получает весьма интересные расширения. В качестве материала в исследовании были использованы интернет-блоги и мемуарная проза женщин, ставших матерями и желающих поделиться своим опытом.

С точки зрения общей концептуальной картины, сама беременность репрезентируется лексическими единицами одного семантического ряда: «дорога», «путь», «тропинка», «путешествие»: *'road to becoming a parent', 'path to parenthood', 'trip', 'journey', 'easy ride'*. Этот сценарий допускает профилирование разных аспектов путешествия. Одним из таких аспектов является скорость путешествия, которая может быть высокой или низкой в зависимости от эмоционального восприятия своего состояния: *I've moved (very slowly!) through my pregnancy journey; Overall, this whole pregnancy journey has been a rollercoaster but the ups far outweigh the downs*. Профилированию могут подвергаться фазы путешествия. Так, у путешествия всегда есть начало и конец. В данном контексте путешествие к материнству начинается с теста на определение беременности, а заканчивается родами: *My journey to motherhood began like most of you. I looked down at a pregnancy test and saw a positive sign; It's been a long, long journey to get to this point, but little by little I'm starting to believe that this is actually happening and my boy and I are finally going to be parents*.

Путешествие разделяется на отрезки или этапы – trimestры, прохождение которых является важной вехой путешествия: *When the dust settled on my first trimester, I had gained sixteen pounds.*

Самоидентификация – концептуально важный элемент в метафорической развертке ситуации. Беременная женщина может стать воином, которому нужно пройти трудный путь и преодолеть препятствия (*adopt a warrior's mentality and cope with my harrowing journey*), путником, вернувшимся домой после долгого путешествия (*I recount the birth like a wanderer returned from a long voyage*), судном, которое перевозит ценный груз (*carrying precious cargo, carrying a new life*).

В метафорической картине путешествия выделяется подсистема перемещения по воде, где репрезентация передвижения возможна через предикаты *sail, navigate, float*. Беременная женщина ассоциируется с судном (*In the toilets on the way out, the women steer around each other like ocean liners*) или капитаном такого судна (*And then it was as if the synapses in my brain sending exploratory signals to my uterus finally made contact. Aye, mate, is it a go down there? Yes, yes, Captain, we're full steam ahead!*). Токсикоз в рамках этого сценария может представлять перед нами в виде проблемного транспортного средства (*Then I drove to my homeopath's office grumbling about what a bummer it is that I can't wear scent without feeling like I am on a capsizing catamaran*) или многотонной водной массы (*I cannot drive to the store without having to slow the car to twenty in a fifty-mile-per-hour zone, without pulling over at a gas station to let the ocean of nausea subside*).

Создание столь развернутой метафорической картины-репрезентации позволяет беременной женщине прибегнуть к самотерапии. Метафора дает возможность концептуализировать представление о ситуации с помощью уже имеющегося жизненного опыта, найти свое место в данной концепции (самоидентификация), трансформировать и скорректировать видение ситуации, сменив его на более позитивное, инактивировать метафоры в языке и выработать дальнейший план действий.

Литература

Нагорная А.В. Использование метафор в психотерапевтической практике / А.В. Нагорная // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. – № 4. – С. 97 – 120 DOI: 10.31249/ling/2021.04.04

Тхостов А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.

A pilot randomised controlled trial of cognitive behavioural therapy for antenatal depression / A. Burns, H. Mahen, H. Baxter [et al.] // BMC Psychiatry. – 2013. – Vol. 33(2013). – P. 13–33.

Prevalence and determinants of common perinatal mental disorders in women in low- and lower-middle-income countries: a systematic review /

J. Fisher, M. Cabral de Mello, V. Patel [et al.] // Bulletin of World Health Organization. – 201. – 139 p.

Kopp R.R. Metaphoric Language, Metaphoric Cognition, and Cognitive Therapy / R.R. Kopp, J.M. Crow // Psychotherapy. – 1998. – Vol. 35 (3). – P. 306–311. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0087795>

Raphael-Leff J. Psychological Processes of Childbearing. 4th edn. / J. Raphael-Leff. – London: Anna Freud Centre, 2009. – 736 p.

Smith C.A. Emotion and adaptation / C.A. Smith, R.S. Lazarus // L.A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research*. – The Guilford Press, 1990. – P. 609–637.

Различия в движениях глаз при выполнении задач на поиск букв у детей с разным уровнем развития навыка чтения

дислексия, задачи на поиск букв, айтрекинг, обработка визуальной информации, навыки чтения, внимание, функциональное поле зрения

Дети с разным уровнем сформированности навыка чтения демонстрируют разную скорость обработки информации, точность прочтения текстов и когнитивные стратегии. В исследовании приводятся результаты анализа особенностей движения глаз при выполнении заданий на поиск букв в лексическом и сублексическом окружении. Задача поиска определенной графемы респондентами приближена к реальным условиям, поскольку в ходе изучения языковых дисциплин учащиеся регулярно сталкиваются с задачами поиска тех или иных орфограмм в учебных текстах или с задачами самопроверки (то есть ошибок в собственных текстах), что особенно важно для детей с дизорфографией, регуляторной дисграфией и другими трудностями обучения. Ранговый корреляционный анализ показал, что уровень развития навыков чтения связан с эффективностью поиска конкретных элементов в определенном контексте. Кроме того, длительность и количество фиксаций взгляда на искомым единицах в списке букв не всегда были связаны с количеством правильных ответов, что свидетельствует о сложном процессе зрительного внимания в ходе выполнения поисковой задачи. Было замечено, что фовеальное зрение не всегда обязательно для выполнения поисковых задач у детей с нормально развитым уровнем навыка чтения.

В исследовании также изучались концепция функционального зрительного поля и то, как окружение искомым элементов влияют на механизмы внимания, задействованные в зрительном поиске. В целом данное исследование позволяет получить сведения о взаимосвязи между навыками чтения, вниманием и обработкой визуальной информации, что способствует пониманию читательских стратегий у детей с дислексией и созданию новых методов скрининга детей с дислексией в дальнейшем.

В исследовании приняли участие 49 детей, из них 22 девочки и 29 мальчиков в возрасте от 8 лет 7 месяцев до 11 лет 7 месяцев (среднее значение = 9 лет 11 месяцев; медиана = 9 лет 10 месяцев; SD = 10,7). Из них 15 были второклассниками (средний возраст – 8 лет 11 месяцев), 18 - третьеклассниками (средний возраст 9 лет 10 месяцев) и 16 - четвероклассниками (средний возраст 10 лет 10 месяцев). У них не было диагно-

стированных неврологических заболеваний (со слов родителей), нарушений зрения и слухового анализатора. Участники были из обычных казанских начальных школ, их семьи имели средний социально-экономический статус. Родители всех детей дали информированное согласие на участие в исследовании. Казань – двуязычный регион, поэтому было вполне ожидаемо, что некоторые респонденты являются билингвами (18 детей из 49). Однако язык обучения у всех – русский, и, согласно данным опроса родителей, русский язык является для всех доминирующим.

Письменные формы информированного согласия были подписаны родителями или законными представителями детей; дети также дали устное согласие на участие.

Оценка навыков чтения проводилась с помощью единственного доступного стандартизированного теста для оценки навыков чтения у русскоязычных детей: Стандартизированной методики исследования навыков чтения (СМИНЧ) на русском языке [Корнев 2010].

Невербальный интеллект оценивался с помощью цветных прогрессивных матриц Равена [Равен и др. 2012]. Кроме того, мы исследовали движения глаз участников во время выполнения задания на поиск букв в тексте и списке букв. В качестве стимульного материала использовался текст с уровнем читабельности 39 % (для 3-4 классов) и список букв, выводимый на экран. Дети читали текст дважды: при первом чтении перед участниками не ставилась задача найти букву, при втором – найти все буквы Д.

После первого чтения текста участникам сообщалось, какое задание им будет предложено выполнить при втором чтении текста. Это позволит нам проанализировать, как меняются стратегии движения взгляда у детей с разными навыками чтения, когда перед ними ставятся разные задачи во время чтения. Текст содержал 440 знаков, 73 пробела, 342 буквы, 69 слов, 8 предложений; нет слов с более чем 4 слогами, 69 слов до 4 слогов, в среднем 8,63 слова на предложение, в среднем 2,12 слова на предложение. Количество знаков с пробелами в тексте и списке букв совпали (440 знаков). Респондентам было предложено найти в тексте и в списке букв букву Д, количество которых также совпадало и было равно 8. Детям читался отрывок из рассказа Л.Ф. Воронковой «Как украшали елку». Текст был адаптирован под задачи исследования: для того, чтобы количество искомых букв в тексте и списке слов совпадало, мы убрали две лексемы, содержащие эти буквы, не меняя смысла предложения. 80 % лексики текста входит в список 5000 наиболее частотных слов русской детской литературы. Частотность двух существительных составила менее 6 ипм: горница (ipm - 5,4), пригоршня (ipm - 2,6).

Мы подробно рассмотрели характеристику частотности лексем в тексте, так как высокая частотность большинства лексем в тексте создает условия для реализации алгоритма прямого доступа. Читатели используют две стратегии: при чтении низкочастотных слов происходит фоноло-

гическое рекодирование, а чтение высокочастотных слов реализуется холистически. Поскольку высокочастотные единицы воспринимаются читателем целостно, мы предполагаем, что поиск единиц в лексическом окружении будет затруднен для нормотипичных читателей (по сравнению с поиском единиц в списке букв), которые с меньшей вероятностью будут прибегать к фонологическому рекодированию. Задача по поиску буквы в списке букв не предполагает прямого доступа, так как контекст исключен.

Задание на поиск определенной буквы среди других представляет собой модифицированный тест Бурдона-Вирсмы [VanderVen 1989]. Стимульным материалом для респондентов стал список букв, отображаемый на экране. Количество символов с пробелами в списке букв было равно количеству символов в тексте (440). Список содержал 8 букв Д и 8 букв Л, а также другие буквы русского алфавита. Все буквы были расположены в случайном порядке в виде строк. Количество искомых букв Д также было одинаковым (8). Количество оптически сходных букв в списке букв также совпадало с количеством букв Д.

Движения глаз регистрировались с помощью оборудования EyeLink 1000 Plus (SR Research), частота дискретизации 1000 Гц. Информатор сидел на расстоянии 70 см перед 22-дюймовым экраном (1920 x 1080). Движения глаз обрабатывались с помощью программы DataViewer (SR Research). Эксперимент проводился с помощью программы ExperimentBuilder.

Мы провели анализ показателей уровня навыка чтения и некоторых аспектов глазодвигательной активности у детей, выполняющих задание на поиск буквы в разных средах (текст и список символов), а также уровня успешности выполнения поискового задания. Результаты анализа показали, что дети с более развитым навыком чтения успешнее находили искомую единицу в списке символов, чем дети с дислексией и группа риска.

Следующим этапом анализа может стать изучение не только фиксаций на интересующих областях, но и фиксаций на областях, близких к интересующим, так как, согласно исследованиям, периферическое зрение также задействовано в задаче поиска. Дисперсионный анализ показал, что дети с дислексией дольше и чаще фиксируют взгляд на интересующих их областях по сравнению с детьми из группы риска и группы с нормальными навыками чтения, однако количество правильных ответов на вопрос о количестве заданных единиц в списке букв у них ниже.

При выполнении поискового задания важно окружение искомой единицы. Вероятно, это связано с тем, что семантическая активация является не только автоматическим процессом, но и подвержена влиянию регуляторных функций [Корнеев и др. 2020], уровень развития которых также зависит от уровня сформированности навыка чтения. Необходимо изучить взаимосвязь между программирующими и контролирующими функциями и способностью выполнять поисковые задания в разных лексических и сублексических средах.

Литература

Корнев А.Н. Методика диагностики дислексии у детей: методическое пособие / А.Н. Корнев, О.А. Ишимова. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. – 70 с.

Корнеев А.А. Исследование движений глаз у младших школьников с разным уровнем развития навыка чтения / А.А. Корнеев, Е.Ю. Матвеева, Т.В. Ахутина // Физиология человека. – 2020. – Т. 46. – № 3. – С. 5–14.

Равен Д. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. / Д. Равен, Д. К.Равен, Д. Корт // Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. – М.: Когито-Центр, 2012.

Van der Ven A.H. Het geheim van de Bourdon-Wiersma test ontraadseld? [The secret of the Bourdon-Wiersma test unraveled?] / A.H. Van der Ven, J.C. Smit // Nederlandstijdschrift voor de psychologie en haargrensgebieden. – 1989, 44. – P. 260–270.

A self-adaptive mobile videogame for improving the reading skill in dyslexia

dyslexia, mobile videogame, adaptive algorithm

The problem of developing methods for enhancing reading skills in children with dyslexia remains relevant due to the lack of a unified approach to understanding and classifying this reading impairment [Game-Based 2022]. Dyslexia is connected with the problem in the language-based processing functionality of a person, which affects ability to spell and recognize words, phonology, and short-term memory [Arnab 2017]. In addition to these problems, very often dyslexics experience psychological barriers such as a lack of motivation since their reading errors are persistent. To solve this problem game-based interventions have been used to attract people to specific tasks [Game-Based 2022], as today video game industry serves not solely for the people entertainment, but also optimizes different fields from medicine and special education to public security [An Approach 2021].

Existing literature shows a lot of evidences and examples that prove that the core advantage of videogames in special education lies in enhancing motivation and involvement which reduces frustration and anxiety caused by an inability to read [Game-Based 2022]. However, few investigations have focused on development of a such video game for children suffering dyslexia in the Russian language. Several single cases developed game-based interventions, but such applications do not process individual features of dyslexia manifestation and do not adapt correction exercises for them. Thus, the aim of current study is to create a mobile videogame with adaptive algorithms to facilitate technical side of reading in letters recognition.

In accordance with the educational and medical principles explained above, we have designed and implemented mobile video action game for children with dyslexia. The goal is engaging young dyslexic users, aged 8-12 years approximately. The core genre of this game is runner. During running obstacles are represented by starships, barriers and graphically similar Russian letters by V.G. Ananiev [Лалаева 2002]. The game has two types of bonuses: a shield that protects against collisions and a star that open mini-games. These mini-games are given by deadline conditions (7 seconds), this time is insufficient for completing the task with a given stimuli. We hypothesized that such limited amount of time for solving a task would provoke an insight by incubation period.

In the range of mini-games, there is the pseudo-words game, the count game, the word game, the dot game, the sound game, and the sentence game. In the dot game the flow of reading is modeled by the sequence of squares with combination of two graphically similar letters which change the color one by

one. The count game is made in the clicker genre in which a person is to click on the object to get game values. The task is to press the button exactly as many times as the answer to the given example. The word game consists of three types of tasks: enter the word from the picture, put the vowels in the correct place in the word, collect the word from a set of letters. The sound game includes pairs of similarly pronounced words that differ by one phoneme. The task is to find a card with the pronounced word. The pseudowords game proposes to choose the same to the presented pseudoword. The sentence game is represented by three words combinations where the beginning word is placed on the left part of the screen and the end word in the right part of the screen. The task is to connect the beginning with the end.

The games aim to correct different stages of reading, to develop understanding of mappings between print and sound. More formally, by a computational model devised by [Seidenberg 1989] three sets of representations (phonological, orthographic and semantic) interact and connect together to constitute the word recognition system. Attention can be nurtured through tasks with the selection of a letter from a collection of other graphemes, requiring a quick orientation of visual attention before the application of the correct phoneme-grapheme integration. The dot game is to develop spatial attention. As people with dyslexia understand the meaning of the words but can struggle with spelling a word, the word game helps in augmentation the mechanism of serial scan and semantic, orthographic representations. The pseudowords game also influences on serial scan. Another indicators for detecting dyslexia relate to linguistic skills is differences in game measures derived from phonological awareness, letter recognition or word recognition due to what the sound game is incorporated with impact on phonological representation, the sentence game on semantic representation and on prognostic reading (when by reading one word we can guess the next one). The reason why the count game is used in this intervention is in the comorbidity of dyslexia with dyscalculia.

Words were taken from based on the texts of the National Corpus of the Russian Language (ruscorpora.ru), the pseudowords were taken from [Горобец 2018]. Statistics of player's actions is obtained from the ratio of the number of correct answers divided by the amount of a task presentation. Three tasks with the minimal ratio value are chosen for the bonus star and presented one by one. Such an approach is to enhance technical side in reading in dyslexia. By constant looking at the similar letters while running and solving games, enhancing of the letters recognition ability by children with dyslexia is expected. It would be also of interest to explore dyslexia subtypes by the statistics obtained from the player's actions.

This thesis aimed to describe the first approximation of developing self-adaptive videogame based on player's action statistics. As a further research direction, experimental validation of the proposed game system is essential.

References

Горобец Е.А. Повторение псевдослов русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника / Е.А. Горобец, И.А. Резвина // Филология и культура. – 2018. – № 2 (52). – С. 121–127.

Лалаева Р.И. Нарушения чтения и пути их коррекции у младших школьников: Учеб. Пособие / Р.И. Лалаева. – СПб.: Лениздат; Издательство «Союз». 2002. – 224 с.

Arnab S. Towards a trans-disciplinary methodology for a game-based intervention development process / S. Arnab, S. Clarke // British Journal of Educational Technology. – 2017. – № 48 (2). – P. 279–312.

An Approach to Accessible Serious Games for People with Dyslexia / A. Jaramillo-Alcázar, E. Venegas, S. Criollo-C, S. Luján-Mora // Sustainability. – 2021. – № 13 (5), 2507. – DOI:10.3390/su13052507

Game-Based Interventions as Support for Learning Difficulties and Knowledge Enhancement in Patients with Dyslexia: A Systematic Literature Review / A. Saeed, K.A. Alam, A. Azam, M. Khalid, O. Tauni. – In: Guarda, T., Anwar, S., Leon, M., Mota Pinto, F.J. (eds) Information and Knowledge in Internet of Things. – EAI/Springer Innovations in Communication and Computing. Springer, Cham, 2022. – DOI: 10.1007/978-3-030-75123-4_4

Seidenberg M.S. A distributed, developmental model of word recognition and naming / M.S. Seidenberg, J.L. McClelland // Psychological Review. – 1989. – № 96 (4), 523. – DOI: 10.1037/0033-295X.96.4.523

ПАЛЕОРУСИСТИКА И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Баранов Виктор Аркадьевич

Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова,

Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 519.2:801.82(045)

Корпус «Манускрипт» как инструмент для палеославистических исследований: возможности и ограничения

*палеославистика, корпусная лингвистика,
количественно-статистические методы*

Исторический корпус «Манускрипт» (manuscripts.ru) предоставляет разнообразные инструменты (модули) для количественного и статистического анализа языка рукописей X–XV вв.: однотекстовые и многотекстовые запросные формы, интерфейсы параллельных подкорпусов, модули статистики и n-грамм, дистрибутивный словарь. Материалом для анализа являются транскрипции списков, снабженные мета-, аналитической и лингвистической разметкой.

Основные возможности модулей: а) построение прямых, количественных и инверсированных перечней текстовых форм и лемм отдельных рукописей или подкорпусов, б) нахождение имеющихся в рукописях лингвистических единиц и просмотр их контекстов как в виде транскрипции, так и фотокопий страниц на внешнем интернет-ресурсе, в) извлечение из подкорпусов n-грамм с целью выяснения сочетаемости лингвистических единиц или выявления статистически устойчивых лексических групп (коллокаций), г) построение графиков распределения единиц транскрипции в рукописи, д) оценка отклонения частотности употребления лексической единицы от ее средней частоты в корпусе, е) формирование векторов лингвистических единиц для нахождения слов, близких по лексическому окружению и мн. др.

Физическая модель базы данных обеспечивает хранение символов, текстовых форм, фрагментов и введенных вручную или добавленных автоматически сведений о них, установление связей разного типа между единицами, применение правил унификации, варьирующейся графической и орфографической формы слов, использование инструментов автоматического морфологического анализа, лемматизации и снятия омонимии, процедур разнообразного вывода данных. Все это позволяет организовать обработку, поиск, ранжирование единиц и демонстрацию их на экране в необходимых пользователю формах. Для получения сведений о количественных и статистических характеристиках единиц транскрипций используются различные приемы и методы – от простого ранжирования единиц перечня по частоте встречаемости до автоматического статистического анализа

тесноты двух соседних единиц контекста и машинного исследования дистрибуции лексических единиц корпуса.

Текстовый и лингвистический материал корпуса существенно отличается от современного: иные графика, орфография, пунктуация; значительная вариативность одной и той же лексической единицы, неравномерность распределения рукописей и отрывков, их типов и жанров по векам и др. Для подготовки транскрипции используются символы, размещенные в личном диапазоне Unicode (U+E000 и далее). Такое решение было принято около 25-ти лет назад, в начале разработки концепции корпуса, в связи с отсутствием в стандарте некоторых исторических кириллических символов. Использование этой кодировки и в настоящее время позволяет при необходимости оперативно добавлять отсутствующие в стандартных диапазонах Unicode символы, например лигатуры. Использование нестандартной кодировки и специального шрифта Menaion.ttf не влияет на отображение данных в браузере, так как шрифт подгружается на страницу сайта автоматически. В то же время используемые решения приводят к некоторым ограничениям при работе с данными: 1) невозможно отобразить стандартными шрифтами перечни или текст, скопированные с сайта во внешний файл, 2) невозможно без потери некоторых особенностей транскрипции конвертировать данные из личного диапазона в стандартные.

Поиск в корпусе необходимого лингвистического материала, его обработка и автоматический анализ осложнены существенной графической вариативностью текстовых прецедентов. Для нивелирования их вариативности в корпусе применяются следующие способы: 1) использование для ввода маски искомой текстовой единицы символов современного русского алфавита, каждому из которых сопоставлена группа старославянских символов, 2) использование регулярных выражений, что позволяет учесть при поиске нестандартные варианты формы, 3) использование правил приравнивания отдельных символов и групп символов друг другу, что позволяет привести графико-орфографическую форму слова к нормализованной и использовать ее, например, при лемматизации. Так, для извлечения из корпуса всех словоформ слова *брань* может быть использовано выражение `^бран[иье][их]?.$`, а для текстовых прецедентов слова *рать* – `^рат([иьем][июмх])?.$`, оба выражения учитывают графическую вариативность окончаний и исключают из выборки одноосновные производные. А применение правил приравнивания (<https://clck.ru/36vM2Z>) дает возможность использовать электронный грамматический словарь, содержащий (псевдо)основы и (псевдо)окончания парадигмы слов и их морфологические характеристики, для приведения текстовых прецедентов к лемме и определения их грамматических характеристик. В то же время каждый из способов имеет свои ограничения при использовании. Первый требует от пользователя знания синтаксиса регулярных выражений, второй не дает в ряде случаев однозначных сопоставлений (ср. монограф укъ у ?<= совр. у =>? ижица у), третий не обеспечивает в настоящее время стопроцентной

лемматизации в связи с большим количеством индивидуальных написаний слов в рукописях и неполным составом словаря.

Статистические методы, применяемые в модулях статистики и программ, позволяют оценить лексические единицы на основе сведений о частоте их употребления и их сочетаемости. При нахождении слов, частота использования которых в некотором подкорпусе превышает среднюю их частотность во всей базе данных, применяются статистические меры $TF \cdot ICTF$, Log-Likelihood, Weirdness (<https://clck.ru/JQTy0>), а при измерении степени статистической близости слов – меры Mutual Information, Pointwise MI, T-score, Dice, C-value и др. (<https://clck.ru/36umd6>). В обоих модулях особой проблемой при использовании лемм в качестве единиц анализа является омонимия, возникающая в результате автоматического приведения некоторых текстовых прецедентов к нескольким леммам, что увеличивает количество лемм подкорпуса по сравнению с количеством текстовых прецедентов. При выводе перечней лемм подкорпуса эта проблема снимается наличием перекрестных отсылок к альтернативным начальным формам текстового прецедента. В модулях статистики и программ задача приведения формы текста к одной и только одной лемме решается с помощью специальных алгоритмов, учитывающих изменяемость/неизменяемость лемм, совпадение/несовпадение формы с леммой, количество текстовых прецедентов, связанных с леммами, результатов ручного снятия омонимии, некоторых других приемов.

Рис. 1. Относительное количество употреблений слова *брань* в рукописях корпуса «Манускрипт»

Возможности модулей постоянно совершенствуются. Так, в модуль дистрибутивного словаря добавлены параметры, позволяющие находить в корпусе и его подкорпусах максимально близкие друг другу по косинусному расстоянию семантические аналоги без указания маски слова, а также слова с заданным между ними расстоянием. В модуле статистики, помимо режима демонстрации распределения единиц транскрипции (символов, текстовых форм, лемм), появилась возможность визуализации частотности анализируемой единицы в подкорпусах, рукописи которых различаются жанром или временем создания. Последний режим позволяет увидеть, например, количественные соотношения слов *брань* и *рать* в

рукописях различного типа и жанра (см. рис. 1, 2, на диаграммах сопоставлены относительные величины).

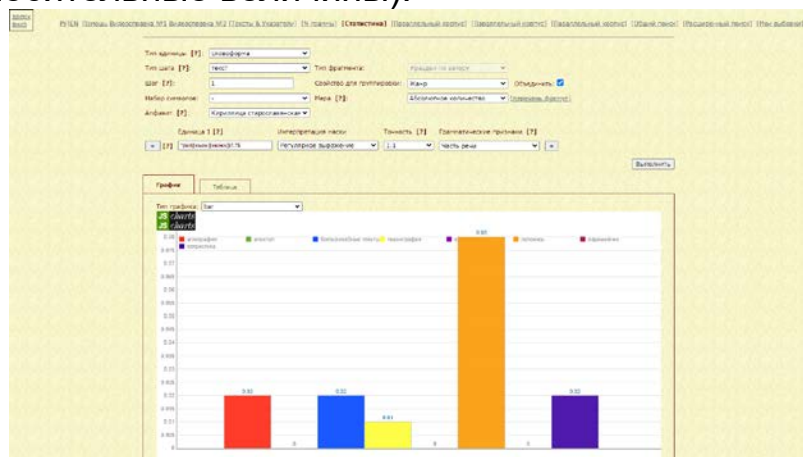

Рис. 2. Относительное количество употреблений слова *рать* в рукописях корпуса «Манускрипт»

Изначальная направленность корпуса на анализ рукописей и отдельных относительно небольших коллекций (подкорпусов), сформированных пользователем при просмотре перечня транскрипций, не требовала унифицированных значений параметров *время создания*, *жанр*, *тип* списков или произведений: рукописи могли быть датированы с помощью разных форматов – XI/XII в., перв. пол. XII в., сер. XII в., до 1117 г. и др.; указывался или жанр, или тип и т. д. При использовании двух новых возможностей визуализации данных пользователю приходится учитывать указанные особенности метаразметки.

Корпус «Манускрипт» – одна из немногих коллекций машиночитаемых транскрипций средневековых славянских рукописей, предоставляющая разнообразные возможности знакомства с лингвистическим материалом и способы его анализа. Уникальный материал списков начала славянской письменности, наличие мета-, аналитической и лингвистической разметки, несколько модулей доступа разной направленности, гибкие параметры запросов, статистические методы обработки данных, разнообразные формы вывода результатов – все это позволяет говорить о широких возможностях исследования текстов и языка корпусными методами. В то же время существующие по разным причинам ограничения требуют от пользователя не только владения инструментарием для решения конкретной задачи, но и интерпретации результатов с учетом тех особенностей материала, его обработки и демонстрации, которые существуют в корпусе сегодня.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00206.

**Синтаксические особенности трактата Псевдо-Дионисия
Ареопагита «О небесной иерархии» в славянских переводах
XVIII века**

*Ареопагитики, история русского литературного языка,
церковнославянский язык, синтаксис*

Три славянских перевода «Трактата о небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, появившиеся практически в одно и то же время – последней трети XVIII в., характеризуют возникшее напряжение языковой ситуации своего времени и отражают не столько линейное развитие языка, сколько живые языковые процессы, оказавшие влияние на язык переводчиков. Различия в переводах связаны также с задачами переводчиков и их личными предпочтениями при выборе языковых средств.

Рассматриваемые нами переводы «Трактата о небесной иерархии» были выполнены иеромонахом Моисеем Гумилевским [Святого Дионисия 1786], Паисием Величковским [Симон. 5] и анонимным автором [Муз. 1345]. Анализ языковых особенностей текстов трех переводов выявил наличие влияния греческого языка, на котором написан оригинальный текст, а также латинского и немецкого языков (в особенности это касается текста Гумилевского). Как было отмечено Хюттль-Фольтер [Hüttl-Folter 1996] и вслед за ней Живовым [Живов 1996], синтаксис нового русского языка XVIII в. отличался от синтаксиса церковнославянского языка и от делового языка XVIII в.

Синтаксические особенности у всех трех текстов общие. Разница лишь в принадлежности средств синтаксической связи: у Паисия Величковского и анонимного автора они преимущественно церковнославянского происхождения, у Моисея Гумилевского – русского.

Внутри словосочетаний с разными типами определений порядок слов часто повторяет особенности греческого синтаксиса, даже при том, что в русском языке отсутствует артикль. Функции артикля в переводе Величковского и реже у анонимного автора передаются традиционным демонстративом (в тексте Гумилевского отсутствуют).

В главных и независимых предложениях порядок слов относительно свободный, сказуемое может занимать любое место в предложении. В придаточных предложениях предикативную часть в большинстве случаев можно обнаружить в конце предложения, что подтверждает упомянутое выше влияние латинского и немецкого синтаксиса на славянский текст. Например, у Гумилевского:

Ничто же убо есть безмѣстно, когда Богословы, по реченнымъ причинамъ, небесныя оныя существа несходственными подобіями изобразуютъ [Святаго Дионисія: 25].

Во всех трех переводах в предложениях часто встречаются глаголы *есть* и *суть*, аналогичные вспомогательному глаголу *sein* в немецком языке, чаще всего они стоят на втором месте в простом предложении, как в немецком языке, редко могут сдвигаться на конец синтагмы.

Гипотактический вид связи преобладает над паратаксисом.

В переводе Гумилевского гипотактические конструкции представлены наиболее полно и разнообразно. В его тексте перевода присутствуют все разряды подчинительных союзов современного русского языка (минимум один союз из каждого разряда), в том числе составные: 1) **изъяснительные**: что, какъ, яко, якоже; 2) **целевые**: чтобы/чтобъ, для того чтобы, дабы, ради, для чего, чего ради, сего ради; 3) **временные**: когда; 4) **причинные**: потому что, потому, понеже, поелику, по причине, по сему, ибо, так как, убо, бо; 5) **условные**: естли же, естли, ежели, ежели бы; 6) **следствия**: так что; 7) **уступительные**: хотя; 8) **сравнительные**: какъ, яко, якоже; 9) **определятельные**: который, какой, каковой, кой; 10) **меры и степени**: сколько, елико.

Предложения являются длинными и многословными, в них присутствует много описаний и уточнений, поэтому в одном предложении чаще всего используется несколько союзов, в том числе и сочинительных.

В тексте Гумилевского мы находим: 1) **соединительные** союзы: и, да, не только..., но и... (не токмо..., но и ...), как..., так и, также; 2) **противительные**: а, но, однако, же; 3) **разделительные**: или. Наиболее частотными сочинительными союзами внутри сложноподчиненных предложений являются союзы *и* (796 употреблений), *но* (104 употребления), *или* (59 употреблений).

В тексте преобладают изъяснительные и причинные союзы, что характерно для синтаксиса научного стиля. Автор перевода описывает, перечисляет, уточняет, разворачивает смысловые отрезки текста, то есть старается максимально раскрыть читателю суть трактата. Хотя предложения кажутся громоздкими, они логичны и структурированы, пунктуация автора близка современной пунктуации русского языка. Текст Гумилевского является первым печатным переводом Ареопагитик на славянский язык.

Рукопись анонимного переводчика с точки зрения синтаксиса проанализировать полноценно невозможно – автор практически не использует знаки препинания и не разграничивает предложения, не разделяет текст на абзацы. Иногда начало или конец предложения можно определить, только сравнивая этот перевод с греческим оригиналом. Например (здесь для удобства понимания мы разделили отрывок на смысловые отрезки):

Сїя убо вина єсть / єяже ради бжественная писания аг҃лы неѣщуютъ / подобаетъ же взыскати / почто и чєго ради бг҃ословы вся оныя нб҃ныя духи нарицають аг҃лы / а егда на изображеніе нб҃ныхъ оныхъ разделєніи приходятъ / чиномъ аг҃лскимъ собственно нарицають тои / иже бже-ственные и небесныя чины окончеваетъ ... [Муз. 1345, л. 8об.].

Анонимный автор использует большое количество союзов, как сочинительных *и, или, но* и др., так и подчинительных *бо, убо, ибо, что, понеже, того ради, сего ради, яко, якоже, како, иже, который*. Соотношение русских и церковнославянских союзов в тексте практически равное, данный факт позволяет нам называть язык этого перевода условно «гибридным церковнославянским». Средства связи не столь разнообразны как в переводе Гумилевского.

Рукопись Паисия Величковского условно представляет собой промежуточное звено между переводами Гумилевского и анонимного автора. Здесь мы видим множество подчинительных (*бо, ибо, оубѡ, что, понеже, ꙗко, ꙗкоже, елико*) и сочинительных (*и, или, но, да, же*) союзов. Границы предложений хорошо видны, как и у Гумилевского, текст делится на абзацы. Величковский использует достаточно сложные синтаксические конструкции, придаточная часть часто отделяется, предложения строятся одновременно посредством сочинительных и подчинительных связей:

Понєже ниже возможно єсть оуму нашему, къ невещественному оноу нб҃есныя и бг҃овидныя оумы многонѡжны быти нг҃кіа и многоличны, и по скотанству волѡвъ, или по звг҃роѡбразію лѡѡвъ ѡѡбражены, и по кривоноготьному виду орловъ, или по пернату птицъ ѡкрылатг҃нію изѡѡбражены, и колєса нг҃каа огневата на нб҃си ѡѡбражаємъ, и пр҃стола вєществєнны Бг҃оначалію къ сг҃дг҃нію приличны, и кѡни нг҃кіа многѡшарны, и ѡружєнѡсны Архїстратиги, и ина елика ѡ словєсъ намъ Сщ҃єнноѡбразнѣ различіємъ изавитєльных знаменованій предана суть [Симон. 5, лл. 3об–4].

Гумилевский, Величковский и анонимный переводчик в построении своих текстов сохранили принципы, соответствующие неоплатонической концепции Псевдо-Дионисия – концепции иерархичности всего миропорядка. Важным принципом текстопостроения Псевдо-Дионисия и, соответственно, переводчиков является аперция – раскрытие темы, развертывание текста при помощи всех доступных языковых средств на всех уровнях языка.

Источники

ГИМ, Симон. 5 – Иже во святых Дионисия Ареопагита о Небесном Священноначалии // ГИМ, Симон. собр. № 5. – 45 л.

РГБ, Муз. 1345 – Книга Блаженного Дионисия Ареопагита к Тимофею Епископу о Небесном Священноначалии // РГБ, Музейное собр. (ф. 178) № 1345. – 25 л.

Святого Дионисія – Святого Дионисія Ареопагита о Небесной ієрархії, или священноначаліи. – М.: б/и, 1786. – 107 с.

Литература

Живов В.М. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag, Wien; Köln; Weimar, 1996. 319 S.) / В.М. Живов // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 58–69.

Николаева Н.Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование / Н.Г. Николаева. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. – 184 с.

Николаева Н.Г. Проблема «духовного языка» XVIII века / Н.Г. Николаева // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 150. № 4. – 2008. – С. 87–92.

Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen / G. Hüttl-Folter. – Wien, Köln, Weimar, 1996. – 319 S.

**Опыт построения индекса словообразовательных морфем
на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.»**

*словообразовательный индекс, формант, префикс, суффикс,
историко-этимологический деривационный словарь,
древнерусский, среднерусский период*

Основная задача представленной работы заключается в том, чтобы обратить внимание как русистов, так и славистов на необходимость решения давно назревшей проблемы создания исторических деривационных словарей. К сожалению, на фоне множества славистических работ как по диахронной, так и по синхронной дериватологии возможность и необходимость таких словарей почти не обсуждалась.

Исключение составляют работы И.С. Улуханова, который настаивает на том, что «<...> история славянских словообразовательных аффиксов описана совершенно недостаточно. Их описание могло бы быть осуществлено в историко-этимологическом словаре славянских морфем или морфем отдельных славянских языков. Словарей такого типа в мировой лексикографии пока нет. К сожалению, работа над такими словарями, насколько известно, нигде не ведется» [Улуханов 2012: 163]. Бесспорная актуальность словарей такого типа не раз отмечалась в ряде наших работ (см., например, недавнюю программную статью по этой проблематике на материале древне- и среднерусского языка: [Иорданиди 2022: 244–269]).

Как мне представляется, предварительным этапом работы над составлением вышеназванных словарей может стать составление индекса словообразовательных морфем (приставок, суффиксов, интерфиксов, постфиксов), зафиксированных в соответствующих словарях, с привлечением исследований, содержащих необходимый материал по отдельным деривационным формантам.

Важно не только зафиксировать весь инвентарь существующих формантов, но и указать их распределение по частям речи с учетом количественных показателей. В частности, это касается префиксов: один и тот же префикс может оформлять имена, глаголы и наречия (ниже приводятся материалы в таблицах). Представленный таким образом материал может послужить удобным подспорьем в построении историко-словообразовательных словарей, поскольку здесь должен быть зафиксирован полный инвентарь аффиксов и их словообразовательный потенциал.

Индекс применительно к теме нашей работы толкуется в самом общем виде как указатель, список, перечень чего-л. (от лат. Index ‘список, реестр, указатель’). Это понятие получило широкое распространение в

исследованиях разного характера. Так, например, уже с 60-х гг. прошлого века речь идет о **типологии индексов**. Дж. Гринберг в монографии «Квантитативный подход к морфологической типологии языков» [Гринберг 1963: 60–94] предлагает 10 типов индексов, среди которых есть индекс префиксации P/W и индекс суффиксации S/W. Автор вменяет индексу роль показателя частотности (активности, производительности, развития и под.) аффиксов, вычисляемого по специальной формуле. Таким образом определяется место того или иного элемента в номинальной шкале или в состоянии некоторой системы (в данном случае класса префиксов или суффиксов). Дальнейшее развитие теория индексов получила в работе Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2016: 25].

Болгарские коллеги называют **индексом слов и их форм** словоуказатели к изданным рукописям. Достаточно сослаться на Симеонов сборник с его словарем-индексом («Речник-индекс») или работу А. Минчевой «Индекс на думите и формите», которая начинается с заглавной морфемы, представленной в «нормализованной» форме (по принципу словаря Л. Садника и Р. Айцетмюллера), а следующие за ней формы даны так, как они отражены в рукописи.

В нашем представлении индекс словообразовательных формантов является не чем иным, как редуцированной модификацией морфемных словарей. Но, к сожалению, историко-словообразовательного словаря русского языка, как уже говорилось, не существует. Мы полагаем, что при создании индекса следует иметь в виду также в первую очередь «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улукханова, демонстрирующего удобный для нас способ описания материала: по частям речи и в алфавитном порядке.

Следует отметить одно важное обстоятельство: префиксы относятся к числу внутрикатегориальных сущностей; присоединение префикса к корню не меняет частеречной принадлежности деривата, каждый из них так и остается глаголом, существительным, прилагательным и т.д.

Как уже упоминалось выше, материалом для создания индекса послужили вышедшие в свет тома «Словаря русского языка XI–XVII в.», в том числе Прямой словник, помещенный в «Справочных материалах» этого словаря.

При построении индекса может быть использована следующая схема:

0. Предварительные замечания.

I. Префиксы.

II. Суффиксы имен существительных и имен прилагательных.

III. Суффиксы глаголов.

IV. Суффиксы наречий.

V. Суффиксы числительных.

VI. Интерфиксы сложных слов.

VII. Постфиксы.

Сокращения: С – существительное, П – прилагательное, Г – глагол, Н – наречие.

Написание аффиксов соответствует написаниям, принятым в материалах словаря. Орфографические варианты выделяются с помощью слов «и орф.».

Представленная ниже в качестве примера структура индекса имеет редуцированный характер. В таблице 1 дано только несколько префиксов, но и в таком виде читатель получает представление о том, как можно структурировать инвентарь словообразовательных морфем.

Столбец «Комментарии», если придерживаться занятой нами позиции предельно краткой и четкой демонстрации словообразовательного аффиксария СлРЯ XI–XVII вв., может показаться излишним.

Таблица 1

Индекс словообразовательных морфем
(в прямом алфавитном порядке)
Префиксы

Префиксальные морфемы	Дериваты	Число лексем	Комментарии
без- и орф. бес-	С: без-божникъ, без-водие, без-грѣшие, без-блазнь; бес-страшие; бес-студникъ, бес-торжица; Л: без-блазный, без-вѣрный, без-винный, бес-свѣдный; бес-товарный, бес-хмельный. Н: без-бѣдно, без-боязно, без-законьнѣ, без-лѣтно; бес-клонно, бес-поручно, бес-счетно, бес-щедротно. Г: без-умьновати, без-вѣчити, без-законити, без-ножати, бес-студствовати, бес-чадитися, бес-чередовати.	без- ≈ 400 бес- ≈ 250	Происхождение: прасл. *bez-. Префикс бес- (перед глухими согл.) является орфографическим вариантом префикса без-. Как показывают подсчеты, дериваты с суф. без- более частотны в сравнении с дериватами с суф. бес-.

Префиксальные морфемы	Дериваты	Число лексем	Комментарии
пра-	С: пра-баба, пра-бошњи (мн.), пра-внука, пра-внукъ, пра-внуча, пра-пра-внукъ, пра-дѣдъ, пра-пра-дѣдъ, пра-зелень, пра-мати, пра-мохъ, пра-мошье, пра-низки (мн.); пра-отечество, пра-отъць, пра-пруда, пра-прудъ, пра-родитель, пра-родительство, пра-родъ, пра-соль, пра-тестъ, пра-теща. Л: пра-бабний, пра-зеленный, пра-зеленый, пра-матерний, пра-отеческий, пра-отчий, пра-отцевъ, пра-прудный, пра-родительский, пра-родный.	≈30	Происхождение: прасл. *pra-. Именной суффикс *pra- коррелирует с глагольным суффиксом *pro- (пра-пруда 'ливень' – про-прудити 'залить все вокруг').
роз- и орф. рос-, раз- и орф. рас-	Г: раз-бросати, раз-вести, раз-гадати, раз-гнѣватися, раз-грабити; рас-ковати, рас-коповати, рас-кушати, рас-паляти, рас-текатися, рас-сулити; роз-бити, роз-гонити, роз-горѣтися, роз-имати; рос-кидати, рос-колоти, рос-пахивати, рос-пущати, рос-терети. рос-тягнути. С: раз-бѣжка, раз-биение, раз-бойникъ; раз-дирание; раз-личьство; рас-кладъ, рас-княжье, рас-косъ, рас-суха, рас-щипъ; роз-боиникъ, роз-грабежь, роз-любье, роз-руха; рос-кладка, рос-плата, рос-тирка, рос-шестие, рос-шивка. Л: раз-боинный, раз-вѣяный, раз-дѣльный; рас-кладной, рас-ковный, рас-паленный, рас-пашной, рас-писной, рас-прозрительный; рос-сыпной. Н: раз-гласно, раз-лично, раз-личнь, раз-лучно; рас-слаблено, рас-смотрительно.	≈4000	Происхождение: прасл. *orz-. Префиксы рас-, рос- (перед глухими согл.) являются орфографическими вариантами префиксов раз-, роз-. Однако изредка фиксируются и формы с приставочным з (например, перед заднеязычным к: <i>разкласти</i> – <i>роскласти</i>). В подавляющем большинстве случаев оформляют глагольные формы.

Литература

Гринберг Дж. Квантитавный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. – С. 60–94.

Иорданиди С.И. О построении историко-словообразовательных словарей славянских языков / С.И. Иорданиди // Сб. статей. Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Отв. ред. М.И. Чернышева. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. – С. 244–268.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование / Е.С. Кубрякова. – М.: Либриком, 2016. – 86 с.

Лопатин В.В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В.В. Лопатин, И.С. Улуханов. – М.: Азбуковник, 2016. – 812 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1– 31. – М., 1975.

Улуханов И.С. Историческое словообразование. Историческая лексикология / И.С. Улуханов. – М.: Лексрус, 2012. – 368 с.

**Синтаксические решения в церковнославянских переводах
«Церковных Анналов» XVII века**

*хроника «Церковные Анналы», восточнославянские переводы,
синтаксис, архаизация*

«Церковные Анналы» (Annales Ecclesiastici, 1588–1607) авторства итальянского кардинала Чезаре Баронио, выдающегося деятеля и историка католической Церкви, – хроника, описывающая первые двенадцать веков христианства. Написанная на латыни, она получила широкое распространение в славянских странах благодаря сокращенному переложению на польский язык [Roczne dzieie 1607], выполненному Петром Скаргой практически одновременно с выходом в свет латинского оригинала (см. подр. об истории вопроса: [Новак 2022]). Во второй половине XVII в. появился целый ряд восточнославянских переводов [Николаев 2008], в разной степени полонизированных или славянизированных.

Ниже предлагается обсудить синтаксические особенности одного из этих переводов. Он сохранился в рукописи РГБ, ф. 256, № 15 (далее – Рум15), датированной 1689 годом. Обращение к лексическому уровню текста показало его близость к переводческим установкам Чудовского круга, что подразумевает высокую степень соответствия церковнославянской книжной традиции [Новак 2023]. Синтаксические решения Рум15 находятся в том же русле. Чтобы продемонстрировать это, сопоставим перевод с польским исходным текстом и еще одной церковнославянской версией, представленной в издании 1719 г. (последнее появилось как средство противодействия старообрядцам, активно использовавшим обширную рукописную традицию «Барония» в полемике с официальной церковью; приводится по репринту [Дѣаніа 1913–1915]).

Первым заметным лингвистическим фактом можно считать широкое употребление в Рум15 оборота «дательный самостоятельный», которое сопровождается порой трансформацией синтаксических связей (см. табл. 1):

Таблица 1

Польский текст	Рум15	Изд. 1719 г.
1. gdy czytano one dzieie 'когда зачитывались эти деяния' (s. 429)	прочитаемым дѣяніямъ (л. 739)	егда читаху оная дѣянія (с. 507)
2. Gdy Ursicynus w Rzymie jeszcze czynił niepokoeie y odszczepieństwa 'когда Урсицин в Риме еще устраивал волнения и расколы' (s. 272)	Урсікину в римѣ, еще мятежствующу, и расквлы дѣющу (л. 469 об.)	Урсикину в Римѣ еще творящу смятенія и раздоры (с. 320)
3. jeszcze bałwochwalstwo nie ustawało y urzędnicy niektorzy byli roganie 'еще идолопоклонение не прекращалось, и некоторые чиновники были язычниками' (s. 417)	ідолопоклонение не у престоше : чиноначалнико ^м нѣки ^м бывающи ^м язычником ^м (л. 718 об.)	идолопоклонство не преставаше, и сановніи нѣцыи бяху погане (с. 492)
4. Ktory gdy z temi mandaty do Afryki przyiachał 'который [нотарий] когда с теми указами в Африку приехал' (s. 381)	Емуже с такими повелѣньми во Африку пришедшу (л. 657)	Который, егда с симъ указомъ во Африку прииде (с. 450)
5. A gdy ich jeszcze zbywało, nowe szpitale stawiał 'а когда их [доходов епископов] еще оставалось с избытком, новые больницы учреждал' (s. 343)	Излише(с)твующема же има новы нищехраните(л)ницы ставяше (л. 597 об.)	Еще же имъ избывающимъ, новыя болницы созидаше (с. 406 об.)

Иллюстрации показывают, что «дательный самостоятельный» в Рум15 используется не только для передачи придаточных времени (примеры 1, 2, 4, 5; в польском тексте придаточные вводятся союзом *gdy*); имеет место также перестройка сложносочиненной конструкции (3), при которой одно из простых предложений в составе сложного становится причастным оборотом. Также интересно появление двух однородных причастий в примере 2; в польском налицо два прямых дополнения при глаголе *czynił*. В примере 5 появляются ничем не мотивированные дуальные формы, функционирующие, возможно, как показатель стиля и дань традиции. В версии издания 1719 г. дательный самостоятельный фигурирует реже, что можно объяснить как стремлением точнее передать польский синтаксис, так и уходом от чрезмерной архаизации.

Второе яркое свидетельство ориентации на греко-славянские модели (то есть восходящие к синтаксическим калькам с греческого в церковносла-

вянских переводах) – употребление в Рум15 инфинитивного оборота с дативом в придаточных предложениях, что, естественно, не поддерживается соответствующими структурами в исходном польском тексте (см. табл. 2):

Таблица 2

Польский текст	Рум15	Изд. 1719 г.
1. iakoby zakazowali panom świeckim robory dawać 'они [Христос и Его ученики] якобы запрещали давать дань светским властителям' (s. 8)	еже имъ запрещати Г(ос)под(а)ремъ мірскимъ дань даяти (л. 24)	аки бы запрещали мірскимъ властемъ дани давати (с. 11)
2. iako cuda przezeń Pan Bóg czynił 'что чудеса через него [нерукотворный образ] Господь Бог творил' (s. 14)	еже чудеса имъ Гдѹ Бгѹ творити (л. 37)	како Господь Богъ чрезъ него чудеса творяше (с. 18 об.)
3. wiele ludzi wiernych <...> przychodziło <...> spowiadać się 'много верующих приходило исповедоваться' (s. 39)	множеству народа вѣрны(х) <...> приходити <...> исповѣдаться (л. 89)	мнози людѣ отъ вѣрныхъ <...> прихождаху <...> исповѣдаться (с. 48)
4. Nim siódmy dzień przyszedł 'прежде чем наступил седьмой день' (s. 426)	Прежде даже пріити седмому дни (л. 735)	Не прешедшымъ седми днемъ (с. 503 об.)
5. Eucherius tak przeszkadzał iż wykonane one mandaty nie były 'Евхерий так препятствовал, что эти предписания не были исполнены' (s. 369)	Евхеріи препинаше, якъ тѣмъ повелѣніа ^М не исполнитися (л. 639 об.)	Евхерій творяше препятіе ко исполненію сихъ повелѣній (с. 435 об.)

Обращает на себя внимание варьирование в версии 1719 г. на фоне однотипного выбора Рум15: это точное воспроизведение структуры переводимого текста с предикатом в форме прошедшего времени (примеры 1, 2, 3), употребление дательного самостоятельного (4), трансформация «сложное предложение → простое предложение» (5). Ни в одном случае из приведенных, однако, не наблюдается проявления «солидарности» с архаизирующими решениями Рум15.

Рамки данного текста не позволяют рассмотреть больше языкового материала, но приведенные факты указывают на перспективность дальнейшего грамматического анализа источников.

Литература

Дѣланіа церковныхъ и гражданскіа. Кн. 1–3. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913–1915. (Приложение к журналу «Старообрядческая мысль»; воспроизведение издания 1719 г.)

Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы / С.И. Николаев. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 248 с.

Новак М.О. «Не велел Ориген книг толковать»: комментарии и глоссы в восточнославянском переводе Церковных анналов Барония XVII века / М.О. Новак // Slavistica Vilnensis. – 2022. – № 67(1). – С. 41–57.

Новак М.О. Лексика церковнославянского перевода «Церковных Анналов» Барония (XVII в.): влияние Чудовского круга / М.О. Новак // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». – М.: Индрик, 2023. – С. 204–205.

Рум15 – Лѣтодѣланіа црковныхъ <...> избранныя из лѣтодѣяній црковныхъ Кесаря Бароніа. РГБ, ф. 256, № 15. 1689 г. 827 лл. 1°, скоропись. – URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15> (дата обращения: 10.11.2023).

Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę <...>. – W Krakowie, W drukarniey Andrzeia Piotrkowczyka, Roku P. 1607. – 1202 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=vhhIAAAAcAAJ> (дата обращения: 11.11.2023).

Напряженные редуцированные в рукописи Христинопольского Апостола XII века

*древнерусский язык, Христинопольский Апостол, редуцированные
гласные, напряженные редуцированные*

Христинопольский Апостол XII в. (АпХр) является одним из интереснейших памятников начала славянской письменности, о древности которого свидетельствует целый комплекс палеографических, графико-орфографических и грамматических особенностей рукописи.

Состояние редуцированных гласных признается надежным лингвистическим критерием, имеющим датирующее значение. В АпХр отражен начальный этап падения редуцированных, более того, рукопись является ярким доказательством трехступенчатости процесса утраты *еров* – разрыва в утрате абсолютно слабых и слабых при более длительном сохранении сильных редуцированных. Особым характером отличается поведение напряженных редуцированных.

В старославянских и раннедревнерусских памятниках напряженные редуцированные гласные обозначаются буквами *и/ѣ*, однако уже в XII–XIII вв. вместо графемы *и* изредка пишется *ь* [Попов 2020: 372–375]. Замена *и/ѣ* графемами *ъ/ь* традиционно считается свидетельством утраты напряженных [Галинская 2009: 84].

В настоящей статье рассмотрены способы передачи напряженных редуцированных в рукописи АпХр.

В АпХр напряженные редуцированные традиционно передаются при помощи графем *и/ѣ* *ѣбогатѣи* 44, *върхѣи* 152, *попъравѣи* 275об., *травънѣи* 44; *ѣвъстании* 87, *змии* 154об., *лъщении* 86об., *творении* 18об.; *видѣниѣ* 85, *въоружениѣ* 210, *молѣниѣ* 264, *пришьствиѣ* 55 и мн. др.

Графема *ь* в значительном числе случаев (ок. 15% в основной части АпХр и ок. 18% в маргиналиях руки первого писца) используется для обозначения напряженного редуцированного в слабой позиции перед *ј*, что является отражением его изменения или утраты: *безмълвьѣи* 289об., *братол'юбѣи* 257, *оу'силь/и* 253об., *безмълвьствѣѣ* 254, *блѣговѣрьствѣѣ* 291, *въсхоженьѣ* 41, *имѣньѣ* 276, *начъртаньѣ* 15об., *опасеньѣ* 9об., *ороужьѣ* 221, *оу'быєнїє боб.* (киев. отр., марг.), *строєнїє боб.* (киев. отр., марг.), *дѣньѣ боб.* (киев. отр., марг.), *псанїє* 13 (марг.), *жизнью* 26 (марг.), *быєнь* 26об. (марг.) и мн. др.

Большая часть примеров связана с передачей напряженного редуцированного в падежных формах **јѣ* и **ї* склонения в окончаниях членных прилагательных. В корневых морфемах также отражается вариативность

(см. примеры ниже). В суффиксальных морфемах напряженный редуцированный передается при помощи графемы и: сребро/бииць 18, оу'биица 60, чїкооу'бии/ца 74, свойство 87, оу'бииство 26об., л'юбодѣства 66, из-л'юбодѣствовавшѣ 82об., боуство 138об., и/юдеиствовати 200, дѣиствоу 232об. и др.

О. Колесса отмечает систематическую замену церковнославянских сочетаний и□, иѣ на ь□, ьѣ для киевского отрывка рукописи [Колесса 1923: 24]. Анализ львовской и краковской частей также показывает довольно большое количество подобных замен (ьѣ – около 300 словоформ, ь□ – около 130 словоформ, ью – около 160 словоформ). Значительное количество словоформ образуют дублетные звенья (в дальнейшем один из элементов утрачивался или имеет место семантическая или стилистическая дифференциация):

би–ии: въ безмѣльви 289 (в киноварном заголовке) – въ безмѣлви/и 289об., боль/и 94 – боли/и 119об., о братол'юбѣи 257 – о <...> братол'юбии 172;

ь□–и□: пь□нѣстви□ 207 – въ пи□нѣстви□ 59, ѿ въскрѣ/шенъ□ 35 – въскрѣше/ни□ 52об., знамень/□ 5об. – знаме/ни□ 139, съ/тазанъ□ 287 – сътазани□ 33, хрѣсть□н□6об. (киев. отр.) – на хр(с)ти□н□89;

ью–ию: быюции 151 – биющихъ 84об., лѣстью 236об. – лѣстию 193об., ношью 12об. – ношю 16об., съмѣртью 110об. – съмѣртию 160, х□трошью 236об. – х□тростию 16;

ьѣ–иѣ: абыѣ 3об. (киев. отр.) – абиѣ 1 (киев. отр.), быѣть 191 – би/ѣть 281, камень/ѣ 56 – каменіѣ 142, въ причастьѣ 234 – причастіѣ 70, тѣрпѣ/нѣѣ 42об. – тѣрпѣніѣ 44 и др.

Показательными представляются контексты, в которых представлены синонимичные словообразовательные типы. Например:

лл. 206об.–207

□вѣ же соуть дѣла плѣть-
ска□ · □же соуть · л'юбодѣ□-
ніѣ · прѣл'юбодѣ□ніѣ · не-
ч(с)тота · стоудоложѣствѣѣ ·
коумиромъ слоугованіѣ ·
прокажени□ · враж'д□ · рѣвъ-
нѣ□ · □авид□ · □рости · ра-
□дражени□ · распѣра · събла-
□н□ · □авид□ · оу'бииствѣ-
□ · пь□нѣстви□ · ко□логла-
совани□ · и подобьна□ симъ ·

Вариативность на лексическом и словообразовательном уровнях может свидетельствовать о том, что подобные варианты уже существовали в речи переписчиков, причем варианты записи с и/□ воспринимались как более книжные. Об этом может свидетельствовать маргиналия на л. 53об.: текст дублируется: над небрежной надписью, выполненной черными чернилами, – киноварный текст (см. рис. ниже). Орфография

приписок отличается: киноварное бѣгии и чернильное бѣгьи. Учитывая более высокий статус киноварной записи, можно предположить, что вариант на -ии является нормализованным. Ср. вывод Л.П. Жуковской, сделанный в процессе анализа Прологов второй половины XIV в.: «в словах из повседневной сферы употребления чаще встречается ъ, а в словах из возвышенной, конфессиональной – и» [Жуковская 1987: 158].

Таким образом, в АпХр многочисленные случаи отражения напряженных редуцированных гласных непятого ряда при помощи графемы ъ, вероятно, указывают на их постепенную утрату или изменение качества звучания. В то же время довольно значительным представляется число примеров, отражающих традиционный способ передачи напряженных редуцированных, что косвенно может указывать на древность рукописи.

Литература

АпХр – Христинопольский Апостол, толковый (Национальная библиотека Украины, ИР, ф. VIII, № 3, лл. 1-8; Библиотека Чарторыйских, Краков, Польша, лл. 9-12; Львовский исторический музей, ОР, № 37, лл. 13-303) – список славянского Апостола XII в., 303 лл. [машиночитаемое интернет-издание] // Манускрипт. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61> (дата обращения: 01.09.2023).

Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка / Е.А. Галинская. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 160 с.

Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма второй половины XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») / Л.П. Жуковская // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому: сб. статей / отв. ред. Л.П. Жуковская. – М.: Наука, 1987. – С. 144–176.

Колесса О. Південно-волинське городище і городиські рукописні пам'ятники 12–16 ст. / О. Колесса // Науковий збірник українського університету в Празі, 1923. – Т. 1. – С. 23–65.

Попов М.Б. Редуцированные // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / М.Б. Попов / под ред. В.Б. Крысько. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. – С. 369–383.

Schachmatow A. Beiträge zur russischen Grammatik / A. Schachmatow // Archiv für slavische Philologie. – 1883. – 7. – P. 57–77.

Дендротопоним как результат когнитивного освоения пространства

дендротопоним, топонимический концепт, картина мира

Дендротопонимы как топонимы, содержащие в себе название вида дерева, являются одним из древних пластов британской топонимической системы. Данный топонимический материал может служить объектом изучения в когнитивном аспекте. Когнитивное осмысление топонимов является логическим продолжением ономаσιологического анализа, в ходе которого выявляются понятийные механизмы и принципы мотивированности топонимов [Хвесько 2008: 79]. Исследование топонимов в когнитивном аспекте предполагает изучение их значения как результата отражения действительности сознанием субъекта и как продукта концептуализации пространства. Выделяются следующие слои топонимического концепта: слой когнитивных признаков, оценочный, перцептивный, апроприативный, аффективный, ценностный и локативный. В каждом топониме можно выделить сразу несколько слоев [Быканова 2008: 49], поскольку они переплетаются и накладываются друг на друга. Географическое пространство включает в качестве объектов элементы ландшафта, растительности и продуктов человеческой деятельности, что зачастую становится основой для топонима. Если мы принимаем во внимание то, что топонимическая система определенной территории обуславливается традицией, системой и людской пытливостью [Ковлакас 2021: 331], то приходим к заключению, что элементы топонимии территории связаны друг с другом «парадигматическими и синтагматическими отношениями» [Воробьева 1973: 121]. Следовательно, принципы и подходы к номинации являются общими для этнически разных групп, сосуществующих в географическом пространстве. Целью этой работы является показать общность мотивационных признаков, используемых разными этническими группами при образовании топонимов.

Территория современной Англии в течение тысячелетий заселялась или колонизировалась разными этническими группами: кельтами (кельтская языковая группа), римлянами (романская языковая группа), англосаксами (западногерманская языковая группа), скандинавами (северогерманская языковая группа) и нормандцами (романская языковая группа). Все они оказывались в схожих природно-географических условиях, в которых осваивали территорию экономически и когнитивно. Топоним, таким образом, является «отражением когнитивных структур, то есть структур

человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик 1994: 126]. Хозяйственное освоение пространства требовало его делимитации и обозначения объектов пространства, вовлеченных в общественную и хозяйственную деятельность. Результатом и инструментом этих действий является топоним.

Одним из ориентиров природного пространства является дерево, выходящее за пределы пространства, определяемого человеческим ростом. Крона дерева занимает горизонтальное пространство и ограничивает пространство ниже себя. Дерево, таким образом, выделяется в пространстве и влияет на восприятие его границ.

Когда англосаксы вторглись в Британию, они зачастую пользовались римскими названиями в течение некоторого периода, что подтверждается Бедой Благочестивым. Так, город *Canterbury* был известен непродолжительное время в англосаксонскую эпоху как *Daruernon* или *Durovernum* «крепость у ольхового леса» (гибридный топоним с кельтским корнем и латинским суффиксом). Также Беда Достопочтенный писал, что Св. Августин, крестивший англосаксов в конце VI в., собрал епископов в месте, которое во времена Беды 100 лет спустя носило английское название «Дуб Августина» (*Augustine's Oak*). Данные топонимы представляют типичные случаи номинации, при котором отнесенность к дереву как ориентиру по его внешнему виду, отличному от других, по его связи с индивидом или по функции, обозначает место. В.А. Никонов пишет, что среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них главная черта – их сравнительность, <...> т. е. <...> «название не основано непременно на самом распространенном признаке местности, а подчас даже как раз наоборот, на редком, выделяющем данный объект из окружающей среды» [Никонов 1958: 60, 69]. Отметим, что «сравнительность» дерева реализуется через выделение особых черт дерева среди ему подобных либо дерево не является самым распространенным видом в данном небольшом ареале.

Из сохранившихся кельтских дендротопонимов на территории Англии отметим название четырех рек *Derwent*. Большинство ученых выделяют компонент **derua* 'дуб', поскольку дубы произрастали по всей территории Британии. Город *Darwen* (Ланкашир) (кельт. *derua* - 'дуб') сохранил свое кельтское название несмотря на то, что с VIII в. является англосаксонским. В данном случае отнесенность к дубу и выделение его как ориентира связаны с их единичностью, поскольку распространенность дубов в этом месте незначительна. Деревня *Darenth* в графстве Кент стоит на реке *Darent*, название которой этимологизируется как 'река среди дубов' из кельтских языков. Река *Foweу* в Корнуолле на корнском языке означает 'река среди буков'. Преобладание гидронимов среди сохранившихся топонимов кельтского происхождения в Англии подтверждает факт, что гидронимы представляют собой наиболее консервативную часть топонимии и ее наиболее устойчивый пласт.

Безусловно, преобладающим слоем топонимов на территории Англии является англо-саксонский (германский). В связи с этим Быканова В.И. отмечает, что анализ этимологии англосаксонских топонимов позволяет воссоздать образ мышления представителей этноса по отношению к окружающему миру, тем самым выявить фрагмент древнеанглийской языковой картины мира [Быканова 2011: 216]. В процессе номинации места по отнесенности к деревьям выделяются следующие основные параметры: внешний вид дерева по сравнению с другими и потенциал для хозяйственного использования. Среди делимитирующих признаков выделяются 1) цвет дерева, его коры или листьев как постоянного признака для вида дерева (*Radnage* в Букингемшире, др. англ. *rēad* + *āc* 'красный дуб'), 2) общие параметры дерева: ширина, размер, стройность, толщина, твердость и прочность (*Braddock* в Корнуолле, др. англ. *brād* + *āc* 'широкий дуб') (*Stevenage* в Хартфордшире 'сильный дуб' др. англ. *stīth* + *āc*), 3) качество корня, ветвей, ствола: размер, прямота, грубость, узловатость, гладкость (*Knotty Ash* в Ливерпуле) 4) внешний вид (*Fair Oak* в Гемпшире).

Дерево категоризируется также по соположению с другими деревьями: *Alcol* (Кент, др. англ. *āc* + *holt* 'дубовый лес'), *Acle* (Норфолк, др. англ. *āc* + *lēah* 'дубовый лес' или 'вырубка дубового леса').

Хозяйственный потенциал дерева проявляется в указании 1) на связь с животными, которые кормятся его плодами или живут за счет дерева (*Crowthorne* в Уокингэме 'терновник, куда часто прилетают вороны'), 2) на хозяйственное использование дерева или его древесины (*Copdock* в Саффолке, др. англ. *coppod* + *āc* 'дубовый пенёк'). В Англо-саксонских грамотах средневековой Англии, описывающих земельные участки по ориентирам, которыми были и деревья, определение *copped* 'обрезанный, подрубленный' относилось как к дереву, например, др.-англ. *on þa coppedan ac* 'подрубленный дуб', так и к дубовому пню (др.-англ. *stocc*) как ориентирам. 3) на принадлежность человеку: фермеру, владельцу земли, усадьбы (*Sewstern* в Лестершире, др. англ. *sāwiȝ* + *thyrne*, 'терн человека по имени *Sāwiȝ*'), 4) на результат или процесс человеческой деятельности или на функцию дерева: *Saltash* в Корнуолле 'место у ясеня, где производится соль', *Cressage* в Шропшире, др. англ. *Crist* + *āc* 'дерево Христа', у которого проводились моления, *Dethick* в Дербишире, др. англ. *dēath* + *āc* 'дуб, на котором вешали преступников'.

Другая ситуация с топонимами, в которых дендронимический компонент представляет определенный вид дерева. Дерево в этом случае, очевидно, служило отличительным свойством топоса: острова, деревни (*tūn*), фермерского участка (*hām*), берега реки, усадьбы (*wic*), леса (*holt*, *wudu*), поляны (*lēah*), поля (*feld*), огороженного места (*worth*), ручья (*bourne*), поэтому чаще всего топонимы с названиями деревьев являются сложными по составу, в котором дендронимический компонент указывает на ориентир, а второй компонент является локализирующим.

Скандинавский элемент топонимов представляет подтверждение исторических данных о последовательных волнах иммиграции и расселения из некоторых частей Скандинавии и из скандинавских колоний в течение почти двух столетий. Лингвисты обнаруживают достаточно большое количество топонимов, обозначающих географические и ботанические особенности сельской местности. Так, обнаруживаются следующие дендронимические компоненты топонимов *al* (ольха), *ask* / *asc* (ясень), *alm* (вяз), *bok* (бук), *birk* / *birc* (береза), *eik* / *ac* (дуб), *hasel* / *hesl* (орешник), *lind* (липа) и *vid* / *vith* / *sel* (ива). Компонент *eik* 'дуб' встречается в таких топонимах, как *Aikton* 'ферма у дуба' *Aike*, *Aigburth*, *Eyke*, *Ayscough*, *Akehead*, *Aysgarth* – *Echescard* (ск. *eiki*+*scarth*) 'открытое место, где растут дубы' в Северном Йоркшире, *Crookdake* от скандинавского *krókr* + *eik* 'крючковатый, изогнутый дуб'. В указанных графствах дуб не является доминирующим деревом в наше время, поэтому он выполняет функцию ориентира более точно. Компонент *askr* 'ясень' содержится в топониме *Matlask* / *Matelasc* в Норфолке 'ясень, у которого проводятся собрания', др. англ. *mæthel* + сканд. *askr*. Топоним *Askwith* в Северном Йоркшире образован от сканд. *askr* + *vithr* 'ферма у ясеня'. *Ambleside* в Камбрии восходит к сканд. *almr* + *sætr* 'загон у ясеня'.

Этимологический анализ топонимов позволяет проследить картину мира этносов, заселявших территорию современной Англии. Дерево служило основанием для топонима, если оно выделялось как ориентир в пространстве по его внешнему виду, по скоплению, по ассоциации с человеком, по его хозяйственной функции. Указанные примеры подтверждают общность подхода к номинации объекта местности через дендроним.

Литература

Быканова В.И. О топонимическом концепте / В.И. Быканова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2008. – № 1 (1) – С. 48–50.

Быканова В.И. Человек и его мир (по данным английской топонимики) / В.И. Быканова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 214–222.

Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И.А. Воробьева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – 247 с.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

Ковлакас Е.Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте / Е.Ф. Ковлакас // СИСП. – 2021. – №4. – С. 326–354.

Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях / В.А. Никонов // Onomastica, 6. – Wrocław – Kraków. – 1958. – R. IV. – № 1. – С. 57–73.

Хвесько Т.В. Когнитивное описание формирования топонимов / Т.В. Хвесько // Язык и культура. – 2008. – №3. – С. 77–82.

Практическая реализация отдельных воздействующих стратегий в англоязычном политическом дискурсе

политический дискурс, речевое воздействие, английский язык

Речевое воздействие – это лингвистический феномен, находящийся в сфере интересов психолингвистики. Несмотря на актуальность исследований, связанных с воздействующим потенциалом речи, и долгую историю становления теории речевого воздействия как самостоятельного научного направления, на сегодняшний день все еще отсутствует единое понимание того, что именно собой представляет это воздействие и каким образом оно реализуется. Частично эта проблема связана с тем, что весьма весома и логична точка зрения, согласно которой любой речевой акт обладает воздействующим потенциалом:

1) мы редко создаем текст ради текста (в данном случае мы рассматриваем текст в качестве основного результата речетворчества);

2) воздействие зачастую выделяется как одна из неотъемлемых функций речи.

Однако в случаях, когда воздействие представляется подлинной, непосредственной причиной порождения речевого акта, мы имеем дело с узким пониманием речевого воздействия, и именно ему исследователи уделяют больше всего внимания [Паршин 1986; Шелестюк 2007: 23].

В рамках обозначенного понимания речевое воздействие не реализуется обрывочно или хаотично – это всегда система, порожденная интенциями говорящего и имеющая конкретные стратегии и тактики осуществления. Последние зависят не только от интенций говорящего, но и от дискурсивных особенностей. В рамках настоящего исследования мы анализируем лингвистическую составляющую воздействующих стратегий и тактик политического дискурса. Для начала обозначим круг стратегий для анализа. Существует множество классификаций со своими содержательными особенностями [Михалёва 2009; Шейгал 2005], но две стратегии (как правило, с вариативными названиями) появляются в работах исследователей чаще всего – это стратегии “intensify” (т. н. стратегия «на повышение») и “downplay” (стратегия «на понижение», дискредитации) [Larson 2013].

В рамках первой стратегии можно выделить целый ряд тактик. В данной работе мы приведем примеры реализации двух из них – самопрезентации и самозащиты.

Тактика самопрезентации.

1. Хиллари Клинтон и ее образ «матери нации», особенно отчетливо сконструированный в ходе предвыборной кампании 2016 г. Для при-

мера возьмем ее первое выступление в качестве официального кандидата от Демократической партии. С точки зрения лингвистики такой образ достигался за счет частого использования местоимения “we”; его явного противопоставления единоличности с использованием местоимения “I”; использование слова “all”; использование наречия “together” (одна из составляющих имиджа, сконструированного для конкретной кампании); при этом в двух последних случаях возникает риск создания эффекта обезличенности.

2. Риши Сунак и образ самостоятельного, сильного, надежного лидера, что в его случае является не просто традиционным вариантом самопрезентации подавляющего числа политических деятелей, а необходимостью, продиктованной отставками и предшествовавшей им спорной деятельностью двух других премьер-министров: “I will work night and day to change...”; “I want people to clearly understand the government’s position”; “I want to make five promises to you”. В данном случае обезличенность ликвидируется за счет использования местоимения “I” и, как следствие, употребления предложений с полной грамматической основой, в активном залоге.

Тактика самозащиты.

1. В одном из выступлений Барака Обамы в рамках предвыборной кампании 2012 г. [Transcript 2012]. В данном случае самозащита строится на отрицании, что подразумевает использование соответствующих грамматических конструкций и лексики. В отношении последней можно говорить и коннотативной окраске, и об уровне выражаемой категоричности, проявляющейся, например, в используемой степени сравнения прилагательного.

2. В речи Дональда Трампа на Республиканском национальном конвенте 2020 г. В данном случае говорящий, наоборот, признает свою вину, и самозащита выражается в попытке реконструировать свой образ до момента инцидента, связанного с критикой в адрес говорящего. Помимо лексической составляющей в данном примере мы можем отметить использование повтора и параллельных конструкций.

В рамках второй стратегии обратим внимание на тактики обвинения и угрозы.

Тактика обвинения – классическая тактика для предвыборных кампаний. Прослеживается в выступлениях Дональда Трампа [Remarks 2016]. В предлагаемом тексте можно обратить внимание на экспрессивную лексику, использование числительных, имен собственных, использование обезличивания и обобщения.

Тактика угрозы – традиционно она используется довольно редко, в силу причин этикетного и стилистического характеров. Более того, если она и задействуется в политическом дискурсе, то имеет завуалированное выражение. В последнее время в связи с обострением международной политической ситуации в разных регионах данная тенденция претерпевает изменения. Однако нам все-таки удалось найти пример ее более раннего использования даже в британском политическом дискурсе в речи Терезы Мэй [Engagements 2018]. Реализация осуществляется посредством

лексических средств – использование прилагательного в превосходной степени, слов с отрицательной коннотацией.

Таким образом, политика – одна из сфер с наиболее ярко выраженным присутствием речевого воздействия, реализуемого посредством конкретных стратегий и тактик, аккумулирующих разнообразные средства лексического, грамматического, стилистического характеров. В качестве дальнейшей перспективы исследования можно предложить более глубокий и подробный анализ воздействующих стратегий в речах каждого отдельно взятого деятеля на протяжении всей политической карьеры; выяснить, какие особенности могут возникать при сравнении британского и американского политических дискурсов; провести сравнительный междискурсивный анализ для выделения наиболее характерных особенностей, присущих различным дискурсам.

Литература

Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования. Ежегодник, 1986. – М., 1987.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2005. – 434 с.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и таксономия / Е.В. Шелестюк // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007. – № 1 (010). – С. 23–29.

Engagements. House of Commons. Hansard. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-12-12/de-bates/C379B2BF-79FA-49DD-8A96-CB4DEEF5A258/Engagements> (accessed: 10.10.2023).

Larson Ch.U. Persuasion: reception and responsibility / Ch.U. Larson. – Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2013. – 481 p.

Remarks on Proposals for the First 100 Days in Office at the Eisenhower Complex in Gettysburg, Pennsylvania. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-proposals-for-the-first-100-days-office-the-eisenhower-complex-gettysburg> (accessed: 10.10.2023).

Transcript of the third debate between President Obama and Republican nominee Mitt Romney. – URL: <https://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate> (accessed: 10.10.2023).

Концепт «лень» в лексико-фразеологической репрезентации (на материале татарского и английского языков)

концепт, лень, глагол поведения, фразеологизм, пословица

Когнитивный подход к анализу языковых явлений позволяет по-новому взглянуть на лексико-фразеологическую систему языка, принимая во внимание мыслительные процессы человека. В данной работе рассмотрим особенности лексико-фразеологической репрезентации концепта «лень» в татарской и английской языковых картинах мира и восприятия этого феномена представителями разных культур.

Издrevле лень причислялась к порокам человека и служила антиподом труда и ответственного отношения к делу. Однако сегодня психологи и другие специалисты поднимают вопрос о новой этике и проблеме выбора этических координат лени [Посохова 2013: 69]. Мы считаем, что лексико-фразеологический анализ средств, вербализующих этот концепт, внес бы свою лепту в решение данного вопроса. Рассмотрение одного и того же концепта в разных языковых картинах мира позволит пролить свет на национальную специфику языковых систем и культур.

В речи носителей используются единицы различных уровней для вербализации определенных концептов. Так, поведение, связанное с праздностью, отсутствием желания трудиться, объективируется в сопоставляемых языках с помощью лексических единиц, фразеологических оборотов, свободных словосочетаний, пословиц и поговорок, текстов и совокупностей текстов.

Материалом данного исследования выступили лексико-фразеологические единицы, вербализующие концепт «лень», а также их примеры употребления, извлеченные из национальных корпусов соответствующих языков.

Лексемы *ялкаулык/laziness, idleness* образованы от соответствующих прилагательных *ялкау/lazy, idle*. Английские слова в толковых словарях помечены оценочным маркером «dissapproving» (неодобрительно) и имеют следующие значения:

1) 'not willing to work or be active' (не имеющий желания трудиться и проявлять активность);

2) 'slow and relaxed' (медленный и расслабленный).

Татарское слово *ялкау* имеет три значения:

1) 'эш яратмый торган, иренчэк' (не любящий трудиться, ленивый);

2) *күч.* 'экрен хәрәкәтләнә торган' (*перен.* медлительный в движениях);

3) *күч.* 'экрен, салмак, сүлпән; артык тыныч' (*перен.* медленный, размеренный, неторопливый; слишком спокойный).

Итак, в обоих языках в лексемах подчеркивается физическая и умственная расслабленность человека.

Среди разноуровневых средств выражения поведения, характеризующегося праздностью и бездельем, особая роль принадлежит глаголам поведения, которые емко и лаконично передают многоаспектную ситуацию поведения как единое целое [Айдарова 2016: 74]. Было выявлено 64 глагола в английском языке и 24 – в татарском; и все глаголы поведения были разделены на три группы: глаголы, обозначающие безделье и праздность; глаголы, обозначающие медлительность и канитель в делах; глаголы, обозначающие уклонение от дел.

Интересно, что в значениях глаголов английского языка часто присутствует сема 'time' (время), которая, по-видимому, подчеркивает щепетильное отношение англичан к распределению собственного времени: *idle away* 'to spend a period of time relaxing and doing very little' (проводить время в расслабленном состоянии и мало работать): *We idled away the hours drinking and playing cards.* – *Мы впустую тратили время, пили и играли в карты.*

В татарском языке глагол *селкену* выражает поведение ленивого человека, который делает вид, что работает (*күч. ирон. 'эшләгән сыман кылану'* (*перен. ирон. прикидываться занятым какой-то работой*): *Бәрәңгә жыючылар арасында селкену.* – *Околачиваться среди собирателей картошки.*

Поведение, связанное с бездельем и пассивностью, находит свое словесное выражение на фразеологическом уровне. Так, было выявлено 32 ФЕ в английском и 106 ФЕ в татарском языке [Аминова 2016: 107–109]. Материал глагольных фразеологизмов позволяет пополнить представление о концепте «лень» и выявить дополнительные способы репрезентации изучаемого концепта. Так, ФЕ могут обозначать не только праздный образ жизни и бездействие, но и монотонную, пустую и бесполезную деятельность: *кәнитил сузу, резина тарту, бер үк сүзне чәйнәү, жил куу; fish in the air, beat a dead horse, shoe a goose* и др.

В пословицах любого языка материализован дух народа, его нравственные критерии, оценка внутреннего мира человека и его внешних действий и поступков. В пословицах можно увидеть ценностное отношение народа к проявлению лени и тунеядства. Наш материал насчитывает 48 пословиц английского языка и 83 пословицы татарского языка о лени.

В англоязычной культуре лень связана с нечистым духом, злом, дьяволом: *Idleness is a root of all evil* (*Лень – корень всего зла*), *An idle brain is a devil's workshop* (*Ленивый мозг – мастерская дьявола*). Тунеядство приводит к бедности: *Idleness is a key of beggary* (*Лень – путь к нищете*), *The slothful man is the beggar's brother* (*Ленивый человек – брат нищего*). Ленивый человек всегда находит отговорки: *The sluggard's convenient season never comes* (*У лентяя никогда не находится удобного времени*), *Idle folks lack no excuses* (*Лодыри всегда найдут отговорку*).

В татарском пословичном фонде подчеркивается неполноценность ленивого человека: *Ялкау кеше тере мәет кебек (Лодырь подобен живому трупу); Ялкау кеше – ярты кеше, уңган кеше – алтын кеше (Ленивый человек – получеловек, способный человек – золотой человек)*. У бездельника дело не спорится: *Иренгән ике эшләгән, һаман эше пешмәгән (Лодырь сделал дважды, но у него ничего не вышло), Иренгән ике эшләр, пычрак бармагын тешләр (Лентяй сделает дважды, будет кусать грязные пальцы)*. Ленивый человек ассоциируется с болтливостью: *Ялкау кайда – сүз шунда (Где лентяй, там много слов); Ялкайга эш кушсаң, ул сиңа акыл өйрәтер (Дай работу бездельнику, он сам тебя станет поучать)*.

Таким образом, концепт «лень» наряду с концептом «труд» является универсальным феноменом, имеет большую общественную значимость. Данный концепт вербализуется языковыми единицами разных уровней, которые реализуют его национально-культурную специфику. Анализ данных единиц на лексико-фразеологическом материале позволяет выявить универсальные представления носителей татарской и англоязычной культур о проявлениях и сущности лени, а также определить специфические черты в способах мировидения данного феномена.

Литература

Айдарова А.М. Некоторые особенности семантики и функционирования глаголов безответственного поведения русского, английского и татарского языков / А.М. Айдарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 74–77.

Аминова А.А. Поведение человека в лексико-фразеологической репрезентации (на материале русского, татарского и английского языков) / А.А. Аминова, А.М. Яхина. – Казань: Изд-во КНКТУ, 2016. – 188 с.

Посохова С.Т. Этические аспекты психологии лени / С.Т. Посохова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 158. – С. 67–78.

Сүзлекләрнең электрон фонды. – URL: <https://suzlek.antat.ru/> (дата обращения: 28.11.2023).

Татар халык иҗаты: Мөкальләр һәм әйтемләр. – Казань: Татарское книжное издательство, 1987. – 590 с.

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 28.11.2023).

The Penguin Dictionary of Proverbs. Market House Books Ltd. – 2008. – 188 p.

Возможности когнитивной лингвистики при проведении судебных лингвистических экспертиз

*когнитивная лингвистика, экспертиза показаний,
искажение сообщаемой информации*

В современных реалиях вопросы когнитивной лингвистики стали активно изучаться в свете мультимодальности. Очевидно, что люди общаются друг с другом не только словами, но и варьируя громкость речи, изменяя интонацию и темп, используя жесты и мимику. И вновь мы активно говорим о том, что язык теснейшим образом связан со всеми мыслительно-познавательными процессами человека, с его способностью запоминать, извлекать нужную информацию из памяти, передавать информацию другим людям.

Когнитивная лингвистика тесно связана и с такими дисциплинами, как психология, философия, информационные технологии (в том числе с технологиями искусственного интеллекта). Благодаря развитию когнитивной лингвистики расширяются и возможности лингвистической экспертизы.

В рамках уголовного судопроизводства все чаще назначаются комплексные психолого-лингвистические экспертизы по выявлению признаков искажения сообщаемой информации допрашиваемыми: исследование, как правило, проводится двумя экспертами – лингвистом и психологом, при этом основная часть исследования выполняется именно лингвистом, который исследует взаимосвязь вербальных особенностей речи и качественных особенностей речевых сообщений.

Единственной методикой на сегодняшний день, которая позволяет проводить подобного рода исследования, является Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) [Методика 2018], которая хоть и не содержит в своем наименовании указания на ее отнесенность к лингвистическим исследованиям, но ее содержание и методы исследования имеют прямое отношение к когнитивной лингвистике, цель которой заключена в том, чтобы изучить процессы восприятия и передачи информации, последовательность осмысления мира; разобраться, каким образом накапливаются знания, как они преломляются и видоизменяются под воздействием внешних и внутренних факторов, как происходит искажение сообщаемой информации и какими сопутствующими признаками этот процесс сопровождается.

Вместе с тем не всегда экспертное сообщество готово принять новые методы исследования. Методика и по сей день подвергается серьезной критике со стороны части экспертного сообщества (Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» [Информационное 2016: 64–73]). Авторы информационного письма в качестве критики указывают, что проведение каких-либо судебных экспертиз по установлению признаков достоверности (недостоверности) показаний неприемлемо ввиду того, что это противоречит уголовно-процессуальному законодательству РФ и в целом уровню развития науки.

Критика Методики не затрагивает вопросы ее возможной доработки, хотя, на наш взгляд, переводение методики в разряд психолого-лингвистических исследований с включением в работу эксперта-лингвиста вывело бы экспертное заключение, выполняемое в соответствии с данной Методикой, на качественно новый уровень.

Говоря о возможностях когнитивной лингвистики в контексте ответа на вопрос о наличии или отсутствии признаков искажения сообщаемой информации, в соответствии с Методикой рассматриваются такие параметры речи допрашиваемого, которые в совокупности с иными признаками, в том числе невербальными, будут свидетельствовать о манипулировании информационным потоком: чрезмерно выстроенная структура изложения, которая может свидетельствовать о преднамеренной заученности показаний, отсутствие контекстуальных вставок во время повествования; отсутствие или фрагментарное описание взаимодействия и разговоров; колебания частоты тона и интенсивности речи; резкие перепады речи; возрастание темпа артикулирования; уклончивый характер ответов; использование речевых уверток; проговорки, которые выявляют большую информированность говорящего, чем та, которую он демонстрирует; внутренние противоречия, логические разрывы и иные дефекты сообщения и т. д. Всего в Методике приводится несколько десятков параметров.

Также отметим, что в последние годы выявляется тенденция к использованию возможностей современного прикладного программного обеспечения в рамках когнитивных исследований.

Так, например, активно используется программный комплекс «Лингва-экспресс» в рамках проведения автороведческих экспертиз. В одном из экспертных заключений находим: «Представленные тексты “Текст 1” и “Текст 2” после их анализа с помощью программы “Лингва-экспресс” дают устойчивую психологическую палитру автора и рейтинг его владения русским языком, что позволяет утверждать с большой долей вероятности, что автором является одно и то же лицо».

Е.И. Галяшина в своей работе «Основы судебного речеведения» описывает принцип действия этой компьютерной программы, указывая на возможность выявления с ее помощью «особенностей речевого поведения, глубинных психических свойств или характера автора и переживаемых им в момент порождения текста состояний» [Галяшина 2003: 19].

Еще одна компьютерная программа В.П. Белянина ВААП позволяет выявлять соотнесенность между лексическими элементами текста и возможной акцентуацией его автора (такой как: паранойяльность, возбудимость, маниакальность, депрессивность, истероидность, демонстративность и т. д.) Программный комплекс позволяет предсказать степень воздействия анализируемого текста на адресата и сделать некоторые предположения относительно личности автора.

Таким образом, экспертная практика показывает, что возможности когнитивной лингвистики востребованы, поскольку помогают раскрывать скрытые связи между сознанием и языком, а результаты таких лингвистических исследований могут стоять в одном ряду с доказательствами при расследовании преступлений.

Литература

Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения / Е.И. Галяшина. – М.: СТЕНСИ, 2003. – 236 с. – ISBN 5-8137-0113-3. – EDN FWUPZV.

Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С.А. Смирнова, Е.В. Макушкин, А.Я. Аснис [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 3 (43). – С. 64–73. – EDN WWJZKV.

Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): Научно-практическое пособие / А.М. Багмет, А.Н. Гусев, В.Ф. Енгальчев [и др.]; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 192 с. – ISBN 978-5-905926-49-5. – EDN GBADIR

Эволюционные изменения в восприятии концепта *violence/насилие* во французской социальной рекламе 2000–2023 гг.

*социальная реклама, насилие, социальный концепт,
динамика изменения*

Социальная реклама представляет собой особый вид отдельной рекламного продукта, реализуемого в пространстве рекламного дискурса на некоммерческой основе.

Основной тематикой социальной рекламы выступают значимые для общества вопросы, в связи с чем социальная реклама обладает высокой степенью национальной специфичности [Анисимов 2022].

Лингвокультурные особенности репрезентации социальной рекламы могут проявляться как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте и не только в выборе тематики, но и формате функционирования отдельных концептов в связи с культурно-исторической спецификой рассматриваемого общества.

Основной тематикой французской социальной рекламы становятся темы домашнего насилия над женщинами и детьми (*violence contre les femmes et les enfants*), вопросы гендерного равенства (*parité hommes-femmes*), безработицы (*chômage*), миграции (*migration*), сохранения исторического и культурного наследия Франции (*préservation de la patrimoine historique et culturelle*).

В связи с этим обозначенные темы обладают определенными лингвистическими и экстралингвистическими особенностями репрезентации в дискурсе современной французской социальной рекламы как в синхроническом, так и в диахроническом моменте.

Национальная специфичность современной французской социальной рекламы обусловлена как историко-культурными особенностями развития Франции, так и современной социально-политической ситуацией в Третьей Республике (см. рис. 1).

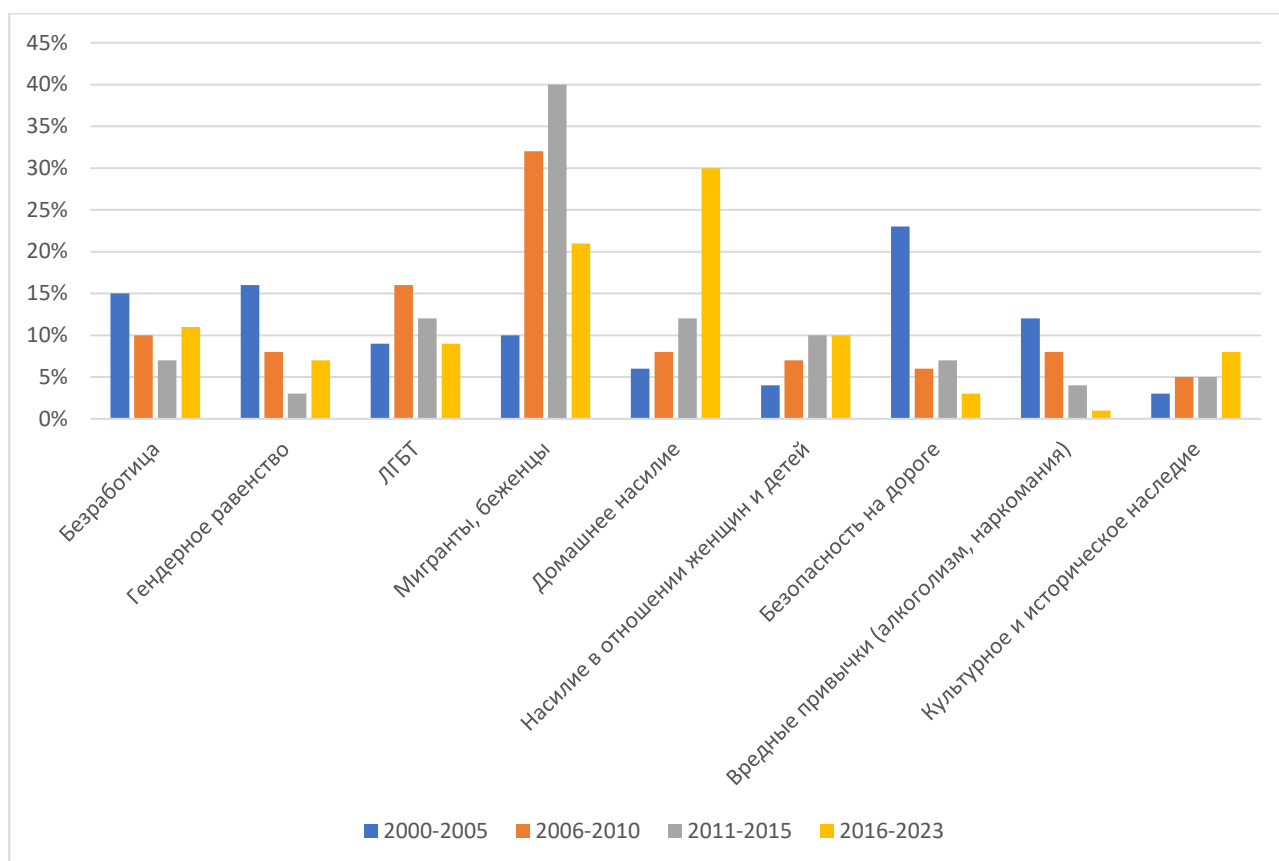

Рис. 1. Тематическое соотношение французской социальной рекламы, посвященной проблеме миграции, в 2000–2023 гг.

Согласно данным, полученным путем анализа ведущих агентств-распространителей социальной рекламы во Франции, количество социальной рекламы, публикуемой по тематике «насилие» в период с 2000 по 2023 г. возросло более чем в 20 раз (с 23 объектов социальной рекламы, опубликованных в 2000 г., до 472 объектов на ноябрь 2023 г.).

Вопросы насилия являются одной из важнейших социальных проблем во всем мире. В дискурсе современной французской социальной рекламы данная реклама направлена в основном на профилактику и предотвращение домашнего насилия, а также насилия, направленного против женщин и детей, в том числе подростков.

Тенденция увеличения социальной рекламы, посвященной тематике насилия, связана с увеличением преступлений, связанных с насилием, количество которых, по данным полицейского управления Франции, возрастает в период с 2000 г. [Le Centre 2023].

При этом изменяются и лингвистические маркеры, определяющие концепт *violence/насилие* (см. рис. 2).

Рис. 2. Социальная реклама, посвященная репрезентации концепта *violence/насилие* в французской социальной рекламе, 2005–2008 гг.

Реклама, представленная в период до 2010 г., обладает выраженным традиционным пониманием насилия как «Ensemble des actes caractérisés par des abus de la force physique, des utilisations d'armes, des relations d'une extrême agressivité» / «все действия, характеризующиеся применением физической силы, оружия, а также крайне агрессивным отношением». Преимущественно социальная реклама данного периода посвящена вопросам домашнего насилия по отношению к детям (физические наказания, порка, рукоприкладство), а также сексуальному насилию над женщинами (изнасилование, принуждение к сексуальным отношениям и т. д.). На лексическом уровне данные тенденции выражаются посредством применения однозначных лексем (*violence, enfance, femme, rapé, victime*), а также клишированных фраз (*dit pas non...dit oui, non ... c'est oui, c'est mon droit [de l'homme]*). Концепт *насилие* представляется в однозначном варианте противоправных физических действий физического характера.

Начиная с 2010 г. данный концепт начинает меняться (см. рис. 3):

Рис. 3. Социальная реклама, посвященная репрезентации концепта *violence/насилие* в период 2010–2015 г.

В данный период в рекламе начинает подниматься тематика скрытого и домашнего насилия, когда жертва не желает заявлять о насилии, а также психологического насилия как насилия, не оставляющего следов. На лексическом уровне социальная реклама становится более многозначной, в ней не используются прямые номинации насилия и лиц, связанных с ним, как в рекламе предыдущего периода, однако используются личные и прилагательные местоимения 1 и 2 лица (*tu, je, moi, je t'humile*). Данный тип рекламы направлен не на осуждение насилия, а на помощь и реабилитацию жертв насилия, а также открытое обсуждение травматичности не только насилия, но и его последствий.

Наконец, реклама новейшего периода (2016–2023 гг.) часто посвящена вопросам переживания насилия и новой жизни после него, а также реабилитации жертв насилия и прямым призывам к борьбе с ним (рис. 4).

Рис. 4. Социальная реклама, посвященная репрезентации концепта *violence/насилие* в период 2016–2023 г.

На лексическом уровне здесь снова появляются прямые номинации насилия, при этом присутствует призывательный компонент, выраженный употреблением императивов и эмоционально окрашенных лексем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национально-специфическими чертами репрезентации концепта *violence/насилие* в современной французской социальной рекламе становится обращение к темам насилия над женщинами и детьми, а также насилия в семье и сексуального насилия.

Эволюционные изменения прослеживаются как на лексическом, так и на семантическом уровне, выражаясь в смене основной парадигмы: от освещения проблем насилия до профилактики и призывов к борьбе с ним.

Литература

Анисимов В.Е. Особенности перевода слоганов социальной рекламы в современном веб-пространстве / В.Е. Анисимов, Е.Д. Калининкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2022. – №10 (865). – С. 16–23.

Dictionnaire Larousse (actuelle). – Text: electronic. – URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9M2125> (accessed: 28.11.2023).

Le centre de l'observation de la société française. – Text: electronic. – URL: https://www.observationsociete.fr/modes-de-vie/divers-tendances_conditions/evolutioninsecurite/ (access: 28.11. 2023).

**Манипулятивные технологии в политическом тексте:
языковые средства**

*политический текст, стратагемы влияния, контекст,
манипуляционные технологии, пропаганда,
стратификация текста*

Целью многих политиков и авторов политических текстов является манипулирование, сокрытие реальности. В современном обществе необходимо интересоваться политикой, пытаться сделать выбор, осмыслить свои предпочтения, даже если приходится делать выбор [Анализ 2006: 7].

Под политическим текстом понимается текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории, причем под «массовой» понимается также и потенциальная аудитория. Политика – сфера прежде всего общественная, а не личная. Задача любого политика, политического публициста или иного другого автора политического текста, во-первых, убедить аудиторию, что именно его точка зрения истинна, что именно его видение проблем и общества адекватно реальности и что в рамках именно так понятой действительности возможно решить эти проблемы, причем решить наилучшим для адресата образом.

Для того чтобы политик смог убедить аудиторию в актуальности своих проблем, ему необходимо выявить общие точки соприкосновения между своим видением ситуации и восприятием аудитории. Он должен доказать, что предлагаемое им решение является наилучшим для решения данных проблем. Для этого политик может использовать различные аргументы в своем выступлении, включая логические доводы, ссылки на авторитетные источники, эмоциональные образы и риторические приемы. Ключевым моментом является грамотное понимание аудитории и убежденность политика в своей правоте [Анализ 2006: 17].

Чтобы добиться максимального влияния, необходимо осуществить четыре главные стратагемы влияния или основных маневра, обеспечивающих достижения согласия. Стратагемы восходят к глубокой древности, и первым автором аргументации или стратагем был Аристотель, который разработал всестороннюю теорию убеждения. Его теория рассматривала три аспекта убеждения – источник (этос), послание (логос) и эмоции аудитории (пафос).

Теория Аристотеля получила разработку и дополнения, и, на наш взгляд, самым удачным описанием характеристик для речевой манипуляции является следующее:

- 1) «апеллирование к эмоциям (пафос), а не к интеллекту;

2) информация наполнена ценностью, она затрагивает суждения, предрассудки и чувство этики (этос) аудитории;

3) использует выборочную информацию; чаще всего не пропорциональную;

4) намерения или мотивы важны; есть конкретное место назначения для информации».

Соответственно, выделяют три уровня политического текста:

1) уровень прямого слова, содержательный уровень, то, что сказано прямо;

2) риторический уровень: то, как сказано,

3) уровень априорных посылок: идеи, представления, лежащие в основе прямого слова.

Алтунян отмечал, что политическое послание автора политического текста состоит в том, что он: а) говорит о какой-то проблеме; б) ставит ее в контекст ситуации и в) исходя из своего видения контекста и проблемы, предлагает решение этой проблемы [Анализ 2006: 30].

Большая часть сообщения является прямым выражением мыслей автора, включая его политические и социальные взгляды, а также выдвигаемые им проблемы и предлагаемые способы их решения. Этот уровень текста можно назвать уровнем прямого слова. Кроме прямого слова и смысла, существует другой уровень текста — априорные предпосылки, которые автор использует для анализа ситуации. Обычно политические заявления автора представляют собой прямые высказывания, но контекст видения ситуации формируется как прямым описанием, так и через тот взгляд, каким автор оценивает ситуацию, используя различные техники описания.

Второй уровень – это уровень риторических средств: то, как сказано, точнее, как автор оформляет свои мысли, свои предложения, выраженные прямым словом.

Автор использует определенный выбор слов, структуру фраз, порядок слов и другие стилистические приемы для передачи своих мыслей через прямое слово. Он придерживается определенных правил и норм, таких как жанровые требования, стилистические и лексические нормы. Кроме того, каждый идеологический дискурс и общепринятый взгляд на действительность в обществе имеет свой набор риторических приемов, которые используются при обсуждении проблем [Анализ 2006: 31].

Манипуляция общественными мнениями или убеждениями наиболее успешно достигается при помощи пропаганды. Пропаганда – это особая форма или особый механизм систематически спланированной массовой коммуникации, цель которой заключается в способности текста убедить или переубедить. Для этого она использует обычно символически заряженный или идеологически оформленный (образный) язык, который искажает действительность, поскольку либо неверно передает информацию, либо полностью ее подавляет. Цель пропаганды – вызвать у реци-

пиентов определенное восприятие событий или мнений, согласно которому новая информация и факты встраиваются в контекст идеологически окрашенного мировоззрения (так называемого фрейминга). Таким образом, пространство восприятия, в котором получатели могут классифицировать или оценивать информацию, в долгосрочной перспективе подвергается манипуляциям с помощью пропаганды [Propaganda 2013: 2].

Формирование мнения о предметах пропаганды основывается на манипуляциях. Манипуляция – это когнитивное искажение, построенное на динамических стереотипах поведения и логических ошибках, которые заметить крайне сложно.

Таким образом, различие технологий манипулятивного текста и языка пропаганды недостаточно изучено и нуждается в уточнении как на уровне стратификации текста, так и на уровне отдельных выявлений определенных языковых явлений и приемов. Не в последнюю очередь данные явления интересны и при выполнении компьютерной разметки текста и автоматической его обработки.

Литература

Анализ политических текстов: Учебное пособие / А.Г. Алтунян. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с. – ISBN 5-98704-107-4

Propaganda. Theoretisches Konzept und geschichtliche Bedeutung, Version: 1.0 / Thymian Bussemer. – [Германия, 2013] // Docupedia-Zeitgeschichte. – URL: http://docupedia.de/zg/bussemer_propaganda_v1_de_2013 (дата обращения: 13.10.2022).

Метафорическая репрезентация искусственного интеллекта в современном англоязычном медиадискурсе

*метафорический оборот, метафорическая модель,
искусственный интеллект, коннотация,
манипулятивный дискурс*

AI, Artificial Intelligence ‘ИИ, искусственный интеллект’, по версии составителей словаря Collins Dictionary, является словом 2023 г. [Collins 2023]. Согласно Cambridge Dictionary данный титул принадлежит глаголу **hallucinate** ‘галлюцинировать’, который обозначает генерирование искусственным интеллектом ложной информации [Cambridge 2023]. Знаменуя новую техническую революцию, ИИ, как любое социально значимое явление, вызывает неоднозначную реакцию общества и становится предметом многочисленных обсуждений. Лингвистическое моделирование образа ИИ происходит главным образом в медиатекстах, облигаторным компонентом которых являются языковые единицы с определенной коннотативной нагрузкой. Семантические и интенциональные характеристики метафорических оборотов, которые представляют ИИ в текстах современных англоязычных СМИ, – предмет данного исследования.

Мы отталкиваемся от предположения о том, что «метафоризация темы показывает прямое или опосредованное намерение автора изменить общие представления о передаваемых в теме концептах: либо добавить к ним новые концептуальные значения посредством онтологических метафор, либо изменить структуру концепта, последовательно используя структурные метафоры с высоким потенциалом воздействия» [Калинин 2022: 358].

Нами был проведен анализ статей британских и американских интернет-изданий «Nautilus», «Financial Times», «The Guardian», «The New York Times» с целью обнаружить частные речевые проявления концептуальных метафорических переносов со сферой-мишенью ИИ в их дискурсивной обусловленности.

В результате анализа метафор, употребляемых для номинации ИИ в текстах англоязычных СМИ, нами были выявлены две основные концептуальные метафорические модели: **ИИ – опасность** и **ИИ – богатство**.

1. Фрейм **ИИ – опасность** представлен наибольшим количеством импликаций. Эта метафорическая проекция предполагает описание нейросетей как потенциальную угрозу корпорациям, которые их создали или обучают: ‘a missile aimed directly at software production itself’ – боевая ракета, нацеленная непосредственно на производство программного

обеспечения. Представление об ИИ также основано на метафоре **лжи** и **уничтожения**. Генеративный ИИ в современных СМИ – это экзистенциальная угроза человечеству (an existential threat to humanity) подобная пандемии и ядерной войне; инопланетный разум (an alien intelligence), которому чужды человеческие ценности; черный ящик (a black box), то есть непостижимая для человеческого разума система обработки информации; транслятор недостоверной информации (garbage in, garbage out – мусор на входе, мусор на выходе), который претендует на статус источника непреложной истины (the oracle of truth).

То есть в сознание читателя внушается мысль, что ИИ – это недруг, непредсказуемый противник, который довольно опасен и несет фатальные последствия.

2. В фрейм **ИИ – богатство** вошли метафорические обороты, которые ассоциируют современные компьютерные технологии с золотой лихорадкой: ‘gold rush’ или ‘Californian gold rush’ – Калифорнская золотая лихорадка, ‘to dig seams of digital treasure manically’ – с маниакальным усердием раскапывать кладези цифровых сокровищ, ‘to bag the most gold’ – добыть больше всего золота, ‘to spit dust’ – пыль глотать (*дословно* плевать пылью), ‘picks and shovels’ companies – кирки и лопаты, то есть предприятия, поставляющие крупным компаниям оборудование для обслуживания ИИ. (Данное выражение вошло в обиход в период Калифорнской золотой лихорадки 1840–1850-х гг. и обозначало предприятия, которые серьезно обогатились только на том, что продавали старателям кирки и лопаты, необходимые для поиска золота).

Исследование показало, что на эмоционально-оценочном уровне ИИ, с одной стороны, репрезентируется как источник обогащения, рог изобилия, невероятная удача (the biggest babanza) для его разработчиков и владельцев, с другой, как средство латентного манипулирования сознанием или причина неизбежного порабощения или уничтожения человечества (в данном контексте авторы медиатекстов также проводят параллель между ИИ и Шогготами (Shoggoths) из романа Г. Лавкрафта «Хребты Безумия», созданных для служения, но впоследствии уничтоживших своих творцов).

Авторы текстов, будучи противниками или сторонниками нейросетей, формируют в сознании читателей концептуальный образ ИИ и закрепляют его через красочные метафорические обороты. Употребление метафор придает текстам аксиологическую модальность, используется как эффективный лингвистический инструмент в манипулятивных стратегиях и направлено на изменение языковой картины мира читателя.

Литература

Калинин О.И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О.И. Калинин; Моск. гор. пед. университет. – М., 2022. – 480 с.

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 21.11.2023).

Collins. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 22.11.2023).

Концепт «семья» в немецкой лингвокультуре

*лингвокультура, концепт, лексема, неологизм, немецкий язык,
национальная картина мира*

Любая лингвокультура, в том числе и немецкая, формируется на основе концептов, образующих ядерную (основополагающую) концептосферу национального мировосприятия, о чем писал еще В. фон Гумбольдт в своих работах по исследованию взаимозависимости национального духа и языка. Как известно, концепты могут трансформироваться, отражая изменения в жизни общества, изменения в национальной картине мира, поэтому они не являются статичными величинами, а трактуются, скорее, как динамичные структуры [Попова 2007: 115].

Одним из основных концептов лингвокультуры является «семья», и в современной картине мира той или иной нации на данном концепте можно проследить изменения в восприятии современным человеком и обществом, в котором он живет, семейных ценностей. Концепт «семья», являясь универсальным, одновременно представляет национальное отражение восприятия семейных ценностей в каждой отдельной лингвокультуре, базирующееся как на традиционно существующих представлениях о семье, так и на современной переоценке семейных взаимоотношений.

Рассмотрим подробнее концепт «семья» в современном немецком языке, обратившись к его двум аспектам: традиционное представление о семье и семейных ценностях в ментальности немцев и привнесенное в XXI в., что формирует альтернативное представление о семейных узах. Концепт «семья», как и большинство универсальных концептов, в немецкой лингвокультуре характеризуется многослойной структурой. Ядро концепта – это веками сложившиеся понятия и представления об институте семьи с его устоявшимися ценностями и структурой, выраженные богатым лексическим материалом, а вот периферия концепта наполняется неологизмами, отражающими новое положение дел.

Таким образом, основной лексический инвентарь концепта «семья» основан на существующем сегодня отношении немцев к семейным ценностям, в котором переплетены традиционные и порожденные новыми реалиями аспекты. Можно обнаружить некое противоречие в том, что, с одной стороны, у немцев в приоритете семья как важная часть их жизни, а с другой, отказ от заключения официальных брачных союзов и предпочтение образа жизни одиночки. Как отмечается в аутентичных исследованиях, особенно в крупных городах (Берлин, Гамбург, Бремен или Мюнхен), число взрослых людей, проживающих в одиночестве, без партнера

или детей, составляет уже почти 40 %. Отмечается, что, несмотря на желание создать семью, союзы непрочные и быстро распадаются. Исследование подобных демографических ситуаций необходимо в рамках соответствующих наук, для лингвистики и когнитивистики важен вопрос, каким образом меняются концепты в языковой картине мира нации. Таким образом, институт семьи уже не тот, каким воспринимался традиционно на протяжении веков с такими традициями, как помолвка (*die Verlobung*), вечер накануне свадьбы (*Polterabend*) с традицией бить посуду (*poltern*). Анализ номинативного инвентаря по целому ряду публикаций показал, что исследователи в концепт «семья» не включают тематические поле подготовки к семейной жизни, хотя, на наш взгляд, его целесообразно включать, особенно для немецкой языковой картины мира, поскольку традиция бить посуду с шумом на пороге дома молодых является отражением специфики немецкого мировосприятия и напрямую связана с концептом «семья».

Концепт «семья», как и любой другой, имеет традиционную структуру, представленную ядром и периферией (о структуре концепта см.: [Фрумкина 1996]). В ядерную часть концепта, как правило, включаются лексемы, традиционно представленные в словаре немецкого языка и охватывающие широкий тематический спектр (родственные отношения и родственные связи – *Vater, Mutter, Tochter, Sohn, Tante, Onkel, Großeltern, Enkelkind* и т. д.; структура и тип семьи – *Großfamilie, Kleinfamilie, Kernfamilie* и т. д.).

Концепт «семья» в современном немецком языке представлен обширным лексическим пластом, в который входят как традиционные лексические единицы, так называемые корневые слова – *Wurzelwörter*, так и многочисленные номинации, обусловленные продуктивностью словосложения, одной из основных словообразовательных моделей немецкого языка.

Важно отметить, что основные лексемы ядра концепта обозначают традиционные отношения и родственные связи и поэтому имеют эквиваленты в любом другом языке, в том числе в русском языке. Интересны в лингвокультурном отношении в немецком языке обозначения мужа (*der Mann – der Ehemann*) и жены (*die Frau – die Ehefrau*). Следует отметить, что муж и жена по-немецки *der Mann, die Frau*, но эти лексемы многозначны: имеют значение «мужчина» и «женщина» (гендерная дифференциация), поэтому используются уточняющие синонимы *der Ehemann, die Ehefrau*. Есть также в этой родственной нише стилистические синонимы *der (Ehe)Gatte – die (Ehe)Gattin* (соответствия в русском языке *супруг – супруга*).

Периферийная зона концепта формируется более широкими понятиями, отражающими, например, социальное происхождение членов семьи, их образовательный уровень, профессиональную деятельность, религиозный статус. Приведем несколько примеров лексем данного пери-

ферийного уровня: *Arbeiterfamilie* (рабочая семья), *Bürgerfamilie* (буржуазная семья), *Diplomatenfamilie* (семья дипломатов), *Offiziersfamilie* (офицерская семья) и др.

В современном западноевропейском обществе меняется статус семьи, и вместе с этим концепт «семья» претерпевает изменения. Новые представления о семье включаются в периферийную зону концепта, оставляя все-таки неизблемым его ядро. Здесь следует назвать такие концептуально значимые неологизмы, как *unvollständige Familie* (неполная семья), *Ein-Eltern-Familie* (неполная семья – только один родитель), *Pflegefamilie / Adoptivfamilie* (приемная семья), *die eheähnliche Gemeinschaft* (сообщество, подобное браку), *Patchworkfamilie* (пэчворк-семья – семья с общими детьми и детьми от предыдущих браков союзов) и др.

В современных зарубежных исследованиях отмечается динамика изменений в структуре концепта «семья», что в немецком языке находит отражение в использовании номинативных единиц нового формата для обозначения внутрисемейных отношений, например партнерство вместо супружества (*Partnerschaft – Ehe*).

Как отмечает С.В. Буренкова в своих исследованиях, концепт «семья» в немецком языке пополняется достаточно активно номинациями новых типов семей, например: *Einelternfamilien* (семья с одним родителем), *Regenbogenfamilien* (однополая семья), *On-off-Beziehung* (свободные отношения), *Ehe für alle* (однополые отношения – калька с французского языка *mariage pour tous*) [Буренкова 2018, 2020], причем следует отметить, что многие наименования – это неологизмы-эвфемизмы, с помощью которых вуалируется отличная от традиционного восприятия позиция.

Периферия концепта «семья» в немецком языке пополнилась рядом неологизмов, отражающих ценностные отношения в семье, например: *Helikoptereltern / Heli-Eltern / Propellereltern* (родители-вертолеты), т. е. родители, чрезмерно опекающие своих детей. С недавнего времени в концепт «семья» вошли неологизмы *Elternzeit* (оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком для матери или отца – с 1 января 2001 г. оба родителя могут брать оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком); *Latte-macchiato-Mutter* – (латте макиато-мама) – мать, которая сознательно хочет вести свой прежний, необремененный образ жизни даже с маленьким ребенком [Буренкова 2018] и др.

Подводя итог, можно отметить, что на сегодняшний день относительно стабильными все-таки признаются такие элементы концепта «семья», как совместное проживание, забота и воспитание, безопасное пространство, социальные взаимоотношения, любовь и эмоциональность, что подтверждается исследованием номинативного поля данного концепта. Мы наблюдаем расширение номинативного поля за счет появления обозначений новых социально-общественных реалий, и, ссылаясь на И.Н. ван дер Вуд, можно констатировать, что концепт «семья» в национальной немецкой картине мира с точки зрения его традиционных ценностей под-

вергается все-таки некоторому переосмыслению в национальном сознании носителей языка. Идеальное представление о среднестатистической семье как о состоящих в браке родителях и их детях, выраженное в языке с помощью разнообразных единиц, больше не совпадает с реальным опытом растущего семейного разнообразия [Van der Woude 2011].

Литература

Буренкова С.В. Исследование динамики немецкого концепта Familie / С.В. Буренкова // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – № 4 (21). – 2018. – С. 56–59.

Буренкова С.В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод / С.В. Буренкова // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – № 1 (26). – 2020. – С. 59–63.

Гуляшова Г.А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира (на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Гуляшова. – Барнаул, 2007. – 23 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 315 с.

Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–67.

Van der Woude, I. N. «Familie» als Diskursobjekt. Veränderungen im Spiegel des Sprachgebrauchs der Presse seit den 1960er Jahren in Deutschland und Schweden / I.N. van der Woude. – Linköping: LiU-Tryck, 2011. – 310 S.

Речевой жанр прощания в лингвоконцептологии

речевой жанр, прощание, лингвокультура, лингвоконцептология

Изучение проблем речевых жанров является на сегодняшний день одним из востребованных направлений в филологии. Актуальность его выражается в том, что речевые жанры являются неперменным атрибутом всех видов коммуникации между индивидами, а изучение их позволяет выявить данные о важных аспектах дискурса, об условиях вариативности различных типов высказываний, о значениях и смыслах вербальных и невербальных форм реализации. Объект данной статьи – речевой жанр прощания, обслуживающий типичные коммуникативные ситуации прощания, является неотъемлемым составляющим для речевого этикета в любой лингвокультуре, формы актуализации которого имеют свои особенности ввиду различий в структурах и единицах языков. Более того, по-разному соотносятся эти формы и с определенными концептами в национальных картинах мира. Предметом исследования выступают лингвоконцептологические характеристики данного речевого жанра в разных лингвокультурах. Определить связи форм актуализации речевого жанра прощания с концептами, значимыми для двух лингвокультур, русской и английской, является целью данной работы.

Методологию данного исследования определили научные области лингвистического направления в соответствии с предметом статьи: теория речевых жанров, лингвоконцептология, теория дискурса.

Прощания, являющиеся частью речевого этикета любой лингвокультуры, рассматриваются в данной работе как речевые жанры, спектр форм актуализации которого в речи чрезвычайно широк, от вербальных способов (разнообразные речевые выражения) до невербальных (жесты, взгляды, мимика).

Основы теории речевых жанров были заложены русским философом, культурологом и литературоведом М.М. Бахтиным. Согласно его определению, речевые жанры представляют собой «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1997: 159]. Так, М.М. Бахтин выделял первичные и вторичные речевые жанры. К первичным он относил ситуативно обусловленные речевые жанры, которые реализуются в непосредственном общении между коммуникантами, например приветствие, прощание, просьба, благодарность, приказ, извинение. Ко вторичным – речевые жанры, функционирующие в сфере литературы: романы, драмы, научные исследования.

Лингвоконцептология, относительно новая научная дисциплина, в которой изучаются выраженные вербально культурные концепты, существующие в коллективном сознании народа-носителя языка. Предмет исследования лингвоконцептологии, как отмечает С.Г. Воркачев, – этнический менталитет носителей определенных естественных языков как совокупность групповых поведенческих и когнитивных стереотипов. Целью лингвоконцептологии является выявление лингвоспецифических характеристик этого менталитета через анализ его семантических составляющих – концептов [Воркачев 2001]. В рамках лингвоконцептологических исследований различают и анализируют универсальные для множества лингвокультур концепты (любовь, надежда, зло и т. д.) и национальные (*small talk* – в английской лингвокультуре, тоска – в русской лингвокультуре и т. д.). Наиболее значимые концепты, выражающиеся в большом количестве лексических единиц или описывающие важные для народа сферы жизни, а также обнаруживающиеся в особенностях коммуникативного поведения носителей языка, называют «ключевыми».

Данное исследование также опирается на положения теории дискурса. По определению Н.Д. Арутюновой дискурс — это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136]. В целях осуществления анализа тех или иных языковых или речевых явлений, актуализирующихся в дискурсе, в контексте, а не взятых в качестве изолированных образцов-элементов языковой системы, многие исследователи обращаются к художественной литературе как виду дискурса, обладающего характеристиками живой речи. Данный подход применяется и в настоящем исследовании.

Обратимся к прощаниям как форме актуализации одноименного первичного речевого жанра, обладающего социальными характеристиками ввиду использования данного жанра преимущественно в диалогах. Прощание является универсальным речевым жанром, имеющим место в повседневном общении между коммуникантами. Это первичный, или простой, или элементарный речевой жанр диалогического характера, направленный на завершение речевого взаимодействия коммуникантов, а момент его актуализации обуславливается особенностями ситуации (обстоятельства встречи, время суток, количество коммуникантов), социальными ролями, прагматическими установками, межличностными отношениями участников диалога. Попытаемся установить связь форм актуализации речевого жанра прощания с концептосферой английской лингвокультуры.

Среди ключевых слов, дающих понятие о значимых для английской культуры ценностях, А. Вежбицкая, Т.В. Ларина, А. Дуранти и другие выделяют понятие “*privacy*”, определяя его как естественную потребность, состояние человека, при котором ему хотелось бы заниматься своими делами без постороннего наблюдения за ним [Wierzbicka 1991; Ларина 2003; Duranti 1997].

Обратимся к случаям употребления прощаний в литературе.

"Good-bye, Jim." And Dr. Livesey shook hands with me through the stockade, nodded to Silver, and set off at a brisk pace into the wood.

(R. Stevenson "Treasure Island"). Здесь употребляются распространенная формула прощания "Good-bye", а также невербальные этикетные действия: рукопожатие между друзьями и всего лишь кивок головы говорящего в адрес неприятеля.

"Well, Mr. Weevle, I am afraid I must bid you good night".

Everything having been openly carried on, sir, I will now with your permission take my leave." (Ch. Dickens "Bleak House"). В данном прощании, не напрямую указывающем на необходимость расстаться, а с использованием конструкции 'I'm afraid', можно проследить реализацию стратегий применения принципов положительной и негативной вежливости, предложенные П. Браун и С. Левинсоном, которые выделяют положительную вежливость, направленную на установление или поддержание позитивных, неформальных отношений между коммуникантами, и негативную, позволяющую уважительно относиться к выбору линии поведения человека, т. е. не вмешиваться в зону его "privacy" [Brown 1987].

Понятию «душа» отводилось особое место в жизни народа-носителя русского языка. Как отмечает Ю.С. Степанов, «русская повседневная жизнь обладает концептом «душа» [Степанов 1997: 569]. Взаимосвязь коммуникативного поведения представителей русской лингвокультуры с концептом «душа» также прослеживается в таких выражениях, как «выложить душу», «открыть душу» или «излить душу», т. е. поделиться сокровенным; «вложить душу», т. е. сделать что-либо старательно, тщательно, максимально используя свои знания и умения; «от души», т. е. искренне, с глубоким чувством.

В примерах ситуаций прощания наблюдаем обращение к концепту «душа».

«— А вы разве не зайдете к нам? — спросила она нерешительным голосом.

— Душевно бы желал-с, но боюсь опоздать <...> — До свидания, Александра Павловна! — проговорил он, помолчав немного, поклонился и отступил шаг назад» (И.С. Тургенев «Рудин»).

Само русское слово «прощание» имеет схожую звуковую и письменную формы со словом «прощение», и, следовательно, можно предположить и некоторую смысловую связь между ними, принимая во внимание тот факт, что при прощании коммуниканты изначально желали простить друг другу обиды и упреки. В исследованиях текстов русской версии Ветхого и Нового заветов Библии А.Е. Зимбули подчеркивается, что можно найти примеры употребления формул прощания, которые свидетельствовали о ритуале прощания и взаимного прощения участников общения при расставании [Зимбули 2018].

В связи с вышесказанным можно заключить, что в каждой лингвокультуре имеются свои характеристики коммуникативного поведения, определяющиеся типом социальной организации общества, ценностями и традициями народа. Например, концептосферы, связанные с понятиями о

«душе», «духовном», о «прощении» как стремлении к открытому, душевному диалогу между коммуникантами, отражаются и в формах актуализации речевого жанра прощания в русской лингвокультуре. Следовательно, определяющими ценностями в коммуникативных стратегиях представителей данной лингвокультуры являются духовность, искренность. В отношении английской лингвокультуры можно отметить связь концептосферы понятия "privacy" с речевым жанром прощания, что отражается в стремлении представителей лингвокультуры к сохранению независимости и неприкосновенности частной жизни, вмешательства посторонних в которые воспринимается болезненно и, в равной степени, наличие которых у других людей предполагается как само собой разумеющееся.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // М.М. Бахтин. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Зимбули А.Е. прощание: Нравственно-ценностные аспекты / А.Е. Зимбули // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13 – № 2. – С. 67–75.

Ларина Т.В. 'privacy', или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры / Т.В. Ларина // Русистика. – 2003. – № 1. – С. 128–134.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Тургенев И.С. Рудин; Дворянское гнездо; Накануне: Романы / И.С. Тургенев. – М.: Рус. кн., 1994. – 413 с.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.C. Levinson. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

Dickens Ch. 1957. Bleak House / Ch. Dickens. – М.: Foreign Lang. Publ. House. – 931 p.

Duranti A. Linguistic Anthropology / A. Duranti. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Stevenson R.L. Treasure Island / R.L. Stevenson. – New York: Penguin Books, 1994. – 224 p.

Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: the Semantics of Social Interaction / A. Wierzbicka. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.

**Актуализация концепта семья в повести А. Усачева
«Жили-были ежики»**

*концепт, признаки концепта, семья, семейные ценности,
А. Усачев, «Жили-были ежики»*

На сегодняшний день отмечается постепенная утрата статуса семьи как высшей общественной ценности [Булгакова 2016; Гурджиян 2017; Карпова 2013]. Ученые указывают на необходимость укрепления института семьи и восстановления его статуса [Мжельская 2013: 115]. В связи с этим представляется актуальным проведение исследований в сфере семейной жизни. Художественные произведения играют важную роль в формировании мировоззрения, представлений о жизни и законах общества [Лушкова 2016]. Сказки и повести детского писателя А. Усачева транслируют положительный образ семьи, утверждают семейные ценности.

Целью статьи является выявление основных признаков концепта *семья*, актуализированных в произведении А. Усачева. Материалом исследования послужила сказка «Жили-были ежики». В работе использованы описательный метод и метод концептуального анализа.

Вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90].

В содержание концепта включены отдельные концептуальные признаки объективного и субъективного мира. Отражаясь в сознании, они отличаются по степени абстракции [Маслова 2008: 60]. Содержание и структура концепта обусловлены строением окружающего мира, структурой и содержанием деятельности человека в этом мире [Никитин 2004: 53].

В произведениях А. Усачева изображены добрые герои, их быт и взаимоотношения. Автор использует антропоморфных персонажей (ежей, белок, волков, сороку и др.). В сказке присутствуют многодетные семьи (белки и зайцы) и двухдетные (хомяки и ежи). Несмотря на разные характеры персонажей и разный подход к воспитанию детей, обнаруживаются схожие черты у каждой из семей. У всех есть свой дом (актуализация признака **имеющие общий дом**): ежиная нора, барсучья нора, ежин дом, дупло и другие. Родители занимаются хозяйством и/или ходят на работу. Таким образом, признаки **работающие/служащие в одном хозяйстве, работающий/служащий на благо семьи** вербализуются через такие группы лексических единиц, как профессии родителей (*доктор,*

портниха и т. п.), наименования домашних дел (ремонт, перевозить вещи, пришила завязки, готовила пироги, уборка и др.), предметы быта (мебель, посуда, шкаф, нитка и т.п.). К этой же группе признаков можно отнести признак **наличие хозяина/хозяйки**, который вербализуется с помощью соответствующих лексем: они очень *хозяйственные*, *хозяин*.

Важное место в жизни семьи занимает воспитание детей, что актуализирует признаки **наличие воспитательной функции**. Родители *объясняют, наказывают* (всех троих оставили на неделю без сладкого), *ругают, устраивают взбучку*. Данный признак также актуализируется в репликах родителей, когда они объясняют детям как себя вести, дают советы, учат (*нельзя так говорить, всем по десять ложек, папа рассказывал, какие бывают грибы и где они растут* и др.).

В сказке описываются родственники героев: *братья, сестры, родители, бабушка Енотиха, дедушка Енот, внуки, сынуля*. Данные лексемы актуализируют признаки **наличие родственников, имеющие потомство, имеющие предков**. В произведении названы родственники первой и второй линии родства, что, вероятно, связано с небольшим объемом сказки и отсутствием необходимости в описании множества персонажей.

Очень важным моментом в повести является то, что автор стремится показать здоровые взаимоотношения между членами семьи. Так, в произведении актуализируются признаки **имеющие хорошие взаимоотношения и любящие несмотря ни на что, находящиеся рядом**. Семьи нередко занимаются общими делами, например делают вместе генеральную уборку, ходят собирать чернику, ходят на прогулку. Описание таких совместных действий актуализирует признак **находящиеся рядом**. Признаки **имеющие хорошие взаимоотношения и любящие несмотря ни на что** вербализуются посредством лексических единиц, описывающих доброе и теплое отношение членов семьи друг к другу: *успокаивать, улыбнулась, сердце дрогнуло, ты нам дороже, в обиду не дала, ты, наверное, устала, наша мамочка родная* и др.

Таким образом, в сказке А. Усачева «Жили-были ежики» мы обрану- жили 11 признаков русского концепта *семья*. Отмечено отсутствие признаков, выражающих негативные черты. Произведение является хорошим материалом для воспитания у юных читателей таких семейных ценностей, как любовь, взаимопонимание, уважение, счастливое родительство, жилищная обустроенность и др.

Литература

Булгакова С.А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе / С.А. Булгакова // «Инновационная наука», 2016. – № 5–1 (17). – С. 215–217.

Гурджиян М.В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления / М.В. Гурджиян // Общество: философия, история, культура № 1. – 2017. – С. 59–62.

Карпова А.В. Кризис формирования семейных ценностей как отражение современного состояния семейно-брачных отношений / А.В. Карпова // Государственное и муниципальное образование. Ученые записки СКАГС 2013. – № 3. – С. 206–213.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: МГУ. – 1997. – 245 с.

Лушкова О.Н. Влияние художественной литературы на развитие личности ребенка-дошкольника / О.Н. Лушкова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 дек. 2016 г.). В 2 т. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2016. – Т. 1. – С. 183–185. – ISBN 978-5-9909215-3-5.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

Мжельская Е.В. Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» / Е.В. Мжельская // Самарский научный вестник. – 2013. – № 4 (5). – С. 113–116.

Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 1. – 2004. – С. 53–64.

Попова З.Д. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. Коллективная монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж. – 2002. – 314 с.

Усачев А. Жили-были ежики / А. Усачев. – М.: Самовар, 2022. – 79 с.

Экологическая составляющая в языковом сознании русских студентов конца XX века (по данным «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова)

*экологическая составляющая, языковое сознание,
ассоциативный эксперимент, векторы ассоциирования*

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблемы экологии являются одними из наиболее важных проблем не только в России, но и во всем мире. В рамках лингвистических исследований возможно определить роль экологии в сознании людей, в частности молодежи. Цель данной работы – определить стереотипную составляющую ассоциативно-вербального поля «экология» в наивном языковом сознании российских студентов конца XX в. по данным «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова [Русский 2002].

Следует отметить, что исследование языкового сознания опирается на данные ассоциативных экспериментов, которые, с точки зрения А.А. Леонтьева, являются эффективным методом изучения лексического значения и ассоциативного поля слова [Леонтьев 1983: 192]. По мнению психолингвистов, обращение к ассоциативным полям позволяет решить многие исследовательские задачи, в том числе выявить деятельностное и оценочное отношение человека к миру, что возможно осуществить именно с помощью ассоциативного эксперимента [Ассоциативный 2019: 5].

При работе над составлением «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулов использовал метод свободного ассоциативного эксперимента, в котором слово связывается сознанием человека с самыми разными аспектами бытия на основании его предшествующего опыта. Эксперимент проводился в конце XX в. среди студентов московских вузов.

Анализ данных «Русского ассоциативного словаря» позволил выделить ядерную зону ассоциативного поля «экология», в которую попали следующие реакции: *природа 14; плохая 6; в опасности, наука 5; гринпис 4; жизнь, опасность, проблема, чистота 3; Green Peace, грязная, загрязненная, защита, нарушена, планеты, чистая 2.*

Также анализ словаря позволил выделить следующие основные векторы ассоциирования.

1. *Наука биологического цикла:* наука, земли, воздуха, города.
2. *Окружающая среда, природа:* природа, среда обитания, атмосфера, вода, воздух, дерево, земля и др.
3. *Состояние окружающей среды, природы:*

а) негативное оценка воздействия человека на природу, бедственное состояние окружающей среды: плохая, опасность, проблема, в опасности, грязная, загрязненная, нарушена, грязь, загубленная, катастрофа, на грани и др.;

б) позитивная оценка состояния окружающей среды: чистота, чистая, чистый;

в) причины бедственного состояния окружающей среды: выбросы, дым, озоновая дыра, ТЭС и др.

4. Защита окружающей среды:

а) деятельность человека, которая связана с заботой о природе: защита, очищать.

б) социальные, организованные формы защиты природы: гринпис, Green Peace.

Следует сделать вывод о том, что большое количество зафиксированных реакций имеет негативную оценку состояния окружающей среды; несмотря на это, встречаются единичные позитивные реакции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00464.*

Литература

Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. – М.: Р. Валент, 2019. – 199 с.

Леонтьев А.А. Образ мира. Избранные психологические произведения / А.А. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251–261.

Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – в 2 т. –Т. 1. От стимула к реакции. – М.: АСТ. Астрель. 2002. – 781 с.

Коммуникативная лингвокультурология как современный феномен осмысления и описания российской действительности

*русский язык, коммуникативная лингвокультурология,
языковая реальность, коммуникация*

Современная русская лингвокультура в настоящее время претерпевает серьезные качественные изменения, обусловленные наличием достаточно большого количества проходящих в ней активных процессов, и находится в состоянии динамики. Все это дает возможность говорить о том, что сейчас пришло время *коммуникативной лингвокультурологии*, сконцентрированной именно на описании активных процессов, имеющих место в современной русской лингвокультуре.

Весьма яркой отличительной чертой современной российской общественной коммуникации является активное использование иноязычных элементов в адресованных массовому реципиенту сообщениях на русском языке. Такими элементами могут быть лексические единицы, морфемы, предложения и графические символы: буквы и иные знаки письма.

Наличие в современной русской лингвокультуре динамического элемента – одна из основных и наиболее ярких ее черт в настоящее время. И динамический элемент связан прежде всего (но не только) с интенсивным проникновением в русскую лингвокультуру элементов иных лингвокультур и в ряде случаев с их активным укоренением.

Характеризуя особенности современной русской лингвокультуры, мы можем констатировать наличие у нее ряда пластов. Их можно разделить на базовые, привнесенные, возрожденные и привнесенно-возрожденные. К числу привнесенных следует отнести элементы иных лингвокультур. Возрожденные элементы – это элементы русской лингвокультуры, существовавшие до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., и элементы русской лингвокультуры советского периода отечественной истории. Привнесенно-возрожденные лингвокультурные элементы представляют собой объединение привнесенных и возрожденных лингвокультурных элементов.

Можно констатировать, что современная русская лингвокультура в настоящее время претерпевает серьезные качественные изменения, обусловленные наличием достаточно большого количества проходящих в ней активных процессов, и находится в состоянии динамики. Все это дает возможность говорить о том, что сейчас пришло время *лингвокультуроло-*

логии факта, то есть, как представляется, современная русская лингвокультурология должна сконцентрироваться именно на описании активных процессов, имеющих место в современной русской лингвокультуре.

Культура и естественный язык – две теснейшим образом связанные друг с другом семиотические системы [Садохин 2004; Тер-Минасова 2008], единство которых образует лингвокультуру, изучаемую лингвокультурологией [Воробьев 2008]. В языке концентрируются исконные и заимствованные элементы той или иной культуры. Более того, взаимодействие различных языков и культур друг с другом далеко не всегда оказывается гармоничным, особенно в переломные эпохи в истории той или иной лингвокультуры.

Характерные для нашей страны социокультурные преобразования конца XX – начала XXI в. во многом типологически, по своему генезису и направленности, идентичны социокультурным преобразованиям XVII–XVIII вв. и даже социокультурным преобразованиям России времени Крещения Руси. Такой вывод позволяют сделать следующие обстоятельства: 1) принятие христианства и реформы Петра, как и преобразования нашего времени, осуществлялись с целью организовать жизнь в России на более современных, прогрессивных началах; 2) принятие христианства и петровские реформы, подобно реформам нашего времени, предполагали изменение системы ценностей в обществе; 3) результатом принятия христианства и преобразований эпохи Петра Великого, как и социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в., являлись масштабные изменения в языке, проявлявшиеся прежде всего в освоении большого количества иностранных слов, ранее неведомых носителям русского языка;

По сути дела, социокультурные изменения начала 90-х гг. XX в. типологически (на уровне общих признаков) повторили социокультурные изменения многовековой давности: 1) отрицание «родных» (традиционных) ценностей и норм культуры; 2) приход новых ценностей из-за рубежа; 3) интерпретация этих ценностей как положительных и прогрессивных; 4) ученическая позиция инициаторов социокультурных изменений по отношению к странам, откуда заимствуются ценности и нормы новой, «прогрессивной», «передовой» культуры, то есть готовность «ради общего блага всего народа в будущем» перенимать систему взглядов на мир и образ жизни носителей данной, «образцовой» культуры.

В период преобразований в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни в конце XX – начале XXI в. западные новации считались несущими прогресс и благо для будущего развития России и воспринимались как однозначно прогрессивные, как пример для внедрения у себя, в то время как все русское интерпретировалось как отсталое, несовременное, непрогрессивное и в силу этого нуждалось в скорейшей замене новым, прогрессивным, современным, западным.

Анализ практики современной российской общественной коммуникации позволяет поставить вопрос о возможности и необходимости выделения нового аспекта *лингвокультурологии*, который мы предлагаем назвать *коммуникативным*.

Думается, что это весьма своевременно и актуально, поскольку коммуникативная реальность меняется с калейдоскопической быстротой, а в основе изменений лежат именно лингвокультурные факторы, прежде всего – интенсивное взаимодействие западных и восточных в российском лингвокультурном пространстве.

Коммуникативная лингвокультурология связана не только с научным осмыслением феномена активного использования в русскоязычных сообщениях иноязычных единиц в их русифицированном оформлении, но и с осмыслением целых направлений общественной коммуникации, являющихся по меркам истории новыми для нашей страны: PR-коммуникации.

Более того, *коммуникативная лингвокультурология* охватывает научное осмысление таких феноменов, как графико-орфографическое оформление слов современного русского языка в соответствии с нормами письма, существовавшими до реформы нашей орфографии в 1918 г. К этому же аспекту *коммуникативной лингвокультурологии* относится и исследование фактов образования новых слов по моделям, активно действовавшим в русском языке советской эпохи.

Коммуникативная лингвокультурология связана и с описанием фактов объединения элементов западных лингвокультур, русской лингвокультуры советского периода и русской лингвокультуры дореволюционного времени.

В случае активного использования иноязычных единиц в их аутентичном либо русском (русифицированном) фонетическом и графико-орфографическом оформлении можно говорить о межкультурном диалоге в современном российском культурно-коммуникативном пространстве.

Сочетание в одном словесном знаке элементов, свойственных русской лингвокультуре советского периода, русской лингвокультуре дореволюционного времени и английской лингвокультуре, позволяет говорить о синтезе внутри- и межкультурного диалога в рамках лингвокультуры России начала XXI в.

Наличие в современной русской лингвокультуре динамического элемента – одна из основных и наиболее ярких ее черт в настоящее время. И динамический элемент связан прежде всего (но не только) с интенсивным проникновением в русскую лингвокультуру элементов иных лингвокультур и в ряде случаев с их активным укоренением.

Научное осмысление феномена активного проникновения элементов иных лингвокультур в современную русскую лингвокультуру, активного их укоренения и использования – это и есть та самая «передовая линия» лингвокультурологических исследований, поскольку, как представляется, именно в этой сфере нашей коммуникативной реальности и сконцентрированы проблемы, доходящие в ряде случаев до кризисных

зон, в силу того что они связаны с ценностным аспектом как ведущим конститутивным элементом нашей родной лингвокультуры.

Аксиологическое осмысление современных лингвокультурных феноменов – одна из задач коммуникативной лингвокультурологии.

Один из аспектов общественной коммуникации современной России – общение людей с помощью информационных технологий. Это существенным образом повлияло на изменение качественного своеобразия русской лингвокультуры, придав ей черты, ранее отсутствовавшие, в силу чего является существенным для обоснования выделения коммуникативной лингвокультурологии и следующее наше положение, что коммуникативная лингвокультурология – это современное направление, исследующее не только отражение «языкового вкуса эпохи», но и русскую языковую картину мира.

Думается, что все изложенное можно будет рассматривать как обоснование выделения *коммуникативной лингвокультурологии* в качестве самостоятельного аспекта лингвокультурологического знания и как отдельной области актуального исследования новейшего времени.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет 2030» Гранта по теме «*Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России*»

Литература

Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2008. – 336 с.

Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М.: Юнити, 2004. – 271 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Издательство Московского университета, 2008. – 352 с.

**Реализация образной схемы *целое/часть* в репрезентации
универсального смысла *совокупность/отдельность*
в русском языке**

*совокупность, отдельность, дополнительность,
универсальный смысл, целое, часть*

В когнитивной лингвистике одной из важных идей является мысль о значимости категории пространства для осмысления человеком действительности: «Самый большой по своим масштабам, самой важной для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, а поэтому одной из самых существенных по своим последствиям, и выступает для человека, на наш взгляд, такая целостность как пространство – то, что вмещает человека, то, что он осознает вокруг себя, то, что он видит простирающимся перед ним», – писала Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 465]. Среди базовых пространственных схем исследователи называют такие, как *фон и фигура, целое и его часть/части, контейнер*. По словам Е.С. Кубряковой, «с помощью концептуальной метафоры контейнера (объект – это контейнер) и соответствующей схемы можно объяснить любые множества, группировки, объединения, классы и категории» [Там же: 489].

Безусловно, пространственные образные схемы прежде всего используются в осмыслении абстрактных смыслов и категорий. Один из таких смыслов – универсальный смысл *совокупность/отдельность*. Его лексические репрезентации, их специфика и представление в идеографическом словаре являются объектом нашего рассмотрения. Материал выявлен в процессе работы над соответствующей группой Большого идеографического словаря-тезауруса русского языка, работа над которым ведется лексикографами Уральской семантической школы под руководством проф. Л.Г. Бабенко.

Выделив в структуре идеографического словаря класс «Универсальные смыслы, представления и отношения», Л.Г. Бабенко отмечает, что «когнитивные основания формирования этих идеографических групп слов – уникальность их семантики – предельная обобщенность, отвлеченность, а также когнитивная функция – осуществление модусной интерпретации и категоризации действительности» [Бабенко 2015: 684]. При этом особенность данного класса слов состоит еще и в том, что он организован на оппозитивной основе, что «отражается в его структуре, основанной на бинарности оппозитивно-конструктивных концептов» [Бабенко 2016: 40].

Следует отметить, однако, что идеографическая группа лексем с семантикой *совокупности/отдельности* выделяется на фоне других групп

данного класса, в которых четко проявлена такая оппозитивность: *возможность/невозможность, необходимость/случайность, определенность/неопределенность* и др. Дело в том, что структура рассматриваемой группы трехкомпонентная: *совокупность, единство/дополнительность/отдельность, обособленность*. Представляется, что это связано с различными реализациями образной схемы *целое – часть*.

З.И. Комарова и А.С. Дедюхина, исследовавшие ФСП партитивности на материале русского и английского языков, выделяют «основные прототипические смыслы категории партитивности – часть и целое, часть целого, часть внутри целого, часть вне целого» [Комарова 2010: 40]. На наш взгляд, эта типология может быть уточнена с учетом реализации еще одной пространственной образ-схемы *граница*, а также с учетом того, что профилируется в семантике тех или иных лексем – целое или часть/части.

В результате анализа порядка 650 лексем трех вышеназванных подгрупп мы пришли к следующим выводам.

1. Лексическими средствами номинации типовой семантики групп являются наречие *вместе* – для подгруппы «Совокупность, единство», предлог *вместе с* – для подгруппы «Дополнительность», наречие *отдельно* – для подгруппы «Отдельность, обособленность». Они организуют соответствующие синонимические ряды: ***Вместе***, *в единстве, в комплексе, комплексно, книжн. в совокупности, книжн. совместно, книжн. совокупно* ‘в соединении с кем-, чем-л., в качестве чего-л. единого, образуя что-л. единое, воспринимаясь как нечто единое’; ***Вместе с кем-чем, в единстве с кем-чем, в комплексе с кем-чем, совместно с кем-чем, книжн. в совокупности с кем-чем, книжн. совокупно с кем-чем*** ‘употр. при указании на лица, предметы, события, явления, связанные или объединяемые друг с другом в одно целое, участвующие в одной ситуации и т.п.’; ***Отдельно***, *в отдельности, обособленно, особо, по отдельности, порознь, раздельно, книжн. изолированно* ‘в качестве чего-л. самостоятельного, без соединения с кем-, чем-л., не образуя что-л. единое, не воспринимаясь как нечто единое с кем-, чем-л.’

2. В семантике лексем подгруппы «Совокупность, единство» может профилироваться целое и отсутствие границы, а в динамическом аспекте – устранение границы между его частями, когда реализуется смысл ‘единство’ – например, *единение, единство, интеграция, неразрывный, неотделимый, объединять, переплетаться, синтез, целое*; либо однородные части в составе целого также при отсутствии значимой границы между ними, когда реализуется смысл ‘совокупность’ – например, *взаимодействие, взаимосвязь, группа, комплекс, множество, свод, система, собирать, совместный, совокупность, соединять, сосуществовать, сочетание*.

3. В семантике лексем подгруппы «Дополнительность» профилируется смысл ‘часть внутри целого’, при этом целое мыслится как контейнер, а часть осмысливается либо по отношению к нему целиком – например, *включать, вписаться, дополнить*, либо как дополняющая собой уже

имеющийся состав таких или подобных частей в составе целого – например, *а также, кроме, наряду с, добавить, прибавить*. Кроме того, в составе данной подгруппы есть лексемы, в семантике которых профилируется смысл ‘часть вне целого’, когда часть осмысливается как внешняя и часто вторичная по отношению к целому и отличающаяся от того, что уже имеется в его составе, но тем не менее связанная с ним, например, *аксессуар, вспомогательный, опосредованный, остальной, побочный, приложение, сверхплановый, сопровождать*.

4. В семантике лексем подгруппы «Отдельность, обособленность» смыслы ‘часть внутри целого’ – например, *часть, компонент, выборочный*, и ‘часть вне целого’ – например, *дезинтеграция, отделить*, иногда определяются довольно четко. Но чаще реализация этих смыслов зависит от контекста, который может профилировать часть как вынесенную отдельно за пределы целого или обособленную внутри целого, ср.: В 2003 г. в Silicon Integrated Systems приняли решение о *выделении в самостоятельную* компанию своего подразделения по разработке графических процессоров («Computerworld» 2004, НКРЯ) – часть вне целого vs Природа – носитель всех тайн бытия, ей почти всегда отведено *самостоятельное место в картинах* режиссера («Экран и сцена», 2004.05.06, НКРЯ) – часть внутри целого. Аналогичные примеры: ...тяготение к одиночеству, к сосредоточенности, потребность *обособить себя от людей* (А. Исакова-Соколова. Письмо Н.Н. Пунину (1947), НКРЯ) vs Между тем сегодня *обособить территории этих населенных пунктов внутри* национального парка нельзя («Парламентская газета», 2020.04.01, НКРЯ). По этой же причине по-разному ведут себя лексемы, называющие группы, типы, классы и т. п.: с одной стороны, они называют *совокупности* и, конечно, в соответствии со своей категориальной семантикой попадают в соответствующую подгруппу; с другой стороны – эти совокупности выделены как самостоятельные, *отдельные*. Спецификация этой отдельности происходит, когда при назывании какой-то совокупности профилируется граница; наименования таких совокупностей мы относили в группу «Отдельность, обособленность». Ср. синонимический ряд *Границы, зона, круг, область, пределы, рамки, сфера* ‘выделенная, обособленная среди других часть (фрагмент) действительности, в которой явление, обладающее определенными признаками, существует, действует, имеет применение, значение и т. д.’

Таким образом, профилирование отдельности от чего-л. или отдельности внутри чего-л. зависит от того, на какой границе фокус: на границе целого или границах частей внутри целого.

5. Следует отдельно отметить особенность реализации схемы *граница*. Лексема *граница* в прототипическом значении, безусловно, связана со смыслом отдельности, ср. синонимический ряд *Граница, грань, порог, предел, рамки, книжн. рубеж, черта* ‘то, что определяет сущность, сферу действия, распространения и т. п. какого-либо явления, обособляет его среди других явлений как самостоятельное’. Однако есть ЛСВ, которые

называют не собственно отделяющую, разделяющую метафорическую линию, а метонимически – примыкающую к ней область отделенных явлений, равно относящуюся к обоим этим явлениям. Такие единицы мы отнесли к подгруппе «Совокупность, единство»: *Стык, граница, грань, рубеж* 'область соединения, взаимодействия имеющих общие признаки, но при этом различных явлений'.

Итак, специфика репрезентации универсальных смыслов 'совокупность', 'дополнительность', 'отдельность' связана с реализацией пространственных образ-схем *целое, часть* и *граница*. Анализ этих особенностей помогает обосновать представление лексических единиц, репрезентирующих эти смыслы, в идеографическом словаре.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

Литература

Бабенко Л.Г. Когнитивные основания репрезентации универсальных смыслов и отношений в словарях-тезаурусах русского языка / Л.Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 683–685.

Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации / Л.Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 37–41.

Комарова З.И. Методологические и методические основы изучения категории партитивности в современном языкознании / З.И. Комарова, А.С. Дедюхина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 2(8). – С. 35–41.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Гавриш Алеся Дмитриевна
Гуляева Евгения Вячеславовна
Волгоградский институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
УДК 81'23

Предсказание и пророчество как актуализирующие факторы медиасреды

*медиасреда, массовая коммуникация, категория будущего
времени, предсказание, пророчество, будущее*

Человечество во все времена волновало, что его ожидает в еще не наступившем временном отрезке. Будущее и по сей день вызывает яркий эмоциональный отклик, порождает желание предугадать предстоящие события. В широком смысле с философской точки зрения будущее понимается как способность человека к предвосхищению и ожиданию, присутствующая в настоящем времени в сознании или душе человека [Акулов 1999]. Полагаем, что существуют такие способы обращения к массивам информации, которые используют в качестве аргументационной базы не только прошлое и настоящее. К ним можно отнести в числе прочих предчувствие, пророчество, предсказание, прогнозирование, предвосхищение, предположение. В данной статье подробнее остановимся на таких понятиях, как «*предсказание*» и «*пророчество*», так как эти коммуникативные феномены наблюдаются в современной медиасреде.

Предсказание можно определить как разновидность коммуникативного действия, в содержании которого есть некое категоричное утверждение о том, что произойдет в будущем [Карасик 2017: 30]. Пророчество в рамках христианской религиозной традиции понимается как предсказание, основанное на Божественном Откровении [Православный портал «Азбука веры»]. Вне контекста религиозного дискурса пророчество рассматривается нами как декларация высокой степени личностной уверенности в событиях, относящихся к будущему. При этом в пророчестве отсутствует вербальное выражение вероятностной характеристики такого суждения, и наблюдается своего рода «открытая дата» конечной актуализации – наступление предсказанных событий.

При анализе текстов в рамках современного американского и российского медиадискурса мы обнаружили, что в массовой коммуникации имеются определенные тенденции обращения к будущему времени как к источнику информации. В российских СМИ имеется большое количество новостных статей с заголовками, содержащими слова о будущем. В качестве характерного примера можно привести статью с заголовком «*Ждите 19 сентября: Найдено неизвестное предсказание Жириновского о судьбе Украины в 2023 году*». В статье содержится упоминание о

В. В. Жириновском как о «главном политическом предсказателе» и приводится его цитата: «*Киев больше не будет выступать врагом Москвы, и наступит мир – как на западе, так и на востоке*» [Адамович 2023]. Данное высказывание обладает утвердительной модальностью и содержит глаголы в грамматической форме будущего времени. Множество цитат В. В. Жириновского построено схожим образом: «*будете платить за газ тысячу евро*», «*президентом США будет афроамериканец*», «*на Украине произойдет переворот*» [Стрельников 2023]. Любопытным является тот факт, что журналисты используют слова «пророчество» и «предсказание» в отношении слов В. В. Жириновского как синонимы. К примеру, в статье с заголовком «*В ЛДПР нашли еще одно предсказание Жириновского о будущем России*» содержится подзаголовок «*Найдено еще одно пророчество ныне покойного Владимира Жириновского*» [Сетевое издание «NTV.RU»].

В современном американском медиадискурсе наблюдается схожая тенденция упоминать предсказания в заголовках новостей: «*Twitter's Elon Musk predicts Trump will win re-election in landslide victory if arrested*» [Shaw 2023]. В тексте статьи приводится цитата Илона Маска: «*If this happens, Trump will be re-elected in a landslide victory*». Она представляет собой условное предложение, используемое при описании вероятных событий в будущем. Также в американских СМИ активно распространялась цитата Д. Трампа с его предсказанием о том, что он будет арестован. В качестве примера можно привести видеосюжет с названием «*Former Pres. Trump says he'll be arrested tomorrow in a New York-based hush money case*» [Guay 2023]. Это же высказывание Д. Трампа журналисты из другого издания назвали предсказанием «*Trump's arrest prediction proves to be a highly lucrative move*» [Benen 2023].

Восприятие направленного движения времени необходимо порождает «привычное будущее», ожидаемое, неизбежно наступающее, основанное на стереотипном воспроизведении характерных ситуаций прошлого и настоящего. «Пророчество» и «привычное будущее» вступают в сложные взаимодействия, специфически не оформляемые в речи. Пророчество можно рассматривать как гиперактуальное будущее, аксиологически сверхценную точку отсчета, базис для будущих дискурсивных связей.

Таким образом, полагаем, что в обществе в значительной степени независимо от существующей системы ценностей или идеологии имеется определенный запрос на информацию, апеллирующую к будущему времени. Такие феномены, как пророчество и предсказание, обнаруживаются исследователями в разных типах текстов, бытующих в медиасреде. Пророчество является значимым феноменом, так как не порождает парадоксальности при обращении к будущему. Считаем, что дальнейшее изучение пророчества как феномена является перспективным направлением научной деятельности. В настоящее время в научном сообществе имеется несколько деформированное представление о пророчестве, воспринимае-

мом исключительно в религиозном контексте, однако считаем, что это понятие должно рассматриваться более широко, так как его аксиология затрагивает базовые аспекты системообразующего восприятия времени.

Литература

Адамович О. Ждите 19 сентября: Найдено неизвестное предсказание Жириновского о судьбе Украины в 2023 году. Новость от 07.01.2023 / О. Адамович // Сетевое издание Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27449.3/4702959/> (дата обращения: 10.10.2023)

Акулов А.С. Сверхкраткий философский словарь: краткое изложение книги «Буквы философии» / А.С. Акулов. – СПб., – 1999. – 52 с.

В ЛДПР нашли еще одно предсказание Жириновского о будущем России. Новость от 16.05.2023 // Сетевое издание NTV.RU. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2764947/> (дата обращения: 10.10.2023).

Карасик В.И. Предсказание как коммуникативный поступок / В.И. Карасик // Коммуникативные исследования, 2017. – № 3 (13). – С. 30–46.

Пророчество. Статья из Православной энциклопедии // Православный портал «Азбука веры». – URL: «<https://azbyka.ru/prorochestvo>» (дата обращения: 10.09.2023).

Стрельников К. Последнее пророчество Жириновского, после которого у России нет выбора Новость от 06.04.2023 / К. Стрельников // Сетевое издание РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230406/zhirinovskiy-1863539479.html> (дата обращения: 10.10.2023).

Benen S. Trump's arrest prediction proves to be a highly lucrative move. Новость от 22.03.2023 / S. Benen // Сайт телеканала MSNBC. – URL: <https://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/maddowblog/trumps-arrest-prediction-proves-highly-lucrative-move-rcna76174> (дата обращения: 10.10.2023).

Guay J. Former Pres.Trump says he'll be arrested tomorrow in a New York-based hush money case. Новость от 20.03.2023 / J. Guay // Сайт телеканала CBS News. – URL: <https://www.cbsnews.com/pittsburgh/news/former-pres-trump-says-hell-be-arrested-tomorrow-in-a-new-york-based-hush-money-case/> (дата обращения: 10.10.2023).

Shaw A. Twitter's Elon Musk predicts Trump will win re-election in landslide victory if arrested. Новость от 18.03.2023 / A. Shaw // Сайт телеканала Fox News Channel. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/twitters-elon-musk-predicts-trump-will-win-re-election-landslide-victory-if-arrested> (дата обращения: 10.10.2023).

Лингвокультурное, лексикографическое описание концептов «болезнь» и «здоровье» в узбекском языке

*когнитология, понимание, концепт, фрейм, скрипт, сценарий,
гештальт, антропология, искусственный интеллект*

Рассмотрение определений слов «болезнь» и «здоровье» в словарях оценивается как объект нашего исследования, так как словарь является национальным языковым продуктом картины мира. Согласно анализу Всемирной организации здравоохранения, среди факторов, влияющих на здоровье человека, медицинское обеспечение составляет всего десять процентов.

Согласно нашей интерпретации, концепт здоровья классифицируется по трем признакам: общность, прагматизм и индивидуальность. В рамках исследования мы попытались сравнить определения концепта здоровья, сходства и различия в них в словарях индо-европейского, романо-германского и тюркского языков. Анализ представленных описаний позволил оценить универсальные и специфические национально-ментальные аспекты понятия «здоровье», а также степень выраженности, отражающую состояние метаязыка на протяжении нескольких столетий.

Примечательна работа Махмуда Кашгари «Девону луготит тюрк». В работе объясняются многие медицинские термины, относящиеся к здоровью и болезням, и, что важно, некоторые из медицинских терминов, представленных в ней, сегодня также активно используются в современной узбекской медицинской терминологии с некоторыми фонетическими изменениями, например: *chekäk* – оспа (*chigilcha*) (I,369), *q'izlatuq* – корь и подобные кожные высыпания (I,480), *tumag'u* – насморк (I,418), *iriñ* – гной (I,154), *bëzgäk* – малярия (II,334).

Ряд лексем, объединяющих основные семы изучаемого нами концепта здоровья, такие как *салом*, *саломат*, *ассалом*, *соғ*, *соғлом*, *соғлик*, *сиҳат*, *шифо*, проникли в староузбекский язык из арабского языка. В комментариях к словарям отмечается, что понятие здоровья весьма условно, так как определяется не только биологическими, но и социальными факторами.

В словарях отмечается, что, хотя здоровье и болезнь по существу противоположны, они могут быть связаны с различными переходными состояниями. Кроме того, здоровье не отрицает и наличие в организме скрытого болезненного процесса. В связи с этим может быть оправдано использование врачами сочетания терминов «в настоящее время вы здоровы» и «состояние до болезни». Приведенные выше определения

дают общую энциклопедическую информацию о понятии «здоровье», к периферии его семантического поля относятся следующие семы: «положительная оценка», «тело человека», «функционирование органов», «равновесие с внешней средой», «отсутствие патологических изменений», «здоровье населения», «экономическая стабильность», «свобода от болезней».

Толкование слова *здоровье* в «Толковом словаре узбекского языка» под редакцией А. Мадвалиева описывается как «телесное и душевное здоровье, быть здоровым, пожелать здоровья, просить здоровья» [Мадвалиев].

Основываясь на анализе определений понятия «здоровье», мы попытались обобщить общее определение этого концепта, отражающего повседневные знания (см. табл. 1).

Таблица 1

Интерпретация лексемы здоровья

Здоровье				
Окружающая среда		Человек		
Условия труда, состояние природы	Жизнедеятельность, состояние общества	Социальное благополучие	Душевное благополучие	Физическое благополучие
		Семья	Способность	Состояние соматических признаков
		Дети	Психика	Состояние внутренних органов
		Ежедневные изменения	Умственная деятельность	

Были также исследованы минимальные семы этого определения, не ограничиваясь пониманием концепта здоровья с точки зрения адаптивного подхода, то есть способности организма к психически, социально, физически активной адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни.

Таким образом, в слове «здоровье» можно выделить следующие лексикографические семантические инварианты:

1) денотативная сема – нормативное состояние соматических признаков, наличие здорового тела (здоровый человек);

2) сопутствующая сема – сопровождается устойчивым состоянием, соблюдением норм, равновесием с окружающей средой, абстрактными существительными (здравый смысл, здоровая семья);

3) коннотативная (сильная и слабая) сема – сема образных значений слова;

4) антисема – сема, противостоящая самой себе (у вас не обнаружено никаких симптомов болезни).

В целом определения показывают, что авторы словаря придерживаются адаптивного, то есть гибкого подхода к пониманию здоровья. Таким образом, можно сказать, что здоровье, помимо совокупности физических, психических, социальных и профессиональных факторов, также включает в себя такие абстрагированные понятия, как состояние, порядок, деятельность, движение, процесс, функционирование, баланс, норма, организм.

Существует несколько лексикографических точек зрения на происхождение слова «болезнь».

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово *боль* рассматривается как аналог древнегерманского слова 'несчастье' – 'вред, зло', древнеисландского *bealo*, готического *balwawesei* 'гнев', *balwja* 'страдать' [Фасмер]. По мнению М. Фасмера, семе 'зло', 'страдание', 'пытка' с незапамятных времен был присущ корень *bol*.

Помимо данного значения физического и психического здоровья человека, типов и симптомов болезней, связанных с лексемой болезни, в словаре также уделяется внимание переносным значениям, таким как *kemlädi* – заболел; нуқсонли бўлди – заболел; имел порок, недостаток. (*Kemlär, kemlädi*. III, 315-21, 24; ар. 222–14. Стр. 153). Хотя с момента публикации первого перевода девана на узбекский язык прошло почти шестьдесят лет, его ценность не изменилась.

В результате нашего исследования были изучены разнообразные противоречивые семы, состоящие из 19 значений одной лексемы болезни, представленной в «Этимологическом словаре узбекского языка» Ш. Рахматуллаева. В работе мы также обозначили в этимологическом словаре ряды градаций в зависимости от оттенков значения различного происхождения, величины той или иной описательной нормы в количествах, содержащихся в семантике именования, выражающих интерпретации значения понятия заболевания в нарушении функционирования только одного организма. Болезнь – это:

1) патологический процесс, возникающий при воздействии на организм вредных факторов внешней или внутренней среды;

2) то, что нарушает нормальное состояние организма, функционирование, то, что нарушает деятельность, признаки человека, чья деятельность нарушена (состояния, связанные с физическим и психическим здоровьем, тип заболевания, симптомы);

3) болезнь организма, болезненное состояние;

4) нарушение морфо-функциональных свойств организма и одновременно развитие защитных адаптационных реакций, новое качественное состояние, характеризующееся нарушением равновесия с внешней средой, активным движением;

5) нарушение нормального функционирования организма, что является противоположностью здоровья. Оно продолжает применяться к человеку, животным или другим животным, даже к неодушевленным предметам.

Выводы

При определении лингвокультурного, лексикографического описания концепта «болезнь» и «здоровье» на узбекском языке были сделаны следующие выводы.

1. На основе когнитивного подхода новые интерпретации получили такие понятия, как категории слов, категоризация и концептуализация языковых единиц, знание языка и мира. Из системы основных понятий когнитивной лингвистики выделяются такие, как фрейм, сценарий, скрипт, категоризация, концепт, концептуализация, когнитивная структура, когнитивная метафора. К основным методам исследования данного направления относятся анализ на основе фреймов, моделирование (создание когнитивной карты), концептуальный анализ.

2. С философской точки зрения здоровье представляет собой состояние абсолютной гармонии тела и его частей, тела и духа, тогда как болезнь представляет собой состояние нарушения гармонии. Здоровье и болезнь связаны с тремя основными концептами: 1) здоровье – отсутствие болезни; болезнь – органическая форма жизни, зародившаяся в организме человека и в то же время чуждая ему; 2) здоровье – норма, а болезнь – отклонение от нормы; 3) здоровье – правильное функционирование всех органов и их систем, болезнь нарушения в такой деятельности.

Литература

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер: Пер. с нем. (с доп.). – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1. – 562 с.

Штунь А.А. Латинский язык для медиков / А.А. Штунь. – М.: Litres, 2017. – 579 с.

Абузалова М. Корпусда тиббий бирликларни теглаш / М. Абузалова // “Ўзбек миллий ва таълимий корпусларини яратишнинг назарий ҳамда амалий масалалари” мавзусидаги халқаро илмий-амалий конференция материаллари. 2021 йил 7 май. – Тошкент, 2021. – 58–61 б.

Абузалова М.К. Лингвистика ва тиббиёт ҳамкорлиги ижтимоий зарурат сифатида / М.К. Абузалова / “Soha lingvistikasi: tilshunoslik va tibbiyot integratsiyasining muammolari, yechimlari hamda istiqbollari” mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari. – Buxoro: Tadqiqot.uz, 2021. – В. 19.

Мадвалиев А. Ўзбек тилининг изоҳли луғати А. Мадвалиев / Т.: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2006–2008. – IV жилд. – 600 б. URL: https://n.ziyouz.com/books/uzbek_tilining_izohli_lugati/O'zbek%20tilining%20izohli%20lug'ati%20-%20S.pdf

Концепты «время» и «пространство» в современном русском языке

*концепт, концептосфера, лингвокультурология,
языковая картина мира, дейксис*

Концепт «пространство» в лингвистическом аспекте изучают в ряде направлений лингвистики: когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и др. Важность данного концепта обусловлена универсальностью концепта в вопросе восприятия бытия, которое основано на трех параметрах: онтологический, пространственный, временной.

В процессе рассмотрения реализации пространственной метафоры как одного из инструментов вербализации концепта «пространство» мы могли убедиться в тесной взаимосвязи концепта «пространство» с концептом «время» [Горбунова 2023: 144]. Данное наблюдение не является откровением по причине факта восприятия бытия как трехмерного пространства, которое реализуется в рамках времени. Н.Д. Арутюнова указывает, что «бытие определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным. Первый касается природы бытующих предметов, второй – области их бытования, третий – темпоральных границ бытия» [Арутюнова 1997: 172].

Таким образом, общечеловеческий феномен ментального восприятия картины мира основан на концептах «Время» и «Пространство», что делает данные концепты взаимосвязанными. Однако стоит заметить, что теория единовременного восприятия и реализации в языке концептов «Время» и «Пространство» поддерживается не всеми учеными. В лингвистике существуют две основные позиции на данный вопрос.

Первая позиция заключена в неразрывной связи временных и пространственных категорий в языке и утверждает о единовременности создания категорий и концептов «время» и «пространство» в рамках языковой вербализации [Сазонова 2010: 29].

Вторая позиция связана с теорией о первенстве вербализации пространственных отношений в языке в сравнении с временными категориями. Аргументация второй позиции заключена в онтогенезе человека в ходе эволюции. Н.А. Беседина утверждает, что первичным умением для становления общества и языка является умение ориентироваться в пространстве, а ориентация во времени является менее приоритетной [Беседина 2005: 22–29].

Однако, несмотря на разность позиций в вопросе первостепенности образования вербализации представленных ранее концептов, представители двух сторон согласны с важностью дейксиса в вопросе реализации

пространственных и временных отношений, особенно на начальных этапах становления языковой картины мира.

Дейксис, согласно работам Е.В. Падучевой [Падучева 1984: 25], представляет собой языковые выражения, которые могут быть реализованы лишь при помощи физических координат в контексте коммуникативного акта. Таким образом, представленные данные задают точку отсчета пространственных координат на основании участников, места или времени проведения коммуникативного акта. Ю.Д. Апресян выделяет предметный, временной и пространственный дейксис [Апресян 1980: 27–49]. В контексте данного исследования наш интерес заключен в рамках предметного и пространственного дейксиса, однако особенность построения данного конструкта вынуждает нас обратить внимание и на временной тип дейктических выражений, так как, по природе своей, они часто берут начало от пространственного дейксиса и обладают рядом пространственных номинаций.

Предметный дейксис вербально реализуется при помощи местоимения 3 лица, в рамках которого происходит создание точки отсчета координат пространственных отношений. Возможны вариации с использованием указательных местоимений, употребленных субстантивно либо адъективно в составе именной группы. Стоит заметить, что реализация вербального характера в данном варианте невозможна без использования невербальных средств, либо же их место занимают в тексте специализированные средства, к которым относятся местоимения, указывающие на участников коммуникативного акта, то есть местоимения 1 и 2 лица. Так, прямые участники акта характеризуются категориями 1 и 2 лица, в то время как категория 3 лица характеризуются как «не-лицо».

Пространственный и временной дейксис вербально реализуются при помощи формальных элементов двух типов: при помощи именной группы с указательными местоимениями (*в этом доме, в этом месяце*), а также элементами наречий (*сейчас, здесь*). Комплексные структуры пространственного дейксиса отходят от дейктического центра и обозначают ближайшие к коммуникативному акту события, места, время (*поблизости, в соседнем доме, в прошлом месяце*).

Таким образом, в рамках вопроса вербализации пространственных отношений и концепта «пространство» в частности, мы можем наблюдать, что основными средствами его реализации в русском языке являются не только лексемы, составляющие семантическое поле «пространство», но и транспозиция временных категорий в пространственные, система дейктических выражений.

В большинстве приемов выражения семантики пространственного характера мы можем наблюдать тесную взаимосвязь пространственной, предметной, а также временной семантик. В этом заключается одна из особенностей реализации концепта «пространство» в русском языке, а именно его синергия и неразрывность с другими основополагающими концептами как с точки зрения языка, так и культуры.

Литература

Апресян Ю.Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений / Ю.Д. Апресян // Восприятие языкового значения: Межвузовский сборник. – Калининград, 1980. – С. 27–49.

Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: язык и время / Н.Д. Арутюнова: сб. ст. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.

Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация времени / Н.А. Беседина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 ч. – Вып. 7 / под ред. О. Н. Прохоровой. – Белгород, 2005. – С. 22–29.

Горбунова Ю.С. Концепт ПРОСТРАНСТВО в современном русском языке / Ю.С. Горбунова // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. – 142–146.

Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М., 1984.

Сазонова Т.Ю. Содержание пространственных концептов как отражение культурного знания / Т.Ю. Сазонова, И.С. Бороздина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 27–33.

Annahme и Vermutung как транспарентные концепты немецкоязычной картины мира

*предположение, когнитивная лингвистика, концепт,
транспарентность*

Предположение следует рассматривать как «положение, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина» [Кондаков 1975: 457]. Предположение, как правило, появляется в процессе обработки определенной порции сведений, полученных в результате познавательной деятельности человека. Формулируя предположение, говорящий исходит из возможности и вероятности наличия некоего факта в реальности. К возможному можно отнести все, «что уже существует или когда-либо существовало в действительности; и что не имеет каких-либо препятствий к существованию, возникновению чего ничто не мешает» [Зеленщиков 2010: 119]. То есть предполагать – это значит предварительно думать, рассуждать, рассчитывать, допускать, догадываться и т. д. И, соответственно, «предполагать можно все, что возможно» [Гремицкая 2011: 73].

С точки зрения когнитивной лингвистики в концептосфере предположения объективируется модель некоего фрагмента действительности как результат интерпретации рационально-мыслительных и чувственно-образных данных. Вербализация данной концептосферы в немецком языке отражается, помимо прочего, в номинативном поле, состоящем из 873 единиц. К ядру номинативного поля относятся такие лексемы, как *Ahnung, Ansicht, Behauptung, Einbildung, Erwartung, Meinung, Voraussetzung, Vorstellung, ahnen, annehmen, denken, sich einbilden, erwarten, glauben, meinen, vermuten, voraussetzen, sich vorstellen, angenommen, möglich, vermutlich, vielleicht, voraussichtlich, wahrscheinlich* и пр. [Гремицкая 2014: 298]. Центр ядра представлен лексическими единицами *Annahme* и *Vermutung*, поскольку именно последние тождественны понятию предположения в семантическом пространстве немецкого языка.

Следовательно, соответствующие концепты *Annahme* и *Vermutung* по праву можно считать, с одной стороны, базовыми, с другой стороны, транспарентными в указанной концептосфере.

Об отношении транспарентности между отдельными концептами говорит в своей работе В. Н. Степанов [Степанов 2015], отталкиваясь от латинского *trans* ‘сквозь, через’ и *parere* ‘появляться’, и называет ряд признаков, на основании которых приходит к данному заключению.

В настоящей статье предпринята попытка анализа интересующих нас концептов сквозь призму транспарентности с учетом данных признаков.

1. Объективаторы концептов *Annahme* и *Vermutung* можно назвать идентичными в лексическом и грамматическом аспекте, а именно:

– имеют форму единственного и множественного числа

Annahme / Annahmen haben, Vermutung / Vermutungen haben;

– сочетаются с одними и теми же глаголами, именами прилагательными, причастиями

Annahme / Vermutung fallenlassen, aussprechen, anstellen, äußern, hegen; bestimmte, mehrdeutige, offenbare, unsichere Annahme / Vermutung; der Annahme / der Vermutung entsprechend;

– употребляются в одних и тех же словосочетаниях

(in) der Annahme / Vermutung sein, einer Annahme / Vermutung nachgehen, auf Annahmen / Vermutungen angewiesen sein, in Annahmen / Vermutungen ergehen / verlieren, recht in der Annahme / Vermutung gehen; wie anzunehmen / zu vermuten ist, wie man annehmen / vermuten kann;

– образуют дериваты со схожими значениями

angenommen, vermutlich.

2. Концепты *Annahme* и *Vermutung* обладают гомогенной референцией. Если имя существительное как лексическая единица несет на себе определенный смысл, то предложение как синтаксическая единица заключает в себе и смысл (смысловую информацию), и референт, то есть соотносится с конкретной ситуацией. Иными словами, референтность не является характерным признаком языкового выражения как такового, а присуща лишь высказыванию в соответствии с определенным реальным или возможным положением дел с точки зрения говорящего. Референт как предмет референции представляет собой объект внеязыковой действительности, который подразумевается говорящим в момент формулирования конкретного высказывания. Значит, референт можно обозначить объектом как реальной картины мира, так и воображаемой, предполагаемой, возможной. Таким образом, под референцией следует понимать соотношение языкового знака с объектом внеязыковой действительности. Гомогенная или тождественная референция подразумевает использование одной и той же лексической единицы или ее синонимов для названия одного и того же референта в подобных или близких контекстах.

Так, при замене одной единицы на другую идентичными по пропозиции останутся следующие высказывания:

(1) *Wir teilen Ihre Vermutung (= Annahme), dass es sich um einen Selbstmord handelt <...>.* [E. Kästner. Fabian. Die Geschichte eines Moralisten].

Ich war sehr erstaunt, dass der Einsiedler eine Geliebte habe, <...> und alle meine Vermutungen (= Annahmen) über ihn und sein Leben wurden mir wieder ungewiss. [H. Hesse. Der Steppenwolf].

(2) *Ich nehme an (= vermute), sie sitzt schon im Zug.* [H. Böll. Billard um halb zehn.].

Nehmen Sie denn an (= Vermuten), Komissar, dass die Capeperson mit dem Mörder der Arlette identisch ist. [D. R. Budniok. Aber die Steine schweigen nicht...].

3. Концепты *Annahme* и *Vermutung* имеют близкую ментальную структуру. Любой концепт суть ментальное образование, в основе которого расположена единица универсального предметного кода. На этот код наслаивается комплексная информация о соответствующем объекте действительности, образованная в результате когнитивной, интерпретативной и оценочной деятельности отдельной личности и общества. Ментальная структура концепта являет собой совокупность когнитивных признаков, отражающих его содержание. К когнитивным признакам интересующих нас концептов, помимо прочих, относятся: предварительное суждение о чем-либо возможном; неопределенное суждение; неуверенное суждение; суждение, основанное на умозаключении вследствие знания определенной информации; научно обоснованное суждение; суждение, имеющее в своей основе чувственное начало.

Целесообразно особо выделить признак – предварительное суждение о чем-либо возможном, поскольку именно он является основным и наиболее ярко характеризующим оба описываемых концепта.

4. Концепты *Annahme* и *Vermutung* определяют единый способ хранения и передачи знаний. В когнитивной лингвистике язык являет собой общий механизм приобретения, хранения, использования и передачи знаний. Когнитивная же деятельность человека заключается в процессах восприятия и отражения действительности, которые, в свою очередь, базируются на различных мыслительных состояниях и операциях. Человек как система получения, переработки, хранения и передачи знаний обличает последние в языковую форму и транслирует их в процессе коммуникации.

Рассматриваемые концепты сформированы как результат отражения и дальнейшей интерпретации действительности. Именно интерпретирующая составляющая является их специфичным признаком, поскольку предположение как субъективная оценка вероятности некоего факта – это своего рода интерпретация последнего. Имея знание о некотором факте, говорящий, используя логику или чувства, формулирует высказывание, тем самым наделяя озвученный факт той или иной степенью вероятности существования первого.

Кроме того, как концепт *Annahme*, так и концепт *Vermutung* обладают релятивностью, под которой следует понимать свойство становиться значимым исключительно в пределах конкретного содержания. Предположение как таковое не несет на себе определенной смысловой нагрузки, но, включаясь в пропозицию высказывания, оно тем самым реализует речевое намерение говорящего. Другими словами, необходимым условием объективации этих концептов считается наличие некоторой информации, активированной в сознании и существующей в кодовой форме.

Проведенное исследование показывает, что концепты *Annahme* и *Vermutung* используются в подобных лексических и грамматических контекстах, обладают идентичной референцией и сходной ментальной структурой, демонстрируют похожий способ хранения и передачи знаний, что позволяет считать их транспарентными относительно друг друга.

Литература

Гремицкая М.В. Модус предположения в эпистемической модальной категории / М.В. Гремицкая // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2011. – № 1–2. – С. 72–75.

Гремицкая М.В. Номинативное поле модусного концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира / М.В. Гремицкая // Проблемы истории, филологии, культуры, 2014. – № 4(46). – С. 297–300.

Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность / А.В. Зеленщиков. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – С.119.

Кондаков Н.И. Логический словарь – справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – С. 457.

Степанов В.Н. 'Kraft' ("сила"), 'Geist' ("дух"), 'Genie' и 'Genius' ("гений") как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта / В.Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе, 2015. – № 1 (32). – С. 35–41.

Гукосьянц Ольга Юрьевна
Алимурадов Олег Алимурадович
Пятигорский государственный университет
Горжая Алеся Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет
УДК 811.161.1'42

**Колоратив как одно из средств инициирования конфликта
в интернет-опосредованной коммуникации
периода пандемии COVID-19**

*интернет-опосредованная коммуникация, колоратив,
коммуникативный конфликт, пандемия*

Являясь незначительной группой лексического состава языка, колоративы широко используются как для передачи номинативного значения, определяя цветовую характеристику предмета, так и для передачи эмоционально-оценочного признака, выражая отношение к предмету с помощью цвета. По результатам изучения функционирования цветообозначающей лексики в художественной литературе, С.В. Бобыль уверенно заявляет, что данные единицы «принадлежат к разряду наиболее выразительных изобразительных средств русской стихотворной речи» [Бобыль 1984: 163]. Демонстрация эмоционально-оценочной характеристики колоративных компонентов проявилась активно в том числе и в виртуальной коммуникации в период пандемии COVID-19, отличающейся высоким эмоциональным напряжением и конфликтным настроем говорящих. Изучению возможности колоративов выступать в качестве одного из средств инициирования конфликтной коммуникации, находясь в свободном употреблении или в составе фразеологической единицы, посвящена настоящая работа.

Репрезентация цвета выступает одним из наиболее значимых компонентов картины мира (КМ) человека, в котором преломляются и многоаспектно сочетаются индивидуальное и коллективное начала, формирующие КМ. С одной стороны, цветовосприятие обусловливается индивидуальными психофизиологическими особенностями человека, а с другой – культурно-историческими предубеждениями, усвоенными им как членом определенного социума. Психофизиологическое восприятие цвета и языковая репрезентация цвета посредством колоративов имеют важнейшее отличие. Известно, что по причинам физиологического порядка не все цвета могут восприниматься «в смеси»: к примеру, если комбинация красного и зеленого дает в итоге желтый цвет, то голубой в этом случае ингибируется (см., в частности: [Kuehni, 2012]).

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что физиология цветовосприятия предоставляет человеку несколько возможностей в том,

что касается восприятия совместно встречающихся цветов: это различные способы раздельного восприятия, а также механизмы так называемого *color averaging*, т. е. перцептивного усреднения, которое, по всей видимости, лежит в основе целостного, холистического восприятия цвета, т. е. предполагает извлечение среднего из набора различных цветов при отсутствии формирования их индивидуальных репрезентаций [Maule et al., 2018]. Физиологическая природа цветовосприятия осложняется культурными факторами в том случае, если человеку предлагается установить корреляции между тем или иным цветом и геометрической формой (впервые концепцию связи цвета и геометрической формы сформулировал выдающийся художник В. Кандинский) (подробнее см.: [Walter, 2018]).

Изучение цветономинаций начиналось в лингвистике как попытка проиллюстрировать и глубже проникнуть в то, каким образом язык отражает мыслительное содержание, являющееся результатом целого комплекса процессов, среди которых одно из ведущих мест занимает категоризация. На первый взгляд, различия в языковой репрезентации цвета отражают значимые различия в категоризации самого цвета носителями разных языков, причем может показаться, что эти различия укоренены в культурном разнообразии. Вместе с тем уже первые системные исследования семантики колоративов, проводившиеся с привлечением респондентов, показали, что категоризация цвета в разных языках происходит относительно системно [Berlin et al., 1991].

Материалом исследования в настоящей работе послужили комментарии к постам в Живом Журнале, опубликованные в период пандемии COVID-19, содержащие компонент-колоратив, провоцировавшие столкновения коммуникантов в процессе общения и поддерживавшие развитие активного конфликта. Достижение заявленной выше цели работы, а именно изучение возможности колоративов выступать в качестве одного из средств инициирования конфликтной коммуникации, находясь в свободном употреблении или в составе фразеологической единицы, осуществлялось при помощи следующих методов исследования: метода сплошной выборки, используя который было отобрано более 190 комментариев к постам в Живом Журнале, содержащих колоратив в качестве составного компонента; метода комплексного коммуникативно-прагматического анализа, применение которого обеспечивало возможность отнести рассматриваемые комментарии к категории конфликтных; лингвистического анализа и контекстуального анализа, с помощью которых осуществлялось вычленение конфликтогенных единиц, среди которых наблюдались цветономинации.

Около 40 % от общего объема выборки в настоящем исследовании составили комментарии, содержащие прилагательные-цветообозначения свободного употребления. Отличительной особенностью колоративов, используемых в прямом значении, является употребление их в функции определения предшествующего существительного. В данном случае конфликтный потенциал собственно прилагательных-цветообозначений

наблюдался при функционировании субстантивированных прилагательных-колоративов, используемых с целью обобщения, передачи абстрактных явлений и нагнетания конфликта, при выстраивании оппозиции ('черного' и 'белого'), при передаче символического смысла, транслируемого колоративом, а также в составе словосочетаний в качестве дополнительного (периферийного) маркера провоцирования конфликтного взаимодействия.

1. *Интересно, это еще более жирный образчик **зеленой** фауны приполз или натурально некто сок своего мозга давит с горних высей? Искренне надеюсь, что первый вариант* (комментарий от 29.12.2020, <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>, дата обращения: 26.01.2022).

Заметим, что собственно конфликтный потенциал прилагательное-цветообозначение 'зеленый' в рассматриваемой ситуации не несет и является в составе словосочетания 'зеленая фауна' дополнительным (периферийным) маркером провоцирования конфликтного взаимодействия, уступая основным маркерам, актуализирующим собственно конфликтную направленность данного сообщения – 'еще более жирный ...приполз'.

Несомненным цветом-символом периода пандемии COVID-19 можно считать 'красный'.

2. *Вот сколько по интернету "заказушных" антиваксеров" носится. Всех их – в **красную зону**. Пусть там без масок героически за больными ходят* (комментарий от 28.08.2022, https://olga-srb.livejournal.com/879900.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block, дата обращения: 25.03.2023).

Колоратив 'красный' в словосочетании 'красная зона' актуализирует один из присущих ему символических значений – опасности, тревоги, борьбы, мужества. Словарь русского языка коронавирусной эпохи предлагает два определения рассматриваемого понятия: 1) отделение стационара, предназначенное для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией; то же, что грязная зона; 2) о стране или регионе, где выявлен высокий (по сравнению с другими) уровень распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией [Вальтер и др., 2021, с. 55]. В обоих случаях символический смысл, транслируемый колоративом, сохраняется, а пожелание автора комментария направить всех "'заказушных" антиваксеров" ...в красную зону' можно рассматривать как угрозу, предсказание болезни.

В 60 % случаев от общего объема выборки колоративы представляли собой элементы связанного значения фразеологического единства, которое, в случае наличия негативной коннотации, могло служить конфликтогеном в выстраиваемом взаимодействии. Изучаемая выборка комментариев, опубликованных в период пандемии COVID-19 и содержащих колоративы в составе фразеологических единиц, включала фразеоло-

гизмы с составным компонентом *‘белый’* (*‘шито белыми нитками’*, *‘черным по белому’*, в том числе трансформации фразеологических единиц и окказиональную замену компонента-колоратива – *‘русским по белому’*), с составным компонентом *‘желтый’* (*‘желтая пресса’*), с составным компонентом *‘синий’* (*‘колитесь до посинения’*). Однако связанное значение, присущее фразеологической единице, исключает возможность анализировать исключительно колоратив как актуализатор конфликтного взаимодействия и обязывает обратиться ко всему фразеологизму в целом.

Исследование выполнено в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагматическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

Литература

Бобыль С.В. Семантико-стилистические свойства русских цветообозначений (на материале советской поэзии): дис. ... канд. филол. наук / С.В. Бобыль. – Днепропетровск, 1984. – 194 с.

Вальтер Х. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х.Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. – Ред. коллегия: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. – СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

Berlin B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991. – 196 p.

Kuehni R.G. Color: an introduction to practice and principles / R.G. Kuehni. – 3rd ed. Hoboken, N.J.: Wiley, 2012. – 296 p.

Maule J. Ensemble Perception of Colour / J. Maule, A. Franklin // Progress in Colour Studies: Cognition, Language and Beyond. – Lindsay W. MacDonald, Carole P. Biggam, Galina V. Paramei (eds.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. – P. 23–40.

Walter S. Kandinsky's Colour-Form Correspondence Theory: A Cross-Cultural Re-investigation / S. Walter // Progress in Colour Studies: Cognition, Language and Beyond. – Lindsay W. MacDonald, Carole P. Biggam, Galina V. Paramei (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. – P. 123–146.

Отличительные особенности милитарных текстовых форматов

*художественный текст, милитарный текстовый формат,
когнитивно-герменевтическое моделирование*

Сюжетно-тематические особенности художественных текстов во многом определяют не только содержание, но и форму представления знания. Текстовые художественные форматы различных литературных жанров значительно отличаются друг от друга. Один из наиболее самобытных текстовых форматов – милитарный текстовый формат.

В рамках милитарных текстовых форматов реализуются разные художественные концепты, но при этом их номинативное поле подвергается значительным изменениям: в него включаются лексические единицы милитарной тематики.

Исследование проводилось на материале художественной литературы XX в., посвященной теме войны. Художественные произведения, написанные на русском, английском и немецком языках, рассказывающие о событиях Первой и Второй мировых войн, принадлежат перу таких писателей, как Э.М. Ремарк, Э. Юнгер, Л.Г. Буххайм, Э. Хемингуэй, Т. Кенелли, Т. О'Браен, Д. Клавелл, М.А. Шолохов, В.С. Пикуль и В.В. Быков. Метод исследования – когнитивно-герменевтическое моделирование.

Проведенное исследование позволило выявить особенности милитарных текстовых форматов. Авторы художественных произведений о войне стремятся к реалистичности описаний. Известно, что в сознании человека «есть представление о должном состоянии соответствующих объектов» [Карасик 2023: 44], при этом отрицательный опыт имеет большее значение. Военные действия есть, без сомнения, опыт отрицательный. Отсюда и стремление автора художественного текста как можно более подробно и реалистично описать негативный опыт человечества.

Одним из способов достижения реалистичности является повышенное внимание к деталям и к точности их описаний. Милитарные текстовые форматы не допускают условностей. Читатель больше доверяет рассказчику, который знает о предмете своего рассказа все, вплоть до мельчайших подробностей. Э.М. Ремарк и Э. Юнгер очень подробно описывают особенности окопной войны: оружие и результаты его применения, внешний вид погибших солдат и животных. Они не ограничиваются простой констатацией фактов, а приводят такие подробности, которые должны

произвести впечатление. Т. Кенелли, описывая работу медицинских сестер, прибегает даже к таким мелочам, как ольфакторные описания госпиталей и состояние самих раненых [Даниленко 2023].

Художественные произведения о войне достаточно широко используют лексические стилистические приемы. Никакое художественное произведение о войне не обходится без описания быта солдат и их общения. Речь солдата проста и изобилует сниженной лексикой, акронимами и жаргонизмами. В своем стремлении к реалистичности автор широко использует солдатский язык, полный лексики сниженного стиля. Подобный прием был выявлен у всех писателей, творчество которых мы проанализировали. Помимо лексики сниженного тона, милитарные текстовые форматы характеризуются наличием лексики высокого стиля. Описывая быт военных, автор использует аббревиатуры и технические термины. Так Л.Г. Буххайм, описывая устройство подводной лодки, прибегает к сложным техническим описаниям с применением большого количества терминов. Т. О'Браен описывает снаряжение солдат с энциклопедической точностью, указывая даже вес каждого предмета.

Высокий книжный стиль характеризует произведения русскоязычных писателей М.А. Шолохова, В.С. Пикуля. В их романах герои часто говорят об офицерской чести, патриотизме и о службе Отечеству. В произведениях В.С. Пикуля даже сам автор дает оценку героическим поступкам героев, используя высокий книжный стиль. Примечательно, что ни в англоязычных, ни немецкоязычных произведениях не выявлено лексики возвышенного стиля, кроме терминов.

Как правило, в милитарных текстовых форматах на историческую тему присутствуют реальные исторические личности. Несмотря на то, что главными действующими лицами выступают вымышленные персонажи (Э.М. Ремарк, Э. Хемингуэй, Т. Кенелли, Д. Клавелл, М.А. Шолохов, В.С. Пикуль, В.В. Быков) или сам автор (Э. Юнгер, Л.Г. Буххайм, Т. О'Браен), в тексте упоминаются или выступают в роли второстепенных действующих лиц реальные исторические деятели разной величины. Поскольку автор описывает события реальной войны, то сложно обойти вниманием и реальных участников этих событий. Зачастую автор помещает героев романа в гущу исторических событий с указанием реальных мест и времени (Э.М. Ремарк, Э. Юнгер, Э. Хемингуэй, Т. Кенелли, Д. Клавелл, М.А. Шолохов).

Подобный подход имеет и прагматическую цель: как и подробные описания, так и ссылка на реальные события придают повествованию дополнительную реалистичность, а значит, вызывают высокий уровень доверия со стороны читателя.

Еще одной отличительной чертой милитарных текстовых форматов является использование их в литературе мемуарного жанра. Это могут быть непосредственно мемуары участников исторических событий (Э. Юнгер, Т. О'Браен). Достаточно часто такие произведения обладают «нулевой нарративностью» [Куприн 2020: 95], где сюжет уходит на второй план, уступая место описаниям или размышлениям автора. Мемуары в

литературной обработке с добавлением некоторых художественных условностей представляют собой «метафизику войны, данную в личном опыте» [Солонин 2000] (Э.М. Ремарк, Л.Г. Буххайм, Э. Хемингуэй, Д. Клавелл). Мемуары авторов реконструкторов, написанные со слов очевидцев или восстановленные по архивным записям (Т. Кенелли, М.А. Шолохов, В.С. Пикуль, В.В. Быков).

Милитарные текстовые форматы направлены на формирование у читателя негативного отношения к войне. Произведения о войне носят выраженно антивоенный характер. Среди рассмотренных авторов исключение представляет только Э. Юнгер, чьи произведения, хоть и не восхваляют войну, но и не дают ей отрицательной оценки, представляя позицию, скорее, констатации фактов.

Проведенное исследование позволило выявить отличительные черты милитарных текстовых форматов:

- стремление автора к реалистичности за счет точных описаний, включения в повествование реальных событий, мест и исторических личностей, чем достигается высокая степень доверия со стороны читателя;
- включение лексики высокого, книжного стиля и лексики сниженного стиля;
- частое использование милитарных текстовых форматов в мемуарном жанре;
- ярко выраженная антивоенная направленность.

Литература

Даниленко И.А. Текстовые ольфакторные когнитивные аттракторы в номинативном поле художественного концепта WAR / И.А. Даниленко // Когнитивные исследования языка. – 2023. № 5 (56). – С. 228–232.

Карасик В.И. Аксиология артефактов низкого качества / В.И. Карасик // Когнитивные исследования языка. – 2023. № 3(54). – С. 44–50.

Куприн А.С. Повествовательные инстанции в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах» / А.С. Куприн // Германистика в современном научном пространстве. – 2020. – С. 93–99.

Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: опыт первоначального понимания жизни и творчества / Ю.Н. Солонин // Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение. – Выпуск 3: К 60-летию профессора А.С. Колесникова. – СПб: Санкт-Петербургское философское общество. – 2000. – С. 170–201.

Синтаксические средства выразительности в современном англоязычном экономическом медиaprостранстве

*синтаксические выразительные средства, эмотивность,
деловой дискурс, медиадискурс*

Медиапространство играет важную роль в формировании общества и является важной составляющей жизни современного человека. Оно репрезентирует социально-культурные события и представляет собой часть социального контекста, в котором транслируются ценности, культура, мировоззрения и другие аспекты жизнедеятельности общества. Однако следует отметить, что оно не только отражает реальность, но одновременно выступает инструментом и средой формирования общественного мнения, мировосприятия, создавая при этом совершенно иное пространство. Реальность транслируется здесь как «трансцендентная иллюзия» [Бергер 1995] и имеет двойное видение: индивидуальное и институциональное, где присутствуют фильтры, благодаря которым адресант способен «видеть одно и не замечать другое» [Зубанова 2008].

После пандемии COVID-19 медиаплатформы и ресурсы все больше стали ориентироваться и адаптироваться к формату существования в интернет-среде, поскольку современное медиапространство должно оставаться актуальным в контексте быстро развивающихся и меняющихся обстоятельств и, таким образом, быть способным оперативно отвечать на запросы общества. Таким образом, можно сказать, что почти любой текст, погруженный в интернет-среду, будет адаптироваться к ней, перенимая особенности и характеристики данного типа дискурсивного пространства. Несмотря на это, в большинстве случаев изначальный дискурс, в нашем случае экономический медиадискурс, будет, естественно, сохранять свои самые важные отличительные черты.

Одной из таких черт экономического медиадискурса является эмотивность речи. Так, например, согласно Трайбу [Трайб 1978], экономический дискурс представляет собой инструмент по созданию речи, который опирается как на лингвистические нормы, так и на социокультурные, прагматические и психологические аспекты.

Выразительные средства языка и стилистические приемы делают высказывание более точным и определенным. Это может отражаться на разных уровнях языка: графическом, морфологическом, лексическом, фонетическом и синтаксическом. В нашем исследовании акцент делается на синтаксических средствах выразительности, которые могут быть струк-

турными и композиционными. Таким образом, данные средства выразительности имеют дело с синтаксическим построением предложения, которое формирует семантическое и лексическое значение. В том случае, когда экспрессивный синтаксис обозначает не парадигматические средства, а синтагматические, он все равно выступает как связующее звено между несколькими языковыми единицами, образующими структуру. Следовательно, можно утверждать, что синтаксические экспрессивные средства, существующие в английском языке, создают эмотивность через семантическое значение и выражают ее, используя структурные особенности. Ученые считают, что способы и частотность выражения эмоций в общении обусловлены социально, т.е. на них влияют такие факторы, как образовательный и профессиональный уровень человека, его возраст и пол, а также ролевые отношения между собеседниками [Malyuga 2018]. Таким образом, описывая сложное взаимодействие языковых средств, актуализирующих эмоциональность спикеров, можно лучше понять внутреннюю природу людей и повысить их совместимость в обществе [Malyuga 2016; Ponomarenko 2018].

Данное исследование сосредоточено на анализе синтаксических средств выразительности в современном англоязычном экономическом медиапространстве. Материалом исследования послужили тексты-скрипты интервью известных экономических и политических деятелей для таких медиапорталов и изданий, как CNBC, Bloomberg, Forbes и The Hill.

В результате анализа было установлено, что наиболее частотным синтаксическим средством выразительности является анафора, которая понимается как повторение слова или выражения в начале следующих друг за другом фраз или предложений. Так, например, Дональд Трамп в своей речи, записанной Forbes, употребляет «*we will*», подчеркивая свои обеспокоенность и заинтересованность в помощи своей стране:

“<...> **we will** stop Joe Biden’s inflation disaster, **we will** rebuild the greatest economy in the history of the world, **we will** do it. *I* will always protect Social Security and Medical care <...>”

“When *I* get back into the Oval Office *I* will totally obliterate the Deep State **we** started with Comey, **we** got rid of them and **we** got rid of a lot of bad people **we will** root out the corruption <...>” [Trump 2023].

В данных примерах с помощью анафоры Трамп также заостряет внимание на своей патриотичности, заключающей в себе манипулятивный характер, который способствует созданию у адресата впечатления образа президента, способного улучшить положение в стране за короткий срок. Кроме того, Д. Трамп выделяет личное местоимение «*мы*», которое акцентирует внимание на том, что он считает себя частью общества, тем самым вызывая к себе симпатию граждан страны. Затем он меняет местоимение *we* = *мы* на *I* = *я*, тем самым отделяя себя от команды и показывая свою готовность развивать страну.

Следующим по частотности стилистическим приемом является асиндетон, т. е. опущение союзов, которые обычно соединяют несколько

предложений. В речи Д. Трампа он иллюстрируется цепью бессоюзных сложносочиненных предложений, содержащих и разъясняющих идеи бывшего президента.

“We are no longer energy independent or energy dominant, we were just there very short number of years ago. **We** are a nation that is begging Venezuela and many others for oil **please, please, please** help us” [Trump 2023].

Из примеров выше можно наблюдать, что повторение тоже является одним из наиболее частотных стилистических приемов в текстах-скриптах интервью, поскольку с помощью данного приема спикеру удастся подчеркнуть важные по его/ее мнению события или факты, усилив при этом воздействие на аудиторию.

Другим частым синтаксическим средством выразительности является риторический вопрос, не предполагающий ответа. Риторический вопрос передает адресату убеждающие указания. Если адресат изначально не мотивирован на получение сообщения, риторический вопрос провоцирует внимание к сути вопроса.

Использование риторического вопроса наблюдается и в следующем примере, в котором журналист задает вопрос американскому инвестору Р. Далио про долги в США.

“You still think that’s the case? Look, you have ... you have a change of 15,25 basis points and so on” [Dalio 2023].

Анадиплосис или повторение выделяющегося и, как правило, последнего слова в одной фразе или клаузе в начале следующей также часто встречается в речи интервьюируемого. Например, в следующей цитате вице-президент США К. Харрис использует анадиплосис в своей речи:

“Secretary Ellen, I want to thank you for inviting me to share this after this morning to have this very important discussion and to everyone there are any leaders **in this room. It’s a room** full of leaders”.

К. Харрис повторяет фразу *in this room. It’s a room*, тем самым подчеркивая свое уважение к лидерам, находящимся в зале.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что каждое второе сообщение в экономическом медиадискурсе содержит синтаксические выразительные средства. Экономический медиадискурс, как правило, функционирует и без синтаксических выразительных средств. Тем не менее экспрессивный синтаксис выполняет важнейшую функцию, обеспечивая реципиента эмоционально насыщенным и описательным текстом. Результаты анализа свидетельствуют о том, что экспрессивный синтаксис используется как психологический инструмент, который манипулирует реципиентом, вызывая у него различные эмоции, такие как счастье, гнев, интерес, разочарование и многие другие. Сочетание таких синтаксических средств выразительности, как асиндетон, риторический вопрос и повторение, и частотность использования именно этих приемов позволяет спикеру усилить прагматический эффект, сделав речь более доступной и понятной конечному адресату, и сократить дистанцию между

говорящим и аудиторией, которая не является часть экономико-политического мира.

Литература

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Академия-Центр, Медиум, 1995. – 321 с.

Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации / Л.Б. Зубанова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 2 (14). – С. 6–17.

Kharkovskaya A.A. Mini-texts in modern educational discourse: functions and trends / A.A. Kharkovskaya, E.V. Ponomarenko, A.V. Rudyuk // TCL -Training Language and Culture. – 2017. – Vol 1. – P. 100–125.

Malyuga E.N. Linguacultural identity as a factor of negative implication in business and professional communication / E.N. Malyuga // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, Albena, Bulgaria. – 2018, August 26–September. – Vol. 5. – P. 313–319.

Malyuga E.N. The art of business interviewing in ESP training / E.N. Malyuga, S.N. Orlova // EDULEARN16: International Conference on Education and New Learning Technologies, IATED, Barcelona, Spain. – 2016, July 5–6. – P. 1967–1970.

Ponomarenko E.V. Factors of business English functional efficiency / E.V. Ponomarenko // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, Albena, Bulgaria. – 2018, August 26–September1. – Vol. 5. – 209–216.

Лингвокультурологические особенности концептов «гость» и «хозяин» в концептосфере «гостеприимство»

*лингвокультурология, концепт, гость, хозяин,
концептосфера «гостеприимство»*

За последние годы в современной лингвистической науке исследование концептов стало одним из актуальных тем, которыми занимаются многие лингвисты, литературоведы, фольклористы и культурологи. Активизировались исследования концептов в сравнительно-сопоставительном аспекте, которые помогают точно определить черты национально-культурных особенностей данного народа, понять его этнический язык, характер и культуру.

Сопоставительное лингвокультурологическое исследование концепта «гостеприимство» рассматривались многими современными исследователями: С.С. Жабоевой, Р.Д. Юнусовой, Г.Р. Гариповой, Т.В. Захаровой, Ф.Б. Тозаевой. В работах вышеуказанных исследователей авторы делают акценты на сравнительно-сопоставительный анализ концепта «гостеприимство» на примере нескольких языков, поскольку исследования именно в этом направлении определяют их сходство, тождество и различие не только данных концептов, но концептов в целом, а лингвокультурологический подход к исследованию концепта «гостеприимство» раскрывает его национально-культурную специфику.

В нашем исследовании мы рассматриваем концепты «гость» и «хозяин» как составляющие концептосферы «гостеприимство» в русском и каракалпакском языках в лингвокультурологическом аспекте. В исследовании гость и хозяин выступают как субъекты концепта «гостеприимства». Прежде следует определить толкование данных слов в словарях. В лексикографических источниках русского и каракалпакского языков слово «гость» поясняется в нескольких значениях: во-первых, как человек, который любит посетить, навестить кого-нибудь с целью увидеться, посидеть поговорить. Например, *пойти в гости, быть в гостях, вернуться из гостей*; во-вторых, о неожиданном пришельце, о том, кто появился нежданно и внезапно, в большинстве случаев это говорится о животных и предметах. *Незаметно пробрался сибирский гость. Космический гость*; в-третьих, как посторонний человек, приглашенный быть на празднике, мероприятии, сборе. *Места для гостей. Уважаемые гости мероприятия* [Ожегов 2006: 141; Қарақалпақ 1988 3: 170].

Слово «хозяин» толкуется в словарях в разных значениях: во-первых, как владелец, собственник чего-то. *Хозяин дома, хозяин имущества,*

хозяин машины; во-вторых, глава жилища, семьи, хозяйства. Хозяин усадьбы пригласил гостей к себе на чай; в-третьих, о лице управляющем хозяйством. Хороший хозяин, расчетливый хозяин [Ушаков 2013: 737; Қарақалпақ 1984 2: 258].

При лингвокультурологическом анализе концептов «гость» и «хозяин» свое внимание акцентируем на языковую картину мира русского и каракалпакского народов, так как именно в ней реализуются концептуальные модели, которые дают возможность рассмотреть данные концепты в качестве объекта лингвокультурологического исследования и помогают описать их национально-культурные особенности. Для анализа мы отобрали паремии в русском и каракалпакском языках со значением гостеприимства, репрезентующие концепты «гость» и «хозяин». Паремиологические образы и роли субъектов гостеприимства ярко и красочно описываются в народных пословицах и поговорках о гостеприимстве. В исследовании мы определили несколько образов и ролей «гостя» и «хозяина» как субъектов гостеприимства.

1. Своевременный приход в гости:

Примеры в русском языке: *Первому гостю первое место и красная ложка.*

Ехал к обеду, а приехал в среду.

в каракалпакском языке:

Тойға барсаң, бурын бар,

Бурын барсаң, орын бар,

Бурын барда, бурын қайт. (Собрался на той – пораньше ступай, раньше зайдешь – место займешь, пораньше пойдешь, пораньше вернешься).

2. Подготовиться идти в гости, выглядеть лучше, чем обыденно:

в рус.: *Горький в миру не годится в пиру: хоть и пляшет и скачет, а горя не спрячет.*

Незачем в гости, у кого болят кости.

в каракалпакском: *Тойға барсаң тойып бар, уўайым-қайғыңды жойып бар.* (Иди на той сытым, печаль забытым).

3. Зависимая и подчиняемая роль гостя.

в рус.: *В гостях гостить – не свою волю творить.*

Гость у хозяина в послушании.

в каракалпакском:

Келгенше қонақ өз еркинде,

Келген соң киси еркинде. (Гость до прихода в своей воле, после прихода в воле хозяина).

4. Обязанность хозяина перед званым гостем.

в рус.: *На званого гостя угодить надо.*

Незванный гость легок, а званный тяжел.

в каракалпакском:

Келгенше қонақ уялады,

Келген соң қонақ жер уялады. (До прихода гость стесняется, после прихода хозяин стесняется).

5. Терпимость по отношению к гостю.

в рус.: Мил гость, что не долго гостит.

Первый день гости – золото, второй – серебро, третий – медь.

в каракалпакском:

Қонақ бир қонса қут,

Еки қонса жут. (Если человек гостит день – к благе, если два дня – к растрате).

Таким образом, обобщая вышесказанное, можем сделать вывод, что роль хозяина перед гостем активная и ответственная, а у гостя – пассивная и послушная. Лингвокультурологический анализ концептов «гость» и «хозяин» показывает, что данные концепты являются основными составляющими концептосферы «гостеприимство». Это особенно отчетливо выражается на паремиологическом уровне исследуемых языков.

Литература

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2013. – 800 с.

Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги Т. II. – Нөкис: Қарақалпақстан, 1984. – 387 б.

Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги Т. III. – Нөкис: Қарақалпақстан, 1988. – 367 б.

Қарақалпақ фольклоры. 88–100 томлар. – Нөкис: «Илим», 2015. – 544 б.

Истоки метода моделирования в лингвистике

*метод, лингвистика, моделирование, язык, философия,
метаязык, логика*

Каждый подход и метод в языкознании пытается раскрыть какую-то сторону языка, имеющую загадочную сущность. По этому поводу Фердинанд де Соссюр пишет: «Язык только феноменологически открыт человеку». Мартин Хайдеггер логически продолжает эту идею: «Никакая наука не может объяснить сущность языка, он есть тайна всех тайн».

В конце XIX в. возникшее во Франции течение постмодернизма оказало уникальное положительное влияние на философию познания. В нем подчеркивается, что невозможно полностью понять бытие лишь научным методом познания, что поэтико-метафорический метод также важен в процессе познания и что в познании необходимо обратить внимание на символизм, интуицию и иррационализм. В результате в XIX в. методологической основой всех теорий и исследований в языкознании послужил сравнительно-исторический метод, а к XX в. – системный подход, во второй половине XX в. – формализация, а с конца XX – начала XXI в. методы моделирования стали использоваться в качестве основы при проведении исследований.

Первоначально логика, грамматика, семиотика и алгоритм служат основой для понимания процесса функционирования языка и речи, а также создания системы автоматического решения лингвистических задач. Аристотель, основоположник науки логики, первым объяснил законы мышления в своем труде «**Органон**» (это слово означает 'оружие', 'орудие'), а также раскрыл теорию дедукции – формального характера совершения логических выводов. Аристотель разработал логику номинативных (именных) выражений. Позднее ученик Аристотеля Теофраст и представители школы стоиков создали логику предложений [Белоногов 2004: 15].

Учение Аристотеля продолжили такие великие ученые, как Фараби, Беруни, Гегель, Фреге, Лейбниц. Сначала возникла формальная логика, в которой явления объясняются только на формальной основе. В этом направлении преобладает **закон исключения третьего**. Согласно ему, одно из двух высказанных противоречивых мнений истинно, другое ложно, а третьего случая быть не может. Этот закон задается формулой «**либо А есть В, либо не есть В**».

К XVII–XIX вв. немецкий философ Гегель заложил основы направления диалектической логики. Ученый ввел в логику **правило третьего промежуточного**. В соответствии с ним между двумя взаимоисключающими событиями в оценке событий также выделяют нейтральное – «промежуточное третье» – состояние. Например:

Горячо	Тепло	Холодно
А	В	С

Позже немецкий ученый и математик Лейбниц и Гильберт применили математические символы к науке логике.

Г. Лейбниц был одним из первых, кто показал вычислительный характер логического мышления. По его мнению, логические элементы составляют основу всех научных концепций и размышлений. Эти логические элементы могут быть отмечены определенными символами. Основы символической логики были созданы в работах немецкого ученого Г. Фреге, английского ученого Дж. Булля и русского ученого В. Порецкого [Ро'latov 2007: 10].

В математической логике истинность (правильность) или ложность мыслей доказывается математическим способом. В этом случае x определяется как аргумент (переменная). Если $x = 1$, то утверждение оценивается как абсолютно верное; если $x = 0$, то как абсолютно ложное утверждение. Математическая логика работает с разными символами. Их еще называют логическими связками. Эти символы используются в искусственных языках программирования [Rahimov 2011: 12].

Формальная логика и символическая логика приобретают практическое значение при изучении структуры языка, служат основой для формализации грамматики, создания искусственных языков программирования и выступают своеобразным символическим «языком» компьютерной лингвистики.

В результате возросшей потребности в уточнении лингвистических понятий возникло отдельное направление, названное математической лингвистикой, основанное на компьютерных экспериментах [Сиокум 1989: 42]. Математическая лингвистика – наука, занимающаяся разработкой математических моделей естественных языков (такой формализованный язык называется **метаязыком**) [Rahimov 2011: 6], в частности составлением алгоритмов создания искусственных языков.

Особым «толчком» в становлении математической лингвистики послужили идеи Луи Ельмслева, основателя Копенгагенской школы структуральной лингвистики. Он даже предложил название науки, объясняющей языковые явления в математическом изложении. По мнению ученого, эту науку следует назвать «Алгеброй языка» («Лингвистической алгеброй») [Нурмонов 2008: 145]. Р. Шенк поясняет, что «Математическая лингвистика – это решение проблем, позволяющее компьютеру общаться с человеком на естественном языке» (<https://gigabaza.ru/doc/116551-pall.html> 2021).

Н. Черконе считал, что «математическая лингвистика должна создать общие теории, которые лягут в основу компьютерных программ, “понимающих” естественный язык».

Перед математической лингвистикой стоят задачи разработки аксиоматической теории языка; создания формальной грамматики; разработки алгоритмов формальных моделей естественных и искусственных языков, математических моделей языков; оценки языковых явлений по математическим параметрам и анализа языковых явлений с помощью математических моделей.

В качестве источников, являющихся в некотором смысле основой формирования направления математической лингвистики в восточных языках, можно назвать такие произведения, как «Китоб-уш-шер», «Китобул-л-хитоба» – книгу по риторике Абу Насра Фараби; «Индия» Абу Райхана Беруни; «Мафотухул-улум» – Ключи знаний Абу Абдуллы Хорезми; «Асбаб аль-хуруф» Абу Али ибн Сины; «Девони луготит тюрк» Махмуда Кашгари; «Фунун-уль-балага» шейха Ахмада Тарази; «Хустос-ул-аруз» Махмуда Замахшари, «Мифтох-ул-улум» – Ключ к знаниям Юсуфа Саккоки, а также «Мухокамат-ул-лугатайн» и «Мезон-ул-авзон» Алишера Навои; «Муфассал», «Бабурнамэ» Захириддина Мухаммада Бабура; «Шаджарай тюрк» Абулгази Бахадирхана. Можно также упомянуть произведения более поздних узбекских мыслителей, таких как Фитрат, Бехбуди, Авлони, Захири. В них статистически анализируются искусство слова, язык, его особенности и единицы. Например, комментарий Абу Али ибн Сины к «Поэтике» Аристотеля в «Искусстве поэзии» содержит поэтические формы, а в произведении «Индия» Абу Райхана Беруни перечислены названия около тысячи географических объектов.

Учение американского лингвиста Н. Хомского по формальной грамматике и трансформационной грамматике непосредственно обусловили возникновение математической лингвистики как отдельного направления [Гладкий 1969: 7]. Учение Н. Хомского получило в лингвистике название «теории формальной грамматики». Основные идеи ученого изложены в книгах «Syntactic Structures» и «Aspects of the Theory of Syntax».

Формализация – это выражение комплекса знаний, его содержания с помощью конкретных форм посредством искусственных языковых символов. Это напрямую связано со стремлением выразить структуру языка в более точных параметрах, попытками адаптировать его к компьютеру. Американский лингвист Ноам Хомский – основоположник концепции формализации грамматики (лат. *forma* ‘форма’, ‘внешний вид’). Формальная грамматика – это грамматика, выраженная посредством абстрактных символов, в которой языковые правила, словообразование, словосочетания и построение предложений описываются с помощью различных лингвистических моделей и структурных схем.

Компьютерная лингвистика является логическим продолжением математической лингвистики и важнейшей частью прикладной лингвистики. Компьютерная лингвистика начала формироваться как область науки в 1954 г. в Джорджтаунском университете в США во время первого в мире эксперимента по машинному переводу [Rahimov 2011: 7], к 1960 г. она сформировалась как самостоятельная наука. Компьютерная лингвистика – это копия английского слова *computational linguistics*. До 1980-х гг. эта наука называлась по-разному: вычислительная лингвистика, математическая лингвистика, квантитативная лингвистика, инженерная лингвистика.

В заключение можно сказать, что теория формальной грамматики возникла в результате развития математической логики и математической лингвистики. Это показывает, что формализация грамматики основана на математической модели, а ранние корни лингвистического моделирования восходят к математическим моделям. Утверждение ученого лингвиста Березина, что «язык как система – это сама математика. Математика является точной наукой и реализуется через соотношение формул. Язык, как и математика, требует точности, и в нем взаимодействие двух и более элементов составляет единое целое», доказывает, насколько правильно наше мнение [Pulatov 2011: 45].

Литература

Белоногов Г.Г. Компьютерная лингвистика и перспективные информационные технологии / Г.Г. Белоногов. – М.: Русский мир. – 2004. – С. 15.

Гладкий А.В. Элементы математической лингвистики / А.В. Гладкий, И.А. Мельчук. – М.: Наука. – 1969. – С. 7.

Место и назначение лингвистического обеспечения в информационных системах. Понятие информационной системы. – URL: <https://gigabaza.ru/doc/116551-pall.html> (дата обращения: 02.01.2021).

Нурмонов А. Структур тилшунослик: илдишлари ва йўналишлари / А. Нурмонов. – Тошкент, 2008. – Б. 145 (Нурмонов А. Структурная лингвистика: истоки и направления. – на узб. яз.).

Сиокум Дж. Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития / Дж. Сиокум // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989.

Po'latov A. Kompyuter lingvistikasi / A. Po'latov, S. Muhamedova. – Toshkent, 2007. – B. 10 (Пулатов А., Мухамедова С. Компьютерная лингвистика. – на узб. яз.).

Rahimov A. Kompyuter lingvistikasi asoslari / A. Rahimov. – Toshkent. – 2011. – B. 12. (Рахимов А. Компьютерная лингвистика. – на узб. яз.).

Опущение информации как способ преодоления когнитивной нагрузки в синхронном переводе и его жестовое оформление

*устный синхронный перевод, когнитивная нагрузка,
модификация исходной информации, опущение*

В работе мы обращаемся к проблеме полимодального поведения переводчика-синхрониста при преодолении им когнитивной нагрузки [Seeber 2017]. Объектом анализа становится речевое и жестовое поведение переводчика в ходе удаленного устного перевода и, более конкретно, в ситуациях повышенной когнитивной нагрузки, которые маркируются в речи (с помощью пауз, выражений hesitation и др.). В ранее проведенных исследованиях определены особенности полимодального поведения переводчика-синхрониста как маркеры самой когнитивной нагрузки (см., например: [Леонтьева 2023]), однако больший прикладной интерес представляет изучение именно полимодальных способов ее преодоления, так как синхронные переводчики должны обладать стратегиями по снижению когнитивной нагрузки в тот или иной момент деятельности с целью ее успешного продолжения.

Для решения данной проблемы был проведен эксперимент, тестирующий поведение переводчиков-синхронистов при удаленной работе в трех коммуникативных модальностях, а именно в речи, жестах и в глазодвигательном поведении (в данной работе рассматриваются две первые модальности). В ходе эксперимента 14 испытуемым было предложено произвести синхронный перевод двух выступлений на платформе для проведения видеоконференций Zoom, также проводилась аудио- и видеозапись процесса перевода; далее была проведена аннотация речи и жестов. Корпус записей составил 68 минут. До проведения эксперимента участники прошли два психологических теста, в ходе которых были получены данные об объеме рабочей памяти переводчиков, а также об их стиле мышления (с помощью теста Кагана на импульсивность-рефлексивность).

В ходе проведения анализа типов модификаций в речи (следующих за речевыми маркерами когнитивных трудностей) было установлено, что одной из наиболее частотных является модификация «опущение (информации)». Хотя переводческое опущение может быть воспринято как переводческая ошибка [Бархударов 1975; Мурзаков 2020] или как переводческий прием или трансформация [Рум 2008], в нашем случае такая модификация рассматривается как способ конструирования информации, который позволяет переводчику выйти из ситуации когнитивной трудности [Gile 1995]. Так, в работе [Napier 2004] установлено, что определенные факторы (неспособность разобрать речь оратора из-за специфики артикуляции или

качества связи, например) вынуждают переводчика отбрасывать те или иные сегменты исходного сообщения и сжимать текст перевода; таким образом, опущение может быть как «неоправданное», так и «оправданное», то есть обусловленное преднамеренно избранной стратегией.

Вслед за положениями работ У. Чейфа [Chafe 1974] мы предположили, что опущению могут подвергаться как топиальная (синтаксический топик, фон, тема), так и фокусная (синтаксическая рема, фокус) информация. Гипотетически именно информация в теме будет подвергаться опущению. Помимо речевой модальности, также проанализировано жестовое поведение переводчиков в условиях удаленного устного перевода, так как жесты являются не только маркерами когнитивной нагрузки, но и способами ее преодоления [Vague 2023].

В ходе анализа было обнаружено, что устные переводчики значительно чаще опускали информацию в теме (что согласуется с предыдущими работами, исследовавшими явление опущения в устной переводческой деятельности), однако прибегают и к опущению рематической информации. Установлено, что частотность использования опущений зависит от объема рабочей памяти (выше объем – меньше опущений). Также определено, что при опущении реже, чем при других модификациях (например, при смене фокуса, перераспределении фокуса и фона, смене синтаксического субъекта и др.), используются все функциональные типы жеста (дейктические, репрезентирующие, прагматические), кроме жестов-адаптеров. Очевидно, их возрастающая частотность свидетельствует о том, что они в этом случае выполняют функцию телесной трансляции когнитивного напряжения при отборе переводчиком передаваемой информации.

Проведенное исследование позволило подтвердить, что опущение действительно может рассматриваться не только как переводческая ошибка, но и – в первую очередь в деятельности профессиональных переводчиков – как способ или стратегия преодоления когнитивной нагрузки при синхронном переводе, имеющая особое полимодальное оформление в речи и жестах.

Привлечение в дальнейшем данных глазодвигательного поведения переводчиков способно уточнить особенности распределения этой нагрузки с учетом данных глазодвигательной модальности.

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.

Леонтьева А.В. Сравнительный анализ использования жестов-адаптеров в синхронном переводе / А.В. Леонтьева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 1 (869). – С. 76–81.

Мурзаков А.А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков с английского / А.А. Мурзаков // Дискурс. – 2020. – № 6 (3). – С. 118–130.

Chafe W.L. Language and consciousness / W.L. Chafe // Lg. – 1974. – Vol. 50 (1). – P. 110–133.

Gile D. Regards sur la recherche en interprétation de conférence / D. Gile. – Lille: Presses Universitaires de Lille. – 1995.

Napier J. Interpreting Omissions: A new perspective / J. Napier // Interpreting. – 6(2). – 2004. – P. 117–142.

Pym A. On omission in simultaneous interpreting: Risk analysis of a hidden effort / A. Pym. – In G. Hansen et al. (eds) Efforts and models in interpreting and translation research: A tribute to Daniel Gile. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 83–105.

Seeber K.G. Multimodal Processing in Simultaneous Interpreting // The Handbook of Translation and Cognition / K.G. Seeber. – Hoboken, NJ, USA: John Wiley. – 2017. – P. 461–475.

Vague reference in expository discourse: multimodal regularities of speech and gesture / O.K. Iriskhanova, M.I. Kiose, A.V. Leonteva, O.V. Agafonova // Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2023) – 2023. – Issue 22. – P. 172–180.

**О лингвокультурологических особенностях заключительной
формулы вежливости в деловой переписке с китайскими
адресатами**

*заключительная формула вежливости, деловая переписка,
китайская культура*

Развитие торговли между Китаем и Россией вступило в новый этап. По данным новостного агентства «РИА Новости», «товарооборот между Россией и Китаем по итогам трех кварталов 2023 г. вырос на 29,5 % и составил почти 176,4 миллиардов долларов. Китай за отчетный период поставил товаров на почти 81,4 миллиарда долларов. Рост по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. – 56,9 %, а импортировал на 12,7 % больше – 94,9 миллиарда долларов» [РИА]. В процессе экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией электронная переписка, несомненно, стала одним из важных инструментов развития отношений между коммуникантами двух стран. «Деловое письмо – это документ, используемый для передачи информации на расстоянии, служащий средством общения между учреждениями, а также между учреждениями и частными лицами» [Руднев 2016: 290]. Данное понятие расширяется и на сферу международной коммуникации, что подразумевает расширение и детализацию правил из области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. В частности, при общении с носителями китайского языка важно соблюдать сложившиеся традиции и каноны составления делового письма, внимательно относиться к каждому реквизиту, в том числе – к заключительной формуле вежливости.

Данная статья посвящена отражению уникальных лингвокультурных особенностей, которые проявляются при официальной переписке с китайскими партнерами на русском языке. Для носителей китайской лингвокультуры «вежливость» в большинстве ситуаций понимается как синоним для понятия «скромность». При общении с родственниками, коллегами, друзьями и особенно руководителями люди часто ведут себя мягко, смиренно и уважительно. Благодаря этому выражается взаимная забота. «Со временем выработалась привычка так общаться, и это стало правилом» [徐善谦 Xushanqian 2018]. В то же время в Китае большое внимание уделяется этикету. Существует строгая градация должностей и титулов, которые зависят от многих параметров и могут меняться с возрастом. В соответствии с этой социальной системой взаимоотношений язык по-разному отражает категорию «уважения», что можно заметить на примере заключительной формулы вежливости в деловых письмах. В данном реквизите могут выражаться и подчеркиваться различные характеристики, представленные ниже.

1. Отношение к получателю. При письменной деловой коммуникации с носителями китайской лингвокультуры важно помнить о существовании двух возможных форм обращения, а именно – форм «你 Ni» и «您 Nin» для второго лица [宋若 Songruo 2021]. Несмотря на тот факт, что изначально иероглиф «您 Nen» считался диалектным и использовался лишь жителями провинции Шаньдун, в современном мандаринском диалекте данное обращение используется повсеместно и заменяет слово «您 Nin» для подчеркивания уважительного обращения. При этом стоит отметить, что иероглиф «您 Nen» встречается в древних литературных произведениях и редко используется в современных деловых письмах, однако наблюдается в заключительных формулах вежливости.

2. Знание истории и традиций. Большинство пожеланий в конце письма на китайском языке содержат «хронологические» или «художественные» тезисы с пожеланиями, связанными с темами здоровья, счастья, богатства. В текстах часто используются аллюзии, связанные с историей, мифологией, обычаями. Приведем пример традиционного пожелания счастья и долголетия в переводе на русский язык: «Желаю Вам счастья (благословения), похожего на непрерывный поток воды из Восточного моря, долголетия нестареющих сосен на Южных горах!» Данный текст построен на символах долголетия из китайской литературной традиции. Аналогичным символом могут стать журавли. Буквальный перевод нейтральной фразы «с уважением», допустимой в русской деловой коммуникации, будет воспринят как без понимания, если не как грубость.

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод, что на материале заключительных формул вежливости между носителями русского и китайского языков проявляются лингвокультурологические особенности, которые невозможно передать с помощью простых переводческих инструментов. Тонкости межкультурной коммуникации требуют комплексного подхода и владения информацией об истории, литературе, этикетных нормах.

Литература

Руднев В.Н. Деловое общение: уч. пособие / В.Н. Руднев – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2016 – 352 с.

РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20231013/tovarooborot-1902419193.html> (дата обращения: 30.10.2023).

Song ruo / The usage and difference between "you" and "you". – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1710929367775753097> (дата обращения: 30.10.2023).

Xu Shanqian. Chinese politeness and etiquette // Личная библиотека: 04.01.2018. – URL: http://www.360doc.com/content/18/0104/10/19446_718930761.shtml (дата обращения: 30.10.2023).

Языковые средства создания образа в медиапространстве и экспрессивность

*языковой образ, имидж, оценочность, языковые средства,
экспрессивность, медиапространство*

В современной лингвистике постоянно растет интерес к исследованию языка СМИ, так как данная сфера языка располагает особой притягательностью с точки зрения использования средств формирования стереотипов, оценок, образов, которые транслируются через массмедиа, и участвуют в формировании общественного мнения. В научной литературе отмечается, что одной из основных задач, выполняемых медиаизданиями, является передача и распространение информации. В процессе переработки информации важную роль играет процесс комментирования, так как именно через него происходит оценивание явлений действительности. При этом оцениваются не только сами явления, но прежде всего действия общественных деятелей, политиков, властных структур и их позиции по отношению к данным событиям.

Эксплицитно или имплицитно оценка влияет на восприятие аудитории и участвует в формировании объемного представления об объекте или субъекте публичной сферы, иначе говоря, формирует некий образ. Данный образ включает не только определенную оценку, но и диктует определенный стиль поведения, обуславливает некие действия, то есть является комплексным представлением о каком-либо явлении или человеке, например публичном деятеле или политике [Загайнов 2007: 228–239].

В отечественной науке термин «имидж» одним из первых использовал профессор О.А. Феофанов, определивший его как «образ-представление, методом ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями – социальными, психологическими, эстетическими, не имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [Феофанов 1974: 149]. «При выяснении сущности понятия «имидж» выделяется такое мнение и свойство имиджа, как отнесение к ценности. ... При создании имиджа используются вербальные и невербальные, в том числе изобразительные, звуковые и прочие знаки и символы характеристика имиджа является ценностной. ... Отмечается целенаправленный характер формирования имиджа, который спланированно и намеренно продвигается в целевые группы» [Мамаева 2017: 93].

В ходе исследования было установлено, что языковой образ общественного деятеля включает в его состав 5 микрополей: «*физические ха-*

рактеристики человека», «интеллектуальные характеристики человека», «эмоционально-оценочные характеристики человека», «общественная деятельность». В результате сравнительного анализа были выявлены следующие сходства и различия: во всех перечисленных микрополях преобладают абстрактные понятия, характеристики выражены преимущественно именами прилагательными в сочетании с именами существительными, прослеживается практическое отсутствие оценочных глаголов (более подробно способы выражения оценочности представлены в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988]). Оценочность или нейтральность выражается через экспрессивные языковые единицы, включенные в описание и зачастую образующие синонимические ряды однородных частей речи; при этом тип оценки может быть как эмоциональным, так и рациональным. Синонимы, отражающие характеристики человека, могут относиться как к эмоциональной, так и поведенческой деятельности человека. Частотность использования членов синонимического ряда влияет на степень экспрессивности текста.

Итак, при помощи увеличения экспрессивных единиц не только происходит формирование положительного или отрицательного образа общественного деятеля, явления действительности, но и повышается интерес аудитории к содержанию текстовой информации. Однако фактическая и эмоциональная составляющая подобных текстов должна гармонично сочетаться для создания целостного языкового образа и поддержания интереса. Основными инструментами создания имиджа, таким образом, являются лексические и стилистические образные средства, оценочная лексика, метафоры и эпитеты, непосредственно описывающие явление, а также экспрессивные выражения.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова; Оценка, событие, факт; Отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению / А.В. Загайнов // Ученые записки казанского государственного университета. – Том 149, кн. 3., Гуманит. науки, 2007. – С. 227–240.

Селиверстова Ю.А. (Шерстнева). Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация / Ю.А. Селиверстова // Общенациональный научно-политический журнал «Власть» – М., 2011. – № 1. – С. 71–73.

Феофанов О.А. Реклама и общество / О.А. Феофанов. – М.: Мысль, 1974. – 215 с.

Мамаева В.Ю. Имидж как объект научного анализа и категория маркетинга / В.Ю. Мамаева, В.В. Мацько // Вестн. Ом. унта. Сер. «Экономика». – 2017. – № 4 (60). – С. 92–104. – DOI: 10.25513/1812-3988.2017.4.92-104.

Исакова Елизавета Сергеевна
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Литвиненко Анастасия Валерьевна
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
УДК: 801.8

**Лингвоаксиологический анализ публицистических текстов
американских СМИ, посвященных военно-политической тематике**

аксиологический аспект, картина мира, система ценностей

На всех этапах исторического развития жизнь и деятельность человека находились в тесной взаимосвязи с окружающим миром. Взаимодействуя с окружающей действительностью, человек формирует представление о мире, накапливает опыт, получает результаты, знания. Попадая в сознание человека, эти сведения складывались в систему, получившую название *картина мира*.

Несмотря на свою короткую историю, США выработали уникальную систему ценностей, представляющую собой сложный противоречивый феномен. Достаточно детально ценности американской культуры представлены в работах Л.Р. Колс, О.Н. Левшиной, В.А. Макарова, Ч. Риддинга, А.В. Яковлевой и других исследователей.

В работе Л.Р. Колс «Ценности, которыми живут американцы» автор выделяет следующие ценности: равенство, труд и активная деятельность, время и умение его правильно распределять, индивидуализм, ориентация на будущее, неприкосновенность частной жизни и личного пространства, личный контроль над обстоятельствами, материализм и др. Э. Стил и Ч. Риддинг добавляет к данному списку нацеленность на результат, оптимизм, усилия, прогресс и перемены [Гречишкина 2018].

Современная геополитическая ситуация, несомненно, оказывает существенное влияние на иерархию системы ценностей американской культуры. Посредством анализа публицистических текстов американских СМИ (The Washington Post, CNN), посвященных военно-политической тематике, представляется возможным выявить закономерности формирования системы ценностных ориентаций американской лингвокультуры.

Тяжелые условия, в которых формировалось молодое государство, привели к тому, что *труд* стал рассматриваться как одна из фундаментальных ценностей, призвание человека. Стремление к созидательному труду обусловлено верой в равенство возможностей для карьерного роста и обогащения. В американской культуре такая ценность, как *труд*, занимает одну из лидирующих позиций. Труд связан с постоянной активностью американцев, которые в любой ситуации стремятся приложить максимум усилий для преодоления неблагоприятных условий, в том числе и

посредством самосовершенствования. В публицистических текстах данная ценность проявляется как уважение к умению противостоять невзгодам, несмотря на боевые действия, например:

“The fighting has been defined by brutality, anguish and loss, yet even amid the suffering there have been **flashes of normalcy and even revelry**” [WP 2022].

Данный фрагмент свидетельствует о том, что адресант с уважением относится к стремлению конфликтующих выстоять и сохранить устоявшийся уклад жизни.

В связи с этим еще одной основополагающей ценностью США можно считать *равенство*, когда все «играют» по одним правилам, соблюдение которых – это одна из функций государства. Например, в следующем фрагменте автор подчеркивает, что беженцы будут иметь те же права, что и жители стран, принявших их:

“...Rights under the Temporary Protection Directive include a residence permit, access to the labor market and housing, medical assistance, and access to education for children” [WP 2023].

Данный фрагмент свидетельствует о том, что беженцы в течение определенного периода будут жить и работать наравне с гражданами принявшей их страны. Таким образом, автор текста путем обращения к ценности *равенство* создает положительный имидж стран, которые приняли у себя беженцев.

Упорство и трудолюбие непосредственно связаны с еще одной ценностью – *устремленностью американцев в будущее*, которая порождает такой феномен, как *американский оптимизм*. Например, в следующем фрагменте открытие посольств в Украине рассматривается как положительное следствие того, что Украина сделала заявление о контроле над ситуацией в Киеве. Возобновление их деятельности рассматривается как важный шаг:

“...The embassies have been reopening since Ukraine announced it had regained full control of the Kyiv region in early April” [WP 2022].

Достаточно интересно в американских СМИ проявляется апелляция к такой ценности, как *индивидуализм*. *Индивидуализм*, присущий политическому противнику США, осуждается, так как отдельная личность ставит свои личные интересы выше интересов общества и государства, и ценность превращается в антиценность.

Следующей важнейшей ценностью американской культуры является *независимость*: позиция «своих» изображается как борьба за свободу и независимость. При помощи оценочной лексики происходит выражение восхищения достижениями одной из сторон конфликта, борющейся за свободу и независимость.

Одной из характерных черт американской культуры является *непризнание авторитетов*. В данной ценности кроется противоречие: США всеми силами пытаются поддерживать свой авторитет, наряду с этим ставят под сомнение авторитет других стран. Например:

“Land, natural resources and parts of the economy will be seized, **though it is not clear whether** the administration **has the power to** enforce the policy” [WP 2022].

В рассмотренном фрагменте адресант непосредственно ставит под сомнение законность действий новой власти при помощи фраз *it is not clear* и *whether ... has the power*, что способствует созданию у читателей чувство недоверия к новой администрации.

Еще одна фундаментальная ценность американской культуры – *патриотизм как религия*. Например, в следующем фрагменте адресант апеллирует к патриотизму американцев, подчеркивая, что США являются великой кибердержавой, которая ввиду своего превосходства может совершать операции по отношению к другим странам:

“The United States is the **world’s leading cyber power**, according to a report released last year by the International Institute for Strategic Studies” [WP 2022].

Словосочетание *world’s leading cyber power* помогает адресанту вызвать у адресата гордость за свою страну и оправдать в его сознании совершаемые противоправные действия. Подобные примеры достаточно многочисленны, что говорит об исключительной важности патриотизма для американской лингвокультуры:

“While North America remained the **highest-ranked region** in the EIU survey, Canada saw «a notable decline...” [WP 2023].

Для подобных словоупотреблений характерно наличие прилагательных в превосходной степени и слов с семой «превосходство».

Кроме того, важной ценностью США является *стремление к идеальному*, что часто характеризуется как утопия, например:

“At the start of the invasion, the U.S. invoked the principles of **sovereignty, a democratically elected government, and territorial integrity**” [CNN]

В данном отрывке в рамках одного предложения сконцентрирована абстрактная лексика (*sovereignty, democracy, integrity*), обозначающая по большому счету труднодостижимые цели. Однако данные языковые единицы призваны привлечь внимание читателей к определенным событиям, а также оправдать действия правительства США и трактовать их как вынужденную меру, на которую государство пошло под давлением стороны агрессора.

Таким образом, лингвоаксиологический анализ публицистических текстов американских средств массовой информации, посвященных военно-политической тематике, позволил определить ряд важнейших ценностей американской культуры (труд, равенство, индивидуализм, независимость и др.), а также показал, что в рамках публицистического дискурса ценностные ориентиры актуализируются двояко. С одной стороны, ценности, связанные с образом и деятельностью США, трактуются как наивысшие ориентиры, благие цели, направленные на возрождение и

укрепление мирового либерального порядка. Даже в случаях противоправных действий американской стороны адресант придает этим поступкам оправдательный характер. С другой стороны, ценности, которые присущи «чужим», репрезентируются как антиценности. Посредством использования эмоционально-оценочной лексики адресант превозносит образ США и принижает образ противника. Данный феномен может свидетельствовать о дуалистическом характере системы ценностных ориентаций современной американской лингвокультуры.

Литература

Гречишкина С.В. Процесс формирования экологической культуры в США: американские ценности / С.В. Гречишкина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – Томск, 2018. – С. 33–40.

Колс Л.Р. Ценности, которыми живут американцы / Л.Р. Колс. – М., 1984. – 6 с.

Левшина О.Н. Формирование базовых принципов американской культуры / О.Н. Левшина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – С. 332–338.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Яковлева А.В. Американский образ жизни и американские ценности / А.В. Яковлева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 264–269.

Washington Post: [сайт], 2022. – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 01.03.2022–23.05.2022).

Роль языкового чутья в процессе активизации грамматических и лексических противоречий

языковое чутье, противоречия, языковое общество, лексические несоответствия, грамматические противоречия, речевой механизм

Языковые противоречия в контексте восприятия, воспроизведения и дефиниций определенных лексических единиц можно определить как некорректное использование конкретной лексической единицы и некорректное толкование ее семантики, а также неполноценная осведомленность о ее истинном значении.

Речевые операции и речевые действия обеспечивают в своей совокупности как внутреннее (смысловое), так и внешнее (устное или письменное) оформление речевого высказывания. Речевая деятельность во всех ее видах реализуется с помощью речевых механизмов. В него входят процессы осмысления информации, ее удержания в памяти и, соответственно, ее воспроизведение. Согласно В.В. Наумову и его замечкам о лингвистической идентификации личности, использование той или иной языковой структуры, имеющей для конкретной речевой ситуации коммуникативную значимость, может определяться как языковое чутье [Наумов 2006: 13]. Наумов подчеркивает, что данное явление становится более действенным рычагом восприятия при наличии контекста. Следовательно, любое воспроизведение требует восприятия.

В целях выявления факторов влияния языкового чутья на речевые механизмы носителей русского языка и активизации несоответствий в употреблении лексических единиц нами был разработан диагностический опросник, рассчитанный на людей от 18 лет, не имеющих отношения к лингвистическим наукам, однако являющихся носителями русского языка.

Тестирование состоит из 35 вопросов, включающих в себя 2 категории, выявляющие:

- 1) грамматическое языковое чутье;
- 2) лексическое языковое чутье.

В опросе приняло участие 150 человек от 21 до 56 лет. Род деятельности всех респондентов отличается, однако ни один из опрашиваемых не имеет специальной лингвистической подготовки. 100 % участников являются носителями русского языка. В целях выявления влияния языкового чутья на грамматический элемент речевых механизмов носителей русского языка было принято решение структурировать первую категорию диагностики на отношении респондентов к феноменам одушевленности/неодушевленности предметов. Для этого мы поделили данную подка-

тегорию на два вопроса: первый вопрос был связан с тем, как опрашиваемые понимают одушевленность и неодушевленность предметов. Ожидается 100 % респондентов указали, что это зависит от того, живой ли предмет. Наиболее часто встречающиеся ответы представлены ниже.

- *Неодушевленные предметы – они материальны (стол, стул, шкаф), шкаф не может встать и пойти. Одушевленный предмет – мужчина/женщина, животные, они выполняют действия.*

- *Одушевленные – живые; неодушевленные – не живые.*

- *Одушевленные отвечают на вопрос кто?; неодушевленные – что?*

- *Неживые предметы и живые предметы.*

Следующий вопрос в данной категории был связан со склонением таких слов, как *микробы, мертвецы, бактерии и деревья*. Респонденты должны были написать данные слова в винительном падеже. Известно, что при склонении неодушевленных предметов мужского рода во множественном числе в винительном падеже словоформа совпадает с именительным падежом. При склонении слов *микробы, бактерии и деревья* у 100 % респондентов винительный падеж совпал с именительным. Но при склонении слова *мертвецы* такая закономерность не наблюдалась. Следовательно, можно сделать вывод, что признак одушевленности/неодушевленности определялся у респондентов произвольно. Поэтому языковое чутье в грамматическом аспекте проявляется у большинства носителей русского языка, что активизирует языковые противоречия.

Перейдем к следующей категории диагностики. Она посвящена субъективному пониманию респондентами того или иного слова или выражения, здесь выявляется лексическое языковое чутье. В данном случае объектом изучения является непосредственно языковое чутье как при восприятии, так и при воспроизведении и дефиниции лексической единицы. Первый вопрос из данной категории был посвящен приставке *рас-/раз-*. Согласно заметкам И.Б. Левонтиной, приставка *рас-* или *раз-* предполагает некую центробежность. Например, *разбежаться, расплескаться, развалиться* – это значит в разные стороны, а не в одну кучу [Левонтина 2016: 146]. В задании требовалось объяснить своими словами слово *рассыпать* в выражении *рассыпать сахар*.

Стало ясно, что большинство респондентов полагаются на логическое мышление и ассоциативный фактор. Они объяснили словосочетание *рассыпать сахар* следующим образом: *вывалить из руки сахар, опрокинуть сахарницу, насыпать по поверхности, уронить, сделать так, чтобы сахар оказался на какой-либо поверхности*. 1 % респондентов объяснили выражение следующим образом: *сахар разбежался по всему столу*. Здесь особое внимание уделялось семантике приставки. В первом случае влияние языкового чутья очевидно, так как респонденты могли столкнуться с подобной речевой ситуацией и употреблением слова *рассыпать* в данном контексте.

Следующее словосочетание связано непосредственно с продуктами лексико-семантических процессов, благодаря которым оттенок лексических

единиц меняется со временем. Задание было связано со словом *амбициозный*. Известно, что слово *амбициозный* (или *амбиция*) имеет некий отрицательный оттенок. Этим словом можно охарактеризовать человека, являющегося чрезмерно самолюбивым, честолюбивым и высокомерным. Однако 94 % респондентов указали, что с помощью данной лексической единицы можно выразить человеку комплимент. Некоторые из наиболее часто встречающихся объяснений: *у него всегда есть план действий и все цели, которые он ставит – их достигает; целеустремленный, упорный, трудолюбивый; стремительный человек; человек, у которого много планов на жизнь*. Следовательно, можно сделать вывод, что фактором влияния на восприятие и использование данного слова послужило ассоциативное мышление, влияние средств массовой информации, а также связь лексических единиц с определенными контекстами. Так, например, изучив данную лексическую единицу в национальном корпусе русского языка в подкорпусе «Социальные сети» и «Мультимедиа», можно подчеркнуть, что слово употребляется с положительным оттенком. Например: *«молодой амбициозный специалист со значительным опытом», «молодой амбициозный игрок», «творческий и очень амбициозный человек»*. Следующее слово, употребление которого также заслуживает быть в числе дежурных ошибок, это *сводный* в значении «сводный брат/сестра». Известно, что сводными родственниками являются люди, не связанные общими родителями (которых объединяет новый брак), однако большинство считает иначе.

80 % опрошенных утверждают, что сводный брат все же является сыном одного из родителей. 10 % ответили обобщенно: *неродной брат*. 10 % объяснили слово следующим образом: *брат не по крови, а по закону. Сын женщины, что вышла замуж за моего отца*.

Фактором влияния здесь также могут выступить средства массовой информации или влияние старшего поколения.

Следующая фраза – *рафинированный сахар*. В переводе с немецкого языка слово *rafinieren* – это ‘очищать’ [Большой 1996: 857]. Следовательно, рафинированный сахар есть очищенный сахар. Гипотеза о том, что в данном случае фактором влияния выступило визуальное языковое чутье, была подтверждена. 100 % респондентов объяснили слово *рафинированный* как *спрессованный сахар в кубиках*. Данное утверждение было конкретизировано. В данном случае фактором влияния стало логическое мышление, главным объектом которого стала упаковка стандартного сахара в кубиках, на которой написано «сахар рафинированный». Единственный признак, который визуально мог бы отличать такой сахар от других видов, – его форма, и, следовательно, слово на упаковке, по мнению большинства респондентов, могло характеризовать именно этот признак.

Интересное наблюдение также можно сделать, изучив слово *ябеда*, которое буквально значит говорить про другого человека то, что является ложью/неправдой. Здесь у большинства респондентов активизировалось языковое чутье. 95 % респондентов генерализировали значение, объяснив слово как *человек, который жалуется*, 5 % – *клевета на другого человека*.

Ассоциации с данным словом, вероятно, связаны с детскими воспоминаниями, так как 100% опрошенных подтвердили, что уже несколько лет не использовали данную лексическую единицу. Но как мы можем заметить, языковое чутье при восприятии данного слова в обществе оказало огромное влияние на закрепление его противоречивой семантики в памяти респондентов.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Список дежурных ошибок, возникающих в одном языковом обществе гораздо шире, чем считают респонденты.

2. Ключевым фактором влияния на речевые механизмы носителей русского языка является языковое чутье (контекстуальное аудиальное и контекстуальное визуальное).

3. Грамматическое языковое чутье развито у респондентов больше, чем лексическое.

Языковое чутье является неотъемлемой частью любого члена языкового общества. Оно оказывает прямое влияние на восприятие отдельных лексических единиц и последующей интерпретации их дефиниций. Большинство носителей русского языка придают грамотности большое значение и признают существование дежурных языковых проблем, которые, по их мнению, должны быть немедленно устранены. Однако на подсознательном уровне процесс запоминания отдельных слов и словосочетаний в конкретном контексте происходит произвольно.

Литература

Большой толковый словарь немецкого языка. – М., 1996. – 1307 с.

Левонтина И.Б. О чем речь / И.Б. Левонтина. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.

Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – М., 2006. – 239 с.

Когнитивно-дискурсивный подход в лингвокультурологических исследованиях

*лингвокультурология, когнитивно-дискурсивный подход,
С.Ш. Сафаров, Т.А. ван Дейк, текстовый анализ,
концептуальный анализ*

При лингвокультурологическом описании и анализе концептов, включающих в данном случае изучение концептов и концептосфер на основе когнитивно-дискурсивного подхода в рамках одного языка, возникает множество трудностей, что хорошо видно по процессу научной инерции в вышеупомянутом дискурсивном анализе (фонетический, лексический, синтаксический уровень).

Реализация такой задачи усложняется при сравнительном изучении двух языков. Кроме того, теории, методы, школы и взгляды отдельных ученых могут существенно отличаться друг от друга при изучении дискурса в рамках когнитивного анализа.

На основании изложенного и опираясь в основном на теории Ш.С. Сафарова и Т.А. ван Дейка, попытаемся сформировать системную структуру когнитивно-дискурсивного подхода (см. рис. 1).

Концепты, составляющие мифологическую концептосферу, традиционно интерпретируются как единицы коллективного сознания, а объекты мироздания, которые они могут репрезентировать, выражаются с помощью единиц, вербально сохраняющихся в национальной памяти носителей того или иного языка, они именуются такими терминами, как концепты, мифоконцепты, мифологемы [Плахова 2013: 30].

Некоторые воплощения мифологического концепта описываются как языковая единица, не имеющая в языковой картине мира денотативного существительного в реальности [Бабушкин 1997: 44], например: *mátelek* (мужской демон-дьявол, вводящий человека в заблуждение в лесу, поле или места, где люди не ходят), *albaslı* (женщина – неприличное существо с дурной внешностью и поведением, которое вредит девушкам), *jalmawız* (уродливая старуха, распространенная в восточных народных сказках) и другие.

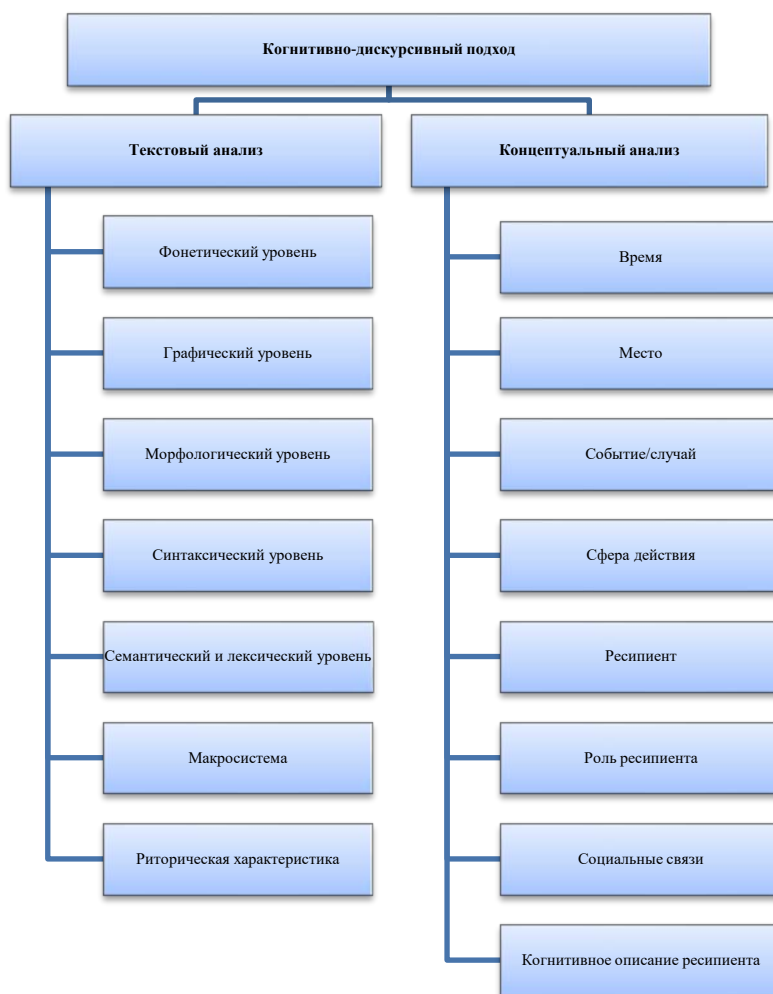

Рис. 1. Компоненты когнитивно-дискурсивного подхода

Наименования каждой из перечисленных мифологем сложно описать только с точки зрения лингвистики, в то время как их содержание исследуется на основе исторических, культурологических, религиозных, лингвистических и других социально-политических баз данных, опираясь на конкретные понятия в архетипических рудиментах и этимологических данных номинации. Например, мифологема Горгона встречается в фольклоре всех европейских народов, если обратить внимание на этимологию этого обозначения, Горгона имеет форму средневекового английского *gorgon*, латинского *Gorgo*, древнегреческого *Gorgō* (*Gorgō*), *gorgos* (горгос 'ужасный') (<https://en.wiktionary.org/wiki/gorgon#Этимология>). В частности, есть некоторые гипотезы, что корнем этой единицы может быть санскритское слово: гарг (гарджана). Происхождение было вызвано звукоподражательным явлением, вызванным произношением гортанного. В описании Медузы Горгоны главными составляющими являются змеи в ее волосах и острый женский взгляд. *Волос* как соматическая единица дается почти во всех определениях мифологем во «взъерошенной форме», основной причиной этого является психологическое состояние, в том числе и то, что нечесанные, взлохмаченные волосы – это тождество негативных

мифологем, причесанные, длинные золотистые волосы – воплощение положительных мифологем. Опираясь на эти данные, можно сказать, что люди называли почти все иррациональные явления во Вселенной, исходя из эмоциональных и психологических факторов.

Проанализированы существа, принадлежащие к женскому роду, кровожадные, нападающие на младенцев, детей и беременных женщин в английской и каракалпакской мифологической картине мира. В каракалпакской мифологии существует мифологема «albaslı», сочетающая в себе все описанные признаки, а в английской мифологии эти черты воплощаются несколькими мифологемами. Однако такой результат подтверждает, что мифологические, языковые и национальные картины каждой нации связаны с общественным сознанием этноса.

Исследование подтвердило необходимость включения основных концептуальных и дискурсивных компонентов в когнитивно-дискурсивном анализе. Это сочетание играет важную роль в определении процесса коммуникации. Являясь продуктом мышления говорящего, языковая единица представлена различными вербализаторами, и они определяются в результате когнитивно-дискурсивного анализа. Когнитивный анализ дискурса, в свою очередь, основан на изучении экстралингвистических факторов, таких как время, пространство, сфера деятельности, участники дискурса, социальная роль, их связи, познавательная активность участников дискурса.

Литература

Бабушкин А.Т. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук / А.Т. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова. – М., 1989. – 312 с.

Плахова О.А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Ольга Александровна Плахова. – Волгоград, 2013. – 49 с.

Safarov Sh.S. Ong kognitiv-diskursiv faoliyat manbasi sifatida / Sh.S. Safarov // Xorijiy filologiya. – Samarqand: SamCHTI, 2015, № 3. – В. 26–33.

**Лингвокультурология и литературоведение
как составные части филологокультуроведения,
концепто- и филологосфера**

*концепт, слово, культурология, лингвокультурология,
страноведение, лингвострановедение, литературоведение,
филологокультуроведение*

Начнем с непереложной истины, что язык и культура взаимосвязаны. Все лингвокультурологи согласны с этим [Алефиренко 2010; Воробьев 2008; Шаклеин 2012 и др.]. Мы различаем и отделяем друг от друга сходные понятия: такие как культурология как наука широкая о любой культуре (включая музыкальную и сельскохозяйственную и т. д.), с одной стороны, и лингвокультурология как наука теоретическая (о связи языка и культуры), с другой стороны. Такое же разделение касается и пары других сходных наук: страноведение как наука более историческая, например о гражданской истории Англии, с одной стороны, и лингвострановедение как наука лингвометодическая, рожденная в недрах преподавания РКИ, с другой стороны [Костомаров 1973]. Так, лингвокультурология служит теоретическим основанием для прикладной науки лингвострановедения (хотя не всеми данные науки различаются), как справедливо считает В.В. Воробьев [Воробьев 2008]. Культурологии для внутреннего и внешнего обмена достаточно слов языка как универсальных хранителей культурных значений в словаре (при этом слова языка выполняют служебную функцию обмена информацией в сфере материальной, музыкальной и других культур). Лингвокультурология чаще сужает объем понятия «культура» и касается духовной культуры, которая выражена не только словами языка, но и компрессионными средствами языка и литературной поэтики: пословицами, поговорками, фольклорными произведениями, классическими художественными и религиозными текстами/дискурсами, знаковыми названиями произведений и их персонажами, например Евгений Онегин и т. д. Так лингвокультурология становится частью более общей науки и вместе с литературоведением входит в состав филологокультуроведения как комплексной и полной науки. Из этого знания складывается знание концептосферы изучаемого языка и его менталитета, а также языковая картина мира (ЯКМ), которая целиком и полностью на этой культуре, литературе и языке построена (то есть фактически речь должна идти о филологической картине мира в итоге).

В.А. Маслова пишет о разнице наук: «Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание

рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящихся в диалоге» [Маслова 2001: 9].

И в решении этих задач лингвокультурология особо близка литературокультуроведению, если предложить такой термин. Действительно, если есть лингвокультурология, то вторую половину комплекса составляет литературокультуроведение, ибо только вместе они составляют филологокультуроведение, то есть образуют единую науку. Если пределы лингвокультурологии заканчиваются текстом/дискурсом, и не обязательно художественным, то пределы литературокультуроведения только начинаются с художественного текста и его актуализированного варианта дискурса и заканчиваются художественным мегадискурсом (многотомником, собранием сочинений и т. д.). В литературу в широком смысле слова включаются тексты фольклора и классические литературные тексты, романы и т. д. В объем лингвокультурологии включается далеко не все, сюда входит вся национальная классическая литература и не входит то, что называется «чтивом». Некоторые литературные тексты прямо иллюстрируют пословицы как единицы лингвокультурологии, при этом они так и называются пословицами (А.Н. Островский). В некоторых случаях в языке просто нет пословиц («Чем меньше женщину...»), и выдержки литературного произведения становятся крылатыми выражениями (А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов и др.). Лингвокультурология близка к этнопсихолингвистике, считает В.В. Красных [Красных 2002]; мы считаем, что филологокультуроведение близко к культурной антропологии.

Филологокультуроведение (культура, отраженная в филологии) начинается с религиозных текстов/дискурсов: для христиан оно начинается с Нового Завета Библии, для иудеев – со Старого Завета Библии, для мусульман – с Корана и т. д., здесь и др.), так как они предстают и воспринимаются как литературные тексты, например «Песнь песней», что не мешает религиоведению их изучать как свой предмет.

Мы далеки от мысли, что в современном литературоведении нет того, что выделила лингвистика в виде особых наук. Скорее всего, в литературоведении присутствует в нерасчлененном виде психолитературоведение; в трудах В. Шкловского, Б. Эйхенбаума – социолитературоведение; литературокультуроведение; гендерное литературоведение и т. д. (всем известны женский роман или стихи).

Предметом филологокультуроведения является (последуем в этом за В.В. Воробьевым, выделившим лингвокультурему) национально окрашенное поле филологокультурем, воплощенное в образах – представлениях – понятиях значения слова языка, а также и в компрессионных единицах языка, литературы и фольклора: пословицах, поговорках, идиомах, побасенках, загадках, прибаутках, сказках, песнях, эпосе, художественных текстах, религиозных текстах/дискурсах, как мы уже говорили, отра-

жающих культуру народа в концептосфере и филологосфере, то есть филологической картине мира (ФКМ), построенной по образцу языковой картины мира (ЯКМ).

Все в языке объединено словом и дискурсом [Киров 2018], которые имеют культурную коннотацию, если это культураносные слово или дискурс (то есть любая филологокультурема). Мы должны дать определение филологокультуремы (ФК): филологокультурема – это первопонятие, воплощенное в перводискурсе, а также компрессированную единицу менталитета народа (ФЕ, песни, сказки...и т. д.), которые понимаются во все века одинаково и постоянно порождают в любую эпоху прецедентные тексты/дискурсы. ФК воплощаются в слове языка, фразеологических единицах, фольклорном, эпическом, классическом литературном тексте, сценариях театральных и кинематографических постановок, произведениях интернета (сетературе, блогосфере и т. д.), в сайтах, рекламе и компьютерных играх и других культураносных филологоориентированных IT-продуктах. Каждая эпоха сохраняет старые и порождает новые филологокультуремы, которые в целом очень многолики, имеют субъективный и национальный характер, образуют менталитет нации и ФКМ-сферу в целом, но включают в себя и общечеловеческие семы и темы, то есть входят и обогащают общечеловеческую филологокультуросферу.

Мы уверены, что в ФКМ следует различать концепт и понятие, и прежде всего потому, что это единицы разных сфер: понятие – единица текста, а концепт – это единица дискурса, то есть актуализированная единица, а дискурс как таковой представляет собой актуализированный текст. Концепт – это ситуативно актуализированная в дискурсе информационная единица знания, то есть понятие, воплощенное в жизнь. Иногда достаточно в речи лишь намекнуть на денотат, используя для этого только образ (ментальное фото) объекта – и это тоже будет актуализированный концепт объекта (например, *положи книгу на стол!* – здесь многие различительные признаки (РП), то есть семы «стола» как полного понятия нейтрализованы. Иногда используется представление о вещи, которое является профанным знанием о предмете, умением им лишь пользоваться, например столом, не представляя, как он сделан.

В коммуникации используется и понятие – это полное научное знание о предмете: например, полное понятие о столе включает периферийную сему совместного вкушения пищи, что в перспективе христианской ментальности приводит к образу св. Троицы. И такая или подобная полная информация входит в мегаконцепт и мегапонятие «стол». Так соотносённый с информацией о предмете концепт может по объёму равняться и самому полному мегапонятию (1), просто понятию (2), наивному представлению (3) (Ю.Д. Апресян и др.) или простому образу предмета (4). В этом случае концепт близок к тому, что называется смыслом слова и придает ему конкретность при коммуникативной актуализации, которая означает введение сигнификата в актуальный контекст высказывания. Концепт объ-

ективен как образ денотата (предмета) и обретает субъективность в понимании диктума и модуса (Ш. Балли). В целом это единство объекта (образ-представление-понятие-мегапонятие) и составляет десигнат означающего и обязательно входит в значение слова в субъективной и национальной окраске (в модусе, который включает в себя то и другое). Третья сторона значения – знак (устный или письменный), служит для обозначения предмета в речи, будучи обязательно материальным (звуки в виде звучащей речи или графические знаки в виде букв алфавита).

Таким образом, мы представляем десигнат как сложное единство минимум четырех элементов: образа – представления – понятия – мегапонятия. Концепт или мегаконцепт базируются на любом из них в зависимости от контекста, при этом следует различать мегаконцепт типа «жизнь», «судьба» и концепты типа «камень», «береза» и т. д. Из концептов складываются мегакоцепты. Это дает основания разделять и понятия на мегапонятия и просто понятия. Нельзя в словаре давать просто список такие понятия, как «мужество» и «камень-1», они, как и соответствующие концепты, должны быть обязательно ранжированы. На уровне слов мы разделяем значения и имеем дело с гипонимами и гиперонимами. Не что подобное мы должны обнаружить и на уровне концептов и мегаконцептов как актуализированных понятий и мегапонятий.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 282 с.

Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1973. – 232 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Киров Е.Ф. Текст и дискурс в семиотическом соотношении / Е.Ф. Киров // Вестник Волгоградского гос. Ун-та. Серия 2. Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 15–25.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.

Метафора деления для номинации абстрактной категории «Время»

*этимология, время, когнитивная лингвистика,
номинация абстракций*

Любое абстрактное явление может быть отражено в языке только посредством образа, который воспринимается на уровне восприятия органами чувств. Следовательно, при номинации данного рода происходит выражение абстрактного через конкретное, то есть возникает метафорический перенос. Для того чтобы появилось означающее для абстракции, необходимо это явление «объективизировать», то есть придать ему те признаки, которые могут быть зафиксированы в языке. Исходя из того факта, что абстрактное имя таковыми признаками не обладает, ему «придаются» черты других предметов и явлений, то есть в сознании носителей языка наблюдается «его проекция на предметный, вещный мир» [Чернейко 2019: 162].

В данном случае возникает языковая метафора, так как целью ее использования является номинация явления, а не создания выразительного знака. Полученный в результате этого процесса образ «позволяет различным абстракциям быть доступным чувственному восприятию» [Арутюнова 1998: 279].

Время, несмотря на всю абстрактность этого понятия, может условно члениться и измеряться. Эта возможность отражена и в лексических единицах индоевропейских языков. В данную категорию я отношу лексемы, образованные от глагольных корней со значениями «*резать*», «*рубить*», «*отсекать*», «*делить*», «*мерить*» и т. д.

Лучшим примером данной индоевропейской тенденции будет этимологическое гнездо, образованное от индоевропейского корня **dā-* со значением «*делить*». В этой части своей работы я обращаюсь к лексемам германских языков, где наиболее очевиден семантический перенос значения разделения на категорию времени. Рассматриваемый корень используется для номинации объектов материального мира, которые буквально служат средствами разделения пространства: др.-дат. **deld** (герм. **dailipo*), исл., фар., норв. **deild** «пограничная черта», исл. **deili**, норв. **deile** «рубеж между полями» [Черепанова 2009: 92]. От того же индоевропейского корня образовано и др.-англ. **tid** «время» (в современном английском представлен формой **a time**, а в немецком – **der Zeit**), др.-исл. **tiö** «время, час», где в семантике, вероятно, уже развивается идея о выделении конкретного отрезка в потоке времени. Подобная семантика корня обуславливает частотное использование древнеанглийского слова **tid** (и однокоренных ему лексем в других германских языках)

как указание не на временной поток в целом, не на повторяющиеся сезоны и циклы, а на конкретный отрезок, «временной слот».

В тексте эпоса «Беовульф» было обнаружено употребление *tīd* исключительно в значении «определенного промежутка времени»:

ðonne wæs þeos medoheal on morgentid, drihtsele dreorfah, þonne dæg lixe, eal bencpelu blode bestymed (когда в залах для пиров на утро (букв. 'в утреннее время') в залах для дворян были кровавые пятна, когда день сиял, а пол смачивала кровь) [Beo. Th. 296; B. 484].

Употребление *tīd* в значении «линейно разворачивающийся поток времени» характерен в древнеанглийском языке для религиозных и научных текстов после принятия христианства, то есть, следовательно, более поздних. В христианской картине мира время имеет точки начала и конца и, следовательно, воспринимается как линейный однонаправленный поток.

В приведенном ниже отрывке из «Hwæl» («Кит»), помещенного в древнеанглийский Бестиарий, слово *tīd* используется для обозначения не просто потока времени, а конкретно времени жизни человека: *on þas hwilnan tid hælu secan* (в быстротекущем времени (времени земной жизни человека) искать спасения) [Bestiary A3.17, 86].

В славянских языках подобный принцип номинации категории времени встречается в слове **час**. Во многих современных славянских языках час уже называет время как таковое, а не единицу его измерения:

словен. *čas* ('время'),

польск. *czas* ('время, момент, пора'),

чеш. *čas* ('время, пора, период').

Индоевропейский корень для данных слов реконструируется как **kes-* со значением 'надрезать, царапать'. Предположительно, от этого корня происходят следующие слова:

др.-гр. *ξύω* ('обтачивать') [Beekes 2010: 1035],

рус. *коса* [Фасмер, 1964].

В случае со словом **час** наиболее вероятна идея о том, что для обозначения промежутков времени использовали засечки на деревянных поверхностях. Можно сделать предположение, что значение «единица измерения времени», некоего отрезка было первичным для этого слова, а в дальнейшем в некоторых языках **час** стал использоваться и для номинации явления времени как такового.

В приведенных ниже контекстах анализируемое слово употребляется для обозначения конкретного отрезка, выделенного из временного промежутка:

великимъ троудомъ и потомъ исправляется въ на(с) нравъ добръ и постоинъ и пакы возможенъ есть въ идинъ временныи ча(с) рюшиту[са] вса, аже многъ пото(м) стажахомъ (Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова. СПб., 1893. (СОРЯС. Т. 54. № 4));

оуже минуовша голъмоу чѣсу (букв. 'подходящий час'), *вѣда июль алексѣндрови другоую чѣшу, имоуще зѣлие* [Александрия (XI–XIII вв.)];

*аще въренъ боудеть, иже пороукоу заставивъ, часоу же мимо-
ходящоу, и ти вси ѿчаіашася* [Пчела (XI–XIII вв.)].

Однако уже в древнерусских текстах слово **часъ** встречается в тех контекстах, где ожидалось бы использование слова «время». То есть в приведенных ниже контекстах слово «час» используется для обозначения времени года или указания на то, что определенные события случились уже значительное время назад:

*акоже въ зимнии ча(сѣ) пара земна, слѣньными лоучами влекома,
несеться къ солнѣцю* [Пчела (XI–XIII вв.)];

*многу же часу минувшу о въпросѣхъ, а праведному отвѣты да-
юща; посемъ повелѣ въести вонъ блаженнаго* [Житие Михаила Ярославича Тверского (1319—1320)].

Древнеанглийское слово **tīd** и **час** в славянских языках, несмотря на происхождение от разных корней, имеет в своей основе одну и ту же семантику – «резать»: **tīd** от корня **dā-*, а **час** от **kes-*. Оба слова, вероятно, в древнейший период своего существования имели исключительно значение «отрезка времени». Однако уже в средневековых текстах слово **час** нередко используется вместо **время**, которое изначально было связано с обозначением потока времени, жизненных и природных циклов, то есть не точечного, а глобального времени.

Английское **tīd** также приобретает значения потока времени, времени всей человеческой жизни. Последнее значение, вероятно, связано с влиянием христианской культуры потому, что прежде всего оно характерно для контекстов, связанных с религией.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4т. Т. 2. (Е-Муж) / М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986.

Черепанова И.А. Пространственно-временной континуум древнегерманской картины мира / И.А. Черепанова // Язык и культура. – 2009. – С. 88–93.

Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики / Л.О. Чернейко // Критика и семиотика. – 2019. – № 2. – С. 158–170.

Beekes R.S.P. Etymological Dictionary of Greek / R.S.P. Beekes. – Leiden; Boston: Brill, 2010.

Источники

Beowulf: a dual-language edition. – New York [N.Y.]: Anchor Books, 2006.

Krapp G.P., van Kirk Dobbie E. The Exeter Book. – New York: Columbia University Press, 1936.

Электронные источники

Национальный корпус русского языка, 2003–2023. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).

Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online, 2019–2023. – URL: <https://bosworthtoller.com> (дата обращения: 01.09.2023).

Семантическая модель субъектного слухового восприятия в путевом очерке (на материале журнала «Вокруг света»)

*слуховое восприятие, субъектный перцептивный процесс,
семантическая модель, путевой очерк*

В статье анализируется семантическая модель субъектного аудиального восприятия в жанре путевого очерка на примере журнала «Вокруг света». Рассмотрены особенности языковых единиц, представляющих ситуации субъектно-активной и субъектно-пассивной слуховой перцепции в конкретном контексте, выявлены их функции в процессе репрезентации звуковой среды в путевом очерке: информативная, эстетичная, выразительная, эмоциональная.

Восприятие представляет собой физиологический и в то же время психологический процесс. Исследователи отмечают, что восприятие мира разными органами чувств происходит по определенным моделям, и анализ мировосприятия с помощью метода моделирования является эффективным [Лингвистическая 2006: 5].

Как один из важнейших способов ощущения слуховое восприятие (далее СВ) отражает разнообразные звуковые характеристики не только видимых, но и невидимых предметов. В путевом очерке ситуация слухового восприятия является одной из часто встречающихся, она представляется широким спектром языковых средств.

Востребованность изучения перцептивной семантики в конкретном дискурсе определяется тем, что особенности каждого из них оказывают существенное влияние на выбор языковых средств. Цель статьи состоит в описании семантической модели субъектного слухового восприятия в путевом очерке и выявлении функций перцептивных языковых средств в контексте данного дискурса.

Новизна работы заключается, во-первых, в использовании в качестве материала изучения перцептивной семантики современных журналистских текстов, во-вторых, в рассмотрении функциональной нагрузки языковых единиц со значением слухового восприятия. Основным методом исследования является семантический анализ высказывания. Материалом данной работы выступают 68 высказываний с семантикой субъектного аудиального восприятия, выделенных из 30 путевых очерков, размещенных в туристическом журнале «Вокруг света» в 2020–2023 гг.

По направленности перцептивного процесса выделяют субъектное и объектное восприятие [Моисеева 2005: 103–105]. Слуховой процесс от вос-

принимającego человека к воспринимаемому предмету представлен разными семантическими моделями субъектного восприятия, среди которых базовой является «субъект-предикат-объект» (например: *И тут я слышу приближающийся звон колокольчиков* [Вокруг света]). Распространенной для описания данного типа восприятия также является модель «субъект-предикат» (например: *А из раскидистого вечнозеленого дерева при входе раздается громкий аккомпанемент: то ли свист, то ли чирикание. Прислушиваюсь* [Вокруг света]). В конкретных предложениях структурные схемы «субъект-предикат-объект» и «субъект-предикат» могут реализовываться не в полном объеме [Лингвистическая 2006: 148–149].

Предикат перцептивной модели главным образом выражается глаголами, показывающими активный и пассивный процессы восприятия [Моисеева 2005: 104–105]. В путевом очерке разные ситуации субъектного СВ моделируются как глаголами субъектно-активного восприятия, так и глаголами субъектно-пассивного восприятия.

Основными глаголами для выражения слуховой перцепции являются *слушать* и *слышать* [Авдевина 2013: 81]. В путевых очерках они также часто используются. Глагол *слышать* выражает процесс пассивного слухового восприятия и подчеркивает результат перцептивного поведения.

Глагол *слышать* – «несов. перех. (сов. услышать). также с придаточным дополнительным и без доп. Различать, воспринимать слухом (издаваемые, производимые кем-, чем-л. звуки)» [Словарь 1999, 4: 146–147]: *Замерзший Байкал и правда – для сильных духом: стоя на льду, ты слышишь, как ухаёт, гудит под ним вода* [Вокруг света]. В данном высказывании сцена СВ задается в двусоставном предложении с перцептивным глаголом, отражающим звуковые характеристики природных явлений. Глагол субъектной слуховой перцепции используется совместно с другими глаголами СВ, что дает детальное и правдивое описание звуковой среды. Глагол пассивного СВ, употребляемый во втором лице, свидетельствует об объективности и неизбежности результатов, одновременно усиливая чувство сопричастности читателей и позволяя им по-настоящему прочувствовать изображаемую сцену.

В отличие от глагола *слышать*, глагол *слушать* означает активный процесс восприятия звуков, окружающих человека в данный момент.

Глагол *слушать* – «несов., перех. также с придаточным дополнительным и без доп. Обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать» [Словарь 1999, 4: 146]: *Из года в год с июля по декабрь испанцы всей страной сначала охотятся за билетами и «кусочками» билетов рождественского розыгрыша, потом с увлажненными глазами слушают, как лотерейные дети пропевают выигрыш чужому номеру* [Вокруг света]. Перцептивный глагол связывает субъекта СВ и воспринимаемый объект семантически и структурно. Глагол субъектно-активного слухового восприятия указывает на то, что местные жители с удовольствием участвуют в описываемом мероприятии. Глагол СВ используется

в сочетании с указанием на обстоятельство, что демонстрирует возбужденное настроение людей и их заинтересованность.

В проанализированных текстах путевых очерков для выражения субъектно-активного слухового восприятия также встречаются такие глаголы, как **прислушиваться, вслушиваться, прослушивать** и т. д.

Глагол **прислушиваться** – «несов. К прислушаться (в 1 и 2 знач.). Напрячь слух, внимание, чтобы расслышать» [Словарь 1999, 3: 440–441]: ... *Интересен маршрут и рукотворными объектами: тут есть смотровая вышка, платформа для отдыха у воды и павильон для усиления звука «Рупор», обращенный широкой частью к заливу. Если встать здесь и **прислушаться**, то плеск волн, шелест деревьев и другие естественные звуки будут звучать громче [Вокруг света]. Глагол **прислушиваться** является однокоренным с глаголом **слушать**. Глагол СВ указывает на то, что обращение внимания на звуковую среду является необходимым условием восприятия уникального местного звучания.*

В путевом очерке субъектом семантической модели СВ может быть сам автор или местные жители. Субъект, занимающий позицию подлежащего на синтаксическом уровне, выражается одушевленными существительными (например: **испанцы**) или личными местоимениями (например: **я, они**).

Объектом слухового восприятия может быть звук, представленный абстрактными существительными (например: **звук, голос, музыка, отзвук, звон, шум**). В путевом очерке источник звука передан конкретными существительными (например: **бубен, колокольчик**) или субстантивными словосочетаниями (например: **отрывочные фразы**). Представление субъекта и объекта способствует целостности изложения истории и перцептивной сцены.

Высказывания субъектного СВ маркируют различные природные или культурные сцены туристических мест:

– характеристики и функции зданий: *В юрте очень хорошая **слышимость** — возможно, даже лучше, чем на открытом воздухе. Можно **услышать приближение врага*** [Вокруг света]. Сочетание глагола СВ и субстантивных словосочетаний, выражающих конкретные звуковые образы, выразительно отмечает хорошую слышимость в юрте, показывая авторскую индивидуальность.

– религиозные обычаи: ... *Ну а тем, кому доведется увидеть шаманский обряд в Хакасии, остается только соблюдать нехитрую технику безопасности: ходить вокруг костра в правильном направлении, «кормить» огонь с нужной стороны, **прислушиваться к грохотанию бубна** и правильно повязывать ленточку, втайне рассчитывая, что загаданное сбудется* [Вокруг света]. В данном примере конкретный процесс местных религиозных ритуалов изображается через одновременное представление слухового поведения с несколькими другими действиями. Объект слухового восприятия указывает на источник (**бубен**) и специфические характеристики (**грохотание**) звука, воспринимаемого субъектом, повышая точность и образность повествования.

– привычки и особенности поведения человека: *Иностранца поразило, как российские водители могут одновременно **слушать музыку**, говорить по телефону, отсчитывать сдачу и следить за дорогой* [Вокруг света]. Перцептивный глагол в окружении существительного и наречия используется для выражения характеристик персонажа, показывая удивление людей.

Таким образом, в жанре путевого очерка с помощью семантических моделей «субъект-предикат-объект» и «субъект-предикат» представлено образное описание субъектного слухового процесса от людей к предметам туристских мест, передача специфической звуковой обстановки и порождаемых ею человеческих эмоций. Взаимодействие субъекта, объекта и предиката способствует созданию полной слуховой картины. О доминирующей позиции перцептивных глаголов, используемых в качестве предиката в семантической модели, свидетельствует то, что в зависимости от их семантики реализуются активный и пассивный процессы СВ. Языковые единицы с семантикой слухового восприятия в путевом очерке реализуют функции повышения художественности и выразительности текста, отражают особенности авторского идиостиля.

Исследование выполнено за счет гранта Китайского совета по стипендиям № [2021] 708.

Литература

Авдевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации / О.Ю. Авдевнина. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2013. – 340 с.

Вокруг света. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/> (дата обращения: 13.03.2023).

Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т.А. Демешкина, Н.А. Верхотурова, Л.Б. Крюкова, Н.В. Курикова. – Томск: Издательство Томского университета, 2006. – 194 с.

Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография / С.А. Моисеева. – Белгород: Издательство Белгородского государственного национального исследовательского университета, 2005. – 248 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. П–Р. Т. 4. С–Я. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 22.01.2022).

Концептуализация летнего дождя в языковых картинах мира России и Англии

*концептуализация, языковые картины мира, семантика,
концепт летнего дождя, стратегии перевода*

Данное исследование направлено на изучение концептуализации летнего дождя в русской и английской языковых картинах мира, а также выявление стратегий перевода слов, обозначающих и описывающих данное природное явление, на английский язык. Работа представляется актуальной не только с научной точки зрения, но и практической, так как в процессе перевода незнание данных межкультурных различий может привести к неадекватному переводу или коммуникативной неудаче. В связи с растущим интересом к когнитивным наукам при изучении языковых картин мира различных стран исследователи в первую очередь опираются на анализ лингвокультурных концептов. Лингвисты трактуют концепт как *сгусток культуры в сознании человека*. Он представляет собой единицу коллективного знания, которая знакома и понятна всем или большей части носителей культуры и находит отражение в языке [Сулейманова и др. 2020: 51].

По мнению известного лингвокультуролога А. Вежбицкой, каждый язык формирует свою «семантическую вселенную», и именно поэтому есть образы и концепты, которые фундаментальны для модели мира одной страны, но в то же время отсутствуют в другой [Вежбицкая 1996: 21]. Таким образом, одни и те же реалии могут совершенно по-разному восприниматься носителями разных языков, вызывать разные ассоциации и чувства и приобретать отличные друг от друга значения.

Различия в концептуализации различных природных явлений и сезонов года связаны в различии климатов России и Англии. Лингвокультурологи отмечают, что важность того или иного концепта во многом определяется количеством существующих в языке слов и выражений для его обозначения и описания. Так, например, в русском языке довольно много слов для обозначения зимних природных явлений, эквивалентов которым в английском языке нет [Магомедова 2023: 144].

Однако не стоит забывать и о существовании важных различий в культуре обсуждения погодных условий в англоязычных странах и России. В отличие от россиян, среди носителей английского языка тема погоды обсуждается довольно часто [Попова 2016: 204]. Известный британский антрополог К. Фокс отмечает, что тема погоды относится к основным темам для базовой коммуникации в Великобритании и является одним из ключевых аспектов национальной концептосферы: "Any discussion of

English conversation, like any English conversation, must begin with The Weather” [Fox 2008: 25].

Таким образом, для языковой картины мира Англии, где наиболее обсуждаемым погодным явлением является дождь, именно это погодное явление обретает особое концептуальное значение. Этот факт подтверждается наличием большого количества в английском языке языковых единиц, возникших для объективации различных видов дождя в английском языке. Обсуждая именно летний дождь, стоит отметить, что несмотря на то, что в Англии дожди летом становятся только более затяжными и сильными, концепт летнего дождя выражен в английской культуре не так сильно, как в русской. Скорее всего, это вызвано тем, что для английского климата дождь является привычным явлением для любого сезона года, в то время как в России дождь идет не так часто и выделение летнего дождя как особенного природного явления наиболее релевантно.

Тесную связь дождя с летним периодом в русской языковой картине мира доказывает также этимология русского слова *лето*. По данным этимологических словарей русского языка А.Г. Преображенского, М. Фасмера и Н.М. Шанского, слово *лето* происходит от старославянского *лѣти* (*лѣть*). По некоторым источникам, оно также может быть образовано от литовского *lytùs* или *lietùs*, что значит *дождь*. Так, по мнению большинства лингвистов, русское слово лето изначально имело значение – *время/сезон дождей*, поскольку лето частотно противопоставлялось зиме как *времени снега*.

По результатам проведенного опроса, в ходе которого у 103 носителей русского языка спросили, какие именно природные явления они обсуждают наиболее часто в летний период времени, было выяснено, что в большинстве случаев в русскоязычной среде летом упоминают такие явления, как гроза (24 %), дождь (21 %), жара (20 %), радуга (17 %), зной (7 %), ливень (5 %) и др. Приведенные данные показывают, что не только в старославянском, но и современном русскоязычном дискурсе концепт летнего дождя выражается в языке довольно частотно.

При изучении концептуализации летнего дождя в русской языковой картине мира следует также рассмотреть понятие *воробьиной или рябиновой ночи*. У древневосточных славян выражение *воробьиная (или рябиновая) ночь* означало летнюю ночь с сильной грозой и проливным дождем. Они считали, что в это время на улице разгуливает нечистая сила. Первоначально такую ночь называли *рябой* из-за большого количества молний. Так как в такие ночи воробьи начинают беспокойно летать, чирикать и тревожно собираться вместе, такую ночь стали называть *воробьиной*. На основе выражения *рябая*, а позже *рябинная ночь*, в результате этимологического развития закрепился речевой оборот *рябиновая ночь*. В основном данные понятия можно встретить в летописях и более поздней русской литературе, например И. Тургенев в повести «Первая любовь» пишет: «Молнии не прекращались ни на мгновение; была, что называется в народе, воробьиная ночь».

Отношение к летнему дождю в русской языковой картине мира довольно противоречивое. Безусловно, как и во многих других культурах, часто в текстах выражается недовольство такой погодой в летний сезон (*Дождливое лето хуже осени*). Однако в большинстве случаев летний дождь романтизируется и является в сознании русского человека неким «даром природы», так как он помогает справиться с жарой, предотвращает засуху и важен для земледелия, которое веками являлось основным занятием русского человека (*Счастливы те поля, на которые летний дождь выпадает впору; дождь – кормилец; дождь – мужику рожь; тут дождя просят, а он идет, где косят*).

В английской лингвокультуре не так много конкретных ассоциаций, пословиц или фразеологизмов, связанных именно с летним дождем, так как частотнее речь идет о дожде в целом. Используется метафора *like summer rain* (*Shells were falling like summer rain*), так как в сознании носителей английского дождя летний дождь – это в первую очередь сильный и неожиданный дождь, зачастую ливень. Стоит также отметить, что в языковой картине мира Англии, как и в русской лингвокультуре, распространена метафора внутреннего, «духовного» очищения через дождь, который обычно противопоставляется летней жаре (*Like a welcome summer rain, humor may suddenly cleanse and cool the earth, the air and you*). В русской литературе данная метафора встречается в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Долгожданный дождь в жарком и душном Санкт-Петербурге, который пошел накануне признания Раскольникова, становится символом очищения и перемен в жизни героев романа.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что концепт летнего дождя в сознании носителей русского и английского языка значительно отличается. Такие межкультурные различия всегда находят отражение в языке, что и приводит к проблемам перевода. Для выявления стратегий перевода слов, обозначающих и описывающих летний дождь или же дождь в целом, были собраны и изучены 420 примеров перевода исследуемых языков единиц из Национального корпуса русского языка, а также онлайн-переводчиков Яндекс и Reverso Context.

Особенно важно рассмотреть перевод определенных реалий, незнакомых носителю английского языка. Так, например, выражение *воробьиная или рябиновая ночь* составляет определенную переводческую трудность. Национальный корпус русского языка предлагает следующий перевод все того же предложения из повести И. Тургенева: *“The lightning never ceased for an instant; it was what is called among the peasants a sparrow night”*. Такая калька является довольно адекватным переводческим решением в данном предложении, так как из контекста становится понятно, что означает это выражение. Такой же способ перевода можно найти в базе примеров машинного переводчика Reverso Context, где калька все так же уместна из-за пояснения (*There are terrible nights with thunder, lightning, rain and wind, which in people are called passerines*). Однако, если перевести данное понятие дословно в предложении, где будет непонятно, о какой

именно ночи идет речь и посему ее так называют, такой перевод будет неадекватным. В таком случае можно использовать простое атрибутивное словосочетание, выражающее смысл данной фразы, например *rainy night/stormy night* или *выражение long night of rain*. Таким образом, для перевода реалий или понятий, знакомых только носителю русского языка, например *грибной дождь*, следует искать похожее понятие в английской языковой картине мира – *sun shower* или простое описание – *light drizzle*, в то время как калька *mushroom rain*, которая предлагается машинным переводчиком Яндекс, является примером неадекватного и неэквивалентного перевода [Сулейманова и др. 2010: 207].

В результате проведенного корпусного анализа была предложена следующая стратегия перевода: 1) следует наиболее точно определить значение переводимого слова с учетом контекста и наличия метонимии в предложении (например, выражение *пошел дождь* нельзя перевести дословно – **the rain went*, так как данный метонимический перенос знаком только носителям русского языка); 2) необходимо выяснить, есть ли у слова в данном значении прямой эквивалент в английском языке; 3) для перевода слов, не имеющих эквивалента, выявлено несколько стратегий: генерализация, калька и описательный перевод, выбор между которыми основывается на анализе контекста, цели высказывания, вида дискурса и других описанных в работе аспектов.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 406 с.

Козько Н.А. К вопросу о лингвокультурном концепте / Н.А. Козько // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – С. 256–262.

Магомедова З.З. Перевод и концептуализация зимних природных явлений в русской и английской языковых картинах мира / З.З. Магомедова // Гуманитарный форум в Политехническом: материалы II Всероссийской молодежной науч.-практ. конференции, 2023. – Т. 2. – С. 143–149.

Попова Т.А. О разнообразии лексико-семантической парадигмы концепта «Rain» в английской языковой картине мира / Т.А. Попова // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – С. 204–209.

Сулейманова О.А. Принципы и методы лингвистических исследований / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина, И.В. Тивьяева. – М.: Языки Народов Мира, 2020. – 350 с.

Сулейманова О.А. Грамматические аспекты перевода. Учебное пособие / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 235 с.

Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – Nicholas Brealey Publishing, 2008. – 424 p.

**Гендерная обусловленность использования местоимения 'I'
в политическом дискурсе Уэльса на материале интервью
представителей политического истеблишмента Уэльса**

*политический дискурс, гендер, феминность, маскулинность,
местоимение 'I', Уэльс*

Принято считать, что местоимения, а точнее синтаксические конструкции с личными местоимениями и/или их формами, играют в политическом дискурсе немаловажную роль [Приводится по: Allen 2006].

Используя такие конструкции, политик может выстроить необходимой для него/всех эмоциональный фон коммуникации, продемонстрировать свою небезучастность в рамках поднятого, насущного для адресатов его дискурса вопроса, а также акцентировать внимание реципиентов на собственных позитивных и выгодных качествах или, наоборот, на негативных качествах и слабостях оппонента. Так, в англоязычном политическом дискурсе местоимения 'I', 'we', 'you' и 'they' всегда «несут в себе какую-либо проблему», а анализ их использования позволяет по-новому взглянуть на вопросы сущности языка, власти и преподношения аудитории как себя, так и собственного видения текущей действительности [Приводится по: Pennycook 1994].

При выборе местоимений (на синтаксическом уровне) могут проявляться и гендерные особенности политического дискурса оратора и/или возможность определения черт феминности или маскулинности его/ее политической коммуникации.

Феминность и маскулинность в политической коммуникации призваны определить и рассмотреть половую идентичность ее участников, а также общие социокультурные представления о женском и мужском поведении в социуме, которые могут влиять на выбор политиком той или иной стратегии в данном виде коммуникации.

Среди прочих характерных черт маскулинной стратегии политической коммуникации Великобритании, в том числе Уэльса, принято выделять *агрессивную риторику (доминирование), самоуверенность, фокус на рациональность и логику, акцент на собственном высоком статусе, а также удержание эмоций, скрывание уязвимостей*. К основным чертам, характерным для феминности политической коммуникации, относятся *использование принципа сотрудничества и диалога, акцент на эмоциональной открытости и эмпатии, а также на проявлении особого внимания к вопросам социальной справедливости*.

Одним из очевидных детерминантов феминности или маскулинности политической коммуникации является использование политиком синтаксических конструкций с различными местоимениями. Справедливо отметить,

что наибольший контраст возникает между восприятием аудиторией дискурса политика, где последний отдает предпочтение использованию синтаксических конструкций с местоимением 'I' (то есть, когда акцент делается на собственной экспертизе и значимости собственного мнения), и восприятием политического дискурса оратора, склонного к использованию конструкций с местоимением 'we', то есть стремящегося создать эффект «единения» с аудиторией. Справедливо отметить, что синтаксические конструкции с местоимением 'I' в таком случае являются характерной чертой маскулинности политической коммуникации и, наоборот, нехарактерной чертой для феминности политической коммуникации, о чем так же рассуждают в рамках своей статьи Т.Г. Попова и К.А. Кокорина – ученые, которые описывают гендерные особенности политического дискурса бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, указывая в своих работах на то, что женщина-политик может «<...>, проявляя стандартную для женского дискурса тактику, использовать и так называемую дефеминизацию, то есть применять определенные стратегии, свойственные преимущественно маскулинному дискурсу, употребляя местоимение 'I' в попытке показать свою доминирующую позицию» [Попова 2020: 103].

Тем не менее некоторые лингвисты считают, что подход, при котором учеными рассматриваются и строго разграничиваются характерные для политика определенного пола (а также для его коммуникации) маскулинные или феминные черты, постепенно устаревает, поскольку не может достоверно отражать современные реалии политической парадигмы и общества в целом, поэтому некоторые участники политической коммуникации стремятся придать последней более инклюзивный и разнообразный характер, отказываясь от стереотипических представлений о маскулинности и феминности.

Местоимение 'I'

Исследователь Николет Бреймли (Nicolette Bramley) справедливо полагает, что личное местоимение первого лица единственного числа – одно из самых излюбленных в политическом дискурсе для представления политиками самих себя [Приводится по: Bramley 2001], ведь «Я» политика – это его «представитель», то есть непосредственно адресант речи, однако не всегда ее автор. Тем не менее использование политиками местоимения 'I' часто обусловлено желанием адресанта выразить свое собственное мнение, продемонстрировать свою значимость и честность, выказать понимание и сопричастность реципиентам своего сообщения, подчеркнуть значимость текущего момента. Однако следует справедливо отметить, что использование синтаксических конструкций с местоимением 'I' может сделать речь политика более субъективной и тем самым дистанцировать его от аудитории. Следовательно, политик должен не только осознавать всю ответственность за употребление местоимения 'I' и быть уверенным в своей правоте, но и быть готовым отстаивать свою точку зрения. То есть, «говоря 'I', англоязычный политик подчеркивает, что он

влиятелен, высокоморален и умен, что он способен на поступки и не боится принимать решения» [Беляев 2021].

Мы соглашаемся с мнением Н.И. Лавриновой, о том, что текст политического интервью обладает такими свойствами, как персуазивность, полисубъектность, особая диалогичность, особая адресованность, информативность, оценочность, спонтанность, авторство [Лавринова 2009], которые в том числе могли бы объяснить наличие, отсутствие или преобладание тех или иных лексем (в нашем случае местоимений 'I') в рамках подобных политических текстов.

В нашей работе материалом для исследования послужили фрагменты политических интервью наиболее ярких мужчин и женщин-политиков, представителей правящей партии Уэльса (*Welsh Labour*), а именно: интервью первого министра Уэльса Марка Дрейкфорда, министра образования и валлийского языка Джереми Майлза, министра экономики Уэльса Вогана Гетингса, генерального советника Уэльса Мика Антонива, министра финансов Уэльса Ребекки Эванс, министра сельского хозяйства Лесли Гриффитс, министра по вопросам изменения климата Джулии Джеймс, министра здравоохранения Уэльса Элунед Морган. Все материалы интервью датированы 2021–2023 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Синтаксические конструкции с местоимением 'I' в текстах-фрагментах интервью представителей политического истеблишмента Уэльса

Политик	Общее кол-во местоимений в тексте (шт.)	Количество местоимений 'I', шт.	Доля местоимений 'I' (%)
Марк Дрейкфорд	130	27	20,77
Джереми Майлза	78	31	39,74
Воган Гетингс	165	39	23,64
Мик Антонив	169	47	27,81
Ребекка Эванс	102	30	29,41
Лесли Гриффитс	140	23	16,43
Джули Джеймс	175	35	20,57
Элунед Морган	212	29	13,68

Проанализировав количественные данные, мы обнаружили, что мужчины-политики Уэльса в ходе политических интервью употребляют синтаксические конструкции с местоимением 'I' чаще женщин-политиков (см. рис. 1).

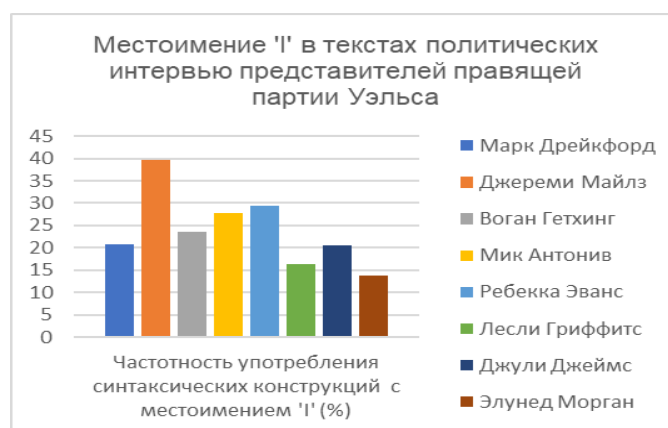

Рис. 1. Частотность употребления местоимения 'I' в текстах политических интервью представителей правящей партии Уэльса

Примечательно, что женщины-политики Уэльса в сравнении с мужчинами-политиками этого региона, хотя и реже прибегают к употреблению местоимения 'I' в рамках своих политических интервью, все же используют его нередко, что может свидетельствовать о стремлении женщин-политиков продемонстрировать адресатам свою политическую коммуникацию и свою собственную оценку и экспертизу в рамках поднятых ими тем, а возможно, наделять ее (коммуникацию) характерными для маскулинности чертами.

Таким образом, мы приходим к выводу, что анализ частотности употребления синтаксических конструкций с местоимением "I" в политической коммуникации Уэльса политиков – представителей противоположных гендеров, в ходе их интервью в целом подтверждает гендерный стереотип о том, что мужчины-политики склонны к более частому использованию местоимения 'I' в их политическом дискурсе.

Литература

Беляев А.С. Роль личных местоимений I, you, we и they в англоязычном политическом дискурсе / А.С. Беляев, Н.В. Лазовская // Язык науки и профессиональная коммуникация. – Саратов: ФГБОУ ВО СГЮА, 2021. – № 3 (4). – С. 5–10.

Лавринова Н.И. Textoобразующие характеристики политического интервью / Н.И. Лавринова // Вестн. Поморск. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 68–71.

Попова Т.Г. Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале публичных выступлений Т. Мэй) / Т.Г. Попова, К.А. Кокорина // Политическая лингвистика. – Ек.: УрГПУ. – 2020. – № 3 (81). – С. 103–109.

Allen W. Australian political discourse: Pronominal choice in campaign speeches / W. Allen. – Melbourne: University of Melbourne, 2006. – 13 p.

Bramley N. Pronouns of politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews. PhD thesis / N. Bramley. – Canberra: The Australian National University, 2001. – 349 p.

Pennycook A. The Politics of Pronouns / A. Pennycook. – Oxford: ELT Journal, 1994. – Vol. 48. – № 2. – P. 173–178.

Динамика языковых способов объективации критического отношения к научному знанию (на материале англоязычного научного дискурса)

научный дискурс, оценка, критическое отношение, языковые средства

Научный дискурс не раз оказывался в фокусе внимания исследователей. Интерес ученых вызывали особенности научных жанров (В.И. Карасик, И.Ф. Шамара и др.), виды воздействия в научных произведениях (Е.И. Варгина), ключевые концепты (В.И. Карасик), аксиологическая составляющая научно-познавательной деятельности (Е.А. Баженова, Н.В. Данилевская, В.И. Карасик), стратегии и тактики научного дискурса (Л.Н. Маслова, Т.Н. Хомутова, В.Е. Чернявская и др.), а также его культурно специфичное своеобразие (Н.Г. Бурмакина, П.Б. Кузьменко и др.).

Хотя многие аспекты англоязычного научного дискурса являются на сегодняшний день изученными, способы объективации критического отношения к научному знанию до сих пор не выступали в качестве объекта изучения. Данный факт обуславливает цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении способов языковой актуализации критического формата англоязычного научного дискурса и изучении динамики их функционирования.

Не вызывает сомнения тот факт, что критическое осмысление научных положений является чрезвычайно важной составляющей процесса научного познания и играет ключевую роль в процессе достижения объективности научного знания.

В научном дискурсе критическое отношение к объекту оценки передается следующими способами: через выражение сомнения в его безошибочности, через несогласие с его достоверностью, посредством опровержения его истинности. Анализ англоязычных научных произведений позволил обнаружить, что критическое отношение субъекта дискурса к объекту оценки объективируется совокупностью языковых средств.

Наиболее явно оценка обнаруживается в лексическом составе языка и вербализуется лексическими единицами с семантикой сомнения (doubt, to doubt, doubtful, to question, to seem), несогласия (to disagree, not agree, not think), опровержения (to argue, to contradict); лексическими единицами, ассоциируемыми в языковой аксиологической парадигме с отрицательной характеристикой (unsatisfactory, discredited, incomplete, implausible, insufficient, unreliable, inconsistent, subjective, conflicting,

misleading, ambiguous, to neglect, to confuse, to omit, omission, confusion, absurd, absurdity, inconsistency, contradiction, weakness, disadvantage, ignorance, incorrect, untrue, wrong, error, to fail, failure, to overlook и др.). Приведем несколько примеров.

В представленном далее контексте субъект оценки выражает сомнение в истинности положений старого научного знания: “The role of high density lipoprotein cholesterol in ischaemic heart disease has attracted interest since the mid-1970s, but recent evidence seems **to cast doubt** on its protective effect against ischaemic heart disease” [<https://www.semanticscholar.org>]. / Роль липопротеинов высокой плотности при ишемической болезни сердца вызывает интерес с середины 1970-х гг., но недавние данные, по-видимому, **ставят под сомнение** его защитный эффект от ишемической болезни сердца.

В следующем примере субъект дискурса характеризует научное знание как неправдоподобное/improbable, указывая на его вероятную неистинность (improbable: “difficult to believe, or unlikely” [<https://dictionary.cambridge.org>] / в которое трудно поверить или которое является маловероятным): Dr. Ross's conclusion that action from a good motive is never morally obligatory **seems improbable**. / Вывод доктора Росса о том, что действие из благих побуждений никогда не является морально обязательным, **кажется неправдоподобным**.

Представленный далее контекст также демонстрирует критическое отношение субъекта дискурса к объекту оценки, демонстрируемое через выражение сомнения адресанта в истинности старого знания. Для маркирования неуверенности в безошибочности научных предположений автор использует глагол to question, определяемый толковыми словарями как “to express doubts about the value or truth of something” [Толковый] / выражать сомнения в ценности или истинности чего-либо: “Other empirical studies have concentrated on the second effect of the information asymmetry, the size of the price impact of the trade. These analyses typically assume: serial independence of transactions, no delay in the effect of a trade on the price, and a linear trade-price relationship with the intercept corresponding to fixed transaction costs. There are good reasons for **questioning** these assumptions” [<https://www.semanticscholar.org>]. / Другие эмпирические исследования были сосредоточены на втором эффекте информационной асимметрии - размере ценового воздействия сделки. Эти исследования обычно предполагают: последовательную независимость транзакций, незамедлительное воздействие сделки на цену и линейную зависимость сделки от цены с пересечением, соответствующим фиксированным транзакционным издержкам. Есть веские причины **подвергать сомнению** эти предположения.

Представляется интересным проследить, как менялись особенности употребления языковых средств объективации критического отношения субъекта научного дискурса с течением времени. Исследование динамики их использования осуществлялось при помощи диахронического корпуса

Brown Family (extended), содержащего научные тексты четырех периодов истории англоязычного научного дискурса (BLOB (Lancaster 1931), LOB 1961, FLOB 1991, British English 2006). Полученные результаты свидетельствуют о тенденции снижения использования языковых средств объективации критического отношения к 2006 г.

Таблица 1

Частота использования языковых средств выражения критического отношения в англоязычном научном дискурсе

Название корпуса	Количество маркеров критического отношения	Количество научных текстов
BLOB (1931) (Learned)	265	68
LOB (1961) (Learned)	272	73
FLOB (1991) (Learned)	278	71
BE2006 Corpus (Learned)	185	58
Всего	1000	270 из 320

В результате исследования установлено, что к началу XXI в. количество лексических единиц, маркирующих критическое отношение к объекту дискурса, снижается. В результате сделан вывод о том, что наблюдаемая тенденция может быть связана с увеличением объема научного знания. Это явление затрудняет вхождение нового знания в научный оборот и его получение адресатом. Таким образом, основная задача автора заключается не в том, чтобы подвергать критическому анализу существующие положения, а в том, чтобы донести свои исследовательские идеи до читателя.

Литература

Баженова Е.А. Аксиологическое пространство научного текста / Е.А. Баженова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов международной научной конференции. Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург, 2019. – С. 13–14.

Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Бурмакина. – М., 2014. – 24 с.

Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Варгина. – СПб., 2004. – 31 с.

Данилевская Н.В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук / Н.В. Данилевская. – Екатеринбург, 2006. – 401 с.

Диахронический корпус Brown Family (extended). – URL: <https://cqrweb.lancs.ac.uk> (дата обращения: 01.09.2023).

Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения / В.И. Карасик // Гуманитарные технологии в современном

мире: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 22–25.

Кузьменко П.Б. Структурно-содержательная организация гуманитарного научного текста на английском языке: на материале публикаций по лингвистике: дис. ... канд. филол. наук / П.Б. Кузьменко. – Воронеж, 2020. – 208 с.

Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Маслова. – М., 2007. – 24 с.

Толковый словарь английского языка Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.09.2023).

Хомутова Т.Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 15–22.

Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема / В.Е. Чернявская. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.

Шамара И.Ф. Научная медицинская статья: эволюция жанра (На материале статей из журналов США): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ф. Шамара. – СПб., 1993. – 16 с.

Паремиологический код как идентификатор лингвокультурной информации

*гороскопический текст, концептуализация, вербализация,
паремии, кодирование информации, точка референции*

Современная когнитивная лингвистика находится на пике своей популярности, в этой связи продолжается поиск продуктивных объектов исследования. В текстологическом плане, с нашей точки зрения, гороскопический текст как объект, ранее не попадавший в фокус внимания когнитивистов, может дополнить знания, способные воспроизводить мир «в его целостности и всеобщности» [Чернявская 2016: 206].

Нарастающую популярность гороскопов легко объяснить «изначально присущим человеку стремлением строить свою деятельность на основе знаний о будущем» [Берестнев 2018: 17]. Однако, можно сказать, что современный гороскопический текст представляет собой не только прогноз, основанный на математических расчетах расположения небесных тел относительно Земли, но и компиляцию «рафинированного учебного знания» [Алпатов 2015: 66] с фольклорной традицией народа, для которого он предназначен. В этой связи появляется основание предположить, что гороскоп на русском языке, адресованный каждому знаку зодиакального круга, можно соотнести с паремиологическими единицами русского языка, чьи толкования так или иначе вызывают в сознании носителей характерные ассоциации. Проще говоря, каждый знак зодиака являет собой набор отличительных черт характера и свойственную манеру поведения его представителей, которые можно вербализовать посредством паремий.

Это подкрепляется известным высказыванием Б. Уорфа о том, что нам привычно выделять в мире «те или иные категории и типы совсем не потому что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Whorf 1956: 213].

Мы проанализировали порядка 150 ежедневных прогнозов, размещенных на одном из тематических интернет-сайтов [Гороскопы 365] и содержащих паремиологические единицы, и пришли к некоторым выводам.

В первую очередь, бесспорным является факт, что пословицы, поговорки, фразеологизмы, афоризмы являются важным компонентом краткосрочных малоформатных прогнозов в силу своей семантической емкости и суггестивного потенциала: *Не стоит поручать эту работу кому-*

то, сегодня Деве нужно все сделать самой, чтобы не пришлось потом кусать локти. Век живи – век учись, вот девиз Льва на сегодняшний день. Для Водолея сентябрь обещает стать «знойной Сахарой».

В приведенных примерах заключен максимально обобщенный смысл, однако при упоминании конкретного знака зодиака формулируются адресные рекомендации, к которым прислушиваются именно их представители.

Паремии в тексте гороскопа выступают точкой референции, поскольку реципиенту требуется меньше усилий для его обработки, соответственно, для кодировки прогноза затрачивается меньше формального материала: *«Загнанные как скаковая лошадь, Рыбы могут **впасть в панику** и начать хвататься за выполнение всех дел одновременно, а это однозначно не приведет ни к чему хорошему; В воскресенье у Льва обострено **чувство справедливости**, а потому он может незаметно превратиться в **борца за права всего человечества** или конкретного человека – например, себя. Ощущая себя жертвой, Лев может начать скандалить даже в ситуации, когда не было и намека на **нарушение прав**.*

Паремии, используемые в краткосрочных прогнозах, обычно соответствуют тригону знака зодиака, то есть вербализуют огненную, воздушную, водную стихии или концептуальную область земли: *Все у Овнов будет буквально **гореть в руках**, а энергии хватит на то, чтобы с лихвой выполнить сегодняшний план по рабочим делам, да и поднакопившиеся вопросы разобрать (огонь). Возможно, близкие будут раздосадованы невниманием или коллеги раздражены прыткостью Козерога, поэтому ему нужно постараться обходить **острые углы** (земля). События, которые развернутся в этом месяце вокруг Водолея, грозят **создать «засуху»** в его любовных делах, в планировании дальнейшего будущего (воздух). В четверг Рыбам стоит снизить темп, если, конечно, они не хотят **ввергнуть** свой организм в **пучины** хронической усталости и **бездны** депрессии (вода).*

Стоит отметить, что в отношении знака Водолея соотнесенность со стихией в аспекте астрологии может концептуально противоречить ассоциациям, возникающим вследствие восприятия ключевого слова. Иными словами, с точки зрения языкового сознания, Водолей чаще всего соотносится со стихией воды, что подтверждается характерными паремиями: *Водолею октябрь принесет целый **водоворот событий** и много счастливых шансов. Это и есть тот «**колодец**», в котором в сентябре вы можете **черпать идеи**.* Данный факт позволяет говорить о том, что современный гороскопический текст начинает отдаляться от собственно астрологической составляющей и приобретает черты художественного текста, рассчитанного на массовую аудиторию. Меняются и функции краткосрочных прогнозов в СМИ: если раньше предсказательные тексты создавались без учета лингвокультурной информации,

то в настоящее время гороскопы становятся национально-маркированными, содержащими лингвокультурный компонент, вербализованный в виде паремиологических единиц русского языка.

Таким образом, можно говорить о наличии паремиологического кода, который является результатом национально-культурной концептуализации и категоризации особенностей мышления русского народа, вербализованного посредством паремиологических единиц в тексте современного гороскопа.

В целом считаем исследования в этой области перспективными, поскольку понимание специфики языкового кодирования в гороскопическом тексте дает основание для более глубокого изучения культурной установки, чем просто трактовки паремий как единиц с национально-культурным компонентом значения.

Литература

Алпатов С.В. Мотив владения «астрологической премудростью» в русской книжности и фольклоре XVII–XX вв. / С.В. Алпатов. – URL: <file:///C:/Users/blond/Downloads/motiv-vladieniya-astrologicheskoy-premudrostyu-v-russkoy-knizhnosti-i-folklore-xvii-xx-vv.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

Берестнев Г.И. Язык и когнитивная структура профетических текстов: античность и русское православие: монография / Г.И. Берестнев, Я.А. Киреева; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, 2018. – 220 с.

Гороскопы 365. – URL: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 24.11.2023).

Чернякова Н.С. Обыденное и мифологическое познание как формы практически-духовного освоения мира / Н.С. Чернякова. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (69): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 205–208.

Концепты как объект лингвистического исследования

концепт, языковой образ мира, язык и культура

Изучение концептов в языке признано одной из перспективных областей лингвистики. Концепты могут рассматриваться с культурной, лингвистической, философской и других точек зрения, предлагая различные подходы к их интерпретации, категоризации и анализу.

В лингвистике концепты признаются ментальными и языковыми единицами. Изучение концептов представляет интерес не только для традиционной лингвистики, но и для когнитивной лингвистики и психолингвистики. В обоих направлениях концепты служат средством описания языковых закономерностей. Например, согласно определению Е.С. Кубряковой, термин «концепт» рассматривается как «зонтичный» термин, который охватывает и объединяет тематические направления различных научных дисциплин, занимающихся вопросами мышления и познания, хранения и обработки информации. Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», концепция дает представление, основанное на мыслительных процессах человека, отражает содержание его опыта и знаний, результаты всей деятельности человека и содержание когнитивных процессов во внешнем мире в «квантованной» форме.

Соотношение между концептом слова и его лексическим значением остается важным в изучении русского языка. Впервые проблема соотношения этих двух понятий была поставлена в работе С.А. Аскольдова «Понятия и слова», опубликованной в 1928 г. [Аскольдов 1997: 36]. На современном этапе развития науки эта тема изучалась в работах многих лингвистов – В.В. Колесова и В.В. Николаева, В.П. Никитина, М.В. Нименовой, В.Д. Стернина, В.Д. Попова и др. Одно из основных различий между понятиями и значениями связано с их внутренним содержанием. Взаимосвязь между понятиями и значениями определяется состоянием их категорий. Значение – это единица семантического пространства языка и элемент упорядоченного множества семантической системы данного языка. Ценности обладают множеством семантических особенностей, характерных только для определенного сообщества. Семантика этого слова обеспечивает взаимопонимание между людьми в процессе общения. Лексическое значение – это наблюдаемая и зримая языковая структура. А концепт – это мыслительный процесс, основная форма проявления. Это сложная и многогранная лингвистическая и когнитивная структура, которую невозможно наблюдать. Значение является частью концепции и фик-

сируется языковыми символами с целью коммуникации. Понятия и значения – это ментальные и когнитивные феномены, которые отражают последствия восприятия реальности в сознании.

Концепт (лат. *conception* ‘понимание’) – многогранное понятие, в работах Д.С. Лихачева, Н.Д. Артюновой, Е.С. Кубряковой, А.Н. Молоховского, Н.К. Рябцева, В.А. Масловой, А.Я. Гуревича, А. Вежбицкой теоретические основы понятия «концепт» рассматриваются в различных аспектах. Понимание концептов, определяемое концептуальными терминами, подразумевает характеристики людей, начиная с мировоззрения, языковой сферы, социальных групп, государства в целом и отдельного человека. В этом понятии содержится его суть, которая определяет основные понятия духовной культуры как ее элементы. Определение лексического значения слов в психологической культуре способствует открытию нового сверхсознания. Это приводит к оценке интерпретации прошлого в новой перспективе.

Понятие концепта определяется в лингвистике как «накопленные культурные представления человека о мире» (А. Вежбицкая), «концепт – это вся совокупность того, что мы знаем о предмете» (В.Н. Телия), «ключ к познанию Божественного учения, познанию тем самым духа народа, культурной ментальности нации через осмысление этого» (В. фон Гумбольдт) с такими определениями [Султангубиева 2009: 20].

Образ мира создается людьми. Образ мира – это не зеркало жизнедеятельности, а интерпретация на определенном уровне. Образ мира – это ядро представлений человека о мире и накопление его основных свойств. Языковой образ мира – это продукт сознания, результат взаимодействия мышления и бытия и языка как средства передачи представлений о мире.

Область концептуальных представлений о мире очень широка, и в процессе их создания функционируют многие виды мышления, в том числе и невербальные формы общения. Специфические подходы и средства наименования, характерные для отдельных вариантов национальных языков, выражают номенклатурные представления о мире как неотъемлемую часть языкового образа мира. Язык реализует национально-культурный образ мира, вербализует его, сохраняет и гарантирует его передачу от поколения к поколению. Язык не устанавливает всех концептов национальной картины мира, а может лишь символизировать их. Мы можем сознательно говорить об изначальной связи между культурой и языком или, наоборот, между языком и культурой. На самом деле эти два образа настолько тесно связаны друг с другом, что использовать причинно-следственную связь, относящуюся к этим двум образам, не представляется возможным [Султангубиева 2009: 24].

Человечество устанавливает границы мира, создавая определенные символические знаки в языке, мифологии, религии, искусстве и науке. С помощью символических знаков создается образ Вселенной. Совокупность образов Вселенной, запечатленных в языке, называется языковой

картиной мира. Существуют языковые и концептуальные образы мира. Если концептуальный образ мира состоит из информационного содержания, реализуемого в сознании, то языковой образ мира состоит из смыслов, закрепленных в семантических категориях и семантических полях в рамках определенной языковой структуры [Нурдаулетова 2011: 53].

Картина мира вытекает из глобального мировоззрения человека, которое является основой его мировосприятия. Картина мира – это результат всей психической деятельности человека. Языковая картина является как бы частью концептуальной картины: по мнению Б.А. Серебренникова и Е.С. Кубряковой, концептуальная картина мира шире, богаче и разнообразнее языковой картины. Это связано с тем, что в формировании концептуального образа участвуют разные виды мышления, в том числе невербальное.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, языковой образ мира – это вербализация концептуального образа мира, который осуществляется через язык и частично закрепляется в сознании человека с помощью других ментальных репрезентаций (образов, схем, картинок и т. д.) [Краткий 1996: 42]. Языковой образ мира в своей области представляется подчиненным концептуальному образу мира. С одной стороны, информация и знания обретают языковую форму и подвергаются языковой обработке говорящим. С другой стороны, возникновение новых понятий происходит через уже существующие в языке схемы. В результате возникают традиционные языковые формы, которые передают как понятия, так и представления. В этой области картина мира полностью совпадает с концептуальным языковым образом [Волостнов 2003: 8].

Каждый национальный язык создает в сознании его носителей особый образ мира, оформленный в виде концептуальной системы значений, характерной только для этой страны. Это естественное явление, когда каждый человек имеет свой национальный язык, культуру, историю, литературу, обычаи и привычки и воспринимает мир по-своему. В этом случае вполне применим термин В.В. Красных «национально-культурное пространство» [Красных 2005, 7: 20].

Таким образом, концептуальные картины мира, выраженные в языковой форме, представляют собой неотъемлемый элемент человеческого мышления. Язык не только отражает, но и активно формирует наши познавательные структуры.

Более глубокое понимание концептуальной языковой формы может пролить свет на механизмы восприятия, а также иметь практическое применение в лингвистике, психологии и образовании.

Литература

Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность / С.А. Аскольдов // От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 28–44.

Волостнов И.А. О лингвистической концепций эмоций / И.А. Волостнов // Филология и культура. Материалы IV междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 46–52.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Я.Г. Лузина. – М.: ИПО Лев Толстой, 1996. – 245 с.

Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) / В.В. Красных // Respectus philologicus. – 2005. – № 7. – С. 10–24.

Нурдаулетова Б.И. Когнитивная лингвистика / Б.И. Нурдаулетова. – Алматы, 2011. – 312 с.

Султангубиева А.А. Отражение концепта сердца в языковом изображении (по казахскому, русскому, английскому языкам): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А.А. Султангубиева. – Алматы, 2009. – 24 с.

**Текстовое ассоциативное поле как средство выражения
идиостиля писателя (на материале рассказа М. Степновой)**

*идиостиль, рассказ, М. Степнова, ассоциативное поле,
когнитивная лингвистика*

Идиостиль писателя является одним из пограничных понятий в литературоведении и лингвистике и занимает центральное место во многих исследованиях в данных областях. Несмотря на то, что литературоведы и лингвисты имеют единый исследуемый предмет при изучении идиостиля, каждый использует различные подходы для раскрытия индивидуальности пера писателя. Понятие «идиостиль» является многоаспектным, в связи с этим существуют различные определения, термины, обозначающие его как «индивидуальный стиль», «идиолект», «стилевая манера», «стиль автора», «язык автора». В данной работе мы придерживаемся понятия, данного В.П. Григорьевым, который определяет идиостиль как «совокупность глубинных текстопорождающих доминант констант автора художественного произведения, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности» [Григорьев 1983: 17].

В современной науке лингвисты исследуют идиостиль писателя с разных сторон. На наш взгляд, одним из интересных подходов является семантико-стилистический подход, по которому стиль писателя воспринимается как система индивидуально-эстетического использования языка, которая ярко выражается в определенный отрезок времени развития художественной литературы. Также при исследовании идиостиля используется лингвопоэтический подход, при котором идиостиль писателя представляется сложной взаимосвязанной системой, где языковые приемы являются частью художественного мира писателя. Этот подход исследует общие закономерности в использовании слов писателем, проводится анализ лексических особенностей. Он позволяет понять, как писатель создает свой уникальный языковой стиль и как в нем отражается его художественный мир.

Оба подхода представляют собой ценные инструменты для анализа и изучения идиостиля писателей. Они позволяют нам лучше понять, каким образом язык используется в литературных произведениях и какие особенности характерны для отдельных авторов. Также при исследовании стиля писателя используются системно-структурный и коммуникативно-деятельный подходы.

Все эти подходы предлагают разные точки зрения на идиостиль и приносят ценные вклады в его изучение. Каждый из них подчеркивает разные аспекты языка и литературы, которые использовал писатель в своих произведениях, помогая лучше понять его уникальный стиль и творческую индивидуальность.

Когнитивная лингвистика предлагает изучать идиостиль писателя в рамках когнитивного подхода, который основывается на создании моделей «возможных миров» авторов. И идиостиль в этом случае воспринимается в качестве системы средств выражения, «где внутренний мир поэта с художественной действительностью, художественным миром текста, творимым поэтическим языком» [Хомич 2018: 173].

В ракурсе когнитивного подхода основной единицей изучения идиостиля писателя выступает индивидуально-авторский концепт, который основывается на словесно-ассоциативные поля.

Одним из способов проявления идиостиля автора многие исследователи считают своеобразие авторского ассоциирования. В этой работе мы попытались моделировать текстовые ассоциативные поля в определенном художественном тексте как репрезентация индивидуального стиля писателя. В ходе исследования мы опираемся на методику построения текстового ассоциативного поля, представленной Ю.Н. Карауловым [Караулов 2015]. В данном случае текстовое ассоциативное поле воспринимается как «система стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциации организованных по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию» [Болотнова 2004: 20]. Также считаем, что нужно обозначить грань между языковым ассоциативным полем и текстовым. Языковое ассоциативное поле включает в себя знания о всех возможных ассоциативно связанных со стимулом значениях, а текстовое ассоциативное поле состоит только из присутствующих в тексте словесных ассоциаций и раскрывает те значения, которые важны для понимания темы и идеи конкретного художественного произведения и художественной картины мира автора.

Лингвист Ю.Н. Караулов предлагает считать ассоциативный словарь «инструментом анализа языковой способности», а «за текстом стоит языковая личность» [Караулов 2015: 14], поэтому, исследуя текстовое ассоциативное поле художественного дискурса, мы считаем, что возможно выявить индивидуальные особенности писателя как языковой личности и особенности его поэтической картины мира, то есть художественный мир, который создается творческим воображением писателя.

Материалом данной работы является рассказ Марины Степновой «Где-то под Гроссето» [Степнова 2022]. Выбор данного автора не случаен. М. Степнова является представительницей новейшей литературы, современной русской женской прозы, и ее художественное творчество отличается индивидуальностью, метафоричностью языка и богатством жанростилевого своеобразия от своих современников

Данный рассказ включен в одноименный сборник «Где-то под Гроссето», в котором раскрываются личные трагедии, большие надежды, горести, утраты, беспросветная тоска, одиночество, жалость, обиды, комплексы «маленьких людей».

В рассказе «Где-то под Гроссето» описывается поиск себя, своего места в этом мире главной героини, также автор своеобразно раскрывает вечную проблему отцов и детей. По сюжету рассказа главная героиня, которая выросла, чувствуя нелюбовь своей матери, в свои тридцать лет ищет место для своего гроба.

Содержание текста может быть восстановлено с помощью ключевых слов. Ключевые слова передают текст в сжатом виде и раскрывают направление ассоциаций, формирующих текст: в результате «нелинейного» прочтения рассказа М. Степновой «Где-то под Гроссето» мы выделили следующие ключевые слова: место, отчим, мать, Лялька, кошка, гроб. Вокруг каждого ключевого слова создается текстовое ассоциативное поле, которое состоит из нескольких лексико-тематических групп. Именно в них выражаются подтемы рассказа. Вокруг выделенных ключевых слов было построено текстовое поле словесных ассоциаций. Это поле содержит множество тематически связанных ассоциаций, которые помогают организовать часть текста, лежащую в основе каждого выделенного ключевого слова. Под полем словесных ассоциаций мы понимаем набор словесных ассоциаций для слова-стимула (или ключевых слов в тексте).

Текстовое ассоциативное поле ключевого слова *Лялька* составляют данные об образе главной героини рассказа, о ее внешности, о личных качествах, чувствах, стремлениях, целях. Ключевые слова *мать* и *отчим* и их ассоциативные поля позволяют глубже раскрыть взаимоотношения главной героини в семье и конфликт, который лежит в основе сюжета. Благодаря ассоциативному полю ключевого слова *кошка*, раскрывается внутренний мир главной героини Ляльки и идея замысла рассказа. Ассоциативное поле *место* (*свое, искать, найти, спокойное, тихое, умереть, кладбище, гроб, дом*) вокруг которого строится весь сюжет рассказа, занимает центральную позицию среди вышеуказанных ключевых слов.

С целью объективности по составлению структуры ассоциативных полей рассказа М. Степновой нами был проведен эксперимент. В проведенном нами эксперименте участвовало 30 информантов – студентов филологического направления в возрасте 19–22 лет. После прочтения рассказа студентам были предложены ключевые слова, к которым они выбирали ассоциаты из текста рассказа. Результаты эксперимента полностью совпали с ассоциатами, выбранными нами, что подтвердило достоверность нашего исследования.

Во время исследования мы выявили, что одно из ассоциативных полей оказывается доминирующим среди остальных, оно имеет внешние и внутренние связи со всеми ассоциативными полями текста. В нашем примере таким ассоциативным полем является МЕСТО. Текстовое ассоциативное поле МЕСТО является доминирующим среди остальных ключевых

полей в связи с тем, что оно выражает основной замысел автора. Главная героиня рассказа ищет свое место, весь сюжет строится вокруг этой цели. Это не социальное место, не поиск себя, а именно место в пространстве, но оно должно откликаться внутренним миром, состоянием главной героини. Смерть старой кошки в шкафу девочки, процесс ее захоронения, разъяснения отчима о жизни – о поиске своего места – оставляют глубокий след в душе девочки.

Структура доминирующего ассоциативного поля включила в себя каждый ассоциат всех полей, и в итоге мы увидели, что ассоциативные поля взаимосвязаны и им характерна диалогичность, а это позволяет сделать заключение, что структура дает нам информацию, подтверждает, что в ассоциативном поле выражаются формы представления знаний. Текстовое ассоциативное поле позволило раскрыть глубинный смысл рассказа М. Степновой, основанный на подтексте, скрытый между строк. Эксперимент по выявлению ассоциации позволил еще раз убедиться в правильности и достоверности анализа художественного текста ассоциативным методом, также выявил, что ассоциации участвуют в формировании образного смысла, позволяют увидеть художественное видение писателя, особенности его стиля.

Литература

Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической авторской картины мира автора / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – № 1 (38). – С. 20–25.

Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В.П. Григорьев. – М., 1983. – 255 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 2. – С. 14–35.

Степнова М. Где-то под Гроссето / М. Степнова. – М.: АСТ, 2022. – 285 с.

Хомич В.В. Словесно-ассоциативные поля в формировании художественного подтекста / В.В. Хомич // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – 2018. – № 4. – С. 172–184.

Когнитивные процессы и формирование самопредставления в онлайн-сообществах: гендерная перспектива

*гендерная лингвистика, гендерный стереотип, когнитивная
лингвистика, интернет-дискурс, оценочное высказывание*

В свете современной концепции гендерной идентичности как элемента коллективного, а также индивидуального сознания, формируемого при помощи языка, возникает потребность в рассмотрении и когнитивной интерпретации гендерных проявлений идентичности субъекта и объекта высказывания. Представленная работа выполнена в рамках динамично развивающегося направления когнитивной лингвистики и посвящена анализу личностных аспектов коммуникации в интернет-среде в гендерном аспекте и анализу их проявлений в русском языке.

В силу того что в настоящее время именно интернет выступает в качестве наиболее масштабной среды для обсуждений и обмена информацией [Загоруйко 2012: 59; Нелюбина и др. 2014: 21], можно выдвинуть предположение о том, что интернет-дискурс будет наиболее отчетливо отражать современные гендерные и социокультурные динамики [Смирнова 2019: 79], что особенно актуально в контексте исследований, посвященных когнитивным аспектам конструирования гендерной идентичности. Несмотря на то, что тема особенностей конструирования онлайн-текста была рассмотрена в ряде лингвистических работ [Ионина 2010: 34], выражение гендерной идентичности с помощью инструментов интернет-дискурса на данный момент не получило исчерпывающего описания, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методологическую основу исследования определяют положения, связанные с:

- представлением о гендерной идентичности как объекте внеязыковой действительности, в значительной степени определяющей языковое поведение индивида [Кирилина 2005: 10; Steiner et. al. 2022: 3];
- вопросом о языковых формулах и средствах выражения оценочных гендерно-ориентированных суждений [Куракина 2015: 40];
- введением сетевых и корпусных технологий в лингвистические исследования и оценкой их потенциала [Egbert 2020: 53].

Эмпирической базой исследования послужили русскоязычные комментарии пользователей платформы YouTube под видео-интервью с широко известными в России медийными личностями. В целях создания репрезентативной выборки был проведен отбор комментариев, в процессе

которого учтены как их текстуальные особенности (наличие ярко выраженных гендерных маркеров), так и пороговые значения числа комментариев (количество лайков и ответов).

Таким образом, для анализа отобрано 100 наиболее ярко гендерно-маркированных высказываний, составившие 4 группы по признаку гендерно-ориентированности: адресант мужчина – адресат мужчина («*Настоящий мужик, как спортсмен и как человек!*»), адресант мужчина – адресат женщина («*Мое впечатление о ней – мошенница, психопатка, неврастеничка, страшенькая дама с короной на голове!*»), адресант женщина – адресат мужчина («*Прекрасный мужчина! Умный, сильный, красивый, смелый! Не захотел быть игрушкой родителей!*»), адресант женщина – адресат женщина («*Вы суперпрофессиональный журналист, профессиональный, харизматичный и спокойный*»).

Для структурирования выделенных для анализа групп использовался корпус-менеджер AntConc, располагающий рядом инструментов для управления и анализа массивов текстовых данных. На следующем этапе был проведен контент-анализ, предполагающий учет частотности и контекста употребления различных гендерных маркеров в комментариях и последующую интерпретацию полученных данных, что позволило выделить основные темы и тенденции, связанные с конструированием и выражением гендерной идентичности в рассматриваемых текстах.

Результаты проведенного анализа демонстрируют, что в текстах оценочных комментариев, размещенных на платформе YouTube, в значительной степени проявляется влияние устоявшихся в обществе гендерных стереотипов. Так, в положительно окрашенных комментариях наблюдается частая акцентуация на традиционно ассоциирующихся с определенным полом качествах: сила, независимость и уверенность в себе для мужчин, вежливость, красота и эмпатичность для женщин. Отрицательно окрашенные комментарии, в свою очередь, зачастую критикуют выход поведения или внешности адресата за рамки привычных адресанту гендерных установок. Кроме того, исследование выявило ряд когнитивных аспектов в конструировании гендерной идентичности в интернет-дискурсе, а именно процессы категоризации, ассоциации и стереотипизации, которые формируют представления о гендере и его роли в обществе. Контент-анализ эмпирического материала демонстрирует, что пользователи платформы YouTube активно применяют эти когнитивные процессы для выражения своих взглядов и оценок в сфере гендерной идентичности.

Литература

Загоруйко И.Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве / И.Н. Загоруйко // Вестник КГУ. – 2012. – № 3. – С. 56–60.

Ионина А.А. Особенности создания и восприятия текста в Интернете / А.А. Ионина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2010. – № 2 (6). – С. 33–39.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендер и язык / Сост. и науч. ред. А.В. Кирилина. – М.: Знак, 2005. – С. 7–30.

Куракина Н.А. Прагматический аспект гендерных комплиментарных высказываний представителей английской лингвокультуры / Н.А. Куракина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 4. – С. 35–41.

Нелюбина Е.А. Языковые особенности Интернет-дискурса / Е.А. Нелюбина, М.В. Амитрова, Ю.В. Гусарова // БГЖ. – 2014. – № 4 (9). – С. 21–23.

Смирнова Е.В. Гендерные различия в молодежном интернет-дискурсе (на материале англоязычных интернет-блогов и чатов) / Е.В. Смирнова // Лексикографическая копилка: Сборник научных статей / Под научной редакцией В.В. Гончаровой. – 2019. – № 8. – С. 73–79.

Egbert J. Using Corpus Methods to Triangulate Linguistic Analysis / J. Egbert, P. Baker. – Routledge, 2021. – 300 p.

Steiner T.G. The effect of gender identity and gender threat on self-image / T.G. Steiner, T.K. Vescio, R.B. Adams // Journal of Experimental Social Psychology. – 2022. – Vol. 101. – P. 1–14.

**Репрезентация концепта «весна» и «осень»
в русской и узбекской поэтической картине мира**

*языковая картина мира, национальная идентичность,
кросс-культурное взаимодействие, фреймовая структура,
лингвокультурные знания, мировоззрение, вербализация,
национальная ментальность, билингвизм, концепт*

В современной научной эпохе, особенно в географических пределах Узбекистана, лингвистическая наука проявила тенденцию к драматическому расширению своего фокуса интересов за последние десятилетия, причем данное расширение характеризуется усиленным вниманием к когнитивным и ментальным процессам, присущим языковой активности индивидов. Исследование сопоставления различных лингвистических единиц и выражений, инкорпорированных в разноструктурные языковые системы, свидетельствует о кардинальном изменении научной парадигмы. Вместо того чтобы сосредоточиваться исключительно на изучении языка как автономной системы, на первый план выходит изучение языка в контексте его взаимодействия с человеческим сознанием и когнитивными процессами. Современная когнитивная лингвистика активно исследует такие понятия, как «концепт», «концептосфера» и, как уже упоминалось, «языковая картина мира». Эти понятия стали одними из ключевых в дискурсе научного сообщества. Каждый язык, репрезентируя свою уникальную картину мира, демонстрирует существование национально-специфических особенностей мышления. Определение «концепт» можно характеризовать как операционную единицу ментальной активности, связанную с процессом кодирования информации об объектах и их свойствах. Важно отметить, что этот процесс может основываться как на реальных, так и на воображаемых аспектах мира. Совокупность концептов, группируемых на основе различных критериев, формирует концептосферу. В зависимости от определенных тематических критериев можно выделить различные концептосферы, такие как этическая, религиозная или юридическая, и, анализируя эти концептосферы, можно судить о культурных, этических и духовных ценностях нации.

В контексте когнитивного анализа лингвистического сознания носителей двух культурно-исторически разнообразных языков – русского и узбекского, можно констатировать, что концептуальные структуры, связанные с концептосферой «времена года», неизменно ассоциируются с доминирующими погодными явлениями, традиционными праздничными мероприятиями и сельскохозяйственными ритуалами и задачами. В процессе активиза-

ции и формирования лингвокультурной компетенции, которая является ключевой для успешной интеркультурной коммуникации, на первый план выходят текстовые материалы различной жанровой и стилистической направленности. Эти тексты не только выполняют функции информационной передачи, но также становятся катализаторами оценочно-эмоциональных реакций. Следует разделить их на две основные категории: первая категория включает в себя художественные, публицистические и разговорно-бытовые тексты с выраженной информативной и эмоциональной насыщенностью, вторая же фокусируется на текстах устного народного творчества, таких как сказки, былины, пословицы, поговорки и фразеологические единицы, в которых прослеживается яркая семантика сезонности и заложенная глубокая мудрость предыдущих поколений.

Тем не менее Узбекистан, благодаря своему уникальному геополитическому и социокультурному положению, где соседствуют представители разнообразных национальностей, создал особую ситуацию, в рамках которой часть населения, интерпретируя тексты на родном языке и реагируя на окружающую социокультурную действительность, формирует языковую картину мира, которая синтезирует когнитивные ассоциации обеих культур. Такая интеграция культурных компонентов ведет к обогащению когнитивного поля индивида, расширяя ассоциативные и семантические связи в его сознании. Следовательно, понимание и ценность национальных языков как проекций национальных менталитетов и важных культурных маркеров вызывает неотвратимое стремление к глубокой, всесторонней интерпретации и к изучению языковой системы. В процессе детализированного изучения концептуальных структур, представленных в художественной картине мира, и их сопоставления с теми, что характерны для общеязыковой парадигмы, выявляется интригующая дихотомия. С одной фланги, мы наблюдаем проявление общелитературных канонов и стереотипов, что обуславливает формирование так называемой общепозитической картины мира. С другой стороны, на передний план выходит проработанность отдельных индивидуально-авторских вербальных конструкций, связанных с тематикой времен года, и это, в свою очередь, влечет за собой расширение спектра семантических компонентов концепта.

Строфы из стихотворений Ильяса Муслима, в частности те, что посвящены временам года и где акцентируется взаимосвязь между конкретным временем года и определенным растением, присущим этому сезону, иллюстрируют данное утверждение. Метафорические образы, такие как сравнение снега с хлопком, без лишних комментариев воспринимаются и понимаются учащимися Узбекистана. Такие тексты обогащаются дополнительным семантическим слоем благодаря особенностям природы и климата Узбекистана, что может потребовать дополнительных пояснений для учащихся России:

«И вот ночью темною в поле
Весна зашумела дождями,

А утром степное раздолье
Украсилось щедро цветами.
И за ночь одну на дувале,
На крыше, на старом бараке,
Встречая весну, запылали
Веселые яркие маки» («Маки» [Йил]).

Или:

«Люди август уважают,
Август – месяц урожая:
И в саду не уставай,
И на поле успевай!
Выйди в поле!
Словно звезды,
Там коробочки блестят.
Ароматом полон воздух –
Медом пахнет виноград...» («Август» [Там же]).

Примером служат стихотворения «Маки» и «Август», в которых автор создает яркие и насыщенные образы, позволяющие читателю ощутить всю палитру впечатлений, связанных с природой определенного времени года в Узбекистане.

В аналитическом контексте исследования художественной интерпретации природных явлений в письменных источниках особое место занимает конкретизация образов в контексте отдельных авторских интерпретаций. Например, в творчестве Куддуса Мухаммади можно наблюдать интересное стилистическое средство, которое основывается на сопоставлении снежного покрова с полями, усеянными хлопком, как это проиллюстрировано в его произведении «Зимнее утро». Подобное сравнение с фазами циклов произрастания хлопка содержится и в стихотворении Куддуса Мухаммади «Зимнее утро»:

«Снежком засыпана земля,
Не видно даже тропок,
И даль похожа на поля,
Где белый-белый хлопок» [Там же].

Проиллюстрируем это на примере интернет-блога велоэкспедиции «Дети мира», где особое внимание следует уделить фрагменту, в котором автор выражает свое удивление относительно нового для себя термина «чилля», столкнувшись с ним во время своего пребывания в Узбекистане и общения с местными жителями. Этот момент иллюстрирует, как глубоко коренящиеся в национальной культуре особенности могут стать источником новых знаний и опыта для представителей других культур.

Анализируя вышеуказанные материалы, можно прийти к выводу о том, что структура фрейма «времена года» формируется под воздействием ряда

факторов, включая национально-культурные особенности, индивидуальное восприятие мира и личные опыт и знания. Осмысление языковой картины мира, представляющей собой отражение национального мироощущения и мироосмысления через призму лексики, представляет собой сложный процесс, который не может быть полностью охвачен логическими методами. Эта картина включает в себя такие элементы, как эстетическая ценность языка, глубинное понимание его скрытых значений и другие, которые выходят за рамки строго научного анализа и требуют эмоциональной интерпретации. Важно подчеркнуть, что осмысление языковой картины мира, особенно для тех, кто владеет несколькими языками (как, например, многие жители Узбекистана), предполагает наличие сложной сети фреймов-образов, базирующихся на различных языках. Эта многоуровневая структура способствует более глубокому пониманию культурных особенностей разных народов, что, в свою очередь, способствует укреплению межкультурного диалога и развитию способности к взаимопониманию между разными национальностями.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер с англ. М.: Русские словари, 1996. – С. 416.

Концепция велозападения «Дети мира». – URL: <https://childrenoftheworld.ru/o-proekte/> (дата обращения: 02.10.2023).

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1983. – С. 816.

Стихи про осень. – URL: <https://poemata.ru/poems/autumn/> (дата обращения: 02.10.2023).

Толковый словарь Кузнецова. – БТС, 1998. – URL: <http://endic.ru/kuzhencov> (дата обращения: 02.10.2023).

Узбекские народные пословицы и поговорки. – URL: <https://www.ziyouz.uz/ru/folklor/uzbekskie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki> (дата обращения: 02.10.2023).

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/125018/Весна# (дата обращения: 02.10.2023).

Йил фасллари ва табиат ҳодисалари ҳақида мақоллар. – URL: <https://ziyouz.uz/hikmatlar/ozbek-xalq-maqollari/yil-fasllari-va-tabiathodisalari-haqida-maqollar/> (дата обращения: 02.10.2023).

Различия в культурных универсалиях в интерпретации феномена эмоций

*эмоциональное переживание, культурный стереотип, импликации
кросс-культурных различий, аффективные состояния,
Восток, Запад*

Представители разных стран мира, попадая в новую культуру, испытывают широкий спектр эмоций, начиная с языка и заканчивая эмоциональными проявлениями коренного населения, определяет культурный стереотип. Культурный стереотип – от радости и счастья до ненависти и страха – представляет собой смесь биологической информации и социокультурного влияния. Тесная взаимосвязь между обществом и способом выражения эмоций создает эмоциональные различия, и в самом простом смысле это то, что можно назвать «культурным барьером»: если на Западе ценятся высокие уровни эмоционального переживания, то в странах Востока люди предпочитают низкий уровень эмоционального переживания. Таким образом, отзвуки импликации кросс-культурных различий затрагивают глубинный уровень общества и социальных норм, которые формируются на основе описанных стереотипов [Yus 2018].

Примитивные аспекты первичных эмоций (гнев, удовольствие или страх) тесно связаны с инстинктом выживания. В биологическом смысле эмоции рождаются в мозге, и в зависимости от того, положительные они или отрицательные, мозг выделяет серотонин, кортизол или адреналин. Высокое аффективное возбуждение эмоций считается активным или возбужденным состоянием, заряжающим организм энергией и одновременно готовящим его к действиям в случае необходимости. Низкий уровень возбуждения, напротив, готовит человека к отдыху и расслаблению [Xiuhua Zhang 2015]. Такие аффективные состояния, как скука или уныние, считаются валентными эмоциями, которые не приводят в действие нервную систему. Формирование сложных эмоций может осуществляться под влиянием общества. Культурные рамки могут развивать или сдерживать эмоции.

Под культурой в психологии понимается совокупность элементов, определяющих восприятие, веру, оценку, общение и действия людей, объединенных общими факторами, такими как географическое положение или история [Tao Lin et. al. 2018]. Из этих элементов складываются скрытые стереотипы, которые соблюдаются обществом и усваиваются будущими поколениями.

Социология выделяет два основных типа культур: индивидуалистическую и коллективистскую. Представители обоих типов рассматривают

культурный фон человека, который будет действовать в соответствии с принципами каждого из них. Индивидуалистический тип относится к независимым личностям, которые строят свою жизнь отдельно от других людей, где важным аспектом является уникальность каждого человека. На противоположном уровне находится коллективистская культура, которая связана и взаимозависима от других людей; где важна общая гармония и то, что люди меняются сами, чтобы соответствовать группе. В качестве примера можно привести японское общество, которое сохранило многое от своего исторического прошлого. В соответствии с азиатской медициной, человек должен испытывать только семь эмоций: радость, гнев, печаль, удовольствие, любовь, жадность и ненависть [Kiyokazu Nakatomi 2015]. Экссесс, выходящий за рамки этих эмоций, считается избыточным, и японцы склонны считать, что это может быть губительным [Lavrova 2015].

Эмоции как феномен культуры подразумевают, что каждый из нас познает эмоции в культурном ключе своей среды, но при этом оба культурных архетипа доказаны и приняты общественным мнением [Blinnikov 2019]. В процессе взросления мы учимся регулировать поведенческие реакции и социо-эмоциональный фон служит ориентиром в том, как выражать счастье, печаль или гнев – это стандарт, привитый непроизвольно системой семьи, образования и работы. А культурная среда может усиливать или ограничивать модели поведения.

Эмоции культурно обусловлены: сильные эмоции, такие как гнев и печаль, с большей вероятностью нарушают норму в культурах. Однако исследование показало, что западная культура интенсивнее реагирует на гнев и лучше усваивает норму, а восточная культура использует печаль как признак нарушения нормы.

Подобная эмоция, как стыд, во многом предопределяет поведение, которое может соответствовать или не соответствовать культурным нормам. В западной культуре стыд – негативная и разрушительная эмоция: при переживании стыда люди стремятся отстраниться и ограничить общение. В восточной культуре стыд – положительная эмоция и ассоциируется со скромностью, означающей, что человек знает свои ограничения.

Эмоции универсальны, но они связаны с культурными различиями, что означает иную оценку, и иное сопровождение, и изменение ее смысла. Важным достижением для людей, переживших несколько эмоциональных проявлений, представляется способность к выбору. Естественно, эмоции создаются людьми и среди людей, и пережитый стыд, например, в разных культурах, имеет то преимущество, которое заключается в возможности выбора. Например, не превращать стыд в гнев (актуально для западной культуры, поощряющей индивидуальные амбиции), а отстраниться от амбиций, независимости и принять их.

Искусство зависит от эмоций. Именно романтизм стал известным художественным течением, провозгласившим эмоции основой искусства, жизни. Свобода чувств и свобода художников были востребованы, считая, что «чувство художника – его закон» (Каспар Давид Фридрих). Подлинное

произведение искусства – это то, что исходит из воображения художника, не испорченного академическими правилами живописи. Творец, представляемый как гений, создает произведение из ничего. В реальности же большинство романтических произведений тесно связаны с их создателями, их личными переживаниями и эмоциями.

В произведениях представители романтизма достигли такого уровня экспрессии, что обожествляли героев, их эмоции и чувствительность. Романтизм прославляет индивидуализм и эмоции, идеализирует природу и историческое прошлое, но при этом эмоции для них были поистине источником эстетического опыта, подчеркивая такие чувства, как любовь, смерть, честь, долг, страх, ужас или благоговение, включая возвышенное и красоту природы.

Посредством общедоступных художественных средств общество формирует культурную модель. При помощи искусства общество может внедрять эмоциональные стандарты, нормы поведения, политические идеи или ценности любого рода [Альба-Хуэс 2018]. Начиная с отдельных людей искусство, как никакое другое средство массовой информации, может дойти до масс и побудить их «двигаться» в определенном направлении. Поскольку истоки романтизма были близки к зарождению Французской революции, представители романтизма были политически и культурно активны. Как следствие, они приписывали высокую ценность индивидуальному критическому мышлению, направленному против власти (будь то политическая или художественная), и пропагандировали «героические» индивидуальные достижения, направленные на улучшение качества общества.

В литературе Эдгар Аллан По и Натаниэль Хоторн в основу романтических творений ввели психологию человека. В сочетании с важными мотивами немецкого романтизма, как путешествия, природа и мифология, представители романтизма способствовали развитию детской литературы, сделав ее доступной в самых разных формах – от книг до уличных театров, что стало особенно важным в рамках стремления движения повысить социальные стандарты [Kurolenko 2011].

В произведениях искусства заложена способность переносить в реальные и вымышленные ситуации. Визуальный опыт может вызвать эмоциональное возбуждение. В процессе чтения книги мы можем поглощать ее страницы, в то время как адреналин поднимается вверх, поскольку мы взволнованы ее содержанием [Zotova 2015]. Создается впечатление, что мы отождествляем себя с героями книги и начинаем жить их жизнью. Искусство является важным средством выражения убеждений, передаваемых внутри определенного общества через школу, семью, друзей и знакомых людей, формируя эмоциональное поведение в повседневной жизни. Результат не может быть классифицирован как хороший или плохой, он просто другой. Разнообразие – лучшее слово для описания этого мира, мира, который приветствует красоту быть другим.

Литература

Альба-Хуэс Лаура. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход / Лаура Альба-Хуэс, Т.В. Ларина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1.

Blinnikov G.B. Conceptualization of the Sensory Experience: A Frame-Based Approach / G.B. Blinnikov // Psychology in Russia. – 2019. – № 1.

Kiyokazu Nakatomi. Philosophy of nothingness and love / Kiyokazu Nakatomi // Biocosmol. – neo-Aristot. – 015. – № 1.

Kurolenko Y.M. An Aesthetic Experience and Kulture of a Person / Y.M. Kurolenko // Журнал СФУ. – Гуманитарные науки. – 2011. – № 4.

Lavrova N. Semantic and cognitive structure of emotion states love, lust, infatuation, passion / N. Lavrova // Journal of Language and Education. – 2015. – № 4.

Tao Lin. On the complex emotion: be physiological, cognitive or situated? / Tao Lin, Tang Haijun, Zou Mingzhuo // Wisdom. – 2018. – № 1 (10).

Xiuhua Zhang. The mind in process: meaning of Chinese Philosophy of mind on mind Ecology Studies / Xiuhua Zhang, Jingyuan Liu // Biocosmol. Neo-Aristot. – 2015. – № 1.

Yus Francisco. Attaching feelings and emotions to propositions. Some Insights on irony and Internet communication / Yus Francisco // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1.

Zotova O.Yu. Emotional security of people / O.Yu. Zotova // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 9.

Траектории обновления концептов

*концепт, алгоритм обновление концепта,
траектория обновления концепта*

Представлены авторские алгоритмы обновления концептов в соответствии с двумя траекториями: социумно-ориентированной и индивидуально-личностной траекторией. Обоснованы принципы качественного обновления научных концептов и количественного обновления художественных концептов.

Исследование концептов в диахронической плоскости выявило существование явления *обновления концептов*, под которым понимается «перманентный процесс изменения состава номинативных полей концептов вследствие увеличения количества номинантов или замещения устаревших номинантов новыми, репрезентирующими развитие социумного и индивидуально-личностного аспектов бытия» [Огнева 2022: 76].

Процесс обновления концептов происходит по двум типам траекторий: социумно-ориентированные траектории и индивидуально-личностные траектории.

Концепты, актуализированные в социуме, составляют национальную концептосферу языка, поэтому в социумно-ориентированных траекториях обновления концептов функционируют лингвокультурные конструкты и базовые дискурсивные конструкты социума. Концепты, актуализированные в сознании отдельно взятой языковой личности, составляют индивидуальную концептосферу, реализуемую как часть общей национальной концептосферы, поэтому в индивидуально-личностных траекториях обновления концептов задействован эгоцентрический механизм коммуникации, под которым предлагается понимать отстраивание личностного механизма концептуализации мира от социумной концептуализации мира.

Функционирование каждой из указанных траекторий обновления концептов обусловлено внешними и внутренними факторами реализации процесса когниции. В социумно-ориентированной траектории обновление концептов происходит преимущественно под воздействием внешних факторов, что не исключает внутрисоциумного механизма воздействия на номинативные поля концептов.

В индивидуально-личностной траектории обновления концептов преобладают эгоцентрические внутренние факторы трансформации номинативных полей, что не исключает внешних воздействий социума на

когницию, реализуемую языковой личностью. Эгоцентрические внутренние факторы трансформации концептов сопряжены с процессом функционирования первичных языковых образов в условиях, равных «новым дискурсивным ситуациям речепорождения» [Алефиренко 2021: 11].

Обновление концептов по индивидуально-личностной траектории осуществляется с большей скоростью, чем обновление концептов по социально-ориентированной траектории, что обусловлено быстрым увеличением номинативных полей индивидуальных концептов в процессе обучения и развития языковой личности, поскольку номинативные поля индивидуальных концептов более динамичны. Следовательно, процесс обновления концептов обусловлен типом концептов. Детальное исследование двух траекторий обновления концептов показывает следующие данные.

Траектория социально-ориентированного обновления концептов

Как было сказано выше, в данной траектории функционируют лингвокультурные конструкты и базовые дискурсивные конструкты социума, которые состоят из обыденных когнитивных конструктов (жизнь, любовь, дружба, вражда) и бытовых когнитивных конструктов, выступающих в роли проекции научно-технического прогресса (мобильный телефон, компьютер). Отличительной чертой данных концептов является то, что не только периферия номинативных полей, но и их ядерные компоненты подвержены трансферу из научного дискурса в обыденный. В процессе данного трансфера социум не влияет на процесс проникновения научных концептов в его концептосферу, влияние социума на динамику обновления концепта осуществляется после проникновения этого типа концепта в концептосферу социума посредством увеличения количества номинантов в номинативных полях.

Возникновение научного концепта в социуме происходит опосредованно на основе «cognitive mechanisms» [Babina 2020: 10] / «когнитивных механизмов».

Лингвокультурные концепты социума обновляются, функционируя в художественном дискурсе и в искусствоведческом дискурсе в соответствии с «respond to social demands» [Solovyev et al. 2023: 5] / «ответами на запросы общества». В художественном дискурсе обновление художественных концептов осуществимо в процессе перехода текстовой модели мира, сформированной писателем, в коммуникативную ситуацию выстраивания текстового мира, который «в равной степени творится читателем и автором» [Даниленко 2022: 183].

Выявлено, что обновление номинативных полей научных концептов, проникших в дискурсивную концептосферу социума, осуществляется с большей динамикой, чем обновление лингвокультурных концептов, что объясняет принципы функционирования проекции технического прогресса в лингвальной платформе сознания.

Траектория индивидуально-личностного обновления концептов

Данный тип траектории обновления научных концептов осуществляется по темпоральной амплитуде обновления, под которой предлагается понимать максимальную активизацию процесса обновления номинативного поля концепта, проникшего не только в социумную концептосферу, но в концептосферу отдельно взятой языковой личности. Достигнув наивысшей точки активизации обновления концепта, его номинативное поле стабилизируется. Предлагается определять наивысшую точку активизации обновления концептов следующим образом: количество номинантов концепта, поделенное на условно заданный период времени, сопоставляется с результатом деления количества номинантов на следующий условно заданный период на темпоральной оси. Например, количество номинантов концепта делится на количество месяцев в одном году, затем количество номинантов концепта делится на количество месяцев в следующем году. Для траектории индивидуально-личностного обновления концептов предлагается выбрать периоды с шагом в 5 лет, в то время как для траектории социумно-ориентированного обновления концептов предлагается выбрать периоды с шагом в 10 лет.

Оба типа траекторий обновления концептов состоят из n -количества субтраекторий. Количество и наполняемость номинантами данных траекторий обусловлено типом концепта, тематикой ядра номинативного поля концепта.

Обновление концептов осуществляется по двум алгоритмам. При первом алгоритме новые номинанты, в силу их значимости и высокой частотности употребления, появляются в зоне ближней периферии концепта как это произошло с «ковидной» лексикой, закрепившейся сразу в зоне ближней периферии бинарного концепта *жизнь/смерть* за краткий промежуток времени.

При втором алгоритме обновления номинативных полей концептов новые номинанты появляются на крайней периферии и перемещаются через зону дальней периферии в зону ближней периферии поля. Данный алгоритм процесса обновления концептов «заложен в основу функционирования окна Овертона как при социумно-ориентированном обновлении, так и при индивидуально-личностном обновлении» [Огнева 2022: 79].

Из двух предложенных алгоритмов обновления концептов преобладает второй алгоритм. Выявлено, что обновление концептов может быть произвольным процессом и управляемым процессом. И в первом, и во втором случае важно отследить темпоральную амплитуду, которая позволяет спрогнозировать активность обновления концептов по каждой из рассмотренных траекторий.

Рассмотрение двух траекторий обновления номинативных полей концептов позволяет спрогнозировать возможности управления процессом обновления концептов.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания / Н.Ф. Алефиренко // Гуманитарные исследования, 2021. – № 4 (80). – С. 10–18.

Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах / И.А. Даниленко // Слово, высказывание текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч.; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2022. – С. 183–186.

Огнева Е.А. Технология обновления концепта / Е.А. Огнева // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2 (49). – С. 75–80.

Babina L.V. Nose movements: peculiarities of conceptualization and interpretation / L.V. Babina // Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019); Orenburg State University. – London, United Kingdom, 2020. – С. 9–19.

Solovyev V.D. Discourse complexity: driving forces of the new paradigm / V.D. Solovyev, M. Dascalu, M.I. Solnyshkina // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 4–10.

Основные механизмы генерирования ИИ фейковой информации в современном медиапространстве

искусственный интеллект (ИИ), манипуляция, фейк, нейросеть, медиапространство

В современном мире проблема генерирования и распространения фейковой информации становится все более актуальной, поскольку фейки в значительной степени влияют на формирование реакции социума на те или иные явления общественной и политической жизни.

Актуальность исследования способов создания и распространения фейковой информации не вызывает сомнений, так как понимание и осмысление этих механизмов поможет обществу осмыслить способы и методы борьбы с распространением и производством фейковой информации.

Цель доклада состоит в попытке исследовать влияние основных механизмов генерирования фейковой информации на социум в современном медиапространстве.

На протяжении всей своей истории человечество существует в многозначной и противоречивой среде, в которой происходят глобальные «цивилизационные сломы» (термин Т.В. Черниговской), например, падение и исчезновение развитых цивилизаций древности. Однако именно в современную эпоху такие социально-политические изменения происходят стремительно, что влечет за собой трансформацию общественных, нравственных, этических ценностей, поскольку исчезает способность верификации правды, так как «проверить» правдивость тех или иных утверждений представляет определенные сложности в том числе и для экспертов, не говоря уже об обывателе. Отчасти именно поэтому широкое распространение в медиапространстве получила фейковая информация.

В этом исследовании мы предлагаем разделить генерирование фейковой информации на «традиционные» и «инновационные» способы и техники создания и распространения.

В современных исследованиях широко представлены «сценарии» создания и распространения фейковой информации. Самыми распространенными «традиционными» фальсификациями являются манипуляции с фотографиями, видео трюки, подтасовка фактов, выступления различных псевдоэкспертов, манипуляции с данными, ссылка на «уважаемые» СМИ и т. д.

К «инновационным» способам и техникам создания и распространения фейковой информации относится так называемый дипфейк «deep

fake». Дипфейки представляют собой манипулируемый визуальный контент, который создается искусственным интеллектом (ИИ) с помощью генерирования ложного звукового ряда и изображений (визуальные картинки), транслирующих «реальную» информацию. Как правило, реальные события и люди в данном визуальном контенте подменяются подобным ложным контентом, который достаточно сложно идентифицировать как фейковый.

Технологии усовершенствования ИИ развиваются настолько стремительно, что «фальшивки» распознавать становится все труднее. Так, к примеру, ученые из Вашингтонского университета и Института Аллена, работающие в области исследования ИИ, смогли создать нейросеть, автоматически генерирующую фейковую информацию, которую трудно отличить от правдивой.

Суть эксперимента заключалась в том, что в нейросеть загрузили паттерны, содержащие тексты «Wall Street Journal», в которых были учтены лексико-стилистические особенности стиля современной журналистики, научив тем самым ИИ «писать» новостной материал. ИИ сгенерировал материал о добыче полезных ископаемых на Луне, который невозможно отличить от оригинальных статей в «Wall Street Journal» [Искусственный].

Другая проблема, связанная с использованием нейросетей, заключается в том, что задача, которую ставит пользователь перед нейросетью, не всегда имеет адекватное решение. Так, к примеру, специалистам по ИИ известен термин «галлюцинация», который подразумевает то, что, если ИИ не способен решить задачу, не знает ответа на вопрос и пр., он «сочиняет» правдоподобный ответ и тем самым вводит в заблуждение пользователя, при этом такой «ответ» может содержать элементы правдивой информации, чтобы придать информации максимально правдоподобный вид.

Таким образом, масштаб возможностей генерирования и распространения ложной информации поистине не имеет границ, что, бесспорно, может иметь весьма существенные последствия.

Так, к примеру, ИИ был нами введен запрос: «Подбери литературу по теме: “Проблема времени в произведениях У. Фолкнера”. Книги и статьи, вышедшие в печать после 2015 года». Мы получили список из 10 наименований (см. рис. 1).

1. "The Temporal Poetics of William Faulkner" by Hans J. Staats (2015)
2. "Faulkner and Time: Faulkner and Yoknapatawpha, 2015-2016" edited by Jay Watson and Ann J. Abadie (2015)
3. "Time in Faulkner's Fiction" by Philip M. Weinstein (2015)
4. "Time and Timelessness in William Faulkner" edited by Emir Ülgener (2016)
5. "William Faulkner: Time and Myth" edited by Clark Blaise and A. A. Devy (2017)
6. "Faulkner's Temporal Landscapes: Personal and Political Time in His American Fiction" by Dominique Pitavy-Souques (2017)
7. "Time and Modernism in Faulkner, Woolf, and Moore" by Cristanne Miller (2017)
8. "The Sounds of Slowness: Faulkner's Temporal Imaginary" by Aric Putnam (2018)
9. "Faulkner and Formalism: Returns of the Text" edited by James Grimshaw, W. L. Howatson, and Joanna P. McAfee (2019)
10. "Memory in Motion: Reckoning with Time in Faulkner, Woolf, and Nabokov" by Hanna Roman (2019)

Рис. 1. Список литературы по запрашиваемой теме

Как видим из примера, список, на первый взгляд, кажется вполне «реальным». Однако при проверке на «подлинность» оказалось, что данный список является примером «галлюцинации» ИИ, тем более что издательства вполне реально существуют и, таким образом, реципиенту предлагается 99 % фейк, из 10 наименований – 9 оказались фейками.

В заключение отметим, что, к сожалению, использование возможностей ИИ для генерирования фейков и, соответственно, варианты языкового манипулирования социумом, остановить в данный момент не представляется возможным, да и можно ли вообще остановить этот процесс? Распознавание ложной информации становится все более сложным, что, как мы полагаем, будет иметь негативные последствия.

Литература

Искусственный интеллект научился делать натуральные фейковые новости. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4126694> (дата обращения: 01.09.2023).

Использование нейросетей с целью языкового манипулирования в политическом медиадискурсе

*языковое манипулирование, политический медиадискурс,
искусственный интеллект, нейросеть, фейковые новости*

В последнее время с созданием искусственного интеллекта замечается его проникновение во многие сферы жизнедеятельности человека. *Актуальность* исследования определяется внедрением нейросетей для манипулирования обществом и его дезинформирования. *Цель доклада* – рассмотреть, как нейросети используются для манипуляции мнением общественности в политике и какие риски это несет.

Использование искусственного интеллекта в политике может привести к манипуляции общественным мнением, подмене фактов и искажению правды. Например, нейросети могут генерировать фейковые новости и распространять таким образом ложную информацию.

Доктор биологических и филологических наук Т.В. Черниговская приходит к умозаключению, что естественный интеллект проигрывает искусственному, поскольку последний очень быстро обучается [Опасные].

Люди не могут полностью осознать, на что способен искусственный интеллект. В какой степени он манипулирует сознанием человечества и лжет, остается неизученным на данный момент.

При работе с искусственным интеллектом важно опираться на этические соображения, поскольку:

- нейросети могут произвольно увеличивать необъективность информации, что приведет к несправедливым результатам;
- нейросетям часто необходимы массивы данных для эффективного обучения, что вызывает опасения по поводу их конфиденциальности и защиты;
- нейросети и системы искусственного интеллекта могут постепенно заменять определенные рабочие места.

А. Чичулин полагает, что необходимо исключить использование искусственного интеллекта в такой сфере, как манипулирование информацией [Чичулин 2023].

По мнению О.Е. Аграшевой, манипулирование – это воздействие, позволяющее подчинить чью-то волю с помощью использования некоторых приемов [Аграшева 2017].

Манипуляция общественным мнением в политике происходит с помощью СМИ, социальных сетей, публичных выступлений, а также фейковых новостей.

Т.В. Черниговская полагает, что нейросети чаще всего используются для создания фейковых новостей. Проверить правдивость информации может только специальная экспертиза, так как отличить правду от вымысла не представляется возможным на сегодняшний день [Естественный].

Фейк представляет собой искаженную информацию. По мнению Е.Г. Лебедевой, информацию называют правдивой, если она базируется на реальных фактах, которые можно доказать [Лебедева 2021].

По определению, данному Cambridge Dictionary, «фейковые новости – ложные истории, которые кажутся новостями, распространяются в интернете или других СМИ; обычно создаются для влияния на политические взгляды людей или в качестве шутки» [Cambridge].

В нашем исследовании мы будем придерживаться данного определения фейковых новостей, раскрывая аспект ложной информации.

В качестве эмпирической базы нашего исследования мы проанализировали массивы данных в британской газете The Guardian.

Наше исследование было проведено двумя способами: машинным и лингвистическим анализами.

Чтобы провести машинный анализ мы воспользовались сервисом Google Collab и кодом для распознавания фейковых новостей, написанным Chat GPT. В качестве ключевых фраз для определения фейка были выбраны: conspiracy (заговор), copartnership (причастность), government (правительство), revenge (месть), murdered (убит).

В газете The Guardian представлена новостная статья от 24.08.2023 под названием “Biden points finger at Putin as Prigozhin’s reported death seen as a warning to ‘elites’” («Байден указывает пальцем на Путина, поскольку сообщение о смерти Пригожина рассматривается как предупреждение “элитам”») [Biden]. Google Collab на основе представленного Chat GPT кода делает вывод о том, что новость фейковая. Результаты машинного анализа совпадают с результатами лингвистического.

В тексте присутствует отсылка к компетентному лицу, не имеющему отношения к данному сообщению (в данной новости говорится о том, что Джо Байден указал на вину российского правительства в гибели Евгения Пригожина, однако в его официальном заявлении говорится: *“I don’t know for a fact what happened <...>.”* («Я точно не знаю, что произошло <...>») [President].

Для проверки нашей гипотезы о наличии конспирологических теорий в большинстве иностранных новостей для создания антироссийской пропаганды в мире и манипуляции мнением людей мы ввели в Chat GPT некоторые кодовые слова для определения фейка. Запрос выглядел следующим образом: «Сгенерируй текст по ключевым словам: Евгений Пригожин, лидер группы Вагнер, крушение самолета, российское правительство, месть, 23 августа».

Мы получили следующий сгенерированный текст:

«По некоторым данным, есть предположения о причастности российского правительства к крушению самолета, произошедшему 23 августа. Некоторые политические оппоненты утверждают, что это мог быть умышленный акт, направленный на устранение оппозиционно настроенных бизнесменов и политиков, включая лидера группы Вагнер Евгения Пригожина. Однако эти утверждения пока не подтверждены и требуют дальнейшего расследования. Президент Путин отрицает любое участие правительства в этом происшествии и обещает тщательное расследование случившегося. Возможно, это была попытка мести со стороны оппозиции, но пока нет никаких доказательств, подтверждающих эту версию».

Как можно заметить, данный текст идентичен основной идее приведенной выше статьи. Таким образом, можно сделать вывод о причастности нейросетей к генерированию зарубежных политических новостей.

По мнению А.В. Атанесяна, вместо журналистского расследования часто используется непроверенная информация, содержащая слухи и теории заговора [Атанесян 2022], – таким образом происходит продвижение чьих-то политических интересов через воздействие на общественное мнение. В подобных новостях содержание убеждения превышает информативность. Рассмотренные нами новости созданы с целью распространения антироссийской пропаганды в мировом сообществе.

Литература

Аграшева О.Е. Речевые манипуляции в политическом дискурсе США / О.Е. Аграшева // Огарёв-Online. – 2017. – № 10 (99). – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/rechevye-manipulyacii-v-politicheskom-diskurse-ssha>. (дата обращения: 04.11.2023).

Атанесян А.В. Опыт определения и типологии «фейковых новостей» / А.В. Атанесян // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Том 11. – № 5. – С. 55–67.

Естественный и искусственный интеллект. Татьяна Черниговская. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X9rz10vgQnQ&t=202s> (дата обращения: 04.11.2023).

Лебедева Е.Г. Фейковые новости как инструмент манипулятивного воздействия в медиасреде / Е.Г. Лебедева // Universum: филология и искусствоведение. – 2021. – № 3 (81). – С. 4–7.

Татьяна Черниговская. Опасные нейросети. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FABVojDToj8> (дата обращения: 04.11.2023).

Чичулин А. Neural networks guide. Unleash the power of Neural Networks: the complete guide to understanding, Implementing AI. / А. Чичулин. – Екатеринбург: Издательские решения, 2023. – 116 с.

Biden points finger at Putin as Prigozhin's reported death seen as a warning to 'elites'. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/aug/24/wagner->

boss-yevgeny-prigozhin-reported-killed-death-russia-biden-suggests-putin
(accessed: 09.11.2023).

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 06.11.2023).

President Biden on The Death of Yevgeny Prigozhin. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hdali3euaSw> (accessed: 09.11.2023).

К вопросу о прагматической нагрузке частиц удмуртского языка

когнитивный подход, прагматическая нагрузка, частицы

Целью данной статьи является изучение прагматической нагрузки частиц удмуртского языка с учетом прагматической и когнитивной парадигм исследования. Материалом для исследования выступают сказки удмуртского народа.

Отмечается, что прагматический аспект выявляет воздействующий потенциал частиц удмуртского языка, выделяя их прагматические характеристики, а когнитивный подход позволяет рассмотреть высказывания с частицами, объясняя их языковую способность, что позволяет расширить границы детального анализа языковых явлений.

Потенциал частиц рассматривается в настоящем исследовании с точки зрения прагматического подхода, который выступает одним из эффективных при анализе языковых явлений.

Прагматика рассматривается в ее узком понимании и представлена как интерпретация языковых единиц, формальная и содержательная стороны которых зависят от экстралингвистических факторов [Степанов 1981; Апресян 1988; Падучева 2000; Тетова 2012].

Что касается частиц удмуртского языка, в соответствии с их основными функциями, они подразделены на соответствующие группы:

1) частицы, придающие дополнительные смысловые оттенки значениям слов или предложений; 2) частицы, выражающие модальные и модально-волевые оттенки; 3) частицы, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки; 4) частицы, выполняющие словообразующую или формообразующую функцию [Перевошиков 1962: 338].

Каждая из представленных групп может быть разделена на несколько подгрупп. Особенно богаты и разнообразны по своим функциям частицы первой и второй групп.

В данной работе рассмотрим частицы первой группы, придающие дополнительные смысловые оттенки значениям слов или предложений.

Эта группа частиц по своим функциям делится на следующие подгруппы:

1. Указательные частицы (**тани** «*вот*», **тӱни** «*вон*», **вот** «*вот*»). Их употребляют для указательного выделения значения тех слов, к которым они относятся [Перевошиков 1962: 338; Кибардина 2012: 73].

Частица **тани** указывает на что-нибудь ближнее, а **тӱни** – на дальнее. Данные частицы могут выражать подытоживающее значение, с эмоциональной окраской. Примеры:

– Умой, – шуэ атас, – мыныны мыно но, огнам мынэме уг луы: мынам эше вань.

«**Тйни** кыче удалтйз мыным!» – малпаз жичы. – Одыг атас интыекы-клуоз».

– Нош кытын-о тынад эшед? – юажичы. – Мон сое но куноеётё.

– **Тани** гыркын көлэ, – шуэ атас.

– Хорошо, – говорит петух, – идти то пойду, но один не могу: у меня друг есть.

«**Вот** мне повезло!» – подумала лиса. – Вместо одного будет сразу два петуха».

– А где же твой друг? – спросила лиса. – Я и его в гости позову.

– **Вот** спит где-то, – говорит петух.

2. Выделительно-ограничительные частицы (**гинэ** «только», **ке но** «хотя», **коть** «хоть, хотя»). При помощи этих частиц выделяется слово в предложении или придается ограничительный оттенок тому слову, группе слов, к которым они относятся [Перевошиков 1962: 338; Кибардина 2012: 73]. Частица **гинэ «только»** употребляется в постпозитивном положении с любой частью речи:

Гондыр малпа: «Тае мыжгом-а меда, чапком **гинэ**-а меда». Озы жёлмаса улыкуз, Котофей Иваныч солэн ымныраз вутскем ни. Жабыр-абыр кормам. Гондыр чидамтэ ни, пег ем.

Медведь думает: «Или ее ударить, или **только** шлепнуть». Так думая об этом, Котофей Иваныч задел ее лицо. Сильно царапнул. Медведь не выдержал, убежал.

Частица **ке но** может употребляться с любой частью речи. Она выделяет в речи единственно возможное при данных условиях: предмет, количество, признак, действие, придает оттенки уступительности, согласия. В предложении стоит всегда после того слова, к которому относится:

Жичы пумитаз вазем:

– Пелё уром! Пелё уром! Одыгзэ **ке но** пидэ сёт вал! Ёд ке сёт, тубыса но сиё, пужымдэ но корало. Тубоно ке – кий вань, корано ке – тйре вань.

Лиса ответила:

– Приятель! Приятель! Отдал **хотя бы** одного сына! Если не отдашь, подымусь и съем, и сосну срублю. Если подняться – руки есть, если срубить – топор есть.

3. Усилительные частицы (**но** «и, же, тоже», **ик** «же», **бен** «же, так», **ведь**, **ук** «ведь», **уго**, **угось** «ведь», **ке** «так»).

По своим функциям усилительные частицы близки к выделительно-ограничительным. Они придают тончайшие оттенки значениям тех слов или предложений, к которым они относятся, и придают им особую силу выразительности и убедительности. Примеры:

Мыно соос, мыно. Нунал, кык нунал мыно. Съоразы басътэм сиёзы быриз. Сиёмзы потыса жуммизы. Мырдэм гинэ шонйпанй вамышъяло на.

– Э, агае, макем мынам сиеме потэ! – жождтське покчиез.

– Мынам **но** потэ! – шуэ нодэсэз.

Идут они, идут. День идут, два дня идут. Еда, которую брали с собой, закончилась. Устали от того, что есть хотят. Еле-еле шагают.

– Э, брат, как мне хочется есть! – жалуется младший.

– **И** я хочу! – говорит старший брат.

В удмуртском языке очень распространена частица **ик** «же, уж, и»:

Крестьян, нош ик йырберзэ кормаса, со шоры оскытэк учкем.

– Ойтөд, ма карыны **ик** ёрмисько: басьтоно-а, өвөл-а тонэ.

Крестьян, опять почесав затылок, недоверчиво посмотрел на него.

– Не знаю, что **и** делать: купить тебя, или не надо покупать.

Частица **бен «же»** чаще всего выступает в вопросительных предложениях, усиливая значение вопроса. Примеры:

Васькемез бере агайёсыз юало талэсь:

– Мае **бен** отысь адзид? Кулэтэм интые юнме бызьылйськод.

– Отын кин ке из поттэ. Кинзэ-марзэ ой тоды, – шуэм Петыр.

После того как он спустился, братья спрашивают его:

– Что **же** ты там увидел? Напрасно бегаешь туда, куда не надо.

– Выходит там, кто-то камень обрабатывает. Что конкретно, не знаю, – сказал Петыр.

Частица **бен** может усиливать выразительность отрицательного риторического вопроса. Например:

Гөршоклы мумиз туж шумпотйз. Кыззы **бен** уд шумпоты! Кидэ но уд йөттылы – жук котьку дась луоз.

Горшку очень обрадовалась мать. Как **же** не радоваться! И руки не приложишь, каша всегда будет готова.

Частицы **ук** «ведь, же», **ведь** «ведь», **уга, уго, угось** «ведь», **чик** «совсем» характеризуются тем, что они не только усиливают значение отдельного слова, но и вносят в его содержание дополнительные смысловые нюансы утверждения, убеждения и т. д.

Петыр мешокысьтыз ачиз корась тйрзэ поттэ но тыпые чогыса косэ:

– Кора, тйре!

Тйркутскем **ук** кораны!

Петыр вынимает из мешка топор-саморуб и просит:

– Руби, топор!

И как начал топор рубить!

Усилительные частицы **ведь, же** выступая в предложении с другими частицами, способствуют большей выразительности высказывания.

Школаос асьмелэн пөртэмесь ук. Одыгаз дыето лыдзиськыны, гождь-яськыны, лыдъяськыны. Мукетаз – ужаны... Нош таиз школа кычелуоз? Дунне вылын нокытын но таёе школа ой вал **на ведь!**

Ведь у нас школы разные. В одной учат читать, писать, считать. В другой – работать...? Но а эта, какой будет? И **ведь** еще нигде в мире не было такой школы.

4. Усилительно-соотносящие частицы (**ини, ни** «уже, уж»).

Одной из характерных черт частицы *ини* (*ни*) является ее широкая сфера использования в речи. Употребление ее обычно связано с усилением значения сказуемого и наречно-обстоятельственных слов. В противоположность частице **на**, вносящей оттенок незавершенности действия, она указывает на законченность действия, на обязательность или необходимость, желательность его совершения. Примеры:

Адямиез адзъыса, со адями сямен вераськыны кутскем:

– Адями уром! Монэ татысь поты вал, бырисько **ни**.

Адями сое жалям.

Увидев человека, он начал говорить по-человечески:

– Приятель! Забрал бы меня отсюда, погибаю **уже**.

Человек его пожалел.

Кышномуртлэн важез потэм.

– Кызъы со бертоз **на**? Мар ишан вера та йөнтэм атас?..

Женщина обиделась.

– Как **же** еще он вернется? Что за беду предсказывает этот бесшабашный петух?..

В результате анализа можно сделать вывод, что частицы удмуртского языка реализуют иллюкутивные возможности когнитивных моделей в речевой коммуникации и способны подчеркивать контекстную зависимость их значения [Ошанова 2022].

Таким образом, проанализированные в данной работе частицы удмуртского языка оказывают определенное воздействие на адресата, формируют воздействующий потенциал высказывания и являются частью когнитивных процессов, происходящих в сознании человека.

Литература

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности / Ю.Д. Апресян. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1988. – С. 121–144.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / редкол.: П. Перевощиков. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 376 с.

Кибардина Т.М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Монография / Т.М. Кибардина. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 208 с.

Моргун Е.А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов / Е.А. Моргун // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 55–57.

Ошанова Е.С. Анализ сочетаемости модальных частиц для выявления их полифункциональности В сборнике: Научное наследие В.А. Бого-

родического и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. труды и материалы международной конференции / Е.С. Ошанова: в 2 т. – Казань, 2022. – С. 100–102.

Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем / Е.В. Падучева // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб. ст. РАН Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395–418.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. – № 4. – Т. 40. – С. 325–332.

Тетова Л.В. Прагма-когнитивный подход к изучению американских политических блогов. Университетские чтения / Л.В. Тетова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – Ч. III. – С. 62–66.

Вуюись. Покчи нылпиосы хрестоматия. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 212 с.

Когнитивно-прагматический и ценностный подход К формированию квалификационного переводчика

*переводческие приемы и техники, прагматика перевода,
стилистика перевода, языковая картина мира, языковые лакуны*

Если рассматривать перевод исключительно как языковое посредничество, то акцент при переводе иноязычного текста смещается на соответствие перевода нормам переводного языка. Он включает цельное восприятие и понимание оригинального текста с дальнейшим выделением значимых в смысловой законченности языковых блоков, фокусирование на переводе идиоматических выражений, языковых лакун и прочих языковых трудностей [Песина и др. 2019а].

В статье предлагается **когнитивно-прагматический** подход к освещению важнейших направлений совершенствования деятельности переводчика, путей и направлений, способствующих формированию квалифицированного специалиста. В рамках данного подхода мы выделяем **рецептивно-продуктивный** вид профессиональной переводческой компетенции и **культурно-этический**. Первый фактор предполагает собственно профессиональные навыки переводчика, включая его подготовку и постоянное самосовершенствование. Во втором виде компетенций акцент делается на морально-этических характеристиках переводчика, на понимании того, что без понимания культурно-прагматической специфики систем двух языков, без учета психолингвистических особенностей носителей другой культуры процесс перевода оказывается механическим и поверхностным. Овладеть этой культурой только через структурные особенности языка и механизмы функционирования лексики невозможно. Должна осуществляться постоянная и важнейшая работа по самосовершенствованию [Песина и др. 2019б].

Так, решение прагматических задач перевода должно осуществляться на фоне активного устранения разногласий на национальной, расовой, религиозной, этнической, политической, гендерной и общекультурной почве.

Ниже приведены положения, которые помогут переводчику в совершенствовании его профессиональной деятельности.

✓ Он держит в голове информацию о том, кому именно предназначен переводной текст. Так, переводя скрипт мультфильма или детскую книжку, он использует понятную этой аудитории лексику и соответствующую стилистическую окраску.

✓ В этой связи важно напомнить, что хороший переводчик не вмешивается в содержание текста или диалога и тем более не способствует снижению стиля без каких-либо причин. Он понимает прагматические установки перевода, которые связаны с целью и условиями ситуации перевода.

✓ Грамотный переводчик уверенно владеет основными лексико-грамматическими правилами и нормами языка, соблюдает орфографические, пунктуационные, интонационные и другие нормы обоих языков. Он готов к несовпадению как отдельных значений и лексем, так и целых предложений и даже текстов [Pesina 2014; Pesina 2015].

✓ Хороший переводчик толерантен и осторожен в отношении религиозных, этнических, национальных и гендерных предпочтений людей, поскольку этически неверный лексический выбор переводческих трансформаций и соответствий может повлечь ухудшение или прекращение коммуникации. Он осознает, что в результате допущенной небрежности могут быть задеты чувства ее участников. Он знает, что всегда возможно снизить градус общения, используя более спокойную в стилистическом отношении лексику. Для этого есть специальные стилистические приемы по снижению эмоционального накала речи [Песина 2023]. Помнить об этом важно, так как в любой ситуации переводчик призван демонстрировать пример того, как необходимо «оставаться человеком».

✓ Квалифицированный переводчик любопытен в профессиональном плане, он постоянно пополняет свой словарный запас. Он знает, как это делать эффективно, например заучивая слова синонимическими рядами или заучивая глаголы в приложении к первому лицу, то есть к себе. Он постоянно работает над улучшением своей кратковременной памяти, которая задействована при последовательном переводе.

✓ Квалифицированный переводчик учитывает несовпадающую комбинаторику слов двух языков и не спешит заполнять языковые лакуны буквализмами. Он использует техники функционального перевода или описание при переводе безэквивалентной или окказиональной лексики.

Остановимся на проблеме буквализмов чуть подробнее. По мнению одних исследователей теории перевода, основной ошибкой при переводе, например, текстов художественного дискурса, которые изобилуют образной лексикой, лакунами, метафорами, сравнениями, является использование буквализмов. Оно приводит к тому, что вместо подходящего по смыслу значения слова берется главное или самое известное переводное значение. Согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, «буквализм – формальное следование чему-либо, строгое соблюдение внешней стороны в ущерб существу дела» [Ефремова 1996: 56].

С другой стороны, существует мнение о том, что использование буквализмов вполне возможно и ограничивать понятие «буквализм» неудачным воспроизведением форм подлинника нельзя [Миньяр-Белоручев 1980: 35]. Обычно буквализмы делят на *элементарные*, *семантические*

и *грамматические*. При использовании элементарных буквализмов устанавливаются ложные связи между сходными графическими и буквенными знаками двух языков в результате доминирования семантических компонентов сходного значения. В качестве примера можно привести французское слово «journal», которое сопоставимо по звучанию и по форме с русским «журнал». Сюда же можно отнести так называемые «ложные друзья переводчиков».

По нашему мнению, нет особой необходимости разграничивать элементарные и семантические буквализмы. Когда речь идет о семантике буквализмов, то это, как правило, не более чем отдельные слова или выражения, поэтому говорить об их элементарности или сложности не релевантно.

Грамматические буквализмы имеют место, когда в двух языках устанавливаются прямые ложные связи между способами выражения грамматических значений. При грамматических буквализмах сохраняются чуждые языку перевода грамматические структуры и формы.

Важно держать в голове переводные варианты для слов-культуронимов и лакун, не предполагающих наличие соответствующих реалий [Песина 2005; Юсупова 2019]. Приведем пример метафор-культуронимов в составе некоторых полисемантов: *распашонка* – трехкомнатная квартира с конфигурацией расположения комнат, напоминающей детскую распашонку, *маечка* – полиэтиленовый пакет в форме майки, *свечка* – одноподъездная высотка и т. д. Подобная лексика, иногда и безэквивалентная, отражает местный колорит природы и быт того или иного региона, в данном случае России.

Переводчик старается быть в курсе появления неологизмов и заимствований в самом подвижном слое лексики любого языка – молодежном сленге (например, чекать, чекиниться, чилить, орать, войсить, олды, ауф, хайп, жиза, токсик, краш, кринж и пр.).

Таким образом, переводчик, который серьезно и на постоянной основе занимается самосовершенствованием, учитывает нюансы культурно-прагматической адаптации, которой он фактически занимается в режиме non-stop. Она особенно важна в устном переводе. Ее учет позволяет снять конкретные проблемы непонимания, уточнение каких-либо важных для участников коммуникации нюансов и т. п. Культурная адаптация связана с национально-культурной спецификой когнитивной и языковой картин мира двух языков. Если в процессе перевода культурные особенности размываются или вовсе исчезают, то теряется большая часть смысла текста. Довольно часто стилистическую наполненность тексту дает именно культурная обусловленность.

Таким образом, цель переводчика состоит в том, чтобы, решая когнитивно-прагматические задачи перевода, продемонстрировать на высоком уровне профессиональные навыки, то есть владение рецептивно-продуктивной компетенцией, и одновременно не нарушить культурно-эти-

ческую составляющую переводческого процесса. Поскольку первой компетенции в научной литературе традиционно уделяется большое внимание, в рамках данного исследования акцент был сделан на важности понимания значения культурно-этической составляющей деятельности переводчика. Очень важно транслировать эти часто фоновые знания, и тогда перевод станет максимально комфортным для носителей иноязычной культуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

Литература

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, 2000.

Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1996. – 209 с.

Песина С.А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики (на материале английских существительных): дис. ... д-ра филол. наук / Песина Светлана Андреевна. – СПб., 2005. – 36 с.

Песина С.А. Использование кластерного подхода к описанию семантики слова для формирования лексической компетенции студентов бакалавров лингвистического направления / С.А. Песина, О.Л. Зимарева, Ю.Л. Вторушина // Перспективы науки и образования, 2019а. – № 1 (37). – С. 445–454.

Песина С.А. Формирование представления о вторичной языковой и концептуальной картинах мира у студентов-бакалавров, изучающих иностранный язык / С.А. Песина, Ю.Л. Кива-Хамзина, Н.А. Рубанова // Перспективы науки и образования, 2019б. – № 1 (37). – С. 180–189.

Песина С.А. Теория перевода / С.А. Песина // Учебник. М.: Флинта: Наука, 2023. – 300 с.

Юсупова Л.Г. Формирование семантической структуры многозначного слова / Л.Г. Юсупова, С.А. Песина // Казанская наука. – № 3. – Казань: Казанский Издательский Дом, 2019. – С. 75–79.

Pesina S. Polysemy and Cognition / S. Pesina, O. Latushkina // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015. – Vol. 192, 24. – P. 486 – 490.

Pesina S. New Ways of Vocabulary Enlargement / S. Pesina, T. Solonchak // International Science Conference. – Vol. 8. – No. 6. – Part XI, Venice, Italy, 2014. – P. 1000–1007.

**Речевое взаимодействие адвоката и свидетеля в испанском
юридическом дискурсе**

судебный дискурс, адвокатский дискурс, речевое взаимодействие

«Судебный дискурс представляет собой вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов и характеризуется высокой степенью аргументативности» [Дубровская 2010:10].

Одной из разновидностей судебного дискурса, является адвокатский, который характеризуется специфическими чертами и характеристиками, а именно: высокая частотность использования терминов, логичность построения речи, аргументативность и структурированность. [Гладко 2012: 12].

Основополагающей чертой адвокатского дискурса является воздействующая, то есть нацеленная на формирование у участников процесса определенного отношения к транслируемой адвокатом информации и, как следствие, достижение определенного прагматического эффекта, выраженного в оправдательном судебном акте. Можно сказать, что деятельность адвоката «характеризуется субъектом, который ее осуществляет; объектом, на который она направлена; средствами, способами и условиями деятельности; схемой деятельности, наличествующей в сознании субъекта (содержащей цели, представления о способах их достижения, о возможных результатах); реальными результатами» [Алексеев 1991: 18].

Таким образом, адресант сообщения (адвокат) в процессе интеракции ориентирован на реализацию определенных интенциональных установок. Адресат (свидетель, судья, присяжные заседатели) выступает, скорее, в роли объекта некоего воздействия, а зачастую это воздействие скрытое, то есть можно говорить о манипуляциях.

К задачам адвоката при допросе свидетелей со стороны обвиняемого относятся подача информации, переданной свидетелем под другим углом, с целью изменить мнение присяжных в нужном для себя направлении, выстроить линию допроса таким образом, чтобы участники процесса (судья, присяжные заседатели) усомнились в правдивости передаваемых сведений. При допросе свидетелей со стороны защиты, наоборот, требуется убедить участников процесса в том, что показания являются достоверными.

Допрос, как уже отмечалось ранее, представляет собой цепочку вопросно-ответных единств, и адвокат находится в ассиметричных отношениях с иными участниками процесса.

При этом существует неразрывная связь между формой вопросов, которые адвокаты используют на допросе, и прагматическим эффектом, который они желают достичь. Со своей стороны, исследования в психологии позволяют сделать вывод, что сами вопросы могут обуславливать полученный ответ.

Так, например, формулировка вопроса адвокатом:

«¿Ha mantenido con el acusado algún tipo de relación de sentimental o eran simplemente amigos?»/ «Были ли у нее какие-либо романтические отношения с обвиняемым или они были только друзьями?» заставляет исключать опрашиваемого какие-либо иные варианты, кроме представленных двух (романтические отношения или друзья).

Особенностями вопросов со стороны адвокатов, является то, что они не направлены на заполнение информационной лакуны в знаниях говорящего. Целью такого рода вопросов является не получение информации, а подтверждение знания, предварительно полученного адвокатом из других источников. Можно утверждать, что возникает явное нарушение прагматической пресуппозиции типичного информативного вопроса, так как адресат знает необходимую информацию, а место информационной лакуны занимает лакуна другого рода: говорящий, зная ответ на вопрос, желает, чтобы адресат произнес этот ответ в определенном месте и в определенное время, что превращает ситуацию «процедурного вопроса» в особый прагматический контекст, способный влиять на смысл всех связанных с ним речевых действий [Ларионова 2015: 51].

Уточняющий вопрос типа «¿Te acuerdas? ¿verdad que sí?», «Ты помнишь? Не правда ли?» представляет собой краткое предложение с вопросительным местоимением, которое помогает уточнить информацию, выделенную в предыдущем высказывании. В коммуникативном плане он очень похож на информативный вопрос.

Однако, учитывая особенности коммуникативной ситуации, можно говорить о том, что эмоциональная реакция, передаваемая с помощью уточняющих вопросов адвоката в данном случае, обеспечивает осознание у свидетеля того, что его высказывания полностью контролируются участниками процесса, подлежат оценке и документальной фиксации.

Применение адвокатами закрытых вопросов, подразумевающих ответ «да-нет», порой с их имплицитной настойчивостью, позволяет оказать наибольшее воздействие и контроль над свидетелями.

Основное коммуникативное назначение присоединенной вопросительной части заключается в данном случае в апелляции к адресату с целью получения его субъективной оценки предмета общения в форме согласия/несогласия.

Закрытые вопросы могут сопровождаться такими конструкциями, как «es cierto que», «puede ser que», «es verdad qué», указывающими на «истину», содержащуюся в самом вопросе.

В речи адвоката за этой конструкцией может скрываться прием, состоящий в отсылке на предыдущую речь свидетеля или другого лица, подтверждение которой необходимо. Таким образом, отрицание вопроса, по сути, означает отказ от предоставленной ранее информации.

Другой вид закрытых вопросов представляет собой вопросы, имеющие элемент отрицательной полярности, например: *No entró en el supermercado con un cuchillo?»* / «Вы не входили в супермаркет с ножом?» – сильно обуславливают ответ и содержат предполагаемое сообщение (я думаю, вы вошли в супермаркет с ножом).

При проведении нами анализа было выявлено, что чаще всего использование закрытых вопросов, имеющих элемент отрицательной полярности, характерно для стороны обвинения либо адвоката при допросе свидетелей со стороны обвинения. Такого рода манипулятивные приемы призваны, с одной стороны, получить информацию, а с другой – взамен ее предлагают новую информацию.

В заключение можно отметить, что ситуацию допроса свидетеля можно назвать иерархически структурированным прагматическим контекстом, в котором речевые акты являются составной – конституирующей – частью социального взаимодействия (ван Дейк 1989), образуя конвенциональную ситуацию, определяемую стереотипной последовательностью событий.

Прагматический эффект достигается различными манипулятивными приемами. Особую роль при этом играют формулировка вопросов и отбор лексических единиц.

Литература

Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение / А.П. Алексеев. – 1-е изд. - М.: МГУ, 1991. – 150 с.

Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / М.В. Ларионова. – 1-е изд. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2015. – 327 с.

Гладко М.А. Лексические средства реализации аргументирования в адвокатском дискурсе / М.А. Гладко // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 12–21.

Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2010. – 39 с.

Тематическая принадлежность и время издания новостного интернет-дискурса как факторы коммуникативной динамизации

новостной интернет-дискурс, образ-схема, динамическое событие

В данной работе устанавливаются особенности коммуникативной динамизации события [Ирисханова 2018] в дискурсе интернет-новостей, определяемые тематической принадлежностью дискурса – трансляцией событий первой полосы и событий сферы культуры, искусства, шоу-бизнеса (*hard news* и *soft news*) – и диахронической перспективой. Гипотетически с учетом общей тенденции к динамизации медиа [Ирисханова 1987; Добросклонская 2005] количество динамических событий в современных публикациях должно вырасти, однако особый интерес также представляет установление характеристик самих событий в структурных компонентах новости.

В качестве материала были отобраны 200 англоязычных сообщений из таких источников, как BBC, CNN, Reuters, the Guardian, Fox News, the Daily Mail, the Telegraph. Материал был собран с использованием ресурса Wayback Machine (<https://archive.org/web/>), который позволил рассматривать материал новостных сообщений в том виде, в котором он был опубликован в определенный момент времени, что важно для диахронического анализа; также использование ресурса позволило определить тематическую принадлежность новостных сообщений. К типу новостей первой полосы отнесены новости на острые политические, социальные и экономические темы, новости о катастрофах и крупных происшествиях; к новостям сферы культуры, искусства, шоу-бизнеса отнесены новости, которые публикуются на новостных сайтах в таких разделах, как Culture, Arts и Entertainment. В качестве материала были отобраны 100 англоязычных новостных сообщений первой полосы, а также 100 англоязычных новостных сообщений разделов «культура» и «развлечения». Каждое новостное сообщение из 200 отобранных далее было распределено в равной степени по пяти периодам (2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 гг.) для установления различий в конструировании события в новостных сообщениях двух типов в диахронической перспективе.

Дискурс новостного сообщения имеет довольно стабильную структуру, интегрируя заголовок, изображение, аннотацию (лид) [van Dijk 2009]. Для анализа событий в них применяется метод когнитивных образ-схем с опорой на их типологию, предложенную Л. Талми [Talmy 2000], которая может использоваться для изучения мультимодального или гетеросемиотического дискурса [Kress 2010], включающего как изображение, так и текст [Киосе 2021]. Основной единицей анализа

является простое предложение в тексте и кадр в изображении. Выделяются следующие измерения событий и следующие типы образ-схем, описывающие их: 1) статические события [STATIVE], динамические события [DYNAMIC] и потенциально динамические события [POTENTIALLY DYNAMIC] (выражающие вероятность и возможность осуществления действия, как в заголовке *Golden girl Denise Lewis to be a mother*); 2) события фактуального движения [FACTIVE] (которое может быть проявленным физически, как в примере *White Stripes announce 'split'*) и фиктивного движения [FICTIVE] (характеризующегося умозрительностью и метафоричностью, предполагающего изменение состояния); 3) события, в которых проявляются разные характеристики, например динамическое событие, которое предполагает движение [MOVE], направленное событие [MOVE + PATH], локализованное событие [MOVE + GROUND], событие с характерным способом осуществления движения [MOVE + MANNER].

Контрастивный тематический анализ материала выявил преобладание в количественном отношении динамических образ-схем фактуального движения в текстовом компоненте новостных сообщений тематики *hard news* в отличие от новостных сообщений тематики *soft news*, в которых сильнее проявлены динамические события фиктивного движения. Например, в заголовке *Flogging a dead horse* используется фразеологизм со значением *зря тратить силы* или же буквально означающий *стегать мертвую лошадь*. Характер события раскрывается в аннотации новостного сообщения *Record price for taxidermy art*, в контексте которого значение глагола *flog* определяется как «*быстро продать что-либо по низкой цене*».

В диахроническом аспекте отмечается возрастание динамики во всех трех рассматриваемых компонентах новостного интернет-сообщения. Заголовок характеризуется уменьшением сопряженности событий и малой их детализированностью в отличие от изображения и аннотации новостного интернет-сообщения данной тематики. Также определено увеличение количества потенциально динамических событий в аннотации. Исследование совокупного влияния тематического и диахронического факторов показало, что новости действительно характеризуются общим усилением динамики в диахронической перспективе, однако степень усиления динамики является более высокой в новостях тематики *hard news*.

Литература

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Ирисханова О.К. К вопросу об изменении динамики нарратива / О.К. Ирисханова // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных

статей к 70-летию В.З. Демьянкова / Отв. ред. В.В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2018.

Ирисханова К.М. Коммуникативные форманты стиля / О.К. Ирисханова // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1987. – Вып. 286. – С. 26–33.

Киосе М.И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент / М.И. Киосе. – М.: Р. Валент, 2021.

Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. – Routledge, London, 2010.

Talmy L. Toward Cognitive Semantics, Volume 1: Concept Structuring Systems. Volume 2: Typology and Process in Concept Structuring / L. Talmy. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Van Dijk T. A. News, Discourse, Ideology // Handbook of Journalism Studies. – New York: Routledge, 2009. – P. 191–204.

Когнитивная интерпретация лексемы «Sicherheit» со значением *Zustand des Sicherseins* в современных контекстах

*когнитивная интерпретация, когнитивная лингвистика,
словоупотребление, лексема «Sicherheit», когнитивные значения*

В современном изменчивом мире традиционные понятия, находящиеся в основе жизнедеятельности любого общества, претерпевают значительные изменения, что находит отражение в языке, в словоупотреблении этих ключевых понятий, в использовании их в том или ином контексте.

Одним из базовых понятий является понятие «безопасность», ключевое как для выживания человека, так и для общества в целом. Данное понятие стоит в центре исследования разных научных направлений.

В философии безопасность рассматривается как философская категория [Умрихина 2010], в психологии как «целостное интегральное качество личности» [Писарь 2008: 25], которое влияет на социализацию человека. В лингвистической науке понятие «безопасность» изучают с точки зрения концепта языкового сознания в той или иной культуре [Тынец 2020; Коршунова 2014]. Большой интерес представляет собой сравнение этого ключевого понятия в разных культурах. В 2021–2022 гг. нами было проведено исследование этого понятия с помощью методики свободного ассоциативного эксперимента, в ходе которого были опрошены носители русского и немецкого языков и отобраны их вербальные реакции на это слово-стимул. Данное исследование позволило выявить разницу в восприятии вышеупомянутого понятия у представителей разных культур [Смирнова 2022].

В рамках данной работы хотелось бы остановиться на обсуждении когнитивной интерпретации данной лексемы в немецком языке, в ядре которой заложены смыслы, касающиеся базовых понятий современного общества. Понятию «безопасность» в немецком языке соответствует понятие «Sicherheit». В толковом немецкоязычном словаре Duden [Duden-Bedeutungswörterbuch] находим несколько определений этому понятию, которые раскрываются в словарной статье. Первое определение звучит следующим образом: *Zustand des Sicherseins*,

Geschütztseins vor Gefahr oder Schaden; höchstmögliches Freisein von Gefährdungen, что в переводе означает *состояние безопасности, состояние защищенности от опасности или вреда; максимально возможная свобода от опасности*. Второе определение относится к состоянию определенности, уверенности в чем-либо и звучит в оригинале следующим образом: *Gewissheit, Bestimmtheit*. Дальнейшая дефиниция лексемы «**Sicherheit**», на наш взгляд, более детально определяет одно из этих

двух основных значений, которые особенно явственно проявляются в словоупотреблениях.

Цель нашей работы состояла в рассмотрении современных контекстов, в которых функционирует сегодня данная лексема, и определении когнитивных значений, которыми обладает данная лексема сегодня. В связи с большим объемом смыслов, которыми обладает данная лексема, мы ограничились исследованием когнитивной интерпретации одного из значений данной лексемы, а именно исследованием когнитивных смыслов в значении *Zustand des Sicherseins*. Именно это значение все чаще и чаще фигурирует в современных контекстах в связи с изменчивостью нашего мира и его нестабильностью.

Исследование проводится в русле когнитивной лингвистики, которая изучает и анализирует смыслы, смысловые контексты и обобщения. Под термином «когнитивная интерпретация» вслед за И.А. Стерниным мы понимаем «смысловое обобщение полученных результатов описания значений языковых единиц для формулирования когнитивных признаков» [Стернин 2004: 65].

Материалом исследования в данной работе послужили контексты с упоминанием лексемы **«Sicherheit»** со значением *Zustand des Sicherseins*. Материал исследования был собран с помощью немецкоязычного корпуса Corpus corpora университета Мангейма, а также с помощью поисковых серверов, в которых собраны примеры словоупотреблений данной лексемы. Всего для данного исследования было собрано 67 контекстов словоупотреблений **лексемы «Sicherheit» со значением Zustand des Sicherseins**. При анализе словоупотреблений бросается в глаза, что 29,85 % (20 контекстов) используется с отрицательным префиксом *un-*, особенно это проявляется в контекстах за последние два года (2021/2022 гг.). В данных контекстах обнаруживаем озабоченность авторов небезопасностью общества в целом: значение «состояние безопасности» осложняется противопоставлением, то есть отсутствием безопасности как таковым. Даже там, где лексема используется без отрицательного префикса *un-*, в предложении часто содержится отрицание и говорится о недостаточности безопасности в обществе (Пример 1).

Пример 1. Kollektive Sicherheit ist nicht genug.

В данном примере присутствует отрицательная частица *nicht*, стоит перед наречием *genug*.

Попробуем рассмотреть дальнейшие частотные контексты, в которых обнаруживаем данное понятие с обозначенным выше значением, чрезмерно актуальным для нашего сегодняшнего общества (см. табл. 1).

Таблица 1

№	Когнитивные значения	примеры
1.	Лексема представляет собой компонент сложного слова, который характеризует какую-то организацию, связанную с организацией безопасности в обществе	<i>Sicherheitsdienst des Reichsführers</i> <i>Weltsicherheitsorganisation</i> <i>Sicherheitshauptamt</i>
2.	Безопасность информационных данных, источников	<i>Allianz für Cybersicherheit</i> <i>Expertin für Forschungsdatensicherheit</i>
3.	Характеристика состояния безопасности в обществе с положительной оценкой	<i>Echte Sicherheit</i> <i>soziale Sicherheit</i> <i>menschliche Sicherheit</i>
4.	Безопасность, связанная с каким-либо действием	<i>die Sicherheit stärken</i> <i>ihre Sicherheit konsolidieren</i> <i>mit sozialer Sicherheit verbindet</i>

Таким образом, данная выборка контекстов словоупотреблений лексемы «Sicherheit» за 2016–2022 гг. демонстрирует дополнительные когнитивные значения, среди которых следует назвать: безопасность в информационном пространстве (№ 2 в табл.), большая ценность безопасности (№ 3 в табл.), то есть контексты, в которых состояние безопасности характеризуется положительно, а также контексты, которые демонстрируют возрастающее понимание того, что безопасность создается каким-то действием. При сопоставлении когнитивных значений из словаря и из современных контекстов можно увидеть, что современные контексты добавляют второе значение, а именно безопасность в информационном пространстве. Кроме того, значение «состояние безопасности» часто дополнительно отягощается как отрицанием этого состояния на морфологическом уровне с префиксом un, так и отрицанием в структуре предложения, тогда как словарные словоупотребления не показывают данные изменения. Помимо этого также можно отметить, что увеличивается количество используемых эпитетов для лексемы «Sicherheit», то есть нарастает желание респондентов точнее понять, какая нужна безопасность.

В заключение хочется отметить, что изучение когнитивных составляющих данного понятия, ключевого для общества, должно быть продолжено с привлечением большего массива текстов.

Литература

Коршунова Н.Г. Функционирование концепта *Sicherheit* в немецкой лингвокультуре / Н.Г. Коршунова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2014. – № 10. – С. 55–61.

Писарь О.В. Безопасность личности как целостное интегральное качество / О.В. Писарь // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2008. – № 12. – С. 47–56.

Смирнова А.Г. Сравнительный анализ ассоциативных полей *безопасность* и *Sicherheit* в репрезентации русского и немецкого языков / А.Г. Смирнова, Г.С. Климова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24. – № 6 (94). – С. 744–751.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – 65–69.

Тылец В.Г. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов / В.Г. Тылец // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1 (43). – С. 84–97.

Умрихина Е.И. Безопасность как философско-правовая категория / Е.И. Умрихина // Философия права. – 2010. – № 4. – С. 53–56.

Duden-Bedeutungswörterbuch. – Cornelsen Verlag GmbH, 2024. – URL: <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/Sicherheit> (дата обращения: 15.10.2023).

Особенности русско-английского последовательного перевода хедж-структур, содержащих глаголы ментальных действий

*когнитивная лингвистика, глаголы ментальных действий,
хеджирование, устный перевод, политический дискурс*

Проблема лингвистического хеджирования неоднократно становилась предметом исследования как зарубежных, так и отечественных ученых [Fraser 2010; Lakoff 1973; Власян 2015; Пастухова 2018 и др.]. Следует, однако, отметить, что в настоящее время не разработано единой классификации средств снижения категоричности высказывания, что в значительной степени затрудняет процесс построения общей стратегии перевода данных структур, которая была бы применима к разным случаям употребления рассматриваемых единиц в речи носителей русского и английского языков. При этом вопрос перевода вводных конструкций, которые обеспечивают субъективизацию высказывания и снимают с говорящего часть ответственности за достоверность излагаемой им информации, представляется особенно актуальным, поскольку от передачи исследуемых лексических единиц на иностранный язык зависит степень достижения цели коммуникации [Лингвистические 2015], в которую входят такие задачи, как создание благоприятной атмосферы общения, убеждение собеседника, избегание конфликтов и т. д.

В рамках настоящего исследования будут рассмотрены хедж-маркеры, в состав которых входят эпистемические глаголы *верить, думать, полагать, считать, казаться*. Вслед за О.Н. Селиверстовой и Е.В. Ильчук [Селиверстова 2004; Ильчук 2004] в качестве английских коррелятов перечисленных ранее глаголов ментальных действий выбраны следующие лексические единицы: *think* (для глагола *думать*), *believe* (для глаголов *верить* и *казаться*), *consider* (для глагола *считать*), *suppose* (для глагола *полагать*).

На этапе формирования эмпирической базы исследования из корпуса «Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)»¹ было выбрано 74 скрипта (238 страниц), содержащих русско-английский устный последовательный перевод выступлений официальных представителей РФ. Общая продолжительность видео,

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622085 Российская Федерация. Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи): № 2022621929: заявл. 02.08.2022; опубл. 18.08.2022 / О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая, А.В. Соколова, М.А. Фомина; заявитель Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». – CZFRQX.

содержащих записи речей спикеров и их переводчиков, составила более 6 часов. Материалы исследования охватывают промежуток в 28 лет (с 23 октября 1995 г. по 27 апреля 2022 г.).

Далее посредством сплошной выборки примеров употребления исследуемых конструкций, а именно хедж-маркеров, содержащих глаголы ментальных действий *верить*, *думать*, *полагать*, *считать*, *казаться*, было набрано 52 высказывания типа (я) (не) *думаю*, (я) (не) *считаю*, (мы) *считаем*, (мне / нам) *кажется*. Следует отметить, что в упомянутых ранее скриптах не было обнаружено хеджей с глаголами *верить* и *полагать*, при этом в результате анализа частотности отобранных глаголов (*думать*, *считать*, *казаться*) выявлено, что в большинстве случаев политики использовали в речи лексему *считать* (60 % – 31 контекст). На втором и третьем месте располагаются *думать* (27 %) и *казаться* (13 %), 14 и 7 высказываний соответственно. Анализ материалов также показал, что 45 скриптов общим объемом 116 страниц (или 49 % от эмпирической базы исследования) не содержат описанные ранее хедж-маркеры.

Третий этап работы предполагал объединение найденных хедж-конструкций в 4 группы согласно их переводу: 1) полные эквиваленты; 2) варианты перевода хеджей с помощью другого глагола из исследуемых; 3) перевод, содержащий глагол / конструкцию, не являющуюся фокусом данного исследования (типа *my opinion is that*); 4) перевод, в котором не получает отражение оригинальная хедж-конструкция. Наиболее частотной оказалась вторая группа, в которую вошло 31 высказывание (60 %). Далее в порядке убывания располагаются четвертая, первая и третья группы с 9 (17 %), 8 (15 %) и 4 (8 %) высказываниями соответственно.

Обратимся к некоторым примерам из каждой группы. К полным эквивалентам были отнесены следующие виды высказываний:

- **Я *думаю*, что Ближний Восток – это очень перспективный регион мира – *I think that the Middle East is a very promising region of the world*** (Интервью Президента РФ В.В. Путина каналу CNBC);

- **Поэтому я *думаю*, что назрел и уже перезрел вопрос о необходимости подробного, честного обзора положения дел в отношениях России с Европейским союзом – *So I think the reason, and [inaudible] need for us to have a frank and detailed talk and review of the a current status of the Russia-EU relationship...*** (Вступительное слово С.В. Лаврова в ходе переговоров с заместителем Председателя Еврокомиссии Ж. Боррелем).

В данных случаях глагол *думать* показывает, что выводы сделаны на подсознательном уровне, при этом суждение является оценочным и основанным на собственных наблюдениях и знаниях говорящего о денотативной ситуации. Наиболее близким коррелятом является глагол *think*, который, согласно словарным статьям, сигнализирует, что спикер воспринимает высказанную информацию как наиболее вероятную, в то же время говорящий не обладает конкретными фактами, подтверждающими его позицию. Наиболее интересными фрагментами, относящимся ко второй группе, представляются:

- **Я думаю**, что это было бы полезно и для американских компаний, и для американских граждан... – *And I believe that it would serve the interests of the U.S. companies and the U.S. citizens...* (Выступление Президента РФ Д.А. Медведева в ходе встречи с Президентом США Б. Обамой во время Саммита по ядерной безопасности);

- **Считаю**, что пора начать выстраивать новую, более ответственную и конструктивную матрицу взаимного восприятия друг друга – *I believe that it is time to build new more constructive and responsible metrics of our relations, of our mutual perception* (Вступительное слово С.В. Лаврова в ходе переговоров с Государственным секретарем США М. Помпео).

Большая часть примеров данной группы, входящих в эмпирическую базу исследования, взята из разных речей. Иными словами, во всех случаях в качестве переводчиков выступали разные люди. При этом глаголы *думаю* и *считаю* были переданы на английский язык единообразно, а именно посредством глагола *believe*. В связи с этим можно сделать вывод, что существует устоявшаяся модель передачи на иностранный язык конструкций типа *я думаю, мы полагаем, считаю*. Переводчики не переключают фокус своего внимания на семантических различиях исследуемых глаголов ментальной деятельности, что в дальнейшем приводит к непроизвольному совершению ошибки. В некоторых случаях подобные ситуации порождают недопонимание между участниками коммуникативного акта и, применительно к политическому дискурсу, препятствуют поиску компромисса в тех или иных вопросах и налаживанию дружественных отношений между странами.

Следует также обратиться к одному из высказываний, которое было переведено с помощью глаголов/конструкций, не являющихся предметом настоящего исследования: **Я думаю**, что постепенно ситуация вернется в нормальное русло – *My opinion is that gradually the situation will be fixed* (Выступление С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини). В данном случае хедж *я думаю* переведен с помощью выражения *my opinion is that*, которое, с одной стороны, может рассматриваться как элемент хеджирования, а с другой стороны, остается не до конца понятной степень уверенности/неуверенности говорящего, что при этом на бессознательном уровне понятно носителю русского языка. На данном этапе работы не представляется возможным произвести полный семантический анализ предложенного переводчиком хеджа, однако подобные конструкции являются перспективой дальнейшего исследования.

В четвертую группу вошли высказывания, в переводе которых хедж-маркеры были опущены:

- **Думаю**, сегодня мы сможем это сделать – *That is what we are going to do in [inaudible] of our today's negotiations* (Вступительное слово С.В. Лаврова в ходе переговоров с Госсекретарем США Дж. Керри);

- **Мы считаем, что было бы важно, чтобы Дамаск публично об этом заявил** – *But it is important that Damask would confirm in reality* (Выступление С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Пакистана Р. Кхар);

Необходимо отметить, что в то время как в первых трех примерах переводчик опустил хедж-маркеры, что безусловно исказило смысл высказывания, а также сформировало у получателя сообщения неверное представление о намерениях спикера, то в последнем примере английский коррелят содержит смысловую ошибку, а именно неточность в передаче словосочетания *это не менее актуально, чем*. В переводном тексте конструкция *is every more topical as it was* имеет значение *более актуально, чем*.

Анализ русско-английского устного последовательного перевода 52 хедж-высказываний показал, что наиболее частотно исследуемые единицы переводятся путем подбора случайного аналога, который не всегда совпадает по семантике с русским глаголом мыслительной деятельности, а в некоторых случаях переводчики пренебрегают не только компонентами значения хеджа, но и данной конструкцией как таковой, что не может не сказаться на исходе коммуникативного акта.

Литература

Власян Г.Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге / Г.Р. Власян // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2015. – № 27 (382). – С. 50–54.

Ильчук Е.В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) / Е.В. Ильчук. – М.: Прометей, 2004. – 263 с.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. – М.: Ленанд, 2015. – 272 с.

Пастухова О.Д. Способы выражения хеджирования в российском политическом дискурсе / О.Д. Пастухова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5 (71). – С. 95–100.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 960 с.

Fraser B. Hedging in Political Discourse / B. Fraser // Perspectives in Politics and Discourse: the 2007 Bush press conference, 2010. – P. 201–214.

Lakoff G. Hedges: A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – No 2 (4). – P. 458–508.

**Прагматический потенциал суффикса -ish в образовании
окказионализмов (на материале интернет-шоу Critical Role
по мотивам настольно-ролевой игры Dungeons and Dragons)**

*словообразование, окказионализмы, когнитивная лингвистика,
НРИ (настольно-ролевые игры), значение аффиксов*

Одним из важнейших принципов когнитивной лингвистики является антропоцентричность, то есть изучение языка в контексте человеческой деятельности. Концептуальная семантика является направлением когнитивной лингвистики, в основе которого лежит гипотеза о формировании концептуальной картины мира в сознании человека вследствие обработки получаемой им информации [Jackendorff 1983]. В настоящей статье предпринимается попытка изучить появление и функционирование авторских окказионализмов с суффиксом -ish в речи участников настольно-ролевой игры. Формирование окказионализмов происходит непосредственно во время трансляции игры в сети Интернет, поэтому во внимание принимаются особенности институционального развлекательного дискурса: игровое мировосприятие и «креативное преобразование осмысливаемой и переживаемой реальности» [Карасик 2020: 103].

Появившиеся в начале 1970-х гг. настольно-ролевые игры (далее НРИ) были популяризированы Гэри Гайгэксом и Дэвидом Арнесоном, создателями настольно-ролевой системы Dungeons and Dragons (далее DnD). К особенностям данного типа игр можно отнести подвижный сюжет, который игроки могут менять. Любая игровая сессия (то есть встреча игроков) предполагает наличие непосредственно игроков, которые, сообразно особенностям характера созданного им персонажа, принимают те или иные решения в ходе сюжета игры, и Мастера – или DM (Dungeon master), который прорабатывает сюжет и ведет по нему игроков. Несмотря на тот факт, что на подобных сессиях используются элементы наглядности – карты, показывающие положение героев в пространстве, фигурки самих героев и других участников сюжета, листы персонажей (character list), в котором игрок отмечает особенности своего персонажа, большую часть игрового процесса занимает именно общение между его участниками. Во многом успех или неуспех игры (то есть насколько она интересна участникам) определяется способностью Мастера описывать происходящее. Чем красочнее создаются образы, тем легче их представить игрокам и тем больше они вовлечены в процесс игры. Соответственно, Мастер должен обладать не только богатым лексиконом и предоставлять сидящим вокруг него игрокам яркое описание происходящего, играть голосом, но и выражать свои мысли таким образом, чтобы

образы, возникающие у различных людей, сидящих за одним игровым столом, коррелировались и они все представляли своих персонажей в приблизительно одинаковом окружении. Так как система DnD прописана в жанре фэнтези, многие реалии выдуманного мира требуют не только детального описания, но и необходимости прибегать к сравнениям, аналогиям, аллюзиям на известные игрокам реалии настоящего мира. В связи с этим употребление авторских окказионализмов обосновано и ожидаемо. Так как игра идет в режиме реального времени, в речи участников процесса наблюдается активное словообразование. Интернет-шоу Critical Role Мэттью Мерсера транслирует сеансы игры во время игровых сессий и собрало свою аудиторию фанатов, которые с интересом следят за судьбами героев участников. Наличие аудитории, публичность данного процесса, обычно происходящего в камерных условиях, накладывают особые обязательства по качеству как сюжета, так и его презентации, то есть языковое наполнение речи участников шоу приобретает еще большее значение. В данной статье используется материал второй кампании игры Critical Role, повествующей о приключениях команды авантюристов The Mighty Nein. Для удобства обращения в ссылках на примеры представлен номер эпизода и время употребления анализируемой фразы.

На настоящий момент исследования, посвященные НРИ, в основном имеют дидактический характер (Мельникова и др.) или же посвящены вопросам перевода и локализации (Кузьмич и др.). В данной статье особенности НРИ будут рассмотрены с языковой точки зрения, а именно – будет проведен анализ лексического пласта, представляющего собой окказионализмы.

Окказионализмы в рамках данного исследования понимаются как слова, не являющиеся «фактом системы языка, они свободно образуются в речи всякий раз, когда в них возникает необходимость» [Денисова 2008: 120]. Непосредственное внимание в данном исследовании уделяется окказионализмам с продуктивным суффиксом -ish. Согласно этимологическому онлайн-словарю, данный суффикс изначально использовался для обозначения принадлежности какому-либо народу или стране: 'the nativity or country of' (здесь и далее перевод наш. – М.С.).

В дальнейшем упомянутый суффикс приобрел значение 'имеющий свойство или характер чего-то' – ('of the nature or character of'), в XX в. стал использоваться в разговорной речи, применительно к словам, обозначающим время, для того чтобы подчеркнуть приблизительный характер обсуждаемого временного отрезка.

На материале интернет-шоу Critical role представилось возможным выделить ряд случаев употребления окказионализмов с суффиксом -ish:

Имеющий определенные свойства/характер:

1) The chasme...it looks down at you and you see this horrible, bulbous, kind of orange-ish yellow eyes (Ep.60 1:17). 2) <...> it's glowing almost like orange-ish yellow hot poker iron type coloration (Ep. 105, 3:37). Во втором случае, помимо оттенка, автором дается отсылка к предмету реального

мира, представление которого дало бы слушающему возможность более точно представить описываемый предмет. 3) Give me something Fjord-ish (Ep.120, 58:50) – Скажи что-нибудь такое, Ф'ордовское! – в шутливой форме участнику телешоу предлагается высказаться в духе своего персонажа по имени Ф'орд.

Значение приблизительности по расстоянию или времени:

1) While it is still mid-afternoon-ish, the darker storm cover that's blowing in tends to shade the atmosphere (Ep. 130, 2:24). 2) We'll just walk to the mountains, that's half an hour-ish, 45 there's snow that is slow (Ep. 131 2:27). 3) The time it took you to take out the rubble. – First rubble was 15-ish minutes. Second was 25-ish (Ep. 134 31:00). 4) Okay, we'll say you're about...here-ish? (Ep. 137, 1:22). 5) We'll say about there-ish? (Ep.137, 2:21). 6) Can we see how far is that blue light is roughly? Like between two and 500 feet or five and a 1000 feet, or? – It's probably within a hundred or 200 feet-ish (Ep. 138, 19:38).

Отдельного внимания заслуживает **приблизительная ориентировка в пространстве**: 1) – Where is this path leading you? – North-ish (Ep. 117, 26:01) 2) Mountains on the left, Aeor-ish on the right, depending on how hard we turned in the middle of the night (Ep. 124, 45:37). В данном случае имеется в виду выдуманная локация Эор, согласно описанию, герои находятся в месте, где слева от них горы, где-то справа должен быть Эор. Неопределенности повествованию добавляет окончание предложения “depending on how hard we turned in the middle of the night” – все это призвано дать героям представление, что они потеряны, не знают куда идти, и дальнейший путь совершенно неясен.

Суффикс -ish часто используется участниками телешоу **для создания комичных описаний**, игры слов. В основном этому способствует намеренное использование данного суффикса в конце предложения, когда он присоединяется к словам, теряющим смысл при таком словообразовании, но в контексте разговора участникам совершенно ясно, что хочет сказать говорящий и какую цель (юмористическую) преследует: 1) Distance to him, ish? (Ep.123, 1:44:30) 2) Does it go all the way up?<...>and near the rift-ish? (Ep. 60, 1:31) 3) You guys are still technically over the bridge, because it moved right above you and is pulling you up towards it. – Up above the bridge-ish? – Correct (Ep. 68, 1:30). 4) Is its hand close-ish to her height, to the ground-ish? (Ep. 132 59:43) 5) This dragon ain't looking rough, are they? – She's looking hurt-ish. (Ep. 123. 1:40:22) 6) Oh yea, but we are, we were together-ish, right? (Ep.102, 14:05).

Рассмотренный материал показывает, что суффикс -ish, будучи чрезвычайно продуктивным, расширяет парадигму своего значения: от «приблизительности» в отношении времени, пространства и расстояния до «слегка, немного», применительно к определениям (hurt-ish) и выражения неуверенности, запроса на уточнение, как в приведенном выше примере “<...>we were together-ish?”. Значительную роль играет намерение говорящих, когда употребление суффикса в нетипичной ситуации ведет к

образованию окказионализмов, придающих речи красочность, и при этом понятных всем участникам речевой ситуации.

Литература

Денисова Е.С. Стратегии идентификации нового слова (на материале свободного ассоциативного эксперимента) / Е.С. Денисова, Е.В. Немцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2 (34). – С. 120–126.

Карасик В.И. Развлекательный дискурс как институциональный вектор общения / В.И. Карасик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2020. – № 3. – С. 91–103.

Кузьмич И.В. Чужой и быстрый: к вопросу о переводе настольных ролевых игр / И.В. Кузьмич // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Тезисы и материалы XXII Международной научной конференции, посвященной 150-летию Московского педагогического государственного университета и 70-летию со дня рождения профессора А.А. Гагаева. – М., 2022. – С. 164–167.

Мельникова Е.А. Настольные ролевые игры как средство обучения говорению на английском языке в старшей школе / Е.А. Мельникова // Новое слово в методике. Сборник инновационных методических разработок: материалы ежегодного всероссийского методического форума. – Екатеринбург, 2022. – С. 66–77.

Jackendorff R. Semantics and cognition / R. Jackendorff. – Cambridge (MA): MIT Press. – 1983.

Online Etymology Dictionary – URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 09.10.2023)

Mercer Matthew. Critical Role Campaign 2. The Mighty Nein. – URL: <https://www.youtube.com/@criticalrole/featured> (дата обращения 09.10.2023).

Прагмасемантические особенности порождения англоязычного интернет-коммента (на материале авторского редактирования в социальной сети Facebook¹)

порождение текста, новостной дискурс, интернет-коммент, прагмасемантика, когнитивные процессы

Информационно-технологический прогресс последних десятилетий не только видоизменил межличностное общение, перенес его в устно-письменный регистр социальных сетей, опосредованных цифровыми средствами коммуникации [Кольцова 2022], но и оказал значительное влияние на сопряженную с ним когнитивную деятельность, неотъемлемой составляющей которой является процесс комментирования.

Традиционно процесс порождения комментария связывается с процессом понимания. По А.Г. Баранову, данный вид когнитивной деятельности базируется на уже имеющихся знаниях и подразумевает различные мыслительные операции, направленные на организацию новой информации, ее интериоризацию и интеграцию в систему знаний и представлений индивида [Баранов 1993]. Так, комментарий как продукт интеллектуальный становится показателем степени понимания человеком окружающей его действительности.

Однако в интернет-коммуникации процесс понимания зачастую перекрывает потребность устранения потрясений, вызванных полученной извне новой информацией, что объясняется психологической природой слова [Потебня 1999: 166]. Такого рода «реакция» по поводу увиденного и услышанного [Арнольд 2010: 261] является обязательным компонентом общения в новостном дискурсе.

Цель настоящего исследования – определить основные прагмасемантические процедуры порождения текста интернет-коммента, проявляющиеся в ходе авторского редактирования.

Интернет-коммент новостного дискурса определяется как рационально-эмоциональная реакция реципиента на текст-стимул [Спиридонова 2016]. В качестве триггера данной реакции может выступать не

¹ Запрещена на территории РФ. Здесь и далее примеры из данной социальной сети используются исключительно в научных целях и не затрагивают политический аспект.

только новостное сообщение или интернет-коммент другого пользователя, но и интернет-коммент самого автора.

Материалом для настоящего исследования послужили интернет-комменты читателей новостных сообщений агентства Thomson Reuters, размещенные в социальной сети Facebook. Данная интернет-платформа реализует такую функцию интернет-коммуникации, как возможность «адаптации» или «обработки» ('adaptation') уже опубликованного содержания [Herring 2007], то есть авторы интернет-комментов могут редактировать ('edit') свои тексты.

В ходе исследования в период с 2018 по 2023 г. были проанализированы 100 историй редактирования. Данные цепочки представляют вербализацию поэтапного оформления мысли. Это подтверждается наличием таких прагмасемантических элементов, как, например, поправки, оговорки, указание на эмоциональное состояние автора или оценка собственного высказывания, которые появляются именно тогда, когда не сформулированная окончательно мысль актуализируется в речи или на письме [Жинкин 1982: 95].

В результате прагмасемантического анализа материала исследования были выделены три ключевые процедуры: 1) частичное изменение первоначального содержания, 2) частичное добавление новых текстовых фрагментов и 3) частичное удаление опубликованной ранее информации.

Изменение элементов исходного содержания интернет-комментов в основном связано с исправлением опечаток. Например, исправление написания вспомогательного глагола 'do' ('dod' на 'did') или замена строчной буквы на заглавную букву в вопросительном слове в начале вопросительного предложения ('who' на 'Who'). Однако может быть затронуто и структурное оформление текста. Например, размещение каждого предложения с новой строки сигнализирует о замедлении темпа речи и выдерживания пауз между частями высказывания для дополнительной акцентуации.

Процедуру удаления элементов исходного содержания можно проиллюстрировать приведенной ниже историей редактирования (1a, b). В финальном варианте (1b) исправлена ошибка в управлении глагола 'share' – из исходного варианта (1a) удален предлог 'on'.

(1a) Joey Gordon Linda Conway-Bertrand I mean, they are getting mileage out of it, it's been shared **on** and commented on relentlessly lol

(1b) Joey Gordon Linda Conway-Bertrand I mean, they are getting mileage out of it, it's been shared and commented on relentlessly lol [Facebook].

Добавление новых текстовых фрагментов является наиболее продуктивной процедурой по модификации прагмасемантической составляющей исходного содержания.

Во-первых, раскрытие содержания верифицирующих гиперссылок. Например, (2) The GOP has made numerous internet gaffes. I had a collection of domains they failed to register that are hilarious. The opposition registers a domain and puts up a parody website. **tedcruz com** and **tedcruzforamerica**

com were good ones, but are now gone. ***One linked to the affordable care act, and another to an Obama fan site*** [Facebook]. Отсутствующее в исходной версии последнее предложение поясняет содержание приведенных выше по тексту интернет-коммента гиперссылок.

Во-вторых, уточнение прагматической цели высказывания интернет-коммента. Например, в истории редактирования коммента-реакции исправленный вариант (3) содержит вербальное указание на саркастический характер его содержания.

(3) Yes his actions and fiction writing are really something to be proud of. ***(sarcasm)*** [Facebook]

В-третьих, конкретизация эмоционального состояния автора интернет-коммента. (4a,4b).

(4a) Be aware of the military-industrial complex.... Eisenhower, 01/1961. ***The last president who went against the military industrial complex died on November 22, 1963.***

(4b) Be aware of the military-industrial complex.... Eisenhower, 01/1961... ***sadly the last president who went against the military industrial complex died on November 22, 1963...*** [Facebook]

Итак, в каждой промежуточной версии интернет-коммента каждой цепочки редактирования были определены семантико-синтаксические блоки, манипуляции с которыми способствуют 1) передаче невербальных составляющих коммуникации, таких как темп или тональность высказывания, 2) раскрытию содержания верифицирующих гиперссылок, а также 3) усилению оценочной составляющей высказывания.

Таким образом, изучение элементов историй редактирования позволяет выделить ключевые прагмасемантические процедуры процесса порождения интернет-коммента (добавления, удаления и изменения исходного содержания). Полученные результаты наглядно представляют этапы оформления мысли в высказывание в интернет-комменте и дают основание говорить о возможном переходе интернет-коммуникации из устно-письменного регистра в **«МЫСЛЕННО-ПИСЬМЕННЫЙ»**.

Литература

Арнольд И.В. Оценочность комментария в устной речи и тексте / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. / П.Е. Бухаркин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 259– 269.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.Г. Баранов. – Краснодар, 1993. – 357 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.

Кольцова Е.А. Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Том 13. – № 3. – 2022. – С. 769–783.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня; Подготовка текста Ю.С. Рассказова, О.А. Сычева. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

Спиридонова В.А. Функциональная семантика электронного интерактивного англоязычного комментария: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.А. Спиридонова. – СПб., 2016. – 22 с.

Facebook. – URL: <https://www.facebook.com/Reuters/> (дата обращения 07.06.2023).

Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse / S.C. Herring // *Language@Internet*. – 4. – article 1. – 2007. – URL: <http://www.languageatinternet.org/articles/2007/761> (дата обращения: 19.03.2023).

Трансляция ценностных смыслов в процессе академического взаимодействия

*академический дискурс, лингвосемиотика, оценка, ценность,
макрособытие, фрейм, методология*

В настоящее время проблемы лингвоаксиологии привлекают внимание лингвистов, педагогов, литературоведов, что позволяет говорить об актуальности данной проблематики. Так, в поле зрения ученых попадают вопросы изучения лингвоаксиологии академического образовательного пространства [Сулейманова 2018; Zhou et al. 2023], диалогичность академического дискурса [Сулейманова 2022]. Активно обсуждаются вопросы функционирования категории оценки в академической блогосфере [Suleimanova 2020].

Цель настоящего исследования состоит в изучении закономерностей трансляции ценностных смыслов в академическом общении в процессе взаимодействия «преподаватель – студент», «студент – преподаватель», «преподаватель – преподаватель».

Для достижения данной цели были проанализированы оценочные высказывания участников таких макрособытий академического дискурса, как «Защита выпускной квалификационной работы» (ВКР), «Защита научно-исследовательской работы» (НИР), «Заседание кафедры», «Выступление с докладом на конференции» и ряд других.

Методика исследования заключалась в том, что в рамках макрособытий с помощью фреймового подхода выделялись оценочные высказывания участников микрособытий, поскольку каждое макрособытие состоит из ряда микрособытий (например, защита научного труда выстраивается из выступления студента, отзыва научного руководителя, отзыва рецензента, рекомендаций и замечаний, слушающих защиту, а также из выступления ведущего защиту ВКР. Все эти этапы защиты научного труда отнесены нами к микрособытиям в структуре макрособытия). Оценочные высказывания выступающих распределялись по категориям в зависимости от типа оценки (частная/общая *добросовестный труд vs хорошая работа*; эксплицитная/имплицитная: *это талантливый исследователь, с любовью анализирующий материал vs студент сумел вовремя справиться*), ее полярности (положительная / отрицательная: *интересное завершённое исследование vs курсовая работа оставляет тягостное впечатление*), связи оценки с субъектом / объектом (субъектноориентированная / объектноориентированная) и по другим параметрам.

Отметим, что объектноориентированная оценка используется преподавателями, когда они стремятся подчеркнуть сформировавшиеся исследовательские, личностные качества студента: *академический дискурс только обогатится, если NN продолжит заниматься наукой. Это **внимательный студент**, стремящийся проанализировать все аспекты работы.* В данном случае выделяется объект оценки.

В ситуациях, когда преподаватель не в полной мере доволен работой студента, он использует субъектноориентированные оценки, делая акцент на своем восприятии ситуации: ***Мне жаль**, что работа не получила должного внимания со стороны исследователя. **Печально**, что глубокие научные идеи, которые были у NN на втором курсе, не получили развития в последующие годы.* О субъекте в академическом дискурсе см.: [Фомина 2018].

На следующем этапе анализировалась аксиологическая составляющая высказываний: было выявлено, какие ценности прививаются студентам в процессе корректировки их письменных научных работ (были проанализированы письменно зафиксированные комментарии научных руководителей к ВКР¹ на разных этапах их подготовки), в замечаниях по поводу их устных выступлений; рассматривалась благодарность студентов, озвученная на защите ВКР, а также высказанная в форме эссе; выявлялись ценностные установки и способы их трансляции в процессе взаимодействия коллег, находящихся на одной ступени академической иерархии на заседании кафедры (в качестве материала исследования в таких случаях выступили высказывания коллег-преподавателей о деятельности коллеги (при рекомендации к прохождению коллеги по конкурсу)), а также оценочные суждения в адрес рекомендуемого к печати учебного пособия или монографии.

Как показало исследование, ценностные смыслы в процессе академического взаимодействия транслируются с помощью разнообразных оценочных средств с применением широкого репертуара оценочных стратегий и тактик, призванных направить исследование студента, образ его научно-исследовательской деятельности в русло, соответствующее сложившимся традициям академического взаимодействия; с соблюдением норм и правил академического этикета. В процессе корректировки научного текста преподаватели стремятся привить студентам общечеловеческие ценности (добросовестное отношение к труду, честность (негативное отношение к плагиату)), дискурсивно значимые ценности (***Мы филологи – будем оттачивать красоту русской речи!*** – комментарий науч-

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622091 Российская Федерация. Авторский корпус текстов академического дискурса: № 2022621930: заявл. 02.08.2022: опубл. 18.08.2022 / О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая; заявитель Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет». – ВХNSEY.

ного руководителя в ВКР, уважительное отношение к исследованиям других ученых), культурно обусловленные ценности проведения научного исследования (*Не нужно оценивать труд ученого и говорить «хорошая типология NN»: Вам следует обозначить значимость типологии применительно к Вашему исследованию*). Взаимодействие коллег в академическом социуме, наряду с вышеперечисленными, сопровождается трансляцией корпоративных ценностей (*NN – человек команды. Мы всегда можем доверять ей серьезный проект и будем уверены, что он будет выполнен безупречно*).

Значимым результатом анализа ценностноориентированного академического общения в рамках взаимодействия «студент – преподаватель» явилась выявленная взаимозависимость между наличием в эссе-отзывах студентов положительных оценочных высказываний в адрес конкретного преподавателя и неосознаваемым положительным воздействием таких эссе на получателя (анализ фоносемантических характеристик осуществлялся с помощью программы ВААП-мини). Было проанализировано 45 студенческих эссе об обучении в Московском городском педагогическом университете.

Отметим, что взаимообмен ценностными установками в процессе взаимодействия преподавателей и студентов осуществляется на протяжении всего периода обучения. Во-первых, являясь частью академического социума, студент воспринимает все тексты (в том числе отдельные критические высказывания, оценки, мнения, рекомендации и т. д.), создаваемые участниками академического дискурса, сквозь призму «институализированного типа общения» [Хурыз 2016]. Для преподавателя оценочные высказывания о результатах интеллектуальной деятельности студента и иных аспектах его деятельности в академическом пространстве являются ценностно значимыми, поскольку они направлены на формирование студента как дискурсивной личности, тогда как для студента процесс усвоения ценностей и смыслов академического социума является постепенным; принятие ценностей академического пространства находится в прямой зависимости от изначальных установок студента, от его собственной аксиосферы, а также от мотивации и готовности воспринимать критику и корректировать поведенческие, исследовательские, образовательные и иные паттерны.

Так, анализ коммуникации участников макрособытия «Защита научного труда» показывает, что некоторые студенты воспринимают критические рекомендации как ценность уже на первых этапах обучения. Рассмотрим пример диалога между студентом первого курса и членом комиссии, слушавшей защиту его научно-исследовательской работы. В процессе представления результатов научного труда студент несколько раз получил критические замечания. Объектом оценки стали:

– темп речи: *«Вам необходимо не зачитывать доклад скороговоркой, а внятно произносить каждое слово»;*

– особенности взаимодействия с аудиторией: *«Поддерживайте зрительный контакт со слушающими»*;

– этикет академического взаимодействия: *«Не нужно оценивать труд ученого и говорить “хорошая типология NN”*: Вам следует обозначить значимость типологии применительно к Вашему исследованию».

В ответ на реплику преподавателя: *«Простите, что я Вас перебиваю, просто хочется сразу скорректировать все ошибки и неточности»*, – студент показал, что ценит критические замечания, отметив следующее: *«Спасибо Вам большое, я не обижаюсь, мы же здесь все учимся»*, – сопроводив высказывание приветливой улыбкой, которая в данном случае, как представляется, выполняет социально-информативную функцию (о семантической типологии русских улыбок см.: [Крейдлин 2002]).

Как показал анализ академических дискурсивных практик, лингвистическая аксиология обладает экспланаторным потенциалом при исследовании различных аспектов трансляции ценностных смыслов.

Литература

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Сулейманова О.А. Личность Другого в академическом дискурсе / О.А. Сулейманова, И.В. Тивьяева // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2022. – 8 (2). – С. 207–223.

Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим / О.А. Сулейманова // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 180–198.

Фомина М.А. Субъект в академическом дискурсе / М.А. Фомина // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – М.: Ленанд, 2018. – С. 199–210. – EDN ZLSBJN.

Хутыз И.П. Мультиmodalность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности / И.П. Хутыз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2016. – 1 (172). – С. 90–95.

Suleimanova O.A. Interfering Discourses in Academic Dialogue Evolution / O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – London, 2020. – P. 952–959.

Zhou Q. Emotional Effect of Teachers' Discourse in a Multicultural Classroom / Q. Zhou, S. Laiche, T.V. Larina // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie, 2023. – Vol. 22. – No. 1. – P. 123–137.

Роль невербальной коммуникации в исследовании речевого поведения языковой личности

*невербальная коммуникация, языковая личность,
невербальное поведение, речевое поведение*

Долгое время изучение невербальной составляющей в языке не рассматривалось как равнозначное в контексте фундаментальных лингвистических исследований. Отношение к невербальной коммуникации в отечественной лингвистике начало меняться в последние годы XX в. Тем не менее, неоспоримым является факт, что без невербальной составляющей исследования человека говорящего и функциональный аспект языка оказываются неполными. Исследование невербальной коммуникации в системе речевого поведения устного переводчика позволяет нам комплексно подойти к вопросу описания языковой личности устного переводчика с позиции взаимопроникновения вербальной и невербальной коммуникации. В условиях развития методологического аппарата наблюдения и анализа невербальных средств, роль и значение невербальной коммуникации заметно возросло.

Актуальность данного направления определяется недостаточным количеством исследований, раскрывающих глубину воздействия невербальной коммуникации, ее взаимосвязи с переводоведением, возрастающей ролью исследования человеческого поведения в смежных отраслях знания (лингвокультурология, социология, психология, физиология, социальная информатика (в частности, искусственный интеллект), программирование). Потенциальные возможности невербального поведения в структуре поведения профессиональной ЯЛ в настоящее время практически не изучены, что является доказательством актуальности избранной темы исследования. Помимо этого, исследования вербального и невербального поведения переводчика в контексте диалогичности (М.М. Бахтин) ранее не предпринимались. Невербальной составляющей речевого поведения ЯЛ УП, особенностям функционирования невербальной коммуникации в ситуации устного синхронного или последовательного перевода, посвящена данная часть нашего исследования.

С точки зрения комплексного анализа специфика неречевого поведения языковой личности остаётся не решенной. В основе комплексного коммуникативно-функционального подхода к изучению языковой личности находится разностороннее рассмотрение вербального и невербального поведения языковой личности устного переводчика. Суть данного подхода заключается в интерпретации невербальной составляющей ре-

чевого поведения ЯЛ УП в ситуации перевода и классификации невербальных средств по функции с учетом анализа прагматики речевого высказывания. Мы считаем обоснованным и целесообразным изучение невербального поведения, принимая во внимание прагматику вербального выражения. Таким образом, невербальная составляющая дополнит структурное содержание языковой личности и позволит лучше понять мышление, мотивы и установки искомой языковой личности.

С 1980-х гг. отечественная лингвистика начинает разрабатывать терминологический аппарат для продолжения исследования в области невербальной коммуникации: предпринимаются попытки определить «невербальные средства общения», «невербальное общение», «невербальное поведение», «невербальную коммуникацию». Вводится термин «невербальное коммуникативное поведение», под которым понимают систему поведенческих норм и правил, регулирующих требования к применяемым в процессе коммуникативного акта невербальным знакам, свойственным определенной социальной среде [Стернин 2012: 170].

Исследования невербального поведения в контексте речевого поведения индивида традиционно посвящены различным ситуативным классификациям, т. е. принцип исследования невербальной коммуникации опирается на какой-либо из дискурсов. Подобные исследования не позволяют в полном объеме изучить вопрос о взаимовлиянии вербального и невербального сообщения, степени влияния вербальной или невербальной коммуникации. Вслед за М. Latha полагаем, что невербальную коммуникацию следует рассматривать в совокупности с речевым поведением, т.к. 'non-verbal communication is less structured ... it is unplanned, intent, spontaneous, and it blends with speech' [Latha 2014] / 'невербальная коммуникация менее структурирована... она не запланирована, спонтанна, спонтанна и сливается с речью' (перевод наш. – Е.Э.). В связи с этим возникла необходимость рассмотреть невербальную коммуникацию в совокупности с речевым поведением устного переводчика в различных ситуациях перевода. Полагаем, что в невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение оратора к тексту, в случае полисемии уточняется смысл высказывания.

Традиционно под речевым поведением понимают осознанное или слабо осознанное поведение индивидуумов, отражающих характер и образ жизни человека [Карасик 2004]. Начало изучения речевого жанра, предваряющего изучение речевого поведения, было положено М.М. Бахтиным и представляло собой наблюдение за «вербально-знаковым оформлением типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов 2004: 69].

Решаемая устными переводчиками задача сегодня не сводится к простой передаче информации. В стремительно меняющемся мире им отводят роль посредника, медиатора культур, «эксперта в непростых социальных и религиозных вопросах» [Valero-Graces 2005], в чьи задачи

входит адаптация, трансформация перевода с учетом культурных особенностей говорящих, точная интерпретация невербальных средств общения говорящих и, наконец, адекватное невербальное поведение самого УП.

Согласимся с Т.Л. Музычук, что невербальная коммуникация должна рассматриваться с позиции диалогичности по отношению к вербальной речи. В ситуации устного перевода «невербальная трансляция сообщений происходит одновременно с вербальной, усиливая или даже изменяя смысл слов» [Музычук 2009: 57]. Переводчик чувствует эмоции ораторов, применяет лингвокультурные и фоновые знания, анализирует коммуникативные сценарии, ценности и установки лингвокультурного сообщества и передает содержание с учетом перевода невербальной коммуникации и системы нравственных ценностей.

Система нравственных ценностей определяет характерные черты вербального и невербального поведения языковой личности и является своеобразной национальной философией. Подобная национальная философия обуславливает нравственный идеал, к которому и должны стремиться члены того или иного лингво-культурного сообщества. Помимо этого, «невербальная составляющая речевого национального поведения является формой объективации психического мира русской языковой личности (и не только русской) и надежным способом ее познания» [Музычук 2013: 8]. В связи с этим, нам представляется важным исследование ЯЛ устного переводчика с позиции невербальной коммуникации, которая наряду с вербальным содержанием дополняет ситуацию перевода, обстоятельства и эмоциональные интенции говорящих.

Мы предполагаем, что невербальное поведение языковой личности устного переводчика в ситуации перевода во многом определяется переводимой им речью, а также внутренними мотивами и интенцией самого переводчика. В продолжение данной гипотезы мы рассматриваем идею о том, что невербальные средства языковой личности являются неотъемлемым её элементом и оказывают влияние на вербальную репрезентацию языковой личности. Таким образом, мы полагаем, что невербальная коммуникация является одной из частей структуры языковой личности, т.к. невербальные средства влияют и дополняют вербальную репрезентацию на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях, и должна рассматриваться как часть общей структурной модели ЯЛ.

Наблюдение за вербальными, невербальными и паравербальными маркерами устных переводчиков позволяет классифицировать типы невербальных средств, проявляющихся у профессиональных личностей в ситуации перевода. Декодирование непосредственно невербального поведения [Крейдлин 2011: 81] способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации перевода.

Очевидно, что основным критерием в классификации является отношение невербального знака к вербальному сообщению. Интерпрета-

ция и анализ невербальной организации речевого поведения ЯЛ УП приближает нас к более детальному описанию специфики ЯЛ УП и позволяет составить теоретическую модель типизируемой ЯЛ на основании проявления невербальных знаков анализируемых устных переводчиков.

Таким образом перспектива дальнейшего исследования обосновывает необходимость изучения невербального поведения устного переводчика в системе комплексного подхода к изучению ЯЛ, выработке методов и подходов к анализу средств невербальной коммуникации с учетом прагматики и диалогичности речевого выражения.

Литература

Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 134 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 477 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и театр / Г.Е. Крейдлин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr> (дата обращения: 29.11.2023).

Музычук Т.Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации: на материале русской художественной прозы: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Л. Музычук. – М., 2013. – 382 с.

Музычук Т.Л. Русский невербальный дискурс и его языковая репрезентация в диалогах художественной прозы / Т.Л. Музычук // Русистика. – 2009. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-neverbalnyy-diskurs-i-ego-yazykovaya-reprezentatsiya-v-dialogah-hudozhestvennoy-prozy> (дата обращения: 29.11.2023).

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с. – ISBN 5-87604-031-2. – EDN QTOQMR.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

Valero-Garces C. The impact of emotional and psychological factors on public service interpreters: Preliminary studies / C. Valero-Garces. – URL: <https://trans-int.org/index.php/transint/article/view/386>, 2015 (дата обращения: 08.12.2023).

Latha M. First Impressions: A Study of Non-Verbal Communication / M. Latha // Frontiers of Language and Teaching. – 5 (1). – 2014. – P. 160–163.

**Когнитивно-прагматические характеристики речевого жанра
«разговор взрослого с ребенком» на материале рассказов
для детей Т.В. Михеевой «Юркины бумеранги»**

*когнитивная прагматика, «разговор взрослого с детьми», фреймы,
речевые стратегии, тактики, Т.В. Михеева*

Долгое время лингвисты, которые интересуются анализом речевого жанра, предпочитают использовать прагмалингвистический подход в ходе изучения публицистического текста (например, такие исследователи, как С.Е. Тупикова (2012), Е.В. Калачева (2018), О.А. Обдалова, О.В. Харпудченко (2019), С.Н. Семенова (2022) и др.). Очень редко бывают работы, в которых используется лингвопрагматический подход к анализу художественного текста.

В последние десятилетия лингвисты обращали большое внимание на речевой жанр, так как эта тема еще остается открытой и пока не существует единого общепризнанного перечня речевых жанров. Ученые находятся еще в процессе обнаружения новых и глубокого изучения выявленных речевых жанров.

Существующие работы о речевом жанре «разговор взрослого с ребенком» направлены на изучение используемых речевых стратегий и тактик на основании анализа записи живой речи. В нашей работе обращаем внимание на изучение разговора в рассказе, а не в естественной речи, при помощи комплексного когнитивно-прагматического подхода. Такой подход дает больше возможности с точки зрения уточнения интенции адресанта и определения восприятия адресата, чтобы можно было всесторонне и макроскопически понимать речевой жанр «разговор взрослого с ребенком». При анализе мы попробуем оформить фреймовые модели в «разговоре взрослого с ребенком» и выявить их особенности.

Анализ сборника рассказов для детей Т.В. Михеевой показал, что в нем существуют такие фреймы, как фрейм «разговор родителей с детьми», включающий в себя слоты «разговор отца с ребенком» и «разговор матери с ребенком», фрейм «разговор родственника с детьми», который включает в себя слоты «разговор бабушки с внуком» и фрейм «разговор тети с ребенком», фрейм «разговор друга родителей с детьми», фрейм «разговор коллеги родителей с детьми». Здесь фрейм «разговор родителей с детьми», который занимает 56 % среди всех текстовых фрагментов, чаще всего используется.

Далее перечислим примеры некоторых фреймов, а также покажем используемые внутри них речевые стратегии и тактики.

Рассмотрим фрейм «разговор родителей с детьми» из рассказа «Юркины Бумеранги» [Михеева 2014: 7]. Рассказ о том, что папа Юрки долгое время работает в другом месте и только отправляет письма Юрке и его маме. Юрка очень хочет узнать побольше и увидеть «Бумеранги», о которых папа чаще всего упоминает в письме. Покажем отрывок из фрейма «разговор отца с ребенком». В этом эпизоде используется речевая стратегия утешения, которая реализуется при помощи речевых тактик вопрос и забота «ты что?», вызов или просьба «Ну-ка подвинься», и отвлечение внимания «далеко на юге...». А также существуют невербальные тактики, которые рассматривают как вспомогательный способ. Например, тактика движения тела «они обняли Юрку за плечи..., голос тихий...».

Представляем пример фрейма «разговор родственника с детьми» из рассказа «Летательные конфеты» [Михеева 2014: 27]. В этом эпизоде дедушка и внучка разговаривают. В этом отрывке с позиции дедушки используемая стратегия – это просьба, а с точки зрения внучки – информирование. Дедушка хочет попросить внучку заранее вернуться и отдохнуть. А внучка хочет помогать дедушке, и поэтому она придумала идею, которая полезна для дедушки. Способы реализации таких стратегий представляют собой тактики предложения, похвалы.

Еще один пример из рассказа «Алька» [Михеева 2014: 22], в котором существует фрейм «разговор коллеги родителей с детьми»: «Алька начинает кружиться под музыку. Хорошо бы стать балериной и так кружиться, кружиться... – Аля, вот ты где! Это Оля, мамина артистка. Она протянула Альке руку. – Пойдем чай пить. У нас перерыв. – Пойдем, – соглашается Алька» [Михеева 2014: 22]. Здесь используемая стратегия – это просьба. Коллега мамы предлагала вместе с Алькой чай пить. И Алька согласилась. Тактики представляют собой вопрос, предложение, согласие.

Анализа показал, что в сборнике рассказов Т.В. Михеевой разговор между взрослым и ребенком реализуется при таких фреймах, как фрейм «разговор родителей с детьми», фрейм «разговор родственника с детьми», фрейм «разговор друг родителей с детьми», фрейм «разговор коллеги родителей с детьми». Используются такие речевые стратегии, как информирование, упрек, утешение, императивность, выяснение и просьба, из них чаще всего – стратегия информирования, просьбы. Это передает индивидуальные авторские характеристики речевой коммуникации, которые отражаются в рассказах для детей.

Литература

Гусаренко С.В. Актуализация фрейма в художественном нарративе (на материале современной русской прозы) / С.В. Гусаренко, М.К. Гусаренко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 223–227.

Калачева Е.В. Когнитивно-прагматическая специфика текста и дискурса / Е.В. Калачева // Вестник Курганского государственного университета. – 2018. – № 1 (48). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-pragmaticheskaya-spetsifika-teksta-i-diskursa> (дата обращения: 05.11.2023).

Михеева Т.В. Юркины Бумеранги (сборник) / Т.В. Михеева. – М.: Детская литература, 2014. – 320 с.

Тупикова С.Е. О когнитивных механизмах формирования коммуникативной тональности / С.Е. Тупикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnyh-mehanizmah-formirovaniya-kommunikativnoy-tonalnosti> (дата обращения: 04.11.2023).

Когнитивная сфера коммуникативного пространства оружейного дискурса Удмуртской Республики

*оружейный дискурс, коммуникативное пространство,
когнитивный интерес, полифонические включения,
когнитивная метафора*

В лингвофилософском подходе коммуникативное пространство рассматривается как модус бытия, при этом самоидентификация индивида в коммуникативном пространстве связана с дискурсом, функционирующим как динамическая система, стабильность которой обеспечивается входящими в ее структуру текстами [Миннуллина 2014: 4–41].

Б.М. Гаспаров рассматривает коммуникативное пространство как комплексное явление, компонентами которого являются жанр, коммуникативная тональность, предметно-тематическая составляющая, коммуникативная ситуация, представление коммуниканта об адресате, а также самосознание самого говорящего [Гаспаров 1996: 295–296].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть когнитивную сферу коммуникативного пространства оружейного дискурса, под которой мы понимаем познавательные интересы и аксиологические установки представителей исследуемой профессиональной группы, репрезентированные в речи оружейников. С этой целью были проанализированы интервью знаменитых конструкторов оружия Удмуртской Республики: М.Т. Калашникова, Г.Н. Никонова, М.Е. Драгунова.

Конструктора оружия Г.Н. Никонова называют «творцом искусства». Выбор метафоры не случаен: в дискурсе конструктора актуализируются лексические единицы, связанные с многочисленными сферами когнитивной деятельности оружейника (*древнегреческая философия, древнееврейская поэзия, классическая музыка, газодинамика, баллистика, подводное оружие, пневматическое оружие*), собственные имена (*А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Н. Макиавелли, Е.П. Блаватская*) [Шилин 2020]. Таким образом, в дискурсе оружейника Г.Н. Никонова отражены следующие сферы познавательных интересов коммуниканта: 1) гуманитарные науки (философия, литература, музыка), 2) дисциплины, связанные с производством оружия.

Когнитивные интересы оружейника М.Е. Драгунова связаны как с техническими, так и с гуманитарными и естественными науками: в его речи присутствуют цитаты таких поэтов и писателей, как В.В. Маяковский, А.С. Пушкин, Дж. Лондон, М.Е. Салтыков-Щедрин, а также оронимы, иноязычные вкрапления (*gun designer* ‘конструктор оружия’, *SVD-type* ‘при-

клад СВД') и др. В публикации «О государевых нуждах и “корыстных” оружейниках» М.Е. Драгунов упоминает о переписке Ивана IV Васильевича и Елизаветы I, используя данный исторический факт для подкрепления своей точки зрения [Драгунов 2003: 22]. В научной статье, посвященной особенностям и специфике становления конструкторского стиля Е.Ф. Драгунова, М.Е. Драгунов актуализирует английские эквиваленты для обозначения приклада СВД (*Dragunov-type, SVD-type*), что свидетельствует о свободном владении иностранными языками [Драгунов 2015: 36].

Конструктор М.Т. Калашников был не только легендарным изобретателем. Оружейник обладал литературным талантом: увлекался поэзией, создал ряд автобиографических произведений («Записки конструктора-оружейника», «Все нужное – просто», «Калашников: траектория судьбы» и др.).

В речи М.Т. Калашникова присутствуют цитаты русских поэтов Н.А. Некрасова, С.А. Есенина, паремии, стихотворения собственного сочинения, произведения народного творчества [Халиуллина 2023: 822].

В документальном фильме «Просто Калашников» конструктор, рассказывая о детском увлечении изобретательством, использует фольклорное включение:

«Эх ты Федор / эх ты Федор / Эх ты Федор темнота / Глянь-ка землю год от года / Люди пахут уж не так / Я в самом детстве начал интересоваться всякой крестьянской техникой / То ли это замок / то ли еще какое-то устройство / я обязательно стараюсь разобрать и собрать» [Никишин 2009].

В данном дискурсивном отрывке когнитивный интерес автора, связанный с поэзией, выражен имплицитно при помощи цитаты, в то время как интерес к конструкторской деятельности автора эксплицитен.

Широкий круг познавательных интересов оружейников эксплицирует многообразие видов когнитивных метафор, обнаруженных нами в профессиональной речи конструкторов оружия.

В дискурсе М.Е. Драгунова функционируют такие виды метафор, как природоморфная, астрономическая и антропоморфная метафоры, а в речи М.Т. Калашникова реализуются разнообразные модели социоморфной и артефактной метафор [Халиуллина 2022: 235–238].

Исследование позволяет сделать вывод о многосторонности личности оружейника, на что указывает разнообразие когнитивных интересов, охватывающих как технические, так и гуманитарные дисциплины.

В связи с этим в дискурсивное пространство оружейников Удмуртской Республики включены не только единицы, связанные с оружейным производством, но и полифонические вкрапления (цитаты знаменитых поэтов и писателей, паремии, произведения фольклорного творчества, элементы иноязычной речи), а также когнитивные метафоры как особый способ постижения действительности, отражающий картину мира коммуниканта.

Литература

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Драгунов М.Е. Конструкторский стиль Е.Ф. Драгунова: особенности и генезис / М.Е. Драгунов // Роль личности в развитии военно-технического потенциала страны. – Ижевск, 2015. – С. 35–36.

Драгунов М.Е. О государевых нуждах и «корыстных» оружейниках / М.Е. Драгунов // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. – 2003. – № 1. – С. 20–22.

Миннуллина Э.Б. Коммуникативное пространство. Рациональность. Дискурс / Э.Б. Миннуллина. – Казань: КГЭУ, 2014. – 180 с.

Никишин А. Просто Калашников: док. Фильм / А. Никишин. – М.: «Вся Россия», Фонд им. М.Т. Калашникова, 2009.

Халиуллина Д.А. Когнитивная метафора в дискурсе оружейников Удмуртской Республики / Д.А. Халиуллина // Елабужские филологические чтения. – Елабуга, 2022. – С. 234–240.

Халиуллина Д.А. Коммуникативные стратегии и тактики оружейного дискурса Удмуртской Республики / Д.А. Халиуллина // Вестник Удмуртского университета. – 2023. – Т. 33. – № 4 – С. 819–825.

Шилин В. «Энигма» Геннадия Никонова. К 70-летию создателя АН-94 / В. Шилин. – Калашников. – 11.08. 2020. – URL: <https://www.kalashnikov.ru/enigma-gennadiya-nikonova-k-70-letiyu-sozdatelya-an-94/> (дата обращения: 03.10.2023).

Взгляд Вежбицкой на язык, познание и культуру

Вежбицкая, Уорф, лингвистическая относительность

Общее представление Вежбицкой о взаимосвязи языка, мышления и культуры заключается в том, что люди сталкиваются с одним и тем же физическим миром (world), воспринимают информацию из физического мира через органы тела (body) и обрабатывают ее в мозге (brain). Информация, обработанная мозгом, представляется в виде концептов (concept) в сознании (mind), и, наконец, эти концепты представлены в языке. Среди них восприятие органами тела и обработка в мозге относятся к биологическим атрибутам человека, и между разными народами нет существенных различий, они универсальны. Мыслительный и концептуальный уровни различаются под влиянием разных культур, и эти различия отражаются в языке в виде различий в лексике и грамматике. Графически этот процесс можно представить следующим образом (см. рис. 1):

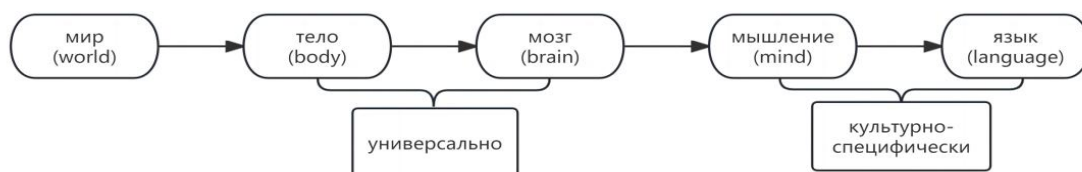

Рис. 1.

Далее посмотрим представление Вежбицкой о взаимосвязи между значением, концептом, культурой и семантическим примитивом. Во-первых, Вежбицкая приравнивает значение языковых символов к концептам, данная идея отражена во многих местах. Отношения между концептами (значениями) и культурой также могут быть объяснены с помощью семантических примитивов. Семантические примитивы являются наименьшими единицами человеческих концептов и языковых значений, а более сложные концепты и более сложные значения образуются через комбинации семантических примитивов. Семантические примитивы универсально присутствуют в человеческих концептуальных системах, а их экспоненты универсально присутствуют во всех человеческих языках. Чтобы изучить неуниверсальные, сложные понятия и значения, характерные для той или иной культуры, их необходимо разложить на уровень семантических примитивов, а сравнение этих понятий и значений проводить на уровне семантических примитивов. В этом заключается основная идея сопоставительного изучения языка и культуры с помощью семантических примитивов.

Как лингвист, долгое время занимавшийся сравнительным изучением языка и культуры, Вежбицкая считается «неовольфианцем». Важнейшая идея Уорфа – лингвистическая относительность (Linguistic Relativity), известная также как гипотеза Сапира-Уорфа (англ. Sapir–Whorf hypothesis). В лингвистических исследованиях Вежбицкой и Уорфа есть два сходства. Во-первых, оба делают акцент на изучении значения, через которое они понимают человеческое мышление и познание. Во-вторых, исходя из основного принципа языковых и культурных контрастов, оба отстаивают равенство языков и отвергают поверхностное понимание языка. И Вежбицкая, и Уорф критикуют «Базовый английский» (Basic English) Огдена.

Различия между культурным взглядом Вежбицкой на язык и лингвистической относительностью Уорфа также очевидны.

Во-первых, это разное понимание отношений между языком и культурой. Вежбицкая утверждает, что культура формирует наше мышление и концептуализацию, которые, в свою очередь, влияют на язык. По мнению Уорфа, язык формирует мышление людей, а разные языки приводят к разным способам концептуализации и восприятия, что, в свою очередь, приводит к разным культурам.

Во-вторых, Вежбицкая опирается на данные соотношений языка и культуры, чтобы доказать влияние языка на мышление. А по мнению Уорфа, чтобы доказать, что язык влияет на мышление, нужно аргументировать не только с помощью различных лингвистических и культурных фактов в разных языках, но, что более важно, с помощью языковых данных, которые универсально присутствуют во всех языках. Это четко выражено в работе Уорфа: «Не столько в этих особых случаях использования языка, сколько в его постоянных способах упорядочивания данных и в самом обычном повседневном анализе явлений мы должны осознать, какое влияние он оказывает на другие виды деятельности, как культурные, так и личные» [Whorf 1956: 134–135]. Иными словами, чтобы доказать влияние языка на мышление и культуру, мы не должны держаться за факты языка, которые являются частностями, а должны сосредоточиться на самых обычных и универсальных фактах языка.

Уорф часто доказывает влияние языка на мышление, анализируя грамматические структуры. Это объясняется тем, что грамматические структуры более стабильны в языковой системе по сравнению со словами. В периоды важных социальных изменений в языке часто появляется большое количество новых слов, но грамматическая структура всегда имеет тенденцию к стабилизации. Чтобы показать, что язык влияет на мышление, лучше всего выбрать лингвистические факты, которые распространены в разных языках. Только так мы сможем фундаментально доказать влияние языка на мышление, а не влияние определенного языка на определенный вид мышления или влияние определенных языков на определенные виды мышления. В своей статье Уорф проводит различие между «язык» (language) и «определенный язык» (a language) и «языки»

(languages), и языком в теории лингвистической относительности должен быть абстрактный «язык», а не «определенный язык» и «языки».

Литература

Goddard C. Whorf meets Wierzbicka: variation and universals in language and thinking / C. Goddard // *Language Sciences*, 2003. – № 25. – С. 393–432.

Goddard C. Minimal English and How It Can Add to Global English / C. Goddard, A. Wierzbicka // C. Goddard (ed.), *Minimal English for a Global World – Improved Communication Using Few Words*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018 – С. 5–27.

Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999.

Whorf B.L. *Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / B.L. Whorf. – Cambridge, Massachusetts: THE M.I.T. PRESS, 1956.

Wierzbicka A. *Semantic primitives* / A. Wierzbicka. – Frankfurt: Athenäum Verlag, 1972.

Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar* / A. Wierzbicka. – Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition / A. Wierzbicka // *Cognitive Linguistics*, 1990. – С. 99–50.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-Specific Configuration* / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1992.

沃尔夫. 论语言、思维 and 现实. 高一虹等译. 长沙: 湖南教育出版社, 2001, 第 211 页.

Проблемы изучения заимствованных слов

*заимствование, синхронный подход, диахронный подход,
этимология, взаимодействие*

Изучение проблемы заимствования имеет богатую традицию и давнюю историю в лингвистике вообще и русистике в частности. Заимствования постоянно используются носителями языка в обиходной речи. Все это делает их интересным и важным объектом изучения.

При изучении заимствований особое внимание уделяется причинам их появления в языке. Л.П. Крысин в своей книге выделяет два типа причин заимствований – внешний (неязыковой) и внутренний (языковой) [Крысин 2004: 26–27].

Важнейшей внешней причиной заимствований является межкультурное взаимодействие. Носителем конкретной культуры и средством ее передачи является прежде всего язык.

Взаимодействие культур активно исследовали такие ученые, как Н.Б. Мечковская, Л. Г. Ионин, и многие другие. Например, Ю.С. Маслов в своей книге «Введение в языкознание» пишет, что «общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между культурами» [Маслов 1987: 201].

Заимствования являются не только результатом межкультурного взаимодействия, но и его средством, так как наличие корпуса интернациональных корней и слов облегчает взаимопонимание.

Важно также, что заимствования помогают изучать такое взаимодействие. С их помощью можно обнаружить, в какой период и в какой области между странами осуществлялись контакты. В русском языке отмечаются периоды заимствования лексики определенной тематики преимущественно из одного какого-то языка и определенной тематики. По составу этой лексики, времени ее вхождения в язык и предметной области можно установить, с какой страной и в какой сфере наиболее активно контактировала Россия.

При активном межкультурном взаимодействии складывается интернациональное лексическое ядро, облегчающее научное и культурное общение. В разные эпохи это ядро может составлять лексика разных языков. Так, в основе европейского лексического интернационального языка лежат заимствования из латыни. В настоящее время такое ядро складывается на основе заимствований из английского языка, который выполняет

роль межъязыкового посредника. Так, на английском языке пишутся, например, аннотации к научным статьям, написанных на других языках.

Также очень важным для лингвистики является выделение и различение двух аспектов и методов изучения языка: синхронного и диахронного. Поскольку язык развивается, любой его объект можно анализировать в синхронии и диахронии.

В своих размышлениях А.А. Реформатский опирается на труды А.И. Смирницкого, который сформулировал следующее очень важное положение: «Язык определенной эпохи – это язык, существующий во времени, т. е. заключающий в себе момент диахронии... так как фактор времени по самому существу входит в язык. Таким образом, синхроническая система языка неизбежно должна рассматриваться во времени»¹ [Реформатский 1996: 27].

Это положение очень актуально и для исследования заимствований. Ранее они изучались только с диахронной точки зрения – в рамках **ЭТИМОЛОГИИ**.

Одна из важных задач этимологии – установить, возникло ли слово в родном языке или же было заимствовано.

Греческий философ Платон в своем диалоге «Кратил» упоминает эту проблему, что показывает на ее важность. Он очень точно описывает ситуацию, в которой возникает предположение о том, что слово является заимствованием. Ю.В. Откупщиков приводит следующую цитату из Платона: «при полной невозможности достичь какого-либо результата с помощью имеющихся в его распоряжении средств этимолог может объявить интересующее его слово заимствованием из языка варваров» [Откупщиков 1973: 150].

То есть вопрос о заимствовании возникает тогда, когда значение слова не удастся объяснить с помощью его описания через значение родственных исконных слов.

Результаты этимологических исследований позволяют высказать предположения о том, из какого языка могло прийти в язык слово и что оно могло значить в языке-источнике. Эти результаты фиксируются как в особых этимологических словарях.

Это очень полезно, так как расширяет кругозор пользователя языка и обращает его внимание на существовавшие межкультурные связи.

Этимологические исследования показали, что в русском языке существует много заимствованных слов, которые кажутся абсолютно исконными. Это прежде всего слова, пришедшие из старославянского языка.

Особую проблему при установлении происхождения представляет разграничение заимствованных слов и слов, принадлежащих общему

¹ Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередования звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 25.

праязыку. По одной из научных гипотез, все языки восходят к одному праязыку, создавая фонд общей для них лексики. Существование общеиндоевропейского и общего праславянского языков доказано. Поэтому, например, русское слово *сын* нельзя считать заимствованием от англ. *Son* и наоборот. Это общеиндоевропейское слово. Реконструкция праславянского и праиндоевропейского языков является очень актуальной. Она позволила бы уточнить состав заимствований.

На каждом этапе существования языка в нем есть некоторое количество заимствований, используемых в текстах того или иного типа, но ощущаемых носителями языка как чужие и нуждающиеся в «переводе», толковании. Эту задачу выполняют особые словари – словари новых слов (в них заимствования описываются наряду с новой лексикой) и словари иностранных слов, функционирующих в языке данного периода.

В ходе развития языки взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие отражается прежде всего в лексической системе, которая пополняется заимствованными словами. Лексические заимствования – это результат межкультурного взаимодействия. По мнению большинства ученых, такое взаимодействие обогащает народы и их языки, и делает их ближе. Изучение заимствованных слов может помочь нам лучше понимать культуру других стран.

Литература

Откупщиков Ю.В. К истокам слова / Ю.В. Откупщиков. Изд. Просвещение. – 1973. – 256 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по-современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. – М., «Языки славянской культуры». – 2004. – 72 с.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высшая школа. – 1987. – 272 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс. – 1996. – 536 с.

Английские квазисубъектные модели в залоговой перспективе

*квазисубъектная модель, средний залог, категория залога,
семантика синтаксиса*

В настоящее время в рамках динамично развивающегося когнитивного подхода к изучению языковых единиц внимание уделяется выявлению различных способов осмысления языковой действительности, а также анализу языковых средств, с помощью которых осуществляются процессы концептуализации и категоризации [Тивьяева 2020]. Такими языковыми средствами могут выступать различные синтаксические модели [Сулейманова 2018], в частности квазисубъектные модели типа *The door opens easily*. Анализ составных компонентов данных моделей (субъект, предикат, наречие) позволит составить исчерпывающее семантическое описание данных моделей и определить их роль в концептуализации ситуации носителем языка.

Рассмотрим предикативный компонент исследуемой синтаксической модели. Следует отметить, что в русском языке данный компонент представлен возвратным глаголом с формантом *-ся* (*Грязь легко **удаляется**, Воздух постепенно **охлаждается***), который можно отнести к глаголам среднего залога. Под данный вид залога попадают ситуации, когда действие исходит из субъекта и замыкается в нем, т.е. занимает промежуточное положение между действительным и страдательным залогом [Викулова 2008: 491]. В английском языке, напротив, предикативный компонент модели представлен глаголом в форме активного залога (*The door **opens** easily, The book **sells** well*). В связи с этим поднимается вопрос о том, к какому виду залога следует отнести глаголы в составе английской квазисубъектной модели, поскольку, в отличие от возвратных глаголов в русском языке, английские глаголы не обладают такими морфологическими компонентами, маркирующими реализацию глаголов среднего залога.

Отметим, что некоторые исследователи выделяют в английском языке так называемое «среднее значение», которое указывает на влияние некоторых внешних обстоятельств на субъект высказывания, что влечет за собой замыкание действия в самом субъекте. Например, среднее значение может реализовываться в рамках конструкций с глаголами, которые описывают определенное состояние субъекта, его качества и особенности [Хлебникова 2004: 123], в частности, в таких высказываниях, как *The milk tastes sour, The ditch smells badly, The cutter blunts quickly* (т.е. в рассматриваемых квазисубъектных моделях). Маркером среднего значения в данных высказываниях выступает, во-первых, неодушевленный

субъект. Как представляется, с помощью квазисубъектных моделей описывается следующая ситуация: неодушевленный предмет осуществляет действие, характерное для одушевленного лица. Тем не менее следует учитывать, что неодушевленный субъект не способен самостоятельно совершать описываемые события, поэтому необходимо воздействие со стороны некой внешней силы для реализации действия [Хлебникова 2004: 123]. В данном случае происходит частичная нейтрализация оппозиции активного и пассивного залога, то есть наблюдается совмещение характеристик данных видов залога, что позволяет говорить о существовании среднего залога в английском языке [Викулова 2008: 491].

Во-вторых, маркером реализации глагола среднего залога в рамках английских квазисубъектных моделей выступает наречие, которое позволяет отличить данные модели от других похожих высказываний. Ср. *The door opens **quickly*** – *The door opens*, где во втором высказывании событие представлено как происходящее само по себе, при этом присутствие внешней силы для реализации события в данном случае не обязательно. В первом высказывании, напротив, наречие *quickly* имплицитно задает наличие некоего внешнего лица, которое прилагает усилия для осуществления действия, однако в итоге релевантными выступают свойства и качества субъекта высказывания *the door*. Иными словами, модели типа *The door opens **quickly*** представляют событие с точки зрения качеств и свойств субъекта, тогда как модели без наречия типа *The door opens* указывают только на факт реализации события [Taylor 2006: 365].

Таким образом, применительно к квазисубъектным моделям можно говорить об имплицитной категории среднего залога, не имеющей собственного морфологического оформления, но маркируемой следующими семантическими и синтаксическими признаками [Викулова 2008: 496].

Семантическим маркером выступает элемент значения глагола, позволяющий ему сочетаться в непереходной конструкции с неодушевленным субъектом, который наделяется признаком одушевленности. В результате можно наблюдать высказывание, описывающее действие, которое исходит из субъекта и замыкается в нем (т.е. передается значение среднего залога) [Викулова 2008: 496]. Ср.: *The word **spreads** quickly*, где переходный глагол *to spread* может реализовывать непереходное значение, тогда как в высказывании **The problem **solves** easily* глагол *to solve* в сочетании с неодушевленным субъектом *problem* такое значение принимать не может. Связано это с тем, что в данном случае для реализации соответствующего действия необходимо присутствие одушевленного лица, способного прилагать умственные усилия: *The team solved the problem easily*.

Синтаксическим критерием, позволяющим выделить конструкцию среднего залога, выступает возможность построения пассивного высказывания. Например, активная конструкция, в которой эксплицитно выражен реальный производитель действия, допускает преобразование в пассивную: *She stops the car* – *The car was stopped by her*. Высказывания, в

которых реализуется глагол среднего залога, напротив, такого преобразования не допускают. Возможны, тем не менее, высказывания типа *The car stops suddenly* – *The car **was stopped** suddenly*, однако в данном случае в пассивной конструкции фокус смещается на некое внешнее лицо, усилиями которого реализуется событие (*The car was stopped suddenly **by the police***). О свойствах и качествах субъекта *the car* (например, особенности внутренних механизмов, деталей, которые обеспечивают резкую остановку машины) в данном случае говорить не приходится. Иными словами, преобразование квазисубъектной модели в пассивную конструкцию влечет за собой изменение семантики квазисубъектного высказывания.

Таким образом, в результате анализа глагольного компонента английских квазисубъектных моделей типа *The door opens easily* представляется возможным отметить следующее. Во-первых, наречие в составе модели позволяет имплицитно задать наличие некой внешней силы, усилиями которой осуществляется событие. Во-вторых, с помощью наречия в фокус помещаются свойства и качества неодушевленного субъекта, которые обеспечивают реализацию соответствующего действия. Наконец, присутствие неодушевленного субъекта в сочетании с переходным глаголом, описывающим действия, которые обычно выполняются одушевленным лицом, происходит совмещение характеристик активного и пассивного залога. В связи с этим можно наблюдать, как действие исходит из субъекта и замыкается в нем. Иными словами, в данном случае можно говорить о реализации в рамках английских квазисубъектных моделей глагола среднего залога.

Литература

Викулова Е.А. Средний залог как имплицитная грамматическая категория современного английского языка / Е.А. Викулова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2008. – № 8. – С. 489–498.

Сулейманова О.А. Использование Big Data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* / О.А. Сулейманова, В.В. Демченко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 466–472.

Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива / И.В. Тивьяева // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 303–315.

Хлебникова И.Б. Морфология английского языка: учеб. пособие / И.Б. Хлебникова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2004. – 135 с.

Taylor J.R. The middle construction as a prototype category / J.R. Taylor, K. Yoshimura. // Journal of the Cognitive Linguistics Society of Japan. – 2006. – № 6. – P. 362–370.

Уровневый подход к изучению понимания текста

*понимание текста, чтение, смысл, имплицитные смыслы,
междисциплинарный подход*

Одно из направлений исследований феномена понимания в психологии связано с выявлением когнитивных механизмов, обеспечивающих экспликацию смысла подлежащего пониманию объекта. Для изучения таких механизмов используются различные когнитивные задачи – в том числе вербальные тексты.

Для достижения максимально полного понимания текста реципиенту необходимо осуществить взаимообратимый перевод осмысляемого содержания с «языка» психических образов на вербально-символический «язык» [Веккер 1976]. При этом само понимание справедливо рассматривать как градуальное психическое образование, что предполагает использование уровневого подхода к его анализу и описанию [Лурия 2004].

Ранее на примере вербальных шуток нами было описано пять уровней «когнитивного» и три уровня «эмоционального» понимания [Щербакова 2009]. Когнитивное понимание отвечает за осуществление формальных интеллектуальных операций, связанных со считыванием когнитивного устройства текста; эмоциональное – отражает степень эмоционального присоединения реципиента к каждому из описанных в тексте героев. Эти два вида понимания отражают две стороны одного и того же феномена и являются связанными друг с другом: в норме эта связь проявляется как взаимная компенсация [Понимание 2018], но при некоторых психических патологиях принимает декомпенсирующий характер [Особенности 2018].

Достижение реципиентом того или иного уровня когнитивного и эмоционального понимания связано в том числе с выраженностью субъективных проекций (как правило не осознаваемых искажений исходных элементов текста за счет влияния эмоционально-окрашенного личного опыта) и степенью метакогнитивного контроля над ними [Никифорова 2017]. Объем проективной продукции и то, в какой мере она поддается метакогнитивному контролю, возможно оценить с помощью метода глубинного структурированного интервью. Оно проводится в процессе работы реципиента с предъявленным ему текстом и предполагает подробное расспрашивание респондента о развитии его интеллектуальной деятельности в режиме онлайн, а также сопоставление последней с моделью умственных действий «эталонного» реципиента, созданной в результате предварительной экспертизы конкретного стимульного материала.

При использовании в качестве стимульного материала вербальных текстов проведение такой экспертизы часто требует применения междисциплинарного подхода, интегрирующего опыт изучения понимания в психологии и лингвистике. Мы предлагаем использовать подход, направленный на исследование имплицитных смыслов (то есть смыслов, которые не имеют прямого выражения в тексте и могут быть извлечены читателем через установление соответствия между текстовыми структурами на основе имеющегося опыта и знаний [Ермакова 2010]), так как он дает возможность объединить рассмотрение психологических особенностей читателя и текстовых факторов.

Мы использовали характеризующийся сложной структурой имплицитных смыслов рассказ Г. Грина «Невидимые японские джентльмены» [Грин 2004], по отношению к которому осуществили лингвостилистический и пропозиционный анализ [Аверьянова 2022], позволивший выявить различные элементы структуры имплицитных смыслов (всего 87) на стилевом, синтаксическом, лексико-семантическом, текстовом, концептуальном уровнях и на уровне интертекстуальных включений; также были выделены 66 ключевых пропозиций текста. Далее присутствие в тексте перечисленных элементов было подтверждено в ходе независимой лингвистической экспертизы ($n = 8$).

На основе данных глубинных полуструктурированных интервью с 30-ю респондентами мы разработали 5-уровневую шкалу критериев количественной оценки полноты понимания текста [Щербакова 2023]. Эта шкала позволяет фиксировать количество элементов структуры имплицитных смыслов, отраженных в данной реципиентом интерпретации, а также степень представленности в ней основной и второстепенных тем текста. В качестве дополнительного источника данных об индивидуальной специфике процесса понимания возможно соотнесение выявленных уровней полноты понимания с представленностью различных типов имплицитных смыслов в вербальных отчетах читателей (представлено/не представлено) [Там же].

Преимущества использования текста со сложной уровневой организацией имплицитных смыслов в качестве модели для изучения понимания обеспечиваются такими его особенностями, как: 1. деавтоматизированность восприятия, позволяющая рассматривать процесс понимания в замедленном режиме; 2. возможность соотнести различные типы имплицитных смыслов с различными психическими операциями; 3. разнообразие представленных в тексте имплицитных смыслов, различающихся по структуре, наполнению и требующимся для их интерпретации когнитивным действиям; 4. уровневая организация требующих интерпретации смыслов, позволяющая рассматривать интеллектуальное поведение читателя на нескольких планах.

Описанный подход позволяет реконструировать процесс понимания текста реципиентом как его последовательное движение по пространству

структуры текста и может открыть перспективы для более точной операционализации понятия полноты понимания текста.

Литература

Аверьянова В.А. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 / В.А. Аверьянова, О.В. Щербакова // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 3 (53). – С. 42–61.

Веккер Л.М. Психические процессы. Том 2 / Л.М. Веккер. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

Грин Г. Особые обязанности / Перевод с английского В. Вебера / Г. Грин – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2004. – С. 338–342.

Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Ермакова. – Саратов, 2010.

Особенности понимания юмора при психических заболеваниях: качественный анализ / Е.М. Иванова, В.С. Образцова, Е.В. Грабовая, О.В. Щербакова // Вопросы психологии. – 2018. – № 6. – С. 77–87.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов / А.Р. Лурия. – СПб.: Питер. – 2004.

Никифорова Е. А., Понимание многозначных текстов в норме и у пациентов с невротическими расстройствами / Е.А. Никифорова, О.В. Щербакова // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования: Сб. науч. тр.: Междунар. науч. конф. молодых ученых: В 2 т. – СПб.: Скифия-принт. – 2017. – Т. 2. – С. 135–141.

Щербакова О.В. Когнитивные механизмы понимания комического: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.В. Щербакова. – СПб. – 2009.

Щербакова О.В. Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2 / О.В. Щербакова, В.А. Обольская (Аверьянова) // Вопросы психолингвистики. – 2023. – Т. 1. – №. 55. – С. 112–127.

Понимание юмора у здоровых людей и пациентов с психическими заболеваниями: когнитивный и эмоциональный компоненты / О.В. Щербакова, В.С. Образцова, Е.В. Грабовая, Р.В. Чан, Е.М. Иванова // Вопросы психологии. – 2018. – № 4. – С. 92–102.

Некоторые мысли философов о тишине

*прагмалингвистика, молчание, проблема молчания,
виды молчания*

На сегодняшний день количество философских исследований, посвященных проблеме молчания, в мире сравнительно невелико, поэтому сложно сказать, что феномен молчания изучен достаточно философски. Доказательством нашей точки зрения является тот факт, что молчание и единицы молчания не включены даже в словари и философские энциклопедии. Известно, что феномену молчания уделяли определенное внимание такие философы, как М.М. Бахтин [Бахтин 1986], М.К. Мамардашвили [Мамардашвили 1999], К.А. Богданов [Богданов 1998], М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993], М.М. Бубер [Бубер 1999].

Русский философ М. М. Бахтин (1895–1975) выдвигает тезис о молчании, видах молчания, его многообразии и продолжает взгляды греческого философа Аристотеля.

Ведь греческий философ Аристотель (384–322) был одним из первых, кто разделил феномен молчания на два типа: молчание, выражающее содержание, и молчание, не выражающее содержания [Аристотель 2019]. Окружающее молчание, молчание в природе, молчание людей вне речевого процесса (общения) относится к виду молчания, не выражающего содержания, и только молчание людей в процессе речевого общения (если оно преследует какую-либо цель или направлено на выражение определенной идеи) является содержанием, признает, что оно представляет собой невыполнение обязательств. Тишина – естественное явление, лишенное материальности. Молчание не имеет семиотического знака, оно не способно передать никакого содержания как явление природы. Когда молчание проникает в психику человека, оно становится средством раскрытия разных смыслов.

Не будет преувеличением сказать, что этот тезис Аристотеля послужил методологией исследования молчания в области философии, лингвистики и психологии. Острые афоризмы этого философа о молчании не утратили своей сути. Например,

«Человек учится говорить два года, а потом учится молчать всю оставшуюся жизнь» [Аристотель 2019]. На самом деле для многих людей молчание (слушание) является более тяжелой работой, чем говорить.

Есть такая история: Слушание – это навык, требующий терпения, выдержки и особых манер. Однажды к древнегреческому философу Аристотелю пришел очень умный юноша и попросил научить его искусству

публичных выступлений. Произнеся напыщенные слова, он спросил Аристотеля, сколько тот заплатит за его обучение.

– С вас возьмут в два раза больше, чем с других, – нахмурившись, ответил философ.

– Зачем? – удивился парень.

– Потому что мне приходится работать с тобой вдвойне: прежде чем научить тебя говорить, я должен научить тебя молчать...

М.М. Бахтин обогащает мысли Аристотеля о молчании и его видах: он различает молчание, молчание и паузу. По мнению ученого, тишина означает природное явление, отсутствие звука в определенном месте и времени; а молчание, в отличие от него, – явление, связанное с психикой человека, свидетельствующее об отсутствии слов и предложений, но о наличии выражаемого ими содержания. Пауза – это явление, используемое для разделения синтаксических единиц текста, резко отличающееся от принятого по умолчанию. Эти мысли М.М. Бахтина учтены и в философии языкознания, которая до сих пор не утратила своей сути.

Заслуживают внимания мысли грузинского философа М.К. Мамардашвили (1930–1990) о феномене молчания и существовании двух границ между речью и письмом. По мнению философа, в процессе речевого общения, когда слушающий знает и чувствует, что мнение говорящего неуместно или указанное мнение ложно, неправильно, мышление требует перехода речевого процесса в речевую форму, невербальное состояние, и сохраняется значение по умолчанию.

«Хранится молчание» [Хайдеггер 1993] в письменной форме вместо слов и предложений, которые запрещено произносить.

М.К. Мамардашвили указывает на равенство молчания и речи – молчание равно речи при выражении мнения, поэтому необходимо изучить особенности молчания. Хотя мысли М.К. Мамардашвили об использовании молчания в речевом общении повторяются, его замечания о равенстве молчания и речи были новыми для науки.

Русский философ К.А. Богданов (1963) в монографии «Очерки по антропологии молчания» приводит мысли, согласующиеся с комментариями М.К. Мамардашвили: «Молчание есть элемент речевой культуры, это аспект, относящийся не только к речевой культуре, но и к общечеловеческой культуре» [Мамардашвили 1999], и это продуктивно. Следовательно, и правильное использование должно быть известно и рассмотрено каждым. Не всегда учитывается тот факт, что молчание и его использование не выбирают время, место, нацию или статус.

Есть члены общества, которые не говорят, а есть те, кто никогда не молчит. В определенном смысле вместо слов используется молчание, поэтому оно может раскрыть логику, которую нельзя выразить словами. Это наглядное доказательство: молчание не менее парадоксально, чем слова.

В своей монографии К.А. Богданов одним из первых анализирует феномен молчания с философской, религиозной, этнографической, психологической и социологической точки зрения и создает собственную концепцию молчания. Ученый доказывает, что молчание для общества – явление, функционально равное другим формам общения.

К.А. Богданов не поддерживает замечания Бахтина о различении молчания, он считает, что как тишина в природе, окружающем, так и тишина, сохраняемая в процессе речевого общения, естественны для человека. Ученый пытается обосновать свои идеи на том основании, что понятия молчание не различаются в английском (*silence*), французском (*silenzio*) и испанском (*silencio*) языках.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976) утверждает: «Если процесс речевого общения между людьми усиливает отчуждение, избегание этого разговора или утрату самосознания или традиций, важных для человека, то ясно, что этот диалог не может быть продолжено, если оно начинает находить убеждения и концепции. Естественно, это усиливает чувство одиночества. В этой ситуации важно не продолжать разговор вербальными средствами, а на любое обращение, вопрос, предложение или замечание отвечать молчанием» [Хайдеггер 1993].

Хайдеггер говорит, что самое главное – хранить молчание в ситуациях, когда словесный ответ излишен или определенная мысль не может быть выражена словесно, а молчание носит временный (мгновенный) характер, оно не раскрывает конкретной цели для конкретной речевой ситуации, то есть это указывает на то, что оно может быть абстрактным. По мнению Хайдеггера, истина в том, что молчание лучше всех слов.

Мартин Хайдеггер подробно останавливается на феномене молчания в разделе «Язык» своей монографии «Путь к языку» и подчеркивает, что «молчание есть истинное общение». «Это правда, что тишину нельзя произнести с помощью системы звуков или записать с помощью букв. Но в процессе речевого общения “не рожденному” коммуникатору приходится использовать молчание с “усилием”, которое в конечном итоге “приводит к языку” ... А язык – это дом бытия» [Хайдеггер 1993]. По мнению немецкого мыслителя, сущность молчания проявляется, с одной стороны, в отсутствии материальной речи, а с другой – в наличии нематериальной речи.

Хайдеггер подчеркивает, что в ситуациях речевого процесса общения, когда мысль, цель или ответ выражаются молчанием, молчаливый собеседник может определить свою позицию субъекта. Иногда ответ, даваемый молчанием, может быть настолько сильным, что его невозможно добиться тем же эффектом, если выразить его словами [Хайдеггер 1993].

Немецкий философ Мартин Бубер (1878–1965) связывает феномен молчания с философской категорией свободы. По мнению Бубера, в ходе речевого процесса говорящий определяет свою позицию в речевом процессе в определенной степени посредством выражения своих мыслей словами. В случае молчания говорящий (или слушатель) освобождается

от налагаемых на него моральных обязательств путем выбора своей позиции. Своими взглядами Мартин Бубер исключает из процесса речевого общения феномен молчания как философское понятие, то есть подходит к феномену молчания как структурной единице категории свободы.

В философии языка феномен молчания рассматривается в связи с дихотомией языка и мышления. Австрийский философ и логик Людвиг Витгенштейн (1889–1951) разработал «тезис молчания» в 1994 г. Согласно метафизике Людвиг Витгенштейна, о необъяснимом следует всегда молчать. Это мнение поддержали ряд философов, богословов и представителей других направлений.

Примечательно, что Людвиг Витгенштейн опирался на идеи Хайдеггера при создании «тезиса молчания».

Показывая диалектическую связь между молчанием и речью, Уильям Шмитц пишет, что молчание является компонентом языка. «Лингвистические знаки на что-то указывают, заменяют недостающее, но и сами знаки тоже могут быть заменены. В такой ситуации молчание становится признаком отсутствия персонажей. Молчание не разрушает речевой процесс, если принять во внимание, что в речи невозможно сказать (или написать) все, молчание как бы совершенствует речь» [Schmitz 1994].

Заметим, что тесная связь между молчанием и внутренней речью не может отрицаться большинством философов в своих афоризмах.

Литература

Аристотель. Риторика / Аристотель. – М.: Эксмо-Пресс, 2019. – 256 с.

Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens / К.А. Богданов. – СПб.: Рус. христиан. гуман. ин-т, 1998. – 352 с.

Мамардашвили М.К. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 216 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – С. 1–45.

Schmitz U. (1994) Eloquent silence. – URL: https://duepublico2.uni-due.de/servlets/MCRFileNodeServlet/duepublico_derivate_00000030/Schmitz_Eloquent_silence.pdf

**Топоним «Елабуга» в творчестве Д.И. Стахеева
и С.Т. Романовского: сопоставительный анализ**

ономастика, топонимика, лингвокраеведение

Одной из важных задач современной лингвистики является анализ историко-культурных особенностей ономастического материала. В данной статье рассматриваются лингвосемантические характеристики топонима «Елабуга» в прозаических произведениях Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского. Жизнь обоих писателей неразрывно связана с Елабугой:

- Стахеев Дмитрий Иванович (1840–1918) – представитель одной из самых знаменитых елабужских купеческих династий, известных в 70–90-е гг. XIX в. Вопреки воле отца становится известным писателем, отказывается от службы в государственном контроле, чтобы исполнить мечту детства.

- Романовский Станислав Тимофеевич (1936–1996) – российский писатель, родившийся в Елабуге, но всю свою творческую жизнь проведший в Москве, где проработал в журнале «Сельская молодежь», автор более тридцати сборников повестей и рассказов.

Елабуга – провинциальный город с тысячелетней историей, однако в произведениях литературных деятелей топоним Елабуга приобретает разнообразные оттенки значений, отражающих субъективные переживания. Новизна данного исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка сопоставить образ города в очерках Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского. Рассмотрим результат творчества авторов в хронологическом порядке.

Через образ Елабуги Дмитрий Иванович Стахеев в своих произведениях придает русской провинции особые черты. В романе «Домашний очаг» мы видим город Малиновск, в романе «На закате» – Малореченск, в романе «Законный брак» – Камск, в романе «Обновленный храм» – город N. Исследователи творчества Дмитрия Ивановича утверждают, что прообраз этих городов – Елабуга: «...в повести «Обновленный храм» описан вид Елабуги и указаны некоторые черты из ее прошлого» [Валеев 2001: 111–112].

Говоря о провинции, Дмитрий Иванович описывает Елабугу, изображая, вероятно, собирательный образ малых городов России.

Например, в романе «Домашний очаг» есть свидетельство, подчеркивающее общность образа города с реальным топонимом Елабуга: «...гористый берег реки обрисовывается не только со всеми своими селами и их храмами, но и со всеми разнообразными оттенками красот

леса и долин, идущих вдоль реки и вправо и влево и тянувшихся далеко, далеко, пока глаз может различать предметы» [Стахеев 1902: 4]. Подобные описания мы встречаем и в других произведениях Дмитрия Ивановича.

Автор в один ряд ставит понятие «Елабуга» с понятием «свобода, простор». С крутого спуска «...открывался вид на огромное пространство...» [Стахеев 1902: 163]. «Хорош наш городок... вон речка... быстра реченька течет... вон луга, травушка на них муравушка... Да, очень хорошо! Райский, можно сказать, уголок» [Стахеев 1902: 15]. В данном примере оценочный характер высказывания формируется при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов (*муравушка, травушка, речка, реченька, уголок, городок*)

Кроме положительного ассоциативного ряда, топоним Елабуга у Дмитрия Стахеева содержит и отрицательную коннотацию. К примеру, автор подчеркивает: «...угрюмые леса, бедные деревеньки, сплошь состоящие из лачуг, крытых соломой, грязные почтовые станции...» [Стахеев 1903: 74]. «...какой-то бедный городишко», «...на улицах городишка было пусто, мертвенно...» [Стахеев 1903: 75]. Здесь провинциальный город предстает как бедное, необустроенное пространство. Оценочный характер высказыванию, помимо лексем, придают суффиксы (*деревеньки, городишко*).

Описывая деревенский быт, Дмитрий Иванович правдиво изображает крестьянскую жизнь: безрадостную, угрюмую, мрачную. «...встречались на пути и быстро исчезали из виду обдаваемые паром и дымом поезда, печальные деревеньки, «жилища бедности, невежества и, может быть, спокойствия...редкие и скудные растительностью перелески и вечно низменные болотистые равнины...» [Стахеев 1903: 187–188].

Таким образом, топоним Елабуга в романах Дмитрия Стахеева проявляется не только как имя собственное, обозначающее название города, но и отражает субъективное отношение писателя к родине.

В текстовом поле произведений Станислава Романовского топоним Елабуга образует целый ряд семантических блоков: Елабуга как топонимическое пространство, Елабуга – купеческий город, Елабуга – родина, Елабуга – старинный город, Елабуга – провинция, Елабуга – колыбель великих людей и др. [Ибрагимова 2012: 191–194].

Главной темой рассказов Романовского является тема большой и малой родины. Все группы семантических блоков объединены идеей любви к родине, любованием ее богатствами, народом, природой, ценности памяти о родной стороне: «Я тебя не дам в обиду, милая! Я заслону тебя.... Я с тобой, слышишь! Ныне и присна и во веки веков!» [Романовский 2007: 176] Отсутствует отрицательная реализация топонима.

Тесная связь жителя Елабуги с природой и бережное отношение к ней подчеркнуто отражается в текстах автора. Например, фамилии персонажей повестей «Башня над Камой», «Пушка из красной меди», «На Вятке – реке», «Синяя молния» отражают местный колорит и являются

переосмыслением географических названий: *Елабужские, Поспеловские, Танаевские*. Автор так же освещает гидронимы: *Кама, Вятка, Тойма, Криуша, Танайка, Каринка, Анзирка, Умяк* и более чем пятьдесят озер около Елабуги и Танайки. Согласно Н.Д. Арутюновой, подобная оценка является субъективным отношением к реалиям окружающего мира. При этом для автора первично не указать о географическом расположении объектов, а с их помощью выразить любовь к родному краю [Арутюнова 1999: 182].

В произведении «Башня над Камой» автор упоминает елабужское Чёртово городище и местные легенды, предания, связанные с ним. Цикл «Елабужских рассказов», написанных писателем в последние годы жизни, – это как дань родной елабужской земле-родительнице за дарованную жизнь, за талант и одновременно объяснение в любви ко всем живущим на этой земле. Кроме этого, автор указывает, что Елабуга – это провинция, называет его городом на берегу Камы.

Топоним Елабуга в творчестве Станислава Романовского становится способом выражения чувств и эмоций. Подобная характеристика города объясняется тем, что любой концепт отличается способностью к реализации при помощи разнообразных языковых знаков [Слышкин 2000]. На передний план выходит метафорическое переосмысление действительности. В рассказах Станислава Романовского его родина, город Елабуга, часто описывается как место, где он нашел вдохновение и поддержку для своего творчества. Он передает свою любовь к этому городу через свои произведения, описывая его красоту, атмосферу и особенности. Романовский также рассказывает о людях, которые живут в Елабуге, их доброте. Для него родина играет важную роль в творческой жизни, и он с гордостью подчеркивает свою принадлежность к этому месту.

Проанализированный языковой материал показывает, что в произведениях Дмитрия Стахеева и Станислава Романовского топоним Елабуга реализуется через разнообразные языковые маркеры. Стоит предположить, что это напрямую связано с периодами, в которые жили и творили писатели, а также экономическим, социальным статусом Елабуги среди населенных пунктов России в XIX–XX вв.

Согласно А.А. Ивину, *«являющееся хорошим для одного, может не быть хорошим для другого, и следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, т.е. релятивизировать оценку путем указания лица, высказывающего ее»* [Ивин 1970]. У Стахеева Елабуга в первую очередь выступает в качестве провинции, маленького неуютного города. Дмитрий Иванович не украшает реальную действительность. Обращает внимание как на положительные, так и отрицательные стороны жизни населения. Кроме того, он завуалированно использует название города (отсутствует прямое упоминание Елабуги, однако, в романах встречаются названия *Малиновск, Малореченск, Камск, город N*). В рассказах Романовского Елабуга ассоциируется с родиной – местом, наполненным любовью, красотой, отличающейся широкой душой людей, проживающих

там, ценящих культуру и историю родного края. Автор неоднократно использует реальные географические названия.

Таким образом, в сознании писателей топоним Елабуга приобретает отдельные значения, способствуя появлению новых ассоциативных рядов, связанных с субъективным мировоззрением и мироощущением.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Ибрагимова Э.Р. Концепт «Елабуга» и его актуализация в прозе С.Т. Романовского / Э.Р. Ибрагимова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 191–194. – URL: <http://teoria-practica.ru/-10-2012/culture/ibragimova.pdf>.

Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.

Романовский С.Т. Костер из тальника (1931): рассказы / Станислав Романовский. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ. – 2007. – 213 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультур. концепты прецедент. текстов в сознании и дискурсе: [монография] / Г.Г. Слышкин; Моск. гос. лингвист. ун-т. Науч.-учеб. центр яз. и культуры Север. Евразии им. князя Н.С. Трубецкого. – М.: Academia, 2000. – 125 с.

Стахеев Д.И. Домашний очаг / Д.И. Стахеев. – Собр. соч.: в 12. т. – Т. 4. – СПб.; М.: Тов-во М.О. Вольфа, 1902. – 308 с.

Стахеев Д.И. На закате / Д.И. Стахеев. – Собр. соч.: в 12. т. – Т. 6. – СПб.; М.: Тов-во М.О. Вольфа, 1902. – 258 с.

Стахеев Д.И. Наследники / Д.И. Стахеев. – Собр. соч.: в 12. т. – Т. 10. – СПб.; М.: Тов-во М.О. Вольфа, 1903. – 379 с.

Стахеев Д.И. Обновленный храм / Д.И. Стахеев. – Собр. соч.: в 12 т. – Т. 2. – СПб.; М.: Тов-во М.О. Вольфа, 1902. – 289 с.

The Conventional Conditionality of Political Discourse

political discourse, conventionality, conditionality

Political discourse is a crucial aspect of any democratic society. It is the means by which individuals and groups express their opinions, ideas, and beliefs about political issues. However, political discourse is not always straightforward, and it can be influenced by various factors, including conventional conditionality. This article will explore the concept of conventional conditionality in political discourse, its impact on political communication, and its implications for democratic societies.

Conventional conditionality refers to the set of norms, rules, and expectations that shape political discourse. These norms and rules are often implicit and are based on shared assumptions about what is acceptable and what is not. They can be influenced by various factors, including cultural, social, and historical contexts. Conventional conditionality can have a significant impact on political communication, as it can shape the way individuals and groups express their opinions and ideas.

One of the key implications of conventional conditionality is that it can limit the range of ideas and opinions that are expressed in political discourse. This is because individuals and groups may feel constrained by the norms and rules of conventional conditionality and may be hesitant to express ideas that are outside of these norms and rules. This can lead to a narrowing of the political debate and a lack of diversity in political discourse.

Another implication of conventional conditionality is that it can lead to the use of euphemisms and other forms of indirect communication in political discourse. This is because individuals and groups may feel that they cannot express their opinions and ideas directly, and may resort to using euphemisms and other forms of indirect communication to convey their message. This can lead to a lack of clarity in political discourse and can make it difficult for individuals and groups to understand each other's perspectives.

Conventional conditionality can also have implications for democratic societies. In particular, it can limit the ability of individuals and groups to express their opinions and ideas freely, which is a fundamental aspect of democratic societies. This can lead to a lack of diversity in political discourse and can limit the range of ideas and opinions that are considered in political decision-making.

Here are some examples of speeches by English-speaking politicians:

Barack Obama's 2008 Democratic National Convention Speech: This speech, delivered by then-Senator Barack Obama, is widely regarded as one of the most memorable political speeches in recent history. In it, Obama spoke about his vision for America and his belief in the power of hope and change.

Margaret Thatcher's "The Lady's Not for Turning" Speech: This speech, delivered by former British Prime Minister Margaret Thatcher in 1980, is considered one of her most famous. In it, she defended her government's policies and declared that "the lady's not for turning" in the face of opposition.

Winston Churchill's "We Shall Fight on the Beaches" Speech: This speech, delivered by former British Prime Minister Winston Churchill in 1940, is considered one of his most famous. In it, he rallied the British people during World War II and declared that they would fight on, no matter the cost.

Martin Luther King Jr.'s "I Have a Dream" Speech: This speech, delivered by civil rights leader Martin Luther King Jr. in 1963, is considered one of the most iconic speeches in American history. In it, King spoke about his dream of a world where all people are treated equally, regardless of their race.

Nelson Mandela's Inaugural Address: This speech, delivered by former South African President Nelson Mandela in 1994, is considered one of his most famous. In it, he spoke about his vision for a new South Africa, one that was free from the oppression of apartheid and where all people were treated equally.

These speeches demonstrate the power of political discourse and the impact that it can have on individuals and societies. They showcase the ability of politicians to inspire, motivate, and lead, and they serve as examples of the importance of effective communication in politics.

In conclusion, conventional conditionality is an important aspect of political discourse that can have significant implications for democratic societies. It can limit the range of ideas and opinions that are expressed in political discourse, lead to the use of euphemisms and other forms of indirect communication, and limit the ability of individuals and groups to express their opinions and ideas freely. As such, it is important for individuals and groups to be aware of the norms and rules of conventional conditionality and to work to ensure that political discourse remains open, diverse, and inclusive.

References

Altieri M.A. Agroecology and the Design of Climate Change-Resilient Farming Systems / M.A. Altieri, C.I. Nicholls // *Agronomy for Sustainable Development*. – 2017. – 37 (1). – P. 1–14.

Ensslin A. Canonizing Hypertext: Explorations and Constructions / A. Ensslin. – London: Continuum, 2007. – P. 23–38.

Fetzer A. Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives / A. Fetzer, G.E. Lauerbach. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – P. 31–109.

Islam M.A. Islamic Political Economy: A Comparative Study of the Islamic and Conventional Paradigms / M.A. Islam, M.K. Hasan // *Journal of Islamic Economics, Banking and Finance*. – 2019. – 15 (1). – P. 1–18.

Kolesnikova E. Current concepts of political discourse in modern Russian and Chinese media. *Journal of Russian Studies* / E. Kolesnikova. – 2023. – 6 (1). – P. 1–15.

Krylova A. Lexical markers of unity in Russia's state programmatic documents: Words with the morpheme -edin- / A. Krylova // Russian Linguistics. – 2019. – 43 (2). – P. 123–137.

Krylova A. The Discursive Construction of National Identity in Russian Political Discourse / A. Krylova // Journal of Multicultural Discourses. – 2017. – 12 (1). – P. 1–16.

Krylova A. The Role of Political Discourse in the Formation of National Identity in Russia / A. Krylova // Journal of Language and Politics. – 2018. – 17 (2). – P. 221–239.

Kuznetsov A. Axiological Foundations of Russian Statehood: “Truth” and “Justice” in the Domestic Ideological and Political Discourse / A. Kuznetsov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2021. – 14 (2). – P. 191–204.

Concept as a unit of linguistic and cultural research

linguistics, linguoculturology, concept, mentality, stereotypes

In linguistics, there is a tendency to study language as a productive way of interpreting human culture. This is explained by the fact that language is the key to the human system of thought, the nature of the human soul, and helps to characterize the situation.

Some linguistic trends in the history of linguistic thinking relationships can be named as follows:

- 1) According to the logical aspect of linguistics, special attention is paid to the thinking function in the formation and development of language;
- 2) The naturalistic direction in linguistics is materialism, which interprets language as made of the solid materials of its natural organism;
- 3) The structuralist orientation in linguistics places the function of language on the independence of thought, its influence on thought;
- 4) Psychological orientation in linguistics excludes the influence of the logical structure of language on the connection, unity and grammatical structure of language and thought [Nurdauletova 2011: 17].

Among the tasks of linguistics and culturology are the study and deciphering of language and culture, language and ethnicity, as well as the relationship between language and the human soul [Maslova 2001: 28]. The basis of the categorical apparatus of language culture is the concept of linguistic personality.

This article focuses on the term 'concept', which is a basic term in the conceptual apparatus of cognitive linguistics. Basic multidimensional research requires to analyze the most diverse levels or layers of language using different research techniques. The lexical and expressive level of language is dominant, a person's material reality and therefore spiritual culture is most clearly fixed in a symbolic form, and more values usually reflect the system of society, moral, ethical and aesthetic preferences. The concept has a complex structure. This heterogeneity appeared from the very beginning of cognitive research. At this stage of the development of cognitive linguistics, this problem continues to arouse the interest of linguists, who provide their own theory, each of which describes the structure of concepts.

According to M.V.Nikitin, the internal structure, the content of concepts and their systematic connections ultimately determine the structure of the real world and even the structure and content of a person's collective activity [Nikitin 2004: 53].

At the linguocognitive level, not only the vocabulary of the linguistic personality is determined, but also the cognitive aspects of communication are

covered. At the linguocognitive level, two main plans of communicative communication are identified and analyzed:

1) The generalizing aspect (convenient for any discourse, communication in any language);

2) The national deterministic series (relevance in national discourse, which determines the specificity inherent only to the nation itself).

The conceptual picture of the world can be different for different people, for example, representatives of different times, different social, age groups, different branches of scientific knowledge. People who speak different languages may have a conceptual picture of a different world, similar in certain situations, or people who speak the same language.

The concept, as a spiritual formation of a high degree of abstraction, is mainly related to the word. These are signs of the place occupied by this sign in the lexical system of the language. The semantic structure of the tangent concept of this paradigm also includes practical information about linguistic symbols related to syntactic and word formation, expressive and nonverbal functions that are very consistent with 'experience'. In addition, the 'power' of the spiritual values he sends [Stepanov 2007: 41].

Another possible element of the semantics of the concept of language is the cognitive memory of the word, which is associated with its main purpose and the system of spiritual values of native speakers. However, conceptually, it turned out that the most important here are the so-called cultural and ethnic elements that determine the semantic details of the natural language unit and reflect the speaker's 'linguistic image of the world'.

It is known that this concept is included in many cognitive, emotional and behavioral stereotypes in areas related to the soul of the country. The boundaries that divide thinking and mindset - concepts in a broad sense and concepts in a narrow sense - are sufficiently different. The only criteria here are the degree of mass characteristics reflected in the lexical semantics of the language and the invariance of cognitive and psychological stereotypes [Dobrovolsky 1997: 37].

The concept is related to the category of meaning. The meaning of the name is an object with a certain name (expression), the meaning of which is the concept of this expression, which allows you to name this topic with an emotional-linguistic-cultural interpretation. This concept is defined in the standard formula of the logical formula 'prototype, gestalt structure'. The semantic meaning and meaning practically change. The concept of representation is necessary and sufficient information to distinguish the class of objects, and it is replaced by a suitable representation - a collection of undifferentiated properties.

Therefore, there is a main approach to the linguistic understanding of the concept. Dictionaries are included in the concept, the meaning of which constitutes the content of national consciousness. D.S.Likhachev suggests that the integrity of such concepts constitutes the conceptual space of language, in which the culture of the country is concentrated [Likhachev 1991:280].

Language and word – language science in linguistics is revealed in the form of linguistic cognition and participatory relations at the modern, anthropospecific level of development. At the center of this understanding of the subject of linguistics is the image of concepts, that is, the values of linguistic cultural and participatory communication.

So, the concept is a unit of collective consciousness (referring to the highest spiritual values), has a linguistic expression, is marked by ethnocultural specificity and belongs to linguistic consciousness, therefore it is associated with its meaning.

References

Dobrovolsky D.O. National-cultural specificity in phraseology (1) / D.O. Dobrovolsky // VYa. – 1997. – P. 37–48.

Likhachev D.S. Logical analysis of language. Cultural concepts / D.S. Likhachev. – M., 1991. – 480 p.

Maslova V.A. Linguoculturology / V.A. Maslova. – M., 2001. – 204 p.

Nikitin M.V. Detailed theses on concepts / M.V. Nikitin // Questions of cognitive linguistics. – 2004. – P. 53–64.

Nurdauletova B.I. Cognitive linguistics / B.I. Nurdauletova. – Almaty, 2011. – 312 p.

Stepanov Yu.S. Concepts. Thin film of civilization / Yu.S. Stepanov. – M.: Languages of Slavic cultures, 2007. – 248 p.

Animalistic vocabulary in animal tales

animalistic vocabulary, zoonym, animal fairy tale, linguoculturology

Animalistic vocabulary has long attracted the attention of scientists and has not lost its relevance at different stages of the evolution of linguistic science. The semantics of animal names are studied in the aspects of cognitivism, linguoculturology, and ethnolinguistics. Animals in human life are not only a source of food, clothing, and transport, but also sacred symbols. Later, domesticated animals became helpers, and companions of people. Animalistic images fixed historical, cultural, and folklore archetypes and the mental perception of animal images by speakers of this language. If the biological classification of animals is carried out depending on their anatomical and physiological characteristics, then the classification of animal names in languages is based on human experience. Animalistic vocabulary occupies a fairly large place in the general vocabulary of the language and is a unique and informative material for research. Animalistic vocabulary is used by speakers both in describing everyday situations and as an artistic means of comparing the life of people, and their internal and external features with the peculiarities of animal behavior.

The term 'animalistic vocabulary' appeared in linguistics in the sixtieth of the XX century. The use of the term "animalistic vocabulary" is still debatable, since in modern domestic lexicology there is no single term for vocabulary and phraseological units denoting animals. The disadvantage of the term is its special dualism, which includes onomatological and appellative meanings that require additional clarification in certain speech acts and situations. I.V. Khakhalkina, O.V. Lavrova, N.V. Raspolykhina, I.V. Kurazhova, T.V. Kozlova, I.A. Kurbanov, A.Dangi, O.A. Preobrazhenskaya, A. Zhakupov, T. Konyrov, A. Raeva, and other linguists use the terms 'animalistic vocabulary', 'zoolexem', 'zoolexics', 'zoosemism', 'zoomorphism', 'zoometaphor', 'zoonym', etc. Having widely considered the synonymous use of the terms 'animalism', 'zoonym', and 'zoomorphism', let us turn to the reflection of the term 'animalism' in the scientific literature. Researcher T.V. Khakhalkina asserts the function of "naming animals in a direct nominative sense" and puts the terms 'animalisms' and 'zonyms' in one row [Khakhalkina 2002: 12]. O.V. Lavrova understands the lexical and semantic versions of words that act as common names of animals, and does not terminologically distinguish 'animalisms', 'zonyms', 'zonymic vocabulary', or 'animalistic vocabulary'. O.V. Lavrova calls the entire lexical and semantic group of 'animal names' animalistic vocabulary [Lavrova 2009: 15]. T.V. Kozlova defines animalisms as "words denoting representatives of the animal world, as well as

various metaphors" [Kozlova 2001: 10]. According to O.A. Preobrazhenskaya, all derivatives of animal names should be called animalism [Preobrazhenskaya 2019: 209]. Currently, there are separate scientific works related to animal names in Kazakh linguistics, but there are almost no research works that fully study the concept of animalistic vocabulary. For example, A. Zhakupov in his study considers the names related to camel breeding in comparison [Zhakupov 1989: 5]. In his work, T. Konyrov emphasizes that the designation of a person by the name of an animal using an analogy is unique in each language [Konyrov 2005: 6]. A. Raeva considers zoonyms as an element of culture and language, considering them as the main object of linguocultural research [Raeva 2021: 36]. However, we are forced to disagree with the above rules, because the concept of 'animalism' is much broader than, say, the concepts of 'zonym', 'zoomorphism'. Because each of them is functionally limited.

The article uses the term animalistic vocabulary because animal names are included in the concept of "animalism" in a direct nominal sense. In animalistic vocabulary, the features of understanding the linguistic picture of the world are visible. Animals play a symbolic role and act as reference carriers of certain human qualities, reflecting the experience of the people who speak this language. At the heart of animalistic vocabulary are figurative concepts associated with cultural and national standards, stereotypes, and reproducing the mentality inherent in a particular linguistic picture of the world in speech. The materials of the study were fairy tales in Kazakh and English. Since the names of animals were not carefully studied in the material of the collected fairy tales, the internal richness and linguistic features of the studied vocabulary were revealed through various methods.

When analyzing various animalistic vocabulary used in fairy tales of the Kazakh and English peoples, the comparative method, the method of component analysis, and the method of linguistic country studies were used. Animal tales, which are used in the analysis of animalistic vocabulary, were auxiliary in linguocultural analysis. Animals in fairy tales are usually compared with people, and their positive and negative qualities are described, which helps to plunge into the culture of a particular country, to understand how people treat animals.

"Dictionary of the Kazakh Literary Language" gives the following definition of a wolf: "A predatory animal similar to a dog, inhabiting steppes and forests, if it falls on livestock, it kills it, and is hunted for its valuable fur". Figuratively, "a greedy, tyrannical person". "Courageous, brave, stubborn person" in a positive sense [Dictionary 2011]. In the LingvoSoftOnline dictionary, the wolf is described as follows: "Carnivorous mammal, chiefly of northern regions, related to and resembling the dog; One regarded as predatory, rapacious, and fierce" [LingvoSoftOnline]. At the same time, in Kazakh and English fairy tales, the wolf usually appears in a hungry and stupid form. For example, in the fairy tale "The Foolish Wolf", the wolf is deceived by the sheep. *Sheep: "Release me, let me return to the fold, and bring my lamb to*

you." If you don't eat warm and soft, who will?" - says. The word "warm and soft" attracts the wolf. He lets the sheep go [Kazakh fairy tales 2020: 386].

The wolf in Kazakh and English fairy tales is in most cases a negative character. He is a strong and dangerous character, but at the same time, he is a naive and not particularly intelligent hero. He often gets into trouble because of his stupidity, maliciousness, and excessive trust in the Fox and other smarter characters. The name of the fairy tale "The Tell-tale Wolf" suggests that the wolf gossips. In this fairy tale, the wolf tells the sick lion that it is only the fox who has not come to ask how he is doing. The clever fox knows that the wolf does this and comes to the lion and tells him that he knows the good medicine for him is the wolf's whiskers. *When the Tell-tale Wolf came back home without his whiskers, his children did not know him* [Once upon a time 1969: 46].

In rare stories, the wolf still becomes a true friend and protector. For example, in the fairy tale "The Old Dog and the Wolf" the wolf helps the old dog who was driven by the farmer to the forest because of his age and uselessness. "Don't be sad," said the wolf. "We shall think of a plan. The farmer must take you back again!" [Once upon a time 1969: 41].

From the Kazakh and English fairy tales discussed above, we can conclude that the wolf personifies such character traits as stupidity, greed, deceit, as well as naivety, and stupidity. The wolf in fairy tales is always a negative hero.

We conclude that the names of wild animals are frequent in the animalistic vocabulary. In folklore, animals are given certain functions and appearances. Folklore heritage is a powerful energy that fills our inner world with images, souls, and the light of previous generations. Animals have their own stories, they talk, they trick, they deceive, and they have both good and bad qualities.

References

Dictionary of the Kazakh literary language. Fifteen volumes. Volume 14 / Compiled by: M. Malmakov, K. Yesenova, B. Hinayat and others. – Almaty, 2011. – 800 p.

Kazakh fairy tales. – Almaty: Writer. – T 1. – 2020. – 496 p.

Khakhalkina T.V. Nganasan zoonymy in formation and development: diss. Ph.D. Philol. Sci / T.V. Khakhalkina. – M., 2002. – 179 p.

Konyrov T. The nature of equations / T. Konyrov. – Almaty: Arys, 2005. – 512 p.

Kozlova T.Z. Ideographic dictionary of Russian phraseological units with animal names / T.Z. Kozlova. – M.: Business and Service, 2001. – 208 p.

Lavrova O.V. Country studies component of animal names in the aspect of intercultural communication: diss. Ph.D. ped. sci. / O.V. Lavrova. – St. Petersburg, 2009. – 265 p.

LingvoSoftOnline.

https://www.lingvozone.com/Lingvozone.com/images/top/logo_1.gif

Once upon a time. Fairy tales. – Leningrad: Enlightenment, 1969. – 93 p.

Raeva A. Commonalities and peculiarities on the motivational basis of zoo-phraseologisms (in Kazakh and Turkish languages) / A. Raeva // Bulletin of KazNU. Oriental Studies Series. – No. 4 (99). – 2021. – P. 34–44.

Raspolykhina N.V. The problem of the relationship between differently shaped signs of direct and indirect nomination: Author's abstract. diss. Ph.D. philol. sci. / N.V. Raspolykhina. – M., 1984. – 28 p.

Zhakypov A. Camel breeder's explanatory dictionary / A. Zhakypov. – Almaty: Kaynar, 1989. – 192 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.....	3
Бибик Е.А., Коноплева Н.В. Возможности перевода паремий, содержащих прилагательные с национально-культурным компонентом русского и английского языков.....	3
Боброва Н.Е. Англоязычные заимствования в сфере экономики.....	5
Бурлакова Э.В. Лексико-семантическая группа кровного родства в английском языке (на материале произведения Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах»)	8
Варламова Е.В., Тарасова Ф.Х., Тарасов А.М. Отражение национальной идентичности в лингвистическом ландшафте улицы Баумана (город Казань).....	10
Гилязова А.Е. Профессиональный дискурс юриста.....	13
Гололобова Н.И. Перевод фразеологических единиц с авторской трансформацией в произведениях Д. Роулинг.....	17
Губайдуллина С.Э. Лексические особенности терминов нефтехимической промышленности в английском и русском языке.....	21
Губина Е.А. Адаптация письма и письменного текста к электронной среде.....	23
Гурьянов И.О., Гурьянова К.А. Лексические особенности функционирования публичного дискурса на материале блогов Youtube.....	27
Донцов М.А. О соотношении категорий текста и дискурса.....	31
Ешенкова Н.Л. Англицизмы в диалоге современности.....	34
Жданова Е.А. Употребление постпозитивных частиц в севернорусском говоре (на материале корпуса русских говоров Удмуртии).....	37
Зайцева С.В. Термины, употребляемые при изготовлении тувинской традиционной одежды.....	40
Зотова С.В. Паралингвистические средства в информационных ресурсах Вооруженных сил Италии (на материале журналов Сухопутных войск Италии).....	43
Зырянова И.П. Интервью как жанр спортивного дискурса (на материале интервью с американскими спортсменами).....	47
Имамбердыева С.А. Анализ лексических единиц ювелирного искусства.....	50
Иргизова К.В. Использование English Vocabulary Profile для определения тематической направленности учебного текста.....	54

Кабахидзе Е.Л. Метафора в поли- и мономодальных текстах политических карикатур.....	58
Каменский А.А. Цифровой образовательный дискурс Германии в парадигме современных лингвистических исследований.....	63
Колабинова Т.И. Языковые особенности романа Марио Варгаса Льюиса «Город и псы».....	67
Кузнецова В.Ю. Метафора в устном переводе: проблемы передачи и способы их решения.....	70
Кузнецова К.А. Анализ потенциала аннотации как продвигающего текста.....	73
Лопсан А.П. Репрезентация образов мужчины и женщины во фразеологии и паремиологии тувинского языка.....	77
Макарычева А.В. Гуаранизмы в романе «Сын человеческий» Аугусто Роа Бастоса.....	80
Мухтарова Р.И., Валиуллина Ф.М. Стилистические приемы выразительности во фразеологизмах с гендерным компонентом в английском и татарском языках.....	85
Политова Л.В. Тематическая полифония как одна из примет устной спонтанной речи.....	88
Потякайло С.А. Развитие исследовательских лингвистических парадигм.....	92
Рязанцева Г.С., Рязанцева М.Д., Зливко С.Д. Приемы перевода терминологических архаизмов (на материале электронного словаря лингвистических терминов М.В. Ломоносова).....	96
Сафина Р.А., Салиева Р.Н. Контекстуальные трансформации фразеологизмов в немецком песенном дискурсе.....	99
Сорокина Е.А. Лайфхак как поликодовый текст.....	102
Сорокина Ю.С. Textoобразующие функции фразеологических единиц.....	107
Су Цзянь. Представления о дружбе в китайских и русских поговорках с точки зрения биоморфного кода культуры.....	110
Топорков П.Е. Предикатив в контексте актуальной языковой динамики XXI века.....	112
Третьяков А.А., Варламова Е.В. Синтаксическая структура в оценке качества англоязычных и русскоязычных новостных заголовков.....	114
Фатхрахманова Р.М. Использование зооморфной метафоры в английском политическом дискурсе.....	118
Фомин А.Г., Чоботар В.И. Особенности функционирования антропонимов в интерактивном цифровом художественном произведении (на материале форумных ролевых игр).....	121

Фомин А.Г., Габитов Ш.Р. Полидовый семиозис коммуникации на цифровых социальных площадках.....	125
Хай Цзин, Ян Шуди. Оценочная лексика в дискурсе цифровой дипломатии в соцсетях посольства России в Китае.....	129
Ху Цзымин. Роль оценки в реализации персуазивных стратегий в телевизионной рекламе.....	133
Церюльник А.Ю. Суггестивный потенциал вербальных и невербальных средств организации университетского контента в интернет-среде.....	137
Чернышев А.Б., Чернышева М.Е. Проект электронного идеографического многоязычного сопоставительного словаря: теоретический и экспериментальный подходы.....	141
Чернышова А.И. Анализ машинного перевода эллиптической причастной конструкции в сопоставлении с решениями переводчика.....	145
Чжан Ивэй. Концепт «дорога» в русской и китайской языковых картинах мира.....	149
Чорногор Ю.Ф., Ховричев М.А. Опыт использования ИИ для бинарной классификации письменных английских текстов по родному языку авторов.....	153
Шкилёв Р.Е. К вопросу об эквивалентности терминологических словосочетаний (на примере терминов области «Политика – власть – общество»).....	157
Шклярук Е.Я. От глаголов к междометиям: о некоторых особенностях новых маркеров-ксенопоказателей.....	160
Ямалетдинова К.Р. Лексические особенности английского спортивного медиатекста.....	164
Frolova A.A. Structuralist "Geometry": Narrative Constitution and Pragmatics of Diegetic Levels Subversions.....	168
Gatiyatullina L.F., Pavlova Y.I. A cognitive study of phraseological units' translation (using Translog II).....	170
Gimaletdinova G.K., Khalitova L.K. Participatory News Article: Genre Clarification.....	173
Kolar K. <i>Oprosti, ispričavam se, molim te</i> : identifying verbal politeness markers on the basis of Croatian teacher-student email communication.....	177
Pavlova Y.I., Gatiyatullina L.F. Conceptual metaphors in the fiction literature (based on the novels by Julian Barnes).....	181
Scalia D. The constructions with "andare" and "venire" in italian: periphrases, pseudo-coordination or serial verbs constructions?.....	184
Zhmurko L.S., Plankina R.M. Linguistic means of expressing emotivity in English mass media.....	188

КЛИНИЧЕСКАЯ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА.....	190
Борщевский И.С. Создание и восприятие текста тифлокомментария с точки зрения психологического синтаксиса...	190
Ветошкин А.А., Сергеева Н.С. Фонетическая мотивированность как переменная характеристика слова.....	192
Говорова Л.А., Лебедев Л.В. Психолингвистические аспекты процесса социокультурной адаптации мигрантов.....	196
Горобец Е.А., Гамирова Р.Г. Лонгитюдное исследование речи детей с моторной алалией: становление морфологических категорий.....	200
Иванова О.А. Расстройства импрессивной речи у детей в российских исследованиях XXI века.....	202
Карданова-Бирюкова К.С. Анализ характера использования адаптационных механизмов коммуникантами с разным уровнем владения иностранным языком: планирование и дизайн эксперимента.....	205
Лимонова И.С. Речевые нарушения при повреждении недоминантного полушария у правшей.....	208
Мустакова Т.П. Диагностика освоения детьми категории числа существительных.....	212
Резанова З.И., Владимирова В.Е., Коршунова И.С., Диброва В.С. Сбор, обработка и анализ психолингвистических данных: опыт создания цифровой платформы.....	214
Трифонов Т.А. Почему дети рассуждают о языке по- разному?.....	217
Унтила К.В., Тасенко О.А. Влияние шизофрении на лексический уровень языка.....	221
Хавкина И.А. Паремиологические единицы как субтест для определения уровня языковой компетенции у детей и подростков с типичным развитием и с речевыми нарушениями: пилотный эксперимент.....	225
Чермошнцева К.А. Метафора как механизм саморегуляции при стрессе у беременных (на примере дискурсивной метафоры <i>pregnancy is a journey</i>).....	229
Шайхутдинова Р.И. Различия в движениях глаз при выполнении задач на поиск букв у детей с разным уровнем развития навыка чтения.....	233
Lekhnitskaya P.A. A self-adaptive mobile videogame for improving the reading skill in dyslexia.....	237
ПАЛЕОРУСИСТИКА И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА...	240
Баранов В.А. Корпус «Манускрипт» как инструмент для палеославистических исследований: возможности и ограничения.....	240

Вольская А.С. Синтаксические особенности трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» в славянских переводах XVIII века.....	244
Иорданиди С.И. Опыт построения индекса словообразовательных морфем на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.».....	248
Новак М.О. Синтаксические решения в церковнославянских переводах «Церковных Анналов» XVII века	253
Токсубаева А.А. Напряженные редуцированные в рукописи Христинопольского Апостола XII века.....	257
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	260
Абрамова Е.И. Дендротопоним как результат когнитивного освоения пространства.....	260
Аграшева О.Е. Практическая реализация отдельных воздействующих стратегий в англоязычном политическом дискурсе.....	264
Айдарова А.М. Концепт «лень» в лексико-фразеологической репрезентации (на материале татарского и английского языков)....	267
Алымова Е.В. Возможности когнитивной лингвистики при проведении судебных лингвистических экспертиз.....	270
Анисимова Е.Д. Эволюционные изменения в восприятии концепта <i>violence/насилие</i> во французской социальной рекламе 2000–2023 гг.	273
Ахметов А.А. Манипулятивные технологии в политическом тексте: языковые средства.....	278
Ахметова Л.А., Шаймарданова М.Р. Метафорическая репрезентация искусственного интеллекта в современном англоязычном медиадискурсе.....	281
Беляева М.В. Концепт «семья» в немецкой лингвокультуре... ..	284
Бикмуллина Э.Р. Речевой жанр прощания в лингвоконцептологии.....	288
Борисенко Т.В. Актуализация концепта <i>семья</i> в повести А. Усачева «Жили-были ежики».....	292
Виноградова М.В. Экологическая составляющая в языковом сознании русских студентов конца XX века (по данным «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова).....	295
Воробьев В.В. Коммуникативная лингвокультурология как современный феномен осмысления и описания российской действительности.....	297
Воронина Т.М. Реализация образной схемы <i>целое/часть</i> в репрезентации универсального смысла <i>совокупность/отдельность</i> в русском языке.....	301
Гавриш А.Д., Гуляева Е.В. Предсказание и пророчество как актуализирующие факторы медиасреды.....	305

Гайбуллаева Н.И. Лингвокультурное, лексикографическое описание концептов «болезнь» и «здоровье» в узбекском языке....	308
Горбунова Ю.С. Концепты «время» и «пространство» в современном русском языке.....	312
Гремицкая М.В. Annahme и Vermutung как транспарентные концепты немецкоязычной картины мира.....	315
Гукосьянц О.Ю., Алимуратов О.А., Горжая А.А. Колоратив как одно из средств инициирования конфликта в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19.....	319
Даниленко И.А. Отличительные особенности милитарных текстовых форматов.....	323
Джагацпанян О.А., Танчук А.С. Синтаксические средства выразительности в современном англоязычном экономическом медиапространстве.....	326
Заримбетов А.А. Лингвокультурологические особенности концептов «гость» и «хозяин» в концептосфере «гостеприимство».	330
Зармасов Ш.Ш. Истоки метода моделирования в лингвистике	333
Зубков О.Д. Опускание информации как способ преодоления когнитивной нагрузки в синхронном переводе и его жестовое оформление.....	337
Иванова В.В., Чэнь Вэньбо. О лингвокультурологических особенностях заключительной формулы вежливости в деловой переписке с китайскими адресатами.....	340
Иванова Т.К. Языковые средства создания образа в медиапространстве и экспрессивность.....	342
Исакова Е.С., Литвиненко А.В. Лингвоаксиологический анализ публицистических текстов американских СМИ, посвященных военно-политической тематике.....	344
Исмаилова А.И. Роль языкового чутья в процессе активизации грамматических и лексических противоречий.....	348
Кдырбаева Г.К. Когнитивно-дискурсивный подход в лингвокультурологических исследованиях.....	352
Киров Е. Ф. Лингвокультурология и литературоведение как составные части филологокультуроведения, концепто- и филологосфера.....	355
Крайнова А.А. Метафора деления для номинации абстрактной категории «Время».....	359
Лю Ичао. Семантическая модель субъектного слухового восприятия в путевом очерке (на материале журнала «Вокруг света»).....	363
Магомедова З.З. Концептуализация летнего дождя в языковых картинах мира России и Англии.....	367
Мачулис А.А. Гендерная обусловленность использования местоимения 'I' в политическом дискурсе Уэльса на материале интервью представителей политического истеблишмента Уэльса..	371

Миронова М.Ю. Динамика языковых способов объективации критического отношения к научному знанию (на материале англоязычного научного дискурса).....	375
Мубаракшина А.М., Шакирова Д.Ш. Паремиологический код как идентификатор лингвокультурной информации.....	379
Наби Али Габбасулы. Концепты как объект лингвистического исследования.....	382
Насибуллова Г.Р., Газиева Ч.Ф. Текстовое ассоциативное поле как средство выражения идиостиля писателя (на материале рассказа М. Степновой).....	386
Николаева Т.Ю. Когнитивные процессы и формирование самопредставления в онлайн-сообществах: гендерная перспектива.....	390
Носиров О.Т., Некова Р.К. Репрезентация концепта «весна» и «осень» в русской и узбекской поэтической картине мира...	393
Нурутдинова А.Р., Фаттахова Н.Н. Различия в культурных универсалиях в интерпретации феномена эмоций.....	397
Огнева Е.А. Траектории обновления концептов.....	401
Оломская Н.Н., Зиньковская А.В. Основные механизмы генерирования ИИ фейковой информации в современном медиaprостранстве.....	405
Оломская Н.Н., Юрова Е.А. Использование нейросетей с целью языкового манипулирования в политическом медиадискурсе.....	408
Ошанова Е.С. К вопросу о прагматической нагрузке частиц удмуртского языка.....	412
Песина С.А., Комиссарова Л.С. Когнитивно-прагматический и ценностный подход к формированию квалификационного переводчика.....	417
Пильщикова О.А. Речевое взаимодействие адвоката и свидетеля в испанском юридическом дискурсе.....	421
Романенко О.В. Тематическая принадлежность и время издания новостного интернет-дискурса как факторы коммуникативной динамизации.....	424
Смирнова А.Г. Когнитивная интерпретация лексемы «Sicherheit» со значением <i>Zustand des Sicherseins</i> в современных контекстах.....	427
Соколова А.В. Особенности русско-английского последовательного перевода хедж-структур, содержащих глаголы ментальных действий.....	431
Солошенко М.А. Прагматический потенциал суффикса -ish в образовании окказионализмов (на материале интернет-шоу Critical Role по мотивам настольно-ролевой игры Dungeons and Dragons).....	435

Спиридонова В.А., Варлакова Е.А. Прагмасемантические особенности порождения англоязычного интернет-коммента (на материале авторского редактирования в социальной сети F*).....	439
Сулейманова О.А., Водяницкая А.А. Трансляция ценностных смыслов в процессе академического взаимодействия.....	443
Уланова Е.Э. Роль невербальной коммуникации в исследовании речевого поведения языковой личности.....	447
Фань Юйвэнь. Когнитивно-прагматические характеристики речевого жанра «разговор взрослого с ребенком» на материале рассказов для детей Т.В. Михеевой «Юркины бумеранги».....	451
Халиуллина Д.А. Когнитивная сфера коммуникативного пространства оружейного дискурса Удмуртской Республики.....	454
Хэ Янян. Взгляд Вежбицкой на язык, познание и культуру.....	457
Чжао Цзяи. Проблемы изучения заимствованных слов.....	460
Шестопалова А.М. Английские квазисубъектные модели в залоговой перспективе.....	463
Щербакова О.В., Обольская В.А. Уровневый подход к изучению понимания текста.....	466
Юлдашева Д.Н. Некоторые мысли философов о тишине	469
Юрикова К.Ю. Топоним «Елабуга» в творчестве Д.И. Стахеева и С.Т. Романовского: сопоставительный анализ.....	473
Karavaev A.V. The Conventional Conditionality of Political Discourse.....	477
Kuchshanova A.N. Concept as a unit of linguistic and cultural research.....	480
Zhetessova Zh.A. Animalistic vocabulary in animal tales.....	483

*Данная социальная сеть запрещена на территории РФ.

Для заметок

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА:
КЛЮЧ К ДИАЛОГУ**

**Труды и материалы
IV Казанского международного лингвистического саммита**

Казань, 13–15 декабря 2023 г.

Том 1

Подписано в печать 01.07.2024.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Arial».

Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 27,45. Тираж 100 экз. Заказ 54/7

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)